

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1946

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

3 (17)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
А. В. МИШУЛИН

СПИСОК ОПЕЧАТОК К ВДИ, № 3 1946 г.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
61	22 снизу	Даорвания	Дарование
129	21	l'ah	J'ah
135	12 сверху	хамр	храм
206	5 снизу	ΣΙΝΩΛ	ΣΙΝΩΝ
219	23 сверху	прѣцарапанными	процарапанным
224	24	Спартакидов	Спартокидов
240	2	HEU RTLEY	HEURTLEY
254	9	inocence	innocence
256	26	аналогетом	аологетом

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ АНТИЧНОСТИ

С^тоящая перед советскими учеными задача — превзойти достижения зарубежной науки — выдвигает перед историками древности не только необходимость полнее и лучше овладеть источниками и материалами и обогатить науку новыми материалами; это — лишь необходимое условие для дальнейшего роста марксистско-ленинской исторической науки. Основная задача в том, чтобы глубже исследовать *законы* истории, всерьез «заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»;... «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»¹.

Необходимость изучения экономики общества силой вещей навязывается и буржуазным историкам античности. За последние двадцать лет вышло значительное количество трудов по социально-экономической истории древности, систематизирующих громадный исторический материал, а также ряд специальных исследований. Но труды буржуазных историков по существу ничего не дают для правильного понимания не только социально-экономической, но даже политической истории. Дело в том, что экономика, политика, идеология трактуются в них как равноценные «факторы» истории, между которыми в лучшем случае авторы пытаются установить взаимодействие, а движущие силы исторического процесса и его закономерности не вскрываются.

Экономические категории в буржуазной историографии обычно трактуются как вечные и неизменные, а по сути дела — как капиталистические.

В капитальном труде (1239 стр. большого формата) Ф. Гейхельгейма «Die Wirtschaftsgeschichte des Altertums» (Leyden, 1938), охватывающем громадный период от каменного века до VIII в. н. э., изложение так и построено по отдельным отраслям хозяйства, остающимся неизменными по своей сущности на протяжении тысячелетий. Гейхельгейм усматривает промышленный капитал уже в неолите, а с другой стороны, охота фигурирует как отрасль хозяйства на равных правах и в эпоху палеолита и в средние века.

В основе такого рода концепции экономической истории древности лежит, часто не сознаваемая авторами, тенденция — доказать неизбежность буржуазного строя общества, поскольку его элементы якобы «вечны». В некоторых случаях буржуазно-классовая природа модернизации древности не ускользает от внимания даже буржуазных историков. В рецензии

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

на труд М. Ростовцева об эллинизме А. Момильяно отмечает, что Ростовцев известен читателям своей верой в «буржуазные добродетели», и при этом упрекает его за то, что он отождествляет эллинистическую «буржуазию» с настоящей, «эллинистическую цивилизацию» с буржуазной¹. Впрочем, рецензент и сам видит в эллинистическом мире категории буржуазного общества, но только с известными, свойственными эпохе особенностями.

Модернизация античности—явление не новое. Идеологи революционной буржуазии XVIII в. в борьбе против феодализма и средневекового мировоззрения подвергали беспощадной критике и отменяли все установленные авторитеты, провозглашали царство разума. При этом они искали опоры для новых революционных идей в идеализированных образах античной древности. Деятели французской революции давали себе даже античные имена (Анаксагор Шометт, Грахх Бабеф и др.). «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции, что равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а самым существенным из прав человека объявлено было право буржуазной собственности»². Революционные идеи буржуазии превратились в свою противоположность. Античность модернизируется не во имя прогрессивных идеалов, а для утверждения колеблющихся основ одряхлевшего капиталистического мира. Появляющаяся в последнее время на эту тему, особенно в США, популярная литература (вроде книги Haskell, *New deal in old Rome*) лишена поэтому научного значения.

Порочность методологии истории в трудах буржуазных историков приводит к тому, что кардинальные вопросы истории древности до сих пор у них не только не решены, но все больше запутываются. Особенно разноречивы мнения и представления о причинах падения Западной Римской империи. Уже в древности историки, сами бывшие свидетелями упадка империи, пытались осмыслить происходящие события. Зосим из Газы в своей «Истории», доведенной до 410 г., проводит ту мысль, что своим величием Рим был обязан покровительству отечественных богов и по мере того, как древняя религия уступала место нечестивому христианству, империя падала все ниже. Напротив, Орозий, озаглавивший свой труд «*Historiae adversus paganos*», старается показать, что христианство не повинно в упадке империи, что оно скорее смягчило тяжесть ударов, под которыми трещала римская держава. Эти древние толкования исторического процесса относятся скорее к сфере богословия, чем науки. Но и в наши дни буржуазные историки не могут дать сколько-нибудь удовлетворительное, даже с их точки зрения, решение проблемы падения Римской империи. Крупнейший современный историк М. Ростовцев в своем обширном труде «*The social and economic history of the Roman Empire*», вышедшем в 1926 г., признает свое бессилие решить эту проблему. А в статье «*The decay of the ancient world*», написанной в 1930 г.³, Ростовцев пытается просто устранить самоё проблему и отрицать факт падения империи. Для того времени, полагает Ростовцев, это было нормальным путем развития. Правда, империя распалась (что имело и свою положительную сторону, ибо привело к созданию европейских наций), зато консолидировалась церковь. Исчезла античная культура, но вместо нее создалась христианская культура. Таким образом, потери и достижения балансируются. Конечно, Ростовцев как историк не может не видеть факта упадка, но

¹ JHS, LXIII (1943), стр. 116—117.

² Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Избранные произведения К. Маркса, т. I, стр. 105.

³ «*The Economic History Review*», II, 2 (1930).

усматривает причины его в том, что, во-первых, Римская империя была слишком мала и бедна, чтобы создать железные дороги, фабрики и вообще крупную промышленность; во-вторых, Рим должен был отдавать все свои силы защите границ. Здесь же Ростовцев всерьез разбирает и критикует теорию некоего профессора Hunnigton, объясняющего падение Римской империи климатическими изменениями («пульсирующий климат»).

На конференции классиков, состоявшейся в Оксфорде 5 сентября 1942 г., Norman H. Baynes выступил с докладом «Об упадке Римской империи в Зап. Европе»¹. Он последовательно разобрал и отверг одну за другой циркулирующие в буржуазной историографии теории — Зеека, Т. Франка, Нильсона, М. Ростовцева — и выдвинул свою собственную: падение Западной Римской империи объясняется полным расстройством коммуникаций на Западе и упадком Италии как источника доходов и резервуара людских ресурсов; на Востоке Малая Азия сохранила свое благосостояние и людей, дав, таким образом, Восточной империи силу простоять еще 1000 лет. Эта теория не очень нова; ее выдвинул в 1938 г. Ф. Гейхельгейм в своей «Wirtschaftsgeschichte des Altertums». Но она, кроме того, ничего не объясняет, а лишь отодвигает вопрос: в самом деле, а чем объясняются расстройство коммуникаций и упадок Италии?

В статье на эту тему, помещенной в JRS, Baynes иронически замечает, что «римскому крестьянину и солдату III в. н. э. не было дано в откровении евангелие от Маркса»². Так отделяется шуткой невысокого пошиба солидный ученый от исследования социально-экономических отношений в Римской империи, единственно правильного пути решения проблемы.

Бессилие буржуазных историков объяснить падение империи — результат их буржуазной ограниченности. Они подходят к античности с меркой современного капиталистического общества, некую модификацию которого они усматривают и в древнем Риме. Они не желают и не могут видеть в истории смену общественно-экономических формаций, в частности, не признают существования рабовладельческой формации с особыми, присущими ей закономерностями. Даже те историки, которым их историческое чутье подсказывает мысль о рабовладельческой основе античных обществ (например, Тарн), не делают отсюда надлежащих выводов и в лучшем случае пытаются учесть «фактор рабства».

В сущности, все эти установки буржуазной историографии, игнорирующие историческую смену типов производственных отношений, означают принципиальное отрицание прогрессивного развития человечества. Эд. Мейер прямо выдвинул теорию цикличности исторического процесса: буржуазное общество является пределом, за которым круговорот начинается сначала, чтобы снова замкнуться на буржуазном строе. Анти-историческим концепциям буржуазной историографии, модернизации античности ради утверждения идеи незыблемости капитализма советские историки, вооруженные великой теорией марксизма-ленинизма, должны противопоставить подлинно научное исследование античности, исследование ее специфических закономерностей, позволяющих определить ее действительное место в истории, как одного из этапов в прогрессивном движении человечества к высшему типу общества — коммунистическому. Руководясь марксистско-ленинской теорией, советские ученые, исследуя и правильно используя материалы источников, могут успешно разрешить проблемы, перед которыми бессильна буржуазная наука. А таких проблем еще немало.

¹ См. Toynbee, The classics in wartime, «Antiquity», XLII, № 63 (1943).

² The decline of Roman power in Western Europe» JRS, XXXIII (1943), стр. 134.

В области истории Римской империи много споров вызывал и вызывает прежде всего вопрос о возникновении империи и определение ее сущности и исторической роли. Возникновение империи обычно изучается с формальной точки зрения. Был ли принципат видоизменением республики, или же мы имеем здесь дело с диархией (двувластие), или же, наконец, здесь перед нами завуалированная республиканской терминологией монархия? Решение этого вопроса с чисто юридической позиции невозможно; споры по этому поводу могут дать и дали очень интересные частные исследования и очень ценные побочные результаты, но по существу они остаются бесплодны. Возникновение империи было общественным переворотом, а переворот в том и состоит, что он порывает, в частности, с существующими правовыми нормами, из которых его, следовательно, нельзя вывести.

В своем «завещании» Август лицемерно заявляет, что в 27 г. он передал власть в руки сената и народа; фактически с этого дня прекращается власть сената и народа. Август ссылается на то, что он в течение своего правления действовал на основании полномочий, полученных им в качестве республиканского магистрата, особенно на основании проконсульства и трибунской власти; время от времени он делал великодушный жест, отвергая те или иные должности, какие ему раболепно подносил сенат. Но все эти республиканские должности и полномочия, какие Августу угодно было принять на себя, не были по существу республиканскими ни по характеру самой должности (неограниченные сроки, несменяемость), ни по источнику власти, связанной с должностью. Источником власти Августа была не комедия избрания, не волеизъявление народа, а военная сила, вознесшая Октавиана в диктаторы. Поэтому уже Тиберий упразднил комитии как совершенно ненужную фикцию. А сенат, от которого формально императоры получали власть, фактически был послушным орудием в руках императора, от которого зависели и личный состав, и функции, и права сената. Не сенат и народ были источником власти императора, а наоборот, реальным источником власти сената и сохранившихся республиканских магистратур был император, и если ему иной раз угодно было играть в республику, это дела не меняет.

«Республиканский» характер принципата столь же нереален, как и другая выдвинутая сторонниками военной диктатуры фикция, будто императорская власть избавила народ от «тирании» тех или иных политических группировок и вернула народу «свободу». Эту мысль пустил в обращение еще Цезарь, объявивший себя защитником свободы римского народа (b. civ. I, гл. 2). Август в тех же выражениях объявляет себя восстановителем свободы; о том же гласят надписи, статуи, воздвигнутые в честь свободы, монеты. Защитниками свободы объявляли и Клавдия, и Нерона, и Гальбу, и Веспасиана и других императоров, даже Требониана Галла. Но эта «свобода» в действительности означала прекращение политической и общественной жизни, подчинение всех воле и даже самоуправству диктатора.

Моральной опорой императорской власти было «всеобщее убеждение, что ...если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью» (Энгельс, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 606). Это убеждение у покоренных римлянами народов и в широких массах было выражением бессилия в борьбе за сохранение своей свободы и независимости, а у высшего слоя правящего класса — рабовладельцев — выражением жажды твердой власти, которая могла бы держать в узде угнетенные массы, в первую очередь — рабов.

Всеобщее отчаяние заставляло видеть в императоре посланного небом спасителя. Спасителем провозглашали Августа и последующих импера-

торов не только в хвалебных надписях, но и в произведениях поэтов и писателей. Это было выражением не только раболепия перед всемогущим самодержцем, но и классовых воцелений рабовладельцев; народные же массы искали спасителя не среди императоров, а в чисто религиозной сфере и нашли его в христианском учении.

Конечно, не во всей империи и не во всех слоях населения отношение к императорской власти было одинаково, а исторически сложившийся в Римской республике новый монархический институт не был восточной деспотией, возникшей в иных исторических условиях, имевшей иные корни. Республиканские идеи, учреждения, методы управления, формы гражданственности не были начисто отменены новой императорской властью. Ведь даже коренная революция многое сохраняет от прежнего режима. Империя многое унаследовала от республики. Да и республиканские фикции имели известное значение. Они в некоторой степени обязывали; они делали менее чувствительным переход от республики к монархии, поддерживали преемственность в области права, в организации управления на местах, в финансовой системе и т. д. Но необходимо отрешиться от взгляда на империю как на продолжение, хотя бы в других формах, республиканского режима. Империя означала политический переворот, бывший результатом серьезного и глубокого общественного кризиса. Если современники не замечали (или делали вид, что не замечают) насильственного характера переворота, то, главным образом, потому, что после Акциума Октавиан не прибегал к открытому применению силы: одной скрытой угрозы достаточно было, чтобы сделать сенат послушным воле победителя.

Да и кто мог оказывать сопротивление императорской власти? Неорганизованные, распыленные народные массы граждан, лишившиеся своего экономического и военного значения и потому политически инертные? Городской люмпен-пролетариат, развращенный политикой хлеба и зрелищ и поставлявший кадры для императорской армии? Рабы? Бесправные, они не были прямо заинтересованы в характере политического режима и, по выражению К. Маркса, составляли лишь пассивный пьедестал для борьбы между свободными богачами и свободными бедняками. А «свободные богачи» как раз и были тем классом, во имя которого и установлена была диктатура. С середины I в. до н. э. борьба собственно велась лишь вокруг вопроса о том, кто осуществит эту диктатуру.

Противоречия между богатыми и бедными, римлянами и италиками, Римом и провинциями дополняли собою основное противоречие—между рабовладельцами и рабами. Массовые восстания рабов в Сицилии, грандиозное восстание Спартака глубоко потрясли основу римского государства.

С начала I в. до н. э. Рим вступил в полосу глубокого социального, экономического и политического кризиса. Поражение спартаковской революции делало революционный выход из кризиса в условиях того времени невозможным.

Кризис разрешился иным путем—установлением военной диктатуры. Демократия была подавлена в интересах господствующего класса. Новый режим—империя—был основан на насилии. Он сохранил все органические пороки рабовладельческого строя общества, вступившего в свой последний этап, за которым должна была последовать гибель или коренная революция.

Исследование кризиса последнего века республики, не политического только кризиса, о чем написано немало, а глубокого социального разложения, приведшего к возникновению империи,—первая задача, которую надлежит решить историкам-марксистам, чтобы понять существо Римской империи и ее историческую роль и подойти к правильному пониманию причин краха античного рабовладельческого общества. Над этой пробле-

мой работают наши ученые, и надо полагать, что в ближайшие годы она будет успешно разрешена.

Исследование движущих сил, определивших судьбу империи на протяжении пяти веков ее существования, — другая важная историческая проблема.

Буржуазные историки видят только «величие» Рима в первые два века империи, за которым «внезапно» наступает упадок. Причину этого упадка ищут в личности императоров — в смене «добрых» Антонинов «солдатскими императорами», в стихийных бедствиях, в отсутствии машин, в моральном упадке, в разлагающей силе христианства, даже в климатических изменениях, но не там, где ее можно найти, — во внутренних противоречиях рабовладельческого производства и рабовладельческого строя общества. Рабский труд, составляющий консервативную, по выражению К. Маркса, техническую базу античного общества, и связанная с ним ограниченность товарного производства и торговли делают рано или поздно движение вперед невозможным. Исторический смысл образования Римской империи состоял в том, чтобы найти возможность роста экономической силы господствующего класса на старой основе путем усиления эксплуатации непосредственных производителей в Италии и в провинциях. Естественно, что успехи рабовладельческого класса не могли быть прочными и глубокими; они лишь углубляли основные общественные противоречия и подрывали основы рабовладельческого строя общества.

Империя означала конец изжившей себя гражданской общины города Рима. В отличие от Римской республики империя, рассматриваемая на протяжении ее истории в целом, представляла единое государство, в котором было гораздо больше органического единства, чем в эфемерных «мировых» державах древнего Востока или даже в эллинистических государствах. Различия между Италией и провинциями постепенно сглаживались. Создавались условия для более рационального использования богатых экономических ресурсов провинций, для установления регулярных экономических связей Италии с провинциями и провинций между собой. Это означало укрепление позиций господствующего класса, расширение экономической базы общества до границ тогдашней ойкумены.

Для эллинистического Востока включение в состав империи означало, — несмотря на дороговую цену, какую народам Востока пришлось заплатить за это объединение, — выход из безнадежного кризиса, в который вновь, в силу внутренних пороков рабовладельческого строя общества, вступил эллинистический мир во II—I вв. Омоложенный римским завоеванием, эллинистический Восток получил возможность заново повторить процесс своего развития на высшей ступени. Это важное обстоятельство обычно оставляется без внимания; образование Римской империи рассматривается лишь в аспекте истории Рима. Но это был громадного исторического значения поворот и в истории эллинистического Востока. В новом объединении, на этот раз под властью Рима, Восток получил новый толчок для экономического подъема, и в период всеобщего разложения, неизбежно наступившего в империи, Восток сохранил значительную устойчивость.

Политическое единство, созданное Римской империей, было гораздо более прочным и глубоким, чем единство, созданное эллинизмом. По мере того как гражданские права превращались постепенно в формальное звание, за которым уже не оставалось реального содержания, оно все шире раздавалось провинциалам. Уже при Августе, как об этом свидетельствуют надписи из Киренаики и Розосская надпись, появляется система двойного гражданства (получивший римское гражданство остается вместе с тем гражданином своего города) — переход от гражданства отдельного города к гражданству общегосударственному. Римский гражданин, по старым

понятиям,—гражданин *города* Рима, становится гражданином, затем просто подданным Римской империи.

Расширение римского гражданства в период империи до сих пор еще не исследовано, так как материалы для этого недостаточны¹. Но тот факт, что дарование гражданских прав всему населению империи в 212 г. не произвело большого впечатления на современников, показывает, что к моменту издания эдикта Каракаллы римское гражданство не было ни особо ценной, ни особо редкой привилегией. Во всяком случае эдикт Каракаллы, несомненно, лишь завершил процесс расширения римского гражданства, неуклонно продолжавшийся в течение двух столетий.

Тенденция к всеобщему уравниванию проявлялась не только в сфере политическо-правовой. Единая империя ломала и сметала во всех провинциях старинные установления, обычаи, местное законодательство, культурные традиции, предавала забвению даже местные языки. Многочисленные народности, еще связанные со старым общинным бытом, не изжившие естественно-родовых связей, растворялись в едином народе, в котором исчезли и сами римляне, *populus Romanus Quiritium*. Латинский язык на западе, греческий на востоке (хотя и не в такой степени, как латинский) стали господствующими, если не единственными, языками. Интересно, что название «римляне» (ромей) было присвоено восточным грекам. Даже в такой консервативной сфере, как религиозной, тенденция к выравниванию всего населения сказалась особенно отчетливо. Новая религия, христианство, не признававшая ни эллина, ни иудея, ни варвара, обращавшаяся ко всем без различия, захватывала все более обширные массы населения, *вопреки* сопротивлению императорской власти.

В этом процессе нивелирования заключалась прогрессивная историческая роль Римской империи, облегчившей таким образом возможность перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации и к образованию впоследствии европейских наций.

Но не следует забывать, что Римская империя представляла *последнюю* стадию рабовладельческого общества, стадию разложения формации, что связано с обострением классовых противоречий, усилением гнета над массами трудящихся; вызревают элементы новых общественных отношений, нарастают силы, которым предстоит, при благоприятных исторических условиях, свергнуть рабовладельческий строй общества. Поэтому вызванный образованием единой империи экономический подъем сопровождался жестоким угнетением трудящихся. Политические кризисы принимают все более затяжной и тяжелый характер; даже военная мощь, на которую опиралась диктатура, таила в себе элементы разложения императорского режима.

Август завершил процесс превращения народного ополчения в профессиональную армию. Разорение крестьянства, лишившее его и политического значения, привело к созданию нового типа войска, оторванного от народа, способного стать антинародной силой. В организации военного дела единоличная верховная власть императора выступала совершенно

¹ Попытку в этом направлении сделал E. Schönbauer в ZSSst, т. 49, 1929, стр. 402 сл. Работа Сп. E. Goodfellow, Roman Citizenship, Lancaster, 1935, мало удовлетворительная, доводит исследование только до смерти Августа, см. AJPh, LIX (1938), рец. Мейера Рейнольда. Очень интересный, но, к сожалению, слишком ограниченный материал собран в посмертном произведении У. Рамсэя (W. M. Ramsay, The social basis of Roman power in Asia Minor, Aberd., 1941). Этому же вопросу посвящена статья Н. А. Машкина, Из истории римского гражданства, в «Изв. Акад. Наук СССР», серия ист. и философии, № 5 (1945), стр. 359—372; F de Vischer, Le statut juridique des nouveaux citoyens romains et l'inscription de Rhosos, «Antiquité class.», XIII (1944), стр. 11—35.

открыто, без республиканских фикций. Здесь не могло быть и видимости компромисса, ведь армия была опорой монархии. Преторианские когорты и личная гвардия императора стали новой силой, не только поддерживавшей императора против народа, но и диктовавшей свою волю императорам. Отныне и Рим и Италия получили, как и провинции, гарнизоны. Вопрос о власти решается не в римских учреждениях, а в ставках легионов, в тесном кругу преторианских вожаков. Преторианский режим вначале прорывался наружу лишь в моменты кризиса, а с конца II в. стал уже нормой.

В силу инерции в первое столетие империи в Риме и Италии и после установления военной диктатуры продолжали существовать элементы общественной жизни, яркую картину которой дает Помпея. Императорам приходилось считаться с некоторыми вековыми традициями, поскольку они, не затрагивая существа верховной власти, облегчали задачу управления городами и вместе с тем скрашивали реальную действительность, создавали иллюзию у современников (и у некоторых нынешних историков), будто ничего особенного не произошло. В действительности участие в политической жизни государства было заменено суррогатом общественной жизни, заполнявшейся местными будничными делами.

Если таково было положение в Италии, то еще хуже обстояло дело в провинциях, где римляне по праву завоевателей лишали покоренные страны политической независимости, повсеместно подавляли демократию, подвергали беспощадной эксплуатации трудящееся население. Это не было результатом злой воли того или иного «тирана». Это было вполне закономерным продолжением римской завоевательной политики периода республики, когда Рим воевал «из-за раздела добычи, из-за того, кому больше угнетать или грабить». В этом смысле Рим «осуществлял империализм»¹, бывший неизбежным в условиях рабовладельческого общества, основанного на апроприации личности непосредственного производителя. Т. Франк, М. Олло и другие прекраснодушные историки, пытающиеся отрицать или облагородить «римский империализм», обнаруживают непонимание специфических особенностей рабовладельческого способа производства. В период империи, когда завоевательные устремления Рима были ограничены, эксплуатация масс населения провинций усилилась, превратилась в узаконенную *систему* грабежа.

Нивелирование условий общественной жизни и жестокие приемы, которыми оно достигалось, были результатом и средством органического включения провинций в состав единой империи, что было — для восточных провинций — исторически необходимым этапом. Тягостный и все более мучительный для трудящихся этот процесс на первых порах пошел на пользу рабовладельческому классу. Оживилась экономика восточных провинций, создавалась возможность большего развития общественного разделения труда. В городах Малой Азии и Сирии производство и торговля достигли высокого — в масштабах античности — уровня. По сравнению с разорением и ограблением провинций в период гражданских войн конца республики можно говорить о процветании городов в наиболее передовых провинциях благодаря длительному миру и налаженному транспорту, позволившему гирапольскому купцу Зевксису совершить 72 раза путешествие из Фригии в Рим, о чем он сообщает в своей надписи. Но это процветание означало углубление классовых противоречий, накопление богатств и усиление роскоши в верхах общества и обнищание масс, обогащение богатых и разорение бедных. Для понимания движения рим-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 137; т. XXI, стр. 305.

ского рабовладельческого общества необходимо видеть его двойственность и противоречивость; тогда окажется, что крах империи не был случайностью, что его причины заложены в самом существовании рабовладельческого общества, переживавшего в период империи свою последнюю стадию.

Разложение рабского способа производства сказалось, конечно, прежде всего на экономической жизни империи. Важнейшим признаком разложения является вызревание в недрах рабовладельческой формации нового способа эксплуатации непосредственного производителя. Для периода империи характерно развитие колоната, постепенно превратившегося из свободной земельной аренды в систему, близкую к крепостничеству. Ставшая очевидной невыгодность рабского труда толкала рабовладельцев на поиски новых типов эксплуатации трудящихся в сельском хозяйстве. Наряду с латифундиями, основанными на рабском труде, все больше места начинает занимать мелкое хозяйство. Крупные имения разбиваются на мелкие участки, которые сдаются в аренду. Кадры арендаторов поставляло разоренное и обезземеленное крестьянство, вынужденное принимать все условия, какие диктовал землевладелец.

Рядом с колонатами, вышедшими из среды обнищавших свободных крестьян, работали посаженные на землю хозяином рабы. Получив некоторую свободу (ее степень и срок зависели от воли и прихоти рабовладельца), получив инвентарь, семена и т. д. в качестве пекулия, раб фактически превращался как бы в колону (*quasi colonus*). Он, конечно, довольствовался обычно самым низким жизненным уровнем, на который вынужден был равняться и свободный колон.

Рабы, попавшие в положение «как бы колон», оставались попрежнему рабами, и их социальное положение не менялось. В основном же колонат означал превращение свободного земледельца в зависимого, полукрепостного, фактически лишённого гражданских прав. Колонат облегчил правительству империи, постоянно боровшемуся с угрожавшим финансовым крахом, превращение крестьянства в податное сословие.

Резкое падение экономического уровня свободного мелкого земледельца сопровождалось падением товарности сельского хозяйства, прекращением технического прогресса даже в тех ограниченных пределах, в каких он совершался в рабовладельческом обществе.

Проблема римского колоната имеет большое значение для понимания процесса разложения рабовладельческого общества. Эта проблема привлекала усиленное внимание социологов, историков и, особенно, юристов. Но социально-экономическая сущность колоната, как она очерчена Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи», еще только требует исследования.

С колонатом тесно связана проблема патроната в поздней Римской империи: крестьяне отдавали себя под покровительство могущественных крупных землевладельцев, против которых правительственные чиновники были бессильны. Уже в III в. Клавдий II установил уголовную ответственность для лиц, отдающих себя под покровительство (*patrocinium*) магнатов. Но такого рода правительственные меры не давали существенных результатов. Нужда заставляла обходить императорские указы или прямо нарушать их, а при общем разложении и все усиливавшейся тенденции к децентрализации правительство не имело реальной силы для борьбы с системой патроната. Мало того, пытаясь, с одной стороны, бороться с патронатом, оно, с другой стороны, использовало его для облегчения задачи сбора податей, к чему, в конце концов, сводились задачи внутреннего управления. В результате в недрах империи складывались обширные поместья с зависимыми от них мелкими хозяйствами — прообраз

будущего феодального поместья. Здесь опять возродилось натуральное хозяйство при очень низком уровне сельскохозяйственной техники.

Закрепощение коснулось не только колонов. Поскольку все население уравнивалось в бесправии и превращалось в объект обложения налогами и повинностями, императорская власть распространяла принцип прикрепления и на провинциальную муниципальную администрацию, и на коллегии ремесленников и предпринимателей, и на все вообще сословия. Закрепощение сословий изучается обычно только в связи с податной политикой империи, с бюрократизацией ее административного аппарата. Социально-экономические корни этого нового института, немыслимого в античном обществе классического типа, не исследованы. В советской историографии этот вопрос еще не ставился. Между тем и здесь мы находим богатый материал для вскрытия тех разнообразных процессов, в которых выражался «крах античных мировых порядков» (Маркс).

Блестящие страницы труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», посвященные анализу состояния Римской империи к концу ее существования, как и столь же глубокий анализ империи в ранний ее период в работе «Бруно Бауэр и раннее христианство», показывают отчетливо основную тенденцию развития Римской империи. «Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали, как спасителей». «Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства»¹.

Этот конечный результат не был случайным. Он вытекает из самого существа империи как *последней* стадии рабовладельческого общества, стадии разложения социально-экономической рабовладельческой формации. Кризис, к которому неминуемо пришло общество после периода подъема, вызванного созданием мирового государства, не мог больше разрешиться в рамках рабовладельческого строя, и крах был неизбежен. Рим сыграл свою историческую роль в прогрессивном развитии человечества. Он создал предпосылки для новой социально-экономической формации и стал тормозом для движения вперед, он поэтому должен был быть сметен революцией. А революционные силы создавались в самой империи в результате нарастания и углубления внутренних противоречий.

Мрачная картина последних веков империи так же, как и, наоборот, достижения первых веков — распространение греко-римской культуры, строительство дорог, рост городов, расширение международных связей, улучшение и безопасность путей сообщения на суше и на море, — не должны закрывать перед нами основной линии развития. С точки зрения *мировой истории падение* Римской империи означает переход к более *прогрессивной* форме производственных отношений, а *возникновение* империи — начало *конца* рабовладельческого строя. Историку поэтому нечего сокрушаться по поводу разложения и упадка в III—V вв. или восторгаться «римским миром» и его результатами в I—II вв. Дело не в моральной или эстетической оценке, а в анализе исторической закономерности, приведшей к падению Рима, в определении места империи в истории европейского человечества.

В вышедшей недавно популярной книге R. W. Moore автор сетует, что

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

под влиянием Гиббона до сих пор продолжают в Римской империи видеть лишь падение нравов, упадок культуры, восточный деспотизм; между тем, «люди жили, гордые своей принадлежностью к Римской империи, своими привилегиями, трудились для ее цивилизации, создавали законы, общество, дороги, города, администрацию, мир»¹. Если автор имеет в виду трудящихся, то он прав в том отношении, что непосредственные производители при всех условиях были созидательной силой и в процессе разложения рабовладельческого общества они были страдающей стороной. Но дело ведь не в том, чтобы вынести обвинительный или оправдательный приговор, а в объективном исследовании материальных условий жизни, производственных отношений, совокупность которых представляет общество. Только с этой точки зрения можно понять и объяснить крушение империи.

При марксистско-ленинском понимании исторического процесса падение Римской империи перестает быть неразрешимой проблемой. Скорее требует объяснения то обстоятельство, что империя просуществовала—формально во всяком случае—пятьсот лет. Тому было несколько причин.

Во-первых, как мы видели, образование единого государства, охватившего весь средиземноморский мир, оживило пришедший снова в упадок эллинистический мир, позволило более рационально использовать резервы, таившиеся в провинциях, расширило экономическую базу общества. Во-вторых, имело значение то обстоятельство, что на обширной территории от Двуречья в Азии до Гибралтара и от Нубии до Британии Римская империя была единственным государством, не имевшим серьезных соперников. Образование Новоперсидского царства Сассанидов на Востоке и передвижения варварских племен нарушили устойчивость империи, и здание, воздвигавшееся веками, рухнуло.

Необходимо также иметь в виду медленность темпов развития общества в древности, особенно при слабости и распыленности тех общественных сил, которые могли бы выступить как организаторы нового способа производства, как носители прогрессивных идей.

Одной из основных причин, по которым империя могла продержаться долгое время, было, по словам Энгельса², отсутствие современного пролетариата—организованного класса, способного не только вести организованную классовую борьбу, но и взять власть в свои руки и совершить революционное переустройство общества. Рабы и колоны вели борьбу против рабовладельческого строя общества стихийно, их силы распылялись, не было у них ни единой программы, ни единого политического и идейного руководства. Поэтому революция рабов и колонов тянулась столетия и ее силы были скованы. Понадобилось вторжение варваров, чтобы революция завершилась ликвидацией рабовладельческого строя общества. Но и после этого потребовались столетия для утверждения новой, более прогрессивной социально-экономической формации—феодальной. При таких условиях понятно, что болезненный процесс разложения империи затянулся и принес трудящимся неисчислимые страдания.

Изучение революции рабов, свергнувшей рабовладельческий строй общества, — трудная, сложная задача. Она связана с рядом частных, не менее трудных проблем.

Необходимо выяснить, как эта революция связывалась, с одной стороны, с движениями колонов, а с другой стороны, — с движениями городской бедноты. Имеющийся материал—главным образом литературный—рассеян в произведениях преимущественно ораторов, софистов и цер-

¹ R. W. Moore, *The Roman Commonwealth*, Bristol, 1943, стр. 252 сл.

² Письмо к Марксу. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 303.

ковных писателей, отчасти в юридических памятниках. Его надо подобрать, исследовать, осмыслить.

При выяснении соотношения сил в процессе затянувшейся революции необходимо учитывать и роль все более разоряющихся средних групп городского и сельского населения, у которых оппозиция к существующему строю принимала обычно характер реакционный; но иногда, особенно в идеологической сфере, эти слои примыкали к революционному движению масс.

Не выясненной еще проблемой остаются форма и характер связи революции рабов и колонов с варварами-завоевателями, о чем имеются надежные свидетельства в источниках.

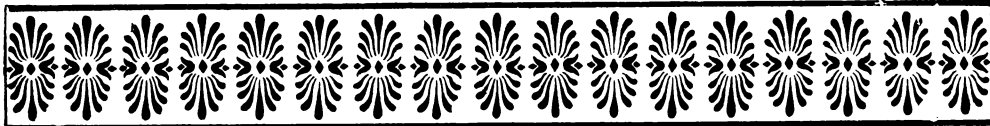
Само революционное движение, стихийное и неорганизованное, принимало различные формы—от разрозненных выступлений, характеризующихся в источниках как «разбой», до таких грандиозных массовых движений, как движение багаудов, и от стихийного бунтарства до получившего идеологическое оформление движения циркумцеллионов. Проследить во всех этих многообразных движениях общую линию, не упуская при этом из виду своеобразие каждого течения и каждого выступления, трудная, но благодарная и важная задача.

В истории Римской империи, в одном лишь из разделов истории античности, остается, таким образом, ряд кардинальных проблем, имеющих большое теоретическое значение для познания закономерностей исторического процесса в такой важный момент его, как смена общественно-экономической формации. Проблемы эти сложны, особенно вследствие скудости и недостаточной выразительности сохранившихся источников. Здесь поэтому особенно важно правильное применение марксистско-ленинской методологии.

Над всеми проблемами истории Римской империи наши историки работают, по ним написаны и пишутся диссертации, статьи и монографии; они так или иначе освещаются в общих и специальных университетских курсах и в учебной литературе. Но все это пока только предварительные научные разведки или подготовительные исследования. Для того, чтобы намеченные важные проблемы разрешить, требуются объединенные усилия специалистов, направленные к одной цели, подчиненные общему плану, требуется и товарищеское обсуждение ряда теоретических вопросов.

Полноценное решение этих, как и других узловых вопросов древней истории возможно лишь в результате преодоления недостатков и слабостей в работе историков, в условиях принципиальной повседневной критики и самокритики. Наши исторические исследования, их принципиальность и теоретическая оснащенность должны быть подняты на высокий уровень, в соответствии с идейным богатством передовой культуры СССР, в соответствии с новыми высокими требованиями, предъявляемыми к нашей науке. В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» тов. Жданов указал, что «все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта». В сознании лежащей на них ответственности перед родиной советские историки приложат все силы, чтобы сделать нашу историческую науку достойной великого советского народа.

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ КАЛЕНДАРЬ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

Чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман

I

Лопата археолога, продолжая свое победное шествие по древнейшим очагам культуры Ирана и Средней Азии, за последние 10—15 лет обогатила науку новыми блестящими открытиями, освещающими историю культуры этих стран, начиная с эпохи каменного века и кончая новым временем. Современное ираноязычное население Ирана и народы Средней Азии, независимо от смены языковых систем, обусловленной миграциями и другими факторами общественного развития, являются прямыми наследниками творцов этой культуры, хранившими и развивавшими ее в течение шести тысячелетий (Saptenau). Интенсивная исследовательская работа, изучение культуры Ирана эпохи, непосредственно предшествовавшей первым Ахеменидским памятникам, все более и более смыкает эти две эпохи—до-Ахеменидскую и Ахеменидскую (или, точнее: «до-ираноязычную» и «ираноязычную»), заполняя научными данными пропасть, ранее их разделявшую. Археология и филология сближены здесь друг с другом, как редко где в другом месте. Стало возможным появление таких работ, как «Археологическая история Ирана»¹, или «История раннего Ирана»², или «Иран в древнем Востоке»³, в которых в одном плане представлена история древнего Ирана, Иранского плоскогорья, изучаемая как одно целое. Анализ художественной композиции Ахеменидских рельефов невозможен ныне уже без внимательного сравнения последних с рельефами предшествующей эпохи этой же или близкой к ней территории. Эти рельефы, несмотря на различие языков сопровождающих их надписей, представляют в развитии искусства, художественного замысла одну непрерывную линию. Совершенно очевидно, что мастера Ахеменидской эпохи и их заказчики знали образцы этого искусства и умели им подражать и развивать их, дифференцируя и осложняя сюжеты. Они достигли в этом отношении больших высот художественной изобразительности, чем их предшественники. Для иллюстрации этого положения достаточно, например, сравнить

¹ Ernst Herzfeld, *Archaeological History of Iran*. London, 1935.

² George Cameron, *History of Early Iran*, Chicago, 1936.

³ Ernst Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London, 1941.

рельефную сцену, сопровождающую Бехистунскую надпись, с одним из трех рельефов на памятниках к востоку от Qasr-i-Širin. Этот рельеф¹ старше Бехистунского на две тысячи лет; он изображает, как полагают специалисты, торжество Аннубанини, царя Луллуби, над своими врагами. Царь, вооруженный луком и палицей, наступил левой ногою на грудь и живот поверженного врага. Перед царем—богиня Инанна. Она вручает ему правой рукою кольцо, символ власти. В левой руке она держит конец веревки, к которой привязаны два обнаженных, колена-преклоненных человека. Руки их связаны за спиною. Нижнюю часть рельефа, приблизительно четвертую часть, занимают с левой стороны шесть обнаженных со связанными позади руками фигур. Правее их—надпись на вавилонском языке. Обнаженные фигуры изображают, как это очевидно, покоренных врагов царя Аннубанини. Все фигуры значительно меньше по размерам, чем изображение царя и богини. Таково же и назначение и смысл рельефа на знаменитой Бехистунской скале, километров полтораста к востоку от только что названной. Бехистунским памятником Дарий I хотел увековечить, подобно Аннубанини, свое торжество над врагами. На рельефе изображен Дарий, попирающий подобно Аннубанини левой ногою своего главного врага Гаумата, который захватил власть над Ираном после смерти Камбиза, но был впоследствии захвачен и казнен Дарием. Ормузд вручает Дарию кольцо—символ власти. Сзади Гаумата—девять связанных мятежников, считая в том числе и Скунху, фигура которого, как теперь принято считать, приделана позже, спустя несколько лет, после похода Дария против скифов. Общее содержание и даже некоторые детали сюжетов обоих рельефов идентичны. Позволительно даже думать, что и число пленников, изображенных в обоих рельефах, не случайно совпадает: тут и там—их восемь (фигура Скунхи приделана позже). Очевидно, таким образом, что эпоха Ахеменидов сохранила в памяти культурное наследие прошлого, отдаленное от нее двумя тысячелетиями, не хуже, если не лучше, чем это сделал спустя одну тысячу лет с Ахеменидской эпохой в своих преданиях Иран, после завоевания его арабами, назвав скульптуры Ахеменидского Персеполя картинами Рустема (Накш-и Рустем) и утерав в своем героическом эпосе и память о самом имени Ахеменидов.

II

Богатые результатами раскопки Чикагского Восточного института в Персеполе открыли среди разных ценнейших памятников архивы Дария и Ксеркса, состоящие из деловых документов на эламском языке. Первые известия об этих находках вызвали повышенный интерес среди ученых². Наличие деловых документов на эламском языке в самом Персеполе, столице Дария, притом таких документов, которые, как следует заключить по некоторым изданным памятникам, относятся к наиболее интимной, семейной стороне жизни этого грозного царя³, может свидетельствовать о том, что этот язык и в самой Персиде был в эпоху Дария и Ксеркса еще живым и что значение эламского этнического слоя в эту эпоху было еще достаточно велико. Можно полагать, что эламцы занимали хотя и подчиненное, но отнюдь не низшее положение в системе центральной власти

¹ Neilson C. Debevoise. The Rockreliefs of Ancient Iran, JNESt, v. I, January 1942, № 1, стр. 76—105.

² См. AJSL, L (1933/34), стр. 272.

³ G. S. Cameron; Darius' daughter and the Persepolis inscriptions, JNESt, v. I, April 1942, № 2, стр. 214—218.

в Персиде. Таким образом, история Элама смыкается непосредственно с судьбою Ахеменидского рода и персидского племени не только в Аншане, где Ахеменидские родичи и предки Дария были владельцами эламоязычной области, но также и в самой Персиде при Дарии и даже еще при Ксерксе. Этот факт еще лучше поясняет нам, почему Ахеменидские надписи сопровождаются переводом на эламский язык, причем эламский текст непосредственно следует за персидским текстом и предшествует вавилонскому. Этот перевод персидского подлинника на эламский язык вызывался реальной потребностью, будничной обстановкой Ахеменидского двора и управления. Он не был простым шаблоном, отражавшим отжившие уже нормы.

III

Деловые документы, как правило, датируются. Поэтому можно было предполагать, что эламские таблички из Персеполя послужат материалом для суждения об Ахеменидском календаре, подобно тому как согдийские документы с горы Муг в Таджикистане—архив согдийского царя Диваштича¹—осветили нам согдийский календарь, а хотанские документы—хотанский (сакский)². Эламский архив Дария в Персеполе оправдал и эти ожидания науки. Их значение в этом отношении тем более важно, что обиходный общепринятый в Иране календарь Сасанидской эпохи отражает не Ахеменидские нормы, а является, по всей вероятности, продуктом творчества ортодоксальной зороастрийской церкви, получившей в Сасанидскую эпоху стройную иерархическую организацию, государственные привилегии и поддержку династии, заключившей с ней союз в обоюдных интересах. Зороастрийский иранский календарь имеет по указанной причине отчетливо выраженный религиозный характер. Все двенадцать названий месяцев и тридцать названий дней месяца посвящены в нем зороастрийским божествам. Ахеменидский же календарь, будучи, конечно, иранским в отношении языка календарной терминологии, сохранив в некоторых названиях следы глубокой индо-иранской (арийской) старины, ее верования, тем не менее, более, чем другие иранские календари, отражает основной источник заимствования ираноязычными народами своих культурных установлений—Междуречье—страну, в глубокой древности научившуюся определять пути движения небесных светил и ими измерять, в практических целях организации производства, отрезки времени. Эти соображения должны руководить исследованием Ахеменидского календаря. По этому же пути, как видно будет из дальнейшего, помимо основного метода иранской филологии—историко-сравнительной грамматики иранских языков, пойдет и наша попытка осветить Ахеменидский календарь—точнее, определить названия месяцев Ахеменидского календаря.

IV

Все данные для суждения о древнеперсидском календаре до открытия эламского архива в Персеполе заключались в Бехистунской надписи. В ней Дарий, повествуя о своих подвигах, датирует события месяцем и днем.

¹ См. А. А. Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, «Труды Института Востоковедения», XVII, Академия Наук, Москва—Ленинград, 1936, стр. 137—165; он же, Согдийский рукописный документ астрологического содержания, ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 34—49.

² См. Н. W. Bailey в ZDMG, B. 90, N. 3/4, стр. 575.

Таким образом, в основном, древнеперсидском тексте надписи засвидетельствованы восемь названий месяцев из двенадцати. В эламском переводе надписи сохранилось, кроме того, еще одно название месяца, древнеперсидский подлинник которого не дошел до нас: веками действовавшие атмосферические условия (дождь, ветер) разрушили это место надписи. Эламские названия заимствованы из древнеперсидского языка и представляют собой не больше как транскрипцию их эламской клинописью. Лишь для пяти названий месяцев из девяти сохранились их соответствия в вавилонском переводе надписи. Поскольку вавилонский календарь известен (в частности, известна последовательность месяцев вавилонского календаря), то тем самым могло быть установлено порядковое место пяти древнеперсидских названий месяцев, вавилонские эквиваленты которых указаны в вавилонском переводе Бехистунской надписи. Это стало возможным лишь после публикации в 1907 г. результатов экспедиции Кинга и Томпсона, снявшей эстампажи с Бехистунской надписи¹. От установления порядкового места всех девяти названий месяцев, засвидетельствованных в Бехистунской надписи, в значительной мере зависит интерпретация этого памятника, как исторического документа, остающегося и по нынешний день, после всех успехов археологической науки, главным, основным памятником древнеперсидского языка. Понятно поэтому стремление ученых, их попытки решить задачу последовательности названий месяцев древнеперсидского календаря. На этом пути принимались в соображение данные датированных вавилонских документов, выпущенных в царствование мятежных узурпаторов, которые упоминались Дарием; путем этимологических изысканий устанавливалось место того или другого месяца в зависимости от времени года, религиозных установлений, празднеств, соотношение с терминологией Авесты и т. д. Труды этих ученых (Роунлихсона, Опперта, Унгера, Маркварта, Юсти) привели, однако, к незначительным и отчасти противоречивым результатам². Задача эта, очевидно, и не могла быть разрешена на уровне знаний того времени. Лишь эламский архив Дария из Персеполя—около 30 000 табличек—предоставил науке достаточно документированных данных, которые и позволили исследователю установить эламские названия месяцев Ахеменидского календаря и их последовательность, порядок. Этому вопросу посвящена статья Арно Пибеля³. Эти же данные позволили Пибелю выступить в том же журнале с новой попыткой освещения хронологии первого года правления Дария⁴.

В конце указанной нами статьи А. Пибель выражает надежду, что открытие новых названий месяцев и их порядка побудит иранистов дать филологическую трактовку древнеперсидских названий месяцев⁵. Эта вполне обоснованная надежда осуществляется в настоящей статье пишущего эти строки.

¹ L. W. King and R. C. Thompson, *The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistûn in Persia*, London, 1907; F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden* (=«Vorderasiatische Bibliothek», III), Leipzig, 1911.

² Их сводку можно найти в цитированной уже литературе, а также в статье F. Justi, *Die altpersischen Monate*. ZDMG, LI (1897), стр. 233—251.

³ Arno Pöbel, *The Names and the order of the old Persian and Elamite months during the Achaemenian period*, AJSL, LV (1938), стр. 130—141.

⁴ Arno Pöbel, *Chronology of Darius' first year of reign*, AJSL, LV, стр. 142—166 и 285—314. См. также A. T. Olmstead, *Darius and his inscription*, там же, стр. 392—416.

⁵ A. Pöbel, стр. 140: «The discovery of the new month names as well as the new order of the months will, I hope, be an inducement to iranologists to take up again the philological treatment of the old Persian months names».

V

В табл. 1 представлены древнеперсидские названия пяти месяцев с их эламскими эквивалентами, вавилонские соответствия которых сохранились в Бехистунской надписи.

Т а б л и ц а 1

Др.-персидский	Эламский	Вавилонский
2. <i>θuravāhara</i>	<i>turmar</i>	<i>ayyāru</i>
3. <i>θāig(a)rčiš</i>	<i>saikurrišiš</i>	<i>sīmannu</i>
9. <i>āθriyādiya</i>	<i>ḥaššiyatiyaš</i>	<i>kisilīmu</i>
10. <i>anāmaka</i>	<i>ḥanamakkaš</i>	<i>ṭebētu</i>
12. <i>viyahna</i>	<i>mi(ya)kannaš</i>	<i>addāru</i>

Цифры с левой стороны столбцов указывают порядковое место месяцев в календаре, которое устанавливается по их вавилонским соответствиям. Так, *θuravāhara* является вторым месяцем, *θāig(a)rčiš*—третьим и т. д.

В табл. 2 перечислены четыре древнеперсидских названия месяцев с их эламскими эквивалентами и одно название месяца, сохранившееся лишь в эламской передаче. Вавилонские соответствия этих названий в Бехистунской надписи не сохранились, поэтому и порядковое место этих месяцев не могло быть точно установлено.

Т а б л и ц а 2

Др.-персидский	Эламский
1. <i>garmapada</i>	<i>karmapaddaš</i>
2. <i>adukaniš</i> .	<i>ḥadukannaš</i>
3. <i>bāgayādiš</i> .	<i>bagiyatiš</i>
	<i>markazanaš</i>

Открытие эламского архива в Персеполе позволило, как было выше сказано, Пибелю установить все двенадцать эламских названий месяцев и их порядок. Это оказалось возможным сделать благодаря тому, что в ряде табличек перечислялись последовательно несколько названий месяцев одно за другим, а в одной табличке указывались начальный и конечный месяцы одного года. Таким образом установлены по Персеполитанскому архиву следующие эламские названия месяцев в определенной последовательности¹.

Т а б л и ц а 3

2. <i>ḥadukannaš</i>	7. <i>bagiyatiš</i>
3. <i>turmār</i>	8. <i>marqāšanaš</i>
3. <i>sākurrišiš</i>	9. <i>ḥaššiyati(ya)š</i>
4. <i>karmabadaš</i>	10. <i>ḥanamakaš</i>
5. <i>turnabašiš</i>	11. <i>samimaš</i>
6. <i>qarbaši(ya)š</i>	12. <i>mi(ya)kannaš</i>

Эламские названия месяцев Персеполитанского архива решают задачу о порядковом месте четырех месяцев Ахеменидского календаря, вавилонские соответствия которых не сохранились в Бехистунской надписи. Таким образом устанавливается, бесспорно и окончательно, что (см. табл. 2):

¹ Аналогичная последовательность в отношении дней месяца помогала нам осветить порядок дней месяца в согдийском календаре. См. указанную выше статью: «Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане».

Т а б л и ц а 4

garmapada —	karmapaddaš	есть 4-й месяц
adukaniš —	hadukannaš	» 1-й месяц
bāgayādiš —	bagiyatiš	» 7-й месяц
	markazanaš	» 8-й месяц

Благодаря исследованию Пибеля, Ахеменидский календарь в древнеперсидской основе, эламской транскрипции и с вавилонскими эквивалентами может быть изображен в следующем виде:

Т а б л и ц а 5

Древнеперсидский	Эламский	Вавилонский
1. adukaniš	hadukannaš	nīsannu
2. šuravāhara	turmar	ayyāru
3. šāig(a)rčiš	sakurrišiš	šimannu
	saikurrišiš	
4. garmapada	karmabadaš	du'ūzu
	karmapaddaš	
5.	turnabašiš	ābu
6.	qarbaši(ya)š	ulūlu
7. bāgayādiš	bagiyatiš	tašrītu
8.	markazanaš	araḥsamna
	markašanaš	
9. aθ ^{ri} yādiya	hašši(ya)tiš	kislīmu
10. anāmaka	hanamakaš	ṭebētu
11.	samimaš	šabātu
12. viaxna	mi(ya)kannaš	addāru

Эламские формы месяцев третьего, четвертого и восьмого представлены в этой таблице дублетами по Бехистунской надписи и Персеполитанскому архиву.

На нашу долю выпадает задача определить, согласно предложению Пибеля, древнеперсидские названия месяцев Ахеменидского календаря, не засвидетельствованные в Бехистунской надписи, т. е. пятого, шестого, восьмого и одиннадцатого, а также дать посильные толкования названий этих и других месяцев. Эта задача значительно легче, чем труды наших предшественников, так как в распоряжении последних не было результатов исследований эламского архива в Персеполе, приведенного в основном в названной статье Пибеля.

Эламские названия месяцев представляют собою транскрипцию древнеперсидских средствами эламской клинописи, эламского письма. Поэтому сравнение графем обеих письменностей, древнеперсидской и эламской, сравнение фонетической установки обоих языков является в решении нашей задачи первым, основным критерием. Помимо эламских названий месяцев, приведенных здесь в табл. 5, весьма полезными оказываются дублетные названия, отмеченные Пибелем в этой же статье, из различных табличек. Эти дублеты свидетельствуют прежде всего о затруднениях, которые испытывали эламцы в передаче персидских звуков. В некоторых случаях они помогают нам даже выяснить себе и формальную сторону древнеперсидских названий, облегчая понимание падежных отношений¹. Так, дублеты: samimaš || samimantaš — название одиннадцатого месяца, — могут указывать на такое древнеперсидское слово, которое в именительном падеже имеет три слога, а в косвенных — четыре. Колебание в названии восьмого месяца: markazanaš || markašanaš может свидетельствовать

¹ Совершенно понятно, что здесь могут обсуждаться только те особенности эламской транскрипции, эламского письма, которые имеют прямое отношение к нашей задаче.

о затруднениях, встававших перед эламцами в попытках передать персидский согласный третьего слога в этом слове. Согласным *š* в окончании эламских месяцев, за исключением второго, *turmar*, хотели, очевидно, передать окончание именительного падежа единственного числа в древнеперсидском языке, хотя в последнем *š* в этой функции служило лишь в основах на *i* и *u*.

Название месяца, известное по Бехистунской надписи лишь в эламской форме *markazanaš*, а ныне по эламскому архиву в Персеполе также в форме *markašanaš*, занимает, согласно исследованию Пибеля, восьмое порядковое место.

Из предшественников Пибеля, занимавшихся древнеперсидским календарем, лишь первый из них, Rawlinson, указал этому месяцу настоящее, восьмое, место. Oppert и Justi полагали, что *markazanaš* занимал одиннадцатое место, а Unger считал его четвертым месяцем. Никто не высказывал и тени сомнения в том, что это название—иранское,—это казалось совершенно очевидным, а попытки определения порядкового места этого месяца связывались с тем или иным этимологическим его толкованием. Так, Oppert, видя в *markazanaš* персидское «*margazana*», интерпретировал его как «*naissance d'oiseaux*»—«рождение птиц», т. е. месяц, когда птицы рождаются. Однако непонятно, почему при таком толковании этого слова он ставил его на одиннадцатое место, соответствующее вавилонскому *šabātu*, нашему январю—февралю. Этот зимний месяц едва ли можно назвать месяцем «рождения птиц», которые, как известно, рождаются весной. Если Oppert видел в предполагаемом древнеперсидском «**margazana*», в первой части этого сложного слова, «**marga*»—птицу, то Юсти¹ то же самое слово «**marga*» понимал как «луг»: *margazana*—«*das Wiesengrass hervorbringend*»—«производящий луговую траву»—значение, точно так же мало подходящее для основной характеристики зимнего месяца, хотя бы в климате Ирана. Обе эти этимологии точно так же плохо объясняли бы четвертое порядковое место в календаре, соответствующее июню—июлю, в которое хотел поместить этот месяц Унгер. Месяц июль—середина лета—не является ни месяцем «рождения птиц», ни «произрастания трав». Как бы то ни было, как было выше сказано, эламский архив в Персеполе сделал споры о порядковом месте этого месяца беспредметными, установив для него восьмое место. Эламский месяц *markazanaš*, или *markašanaš*, занимает восьмое место, соответствующее вавилонскому *Araḫsamna*, что значит по-вавилонски «восьмой месяц», буквально—«месяц восьмой».

Как мы убедились, попытки осмысления этого названия на пути связей с иранским словарем, с иранскими этимологиями не привели к удовлетворительным результатам. Очевидно, что иранский облик этого слова, наводящий на подобные поиски, в действительности призрачен. Подобные попытки не принимали в должной мере во внимание, что перед нами—название месяца в эламской передаче, что поэтому реальное персидское его звучание могло и даже должно было быть несколько иным. Персеполитанские дублиеты сохранили нам форму этого слова с *š* вместо *z* Бехистунской надписи. Это чередование *z*//*š* свидетельствует о том, что в персидском-прототипе эламского *markazanaš*//*markašanaš* были фонемы, передать которые эламские писцы затруднялись.

В вавилонском эквиваленте этого названия—*araḫsamna* («месяц восьмой») отпало, согласно вавилонской исторической фонетике, начальное *v*: *araḫsamna* восходит к **varaḫsamna*.

¹ В цитированной выше его статье на стр. 249.

Несомненным фонетическим фактом, подлежащим уточнению в подробностях, является засвидетельствованное для языков этих мест (Междуречья и прилегающих к нему областей), независимо от их систем, чередование $v \parallel m$, известное, впрочем, по живым говорам и других мест. Этим чередованием объясняются такого рода переходы, как древнеперсидское darmiš , новоперсидское sarv : «кипарис»; вавилонское kaīmānu , новоперсидское kaivān : «сатурн» (название планеты). В курдском языке чередование $m \parallel y$ обычно: $\text{nivēz} \parallel \text{nimez}$: «молитва»; havîn : «лето» $\parallel$ ср. персидское hamîn ; nivgōz —«полдень» $\parallel$ новоперсидское nēmrgōz ; $\text{nam} \parallel \text{nay}$ —«имя» и т. п. В порядке такого чередования можно постулировать вавилонское диалектальное $*\text{maraḥsamna}$, наряду с araḥsamna , восходящим к $*\text{varaḥsamna}$. И, действительно, в еврейском названии восьмого месяца marhešvan (еврейский календарь восходит к вавилонскому) мы и находим постулированную вавилонскую форму $*\text{maraḥsamna}$, диалектальное соответствие araḥsamna .

Название этого же, восьмого, месяца, по-эламски markazanaš или $*\text{markašanaš}$, представляет, как и все другие эламские названия месяцев, передачу древнеперсидского. Попытки определения названия этого месяца по-древнеперсидски на пути этимологических изысканий оказались, как мы старались показать, неудовлетворительными. Близость $\text{markazanaš} \parallel \text{markašanaš}$ к $*\text{maraḥsamna}$ столь велика, что она оправдывает постулат о прямом заимствовании этого названия восьмого месяца из вавилонского языка в древнеперсидский. Зависимость древнеперсидских названий месяцев от вавилонских будет показана нами и в других случаях, где древнеперсидские представляют собою различной степени отражения вавилонских. Вавилонские названия месяцев заимствовались вместе со всей системой календаря не одними только персами, но и другими соседними народами. Эти названия сохранились и по сегодняшний день у турок и у курдов. Одно из этих названий пузлуç отражено в календаре согдийцев, где оно обозначало не первый, а третий месяц. Отражение этого названия в календаре центральноазиатского народа свидетельствует о широком влиянии вавилонского календаря вплоть до Центральной Азии. Эламские $\text{markazanaš} \parallel \text{markašanaš}$, наряду с постулированным вавилонским диалектальным $*\text{maraḥsamna}$, позволяют установить приблизительную древнеперсидскую форму этого заимствованного из вавилонского языка названия: оно звучало по-древнеперсидски близко к вавилонскому $*\text{maraxsamna}$ или $*\text{marḫasamna}$ с глухим s в противоположность звонкому z в эламском markazanaš .

Название одиннадцатого месяца, засвидетельствованное по-эламски в персеполитанском архиве, как $\text{samima} \parallel \text{samimaš}$ или samimantaš , соответствует вавилонскому šabātu , зимнему месяцу, нашему январю—февралю. Эламская фонетическая установка не соответствовала персидской. Персидский язык знал звонкие и глухие согласные. Эламский, повидимому, их не различал. Ему, вероятно, было свойственно отличать напряженные и ненапряженные. Поэтому древнеперсидские звонкие выражаются по-эламски часто глухими и, наоборот, глухие—звонкими. Это дает основание предположить, что название эламского месяца $\text{samimaš} \parallel \text{samimantaš}$ звучало по-персидски со звонким z в начале. Конечным š эламы передавали, как выше указывалось, формальную принадлежность именительного, а также косвенных падежей древнеперсидского языка. Выражать эту формальную принадлежность, не во всех случаях представленную в самом древнеперсидском, вероятно, побуждал их агглютинативный строй их собственного языка, требовавший формального выражения падежных отношений одними и теми же морфемами. Дубли-

ты: *saṃima||saṃimaš||saṃimantaš* соответствуют двум падежам древнеперсидского склонения. Из этих форм последняя—*saṃimantaš* выражает родительный падеж, а первые—*saṃima||saṃimaš*—именительный от основы на *mant*; *mant*—суффикс, выражающий понятие обладания, сохранивший я в этой функции и по сегодняшний день в персидском—*mand*: например *hunar-mand* «доблестный», «обладающий доблестью», *hunar*. Основы, оканчивавшиеся в древнеперсидском языке на *-ant*, с утерей, согласно древнеперсидской фонетике, в исходе слова взрывного, ставшего импловзивным, *t*, должны были в именительном падеже единственного числа оканчиваться на *-ā*. Это реально засвидетельствовано в слове *t^hun^h,uvā* «могущественный, богатый» нахш-и-рустемской надписи Дария¹. Таким образом, эламское *saṃima* отражает собою древнеперсидское **zamimā*—именительный падеж единственного числа от основы **zamimant*, а *saṃimantaš*, соответственно, **zamimanta*,—родительный падеж единственного числа от той же основы. Корень этого слова хорошо засвидетельствован в среднеперсидском манихейском *zmu*, *zm*, новоперсидском *zimistān* «зима». Значение древнеперсидского названия **zamimā*—«зимний», вскрываемого нами, как название одиннадцатого месяца, хорошо обоснованное историко-лингвистически, находит подтверждение и в другом, независимом от древнеперсидского, иранском календаре. В согдийском календаре одиннадцатый месяц носит название *zūmytūš*—слово того же корня и значения, что и древнеперсидское *zamimā*—«зимний». Это значение как нельзя лучше подходит для одиннадцатого месяца—января—февраля, который соответствует вавилонскому *šabātu*.

Название древнеперсидского восьмого месяца **mar(a)x(a)sa(m)na*, позаимствованное из вавилонского языка, показало нам конкретно зависимость персидского календаря от вавилонского. Это обстоятельство оправдывает попытки толкования древнеперсидских названий месяцев, по крайней мере некоторых, как отражения вавилонских. На этом пути встречаются, однако, затруднения, связанные с недостаточной выясненностью основных значений самих вавилонских месяцев, их этимологий. Это обстоятельство вытекает не столько из недостаточной разработанности историко-сравнительной грамматики семитических языков, сколько из основ истории вавилонской культуры. На примере вавилонского календаря можно убедиться, что культура Междуречья древнее ее семитического населения, что творцами ее были шумерийцы. Названия вавилонских месяцев, по всей вероятности, являются семитизированными шумерскими. Поэтому и темны их этимологии.

Наиболее убедительно это положение проверяется на примере четвертого месяца—*du'ūzu*, *dūzu*. Более старая, не вавилонизированная форма этого шумерского названия *dumuzi* переводится специалистами², как «верный сын». Это—известное вавилонское божество, популярный герой вавилонских мифов—*Tammuz*. Авторитетнейший ассириолог *Delitzsch* ограничивается в своем словаре под этим словом лишь указанием, что *du'ūzu*, *dūzu*—*Tammuz* есть «Name des 4. babyl. assyr. Monats»³. В персидском календаре ему соответствует «гармарада»—«жаркое место занимающий, жаркий», июнь—июль.

Установив древнеперсидское название восьмого и одиннадцатого месяцев **mar(a)x(a)sa(m)na*, **zamimā*, обратимся к остальным двум, пятому и шестому, не засвидетельствованным в персидской таблице, месяцам.

¹ См. E. Herzfeld, *Altperische Inschriften*, Berlin, 1938, стр. 7.

² См. W. E. Staples, *Cultic motifs in hebrew thought*, *AJSL*, LV (1938), № 1.

³ Fr. Delitzsch, *Assyrisches Handwörterbuch*, Leipzig, 1894, стр. 208.

В эламском списке они носят названия, соответственно: *turnabašiš* и *qarbaši(ya)š*; в вавилонском соответственно—*ābu* и *ulūlu*. Месяц *ābu* и есть месяц бога огня. Это пятый месяц, июль—август, летний, жаркий, сухой месяц. Поэтому он и посвящен богу огня, рассеивающему сырые тучи¹. Персидский эквивалент этого названия, сохраненный в эламской передаче по Персеполитанскому архиву,—*turnabašiš* так же, как и следующий за ним шестой месяц *qarbaši(ya)š*, повидимому, являются сложными словами с одинаковой второй частью: *-bašiš*, *-bašiš*, в которой первый шипящий (*š* в первом и *š* во втором названии) отражает, очевидно, затруднение, испытывавшееся эламскими писцами при передаче персидского звука или комплекса звуков в этом слове. Позволительно думать, что этим комплексом было персидское *-xš-*, а *-bašiš*, *-bašiš* отражало древнеперсидское *baχšiš*, авестское *baχš-* «дарить, получать», сохранившееся по нынешний день в персидском *baχšiš*—«дар, подарок».

Таким образом, вторая часть этих двух сложных слов обычного древнеперсидского типа, называемого в индо-иранской грамматике *karmadhāra*, имела бы значение «дарящий». Допустимо полагать, что в первой части древнеперсидского названия пятого месяца, июля—августа, вавилонского месяца *ābu*, бога огня, скрывается слово со значением «огня, жары» и что в эламском эквиваленте *turnabašiš* отражено древнеперсидское слово со значением «дарящий огонь, жару»², в котором вторая часть представляет древнеиранское *baχšiš*, а персидская форма и этимология первой—*turna*—подлежат выяснению. Древнеперсидский междузубной глухой проточный звук *θ* отсутствовал в эламском. Как можно убедиться и по таблице месяцев, он передавался то через альвеолярный свистящий *s* (в названии 3-го месяца *θāig(a)r(a)čis-sakurrišiš*), то через взрывной *t* (в названии 2-го месяца *θuravāhara-turmar*). Это соответствие позволяет допустить в начальном согласном древнеперсидского прототипа эламского названия пятого месяца *turnabašiš* такой же междузубной проточный *θ*, что и в *θuravāhara*. Эламское *turmar* представляет собою фонетическую передачу древнеперсидского *θuravāhara*, с переходом согласно эламской фонетике *v* в *m*, как в названии последнего месяца *vīaxna-mi(ya)kannaš*, и с выпадением *h*. Название месяца *θuravāhara* переводилось Бартоломе в его словаре (столбец 786) как «могущественная весна». В этом толковании слово *θura* понималось Бартоломе, как «могущественный». Это широко распространенное толкование должно быть, однако, теперь оставлено. Перевод Хертелем этого названия на стр. 23 его книжки³, как «den lichten Frühling bringend», в котором отражаются взгляды этого ученого на индо-иранскую религию, как на религию культа огня, лучше объясняет нам само это название и его отношение к другим персидским и вавилонским названиям месяцев. В первой части эламского названия пятого месяца *turnabašiš*—*turna*—скрывается то же самое слово, которое представлено в первой части древнеперсидского названия второго месяца *θuravāhara*, лишь с наращением суффикса *-na*. Таким образом, название древнеперсидского пятого месяца устанавливается, как *θura(na)baχšiš*—«дарящий жару»—название, отражающее вавилонское *ābu*, бога огня.

Название следующего за этим шестого месяца *qarbaχšiš*, августа—сентября, также слово сложное, во второй части которого—древнеперсидское

¹ См. J u s t i, Die altpersischen Monate, ZDMG, LI (1897), стр. 247; «... der Monat des assyrischen Feuergottes..., der die feuchten Wolken vertreibt».

² В климате нижнего течения Евфрата и Тигра в августе поля выжжены жарой, как бы огнем.

³ J. H e r t e l, Die arische Feuerlehre. Leipzig 1925. («Indo-iranische Quellen und Forschungen», H. VI).

baḫšīš. Первая его часть qar, соответственно значению этого месяца, как летнего, повидимому, отражает то же слово garma «жара, тепло», которое представлено и в названии четвертого месяца garmarada. Таким образом, эламское qarbaši(ya)š, повидимому, передает древнеперсидское *garmabaḫšīš—«дарящий жару, тепло». Нас не должно удивлять то обстоятельство, что пятый и шестой месяцы древнеперсидского календаря носят названия, близкие по значению, определяющие их как жаркие месяцы. Эти названия все-таки лексически дифференцированы. Земледельческая страна с неразвитым производством, какою было Ахеменидское государство, могла бы довольствоваться и меньшим количеством календарных терминов, которые бы фиксировали лишь основные земледельческие и культовые моменты в жизни данного общества. В славянских календарях, польском и украинском, одно и то же название «листопад» употребляется в применении к двум соседним месяцам: октябрю и ноябрю. Это свидетельствует об отсутствии у древних славян потребности в дифференциации по месяцам времени года, когда «падают листья», т. е. осени.

В названии третьего месяца θāig(a)r(a)čiš может быть наглядно показана зависимость персидского календаря от вавилонского. Это название толковалось Justi как месяц «собираения чеснока», как производное сложное слово от предполагаемого древнеперсидского *θīgra «чеснок», от которого происходит новоперсидское sīr «чеснок» + √či—«собирать». Однако толкование названия месяца от такого занятия, как собирание чеснока, мало нас убеждает, несмотря на приведенные Justi доводы. Гораздо понятнее становится этимология этого названия, если учесть зависимость персидского, Ахеменидского календаря от вавилонского, при которой одни названия прямо заимствовались, как, например, *mar(a)(x)sa(m)na, а другие переводились или представляли то или другое подражание, кальку. Древнеперсидскому θāigr(a)čiš соответствует в вавилонском календаре sîmānu (sivānu). Из определения, приведенного Деличем в его словаре на стр. 491, следует, что sîmānu, третий месяц вавилонского календаря, обозначает определенное время, месяц, луну. По поверьям многих народов, луна скрывает в себе зайца. Эти верования являются источником разнообразных сказаний, долженствующих объяснить нахождение зайца на луне. Реальное объяснение связи зайца с луной может быть найдено в сходстве растянутой фигуры бегущего зайца с фигурой луны во время новолуния. Поверье о связи луны с зайцем в такой мере распространено, что древние индусы называли луну «обладающий зайцем»—śaśin от слова śaśa—«заяц». Заяц с древнейших времен был предметом охоты. Первобытные племена избегали называть своим именем предметы, которые по их анимистическим представлениям, услышав свое имя, могли бы воздействовать неблагоприятно на человека, произносившего их названия. К таким предметам у охотничьих племен относились во время охоты животные и все то, что касалось охоты. Эти предметы во время охоты назывались по их признаку, качеству. Так, например, из языка охотника исключалось во время охоты такое слово как нож, собака и т. п. Они заменялись их признаком: «режущий», «охотник». В русском языке из языка охотников проникло слово «сохатый», употребляющееся в значении «олень», «лось». Создавались таким образом условия для запрета, полного исчезновения первоначальных названий и замены их эпитетами. Таким образом исчезло у многих народов название зайца и было заменено тем или другим его эпитетом. Само русское слово «заяц» и немецкое «Hase», как показывает история этих слов, значили «прыгун». Персидское слово xargōš «заяц» значит буквально «ослухий».

Древнеперсидское название третьего месяца θāig(a)r(a)čiš может быть объяснено, как производное с подъемом (vr̥ddhi) от основы θīgrači. Послед-

нее в свою очередь является словом, образованным суффиксом-*či* от основного **ḡgra*. В этом слове древнеперсидское *ḡ* закономерно соответствует древнеиндийскому *ś*, соответственно древнеперсидское **ḡgra*—древнеиндийскому *śighra* V-«быстрый». Таким образом, древнеперсидское **ḡgračiš* обозначало приблизительно то же, что русское «быстрый, быстрая»—пример из языка охотников, прекрасно подходящий для эпитета зайца. Итак, **ḡgračiš*—«заяц», а *ḡḡgračiš*—обычное в древних индоиранских языках образование посредством подъема (*vṛddhi*)—обозначало «относящийся к зайцу», в том же значении, что и древнеиндийское *śaśin*—«содержащий зайца», т. е. «луна»—название третьего месяца, «месяц как таковой», как в вавилонском языке *šimānu*. Таким образом, восьмой месяц древнеперсидского календаря **mar(a)x(a)sa(m)na* есть прямое заимствование из вавилонского календаря, а название третьего месяца *ḡḡgračiš* представляет перевод соответственного вавилонского названия *šimānu*.

Мы определили таким образом четыре названия древнеперсидских месяцев, не засвидетельствованные в Бехистунской надписи.

Выяснение основных значений вавилонских названий месяцев на путях уточнения их этимологий, семитических или шумерских, может помочь дальнейшему выяснению значений терминов древнеперсидского календаря.

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ НОВОГО ЦАРСТВА

(Опыт реконструкции)¹

Проф. И. М. Лурье

Источники, удостоверяющие существование законодательства

Существование древнеегипетского законодательства засвидетельствовано рядом источников, как египетских, так и античных. Из античных источников, уже давно известных в науке, подробнее других говорит о нем Диодор (I, 94). Он приписывает установление первых писанных законов Мневису (Менесу) и указывает, кроме него, еще пять царей законодателей. Античная традиция о древности египетского законодательства находит себе подтверждение в древнеегипетских источниках; достаточно вспомнить общеизвестную «Инструкцию везиря», описывающую порядок судебных заседаний, проходивших под руководством этого высшего чиновника, во время которых «40 кожаных свитков развернуты перед ним», для того чтобы признать, что во всяком случае во времена Ср. ц. уже имелись своды законов. Свитки законов упоминаются и в поучении Ипувера, составление которого относится к Ср. ц.²: «законы залы суда—выброшены они прочь; ходят по (ним) на улицах»³.

За многовековое существование страны древнеегипетское законодательство претерпело, без сомнения, ряд изменений, о которых, из-за скудости источников, нам судить пока трудно. Поздняя античная, да и египетская, традиция приписывает появление первого законодательства

¹ Настоящая статья является частью защищенной мной докторской диссертации «Очерки истории египетского права времени Нового Царства». В статье учтены некоторые советы и замечания акад. В. В. Струве, равно как и остальных моих оппонентов, высказанные ими при обсуждении моей работы, за которые приношу им мою глубокую благодарность.

² См. об этом в моей статье «Беседа разочарованного со своим духом», ТОВЭ, т. I, стр. 149 сл.

³ 6, 9—11. Русский перевод текста см. акад. В. В. Струве, Речение Ипувера, Соцэкгиз, М.—Л., 1935 г.

божью волеизъявлению (богу Тоту) и в этом отношении она не отличалась от представлений многих народов, приписывавших свои законы богу. Однако такое представление не мешало фараонам устанавливать новые законы. Так, Диодор приписывает фараону Сасихису¹ установление законов, касающихся культа², Сесосису³—установление законов, касающихся военного сословия, Бокхорису—законодательство в области финансов и фиксацию формуляра частноправовых контрактов⁴, Амазису—выработку должностных норм для номархов и низшей администрации. Последним законодателем Диодор считает царя Дария⁵. Египетские источники также говорят о введении новых законов—наиболее ярким примером является указ Харемхеба.

Все же, несмотря на сравнительно многочисленные указания о наличии законодательства древнего Египта, сами своды законов все еще остаются недоступными исследователям: полные своды не найдены, а те фрагменты их, которые дошли до нас, в большей своей части до сих пор еще не опубликованы. Мне известно существование следующих фрагментов законов: от Ср. ц. собрание законов, касающихся арендаторов⁶, и от Птолемея времени—фрагменты гражданского кодекса⁷ и демотический папирус, также содержащий части гражданского кодекса⁸.

Скудость данных, говорящих об египетских законах, объясняет, почему в исследованиях, посвященных древнему Египту, в том числе даже в тех, которые специально заняты рассмотрением его права, обычно очень мало места уделяется законодательству.

«Законы, «наказы» и «декреты». Судя по доступному нам материалу, египетское законодательство Н. ц. состояло из «законов» *hp* из *tp-rd* «наказов», «инструкций» и *wd* «декретов», «указов». Термин *hp*, равно как *tp-rd*, в надписях и документах Др. ц. не встречаются и появляются только

¹ Bérard, в REG 50 (1937), стр. 289, отождествляет этого фараона с первым фараоном V дин.

² Заслуживает быть отмеченным, что Pirenne устанавливает как раз для начала V дин. серьезные изменения в положении клира (Histoire des Institutions et du droit privé de l'Ancienne Egypte, III, стр. 434). Не свидетельствует ли это о том, что источники Диодора, которыми он пользовался, говоря о древнеегипетском праве, заслуживают большего доверия, чем им обычно оказывают?

³ Очевидно, Сенусерт.

⁴ Еще M u n i e r, Un achat de terrains au temps du roi Si-Amon, издавая одну стелу времени фараона Сиамона (XXI дин.), содержащую контракт, отметил, что Бокхорис, очевидно, не выработал новые законы, а лишь кодифицировал нормы, существовавшие уже раньше (Bibliothèque d'Ecole des hautes études, sciences historiques et philologiques, Paris 1922, том 234 стр. 361—366).

⁵ Диодор, I, 94—95. Сообщение Диодора, рассказывающего о том, что Дарий, изучая прежние обычаи, советовался со жрецами, подтверждается демотической хроникой, изданной W. S p i e g e l b e r g, Demotische Studien, Heft 7, Leipzig, 1914, в которой (столб. С, 6—16), следуя переводу акад. В. В. Струве, мы читаем: «Он послал (в) Египет к своему сатрапу в 4 году, говоря: пусть приведут мне знающих людей... из воинов, жрецов и писцов Египта, которые (выйдут) из него зараз и пусть они запишут закон Египта, который был раньше, вплоть до 44 года фараона Яхмеса—закон фараона, храмов и народа и (пусть) принесут сюда».

⁶ Не опубликованы. Они известны лишь из упоминания G. M ö l l e r, Paläographie, I, стр. 14.

⁷ Изданы W. S p i e g e l b e r g, Aus einer ägypt. Zivilprozessordnung, Abhandl. Bayer. Ak. d. Wiss., Neue Folge, № 1; K. S e t h e u. W. S p i e g e l b e r g, Zwei Beiträge zu dem Bruchstück einer ägypt. Zivilprozessordnung, ib. № 4.

⁸ Папирус был найден в 1939 г. и еще не издан. Изложение лучше сохранившейся части папируса дано в статье проф. Гизехского Университета G. M a t t h a, Preliminary report on the legal code of Hermopolis West, Bulletin de l'Institut d'Egypte, т. XXIII (1941), стр. 297 сл., получению которой я обязан любезности проф. М. А. Коростовцева.

со Ср. ц.¹ Было бы, однако, неправильным делать из этого вывод, что в Др. ц. законов не было и существовало лишь обычное право. Такому предположению противоречит твердо установившаяся и достаточно разработанная форма царских декретов, установления которых редактируются по той схеме, которую мы видим в законах позднейших периодов, а также наличие частично-правовых документов и судебных протоколов, свидетельствующих о фиксации разного рода соглашений и процессов. Исходя из этого, может быть, и следует согласиться с мнением Пиренна, утверждающего, что в противоположность к *wḏ nsw.t*—«царскому декрету», являющемуся просто «царскими решениями...», которые не вносят никаких изменений в существующие законы, *wḏ, ssp r wsh.t Hr* царский «декрет, принятый в большой зале Гора», и есть «закон»². Однако во времена Н. ц. термин *wḏ* не имеет значения «закон»: во всех тех случаях, где применен этот термин, речь идет именно о царском декрете, т. е. о документе, дарующем те или иные привилегии и имеющем ограниченное применение. Указания, которые вводились подобными царскими декретами, в смысле действительности ничем не отличались от законов *hp*: они могли даже устанавливать более суровую кару за различные преступления, чем то было предусмотрено обычными законами, однако их действие всегда было ограничено территориальными рамками того владения или поселения, которому были дарованы привилегии. Для Древнего царства мы имеем довольно большое число подобных декретов³, но от Н. ц. их сохранилось немного: характерным образцом такого декрета времени Н. ц. можно считать иммунитетную грамоту, пожалованную фараоном Сети I владениям храма Осириса в Наури⁴. Вполне возможно предположить, что с течением времени различные установления царских декретов, распространенные на ряд храмов и владений, воспринимались, как нечто столь обычное, что затем включались в своды законов⁵ и становились таким образом законами *hp*.

Эрман и Грапов обратили внимание на то, что термин *tp-rd* часто употребляется параллельно с *hp*⁷. Они, очевидно, имеют в виду случаи, сходные с теми, которые можно найти в надписи Тутмеса III о сделанных им после его походов дарениях и пожертвованиях богу Амону, в которой он между прочим заявляет, что он сделал для Амона «все законы и все наказания»⁷, или же в биографии везиря Рехмира, утверждающего, что при нем «каждый закон (*hp*) и наказ (*tp-rd*) находились на своем месте»⁸. Следовательно, во времена Н. ц. понятие *tp-rd* воспринималось как нечто сходное, но отнюдь не тождественное *hp*.

О том, что следует понимать под *tp-rd*, лучше всего можно судить по дошедшим до нас текстам «должностная инструкция везиря» и «назначе-

¹ Впрочем, может быть, термин *hp* и применялся в Др. ц., так как он засвидетельствован в поучении Птаххотепа, возникновение которого во времена Др. ц. мне кажется не исключенным.

² J. Pirenne, ук. соч., II, стр. 239.

³ См. мою работу «Иммунитетные грамоты Древнего царства», ТОВЭ, т. I, стр. 93 сл., где даны переводы всех грамот этого времени.

⁴ Русский перевод этой грамоты дан в работе М. А. Коростовцева, Декрет Сети I в Наури, «Исторический архив», т. II, стр. 239 сл.

⁵ Я думаю, что нередкое во времена Н. ц. утверждение фараонов о том, что они «укрепляли законы» (см. хотя бы примеры, собранные Erman - Grapov, Aegypt. Wörterbuch, т. II, стр. 488, 13), имеют в виду именно переписку законов, при которой в них вносили различные коррективы или включали новые установления.

⁶ Erman - Grapov, Aegypt. Wörterbuch, т. V, стр. 299, 2 указывают, что понятие *tp-rd* часто встречается наряду с *hp* «законы».

⁷ K. Sethe, Urkunden der XVIII Dyn. 7719, 14.

⁸ Ук. соч. 1095, 10

ние везиря»¹, носящим название *tp-rd*; тексты эти вырезаны в гробницах нескольких везирей Н. ц.², хотя и восходят к Ср. ц.³. Первый из них содержит нормы, устанавливающие взаимоотношения везиря с другими чиновниками, и регламентирует порядок рассмотрения им различных дел, второй содержит морально-этическое поучение, неизменно произносившееся фараонами на протяжении нескольких веков при обряде возведения везиря в его сан: выполнение везирем норм, предписанных этими документами, считалось для него обязательным. Следовательно, *tp-rd* являлись узаконениями, регулировавшими должностное право.

«Инструкция везиря» и «назначение везиря» являются, повидимому, лишь незначительной частью того обширного должностного законодательства, которое существовало в Египте. Тексты, напр., упоминают *tp-rd n ms'* «наставление для войск» и *tp-rd n w'b* «наставление для жрецов»⁴. Верховный жрец Амона-Ра устанавливал подобные должностные нормы для подчиненных ему ремесленников: в надписи Ромарой—верховного жреца Амона-Ра сообщается, что он был «дающим все наказы» (*tp-rd*) ремесленникам⁵. Вполне допустимо, мне кажется, предположить, что для каждой должности существовали свои *tp-rd*, регулировавшие обязанности соответственного должностного лица и указывавшие порядок назначения на должность. Такое предположение подсказывают не только перечисленные «наставления» для везиря, для войск, жрецов и ремесленников, но и надписи о назначении Мерира верховным жрецом Атона⁶ и Туту—жрецом храма Эхнатона⁷: сходство этих двух надписей настолько велико, что оно может быть объяснено только тем, что они взяты из соответственных «наставлений».

Таков тот скудный материал, которым располагает исследователь, пытающийся изучить древнеегипетское законодательство. И все же мне представляется возможной попытка реконструкции некоторых положений древнеегипетского права. Для этой цели могут быть использованы, к сожалению, пока еще весьма малочисленные данные судебной практики и клятвы⁸.

Значение клятвы в судопроизводстве

Почти в каждом юридическом документе и надписи, сообщающей об юридическом документе, встречаются клятвы. В каких-же случаях и для чего их произносят?

В многочисленных документах, касающихся ограбления фиванского некрополя, обвиняемые и свидетели произносят клятвы по требованию

¹ Ук. соч., стр. 1086—1093; русский перевод см. Б. А. Тураев, История Древнего Востока, I, стр. 225—6.

² «Должностная инструкция везиря» имеется в гробницах везирей Амонусера (вр. Тутмеса III), Рехмира (вр. Тутмеса III и Аменхотепа II), Амонемипета (вр. Аменхотепа II) и Пасара (вр. Сети I и Рамсеса II). «Назначение везиря» сохранилось в гробницах везирей: Амонусера, Рехмира и Хапи (вр. Тутмеса IV).

³ См. напр. Б. А. Тураев, Египетская литература, стр. 75.

⁴ K. Sethe, Urkunden der XVIII Dyn., 1095, 10.

⁵ Lefevre, Inscription concernant les Grands Prêtres d'Amon Romé-Roÿ et Amenhotep, текст I, стр. 2.

⁶ N. de G. Davies, The Rock tombs of El-Amarna, I, табл. XVIII.

⁷ Ук. соч., VI, табл. XIX.

⁸ Так как почти все известные ныне данные относятся ко времени Нового царства, я вынужден ограничиваться в своей работе только этим периодом.

суда¹ или по собственной инициативе². Далее, при заключении в суде контрактов о найме рабынь их владельцы клятвенно удостоверяют получение денег за время найма, обязуясь одновременно возместить работой этих же рабынь возможные дни их болезни³. В процессе, касающемся признания долга, суд требует от ответчицы клятвы, в которой та должна подтвердить правдивость своих показаний; такую же клятву дают суду и все свидетели по данному делу⁴. В процессе, касающемся обвинения в хуле фараона, от обвинителей, когда суд установил лживость обвинения, потребовали клятвы, в которой те отказались бы от своих заявлений и одновременно обязались не возбуждать их вновь⁵. В процессе, касающемся права владения земельным участком, свои показания подтвердили клятвами стороны и свидетели⁶. В процессе, касающемся требования возместить стоимость павшего (?) осла, истец ссылается на клятвенное обязательство, данное ответчиком при заключении соглашения о найме⁷. Клятвенное обязательство дает должник в соглашении о денежном займе⁸ и в соглашении о займе головной подставки⁹. Лица, признанные виновными в хулиганстве, клянутся в том, что они исправятся¹⁰. Обвиняемый в воровстве клятвенно отрицает свою вину¹¹. Владелец сдаваемого в наймы осла клятвенно заверяет нанимателя, что никакое третье лицо не имеет на него прав¹². Отлиц, признанных оракулом неправыми, требуют клятвы в том, что они не обжалуют приговора и согласны с ним¹³. В споре о праве собственности на могилу перед судом произносит клятву свидетель, а затем стороны¹⁴. Лицо, которому бог посредством оракула указал вора, укравшего у него ткани, заставляют дать клятву в том, что он не потребует от вора пени¹⁵. Жреца, совершающего ритуальное очищение, заставляют поклоняться в том, что он не войдет к богу¹⁶ и в другом случае от него же требуют клятву в том, что он не будет испрашивать оракула относительно назначения нового жреца¹⁷. По требованию тестя зять клянется не обижать свою жену¹⁸. Наконец, клятвой защищает права усыновленных ею детей рабыни некая певица бога Сета¹⁹.

Если мы попробуем систематизировать приведенные данные, то прежде всего окажется возможным установить, что клятвы являются необходимым элементом процесса (безразлично—уголовного или гражданского), в котором их произносят для подтверждения своих показаний свидетели

¹ См. напр. ПБрМ 10052, 5.4—5; 5.26—27; 7.2—3 и мн. другие.

² См. напр. ПБрМ 10053, vs. 2, 18; 3, 5; 4, 6 и мн. др. Впрочем, очень может быть, что в подавляющем большинстве случаев клятвы, которые выглядят как произнесенные по собственной инициативе, на самом деле были произнесены по требованию суда.

³ Пап. Гуроб II, 1 и 2; строки 7—9 и 17—20; ПБМ 9784, 25—27 и ПБМ 9785, 14—17. Ср. также пергамент Луврск. музея 1577, 3—6.

⁴ ПКМ 65739, 17—19 и 26—28.

⁵ ОКМ 25556, 7—9.

⁶ Надпись Меса N. 20—36, S. 5—6 и 12.

⁷ ОБМ 1121.

⁸ ОДЭМ 61, 3—5; см. также ОБМ 10655; ОДЭМ 56, 1 сл. и 57, 2 сл.

⁹ ОДЭМ 58, 2 сл.

¹⁰ Пап. Сальт. 124, vs. I. 6—7.

¹¹ Ib., vs. I. 12.

¹² ОДЭМ 62, 4—6.

¹³ ОДЭМ 133, 5—6; ОБрМ 5625, vs. 8—10; ПБрМ 10335, vs. 7—11 и ОКМ, 25553, 4—5.

¹⁴ ПБМ 10496, vs. 2—5 и 12.

¹⁵ ПБрМ 10335, vs. 20—21.

¹⁶ Pap. Tur. (P. u. R.) LI—LX, rt. I, 10—11.

¹⁷ ib., rt. I, 13.

¹⁸ Остр. Бодленианской б-ки 253.

¹⁹ Пап. Гардинер, vs. I, 1—7.

и стороны. Последнее заслуживает особого внимания, ибо совершенно очевидно, что одна из клятв неизбежно была ложной¹. Далее мы заметим, что в ряде случаев от лиц, проигравших дело, требуется клятвенное согласие с приговором. Наконец клятвы произносят стороны при заключении разного рода сделок и соглашений. Таким образом клятвы имели в древнеегипетском праве то же применение, какое они имели, например, в древневавилонском².

Однако древнеегипетские клятвы имели одну особенность, насколько мне известно, не засвидетельствованную в праве других народов древнего Востока. Эта особенность состоит в том, что древнеегипетская клятва в юридических документах обычно предусматривает наказание, которому должно быть подвергнуто лицо, произнесшее ее, в том случае, если показание окажется ложным или если условие, подкрепленное клятвой, не будет выполнено. Вот, для образца, два примера того, как выглядит клятва: «Если не истинно все сказанное мною, пусть я буду посажен на кол», — клятвенно заявляет обвиняемый в грабеже некрополя, сообщая о том, как было разделено награбленное имущество³. «Как существует Амон, как существует Правитель! если я дам пройти 10 дням и не отдам Горминуэти одеяния, они будут против меня вдвойне» (т. е. «я буду ему обязан вернуть два одеяния»), заявляет должник⁴.

Эта особенность древнеегипетских клятв, если счесть ее соответствующей действительности, т. е., если санкции, предусматриваемые клятвой, действительно применялись к тем, кто произнес ее ложно или нарушил подкрепленное ею условие, не только дает очень много для понимания характера египетского правосудия, но превращает сами клятвы в источник исключительной ценности для реконструкции законодательства.

Совершенно бесспорным такое понимание клятв было бы, если бы можно было установить хотя бы один случай, когда текст непосредственно сообщает, что наказание, предусмотренное клятвой, было наложено на клятв-вопоступника. К сожалению, те тексты, которыми я располагаю, такого случая не приводят. Поэтому я вынужден попытаться доказать предлагаемую точку зрения иным путем.

В свое время Шпигельберг довольно скептически отнесся к возможности использовать для изучения египетского права клятвенные заявления. Так, касаясь клятв, предусматривающих наказание в виде изуечения и отправки в Эфиопию, он писал: «В общем, при использовании подобных клятв, мы должны будем действовать с большой осторожностью»⁵; а о клятвах, предусматривающих наказания в виде 100 ударов или отдачи на съедение крокодилу, Шпигельберг говорит: «такие гиперболы для наших дней имеют столь же незначительную ценность, как наше: «если я солгал — пусть я буду отдан палачу» для немецкого уголовного права»⁶. Мне думается, что скепсис Шпигельберга не обоснован. В самом деле, так ли невероятны наказания, предусматриваемые клятвами в юридических документах? Среди них встречаются: изуечение⁷, изуечение и отправка на

¹ На это обратил уже внимание Seidl, Einführung in die Aegyptische Rechtsgeschichte, Glückstadt, 1939, стр. 36, отметив невозможность клятвенных показаний обеих сторон в римском процессе.

² А. П. Р и ф т и н, Старо-Вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, стр. 21.

³ ПБрМ 10053, vs. 3,5.

⁴ Остр. Петри 67 (J. Černý, JEA XV, 249).

⁵ Spiegelberg, Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches, 1892, стр. 70.

⁶ Ук. соч., стр. 70—71.

⁷ Пап. Майер А, I.18; I.22 и мн. др.

каторжные работы в Эфиопию¹, просто отправка на каторжные работы в Эфиопию², сажание на кол *tr ht*, наказание 100 ударами и нанесение 50 ран³, наказание 100 ударами и утрата прав на долю спорного имущества⁴ или на все спорное имущество⁵, наказание 100 ударами и уплата двойной стоимости оспариваемого имущества⁶, уплата двойной стоимости⁷, имущественная ответственность⁸, отрезание языка⁹, лишение звания и превращение в ремесленника¹⁰, отдача на съедение крокодилу¹¹ и, наконец, «помещение на задворки дсма»¹².

Почти все эти наказания, уже не как предусмотренные клятвами, а как те, которым были в действительности подвергнуты преступники, или же, как те, которые были установлены царскими указами, мы можем найти в других документах. Так, сажание на кол предусматривается декретом Сети I в Наури¹³, в том же тексте упоминается, как наказание, нанесение 100 ударов и 5 ран¹⁴, отрезание носа и ушей¹⁵, лишение звания и превращение в земледельцев¹⁶, а также имущественная ответственность¹⁷. Предусмотренное клятвами наказание в виде помещения на задворки дома, вне сомнений, является тем же, которое указано в упомянутом уже декрете Сети I: «отдадут его жену и детей в неждёты, принадлежащие Домуэтому»¹⁸. Что же касается ссылки на каторжные работы, наказание подобного рода нередко встречается в источниках, но в них как место ссылки упоминается Большой оазис¹⁹ и крепость Чару²⁰ на Сирийской границе Египта; поэтому, хотя о ссылке в Эфиопию сообщают только клятвы, такое наказание вполне правдоподобно, тем более что, например, Диодор, описывая изнурительный труд в золотых рудниках Эфиопии, отмечает (III, 12), что среди работавших в них людей очень многие были преступниками.

Что же касается отдачи на съедение крокодилу, то и оно упоминается, правда, в литературном тексте Ср. ц., как наказание для прелюбодея²¹.

Нашей гипотезе противоречит как будто наказание в клятве об усыновлении детей рабыни²²: «Сказала она (женщина, которая усыновляет детей). Как существует Амон, как существует Правитель! ж. з. б. Я сделала этих людей людьми, которые записаны как немху земли фараона, ж. з. б.

¹ ПБрМ 10052 3.22—23; 5.4—5 и мн. др.

² ПБрМ 10053, vs. 4.6; ПБрМ 10052, 4.22 и мн. др.

³ ПБМ 10496, vs. 12—13.

⁴ ОБрМ 5625, 9—10; Остр. Бодлеианской 6-ки.

⁵ ПКМ 65739, 16—17.

⁶ ОДЭМ 133, 5—6; ОБМ 10655, 3—5.

⁷ ОДЭМ 61, 3—5; ОКМ 25553, 4—5 и др.

⁸ ОБМ 1121, 6—7; ОДЭМ 62, 4—6.

⁹ Пергамент Луврск. муз., AF. 1577, 3—6.

¹⁰ Пап. Сальт., vs. I, 6—7.

¹¹ ПБрМ 10335, 14—17.

¹² Надпись Меса N. 35 и N. 36.

¹³ Стр. 77—78.

¹⁴ Стр. 53.

¹⁵ Стр. 51. Это то же наказание, которое в клятвах называется «изувечение».

¹⁶ Стр. 52.

¹⁷ Стр. 54—55 и 67—71.

¹⁸ Стр. 74. С этим же наказанием А. Gardiner (JEA I, стр. 35, прим. 6) сравнивает замечание ПЭМ 1116 А. строки 142—143: «Погибнет время слабого через тех, которые на задворках дома Ахтоя» (этой ссылкой я обязан акад. В. В. Струве).

¹⁹ Примеры собраны у Н. В. R u g s c h, Reise nach der Grossen Oase, стр. 83 сл.

²⁰ Декрет Харемхеба 17 и 22.

²¹ Пап. Весткар IV, 5—6.

²² Пергамент Луврск. муз., AF. 1577, vs. 5—7.

И если сын или дочь, брат или сестра их матери или их отца оспорит их права, кроме Падиу, моего сына—они вовсе не даны ему как слуги,—они даны ему как братья или сестры и дети, как немху земли фараона, ж. з. б.—изнасилует его осел, изнасилует осел его жену—того, кто назовет одного из них слугой». Но здесь не обычная клятва. Дело в том, что санкции, которые обычно предусматривают клятвы, грозят не постороннему лицу, а тому, кто сам произнес ее. В приведенном же случае угроза обращена к постороннему лицу. Поэтому здесь клятву следует понимать как заклятие против возможного нарушителя воли усыновляющей. Такая клятва—заклятие и не может предусматривать конкретного наказания, а грозит карой, имеющей моральную, а не юридическую силу¹.

Таким образом, факты говорят о том, что наказания, которые упоминаются в клятвенных показаниях или заявлениях, вполне реальны. Однако это хотя и делает достаточно вероятным мое предположение, что именно та санкция, которая предусмотрена в формуле клятвы, и должна была бы быть применена против того, кто произнес ее ложно, но не доказывает его бесспорным образом. Да и кроме того надо учесть, что, приводя доказательства реальности наказаний, я совершенно не считался с тем, за какие преступления подвергались им.

Хотя, как я отмечал уже выше, мы не имеем случая, когда бы текст непосредственно сообщал о том, что к кому-либо применили наказание за ложную или нарушенную клятву в соответствии с тем, как было им самим заявлено в клятве, мы располагаем данными, говорящими о наказаниях, понесенных по обвинениям, аналогичным тем, по которым были даны клятвы. Приведу два примера.

В контракте о найме рабынь их владельцы—горожанка Пиах и ее сын жрец-уаб Мини,—получив от нанимателя, начальника пастухов Месуа обусловленную за их работу плату, произнесли клятву: «Тогда сказали они: «Как существует Правитель! Как существует Правитель. Если проболуют эти дни (это), составит день на день, ибо я удовлетворен ценой»². В силу этой клятвы владельцы рабынь обязались возместить в двойном количестве возможные дни болезни рабынь. Точно о таком же возмещении, но фактически уплаченном, мы знаем из сходного контракта, заключенного тем же начальником пастухов Месуа с владельцем двух других рабынь, пастухом Небмехи. «Тогда проболела два дня рабыня Хенут (говорит Месуа) и он (т. е. Небмехи) дал мне два дня Мериреметеф и два дня раба Нахт-сети перед свидетелями многими»³.

Другой пример дает нам процесс грабителей царских могил. В нем некоторые из обвиняемых по требованию суда произнесли следующую клятву: «дали ему поклясться владыкой, ж. з. б., говоря: «если я скажу ложь—я буду изувечен и я буду посажен на кол»⁴, т. е. они призывают на себя, в случае если окажутся виновными, ту кару, которая, как мы знаем из текста, также относящегося к этому же процессу, постигла семь грабителей могил: «Грабители прежде посаженные на кол—семь человек»⁵. Это дает дальнейшее подтверждение высказанному мной предположению.

Наконец, подтверждает предлагаемую точку зрения функциональное

¹ Совершенно аналогичны угрозы, содержащиеся на дарственных стелах: ведь и там это—заклятия, обращенные против третьих лиц—возможных нарушителей воли донатора. Часть примеров таких заклятий собрана у G. Möller, *Das Dekret des Amenophis, des Sohn des Naru*. (SPAW, phil.-hist. Classe, 1910, стр. 932 сл.).

² Пап. Гуроб II, 1 и 2; 7—8. См. также ib., 17—19; ПБМ 9784, 26—27 и ПБМ 9785, 16—17.

³ ПБМ 9784, 8—10.

⁴ ПБрМ 10052, 7, 2; 8, 26; 10, 2; 10, 12 и др.

⁵ Пап. Майер А. В. В, 1.

назначение клятв, произносимых при допросах и процессах обвиняемыми, сторонами и свидетелями.

В самом деле, если бы оказалось, что клятва, т. е. призывание в подтверждение показаний имени царя и богов, имела силу безусловного доказательства, тогда можно было бы счесть наказания, предусматривающиеся в клятвах, при всей их реальности, простым закланием или пережитком его. Однако в Н. ц. клятвы, как правило, безусловными доказательствами не считались.

Это можно заметить почти в каждом документе, представляющем протокол процесса или допроса. Ведь, если бы клятва во времена Н. ц. рассматривалась, как бесспорное доказательство, достаточно было бы стороне (или обвиняемому) подкрепить свое показание клятвой, как суд должен был бы признать поклявшегося правым. На самом же деле весь ход процессов и допросов говорит об ином. Независимо от данной заинтересованными лицами клятвы суд производит расследование, применяя очные ставки, пытки, обыски.

Совершенно очевидно, что это было бы невозможно, если бы клятва считалась безусловным доказательством. Почему же ее все-таки произносят в суде и для чего суд требует ее произнесения?

Египетский процесс, его обряд, восходят к начальным периодам египетской истории. При развитии классового общества и сопутствовавшего ему усложнения правовых отношений суд сохраняет в себе много прежних черт, не отвечающих уже новым требованиям жизни. Клятва в суде—одна из этих пережиточных черт.

Вероятно, было время в истории египетского права, когда клятва решала дело. Ее произнесение отдавало сторону под покровительство богов, и людское правосудие должно было отступать перед этими высшими силами, которым и принадлежало наказание виновного в случае, если клятва была ложной. Позднее клятва перестала быть универсальным доказательством правоты, и суд стал требовать более ощутимых данных.

Однако и в последующие периоды произнесение клятвы при совершении разного рода юридических актов, равно как и при суждениях, в силу устойчивости традиций, продолжает быть обязательным, но теперь к призыву имен бога и царя стали добавлять нечто новое—определение той кары, которая должна будет постигнуть виновного в нарушении соглашения или в даче ложного клятвенного показания. Указание санкции (различной, конечно, для разных случаев) стало второй, неотъемлемой частью клятвенного заявления. Первоначально санкции, вероятно, указывались клянущимися произвольно, позднее диктовались нормами обычного права, а затем—закона.

С появлением норм обычного права, а тем более позднее при установлении закона, надобность в указании санкции при клятвенных показаниях или заявлениях, по сути дела, разумеется отпала, но к этому времени вся формула клятв приобрела такую устойчивую традицию, что произнесение ее стало юридической формальностью, необходимой для придания законности сделке или процессу. Опираясь на клятву (я имею в виду входящую в ее состав санкцию), суд выносил свой приговор.

Именно поэтому, думается мне, в протоколах суда мы не находим решения, которым суд указывал бы, что надлежит сделать с виновным или что присуждается истцу; приговор очень краток и сводится к формуле «прав Х, не прав У». А то, что вытекало из этого приговора, было определено клятвами сторон (а вовсе не «подтверждающим разъяснением», которое, по аналогии с Римским правом, реконструирует Зейдль¹).

¹ Ук. соч. стр. 38.

Однако в некоторых случаях клятва сохранила свое прежнее значение безусловного доказательства. Так, сообщение Геродота о том, что клятвой можно было освободить я от обвинения в воровстве (II, 174), засвидетельствованное и Диодором (I, 79), следует признать вполне достоверным и, насколько я могу судить по переводу некоторых отрывков текста, оно находит себе подтверждение в одном неопубликованном документе Берлинского музея, датированном XVIII дин. В нем сообщается о том, что отец, обвинивший своего сына в краже домашних вещей, после клятвы последнего должен был отказаться от своего обвинения¹. Можно таким образом предполагать, что в тех случаях, когда обвинение (или иск) не имели за собой твердых доказательств, клятва еще во времена Н. ц. освобождала от обвинения.

Все приведенные соображения, как мне кажется, делают высказанное выше предположение о назначении угрозы наказания, входящей в состав клятвенной формулы, вполне обоснованным и мы, следовательно, можем считать, что клятва во времена Н. ц. не только призывала в свидетели царя и богов, но и определяла приговор над виновным.

Реконструкция некоторых норм древнеегипетского права

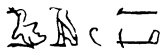
Именно поэтому клятвы, в сопоставлении с данными судебной практики, я считаю, дают возможность частично восстановить древнеегипетское законодательство времени Нового царства.

Пытаясь реконструировать некоторые положения права, я учитываю, что помимо законов, наказов и декретов, восходящих в той или иной мере к обычному праву, могли, разумеется, сохраняться в неприкосновенности отдельные нормы обычного права, ставшие неприемлемыми для господствующих слоев египетского общества и потому не вошедшие в писанные законы. Однако такие положения обычного права могли, как мне кажется, применяться только при маловажных спорах, которые, возможно, улаживались решениями старейшин поселений в тех случаях, когда стороны хотели к ним обратиться (но документов, отражающих подобные случаи, пока не обнаружено). Допустить же предположение, что судебная палата—кенбет,—заседавшая под председательством везира, равно как и храмовый суд, могли в своих решениях руководствоваться теми нормами, которые сознательно не были включены в писанные законы, мне кажется мало вероятным.

С другой стороны, под воздействием изменившихся общественных отношений могли возникать новые нормы, только при позднейших «кодификациях» вошедшие в состав писанных законов. Поэтому, до тех пор пока не будут обнаружены сами свитки законов, не может быть полной уверенности в том, что реконструируемые нормы египетского права отражают именно законы (*hp*), а не ново-возникающие обычаи. Однако мне кажется, что те моменты права, которые рассматриваются ниже, по своему характеру должны были входить в состав именно законов, ибо они касаются таких норм, для которых, насколько известны социальные отношения Нового царства, изменения не были необходимы.

а. Законы против воровства. Нормы, направленные против воровства,

¹ Кожаный свиток БМ, Р. 3029. Текст частично переведен А. Египти и Р. Кребс, *Aus den Papyrus der Königlichen Museen zu Berlin*, стр. 87. Я исхожу из нового перевода отрывков текста, принадлежавшего А. Scharff'у и помещенных у Seidl'a, ук. соч.

были уже частично установлены Я. Черным¹. Указанный ученый, исходя из трех текстов², датируемых временем XIX и начала XX дин., пришел к следующим бесспорным выводам: 1) уличенный вор был обязан вернуть похищенное имущество и уплатить в качестве штрафа дву- или трехкратную стоимость украденного, 2) этот штраф (или пеня) обозначался определенным термином или и взимался в пользу потерпевшего и 3) потерпевший мог отказаться от своего права на взыскание штрафа³. Однако выводы Черного, как мне кажется, касаются норм, охранявших только одну группу собственности—частную. Притом они не касаются (ибо известные ныне тексты материала для этого не дают) вопроса о том, как надлежало поступить в том случае, когда имущество вора не давало возможности взыскать с него стоимость украденного и пеню, равно как вопроса о том, различали ли древнеегипетские нормы при определении наказания общественное положение виновного или потерпевшего. Поэтому выводы Я. Черного необходимо пополнить, насколько это позволяет сделать доступный материал.

Остановимся прежде всего на известном мне пока единичном случае, когда за воровство были отрезаны руки⁴. Это наказание, как совершенно нормальное, упоминается в жалобе некоего ремесленника Амоннахта, поданной везирию (а может быть—фараону) на незаконные действия Панеба—одного из начальников ремесленников Фиванского некрополя. Панебу инкриминируется, что вследствие его преступных действий наказание за воровство некоторых вещей, предназначенных для царской могилы, постигло совершенно невинное лицо, у которого отрезали руки, хотя преступление на самом деле было совершено Панебсн.

Отрезание рук как наказание за воровство упоминает и Диодор (I, 79).

Далее, мы знаем, что при каких-то условиях за кражу быка полагалась ссылка в Нубию. Об этом сообщается в показаниях раба—сирийца Карбаала, обвиненного в грабеже некрополя⁵. Отрицая свою вину, Карбаал показывает, что он отказался выполнить повеление своего хозяина, потребовавшего, чтобы Карбаал вместе со своими товарищами украл быка в Фиванском некрополе. Свой отказ Карбаал мотивировал следующим образом: «Я, пришедший из Сирии, буду (отправлен в) Куш? Пусть (лучше) мой глава найдет [меня] виновным и избьет меня за это!».

Еще более суровы были наказания за кражу, совершенную в могилах некрополя. Клятвы, сохранившиеся в показаниях лиц, обвиняемых в ограблении царских гробниц, или свидетелей, привлеченных по тому же делу, формулируются следующим образом: а) «Дали ему поклясться собственным изувечением не говорить лжи»⁶. б) «Он сделал клятву владыкой, ж. з. б., собственным избием, отрезанием собственного носа, ушей и сажанием на кол»⁷. в) «Дали ему поклясться владыксы ж. з. б.,

¹ J. Č e r n ý, Restitution of, and penalty attaching to stolen property in Ramesside time, JEA XXIII, стр. 186 сл.

² ПЛМ 352; ОЧИ 110 и ПБрМ 10335.

³ К последнему выводу Я. Черный добавляет, что отказ от своего права на штраф имел, повидимому, место в тех случаях, когда украденные вещи фактически не были обнаружены. Это добавление Черного мне кажется необоснованным, ибо единственный известный нам случай, когда потерпевший отказался от штрафа—ПБрМ 10335—не дает оснований для подобного заключения. Ведь в нем вор, признаваясь в краже, заявляет: «Они (т. е. украденные ткани) у меня и я (отдам их)». Вероятнее предположить, что вор просто не обладал состоянием, достаточным для уплаты штрафа.

⁴ П. Сальт 124, гл. I, 7.

⁵ ПБрМ 10052, 12, 8—9.

⁶ ПБрМ 10403, 1.10—11; 3.10—13 и др.

⁷ Пап. Аббот 5,6—7.

говоря: «если я скажу ложь, он будет изувечен и он будет посажен на кол»¹ и г) «он сделал клятву владыкой, ж. з. б., говоря: «если я скажу ложь, он будет изувечен и его отправят в Куш»².

Во всех этих клятвах первая часть формулы, хотя она и выражена разным образом, по сути дела тождественна. Это устанавливается из клятвы одного из обвиняемых—писца Пасемтаумт, где она приведена в развернутом виде: «Он сказал: «Как существует Амон, как существует Правитель. Если будет обнаружено, что я общался с грабителями из (числа) этих грабителей, он будет изувечен в его носе и ушах и он будет посажен на кол»³.

Иначе обстоит дело со второй половиной клятвы, в одних случаях грозящей казнью на колу, а в других ограничивающейся лишь угрозой изувечения и ссылки в Нубию. Чем же объясняется, что клятвы, произнесенные обвиняемыми по одному и тому же делу, грозят им разными наказаниями? Предположить, что некоторые обвиняемые желали смягчить свое будущее наказание произнесением клятвенной формулы (ведь она, как я это указывал выше, содержала будущий приговор суда), предусматривающей относительно мягкую кару, нельзя—так как формулу клятвы обвиняемые и свидетели избирали не по своему усмотрению, а по указанию суда⁴. Нельзя также предполагать, что эта разница определялась только общественным положением тех, которые были привлечены к делу об ограблении гробниц, ибо мы знаем, что одно и то же наказание предусматривается в клятвах, произнесенных, например, и рабом⁵ и жрецом⁶. Поэтому мне представляется, что единственным объяснением наличия клятв, предусматривающих различные наказания за одно преступление, может явиться предположение, что судом при указании формулы клятвы учитывалась степень вины обвиняемого. Такое предположение может найти себе известное подтверждение в том факте, что судебная практика (а, следовательно, вероятно, и древнеегипетское законодательство) действительно различала степень вины или соучастия в преступлении. Это с очевидностью вытекает из наказаний, понесенных обвиняемыми в организации гаремного заговора⁷ и в ограблении могил фиванского некрополя⁸.

То обстоятельство, что наказания, которые призывались в приведенных выше клятвах, были в действительности применены к тем из обвиняемых, чье участие в ограблении фиванского некрополя подтвердилось следствием, лучше всего доказывается папирусом Майер А, в котором даны сведения о судьбе, постигшей обвиняемых. Так, в отношении семи лиц в нем сообщается: «Грабители, прежде посаженные на кол: 7 человек»⁹. А то обстоятельство, что именно это наказание предусматривалось

¹ ПБрМ 10052, 7,2, 8,26; 10,2; 10, 12; 11, 14; 11, 17; 11, 20; 14, 24; 15, 16—17; ПБрМ 10403, 2,7. Сюда же, видимо, следует отнести клятву ПБрМ 10053, вс. 3, 5, где формула дана в сокращенном виде.

² ПБрМ 10052, 3,22; 5,4; 5,26; 7,10; 8, 17; 9,22; 11,1; 11,9; 11,23. Сюда же я отношу клятвы в ПБрМ 10052, 4,22 и 11,4, а также ПБрМ 10053, вс. 2,18, где первая часть формулы опущена.

³ ПБрМ 10052, 14,23—24. В приведенных мной примерах клятв обращает на себя внимание переход местоимений из 1 л. в 3 л. Это объясняется тем, что писцы, записывавшие процесс, из опасения магии слова, которое могло обратиться против самого писца, записывали призванное в клятве наказание от имени третьего лица.

⁴ Пап. Аббот, 5, 6—7; ПБрМ 10052, 7, 2; 8, 26; 10, 2; 10, 12; ПБрМ 10403, 2, 7 и др. другие.

⁵ ПБрМ 10052, 7, 2.

⁶ ПБрМ 10052, 11, 17.

⁷ ЮПТМ.

⁸ Пап. Майер А, 11 и сл.

⁹ Пап. Майер А, 13, В. I.

законом за ограбление могил, вытекает из заявления князя Фив, возбудившего вопрос об ограблении некрополя и мотивирующего невозможность умолчать о поступивших к нему доносах о столь великих преступлениях тем, что это—«преступление великое, подлежащее наказанию через казнь сажанием на кол»¹

Таким образом, можно считать установленным, что иногда кража наказывалась повреждением конечностей и ссылкой на каторжные работы в Нубию и даже смертной казнью.

О законодательстве времени XIX дин., охранявшем храмовую собственность от воровства, мы узнаем далее из указа Сети I в Наури. Так, согласно этому указу кража каких-либо вещей, принадлежавших храму, наказывалась 100 ударами и взысканием в пользу храма штрафа в стократном размере стоимости украденного². Еще строже наказывалась кража храмового скота: похитителю отрезали нос и уши, после чего его отдавали в рабство храму, а членов его семьи делали зависимыми людьми того же храма³. Даже косвенное причинение ущерба, явившееся результатом насильственного отвлечения пастуха от его прямых обязанностей, наказывалось 200 ударами и взысканием в пользу храма стократной стоимости скота, утраченного за время отсутствия пастуха⁴.

Почему же за воровство могли налагаться столь разные наказания? Причина этого, как мне кажется, лежит не в том, что судья мог произвольно выбирать наказание (наоборот, я думаю, что египетский судья времени Н. ц. был крайне стеснен в своих действиях и рамками законодательства, и многовековой судебной практикой), а в том, что закон совершенно различно охранял различную собственность. Так, вполне очевидно, что наибольшим покровительством закона пользовалась храмовая собственность (и, вероятно, царская). Это особое положение храмовой собственности вытекало из привилегий, которые получили храмы в силу многочисленных иммунитетных грамот, пожалованных и возобновлявшихся различными фараонами. Этим особым покровительством закона и объясняется большая суровость наказаний за кражу имущества, принадлежавшего храмам.

Наравне с кражей храмового имущества преследовались кражи погребального имущества, совершенные в пределах некрополя. Наказание за кражу быка в виде ссылки в Нубию, зафиксированное в показаниях Карбаала (см. выше), находит себе полную аналогию в указе Сети I, дарующем иммунитет храму в Наури. Следовательно, суровость наказаний, примененных в отношении грабителей некрополя, объясняется указанной выше причиной⁵.

Далее следует подчеркнуть, что различные виды храмовой собственности охранялись различно. Из упомянутого уже указа Сети I ясно, например, что скот охранялся более строго, чем какое-либо другое имущество. Вполне естественно поэтому предположить (и процесс грабителей некрополя дает к тому основания), что за кражу той утвари, которая была непосредственно необходима для отправления культа и носила на себе ореол святости, полагалась смертная казнь.

Устанавливаемое различие в наказаниях за кражу храмового имущества позволяет высказать догадку, что аналогичные различия должны были

¹ Пап. Аббот, 6, 12—13. Ср. также ПБрМ 10052, 8. 5.

² Стр. 54—55.

³ Стр. 72—74.

⁴ Стр. 66—71.

⁵ Это, впрочем, вполне естественно, ибо некрополь являлся частью храмовой территории.

существовать и в отношении имущества, принадлежавшего отдельным лицам. В частности мне кажется вполне возможным предположить, что, например, кара за кражу быков—этого жизненно-необходимого при сельскохозяйственных работах животного—была больше, чем при краже какого-либо иного имущества.

Рассмотренный выше материал позволяет прийти к выводам, что древнеегипетские законы во времена Н. ц. предусматривали за кражу следующие наказания:

1. За кражу какого-либо имущества у частного лица—возврат похищенного и штраф в размере двух-трехкратной стоимости украденного. Потерпевший мог отказаться от своего права на штраф.

2. За кражу скота, принадлежавшего частному лицу, полагалось более суровое наказание (может быть, как раз отрезание руки, которое упоминается как наказание за воровство в папирусе Салт 124 и у Диодора).

3. За кражу какого-либо храмового имущества—100 ударов и сто-кратный штраф.

4. За кражу храмового скота—изувечение и отдача в рабство (или ссылка в Нубию).

5. За кражу культового инвентаря—смертная казнь.

Разумеется, это лишь самая общая схема ибо, помимо отмечавшегося уже выше учета египетским законодательством степени виновности в краже, оно предусматривало также возможность усугубления наказания в зависимости от должного положения виновного. Так, указ Харемхеба предписывает: «Что касается какого-либо воина, относительно которого будет услышано, как говорят: «он идет, чтобы отобрать кожу»—отныне также применяет закон против него путем нанесения 100 ударов и 5 открытых ран, а взятая им кожа отнимается у него вместе с его пеней»¹.

Упомянутые здесь тексты позволяют также высказать некоторые суждения относительно того, предусматривало ли египетское законодательство наказание укрывателей и скупщиков краденного.

Некий Пакани, слуга дома Амона, был обвинен в том, что он получил от Бухаефа (одного из инициаторов ограбления царских могил) какое-то количество серебра. Пакани не отверг этого обвинения, но сказал: «я получил два дебена серебра и я оплатил их»². Тем не менее текст отмечает: «была дана ему свобода».

Несколько иначе решил суд в отношении начальника земледельцев Яхенмену, также обвиненного в том, что он попользовался награбленным добром. Яхенмену признал, что он получил от двух грабителей в общей сложности 5 кит золота, 3 дебена серебра и 2 быков. По решению суда Яхенмену был отпущен на свободу, однако его обязали вернуть полученные от грабителей деньги. «Везирь сказал ему: «пусть будут присесены нам эти деньги». Он (т. е. Яхенмену) сказал: «я (от) дам их»³.

Из этих случаев я делаю следующие выводы: 1) лицо, купившее краденое, не несло никакой ответственности за происхождение приобретенного и 2) лицо, получившее краденое иным путем (Яхенмену не указывает, почему ему было дано золото, серебро и быки—вероятнее всего, это взятка), было обязано вернуть краденое.

6. *Законы против ложных обвинений.* В протоколе судебного процесса времени Тутмеса IV между чиновником (w'w), представителем фиска,

¹ Правая сторона, стр. 28.

² Пап. Майер 10, 18—20.

³ Пап. Майер 10, 2—8.

и одним из храмов богини Гатор, в лице начальника сокровищницы этого храма, относительно взыскания с этого храма налогов, после приговора сула: «Прав [начальник] сокровищницы Себекхотеп, не прав Мери», имеется следующая приписка: «Тогда он (имеется в виду Мери) был бит 100 ударами»¹.

В своих комментариях к этому тексту его издатель В. Шпигельберг² указал, что наказание 100 ударами палок приговором не предусмотрено и причина его, вследствие фрагментированности текста, остается непонятной.

Мне кажется, что причину этого наказания все же можно объяснить.

Из остракона Каирского Музея 25556, содержащего черновик протокола судебного заседания, посвященного разбору обвинения в произнесении хулы на фараона, мы узнаем, что обвинители, после того как они отказались от выдвинутого ими обвинения и подтвердили свой отказ клятвой, были наказаны: «И им дали 100 полновесных ударов палки»³. В том, что здесь наказание было применено за ложное обвинение, не может возникнуть никаких сомнений. А это дает право предположить, что наказание, которое постигло чиновника Мери в процессе относительно храмовых податей, было вызвано той же причиной. В пользу этого говорит мотивировочная часть приговора по этому процессу: в ней, после ссылки на то обстоятельство, что вопрос об освобождении храма от податного обложения рассматривался еще во времена Тутмеса III, указывается: «Пусть не тягаются с ними согласно закона»⁴. Этой мотивировкой суд указывал, что чиновник Мери заведомо неправильно возбудил процесс, следствием чего, очевидно, и явилось его наказание.

Эти два текста дали мне основание еще в свое время сделать вывод, что во времена Нового царства «лица, возбуждавшие ложное обвинение, подвергались палочному наказанию»⁵. Дальнейшее подтверждение этому дает хотя бы обращение маджая Амонхау к богу с просьбой установить его права на осла. В этом тексте сообщается о том, как после трехкратного обращения к богу маджая Амонхау, получавшего каждый раз отрицательный оракул, жалобщика обязали произнести клятву следующего содержания: «если я вновь вернусь к делу, я буду под 100 ударами палки и буду должен ему двух ослов»⁶. Сходный случай зафиксирован и в оракуле по поводу тяжбы о праве собственности на ослилу: от лица, признанного оракулом неправым, потребовали клятву: [если] я вновь оспарю его, я буду под 100 ударами и я утрачу (свою) долю»⁷.

Все это полностью подтверждает мой прежний вывод о том, что лицо, возбуждавшее ложное обвинение, подвергалось палочному наказанию.

Однако новые привлеченные мною примеры позволяют уточнить это положение: если ложное обвинение грозило ответчику имущественным ущербом, то на истца помимо палочного наказания накладывался штраф. Это может быть подтверждено дополнительными данными. Так, ответчика по делу о признании долга, сделанного ею при покупке рабыни (долг составлял лишь часть стоимости рабыни), произнесла клятву: «если свидетели покажут против меня, что было какое-либо имущество горожанки Бекмут (истец) в деньгах, которые я дала за эту служанку, и если

¹ Пап. МООК II, 4—5.

² ÄZ, 63, стр. 105 сл.

³ Стр. 9.

⁴ Пап. МООК II, 2—4.

⁵ Замечания к пап. Моок, Сек. № 1 (1929 г.), стр. 11 сл.

⁶ ОДЭМ 133, стр. 5—6.

⁷ ОБрМ 5625, vs. 10.

я утаила его, я буду под ста ударами и я утрачу ее»¹. Ответчик по земельной тяжбе поклялся в своей правоте: «если будет сделан розыск и если будет найдено, что я обработал.... часть..., то я буду разорен»². В копии документа, излагающего один из предшествовавших этапов той же земельной тяжбы, зафиксирована клятва женщины по имени Маиа, которая, судя по ее показаниям, в одном из предыдущих поколений являлась стороной. Эту клятву она произнесла под угрозой: «я утрачу свою долю»³.

Впрочем, имущественный штраф далеко не всегда имел место. Так, в упомянутом процессе о взимании податей с храма Гатор ничего не сообщается о взыскании штрафа с истца: повидимому, в этом случае штраф не был взыскан, может быть потому, что истец не преследовал личных выгод. С другой стороны, известен случай (уже упоминавшийся земельный процесс), когда истец поклялся в своей правоте тем, что если он окажется изобличенным во лжи, пусть ему отрежут нос и уши и сошлют в Нубию⁴. Возможно допустить предположение, что истец по этой земельной тяжбе не обладал имуществом, могущим явиться достаточной гарантией уплаты им штрафа, поэтому ему была предложена формула клятвы, грозившая более тяжким наказанием.

Эти же документы дают мне известное основание высказать предположение о том, что свидетелей, если бы они оказались виновными в произнесении ложных показаний, подвергали тому же наказанию, которое грозило представителю той стороны, чьи слова они подтверждали. Такой вывод подсказывают клятвы, имеющиеся в земельной тяжбе Меса и в процессе о признании долга. В первой свидетели—пасечник Гори, уаб Папа, начальник конюшен Небнефер и воин Бучартуф—поклялись (так же как и сам истец) тем, что им отрежут нос и уши и сошлют в Нубию⁵, а свидетельницы: «пусть меня поместят в конец дома»⁶. Свидетели же по процессу о признании долга клянутся: «пусть отнимут у нас слуг»⁷, т. е. тем же наказанием, которым поклялась ответчица.

Реконструируемое положение древнеегипетского законодательства о том, что свидетелю за ложное показание полагалось то же наказание, что и обвиняемому, вполне соответствует сообщению Диодора (I, 77).

в. Законы против нарушения соглашений. Сравнительно много данных имеется о нормах, регулировавших нарушение разного рода соглашений и обязательств.

Так, при найме рабыни на определенный срок (таких соглашений известно несколько) лицо, отдавшее рабыню в наем, клятвенно обязалось, в случае если рабыня заболеет и не сумеет работать, возместить полученную оплату вдвойне: «Тогда сказали они: «Как существует Правитель, как существует Правитель! Если проболеют эти дни (это), составит день на день, ибо я удовлетворен ценой»⁸. И наказанием за невыполнение такого обязательства, в точном соответствии с тем, что говорится в подобных клятвах, действительно являлся двойной штраф: «Тогда проболела два дня рабыня Хенут и он (т. е. владелец рабыни.—И. Л.) дал мне (нанимателю.—И. Л.) два дня Мериреметеф и два дня раба Нахтсети»⁹, читаем мы в документе, касающемся соглашения о найме рабынь.

¹ ПКМ 65739, 18—19.

² Надпись Меса N. 26—27.

³ Ib. S. 6.

⁴ Ib. N. 21—22.

⁵ Ib. N. 28; N. 30—31; N. 31—32 и N. 34—35.

⁶ Ib. N. 35 и N. 36. Это, видимо, наказание, которое применяется только к женщинам и соответствует ссылке на каторжные работы.

⁷ ПКМ 65739, 27—29.

⁸ Пап. Гуроб II, 7—9. См. также ib. 17—19; ПБМ 9784, 25—27 и ПБМ 9785, 16.

⁹ ПБМ 9784, 8—10.

Совершенно очевидно, что подобное наказание являлось обычным и нормальным при невыполнении условий каких-либо сделок или соглашений. Некий человек, например, клянется Амоном и Правителем: «если я дам пройти 10 дням, не отдав Гормину этого одеяния, я буду должен это вдвойне»¹. В другом случае некропольский ремесленник Хнуммес, признанный судом виновным, клянется оплатить какие-то продукты под угрозой двойного штрафа². Двойной штраф грозит лицу, не вернувшему в срок занятые деньги³.

В некоторых случаях клятвы грозят нарушителю соглашения не только штрафом, но и наказанием 100 ударами палкой: «Если я дам пройти последнему дню третьего месяца *šmw*, не дав 20 (дебан) этой меди Амонемипету, я буду под 100 ударами и уплачу вдвойне»⁴, клянется перед судом водонос некрополя Пеннут. Аналогичную клятву, по требованию суда, произносит маджай Амонхау: «Если я вновь вернусь к делу, я буду под 100 ударами палки и буду должен ему двух ослов»⁵. В последнем случае усугубление наказания за невыполнение обязательства угрозой избиением палкой вызывается, как это видно из всего контекста, тем, что оракул признал притязания Амонхау неосновательными.

Из всех приведенных случаев, как мне кажется, с полной достоверностью можно сделать вывод, что египетское законодательство за нарушение обязательств предусматривало в виде наказания штраф, равный двукратной стоимости предмета обязательства. Что же касается того, почему в некоторых случаях штрафу сопутствовало телесное наказание, объяснить пока еще трудно. Единственно вероятное предположение, которое я могу высказать по этому поводу, сводится к тому, что оно налагалось тогда, когда условия сделки были, без надлежащих к тому оснований оспорены виновной стороной (ср. наказание за ложное обвинение).

Иначе, судя по некоторым данным, египетское законодательство рассматривало случаи нарушения сделок по независящим от сторон причинам. Я имею в виду оговорки, которые имеются в двух клятвах, скрепивших условия соглашений. Наиболее ясна клятва, произнесенная неким ремесленником Менна, сдавшим в наем своего осла: «Сделал он [клятву владыкой, ж. з. б.]: не предстанет какой-либо человек, чтобы взять его завтра [или в будущем]. (Если же это случится) [я отдам] уплоченное им обратно. Так сказал он»⁶. Она же вносит полную ясность в заключительную часть клятвы Хати, сдавшего в наем свою рабыню: «если оспорит это какой-либо человек, пусть будет следуемое на следуемое»⁷, или, другими словами говоря, пусть каждый получит свое обратно.

Таким образом, если третье лицо⁸ оспорит заключенное соглашение, оно расторгается, причем лицо, сдавшее что-либо или кого-либо в наем, получает обратно сданное в наем, а наниматель—выплаченную им сумму. Однако смерть сданного в наем животного не освобождает нанимателя от уплаты всей договорной суммы: «если осел умрет—я буду ему должен, если он будет жив—я буду ему должен», клянется наниматель осла⁹.

Наличие в египетской судебной практике такого рода оговорок, вне всякого сомнения, является ярким и очевидным доказательством большой разработанности законодательства.

¹ Н.изданный ОП 67; см. J. Černý, JEA XV, стр. 249.

² ОКМ 25553, 4—5.

³ ОДЭМ 61,5.

⁴ ОБМ 10655, 3—5.

⁵ ОДЭМ 133, 5—6.

⁶ ОДЭМ 62, 4—5.

⁷ ПБМ 9785, 16—17.

⁸ Почему третье лицо может оспорить сделку, из текстов не видно.

⁹ ОБМ 1121, 7—8.

Взаимоотношение древнеегипетского права с правом других стран древнего Востока

Хотя данных для того, чтобы восстановить законодательство древнего Египта, все еще крайне недостаточно, отдельные детали его, как мы видели, реконструировать оказывается все же возможным. Можно также установить и общую схему формулировок законов. Она, представляется мне, сводилась к следующему: «если некто сделает по отношению к кому-либо то-то, его постигнет такое-то наказание». Эту схему можно проследить во всех имунитетных грамотах, начиная с Др. ц. и кончая наиболее поздними из известных нам; ее же мы видим и в указе Харемхеба¹. Так же формулируются параграфы египетских законов Птолемеевского времени. Из этого мне кажется позволительным сделать вывод, что сборники законов родились как своды конкретных случаев судебной практики, а следовательно, по своей основе восходят к обычному праву. Вместе с тем из этого следует, что по своей форме древнеегипетские законы были весьма схожи с теми, которые существовали у других народов древнего Востока.

Имеющийся материал не позволяет пока установить, в какой мере законодательство и право древнего Египта оказали влияние на право древней Греции, а через посредство эллинизма и на римское и на византийское. Однако уже и теперь мне кажется ясным, что нельзя простой ссылкой на то, что преклонение перед древнеегипетской культурой в некоторые периоды было в Греции модным, отвергать, как это иногда еще делают, прямые указания античных писателей на заимствование отдельных положений права из Египта. И сообщения Геродота (II, 177) о том, что Солон перенес в Афины закон, по которому каждый гражданин обязан был представлять сведения о роде своих занятий, и Диодора (I, 79), приписывающего тому же Солону введение в Афинах египетского закона против рабства-должничества, равно как рассказ того же Диодора (I, 77), что закон, запрещающий казнь беременных преступниц до родов, заимствован из Египта, мне представляется заслуживающими внимания и доверия. Не должно нас поэтому, мне кажется, удивлять, что Платон в своих «Законах»² устанавливает, например, для вора как раз те наказания, которые, как я показал уже выше, существовали в древнем Египте. Недаром же Диодор говорит (I, 94), что древнеегипетское законодательство вызывало восхищение у других народов.

Завоевание Египта греками не повлекло за собой исчезновения древнего права. Так, например, акад. В. В. Струве уже давно отмечал, в отношении земельной собственности, что «в Птолемеевском Египте существовало два права владения, не созданных царствующей династией, но признаваемых ею. Одно из них было египетским господствовавшим в *хóрз*, а другое греческое, признаваемое Птолемеями лишь в области немногих греческих

¹ См. хотя бы уже цитированное выше установление о грабеже кожи.

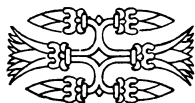
² П л а т о н, Законы IX, 3: «Для вора, уворует ли он что-либо большое или какую-нибудь мелочь, будет опять-таки установлен один закон и одно судебное взыскание, одинаковое для всех воров. Прежде всего, вору придется в двойном размере возместить стоимость украденного, раз он будет уличен в воровстве, и прочее его имущество, сверх надела, позволяет ему выплатить такую пеню, в противном случае он будет подвергнут тюремному заключению, пока не уплатит или не примирится со своим обвинителем». Известно, что по сообщению ряда античных авторов Платон долгое время провел в Египте, где ознакомился со жреческой наукой.

городов Египта»¹. В другой своей работе В. В. Струве, касаясь установленного Птолемеями закона, по которому жрецы были объявлены наследственными обладателями храмовых должностей, приводит доказательства, говорящие о том, что этим было лишь узаконено положение, существовавшее в Египте еще до Птолемеев: «уже в течение многих веков храмовые должности, а также и часть прочих владений храмов фактически стали наследственным имуществом отдельных жреческих семейств»².

Подобных примеров, говорящих о том, что в праве эллинистического Египта сохранились многие положения, существовавшие еще в древности, можно привести много; еще больше их может обнаружить специальное сравнение эллинистического права с тем, что нам известно о древнеегипетском, но это—задача специального исследования, которое, мне хочется думать, облегчит проделанная мною работа.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Надпись Меса—А. Gardiner, *The inscription of Mes*
 ОБМ 1121—*Hieratische Papyrus aus d. Königl. Museum zu Berlin*. III.
 ОБодл. Б 253—Текст не издан. Имеется французский перевод Ж. Černý, *BJFAO* 37, стр. 47.
 ОБрМ 5625—А. Blackman, *JEA* XII стр. 176 сл.
 ОДЭМ (с указанием №№ Ж. Černý, *Ostraca non littéraires de Deir el Medineh*, I—III;
 ОКМ 25553, 25556—Ж. Černý, *les ostraca hiératiques du Musée de Caire*.
 ОЧИ 110—Ж. Černý *JEA* XXIII, стр. 186 сл.
 ПБМ 9784, 9785—А. Gardiner, *ÄZ*, 43, стр. 27 сл.
 ПБМ 10496—А. Blackman, *JEA* XII, стр. 176—185.
 ПБрМ 10052, 10053, 10403 и П. Аббот.—Е. Peet, *The Great tomb-robberies of the XX dyn.* Тексты и переводы.
 ПБрМ 10335—А. Blackman, *JEA* XI, стр. 249 сл.
 П. Весткар—А. Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*. Berlin, 1890.
 П. Гардинер—А. Gardiner, *JEA* XXVI, стр. 23 сл.
 П. Гуроб—П. А. Gardiner, *ÄZ*, 43 стр. 27 сл.
 ПКМ 65739—А. Gardiner, *JEA* XXI, стр. 140 сл.
 ПЛМ 352—Ж. Černý, *JEA* XXIII, стр. 186 сл.
 П. Майер—Е. Peet, *The Mayer Papyrus* A and B. London, 1920.
 Пап. Моок—W. Spiegelberg, *ÄZ*. 63, стр. 105 сл.
 П. Сальт—Ж. Černý, *JEA* XV, стр. 243 сл.
 Pap. Tur.—(P. u. R.)—*Papyrus de Turin. Facsimilés par Rossi et publiés par Pleyte-Leide*. 1869—1876, 2 тома.
 Указ Харемхеба—W. M. Möller, *Egyptological researches*. I, табл. 90 сл.
 ЮПТМ:—Deveria, *Bibliothèque égyptologique publiée sous la direction de G. Maspero*, т. V; перевод de Buck. *JEA* XXIII, стр. 152 сл.

¹ В. В. Струве, *Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте*, ЖМНП, 1915, стр. 46—47.

² В. В. Струве, *Развитие храмового иммунитета...* ЖМНП, 1917, стр. 49.

ПЕРЕГОВОРЫ ДАРИЯ С АЛЕКСАНДРОМ И МАКЕДОНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Проф. С. И. Ковалев

С самого начала азиатского похода мы встречаем следы 'глухой оппозиции' Александру со стороны части его непосредственного окружения. Оппозиция иногда принимает форму противодействия военным планам царя, иногда выражается в несогласии с его политическими мероприятиями, иногда проявляется в недовольстве общим ходом событий.

Оппозиция чаще всего связывается с именем Пармениона, самого крупного представителя той группы македонской знати, которая целиком отдала себя на службу Филиппу II. Мы не знаем, принадлежал ли Парменион к старой македонской знати или к новой, выдвинувшейся только при Филиппе. Вероятнее последнее. В наших источниках нет никаких следов принадлежности Пармениона, сына Филоты¹, к царским родам Македонии, подобно некоторым другим полководцам Александра². Почти с самого начала царствования Филиппа мы видим Пармениона играющим чрезвычайно важную роль в армии и управлении³. Будучи одним из самых преданных Филиппу людей, он состоял в близких отношениях и с его придворной знатью: одна из его дочерей была замужем за Атталом, дядей Клеопатры (Curt., VI, 9,17), другая—за Кеном (ib., VI,9, 30). После убийства Филиппа Парменион стал на сторону Александра и сыграл большую роль в укреплении власти молодого царя. С тех пор он занял важнейшее место при Александре в качестве его ближайшего помощника и советника⁴.

Тем не менее, с начала азиатского похода между Александром и Парменионом начались разногласия по отдельным вопросам. Если верить

¹ Arr., Anab., III, 11, 10.

² С. И. Ковалев, Македонская оппозиция в армии Александра, «Известия ЛГУ.» II, 1930, стр. 156.

³ Plut., Al., III, XLIX; Curt., VI, 9, 4; VII, 1, 3; ср. VII, 2, 33—34; Ed. Meyer, Alexander der Grosse und die absolute Monarchie, «Kl. Schr.», I, 2 Aufl., 1924, стр. 299.

⁴ Arr., III, 26, 4; Curt., VII, 1, 3; VII, 3, 27; VII, 2, 33—34; IV, 13, 4; III, 6, 4; VI, 9, 4; VI, 8, 7; VI, 11, 39; Justin., XII, 5, 3; Plut., XLIX; Diod., XVII, 80, 1; Белох («Griechische Geschichte», IV, 1, 2 Aufl., 1925, стр. 19, сл.; IV, 2, 1927, стр. 293 сл.) под влиянием враждебной Александру и чрезмерно благосклонной к Пармениону традиции, несомненно, переоценивает влияние этого последнего.

Диодору (XVII, 16,1—2), то уже на совете, созванном Александром перед походом, сторонники Пармениона и Антипатра советовали отложить поход до тех пор, пока у царя не родится наследник. Правда, это известие противоречит Плутарху (Al., XLIX) и Курцию (VII, 1,3), которые утверждают, что именно Парменион склонил Александра к азиатскому походу, но оно само по себе весьма правдоподобно и гораздо лучше гармонирует с дальнейшим поведением знаменитого полководца¹.

Первое расхождение во время похода произошло, как кажется, уже при Гранике. По Арриану и Плутарху, Парменион рекомендовал отложить нападение до следующего утра, мотивируя это стратегическими соображениями (Arr., I, 13, 2—7; Plut., XVI). Однако этот план Александром был отвергнут, и атака была произведена немедленно. Диодор (XVII, 19) о совете Пармениона ничего не говорит, а из его рассказа мы видим, что форсирование реки произошло рано утром. В изложении битвы при Гранике оба текста Арриана и Диодора в целом не настолько резко отличаются друг от друга, чтобы можно было отдать решительное предпочтение одному из них². В основе и у того и у другого лежит официальная традиция; разница, в сущности, только в деталях. С этой точки зрения умолчание Диодора о совете Пармениона еще не доказывает, что такого совета не было. Даже если мы примем, что битва произошла на другой день утром, то и этот факт доказал бы лишь, что Александр послушался совета Пармениона. Но самой важности столкновения двух точек зрения перед битвой это обстоятельство не уничтожает.

При Милете, по Арриану (I, 18, 6—9), происходит новое расхождение между Александром и Парменионом. Парменион, несмотря на явное превосходство сил персов³, советует дать им морской бой. Александр отвергает этот совет, указывая на количественное и качественное неравенство сил и на дурное впечатление, которое произвело бы поражение, особенно в Греции. Кауер⁴ считает план Пармениона «невероятно глупым» и на этом основании признает весь эпизод выдумкой, идущей из кругов, враждебных Пармениону⁵. Действительно, это место Арриана вызывает некоторое сомнение, главным образом, благодаря тому, что старый полководец выступает здесь сторонником необычной для него тактики, а Александр является образцом осторожности и благоразумия⁶. Однако отчаянная попытка морского боя под Милетом была, может быть, единственным

¹ Белох (ук. соч., IV, 2, стр. 296) считает диодоровскую версию продуктом придворной историографии, старавшейся очернить Пармениона.

² Большинство историков следует здесь Арриану: J. G. D r o u s e n, *Geschichte des Hellenismus*, I, 2. Aufl., 1877, стр. 190; B. N i e s e, *Geschichte der griechischen und makedonischen Staatenseit der Schlacht bei Chaeronea*, I, 1893, стр. 61; J. K a e r s t, *Geschichte des Hellenismus*, I, 3. Aufl., 1927, стр. 337; W. J u d e i c h, *Die Schlacht am Granikos*, «Klio», VIII, 1908, стр. 390—391, 394, прим. 1; P. J o u g u e t, *L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient*, 1926, стр. 20; U. W i l c k e n, *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*, 2 Aufl., 1926, стр. 174. Однако Белох (III, 1, стр. 624—625; IV, 2, стр. 296—297) по примеру К. Леманна (*Die Schlacht am Granikos*, «Klio», XI, 1911, стр. 230 сл.) отдает предпочтение Диодору. Против попытки Леманна выдвинуть здесь на первое место Диодора см. убедительные замечания Н. E n d r e s s, *Die offiziellen Grundlagen der Alexanderüberlieferung und das Werk des Ptolemäus*, Dissert., 1913, стр. 36, прим. 1; K a e r s t o p. cit., стр. 338, прим. 1; F. W e n g e r (*Die Alexandergeschichte des Aristobulus von Kassandrea*, Dissert. 1914, стр. 106) полагает, что эпизод с Парменионом заимствован Аррианом не из Птолемея, а из Аристула и в конечном счете происходит из устного предания.

³ У Александра было 160 кораблей, а у персов—около 400. Arr., I, 11, 6; 18. 5.

⁴ E. C a u e r, *Philotas, Kleitos, Kallisthenes*, JKPh, XX Supplementband, 1894, стр. 34.

⁵ Белох (IV, 2, стр. 299) полагает, что предание здесь испорчено, и роли Пармениона и Александра перепутаны.

⁶ Белох (там же) называет поведение Александра «психологической загадкой».

выходом из создавшегося на море тяжелого положения. Правда, после взятия Милета Александр нашел другой выход, отпустив домой значительную часть флота (Arr. I, 20, 1; Diod., XVII, 22,5). Но еще нужно доказать, что этот выход был тактически правильным¹.

В городе Тарсе, в Киликии Александр тяжело заболел. Болезнь явилась или результатом переутомления, как передает Аристобул, или, как утверждают другие, следствием купания царя в холодных водах Кидна (Arr., II 4,7; Plut., Al., XIX). Во всяком случае, факт болезни устанавливается с полным единодушием всеми нашими источниками. Точно также они единогласно утверждают, что вылечил Александра акарнанский врач Филипп. Но в изложении обстоятельств, которые сопутствовали излечению, источники расходятся. В большинстве из них, с незначительными вариациями, мы находим следующий рассказ. Когда Филипп взял я за лечение, Александр получил письмо от Пармениона, в котором тот предупредил царя не доверять Филиппу, так как-де он подкуплен Дарием. Несмотря на это предупреждение, Александр выпил сильно действующее средство, приготовленное врачом, и благодаря этому выздоровел. Особняком стоит Диодор, который ни словом не упоминает о письме Пармениона, но в остальном не расходится с другими источниками².

Если принять, как делают некоторые историки (правда, без всякого критического анализа источников)³, что предупреждение Пармениона действительно имело место, то налицо был бы факт недоверия царя к своему ближайшему помощнику, недоверия, проявленного в чрезвычайно ответственную минуту. Мы могли бы это обстоятельство считать несомненным показателем извещенного отчуждения, существовавшего между Александром и Парменионом уже в самом начале похода⁴. Но еще в 1881 г. Rühl⁵ выдвинул серьезные соображения против достоверности письма Пармениона. Эти соображения сводятся к следующим трем основным моментам: 1. Об тановка, в какой Александр, получив предостерегающее письмо Пармениона, выпивает лекарство Филиппа, кажется совершенно неправдоподобной: Александр дает врачу письмо Пармениона и в это же самое время принимает лекарство. Было бы гораздо естественнее, если бы царь сначала дал прочесть письмо Филиппу и уже потом, увидя, какое действие оно произведет на него, принял снадобье. 2. Во время болезни Александра Парменион был в Тарсе и, следовательно, никакой нужды в переписке между ними не было. 3. Внушает большие сомнения сообщение о подкупе Филиппа Дарием, так как в разных источниках характер вознаграждения за отравление царя указывается различно.

¹ Jouguet (op. cit., стр. 22 сл.) считает демобилизацию флота ошибкой.

² Замечание Сенеки (De ira, II, 23), что предупреждение о мнимой измене Филиппа послала Александру Олимпиада, основано просто на недоразумении, а не вызвано, как думает Th. Birt (Alexander der Grosse und das Weltgriechentum bis zum Erscheinen Jesu, 2. Aufl. 1925, стр. 443), стремлением обелить Пармениона. Источником этого недоразумения могло быть известие об аналогичном предупреждении по поводу Александра Линкестийца (Diod., XVII, 32, 1), тем более, что у Диодора это известие следует непосредственно за описанием болезни царя (К о в а л е в, ук. соч., стр. 182). Ср. F. Rühl, Alexandros und sein Arzt Philippos, JKPh, VII, 1881, стр. 363 сл.

³ Droysen, op. cit. I, 1, стр. 248; Birt, op. cit., стр. 115 сл.

⁴ Категорические утверждения Бирта (loc. cit., а также стр. 136), будто Парменион сознательно лгал в своем письме, чтобы таким путем погубить Александра и занять его место на троне.—совершенно ни на чем не основаны. Если даже допустить, что Парменион стремился к короне, это могло иметь место, во всяком случае, гораздо позже. К тому же самый способ устранить Александра, уговорив его не принимать лекарства, является по меньшей мере странным.

⁵ F. Rühl, op. cit., стр. 361—364.

Наиболее серьезным аргументом являлся, конечно, факт присутствия Пармениона в Тарсе, что косвенным образом можно вывести из Арриана и Курция (Arr., II, 4,4; 5, 1; Curt., III, 4,15). Но ведь то обстоятельство, что Парменион во время болезни царя был в самом городе или в его ближайших окрестностях¹, еще не говорит категорически против возможности посылки им письма. Мы не знаем, какие побудительные мотивы могли быть у Пармениона, чтобы высказать свои подозрения против Филиппа не в устной беседе с Александром, а письменно; но, во всяком случае, можно представить себе такие обстоятельства, при которых Пармениону в известный момент было неудобно (по чисто техническим или тактическим причинам) лично разговаривать с царем, и он предпочел послать ему предостерегающую записку. Все это, конечно, отнюдь не затрагивает вопроса, почему у Пармениона явились подозрения против Филиппа, насколько они были основательны и т. д. Но для наших целей этот вопрос является несущественным. Нам важно только показать, что предостерегающее письмо могло быть послано и что доводы против его историчности не являются вполне убедительными.

Разобранные нами до сих пор случаи расхождения между Александром и Парменионом касались конкретных вопросов и не носили принципиального характера. Иначе обстоит дело с тем инцидентом, который произошел в Финикии и связан с мирными предложениями Дария. По Арриану (II, 14; 25, 1—3), были две попытки персидского царя завязать мирные переговоры с македонянами. Первая имела место в Марафе вскоре после битвы при Иссе, вторая—во время осады Тира. Первое посольство передало Александру письмо Дария, в котором он упрекал македонян в том, что виновниками войны являются они сами, просил Александра вернуть ему взятых в плен мать, жену и детей и предлагал союз и дружбу. Для более точного определения условий мира Дарий просил Александра послать уполномоченных. Александр в ответном письме категорически отвергал упрек в наступательной войне, перечисляя все те случаи, когда персы сами провоцировали македонян, и требовал от Дария безусловной сдачи. Второе посольство предложило македонскому завоевателю в обмен на членов царской семьи 10 000 талантов и территорию к западу от Евфрата. Кроме этого, Дарий обещал Александру руку своей дочери, любовь и союз. Для обсуждения персидских предложений Александр созвал совет этеров. На нем, «как рассказывают» (λέγουσι), Парменион заявил, что если бы он был Александром, он на этих условиях предпочел бы, не подвергаясь дальнейшему риску, прекратить войну. Александр ответил, что и он, если бы был Парменионом, поступил бы так же. Но так как он Александр, то он откажет Дарию. Александр снова повторил требование безусловной покорности. «Услышав это,—говорит Арриан,—Дарий отчаялся в возможности договориться с Александром и снова взялся за приготовления к войне».

Плутарх (Al., XXIX) рассказывает только об одном посольстве Дария, имевшем место в Финикии после возвращения туда Александра из Египта. Условия мира, предложенные персидским царем, совпадают с условиями второго посольства у Арриана. Упоминает Плутарх и о совете этеров, и о диалоге между Парменионом и Александром.

Диодор (XVII, 39, 1—2; 54, 1—6), так же как и Арриан, знает о двух посольствах. Первое, судя по контексту, доставило Александру письмо Дария вскоре после битвы при Иссе (место точно не указано). Персидский царь предлагал в обмен на пленных «много денег». Если же Александр захотел бы принять его дружбу, царь обещал уступить ему часть Азии к западу от Галиса. Александр созвал друзей (τοὺς φίλους) и, скрыв подлинное письмо, составил другое, более подходящее для его планов.

Это подложное письмо и было показано членам совета. Персидские послы должны были отправиться восвояси, не добившись ничего. Диодор заканчивает свой рассказ той же самой фразой, что и Арриан: «Поэтому Дарий, отчаявшись в переговорах, начал делать большие приготовления к войне».

Второе посольство прибыло к Александру незадолго до битвы при Гавгамелах. По поводу его Диодор замечает, что «и прежде Дарий посылал послов к Александру, уступая ему страну по сю сторону реки Галиса, и обещал, кроме этого, дать 20 000 талантов серебром». На этот раз Дарий, благодаря Александра за хорошее обхождение с матерью и другими пленными, предлагал ему дружбу и тесный союз, часть своего государства по сю сторону Евфрата, 30 000 талантов серебром и руку одной из дочерей. Далее Диодор рассказывает о совете «друзей» и разговоре между Парменионом и Александром—в выражениях, близких к Плутарху и Арриану¹. В ответе Александра послам развивается мысль о том, что как невозможно существование двух солнц во вселенной, так невозможно и существование двух царей на земле. И этот эпизод заканчивается фразой, близкой к трафарету: «Дарий, услышав ответ Александра и отчаявшись в переговорах, построил в боевой порядок войско» и т. д.

Курций сообщает о трех попытках Дария заключить мир с Александром. Первая (IV, 1, 7—14) была сделана после Исса, у Марафа. Дарий предлагал Александру в обмен на пленных столько денег, «сколько могла вместить вся Македония». Ответ Александра и по общему содержанию и по отдельным выражениям сильно напоминает письмо, приведенное у Арриана в рассказе о первом посольстве. Лицо, которому Александр поручил передать свое письмо Дарию, и у Арриана и у Курция одинаково названо Терсиппом. Второе письмо Дария, по Курцию (IV, 5, 1—8), было передано Александру, по всей вероятности, в самом конце осады Тира². В нем персидский царь предлагал руку своей дочери Статиры, а в качестве приданого—страну между Геллеспонтом и Галисом. Дальше в письме шли рассуждения на тему, насколько изменчиво счастье, как оно опасно, особенно в молодом возрасте, и какие трудности ожидают Александра, если он будет продолжать поход. Ответ Александра сводился к тому, что Дарий обещает ему то, что Персии, собственно, уже не принадлежит. Александр заявлял, что он не намерен ограничиваться завоеванием только западной части персидской монархии, но собирается проникнуть и в области дальнего Востока. Куда бы ни бежал Дарий, он сумеет за ним последовать (сходно с первым письмом у Арриана).

Рассказу о третьем посольстве Курций (IV, 10, 16—34) предпосылает сообщение о том, как в армии Александра были перехвачены прокламации Дария, которыми он пытался поднять возмущение среди солдат-греков. Затем рассказывается о смерти жены Дария и о горе Александра. Евнух пробирается в персидский лагерь и сообщает Дарию о смерти его жены. Тот поражен благородством Александра. О самом посольстве идет речь в главе 11. Рассказ Курция близок здесь к Диодору. Послы являются к Александру перед битвой при Гавгамелах³ и на словах (как и у Диодора)

¹ Новым моментом является только указание Диодора, что никто из членов собрания не осмеливался высказать своего мнения из-за важности вопроса. Парменион взял слово первым.

² Описав в главе 4 взятие Тира, Курций начинает главу 5 словами: «Isdem ferme diebus Darei litterae adlatæ sunt».

³ Прием посольства, в отличие от Диодора, происходит с самого начала в собрании втеров.

передают ему благодарность Дария за благородное поведение по отношению к пленным. Теперь они предлагают ему в качестве приданого за дочь Дария страну между Геллеспонтом и Евфратом. Сына Дария, Оха, Александр пусть задержит как заложника, а за мать и обеих дочерей он предлагает ему 30 000 тал. золота. Далее идут рассуждения о трудности управления слишком большим государством. Александр, удалив послов из собрания, предложил присутствующим высказаться. Долго никто не осмелился выступить, так как было неизвестно мнение царя по этому поводу. Наконец, Парменион сказал, что он и раньше советовал отдать пленным за выкуп, выручив таким путем огромную сумму (никакого такого совета Пармениона у Курция мы не знаем). И теперь Парменион полагает, что необходимо обменять «одну старуху и двух девушек» на ту сумму, которую за них предлагают. «Александр,—продолжает он дальше,—не войной, но посредством договора мог бы завладеть богатым царством. Не было бы никого другого между Истром и Евфратом, кто обладал бы землями, столь обширными и столь отдаленными друг от друга. Лучше обратить взоры на Македонию, чем смотреть на Бактры и Инды». Эта речь не понравилась царю. «И я,—сказал он,—если бы был Парменионом, предпочел бы деньги славе». Введенным послам был объявлен ответ Александра. Указав на попытки возмутить его воинов и друзей, царь заявил, что теперь не может быть места переговорам. Условия мира, которые предлагает Дарий, в данный момент не имеют никакого смысла, так как македонская армия стоит по ту сторону Евфрата. Судьбу всего того, что Дарий потерял и что он еще имеет, решит предстоящая битва.

Юстин (XII, 12) также говорит о трех посольствах. Краткое сообщение о первом посольстве напоминает соответствующий рассказ Диодора. Дарий после битвы при Иссе в письме просит Александра дать ему возможность выкупить пленным за большую сумму денег. Но Александр требует за пленным не денег, а все царство. Через некоторое время Александру было передано новое письмо, в котором Дарий предлагал ему в замужество дочь и часть царства. Александр требует безусловной покорности. «Тогда, потеряв надежду на мир, Дарий возобновляет войну». Рассказ Юстина о третьем посольстве очень близок к Курцию. Так же, как и у этого последнего, предварительно рассказывается о смерти жены Дария, о горе Александра и почетных похоронах, которыми он удостоил персидскую царицу. Благородство Александра служит Дарию побудительным мотивом для отправки третьего письма, непосредственно перед битвой при Гавгамелах. В письме Дарий благодарит Александра за поведение по отношению к пленным, предлагает ему «большую часть царства до реки Евфрата, другую дочь в замужество, а за остальных пленников—30 000 талантов». О совете этеров и о разговоре Александра с Парменионом у Юстина нет ни слова. В ответе Александра повторяются знакомые мотивы, отчасти курциевские, отчасти диодоровские¹.

¹ В «Итинерарии Александра», где скорее заметна близость к Арриану (ср. Droysen, I, 269, прим. 1), упоминаются два письма Дария. Первое (гл. 39—40), судя по контексту, было получено Александром в северной Финикии. Дарий писал, что не он начал войну, но был на нее вызван, и предлагал Александру 10 000 тал. золота. Второе посольство (гл. 43—44) застаёт Александра под Тиром. К прежнему предложению 10 000 тал. теперь прибавляются уступка территории до Евфрата и рука одной из дочерей. Далее в обычной форме передается разговор Пармениона с Александром. В так наз. «Романе об Александре» (Ps.-Kallisth., II, 17), несмотря на ряд фантастических черт, можно отыскать моменты, общие с другими источниками: письмо Дария, просьбу вернуть мать и детей, совет Пармениона. Валерий Максим (VI, 4, ext. 3) также упоминает о мирных предложениях Дария, сделанных, по всей вероятности, после

Несмотря на ряд моментов, общих всем нашим пяти основным источникам, в рассказе о мирных предложениях Дария, они явно распадаются на две группы. К первой относятся Арриан и Плутарх, ко второй — Диодор, Курций Руф и Юстин. Основное отличие второй группы состоит в том, что в ней одно из посольств (второе, по Диодору¹, третье по Курцию и Юстину) имело место незадолго до битвы при Гавгамелах. Затем, для второй группы характерно наличие сильной морализирующей тенденции и внутренних противоречий в каждом источнике. Первая группа локализует мирные переговоры в Финикии (по Арриану, были две попытки завязать переговоры, по Плутарху — одна). В этой группе источников моральные оценки совершенно отсутствуют, и рассказ вполне четок и ясен.

Решающим моментом для определения сравнительной ценности обеих групп является вопрос о третьем (или втором) посольстве перед Гавгамелами. Помимо того, что Арриан, пользовавшийся очень хорошими (с точки зрения военной и дипломатической истории) источниками, ни слова не говорит о столь поздней попытке Дария заключить мир, самый факт посольства, имевшего место накануне решающей битвы, лишен всякого внутреннего вероятия². Дарий, как известно, собрал все свои силы, чтобы дать сражение в наиболее благоприятной для себя обстановке. Невозможно предположить, чтобы перед самым сражением, затратив огромные усилия и средства на мобилизацию, собрав огромную армию, он снова пытался купить мир ценою огромных уступок, не испытав еще раз военного счастья. И на что Дарий мог рассчитывать? Ведь персы уже два раза старались вступить в переговоры с македонянами — и оба раза безуспешно. Теперь же, после завоевания Сирии и Египта, положение Александра было гораздо выгоднее, чем в то время, когда он стоял в северной Финикии или под Тиром. И если уже тогда Александр категорически отверг персидские предложения, то неужели Дарий мог рассчитывать, что в Месопотамии Александр будет уступчивее? Поэтому нужно решительно отбросить свидетельство Диодора, Курция и Юстина о месопотамских переговорах, как свидетельства вымышленные³.

Легко представить, каким образом возникла легенда о месопотамском посольстве. Нарастающий драматизм событий и имевшие уже место две попытки мирных переговоров могли привести к соблазну устроить эти попытки путем простого дублирования исторической традиции, чтобы придать решительному столкновению между персами и македонянами наибольший эффект. Сентиментально-романтическая мотивация третьего посольства, данная Курцием и Юстином (Дарий побежден благородством Александра), дополняет картину⁴. У Курция, который предварительно вводит еще попытку персидского царя вызвать возмущение в македонской

битвы при Иссе (*Dareo enim uno iam et altero proelio virtutem eius experto*). Персидский царь предлагает Александру часть своего царства до Тавра и руку дочери вместе с 1 000 000 (!) тал. Совет Пармениона и ответ царя передаются в трафаретной форме.

¹ E. Schwartz (Curtius Rufus, RE, IV, ст. 1884) ошибается, считая, что и у Диодора мы имеем три попытки переговоров. Совершенно ясно, что замечание Диодора в начале гл. 54: «и прежде Дарий посылал послов к Александру» и т. д. относится к тому же самому посольству, о котором он говорил в гл. 39. См. F. Haackmann, *Die Schlacht bei Gaugamela*, Dissert., 1902, стр. 107; E. Pridik, *De Alexandri Magni epistolarum commercio*, Dissert., 1893, стр. 42; Kaerst, I, стр. 376, прим. 2; G. Radet, *Notes critiques sur l'histoire d'Alexandre*, 1925 — 1927, стр. 27.

² Cp. Beloch, III, 1, стр. 637, прим. 1.

³ Kaerst, I, стр. 376, прим. 2.

⁴ Cp. Schwartz, ук. статья, ст. 1884.

армии, случается тем более резкий и драматический контраст¹. Но раз возникла легенда о трех посольствах, необходимо было соответствующим образом распределить между ними условия мира, предлагаемые Дарием, чтобы создать известную постепенность. Отсюда появляется сначала уступка территории до Галиса, а затем до Евфрата. Точно так же растет и сумма выкупа: 10 000, 20 000, 30 000 талантов². Ни Арриан, ни Плутарх не знают этой градации мирных условий; и у того и у другого конкретные условия мира предлагаются Дарием один только раз.

Таким образом, представленная второй группой источников традиция о третьем (месопотамском) посольстве и о растущей уступчивости персов должна быть признана неисторичной. Тем самым значительно понижается и ценность всей второй группы источников вообще.

Остается разсбать свидетельства о двух посольствах, чтобы определить, было ли их действительно два (или одно, как сообщает Плутарх), когда они имели место, и каковы были персидские предложения. Прежде всего несходимо отбросить показание о первом посольстве у Диодора. Здесь все внушает (ильные подозрения: и неопределенная сумма выкупа (хотя впоследствии Диодор и уточняет ее), и уступаемая территория, и мстив (крывания подлинного письма Дария Александром³, и неточное определение места и времени посольства (Died. XVII, 40, 1). По всей вероятности, Диодор смсшивает здесь сб посольства Арриана, присоединяя, кроме этого, вымышленную уступку территории до Галиса⁴. Не представляют ценности, вследствие (свей краткости и неопределенности, и сообщения Юстина о первых двух посольствах. Отбрасывая затем все свидетельства о месопотамском (сльстве, мы получаем, таким образом, как более достоверные, сб показание Арриана, свидетельство Плутарха и два первых (сказа Курция. Если же мы оставим в (тороне подозрительные указания Курция на размер территориальной уступки и неопределенную формулировку денежного выкупа, мы получим сходные условия мира, предложенные персами: возвращение членов царской семьи, выкуп в 10 000 тал., рука дочери Дария, уступка территории к западу от Евфрата и союз обоих государств.

Теперь нужно определить, сколько было посольств, а также когда и в каком пункте Финикии велись переговоры между Александром и послами Дария. Вопрос, следовательно, (водит я к тому, какая из двух традиций достовернее: та, которая представлена Аррианом (и Курцием), или та, которая (сразилась у Плутарха. В другом месте⁵ нам уже приходилось касаться вопроса об аутентичности переписки Дария с Александром, приводимой Аррианом (с некоторыми изменениями также и Курцием). Несомненная подлинность этих документов заставляет с доверием относиться и ко всему эпизоду в целом. Сосбражения Белоха⁶, который старается установить внутренние противоречия в гл. 14 кн. II Арриана, отнюдь не являются убедительными⁷. Белох аргументирует тем, что Александр послал Терсиппа с письменным ультиматумом, запретив ему вступать с Дарием в устные переговоры.

«Только тогда посылают посла, — говорит Белох, — если желают вести переговоры». Но ведь мы не должны забывать, что ответ Александра пред-

¹ A. Rüegg, Beiträge zur Erforschung der Quellenverhältnisse in der Alexander-geschichte des Curtius, Dissert., 1906, стр. 66.

² Cp. Hackmann, op. cit., стр. 107.

³ Radet, op. cit., стр. 40.

⁴ Cp. Beloch, III, 1, стр. 637, прим. 1; Rüegg, op. cit., стр. 53, прим. 1.

⁵ С. Ковалев, ук. соч., стр. 177.

⁶ Beloch, III, 1, стр. 637, прим. 1.

⁷ Kaerst, I, стр. 374, прим. 1.

ставлял принципиальную декларацию чрезвычайной важности, предназначенную не только для внутреннего, так сказать, употребления, но имевшую международное значение. Это была программа всей дальнейшей деятельности Александра, и вполне естественно, что он не пожелал вручить ее в руки персидского посольства, но решил передать через специального уполномоченного. Рассказ Арриана о первом посольстве как раз весьма правдоподобен и вполне соответствует реальной обстановке, сложившейся после Исса. Дарий подавлен неудачей и чрезвычайно расстроен пленом своей семьи. Он начинает ясно понимать всю опасность македонского нашествия. Отсюда его стремление к почетному миру. Но он еще далеко не обескуражен. Завоевания Александра только начинаются, в распоряжении Дария еще находится огромная территория и колоссальные средства. Отсюда сдержанный тон персидского царя, сознающего свою силу и свое достоинство. В письме он не предлагает Александру никаких конкретных условий мира, но лишь просит назначить доверенных людей для ведения дальнейших переговоров. Один чрезвычайно характерный момент переписки между Дарием и Александром служит лишним доказательством ее аутентичности: это—вопрос о виновниках войны.

Признание подлинности арриановской традиции в рассказе о первом посольстве влечет за собой признание и второго посольства, так как оба события внешние и внутренние тесно связаны друг с другом. Неопределенная форма первых предложений персидского правительства предшествовала дальнейшим конкретным условиям мира. То обстоятельство, что Александр сразу же категорически отверг право персов разговаривать с македонянами, как с равной стороной, и потребовал безусловного подчинения, конечно, не могло удержать Дария от второй попытки вступить в переговоры. Осада Тира, исход которой с каждым месяцем становился все менее сомнительным, и предстоящее, таким образом, занятие всего восточного побережья Средиземного моря резко меняли к лучшему положение македонян. Если Дарий и теперь хотел кончить дело миром, он должен был сделать Александру вполне конкретные и очень серьезные предложения, причем это должно было произойти именно во время осады Тира, ближе к ее окончанию.

Традиция Плутарха в вопросе о посольствах Дария не может быть признана достоверной. Во-первых, его свидетельство об единственном посольстве Дария в Финикии, на обратном пути Александра из Египта, стоит совершенно особняком; во-вторых, обстановка, в какой, по Плутарху, происходит свидание Александра с персидским уполномоченным, лишена всякой конкретности (в противоположность Арриану и другим источникам, точно локализирующим переговоры). И, наконец, в-третьих, внутренняя достоверность допущения, будто бы вторая попытка переговоров имела место после покорения Египта, весьма невелика. К этому моменту общая мобилизация персидских сил была почти закончена, и это обстоятельство, конечно, должно было значительно ослабить готовность Дария идти на уступки. Таким образом, мы должны признать наиболее историчной ту традицию, которая представлена Аррианом: посольств было два, причем первое явилось к Александру в Марафе, второе—во время осады Тира¹.

Мнение Пармениона—принять персидские предложения—и ответ Александра повторяются, как мы видели, во всех источниках (кроме Юстина). Одно это обстоятельство, принимая во внимание характер наших источников, само по себе еще недостаточно для того, чтобы признать историчность всего инцидента, а не считать его только популярным анекдотом. У Арриана рассказ предваряется словом λέγεται, что скорее говорит

¹ Pridik, стр. 56—57; Hackmann, стр. 105; Kaerst, I, стр. 374.

о его неофициальном происхождении¹. Поэтому здесь необходимо привести некоторые дополнительные соображения.

Прежде всего, вне сомнения стоит факт обсуждения предложений Дария в совете этеров. Последний играл довольно крупную роль в правительственной системе Македонии², и Александр во всех серьезных случаях прибегал к его помощи. Тем больше оснований было созвать его теперь, когда обсуждался вопрос огромной принципиальной важности — вопрос о будущем всей греко-македонской державы. Но имело ли место в действительности выступление Пармениона? Наиболее сомнительна, конечно, та остро-лаконическая форма диалога между царем и его полководцем, которую мы находим у Арриана и Плутарха. Она слишком остроумна для подлинноисторической и скорее походит на плод устных рассказов и поздней переработки. Правдоподобнее в этом смысле показания Диодора и Курция. В рассказе этих авторов мы находим ряд конкретных деталей, придающих всему эпизоду более жизненный характер. Особенно интересна передача Курция³. У него мы встречаем такое однообразное расширение трафаретного мотива, которое вряд ли могло быть выдуманно (по крайней мере, в основных моментах). Парменион выдвигает у Курция целую программу, резко и принципиально отличную от программы Александра и сформулированную в выражениях, необычайно ярких и четких. Вообще Курций, несмотря на свою риторичность и тенденциозность, несмотря на массу встречающихся у него противоречий, в конкретных деталях часто заслуживает доверия. Весьма возможно, что и в эпизоде с Парменионом он пользовался каким-то хорошим источником.

Но предположим, что и та форма выступления Пармениона, которую мы находим у Курция, выдумана. Можно ли считать голым измышлением самый факт выступления в пользу принятия мирных предложений? Нам кажется, нет. Чтобы при данном состоянии наших источников доказать, что такого выступления не было, нужно было бы установить, что либо оно само по себе невероятно, либо противоречит хотя бы одному смежному историческому факту. Но ни того, ни другого нет. Наоборот, все, что мы знаем или что предполагаем относительно Пармениона, не противоречит его выступлению на совете и именно с той самой программой, которая развита им у Курция. С другой стороны, если мы предположим худшее (и весьма мало вероятное), т. е. что 1) все наши источники зависят в этом пункте от одного основного источника, например, от Каллисфена⁴, и 2) этот основной источник в данном вопросе опирался только на слухи и сплетни, циркулировавшие в главной квартире Александра, то и в этом случае мы должны как-то объяснить факт появления именно таких слухов и сплетен. Все эти соображения заставляют нас признать, что, по меньшей мере, содержание разговора между Парменионом и Александром весьма вероятно⁵.

А если так, то в Финикии мы имеем первый факт проявления оппозиции Пармениона не по какому-нибудь чисто военному случаю или по пово-

¹ Возможно, что здесь, как думает W e n g e r (loc. cit), использован Аристокл. Schwartz (Arr., RE, II, ст. 1241) показал, что так наз. *Λαρόμνα* Арриана не всегда исключают заимствования у Птолемея и Аристокла.

² Ковалев, ук. соч., стр. 169 и 182.

³ Заслуга выдвижения здесь на первое место Курция принадлежит Radet (стр. 42—43), хотя он переоценивает его значение для суждения о переговорах в целом (стр. 27—30).

⁴ Kaerst, I, стр. 378, прим. 1.

⁵ Большинство историков (в том числе и наиболее осторожные из них) в той или другой степени признают подлинность знаменитого диалога. См. Droysen, I, 1, стр. 286—287; Cauer, стр. 32; Wilcke n, Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft, «Schmollers Jahrbuch», XLV, 2, 1921, стр. 48, прим. 3; Kaerst, I, стр. 378; Radet, стр. 42—43; Niese, I, стр. 81—82; Jouguet, стр. 32; Birt, стр. 136. Особняком стоят Белох (IV, 2, стр. 297), который со свойственным ему гиперкритицизмом находит,

ду текущей политики, но по кардинальнейшему вопросу, самому серьезному из всех, какие когда-нибудь приходилось решать македонскому правительству. «Для истории эллинизма,—пишет Э. Мейер,¹—решение зимы 333/332 гг. было роковым. Он бескровился на том, что не остался ограниченным замкнутой территорией, которая могла бы расти и политически, но ринулся в безграничное: в страны с иным характером и с иными центрами тяжести, удержать которое было «сверх его сил»². Если в этих словах и есть преувеличение, поскольку они целый и торический период ставят в зависимость от решения придворного совета Александра, однако они верны постольку, поскольку правильно подчеркивают колоссальную важность проблемы и раскрывают ее основное содержание. Действительно, вопрос сводился к тому, быть ли распадающейся монархии греко-македонской или восточной, узко «национальной» или «универсальной». Александр, отказавшись от персидских предложений и выступив, как это совершенно ясно следует из его переписки с Дарием, с притязаниями на азиатское (а, быть может, и на «мировое») господство, решил проблему в духе «универсализма»³.

Но почему же Парменион оказался в оппозиции? Очевидно, потому, что он не разделял универсалистических стремлений Александра. Вряд ли стратегические соображения об опасности перенесения войны в глубь Передней Азии могли здесь играть решающую роль. Вопрос о принятии или отклонении персидских предложений был прежде всего вопросом политическим. Парменион решал его так, как диктовала ему его принадлежность к македонской знати, ограниченной в своем кругозоре, связанной всеми корнями с Балканским полуостровом или, еще уже, с Македонией, воспитанной в традициях Филиппа, планы которого едва ли шли дальше создания Балканской «империи» со включением в нее западной части Малой Азии⁴. По крайней мере, наши источники не дают никаких оснований предполагать, что его намерения простирались дальше.

Однако и оппозицию Пармениона мы не можем рассматривать как только его личную оппозицию. Правда, из источников мы не знаем, поддержал ли кто-нибудь из элеров его предложение. Известия о знаменитом совете, как мы видели, настолько скудны и отрывочны, что сделать какой-нибудь вывод в этом направлении совершенно невозможно. Но если даже допустить, что Парменион со своим мнением остался одиноким, это, конечно, еще не доказывает, что за его спиной не стояла группа единомышленников из македонской знати. В этот момент оппозиция еще не успела консолидироваться настолько, чтобы выступить открыто. Двумя годами позднее обстановка значительно изменилась.

что история мирных переговоров сильно искажена, и W. Tarn (САН, VI, стр. 376), считающий рассказ о выступлении Пармениона недостоверным.

¹ Ed. Meyer, *Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*, 1925, стр. 14.

² Ср. Jouguet, стр. 132—133, 86. Огромное историческое значение переговоров признает и Wilcke n, *Alexander der Grosse*, Lpz. 1931, стр. 102.

³ Считать, как это делает Белох (III, 1, стр. 637), причиной отклонения мирных предложений мнение Александра, что «уменьшенная Персия постоянно стремилась бы к возврату прибрежных провинций», значит сужать вопрос.

⁴ Wilcke n, *Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft*, стр. 48; он же, *Alexander der Grosse*, стр. 102; Kaerst, I, стр. 379; Radet, стр. 43; G. Mathieu, *Les idées politiques d'Isocrates*, 1925, стр. 163; Ed. Meyer, *Blüte und Niedergang...*, стр. 9; он же, *Alexander der Grosse und die absolute Monarchie*, стр. 274—295; Jouguet, op. cit., стр. 32.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ И ЛАТИНСКОЕ ПРАВО В ИСПАНИИ¹

М. И. Гендерсон

Предварительные замечания о дате источников кн. III, 6—30
и IV, 110—18 «Естественной истории Плиния»

Настоящее введение не ставит своей целью дать полный анализ источников, использованных Плинием при описании Испании²: делается только попытка установить определенные хронологические рамки, необходимые для понимания данной статьи. В качестве одного из источников Плиний использует обзор Агриппы (вероятно, законченный около 7 года до н. э.) и официальные документы—«положения о провинциях» (*formulae provinciarum*), которые включали списки городов с указанием их муниципального статута. Я касаюсь главным образом датировки этих списков.

1. Лузитания. Альбертини³ удовлетворительно доказал, что *terminus ante quem* Лузитанской *formula*, использованной Плинием, является 6 г. н. э. *Terminus post quem* устанавливается отделением Астурии и Галисии от Лузитании и присоединением их к Ближней Испании, датируемым, по предположению Альбертини, 3—2 г. до н. э. Его аргумент из ILS, 8895 не убедителен, но его дата остается правдоподобной, так как она согласуется с другим изменением границы, ко-

¹ JRS, XXXII, № 1—2 (1942), стр. 1—12. Перев. Т. М. Шепуновой.

² Сравни. De tle fse n, Die Anordnung der geogr. Bücher des Plinius u. ihre Quellen («Quellen u. Forschungen zur alten Geographie», XVIII, 1909), который суммирует свою более раннюю работу (то же периодическое издание, том XIV); «Hermes» XXI: «Comment. phil. in hon. Th. Mommsen», Berlin, 1877); K lo t z в «Quellen und Forschungen zur alten Geographie», XI (1906); K o r n e m a n n. Die Entstehung der Provinz Lusitanien («Beiträge zur alten Geschichte. Festschrift für Otto Hirschfeld», 1903, стр. 221 сл.); R a b e n h o r s t. Quellenstudien zur NH des P., Berlin, 1905; C u n t z в «Jahrbücher für class. Philol», Supplbd. XVII, 190; De Augusto Plinii Geogr. auctore (Inaug. Diss., Bonn, 1888; Reizenstein в «Hermes», XX; Jullian в «Mélanges de l'Ecole de Rome», III, 1883; Pallu de Lessert в «Mém. Soc. Ant. de France», LVII, 1908; Albertini, Les divisions administratives de l'Espagne, 1923. Издания: De tle fse n, NH., II, 242—VI; «Quellen und Forschungen zur alten Geographie», IX, 1904; Mayhoff (Teubner) 1906.

³ «Les divisions administratives de l'Espagne Romaine», стр. 56—9.

торое расширило Ближнюю Испанию на юго-востоке за счет Бетики. Более ранняя дата, во всяком случае, кажется неправдоподобной¹.

2. Б е т и к а. Сообщение Плиния отражает изменение юго-восточной границы, датируемое 7—2 г. до н. э., на основании расхождения между обзором Агриппы и ILS, 102 (ср. CIL, II, 4721)².

Бария на основании этого изменения границы отходит к Ближней Испании, однако Плиний говорит о ней все еще как об *adscriptum Baeticae*. Formula, которая позволила ему сделать такое заключение, должна была, следовательно, быть более поздней, чем дата между 7 и 2 гг. до н. э. В качестве *terminus ante quem* Альбертини предлагает предполагаемую колонизацию Клавдием Baelo, о которой Плиний не упоминает, но она, вероятно, никогда и не имела места³. Во всяком случае я надеюсь доказать, что *terminus ante quem* значительно более ранний. Мак Эльдерри⁴ показал, что четыре города Бетики, которые Плиний либо не упоминает как привилегированные, либо опускает как «*non digna memoratu*», имели дуумвиров, включенных в *tribus Galeria*. Итак, *tribus Galeria* в Испании была использована Августом для включения в списки новых граждан. Мак Эльдерри, следуя за Кубичеком, допускает, что ее использовал также и Тиберий. Однако нет доказательств того, что Тиберий когда-либо дал право муниципия испанским общинам или даровал права испанцам, и общее направление его политики делает весьма маловероятным, чтобы он мог так поступить. Я, однако, думаю, что использование Галериевой трибы устанавливает августовскую или доавгустовскую дату муниципальной хартии, на основании которой было получено право гражданства. Эти четыре города тогда, во времена formula Плиния, были привилегированными, но получили муниципальное устройство при Августе. Это доказывает, что formula Муния должна быть датирована временем, ранее смерти Августа. Действительно, естественно предположить, что formula Бетики была составлена в то же время, как и в Лузитании, вскоре после того, как был закончен обзор Агриппы. Для моих целей, однако, достаточно датировать использованную Плинием formula Бетики августовской эпохой.

3. Б л и ж н я я И с п а н и я. Альбертини⁵, вместе с другими учеными, смущен расхождением между числом и границами судебных округов Ближней Испании, описанных Плинием, и военных округов у Страбона⁶, писавшего при Тиберии. Полагая, что две системы несовместимы, он заключает, что вся система конвентов Ближней Испании, которая составляет основу описания Плиния, относится ко времени после Тиберия, и пытается обосновать датировку клавдиевой эпохой как для самих *conventus*, так и для formula, использованной Плинием. Если столь важная реорганизация могла бы быть приписана Клавдию, то это являлось бы новым интересным фактом о нем.

¹ Syme, *AJPh*. LV, 300, предлагает 9 г. н. э., но осторожно добавляет: «Это могло быть ранее». Это должно было быть ранее, так как formula Плиния, которая хронологически следует за отделением, датируется ранее 6 г. н. э. Я с сожалением должен признать, что до известной степени ответственен за это предположение мистера Сайма.

² Я признаю вместе с С. Н. V. Sutherland'om (*The Romans in Spain*, стр. 240), что ILS, 103 является памятником, касающимся этого изменения границы.

³ *It. Ant.* 407, III дает *Belone Claudia*. Для колонии этой даты нет других данных.

⁴ «*Vespasians Reconstruction of Spain*» в *JRS*, VIII, стр. 69, прим. 4. В списке Мак Эльдерри, касающемся пяти возможных случаев, Юлипа (*Iulipa*) не доказана (CIL, II, 2352) и *Burguillos* недостоверен, так как его древнее название неизвестно (CIL, II, 5354). К определенным случаям—Кармоне, Эборе и Иллитургиколе, однако, следует прибавить Адинипо (CIL, II, стр. 701), который устраняет сомнительное чтение *Quir* в CIL, II, 1348. Ср. *Kubitschek*, *Imperium Romanum tributim descriptum*.

⁵ *Ib.*, гл. IV.

⁶ III, 166—7.

Аргумент Альбертини возник на основании числа и дат колоний Ближней Испании. Плиний насчитывает их двенадцать и называет десять юлиевых и августовых колоний. Позднее, в особом месте, где он касается (NH—IV, 110) северной и западной Испании, он добавляет одиннадцатую колонию времен Веспасиана: «*Amanum portus ubi nunc Flaviobriga colonia*». Он нигде не называет двенадцатой колонии. Альбертини утверждает, что Плиний не считает Флавиобригу, но учитывает Дертозу и Бильбилис как одиннадцатую и двенадцатую. И он старается доказать, что Дертоза была колонией и что Клавдий основал колонию в Бильбилисе. Таким образом, он пришел к заключению, что *formula* Клавдия послужила основанием для исчисления Плинием 12 колоний. Однако после выступления сэра Георга Хилла¹ выяснилось, что монеты, которые, казалось, подтверждали взгляд, что Дертоза была колонией, неправильно прочтены и поняты, так как подлинные монеты показали, что она была *municipium civium Romanorum*. Не чем иным является этот разряд у Страбона², который называет ее *κατοικία* — термином неопределенным. В отношении Бильбилиса также доказано, на основании монет, что он был *municipium*, по крайней мере во время Гая³. Единственный аргумент Альбертини в пользу Клавдиевой колонизации Бильбилиса тот, что Плиний помещает его перед Цельзой, а именно: «*civium Romanorum Bilbilitanos, Celsenses ex colonia Calagurritanos*» и т. д. Верно, однако, лишь то, что Плиний в этом разделе перечисляет города в алфавитном порядке, без различия муниципальных категорий, говоря просто о *cives Romani* и не проводя различия между *coloni* и *municipes*. Если Бильбилис, равно как и Цельза, был колонией, он написал бы «*ex coloniis*».

Общая цифра Плиния—двенадцать—составилась, следовательно, иным путем. Действительно, весьма вероятно, что Клуния была превращена в колонию при Гальбе, который принял там императорскую власть. Одна монета имеет титул *CLUNIA SUL[ricia]* и, кроме того, в окрестностях города было найдено большое посвящение Гальбе⁴. Простейшая гипотеза та, что Плиний назвал десять юлиевых и августовых колоний потому, что он нашел их в своей *formula*, и увеличил общее число до двенадцати потому, что он знал, что Клуния и Флавиобрига стали колониями в его время. Он не упомянул Клунии как таковой, так как ее не было в его *formula*. Почему же он упомянул колонию во Флавиобриге? Потому что в своем описании северной и западной Испании (Флавиобрига—это Бильбао) он употреблял дополнительный материал ценза, который должен был сопровождать великую урбанизацию этих сельских округов, предпринятую Веспасианом. Только в этом месте, и нигде больше в своем описании, Плиний приводит некоторые цифры населения⁵. Ни один разумный человек не стал бы называть эти цифры, если бы они не были совершенно новыми. Поэтому вполне вероятно, что при описании этого района он дополнил свою *formula* некоторыми официальными документами эпохи Веспасиана, которые случайно упоминают колонию во Флавиобриге.

Таким образом, аргументы Альбертини теряют свою силу. Однако есть положительные данные, которые указывают на августовскую дату

¹ «Notes on the Coinage of Hispania Citerior», стр. 75, прим. 20.

² III, 195.

³ Марциал (X, 103, XII, 21) отзываясь о гражданах Бильбилиса как муниципалах (*municipes*), но термин может означать лишь «товарищи-согорожане» и не может быть использован.

⁴ *Plut.*, Galba, 6; *Suet.*, Galba, 9. *Eckhel*, *Doctrina num. vet.*, I, стр. 46; VI, стр. 294; *CIL*, II, 2779.

⁵ NH, III, 28, ср. *Mc Elderry*, *ib.*, стр. 89.

formula, использованной Плинием, и вместе с тем на происхождение conventus Ближней провинции. Во-первых, аргумент, приведенный при установлении даты formula Бетики, сохраняет всю силу также и в отношении Ближней Испании. Здесь можно привести по крайней мере пятнадцать привилегированных или не упомянутых в списках Плиния городов¹, которые имели магистратов или других граждан, включенных в *tribus Galeria*. Это опять-таки доказывает, что formula Плиния прелествовала смерти Августа². Во-вторых, в конвентуальном императорском культе трех конвентов—Астурики, Бракары и Лука—употребляется выражение «*sacerdos Romae et Augusti*», которое (если прав Корнеман)³ означает, что культ был основан при жизни Августа. Если три из семи conventus Ближней Испании датируются августовской эпохой, то остальные четыре, вероятно, также. А если система конвентов датируется Августом, то ничто не исключает августовской даты для formula Плиния.

Terminus post quem этой formula тот же, что и для Плиниевской formula Лузитании: присоединение Астурии и Галисии к Ближней Испании. Вполне закономерно предположить, что его formula Ближней Испании была приблизительно современной двум другим formulae, хотя при дополнении описания севера и запада провинции им использовали также официальные флавиевы источники. Однако, если эта датировка должна быть принята без колебания, то встречается трудность, касающаяся деления Ближней Испании Страбоном. Я суммирую описание Страбона следующим образом⁴: «Ближняя Испания управляется консуляром, обычно (по) с 3 легионами и 3 легатами. Один легат с двумя легионами охраняет *παρὰρρουν* страну севернее от Дуэро, обитаемую галиками. Восточнее от них живут астуры и кантабры. От границы между этими двумя народами до Пиренеев второй легат с оставшимся легионом наблюдает (*ἐπισκοπεῖ*) за страной; третий легат наблюдает за внутренней областью с ее мирным населением, кельтиберами и народами вокруг Эбро до прибрежных районов *αὐτὸς δὲ ὁ ἡγεμὼν διχοδορεῖ* *Ζεὶ μὲν ἐν ταῖς ἐπιπλατταῖς μέρεσι καὶ μάλιστα τῇ Καρχηδόνι καὶ τῇ Ταρρακῶνι διχοδορεῖται*, *θέρους δὲ περίεσιον ἐφορεῖται* *ἀεὶ τῶν τῶν δεομένων ἐπαυροῦσας*».

Я признаю вместе с Альбертини, что районы, переданные легатам правителя, не могли соответствовать делениям, описанным Плинием. Наоборот, мне до известной степени непонятно, почему некоторые ожидали этого соответствия. Что касается предположения об отправлении легатами судебных функций, то Страбон подчеркивает, что правитель осуществлял судебную власть сам — зимой на берегу, где-нибудь в другом месте — летом. Поэтому нет основания думать, что функции *διχοδορεῖται* отличны от функций *ἐφορεῖται* *ἀεὶ τῶν τῶν δεομένων ἐπαυροῦσας*. Районы, предоставленные легатам, не имели ничего общего с судебным conventus. Они были чисто военными и в обширной и гористой провинции диктовались стратегическими соображениями. Эти военные районы совпадают с делением на конвенты не более, чем район Южного командования с судебным округом графства Сусекс. Таким образом, в описании Страбона нет ничего, что противоречило бы августовской дате системы конвентов, описанной Плинием в Ближней Испании. Материал позволяет сделать вывод о рубеже первого столетия как дате для formulae, использованных Плинием при описании трех Испаний.

¹ Mc Eldey, ib., стр. 74, прим. 3. Он приводит семнадцать городов, из которых два случая не доказаны.

² См. выше стр. 59.

³ CIL, II, 4223, 4215, 2638; «Klio», I, 1901, стр. 51.

⁴ III, 166—7.

Юлий Цезарь и латинское право в Испании

Считается неоспоримым, что Юлий Цезарь в качестве диктатора распространил латинское право в Сицилии и Нарбонской Галлии. Вопрос о том, не провел ли он того же самого в Испании, часто подымался¹, но никогда (насколько мне это известно) не получал определенного или точного ответа. Мне кажется, что дата, указанная Плинием (N.H., III, 6—30; IV, 110—118), не только доказывает, что он даровал латинское право, но показывает также его распространение и распределение.

Термины «*Latini veteres*», «*oppida Latini antiqui*» или «*Latio antiquitus donata*» или просто «*Latini*» у Плиния относятся к латинскому праву, полученному до Вепациана, даровавшего латинское право всей Испании.

Если мне удалось показать, что Плиниевы списки испанских городов основываются на *formulae*, датируемых серединой правления Августа, тогда города, которые Плиний называет латинскими, должны были бы получить этот статут ранее последних годов принципата Августа. Вопрос заключается в том—даровал ли им латинское право Цезарь или Август? Или, если Цезарь начал эту политику, а Август ее продолжал, что сделал каждый из них?

В хорошо известном месте Дион² описал организацию Испании Цезарем после поражения помпеянцев: *τοῖς εὐσιᾶν τὰς αὐτῷ συρῶσαι ἔδωκε μὲν καὶ χώρας καὶ ἀτέλειαν πολιτείαν δὲ τισὶ, καὶ ἄλλοις ἀποίκους τῶν Ῥωμαίων νομίσασθαι, οὗ μὲν καὶ προῖκα αὐτὰ ἐχαρίσαστο.*

Как кажется, здесь установлены три различные категории: 1) Дарование *χώρας καὶ ἀτέλειαν* ясно относится к юлиевым *coloniae immunes*, подобно Урсо и Укуби с их обширными территориями, конфискованными у помпеянских землевладельцев. 2) Дарования *πολιτεία* может относиться или к индивидуальному дарованию прав, или, возможно, к *municipia civium Romanorum*, подобным Эмпориям³. 3) Третья категория—те, которым дозволено *ἀποίικαι τῶν Ῥωμαίων νομίσασθαι*,—конечно, не даром относится к титулатуре колониального ранга, как правильно предполагает Шервин-Уайт⁴.

Весь отрывок относится по своему контексту к южной части Дальней Испании. Обратимся к плиниевому описанию Бетики; можем ли мы найти следы этих титулованных колоний, указанных Дионом?

Цифры Плиния относительно различных муниципальных категорий, которые предшествуют его спискам названий городов, следующие: колоний 9; *municipia civium Romanorum*—10, *Latio antiquitus donata*—27, *oppida* низших степеней—129. К сожалению, когда он доходит до поименования отдельных городов, он не различает их статута, за исключением 9 колоний, двух римских муниципиев (Регина и Гаде), трех городов с латинским правом (Лепия, Кариса и Ургия) (*Laeria, Carisa, Urgia*) и около тридцати меньших городов (*oppida*). Остальные не различаются явно и смешаны вместе, иногда в алфавитном порядке, иногда в соответствии с топографией.

Но некоторым из них Плиний приписывает любопытные цветистые колониальные титулы, перечисленные ниже. При описании района кель-

¹ Kornemann в RE s. v. Colonia, ст. 519; Sherwin White, The Roman Citizenship, стр. 176—7. Шервин-Уайт правильно понимает Диона Кассия (XLIII, 39) и склоняется к правильному ответу, но так как он не принял во внимание данных Плиния, то он вынужден был оставить вопрос нерешенным.

² XLIII, 39.

³ См. ниже стр. 65.

⁴ Op. cit., loc. cit.

тов в Бетике он называет несколько этих титулованных городов, поясняя: «Celticos a Celtiberis ex Lusitania advenisse manifestum est sacris, lingua, oppidorum vocabulis quae cognominibus in Baetica distinguuntur. 'Seriae adicitur Fama Iulia, Nertobrigae Concordia Iulia»¹ и т. д. Можно было бы предположить, что единственная цель титулов заключалась в различении городов с одинаковыми наименованиями в разных частях Испании. Но эта мысль абсурдна. Городу не могло быть разрешено самому называться Фама Юлия только потому, что нашлась деревушка в Лузитании, которая называлась так же. Сходные пары названий в Испании относятся к трибам, округам или другим отличительным видам, например, Lancienses Oppidani и Lancienses Transudani. Кроме того, Плиний упоминает другие титулованные города Лузитании, названия которых — иберийские и не могли встречаться в кельтских районах, — да и неизвестно, чтобы они встречались в наилучшим образом географически изученных иберийских районах².

Я начну со списка двадцати трех городов, титулы которых звучат, несомненно как титулы колоний:

Segida Augurina
Ulia Fidentia⁴
Urgao Alba
Ebura Cerealis
Illiberri Florentini⁵
Ilipula Laus
Artigi Iulienses*
Vesci Faventia
Illiturgi Forum Iulium*
Sacili Martialium
Iucurgentum Iuli Genius*
Osset Iulia Constantia*

Nebrissa Veneria Colobana**
Seria Fama Iulia*
Nertobriga Concordia Iulia*
Segida Restituta Iulia*
Ugultunia Contributa Iulia**
Lacimurga Constantia Iulia*
Tereses Fortunales
Calenses Aeneaniei*
Laepia Regia⁷
Carisa Aurelia*
Urgia Castrum Iulium* sive
Cesaris Salutarienses

Из тринадцати городов, которые отмечены звездочкой, десять имеют название Юлиевых (что вызывает предположение, хотя это и не является доказательством, об их основании Юлиями). Один имеет альтернативное название Юлиева или Цезарева, один — имя матери Цезаря — Аврелии, один — имя предполагаемой прародительницы Венеры, и один — имя ее сына Энея.

¹ NH, III, 14 (ср. IV, 118). Плиний нашел, что *cognomina* подходящее средство для избежания повторения имен, но не предполагал, что они созданы только для того, чтобы различать один город от другого.

² Кроме Илипулы (Ilipula), которая встречается трижды в Бетике. Но только одна из трех имеет *cognomen*.

³ Транскрипция Плиния. Страбон (III, 140) дает Νάρκισσα; CIL, II, 1294 — Conoba...

⁴ В рукописях: Iulia Fidentia; но это должна быть Улия — Ulia (так полагают Детлефсен, Гюбнер, Майроф).

⁵ В рукописях: Illiberi Liberini; «Florentini» мы взяли из CIL, II, 1572 и др.

⁶ В рукописях: Ugultuniacum quae et Curiga nunc est. Майроф, вслед за Мюллером, исправляет: Ugultuniae, cum qua. Это дает требующийся здесь дательный падеж и объясняет употребление относительного местоимения женского рода. Плиний ставит свое относительное местоимение в соответствие с тем, что считает родом имени города. Например: Segida quae Augurina, Vesci quod Faventia. По вопросу о том, был ли город *municipium* или *colonia*, — эти местоимения не дают указаний. Но если здешние испанцы и знали свой собственный язык и пользовались им (а это сомнительно: ср. Страбон III, 151), то род в названии города не всегда считается с родом колониального титула.

⁷ В рукописях: Laeparelia: ошибочное повторение последующего Carisa Aurelia. Майроф исправляет: Regia, но таковым не мог быть действительный титул.

Далее я перечисляю 4 города:

Sexi Firmum Iulium*
Ossigi Latonium

Obulco Pontificense
Isturgi Triumphale

Трудность в отношении их заключается в том, что их титул среднего рода, а не женского, в соответствии с словом *colonia*. Но они могли составить свои титулы в соответствии с термином *municipium*, который, как я надеюсь доказать, являлся их официальным статутом и употреблялся, начиная с Августовской эпохи, и продолжал употребляться в последующее время¹.

Таким образом, мы имеем двадцать семь титулованных городов. Плиний называет еще три города: 1) Гадес (*oppidum civium Romanorum qui appellantur Augustani urbe Iulia Gaditana*)². Статут римского муниципия был дарован Августом, но титул *Iulia* указывает на привилегии дарованные Цезарем, от которого можно было ожидать, что он проявит интерес к родному городу Бальба. 2) Пра. «*Pirae cognomine Пра*» явственно представляет собой искажение текста в результате диттографии. Илипа наверное имела титул и должна быть включена в мой список³. 3. *Ossonoba Aestuaria*⁴. Она является гораздо более сомнительной. Плиний называет ее кратко «*oppidum*», и *Aestuaria* звучит скорее не как титул колонии, а как географическое описание города, расположенного в устье Рио-Тинто. Я, следовательно, не включаю *Ossonoba* в мой список.

Три из титулованных городов (Лепия, Кариза и Ургия) выделены Плинием как латинские и один (Гадес) как римский. Не является ли это некоторым доказательством того, что другие города также рано получили муниципальное устройство? Досих пор не установлено, какие трибы использовал Цезарь для приписки к ней испанцев, но Август определенно использовал *tribus Galeria*. Поэтому те города, в которых мы можем обнаружить магистрата из галериевой трибы, должны были получить муниципальное устройство во время или до принципата Августа. В моем списке города, для которых имеются данные о дуумвирах галериевой трибы, следующие: Ургас⁵, Иллиберри⁶, Истурги⁷, Обулкон⁸, Сацили⁹, Улия¹⁰, Илипа¹¹, Угультуния¹² и Нертобрига¹³.

¹ Птолемей (II, 5, VIII) приводит *Metellinum* с небольшим искажением рода, а именно *Καίχλῖα Γερέλλινον ἢ Μετέλλινα* что, может быть, является пережитком двух степеней в истории города: а) как *praesidium*'а, заселенного Метеллом во время Серторианской войны, и в) как полноправной колонии Августа.

² NH, IV, 119. Однако проблема двукратного основания Гадеса в целом не может быть обсуждена в данной статье.

³ Это был важный пункт на Гвадалквивире и рано пошел по пути римского развития. Ср. интересный отчет эпохи Республики или Ранней Империи о постройке арки и ворот *Urchai Atitta F. Chilasurgun* (CIL, II, 1087).

⁴ "Ὀυσσά Αἰστωρία у Маркиана Гераклейского, *Periplus maris ext.*, II, 9, p. 546 (Müller).

⁵ CIL, II, 2105, 2114.

⁶ Ib., 2081.

⁷ Ib., 2121.

⁸ Ib., 2126, 2129—2132.

⁹ Ib., 2188, ср. 2186.

¹⁰ Ib., 1536—7.

¹¹ Ib., 5363.

¹² Ib., 1029.

¹³ Ib., 972 и Брамбах 1150, 1151, 1160 (не II vir, но четыре гражданина в *tribus Galeria*).

Муниципальный статут Гадеса подтвержден¹. Оссет² имеет дуумвиров и *municipes*, триба которых не названа, но стиль и шрифт надписи ранние.

Таким образом, включая три города, для которых ранее пожалование римского права засвидетельствовано Плинием, относительно 13 или 14 в моем списке известно, что они возведены в ранг муниципия в раннюю эпоху. Для остальных данные отрицательны, но имеют доказательную силу. Во-первых, ни один город из моего списка не относится к числу тех, о которых известно, что они получили муниципальную хартию от Веспасиана (его акты устанавливаются благодаря тому, что в них упоминается триба Квирина (*tribus Quirina*) или термин *municipium Flavium*³. Во-вторых, ни один из моего списка не находится в числе тех, о которых известно, что они получили муниципальную хартию в период между датой *formula* Плиния и смертью Августа⁴. Можно, следовательно, заключить, что все двадцать девять городов в моем списке получили римское или латинское устройство ранее даты *formula*.

Кроме того, о двух городах с одним римским именем известно, что они были римскими муниципиями во времена Августа — это Регина и Италика. Они были по всей вероятности чисто римскими поселениями, не связанными ни с одной из существующих общин. Я хочу напомнить, что Плиний называет общую цифру — 37 римских и латинских муниципиев Бетики. Из них 31 теперь нами установлены, а именно, Регина и Италика и 29 титулованных городов⁵.

Остается только решить вопрос — обязаны ли были они дарованиям этого ранга Цезарю или Августу?

Я хочу напомнить, по крайней мере, что Улия (*Ulia*) оказала выдающуюся услугу Цезарю во время гражданской войны (*eam civitatem omni tempore optime de populo Romano meritam esse*)⁶, и можно было предполагать, что она получила от него награду. Но, прежде чем продолжать это исследование, я обращусь к другим испанским провинциям.

Для Лузитании, которая, конечно, не была отделена от Бетики во дни Цезаря, данные Плиния ясны⁷. Он говорит, что там были три *oppida Latini antiqui*, и называет их все: Эбора Либералитас Юлия, Салация Императория (*Ebora Liberalitas Iulia, Salacia Imperatoria*), Миртилис (*Myrtilis*), к названию которой Птолемей добавляет Юлия (*Ἰουλίς*). Один римский муниципий в Лузитании имеет также колониальный титул: Олизипон Фелицитас Юлия (*Olisipo Felicitas Iulia*). Для Ближней Испании данные вполне ясны, но ситуация совершенно различна. Плиний говорит, что там было 18 *Latiniveteres*, и называет 16 из них. Тринадцать из них не имеют титула. Для трех других прибавлено имя Юлия или Цезаря: Теари Юлиензес, Церретани Юлиани (*Teari Iulienses, Cerretani iuliani*), в отличие от Церретани Августани (*Cerretani Augustani*) и Кастулонензес Цезарии

¹ Ib., 727—9 и др.

² Ib., 1256.

³ Мс Eldegg, ib., 70—3.

⁴ Ср. выше, стр. 58, прим. 4.

⁵ Detlefsen в «*Philologus*», 30 (1870), стр. 265, отметил те, что он называет двойными — римскими и туземными — названиями городов, о которых идет речь, и предположил, что они подразумевают муниципальное устройство. Однако он не датировал пожалования прав и не подтвердил своей гипотезы надписями, а только пытался подтвердить это классификацией Плиния, которая слишком непоследовательна, чтобы быть убедительной, и, кроме того, ему не пришло на ум, что римские имена были титулами колоний. Его (Детлефсена) список в некоторых частностях разнится от моего; различие главным образом заключается в разночтении текста Плиния, которого он еще не издал к моменту написания своей статьи.

⁶ Bell. Hisp., III, 3.

⁷ NH, IV, 117.

Ювеналес (Castulonenses Caesarii Iuvenales)¹. Следует отметить, что во времена Цезаря и до изменения границы в 7—2 гг. до н. э.² Кастулон находился в Дальней Испании. Из тринадцати плиниевых римских муниципиев один известен как имеющий титул: Дертоза, обозначенная на своих монетах как Гиберы Юлия Илеркавония (Hibera Iulia Ilercavonia)³. Другой, Эмпории, известен как заселенный Цезарем несколькими римскими колонистами, но он не имеет титула, и нет определенных данных, что Цезарь даровал ему хартию. Таким образом, если мы исключим Эмпорий⁴ и перенесем Кастулон к общему числу городов Дальней Испании, то муниципальных пожалований в Ближней Испании, которые могут быть приписаны Цезарю, останется всего три. С другой стороны, имеется много данных о латинизации ее Августом. По меньшей мере, 15 городов известны, как получившие латинское право после даты Плиниевой formula и до смерти Августа, и, должно быть, было много других, которые не обнаружены в надписях⁵. В течение этого периода известны только четыре пожалования в Бетике⁶ и ни одного в Лузитании.

Подведем итоги: в Дальней Испании было широко распространено латинское право несколько ранее даты Плиниевой formula, относящейся к середине правления Августа, и весьма слабо после того; большинство здешних муниципиев имеют колониальные титулы. Напротив, в Ближней Испании число дарований латинского права городам удвоилось или даже больше чем удвоилось в промежуток времени между этой датой и смертью Августа; и здесь только три муниципия имеют колониальные титулы.

Юлиевы латинские колонии (coloniae Latinae) в Нарбонской провинции слишком хорошо известны, чтобы они нуждались здесь в каком-либо подробном описании⁷. Мои выводы уже очевидны. Во-первых, латинизация Дальней Испании до Веспасиана почти исключительно обязана Цезарю и сопровождалась присвоением ранга колонии⁸. Конечно, разница в том, что, в то время как в Нарбонской провинции термин «colonia» продолжает употребляться, в Дальней Испании он отбрасывается и только титулы продолжают существовать—некоторые из них в среднем роде,

¹ NH, III, 18—30. Исправление Моммзена (в рукописях: «Caesarivenales»). Sutherland (ib., 116) утверждает, что Кастулон и Сетабис имели латинское право при Республике, очевидно, на основании термина Плиния Latini veteres, который, однако, этого не подразумевает. В отношении четырех упомянутых городов Segisama Iulienses, кажется, имела титул, но она не упомянута как латинский город—может быть, потому, что Плиний не сообщает деталей в отношении городов, входящих в conventus Cluniensis, к которому относится Segisama. Однако по топографическим соображениям я предполагаю юлиеве пожалование.

² Ср. выше, стр. 57 и Albertini, ib., стр. 37.

³ Hill, ib. и таблица XI.

⁴ Ливий, XXXIV, 9; Плиний, NH, III, 22; Hill, ib., 12. Ливий описывает после-республиканскую историю Эмпория как прошедшую три ступени: 1) Цезарь поселил там несколько coloni Romani; 2) затем испанцы были включены в римский муниципий; 3) наконец, греки присоединились к этому муниципию. Однако монеты, которыми мы располагаем в настоящее время, показывают, что римский муниципий начал со 2-й ступени, т. е. испанцы были включены в римский муниципий при первом же его основании, ибо слово муниципий встречается написанным смешанными латинскими и иберийскими буквами,—ошибка, которую не могли бы сделать римские колонисты. Я полагаю, это более вероятно, что Цезарь оставил колонистов просто как неоформленный conventus civium Romanorum и что Август основал муниципий римлян и испанцев, присоединив позднее к нему греческое население.

⁵ Mc Elderry, ib., 74, прим. 3 и ср. стр. 60, прим. 1.

⁶ Ср. выше, стр. 58, прим. 4.

⁷ Kornemann в RE s. v. «Colonia», 517—18: Jullian, Histoire de la Gaule, I, стр. 243 сл.

⁸ Попутно мои исследования показывают, что Цезарь, подобно Августу, использовал tribus Galeria для внесения в испанские списки.

согласуясь с официальным термином *municipium*. Если необходимо некоторое пояснение отклонения от римских муниципальных норм, я предлагаю следующее: Август не мог (насколько мне известно) урегулировать дела Нарбонской провинции до того, как он добился господства в сенате в 22 г. до н. э., тогда как делами Дальней Испании он, несомненно, занялся. Я не могу обсуждать здесь дату раздела Дальней Испании и возвращения Бетики в ведение сената, но то, что Август некоторое время контролировал муниципальные финансы Бетики, доказано письмом Веспасиана Саборе¹, и слишком неправдоподобно, что он это сделал до того, как он отправился в Испанию, в 27 году до н. э. Я поэтому предполагаю, что в Дальней Испании, а не в Нарбонской провинции, Август или Агриппа переименовали цезаревы латинские колонии в муниципии и уничтожили употребление термина *colonia*.

Во-вторых, я пришел к выводу, что в Ближней Испании почти все ранние пожалования латинского права исходили от Августа. Более чем половина их определенно датируется второй половиной принципата, и легче предположить, что все количество пожалований равномерно распределяется в течение периода 27 г. до н. э.—14 г. н. э., чем то, что половина их была пожалована Цезарем, а остальные дарованы в позднеавгустовское время, после долгого перерыва в этой политике. Этот взгляд подтверждается тем, что колониальные титулы, которые указывали бы на юлиеву дату, встречаются редко. При установлении общего числа латинских хартий, дарованных Цезарем по всей Испании, я буду также считать те города, которые получили статус *municipia civium Romanorum* во время Плиниевой *formula*, но сохранили колониальные титулы (Гадес, Олизипон и Дертоза). Трудно объяснить их титулы иначе, чем гипотезой о том, что они были ранее, до дарования римского муниципального статута, латинскими колониями. Что касается *municipia Romana*, я не признаю (на основании данных, теперь признаваемых достоверными), что Цезарь когда-нибудь их основал. Единственно вероятный случай—это Эмпорий, где известное юлиево поселение и одновременное отсутствие колониального титула являются аргументом, хотя и недостаточным².

В целом наклонность к подразделениям, введение и определение новых конституционных категорий, мне кажется, более характерны для администрации Августа, чем Цезаря.

Общее число латинских хартий Цезаря, таким образом, достигает тридцати семи (в Бетике—30³, Лузитании—4, в Ближней—3). Возможно также, что некоторые из его латинских колоний были впоследствии возведены Августом в ранг римских колоний (*coloniae Romanae*)—процесс, который не оставил следов⁴.

Августу следует приписать восемь муниципиев Бетики, которые получают после вычета двадцати девяти Цезаревых из общего числа Плиниевых тридцати семи. Это число включает римские муниципии Регину и Италику (к которым должен быть присоединен Гадес), и может быть, несколько из остальных восьми римских муниципиев, которые не прослеживаются, но, вероятно, обязаны были своим основанием Августу. Если присоединить четыре пожалования Августа, которые относятся ко времени после Плиниевой *formula*, то число всех Августовских хартий в Бетике, как латинских, так и римских, должно составить 13—21. В Лузитании мы не можем установить дарование им латинского права, но он, вероятно, повысил Олизипон, выведя его из ранга латинской колонии в римскую.

¹ ILS, 6092.

² Ср. выше, стр. 65 прим. 4.

³ Включая Кастулон: ср. выше, стр. 65.

⁴ Например, Азидо и, может быть, другие (ср. ниже, стр. 68).

В Ближней Испании он основал 13 римских муниципиев, и число известных нам латинских хартий доходит до 29—цифра, без сомнения, слишком заниженная, так как часть данных основывается не на окончательном итоге Плиния, а на случайных находках надписей¹.

Для всех трех Испаний, следовательно, общее число муниципальных пожалований Августа не может составлять менее чем 56, и оно было, почти наверное, больше. Эти факты подтверждают мнение Шервин-Уайта, что политика Августа по дарованию прав в провинциальных городах была не менее либеральной, чем политика Цезаря.

Локальное распределение их пожалований, однако, различно. Нет надобности объяснять, почему Август дарил большую часть своего внимания Ближней Испании: это происходило просто потому, что Цезарь уже проделал эту работу в Дальней Испании. Но почему Цезарь сосредоточил свое внимание на Дальней Испании и почти пренебрегал Ближней? Мотивы были частично политическими. Его хорошо знали в Дальней Испании, где он служил как квестор и претор, и хотя он имел там римлян-врагов, подлежащих наказанию, он имел там, с другой стороны, испанских друзей, достойных наград. Между тем в Ближней Испании *civitates victae nomen atque imperium adsentis Pompei timebant, quae in amicitia manserunt magnis adfectae beneficiis eum diligebant, Caesaris autem erat in barbaris nomen obscurius*. Кроме того, *magna esse Pompei beneficia et magnas clientelas in citeriore provincia sciebat*².

Однако, помимо временной политической обстановки, диктатор и принцепс имели одинаковые представления о даровании прав городам. Оба избирали для пожалования привилегий высоко цивилизованные общины, говорящие по-латыни. Районы южной части Дальней провинции, как писал позднее Страбон, были уже недалеко от того, чтобы стать чисто римскими (они к тому времени, говорит он, забыли свой родной язык и получили по большей части латинские права)³. Вполне естественно, что Цезарь должен был начать отсюда. Его семь муниципальных хартий в Бетурии⁴,—кельтском районе между Нижним Гвадалквивиром и Нижней Гвадианой,—может быть, более поразительны, но этот древний рудниковый район также был давно знаком с римским образом жизни. Август следовал тем же принципам, распространяя латинское право в районах менее итализированных, чем Бетика, но не менее романизированных: среди старых союзников восточной прибрежной полосы, которые чеканили пальму вместо коня на республиканских монетах⁵, и народов долины Эбро, предки которых приобрели римское гражданство на полях Аскула⁶.

¹ В Бетике на 37 римских и латинских муниципиев только 15 непосредственно установлены надписями. Если эта пропорция сохранялась в Ближней Испании, то 15 августовских пожалований, известных только по надписям, должны символизировать общее число 37; тем самым общее число августовских пожалований было бы в Ближней Испании доведено до 64, а во всей Испании до 78. Но это математика, а не история. Несомненно, многие августовские пожалования остались неизвестными, тогда как пожалования Цезаря не могут намного превышать ту цифру, которую я даю.

² Caesar, *Bell. civ.*, I, 61; II, 18.

³ III, 151. Страбон ссылается на район Гвадалквивира. В других местах латынь не была народным языком в юлиевых и августовских муниципиях, но ее понимали и на ней говорили.

⁴ Плиний, *NH*, III, 14.

⁵ Hill, *ib.*, 44.

⁶ ILS, 8888. Турма Саллюитана (*turma Salluitana*) состоит из населения районов Эбро и Серге и расположенных поблизости к ним, какова бы ни была точка зрения в отношении значения рудников Саллюитана (сравни Cichorius, *Röm. Stud.*, 1922, стр. 133; и для подтверждения старой точки зрения, что эпитет местный или племенной см. Gomez Moreno, *Sobre los Iberos y su lengua* в «*Homenaje a Menéndez Pidal*», III (1925), стр. 189).

В целях полноты обзора должно сравнить распределение римских колоний в каждой Испании. В Дальней Испании Цезаревых колоний было шесть: Урсо, Укуби, Итукки, первая колония в Гиспалисе, и (вероятно) Норба и Скаллабис. Август также основал шесть колоний (включая Азидо)¹ и вторую колонию в Гиспалисе². В Ближней Испании Цезаревых колоний римских граждан, равно как и его латинских, было мало: только три³ на августовских семь.

Цезарь выбирал их местоположение, исходя из различных соображений и в различных местах. На юге Дальней Испании (Бетика) он просто использовал поместья, конфискованные у сторонников Помпея. На западе (в Лузитании) Норба и Скаллабис были военными аванпостами, обращенными лицом к непокоренному северу. В Ближней Испании он предоставил Августу колонизовать внутреннюю область страны, — его собственные римские колонии находились на берегу, кроме Цельзы, которая отмечает дорогу вверх по Эбро к блестящему городу будущего — Цезар-августе.

Каковы были дальнейшие планы Цезаря в отношении Испании — установить не представляется возможным. Настоящая статья ставила своей задачей отделить его деяния от позднейшего их развития Августом, заслонившего и затемнившего их, установить не только существование, но также и расширение пожалования муниципальных прав и выяснить, чем обязана Дальняя Испания Цезарю, а Ближняя — Августу⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ К 1) АЗИДО ЦЕЗАРИНА, 2) ГИСПАЛИС И 3) К ПЛИНИУ Н.Н. III, 30.

I. Азидо Цезарина (Asido Caesarina). Азидо Цезарина упомянута у Плиния как колония и должна (как аргументирует Альбертини (стр. 59—61) быть одной из общего числа девяти. Но она имела кваттуорвигов (CIL, II, 1315). Шриффт указывает на время Августа или более раннее, согласно Б. Гюбнеру (CIL, II, 5407), однако заставляет предположить, что ее полный титул был C[olonia]C[aesarina] A[ugusta] A[sido]. Проще всего предположить, что она получила латинское право от Цезаря и возведена в ранг *colonia Romana* Августом и что CIL, II, 1315 надо датировать ранее этого повышения в ранге. Пакс Юлия (Pax Iulia) также имеет свой полный колониальный ранг, и, наконец, Августу она обязана своим *ius Italicum*, а по версии Страбона, также своим именем: Παζαγυδοστα (III, 151). И Цезарь не имел обыкновения называть свои колонии именами, подобными Pax. Acci Iulia Gemella также имела *ius Italicum*, и ее колонисты были ветеранами I и II легионов, которые сражались в Испании при Августе. Титул Iulia без Augusta не всегда (как утверждает Sutherland, ib., стр. 123) является доказательством юлиевой и октавиановской даты — ср. колонию Августа Pola Pietas Iulia. Но Acci могла получить латинское право от Цезаря. Она входила в Дальнюю Испанию до 7—2 г. до н. э.

II. Гиспалис (Hispalis). Двойная колония в Гиспалисе (Iulia Romula) засвидетельствована, во-первых, двумя трибами (Sergia и Galeria), во-вторых, двумя гильдиями лодочников (scapharii), Hispalenses и Romulenses, и, в-третьих Страбоном (III, 141): ἡ μὲν Ἰσπαλίς, ἐπιφανὴς καὶ αὐτῇ ἀποικὸς Ῥωμαίων νυνὶ δὲ τὸ μὲν ἐμπόριον συμμένει, τῇ τιμῇ δὲ καὶ τῇ ἐπιστάσει ὡς αὐτὴ τοὺς καίσαρος στρατιώτας ἢ βασιλεὺς ὑπερέχει, καί περ οὐ συνικομένη λαμπρῶς. Много трудностей представил этот отрывок. Моя точка зрения та, что: а) Цезарь основал колонию (Iulia, Sergia tribu), гражданскую по составу, в собственно Гиспалисе, древнем Ἰσπέρων; в) Август добавил военную колонию (Romula, Galeria tribu, небольшую, но высшую по рангу) в Бетисе, который, я полагаю, находился

¹ См. ниже прим. I.

² См. ниже прим. II.

³ Новый Карфаген, Тарракон, Цельза (колонии), Дертоза и Эмпории (?).

⁴ См. ниже прим. III.

вблизи по ту сторону реки. Севилья также некогда была двойным городом, и Бетис был тем, чем сейчас является Триана—чем-то в роде севильского Транстевере. Бетис нигде в другом месте больше не упоминается. Отсюда все колебания. Однако часто ли слышало большинство людей о Триане? Двойное основание Гадеса (города на острове и на материке) также является до известной степени аналогичным.

III. Плиний N. H., III, 30. Я пользуюсь случаем, чтобы сделать примечание по поводу неясного высказывания Плиния: *Universae Hispaniae Vespasianus imperator Augustus iactatum procellis rei publicae Latium tribuit*. Цумпт и Ниппердей с некоторым основанием, опираясь на авторитет рукописи, читают: *iactatus*. Гардуин читает *iactatae* без всякого основания. Сравн. Mommsen, *Stadtrechte der Salpensa u. Malaca*, стр. 400, прим. 4; Rudorff, *De maiore et minore Latio*, стр. 15; Zumpt, *Studia romana*, стр. 313; Nipperdey, *Opuscula*, стр. 433; Hirschfeld, *Kleine Schriften*, стр. 303; Reid, *ib.*, стр. 24; McElderry, *ib.*, стр. 62—4; Sutherland, *ib.*, стр. 247. Моммзен и Рудорф объясняют, что латинское право из Италии, благодаря политическим бурям, достигло берегов Испании, против чего см. лингвистические возражения Ниппердея. Другие ученые, которые придерживались чтения *iactatum*, пытаются перевести: «Латинское право, которое было рассеяно, или распылилось или было подорвано во время бурь, переживаемых государством». Гиршфельд, хотя и не дает перевода, объясняет, что в 69-м году латинскому праву был нанесен удар, потому что Вителлий давал его всякого рода людям (Tacit., *Hist.* III, 55), в то время как Веспасиан—только испанцам, пользовавшимся почетом. Во всяком случае *procellis* вместе с *iactatum* должно рассматривать как *abl. instrumentalis*. Ни один писатель, хороший или плохой, не может употреблять избитую фразу как только в обыкновенном смысле, и я бы просил некоторых ученых, которые склонны рискнуть принять удар этой особой бури, изучить примеры *iactari tempestate, fluctibus* и др., собранные Гофманом в *Thesaurus linguae Latinae*, vol. VII. Следует признать, что исправление *iactatae* дает более прямое значение фразе, но если считать, что именно это писал Плиний, то это исторически абсурдно, так как Испания мало пострадала в 69-м году. Впрочем такова могла быть версия флавиевой пропаганды.

САЗЕРНА И ЕГО ФРАГМЕНТЫ

М. Е. Сергеенко

Давно уже прошли те времена, когда хозяйство древней Италии рассматривалось как нечто единое и однообразное на протяжении всего полуострова. Современная историческая наука весьма интересуется особенностями хозяйственного уклада и характером аграрных отношений в их местном, краевом аспекте. К сожалению, материал, которым мы располагаем, далеко не достаточен для того, чтобы произвести сельскохозяйственное районирование древней Италии с той полнотой и ясностью, каких бы нам хотелось. Наши сведения досадно фрагментарны, и только для некоторых областей мы располагаем данными, более или менее полными. Относительно хорошо мы знакомы, благодаря книге Катона, большому количеству замечаний у Плиния и богатому археологическому материалу, с хозяйством Кампании. Для Лациума в 1 в. н. э. кое-что дает Колумелла. Богатым материалом располагаем мы для истории сельского хозяйства в долине р. По: в нашем распоряжении имеются сведения, которые охватывают промежуток времени больше, чем в двести лет, последовательно сменяясь в произведениях Полибия, Страбона и Плиния.

Но если мы перейдем от чисто сельскохозяйственных вопросов о том, что сеяли и что сажали, кого разводили и выкармливали, к вопросу о людях, которые этим делом занимались, к вопросу о тех отношениях, в которых они друг к другу стояли, то положение наше станет совсем затруднительным. Мы довольно хорошо осведомлены о рабах, живших и работавших в имениях крупного землевладельца, но что знаем мы о свободном итальянском крестьянине? В каких отношениях стоит он к своему богатому соседу? И всюду ли по Италии эти отношения одинаковы? Так ли жил пиценский крестьянин, как умбрийский или апулийский? Если мы не пожелаем ограничиться совершенно справедливыми, но слишком общими замечаниями о притеснении бедных людей богатыми, то окажется, конкретного материала у нас угнетающе мало. Поэтому сведения из этой области так драгоценны, — в особенности те, которые можно уверенно вдвинуть в определенную географическую рамку. С этой точки зрения отрывки из сочинения Сазерны, сельскохозяйственного писателя второй половины II в. до н. э., приобретают особенное значение, и остается только удивляться, что никто из историков, ни наших, ни западных, до сих пор ими не воспользовался. А между тем Сазерна заслуживает внимания и сам по себе, а его отрывки, при всей их скудости, проливают достаточно света на сельскохозяйственные отношения, существовавшие в долине По во II в. до н. э.

Древность оставила о нем свидетельств мало, и биография его безнадежно невосстановима. Варрон случайно упомянул, что ему принадлежало имение в долине По; Сазерны происходили из рода Гостилийев, связанного, вероятно, с городом Гостилией (и поныне Ostilia), лежавшим на левом берегу По к ю.-в. от Вероны. Самое имя Сазерны свидетельствует об этруском происхождении: по всей вероятности, мы имеем в лице его представителя старинного, богатого и влиятельного рода. Время жизни нашего Сазерны можно установить, хотя об определенных годах и говорить нечего: он был моложе Катона и старше Скрофы, т. е. он стоит на рубеже II и I вв. н. э., захватывая, по всей вероятности, последние десятилетия II в. и начало I. Он был крупным землевладельцем, оставившим после себя книгу по сельскому хозяйству, изданную, как принято думать, его сыном. Характеристику этой книги дает Варрон, и он же, вместе с Колумеллой, сохранил из нее несколько (всего 17) небольших отрывков, чаще в пересказе, чем в дословной передаче. Вот и весь наш документальный материал о Сазерне.

Он принадлежит к числу старозаветных писателей, вроде Катона, которые писали, имея в виду, главным образом, собственные имения, делали свои заметки прежде всего для себя и для своих близких и отнюдь не подозревали, что, вычисляя количество рабочей силы или описывая форму виноградного чубука, они занимаются научной работой—обстоятельство, обязывающее писать по определенному плану и в строгой системе. Ближайшие поколения подошли к его книге с едким осуждением и высокомерной критикой. Современники Цицерона и Варрона, стремившиеся к созданию национальной науки и философии, желали и в сочинениях по сельскому хозяйству иметь научный трактат, стройный, разрабатывающий строго определенный круг вопросов. Теорию такого агрономического трактата с обоснованием ее дал Варрон, попутно вдоволь натешившись над своим предшественником, который спокойно писал в «Земледелии» о том, чем можно сводить волосы или как морить клопов (Varro, гл. 1, 2, 12—28). Позднейшее время оказалось и снисходительнее и справедливее: в I в. н. э., когда вопрос о научной форме агрономического сочинения утратил остроту, к Сазерне отнеслись с почтительным уважением. Плиний уже не помнил уверений Варрона, что Скрофа презирал книгу Сазерны: он объединил их вместе как «старейших после Катона и опытейших сельскохозяйственных писателей» (Pl., NH, 17, 199). Колумелла, бывший сам превосходным хозяином, отмечает, как характерную особенность Сазерны, богатство его агрономических знаний и опыта: (1, 1, 12). Действительно, через два века после его смерти, его советы не утратили своей авторитетности и оказывались иногда наилучшими.

Утеря Сазернова «Земледелия» чувствительна не только для историка древнего Рима. Сколько поверий, местных обычаев, заговоров и народных средств—«чудес», по презрительному замечанию Варрона, должно было находиться в этой, вероятно, увлекательнейшей для этнографа книге. Сазерна свято хранил в душе старинную темную веру в магическую власть слова, соединенного с определенным действием, в заговор, в приворот, в таинственную колдовскую силу некоторых существ, например, жабы (Varro, г. г. 1, 2, 27—28; 2, 9, 6). Все это прекрасно уживалось с умом ясным, пронизательным и острым. Он хорошо знал людей, обладал тонкой наблюдательностью и умел облекать свои наблюдения в слова, выразительные, как пословица. Вспомним его лаконическую характеристику крупного арендатора, который «платит хозяину вместо денег тяжбой». Этот человек не только умел наблюдать: он умел—что гораздо реже—глядеть в глаза правде и—что уже вовсе редко—склоняться перед ее силой «без гнева и упреков». Он понимал иллюзорность всех попыток улучшения

рабского труда: деловито и невозмутимо признает он, что раб выполняет свое дело почти в полтора раза медленнее, чем следовало бы, и спокойно относит его нерадивость к числу таких же неизбежных явлений, как болезнь и плохая погода (Varro, r.r. 1, 18, 2). Превосходное хозяйство, которое рисовалось Колумелле, опиралось, между прочим, на работающего, преданного раба. Действительность показала всю фантастичность подобных проектов. Сазерна спокойно исходил из ситуации, поправить которую считал невозможным, и, приравливаясь к ней, старался вести хозяйство наилучшим образом. Хозяином, надо думать, он был превосходным: тут у него были и свои мысли и свой путь. В области виноградарства, например, он выступил новатором, революционной смелости которого почти три века спустя изумлялся Плиний. Ему не страшно было идти наперекор хозяйственным обычаям целого края: собственные наблюдения и размышления значили для него гораздо больше, чем единодушно признанная, от предков принятая и свято—с италийским и деревенским консерватизмом—соблюдаемая традиция. Недаром его так ценил Колумелла, тоже человек новой и смелой мысли; надо сказать, что в виноградном хозяйстве Сазерна пошел тем путем, который современная наука о виноградарстве единогласно признала правильным.

Сельским хозяйством и домостроительством не исчерпывались все интересы Сазерны. Он был широко образованным человеком: мы знаем, например, что он читал астронома Гиппарха, следовательно, знал греческий язык (Col., I, 1, 5). Сельское хозяйство было, однако, самым его любимым занятием, и он видел в нем не только источник дохода: для него оно было сопряжено с некими душевными и эстетическими эмоциями. Мирный деревенский пейзаж имел для него неотразимую прелесть: прочтя у Гиппарха о будущем изменении климата, он сразу вообразил, как снежные вершины, которые он ежедневно видел из своей усадьбы, покроются виноградными лозами и маслинами, —и эта способность мечтать и фантазировать дополняет облик этого человека такой неожиданной и трогательной чертой.

Как ни интересен сам по себе Сазерна— и всем своим обликом и своей незаурядной образованностью, но еще важнее значение его фрагментов как документа для хозяйственной истории Цисальпинской Галлии. Сазерна предлагает нам совершенно конкретный материал, по данным которого мы получаем возможность восстановить—хотя бы и очень фрагментарно—картину сельскохозяйственной жизни в Цисальпинской Галлии времен нашего автора.

Отрывки Сазерны распадаются (не считая всего, что относится к домоводству и медицине) на три отдела: организация хозяйства, полеводство и виноградарство. Для характеристики хозяйственной жизни в долине По особенно интересен, конечно, первый отдел, из которого явствует, что главной фигурой в сельскохозяйственном мире Цисальпинской Галлии является крупный землевладелец, ведущий свое хозяйство с помощью не только рабов, но и арендаторов, причем эта земельная аренда получила здесь широкое развитие уже задолго до Сазерны, так как к его времени успело выработаться два типа земельных арендаторов: крупный арендатор и мелкий.

Долину р. По принято считать краем, где удержалось мелкое крестьянское землевладение. Посмотрим, дают ли наши источники право для такого заключения.

История Цисальпинской Галлии общеизвестна. По мере того, как гальские племена были побеждаемы и оттесняемы, Рим, в качестве форпостов в этой чужой и враждебной стране, высылал колонии, привлекая охотников земельными наделами, вовсе, однако, небольшими. Вот список, который

можно составить по Ливию, нашему единственному источнику в данном случае, которому тут вполне можно верить, потому что, во-первых, в распоряжении его имелись документальные данные, и, во-вторых, у него не было никаких оснований эти данные так или иначе подтасовывать.

190 г. 37,46,9-47,2	Плацентия Кремона	лат. кол.	6 000 семей	
189 г. 37,57,7—8	Бонония (земля Боев)	лат. кол.	3 000 семей	пех. 50 юг. вс. 70 юг.
183 г. 39,55,5—9	Мутина Парма		2 000 2 000	5 юг. 8 юг.
173 г. 42,4,3—4	в долине По производится раздел пустующей земли: по 10 юг. римскому гражданину, по 3 юг. союзникам-латинянам.			

Даже надел в 70 юг. бононских колонистов уже полвека спустя должен был значительно раздробиться: семьи были большие. Густота населения обратила внимание Полибия, путешествовавшего по этим местам приблизительно в половине II в. до н. э.: «о многолюдстве страны... можно судить по самим событиям». (2,15,7). Прибавим к этому заявление Сазерны, сохранившееся у Колумеллы. Этот последний, рассуждая о колонах, — мелких арендаторах говорит: «по моему мнению, частая передача аренды — дело плохое, — но еще хуже арендатор из города, который предпочитает обрабатывать землю с помощью рабов, а не своими руками. Сазерна говорил, что такой человек платит обычно вместо денег тяжбой и что поэтому следует приложить старание к тому, чтобы удержать у себя на все время в качестве арендаторов одних и тех же крестьян» (1,7,3—4). Малая величина земельных наделов и значительный прирост населения выдвигали необходимость для обезземеленного крестьянства искать средств к жизни. Таким средством оказывается мелкая земельная аренда, о которой Сазерна говорит как о чем-то само собою разумеющемся. То обстоятельство, что крупный землевладелец старается обеспечить арендаторам такие условия, чтобы они длительно оставались у него, свидетельствует о том, что у арендатора была большая свобода выбора. Иными словами, имелось много крупных поместий, где можно было заарендовать кусок земли и осесть, говоря современным языком, в качестве фермера. Эта мелкая земельная аренда во II в. до н. э. в долине По — явление любопытное. В Лации и Кампании — приблизительно в то же самое время — Катон знает только издольщиков, получающих определенную долю урожая за обработку поля. Издольщик называется термином *colitor*, позволяющим предполагать, что в круг его обязанностей входили работы на поле уже после посева. С уборкой хлеба и выплатой ему условленной доли урожая прекращались его отношения с хозяином земли. Мелких арендаторов у Катона нет. В его книге правовые отношения с людьми, которые работали для него и на его земле, очерчены весьма ясно: вспомним договоры со съемщиком оливок, с маслоделом, с тем, кто покупает оливки на дереве и виноград на лозах, со съемщиком зимних лугов, наконец, с издольщиками. Если бы в его хозяйственной орбите была такая фигура, как мелкий земельный арендатор, он не мог бы ее обойти: в данном случае *argumentum esilentio* имеет силу определенно засвидетельствованного факта.

Итак, мы имеем в Цисальпинской Галлии во II в. до н. э. крестьянина-арендатора, сидящего на чужой земле. Перейдем теперь к другой фигуре в сельскохозяйственном мире этого края — к крупному землевладельцу, у которого крестьянин снимает землю.

Сазерна в нескольких местах упоминает сельскохозяйственных рабов. Наличие рабов и мелких арендаторов в одном и том же имении заставляет предполагать, что в руках у одного хозяина находится такая большая земельная площадь, обрабатывать которую одной рабской силой ему невыгодно. Существование крупного землевладения в долине По засвидетельствовано и другой фигурой: крупным арендатором, денежным человеком и спекулянтом, который берет в аренду большой участок земли и обрабатывает его с помощью рабов. Присутствие его в сельскохозяйственном мире весьма показательно: оно говорит, во-первых, о большой доходности сельского хозяйства в этом крае, а во-вторых, о высоких ценах на землю, объясняемых не только выгодностью хозяйства, но и отсутствием большого количества свободных участков: состоятельный горожанин не может сразу приобрести в собственность кусок земли, а вынужден либо выжидать, наживаясь пока что на чужой земле, либо так и оставаться на всю жизнь только арендатором.

Мы лишены возможности определить, хотя бы приблизительно, размеры земельного поместья в долине По, но некоторое представление о внутренней жизни его можем составить, основываясь на одном фрагменте Сазерны, пересказанном Варроном (г. г. I, 16, 4—5).

Варрон, разбирая вопрос о том, какое соседство выгодно для имения, говорит, что хорошо иметь по соседству такие города или деревни или богатые поместья, где можно купить то, что нужно для имения, и куда можно продать избыток имеющегося материала: «например, колья, жерди, тростник. Иногда выгоднее купить, чем заниматься у себя в имении разведением того или иного предмета» (4). Точно так же хозяевам выгоднее иметь соседями врачей, фулонов, плотников, к которым они в течение года могут обращаться с заказами, чем держать у себя в усадьбе собственных: смерть одного такого мастера иногда уносит весь доход с имения. Этот круг обязанностей владельцы больших имений обычно поручают домашней челяди. Если имение далеко от города или от деревни, то они приобретают плотников, чтобы иметь их у себя в усадьбе, а также и прочих необходимых ремесленников, чтобы рабы не уходили с работы в имении и не праздновали бы, разгуливая по будням вместо того, чтобы работать и делать имение доходнее (5). Поэтому - то книга Сазерны так и советует, чтобы никто не выходил из имения, «кроме вилика, ключника и еще (кого-нибудь) одного по выбору вилика. Если же кто вышел, пусть не уйдет безнаказанно, а если уйдет, то следует взыскать с вилика».

Из имения, которое представляет себе Сазерна, рабу выход запрещен. Попробуем конкретно представить себе, что это значит. В повседневной жизни имения постоянно возникают потребности, нуждающиеся в удовлетворении, иногда немедленном. Обломался лемех; вол рассек себе ногу; у раба нарыв на пальце. Чем больше имение, тем больше таких случайностей. Если рабу заказано выходить из имения и даже просить об отлучке, то это можно понять только в том случае, если все хозяйственные и житейские нужды удовлетворяются тут же в имении. Сазерна имеет в виду именно такое имение с «плотниками и прочими необходимыми ремесленниками».

Когда Варрон, продолжая, пишет: «лучше было посоветовать так: пусть никто не уходит из имения без разрешения вилика...» (*quod potius ita praescipiendum fuit, ne quis iniussu vilici exierit*), то совершенно ясно, что перед его умственным взором стоит совершенно иной тип поместья—тот, где «врачи, фулоны и плотники» находятся где-то в другом месте, куда хозяин и посылает за всем, что ему в хозяйстве в смысле ремесленной помощи требуется. Из варроновского текста явствует, что имение Сазерны, и, конечно, те, которые он имел в виду и для которых писал, т. е. иными

словами, привычная для него хозяйственная обстановка, были представлены крупными имениями, всецело себя обслуживающими. Само собой разумеется, что в таких имениях держали всевозможных мастеров не для одного только текущего ремонта: здесь имеются очаги постоянной ремесленной деятельности, рассчитанные, как это можно себе представить и как об этом прямо говорит Варрон, и на соседей, на какую-то округу. В полном согласии с этим стоит и то обстоятельство, засвидетельствованное опять-таки Варроном (г. г. I, 2, 22), что у Сазерны в имении была гончарная мастерская, и он писал об ее оборудовании и эксплуатации (*figilinas quem ad modum exerceri oporteat*).

Если мы обратимся от Сазерны и Цисальпинской Галлии к современной ему Средней Италии, а именно к Кампании и Лациуму, о которых мы кое-что знаем благодаря Катону, то картина перед нами предстанет совершенно иная: в тех сельскохозяйственных кругах, к которым принадлежит Катон и где выработалось правило «хозяин должен быть скор на продажу, а не на покупку» (*Cat. 2,7: patrem familiae vendacem non emacem esse oportet*), покупают даже такие вещи, как одеяла, сшитые из лоскутьев, все железные орудия, упряжь, телеги, черепицу, глиняную посуду и медную, покупают даже корзинки, толстые веревки и молотильные доски. В персонале виноградника и оливкового сада у Катона нет ни одного ремесленника. Такая установка на чисто сельскохозяйственный аспект имения для Италии является, видимо, господствующей: по крайней мере, когда Варрон пишет (г. г. I, 22, 1—2): «нечего покупать те предметы, материал для которых имеется в поместье, и которые могут быть изготовлены дома» (*quae nasci in fundo ac fieri a domesticis poterunt, eorum ne quid ematur*), то из дальнейшего перечня этих предметов—корзинки, плетенки, молотильные доски, колья, грабли, веревки, бечевки, маты—явствует, что он имеет в виду предметы, с изготовлением которых знаком каждый деревенский житель и которые он сделает, не нуждаясь для этого ни в особом оборудовании, ни в особой выучке. Изготовлением всех этих предметов у него занят не особый штат, а те же сельскохозяйственные рабы—только во время, свободное от полевых работ, например, зимой до рассвета или в долгие вечера. Делается все это не на продажу, а только для себя, для своего хозяйства. Остальные же предметы, необходимые в сельскохозяйственном быту, очевидно, покупаются. Колумелла никогда не упоминает о ремесленниках в усадьбе. Между тем, посвятив несколько глав организации имения, он, конечно, хоть в нескольких словах упомянул бы о ремесленниках—рабах или свободных—если бы они представлялись ему необходимыми членами усадьбы.

Итак, мы получаем для II в. до н. э. две совершенно разные хозяйственные картины, которые имеем возможность приурочить к определенной местности: с одной стороны, Центральная Италия, точнее: Лаций и Кампания, с другой—долина По, по всей вероятности, Транспаданская Галлия. Там—имения, если можно так выразиться, чисто аграрного характера, обрабатываемые рабской силой; города с оживленной ремесленной деятельностью, работающие на всю округу; крестьянин-собственник, у которого все отношения с усадьбой исчерпываются тем, что он берет у богатого соседа кусок уже засеянного им поля, пропалывает и мотыжит его, снимает жатву и за это получает определенную плату натурой. Здесь, в долине По, крестьяне—колоны в позднейшем смысле этого слова: мелкие арендаторы, сидящие на помещицкой земле, которая обрабатывается, главным образом, их руками; имение является ремесленным центром для целой округи, заменяющим для нее, до известной степени, город. По сравнению с Италией—совершенно особый мир. Откуда он, и каким образом он сложился? На это можно ответить лишь предположительно, ища ответа,

разумеется, в истории края и в особом характере его хозяйственной жизни.

Долина По с V в. до н. э. была занята галльскими племенами, которые оттуда целиком никогда вытеснены не были. Страбон, путешествовавший по Италии на рубеже нашей эры, говорит, что инсубры (а это племя, по свидетельству Полибия, было самым крупным среди цисальпинских галлов) «существуют и поныне» (Str., 213). Рассказывая об овцеводстве в долине По, он описывает овечью шерсть, которую доставляет этд племя (ib., 218). Если римляне вели здесь с галлами ожесточенные войны, кончавшиеся истреблением или изгнанием целых племен, то не следует забывать, что среди галлов в этой борьбе единоклассника не было: имелись племена, вошедшие с Римом в союз и дружбу, например, кеноманы, которые уже по этому самому должны были сохранить свои земли и свое имущество. По свидетельству Ливия, даже от боев была отнята только половина их территории (36, 39). Римские и латинские колонии первоначально представляли собой только крохотные островки среди галльского моря. Когда Полибий говорит, что галльское население было целиком вытеснено из долины По и удержалось только у подножия Альп (2, 35, 4), то это определенное преувеличение. Тот факт, что в 89 г. до н. э. Транспаданской Галлии дано было только латинское право, достаточно свидетельствует, что основная масса населения в этом краю не принадлежала к италийцам. В половине I в. до н. э. Цезарь получил в управление Цисальпинскую и Нарбонскую Галлии, как величины, административно и политически совершенно одинаковые: обакрая—не Италия, а нечто чужеродное. В Этрурию или Умбрию в это время магистрата *cum imperio* не посылали. Все это говорит за то, что даже в I в. до н. э. сенат рассматривал эту область как существенно отличную от остальной Италии. Тем более можно предположить преобладание галльского населения в долине По для II в. Галльские обычаи и порядки не могли здесь сразу исчезнуть и переделаться на чужой лад и строй, принесенный пришлым италийским населением, осевшим где-нибудь в Кремоне или Мутине. Новые пришельцы вряд ли начали с энергичной ломки местных обычаев и упрямого установления своего: такое поведение было вообще не в характере римлян, которые обычно прилаживались к существующим нормам хозяйственной жизни, стремясь их использовать с максимальной для себя выгодой. Ничто не говорит о том, чтобы в Цисальпинской Галлии они действовали иначе. Какую же была та сельская и сельскохозяйственная жизнь, с которой они столкнулись в долине По, окончательно завоеванной и усмирненной уже в первую четверть II в. до н. э.?

Единственным источником нашим, рассказывающим о цисальпинских галлах, является Полибий (2, 179), путешествовавший по этому краю примерно во времена Сазерны. Полибий—наблюдатель внимательный и острый, которому можно верить. Он подметил как черты повседневной жизни, так и особенности экономического и социального быта. Вот как он характеризует его: «больше всего заботятся они о своей дружине, потому что самым грозным и могущественным у них оказывается тот, у кого считается больше всего слуг и свиты». Эти слова целиком совпадают с тем, что рассказывает Цезарь о трансальпийских галлах: «чем богаче и знатнее человек, тем больше вокруг него дружинников и клиентов: единственно в этом для них власть и влияние». Совпадение это чрезвычайно любопытно: мы видим, что общественный строй галльских племен по обе стороны Альп был совершенно одинаковым. Случайно сохранившиеся подробности, рисующие жизненный уклад там и здесь, также совпадают: Полибий пишет о том, что галлы «лежат на соломе и питаются мясом». Посидоний рассказывает: «Кельты располагаются за едой, подостлав под себя сено... едой

им служит хлеб в малом количестве и мясо в большом». Общеизвестен рассказ Цезаря о лосях и охоте за ними (b. g. 6, 27). Откинув фантастическую анатомию этих животных, мы получаем любопытный и, несомненно, достоверный рассказ о способе охоты на них, заключавшийся в том, что животных убивали, подрубив деревья в лесу таким образом, что «оставалась только видимость, будто они стоят». Совершенно таким же образом в 216 г. до н. э. бейи уничтожили в долине По войско консула Постумия (Лив., 23—24). Мы имеем полное основание считать, что галлы из долины По и из Галлии по ту сторону Альп и по быту и по социальному укладу между собой не разнятся. Об этом нам придется еще вспомнить в дальнейшем, а сейчас попробуем себе представить, какие экономические отношения являются базой для создания тех общественных отношений, о которых повествуют Полибий и Цезарь.

Наличие в государстве могущественных фигур, окруженных целой толпой зависимых людей¹, когда притом земледелие является основным мирным занятием населения («они ничем не занимаются, кроме войны и земледелия»), заставляет предполагать совершенно определенный земельный режим. В руках одного человека должны быть сосредоточены большие земельные пространства, обеспечивающие жизнь ему и его дружине. Кто работает на этой земле? Рабы? Да, конечно, но, кроме них, еще и те люди из протонародья, которые «будучи отягощены долгами, большими податями или несправедливостями людей сильных, отдают себя на службу знати, пользующейся по отношению к ним всеми теми же правами, что и над рабом». Их работа давала галльскому воину-аристократу возможность выходить на войну с большой дружиной и в мирное время устраивать пиршества вроде описанных Посидонием. Нет никаких оснований думать, что явлению, отмеченному Цезарем в Галлии, не было места в долине По: если в обеих странах, населенных одинаковыми племенами, имеется богатая землевладельческая аристократия, окруженная большой дружиной; если на эту аристократию в одной стране работает бедный и угнетенный народ, то совершенно неизбежно признать существование таких же нищих и зависимых от богатого собственника землевладельцев и в другой. Земли «грозных и могущественных» галлов в долине По обрабатывали такие же «угнетенные долгами, податями и несправедливостями сильных» люди, как и трансальпинские их братья.

Мы можем представить себе и внутреннюю жизнь такого поместья, используя для этого данные раскопок, произведенных в современной Франции на местах старых галльских поселений; ряд совпадений в экономической, бытовой и социальной структуре Трансальпинской и Цисальпинской Галлии дает на это полное право. Мы видим как раз то большое, самообслуживающееся имение, о котором рассказывает Сазерна. «Сельскохозяйственная жизнь Галлии,—пишет один из лучших знатоков галльской старины, Альберт Гренье,—сосредоточена в поместьи, где группами или в одиночку, вероятно, в зависимости от местных условий, живут колонны землевладельца. В принципе имение представляет собой единицу самодовлеющую: у него есть свои леса, поля, покосы, посевы, фруктовые сады, виноградники, луга для скота, свои мастерские, своя кузница, иногда своя гончарная или литейная»². Именно такую самодовлеющую единицу имеет в виду и Сазерна, описывая имения, где живут всевозможные ремесленники, обслуживающие его; где есть своя горшечная мастерская и откуда

¹ Цезарь приводит целую галерею таких людей из разных галльских племен: гелльвет Оргерориг, эдуй Думнориг, арверн Верцингеториг.

² A. Grenier, *La Gaule Romaine*, в кн.: T. Frank. *An economic survey of ancient Rome*. Vol. III, стр. 496—497.

рабам запрещено выходить потому, что все хозяйственные и бытовые потребности находят себе удовлетворение в самом имении.

С приходом римлян многое, конечно, изменилось в жизни галльской аристократии. Одна сторона ее деятельности—война— была вычеркнута; оставалась только другая: земледелие. Цезарь, покорив Галлию, ни в чем не изменил существовавших там земельных отношений, и мы ничего не слышим о таких изменениях, произведенных римлянами в долине По. А priori они мало вероятны: римляне обычно не ломали экономического быта покоренной страны, а приспособлялись к нему и приспособляли его в своих выгодах. Часть земли они отобрали, некоторые имения конфисковали, но те из галлов, кто был с ними в мире и пошел даже на союз и дружбу,—вспомним целое племя кеноманов,—те продолжали жить и хозяйничать так же, как и раньше. Прежняя дружина превратилась в земледельцев, осевших, вероятно, на земле своего старого предводителя. Крестьянское население продолжало жить и работать на земле богатого вождя, как оно работало и раньше. Римляне, утвердившись в долине По, нашли здесь уже вполне сложившийся уклад земельных отношений и приняли его. С установлением прочного мира сюда хлынули волны пришельцев, привлекаемых плодородием края. Такой крупный землевладелец, как Сазерна, был разумеется, фигурой не единичной и не исключительной. Страна латинизировалась: прежним хозяевам было не под силу тягаться с расчетливым дельцом-италийцем,—галльские имения, как правило, переходили в цепкие и ловкие руки пришельцев. Усевшись в таком имении, новый хозяин и не думал менять его структуру: она хорошо соответствовала характеру местной жизни—широким просторам края, небольшому в те времена числу городов, привычкам местного населения. Новое входило постепенно, влетаясь в старое, мирно уживаясь с ним и его не разрушая. Рядом с большим имением появились мелкие участки новых переселенцев: наехали люди, наживавшиеся от земли,—таков был крупный земельный арендатор—фигура, совершенно неизвестная старинному галльскому обществу. Существенно изменилось положение мелкого земельного арендатора: прочный мир и уничтожение политического значения галльской знати начисто зачеркивали права хозяина «почти так же, как над рабом», над человеком из народа. Галльское крестьянство, постепенно сливаясь с италийскими колонистами, образовало тот класс людей, в работе которых так заинтересован Сазерна и которые имеют полную свободу передвижения и выбора имения, в котором им захочется осесть.

Итак, на рубеже I в. до н. э. в долине По открывается перед нами довольно неожиданное зрелище: мы видим крупное поместье, обрабатываемое в какой-то части своей мелким арендатором: поместье это образует самостоятельный мирок, целиком удовлетворяющий свои потребности и обслуживающий ремесленной деятельностью окружающее население. Долина По, совершенно подчиненная и замиренная в начале первых десятилетий II в. до н. э., к концу этого столетия сохраняет в неприкосновенности типичную структуру галльского имения.

Всмотримся теперь ближе в полевое и виноградное хозяйство Сазерны.

Колумелла, высчитывая число рабочей силы, пишет: «Поле в 200 югеров можно обработать, имея две пары волов, двоих пахарей и шесть рабочих,—если, однако, на этом поле нет посадок. Если же это виноградник (где лозы выются по деревьям), то Сазерна уверяет, что этот самый участок можно превосходно возделать, прибавив еще троих человек. Из этого расчета следует, что одной пары волов достаточно, чтобы вспахать участок под 125 модиев пшеницы (25 юг.) и такой же величины для бобовых—всего озимый посев выразится в 250 модиях,—потом еще посеют 75 модиев ярового (15 юг.)...»

Определить, хотя бы приблизительно, основываясь на этих словах, размеры поместья Сазерны, мы не в состоянии, но мы можем положительно утверждать, что полевое хозяйство занимало в краю видное место. Вычитывая количество рабочей силы, Сазерна говорит о полевом участке в 200 югеров: брал ли он эту цифру как пример, имел ли в виду собственный полевой клин—в обоих случаях широкий размах полевого хозяйства в долине По по сравнению с Лацием или Кампанией того же времени сразу бросается в глаза. Вспомним, что Катон о полевом хозяйстве упоминает совсем мимоходом, причем значительная часть полевых работ у него вообще сброшена со счета—этим занимаются издольщики. Варрон говорит о «целых имениях» в Сабинии, площадь которых равнялась 200 югерам (3, 2, 15). В долине По мы имеем эту же цифру только для куска земли, отведенного под посев одних зерновых культур: центурия—участок в 100 юг.—разделена на четыре клина: один, в 25 юг.,—засеян пшеницей, другой—такой же величины—бобовыми; третий—почти вдвое меньший, в 15 юг.—находился под яровыми; четвертый, 35 юг.,—лежит год паром. И вот тут видна италийская рука. Четырехполье было обычной системой полевого хозяйства древней Италии, введение которой диктовалось широким распространением бобовых, столь любимых в Италии. Любопытно, что Полибий, перечисляя очень подробно полевые культуры Цисальпинской Галлии, вовсе не упоминает бобовых—может быть, это свидетельствует о том, что в его время они не получили еще широкого распространения, будучи только вводимы новыми поселенцами.

К сожалению, более определенных сведений по этому поводу мы не имеем.

Зато мы можем определить, если позволено будет так выразиться, классовую физиономию некоторых полевых злаков. Полибий отмечает в долине По исключительное количество проса в разных его сортах (2, 15, 2). То же замечает впоследствии и Страбон (с. 218). Колумелла по поводу этого растения пишет: «во многих местностях крестьяне (колоны) живут этой пищей»: из пшена готовится хлеб, который, «пока он не остыл, можно есть с удовольствием», и «каша, которая, если ее есть с молоком, тоже не возбуждает отвращения» (2, 9, 17 и 19). Перед нами явно крестьянская еда. Мы видели уже, что Сазерна засеивает у себя самый большой участок пшеницей: хлеб богатого землевладельца в долине По—это хлеб пшеничный.

Любопытно наличие комбинированных культур. Сазерна мыслит две возможности использования своего примерного участка в 200 юг.: он может быть хлебным полем и только; может представлять сочетание хлебной нивы и того вида виноградника, где лозы вьются по деревьям. И здесь опять-таки видна хозяйственная рука италийца. Вспомним, что у Катона мы как раз присутствуем при том, как поле покрывается ямами, куда хозяин по весне будет сажать вязы—явно для будущих лоз,—смоковницы и маслины (*de agricultura*, 27). У Варрона мы прочтем о соединении фруктового сада с огородами и посевами (г. г. 1. 23. 6).

Переходим к виноградному хозяйству.

Сазерна был превосходным знатоком виноградарства. Он уделял внимание и виноградарской технике, а некоторые его наставления, например, совет сажать виноградный чубук без костылька, вспомнили и признали правильными сельскохозяйственные писатели I в. н. э. (*Col. III*, 17, 3—4). Вполне с ним согласились и современные виноградари. Самым замечательным, однако, была та резкая оппозиция, в которую стал Сазерна по отношению к местным виноградарским обычаям. Долина По изобиловала вином,—Страбон рассказывает, что винные бочки были там величиной с дом (218) и обычным способом разводить там виноградники было сажать

лозы около деревьев, преимущественно вязов, обрезать эти деревья соответствующим образом, заставляя ветви образовывать как бы несколько этажей и затем пускать лозу виться по этому дереву. Такие виноградники назывались *arbustum*. Сазерна осудил такое устройство виноградника, (Pl., N. H. 17, 199)—опять-таки, надо сказать, в полном согласии с принципами современного виноградарства, которое, как и он, считает, что лозы надо подвязывать к кольям. Почему пришел он к выводам современной виноградарской науки, утверждающей, что хорошее вино можно получать только с лоз, вьющихся по шпалерам, но отнюдь не с тех, которые насажены возле деревьев? К сожалению, мы знаем только один голый факт: никто из наших источников—ни Колумелла, ни Плиний—ничего не говорят о причинах, вызвавших у Сазерны осуждение *arbusti*. Мы можем предполагать только наличие большого запаса сравнительных наблюдений, произведенных Сазерной над виноградниками, где лозы рассаживались по деревьям (*arbustum*), и где их подвязывали к кольям и шпалерам (*vinea*),—наблюдений, позволивших ему притти к его заключению, шедшему совершенно в разрез с местной практикой. Одно можно сказать определенно: не страх перед большими издержками заставил Сазерну осудить *arbustum*: этот тип виноградника требует как раз меньших затрат и меньше работы, чем *vinea*. Очевидно, он не принадлежал к тем хозяевам, которые, по ядовитому замечанию Колумеллы, первым доходом считают отсутствие трат (4, 3, 3), и эта черта еще дополняет его облик разумного и рачительного хозяина.

Итак, подведем итоги:

1. В отрывках Сазерны, до нас дошедших, содержится материал для истории земельных отношений в Цисальпинской Галлии во второй половине II в. до н. э., которого мы не имеем ни у кого из других писателей.

2. Страна эта в указанный период сохраняет, как можно думать, земельный уклад, характерный для Галлии: крупное самодовлеющее поместье, обрабатываемое мелкими свободными арендаторами—колонами.

3. Наличие такого земельного уклада объясняется сохранением земельных отношений, типичных для социального и экономического быта Галлии.

4. Римляне, покорив долину По, не разрушили этого уклада, переделывая только на свой—италийский—лад агрономические принципы ведения хозяйства.

ИМЕННИК БОЛГАРСКИХ КНЯЗЕЙ

Проф. М. Н. Тихомиров

В 1866 г. А. Н. Попов впервые опубликовал список болгарских князей, найденный им в двух рукописях Еллинского летописца. Он отметил, что список болгарских князей помещен в виде вставки в текст Еллинского летописца тотчас же после окончания «IV книги Царств». А. Н. Попов отлично понимал значение своего открытия и определил список, как «в высшей степени замечательную вставку»¹. Открытие Попова, естественно, вызвало большой интерес в науке, и список болгарских князей, получивший вскоре характерное наименование «именника» (данное ему Рачким), сделался одним из основных источников по истории древней Болгарии. Ведь наука впервые получила список болгарских князей от легендарного Авитохоло до Умора с краткими замечаниями о времени и продолжительности их жизни и царствования. Особенное внимание привлекли непонятные термины именника, явно восходящие к тому языку, на котором говорила династия болгарских властителей. Сделано было несколько попыток расшифровать эти термины с помощью разных языков.

Одними из первых трудились над расшифровкой терминов именника В. Н. Златарский и Бюри. В своей расшифровке Златарский и Бюри исходили из мысли о тюркском происхождении болгарской царской династии. По мнению Бюри, загадочные термины именника («дохс твиремъ», «шегоръ вечемъ») являются числительными. Первое слово обозначает единицы, второе десятки. Болгары придерживались шестидесятилетнего лунного цикла. Каждый лунный год состоял из 12 лунных месяцев и заключал 354 или 355 дней. Бюри определил числовое значение 8 слов для единиц и 6 слов для десятков. Вместе с тем он пришел к мысли о некоторой неисправности именника, что должно объяснять не всегда успешное применение его метода к уточнению дат болгарской истории².

К выводам Бюри в основном присоединился и В. Н. Златарский, внесший, однако, несколько существенных дополнений. Так, он делит именник на две части. Первая часть от Авитохоло до Испериха оперирует не с лунными, а с солнечными годами, имея исходным пунктом византийскую

¹ А. П о п о в. Обзор хронографов русской редакции. Вып. I, М., 1866, стр. 25—27.

² «Byzantinische Zeitschrift», XI (1910), Heft 1—2 (I. B. B u r y, The chronological Cycle of the Bulgarians). В Известиях Казанского Общества археологии, истории и этнографии за 1911 год помещен перевод труда Бюри, сделанный Н. Петровским и снабженный его же комментариями.

эру от Р. Хр. Свои лунные годы болгары систематизировали по византийскому летосчислению. Болгарские числа показывают не восшествие на престол того или другого князя, а истекшие годы от Р. Хр. до восшествия на престол. Вторая часть именника дает не солнечные, а лунные годы, новая эра с Еспериха начинается после истечения 680 лунного года или 660 солнечного года от Р. Хр., т. е. начало болгарской эры совпадает с началом 661 византийского сентябрьского года нашей эры¹.

В. Н. Златарский сделал, как мы видим, ряд поправок к выводам Бюри, еще более усложнив расшифровку терминов именника. И. Маркварт признал выводы Бюри вообще неудовлетворительными. Впрочем и собственные домыслы Маркварта нельзя признать обоснованными, хотя они и подкупают своим стремлением объяснить имена болгарских князей историческими сопоставлениями². Также отрицательно отнесся к выводам Бюри и Н. В. Степанов, который исследовал его методы с математической точки зрения. Н. В. Степанов отметил, что «метод Вугу не надежен и приводит к выводам неверным»³.

По-новому разрешил вопрос о непонятных терминах именника болгарских царей И. Миккола. По его мнению, неславянские выражения в именнике состоят из двух слов, обозначающих название года в 12-летнем цикле тюрков и месяцев года («год мыши», «год быка» и т. д.). Общий вывод исследователя сводится к признанию того, что «тюркские выражения в списке князей, означающие порядковый год в цикле (название животного) и месяц, указывают начало правления каждого хана»⁴. Нам кажется, что Миккола уже близко подошел к расшифровке непонятных терминов именника, хотя некоторые его сопоставления и вызывают серьезные возражения. Однако наша статья отнюдь не ставит своей задачей дать еще одну попытку объяснить содержание именника, — наша задача состоит в том, чтобы усилить источниковедческую базу для новых исследований в области болгарской истории. Дело в том, что все исследователи продолжали пользоваться в основном публикацией Попова. Даже в самом новейшем труде по истории Болгарии, опубликованном в 1945 г., находим тот же текст А. Н. Попова, переданный к тому же в несколько неисправном виде⁵.

Между тем до сих пор не была сделана проверка публикации Попова на основании подлинного текста с привлечением новых материалов, хотя от точности передачи текста, нередко от одной неправильно поставленной буквы или значка могут существенно изменяться выводы исследователей. Эту простую, но совершенно необходимую задачу и поставил себе автор.

Проверка издания А. Н. Попова по подлиннику убеждает в несовершенстве его публикации. Правда, допущенные отклонения от текста незначительны, но и эти незначительные отклонения имеют свои неудобства для историков и особенно для лингвистов. Приведем несколько

¹ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук» за 1912 г., том XVII, кн. 2, стр. 28—59 (В. Н. З л а т а р с к и й, Болгарское летосчисление).

² «Известия Русского Археологического института в Константинополе», т. XV, София, 1911, стр. 130 (I. M a r q u a r t, Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fürstenliste).

³ «Известия Отделения русского языка и словесности АН», том XVIII, кн. 2 (Н. В. С т е п а н о в. Заметки об исследовании Вугу).

⁴ Там же, 1913 год, том XVIII, кн. 1 (И. М и к к о л а. Тюркско-болгарское летоисчисление).

⁵ Академик Н. С. Д е р ж а в и н. История Болгарии. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1945, стр. 150.

ошибок в издании А. Н. Попова, давая вначале печатный текст, а потом рукописный. Печ.—Авитохоль жить, рук.—Авитохоль жыть; печ.—Ирникъ жыть, рук.—Ирник жить; печ.—Есперих, рук.—Есперерих; печ.—те-куче темъ, рук.—текучимъ; печ.—оукиль ему, рук.—оукиль а летъ ему; печ.—алтемъ, рук.—алтемъ. Мы отметили только важнейшие ошибки, но имеются и кое-какие другие мелкие отличия от подлинного текста в расстановке выносных знаков, точек и т. д. Во всяком случае нельзя не признать того, что открытие А. Н. Попова, увековечившее его память в исторической науке, нуждается в пополнении и некоторых поправках. Поэтому нами издается текст именника по тому же Синодальному списку № 280, которым пользовался А. Н. Попов, заново по подлиннику. Текст дается с указанием отличий от печатного (отмечены как П: Попов) и с вариантами из рукописи Уваровского собрания № 10 (варианты обозначены буквой У). Оба списка, кроме того, воспроизведены с фотографий, специально изготовленных фотолабораторией Государственного исторического музея, которой автор приносит свою искреннюю благодарность.

Поскольку А. Н. Попов сделал только краткое и неточное описание Синодальной рукописи № 280, а именник по Уваровскому списку и вовсе не был использован, то приводится краткое описание обоих списков.

Рукопись Синодального собрания № 280 представляет собой большой сборник, в лист, на 728 листах (у Попова—404 листа), полууставом начала XVI в. Первых двух листов недостает. Рукопись начинается статьей—«князи рустии» (л. 1), за которой следует сказание Ипполита об антихристе (л. 3). На 4—407 листах помещен Еллинский летописец, за ним помещен (л. 408) список израильских и византийских царей, кончая «Калуяном» Палеологом, степени митрополий и архиепископий, подчиненных Константинопольской патриархии (л. 411), краткий летописец от сотворения мира до 1473 года (412), послание патриарха Филофея (л. 426), правила Кирилла митрополита (л. 428). Вторую часть сборника занимает Новгородская 4-я летопись до 1496 г., неверно названная у А. Н. Попова летописью типа Софийского Временника¹. Сборник, вероятно, возник в конце XV в., после 1496 г., так как летопись кончается этим годом, а статья «Князи рустии» в начале сборника заканчивается великим князем Дмитрием-внуком, что указывает на конец XV в., во всяком случае не позже 1505 г., так как в статье не отмечен Василий III, начавший княжить с этого года.

Что касается второй рукописи (Уваровская № 10), то она написана в 1°, на 432 листах, полууставом конца XV в. Она заключает в себе Еллинский летописец (на 1—422 листах), после чего следуют статьи из летописи (на листах 431, оборот—432), вероятно, выписанные также из Новгородской 4-й летописи². Обе названные рукописи находятся в собрании Государственного исторического музея в Москве.

Третья рукопись, содержащая Еллинский летописец с именником болгарских князей, имеется в Публичной библиотеке в Ленинграде (Погодинское собрание № 1437). Она написана в 1°, полууставом XVI в., на 240 листах. По указанию А. Н. Попова, этот список «дословно сходен с первым списком» (т. е. Синодальным № 280), но оканчивается раньше—на рассказе Еллинского летописца о Максимиане³.

¹ Полное собрание русских летописей, т. IV, СПб, 1848, стр. VI.

² Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. Часть третья. М., 1894, стр. 25—26. У Леонида рукопись показана под № 1334 (10) и обозначена написанной полууставом XVI века.

³ «Временник Общества истории и древностей Российских, кн. IX, М., 1851, стр. ХСV—С (описание рукописи сделано М. А. Оболенским.).

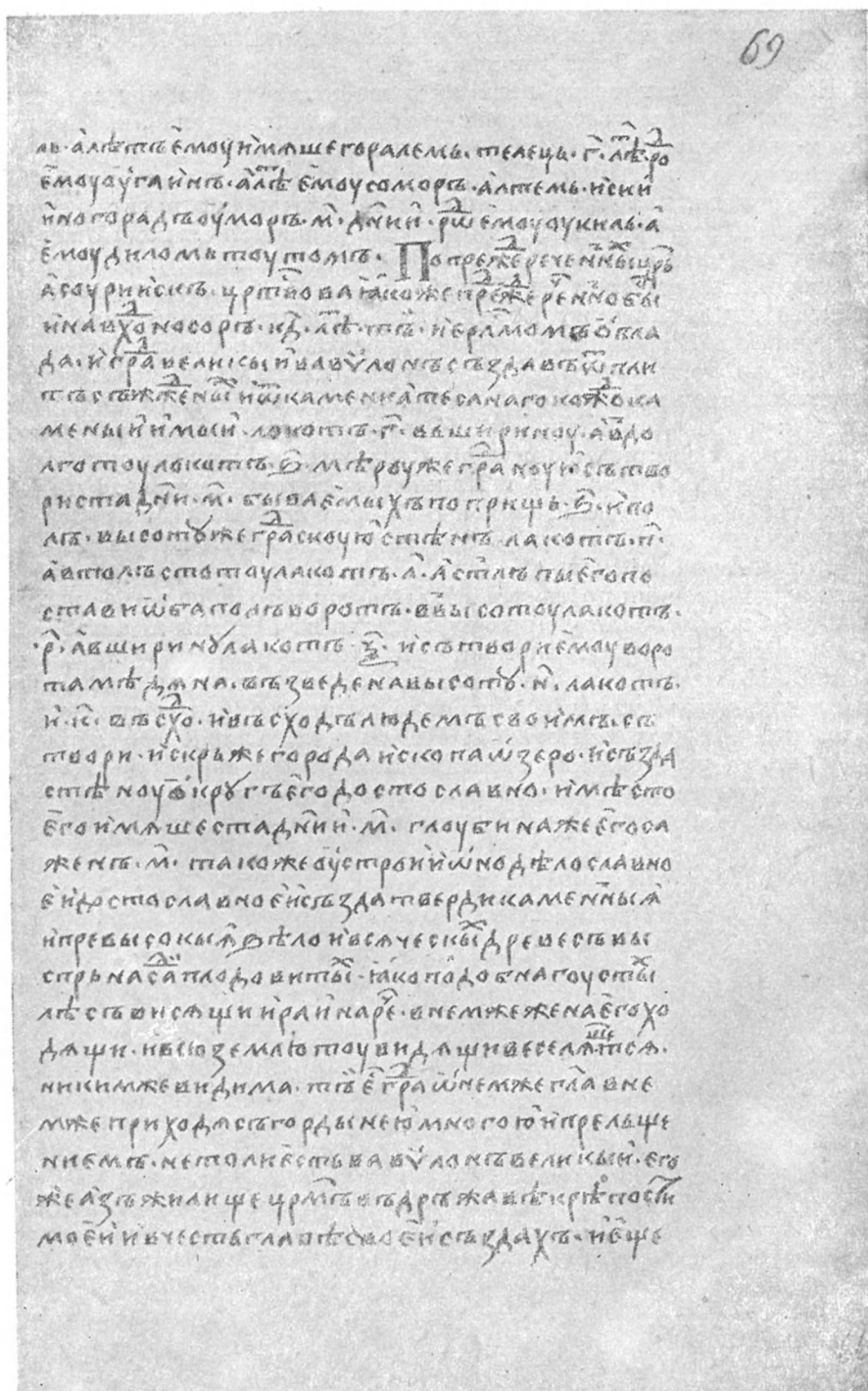

Рис. 2. Текст «Именника» в составе Еллинского летописца по Синодальному списку № 280, лист 68, оборот 69

Соединение Еллинского летописца в один сборник вместе с Новгородской 4-й летописью произошло не раньше и не позднее XV в., но это не решает вопроса о времени возникновения самого Еллинского летописца, а тем более именника болгарских князей.

В Еллинском летописце именник представляет собой явную вставку. В. Н. Златарский полагает, что текст именника был первоначально вырезан на каком-нибудь памятном столбе, наподобие других таких столбов (например Чаталарского и Тырновского), которые относятся к временам Омортага. Кроме того, в самом именнике В. Н. Златарский видит две части, одновременно составленные. Первая часть кончается словами о переходе болгар через Дунай и относится ко временам Испериха, другая составлена позже, вероятно, в начале VIII в¹. Соображения В. Н. Златарского кажутся убедительными, хотя и нуждаются в дальнейшей проверке. Время же внесения именника в Еллинский летописец возможно определить более точно. В. М. Истрин очень остроумно объясняет заглавие Еллинского летописца как составленное из перечисления источников. Заглавие это, по Истрину, звучит так: «Летописец Еллинский и Римскы. Сия книги списаны не из единых книг, но от различных, истинных, великих, по исправлению многу». Эти книги названы составителем Еллинского летописца ниже. Ими были: 1) Моисеева истинные сказания и о четырех царствий от пророчества; 2) Георгиева по истине иложена, 3) выписки из книги Ездры и других, 4) из Иоана Антиохийского (Малалы)².

Между тем именник поставлен в Еллинском летописце тотчас же за IV книгой Царств, после которой следует статья из Георгия Амартола. Следовательно, именник причисляется к числу тех источников, которые носят название «Моисеева истинные сказания о четырех царствий». Остается предположить, что именник находился уже в том списке книги Царств, который был использован составителем Еллинского летописца. Следовательно, установление времени появления редакции четырех книг Царств, помещенных в Еллинском летописце, до известной степени может указать на время появления именника в рукописном виде.

Авитохо|лъ жыть^а)¹ лѣт. ꙗ. родъ ёмоу доуло. а лѣтъ. е^а 2 | диломъ твиремъ. ѿринокъ житъ^б лѣт. ꙗ. и.ѣ³ | лѣт⁴ ро^а ёмоу доуло. а лѣтъ ёмоу диломъ твиремъ. ⁵ гостоуны наѣстникъ сѣ^в) ꙗ. лѣт. ⁶ ро^а ёмоу ⁷ ёрми. | а лѣтъ ёмоу дохсъ. твиремъ. ⁸ коуртъ. ⁹ дѣ. лѣтъ. ¹⁰ дръ|жа¹⁰ ро^а ёмоу ¹⁰ доуло. а лѣтъ ёмоу шегоръ вечемъ ¹⁰ бевѣмъ|ръ ꙗ. ꙗ. лѣтъ а родъ семоу^а) доуло. а лѣтъ ёмоу шегоръ вѣ|чемъ. ¹¹ сии. ¹² ꙗ. кнѣзь ¹³ дръжаше ¹⁴ кнѣжение вбону | страну дуная. лѣтъ ꙗ. и ꙗ. ¹⁵ встриженами гла|вами. и потомъ приде ¹⁶ на страну дуная ¹⁷ испе|ри^х кнѣзь тожѣ и доселѣ. Есперери^х ¹⁸ кнѣзь ꙗ. и ѿди|но лѣто. ¹⁹ ро^а ёмоу ²⁰ доуло. а лѣтъ ёмоу в рени але|мъ. Тервель. ²¹ к. и. ѣ. лѣтъ. ²² родъ ёмоу доуло. а лѣтъ ёмоу | текоучитемъ. ²³ твиремъ. к. и. ѣ. ²³ лѣтъ. ро^а ёмоу | доуло. а лѣтъ ёмоу дваншехтемъ. ²⁴ севаръ. ꙗ. лѣтъ. | ро^а ёму. ²⁵ доуло. а лѣтъ ёмоу. тохаломъ ²⁶) ¹⁰ кормисо|шь ꙗ. лѣтъ. родъ ёмоу вокиль. а лѣтъ. ёмоу шего|ръ твиримъ. сии же кнѣзь измѣни ро^а доуловъ. | рекше вихунъ винехъ ꙗ. лѣтъ. а ро^а ёмоу оуки (л. 69) ѣ. а лѣтъ ²⁷) ёмоу^а) имаше ²⁸ горалемъ. телець. ꙗ. лѣтъ ро^а | ёмоу оугайнъ. а лѣтъ ёмоу. соморъ. алтемъ. ²⁹) и сий | иного радъ ³⁰ оуморъ. м. дний. ро^а ³¹) | ёмоу оукиль. а ёмоу диломъ тоутомъ.

а) П. жить б) П. жыть в) П. сии г) П. лѣтъ д) П. ёмоу е) П. Есперери^х ж) П. текоу. четемъ з) П. дваншехтемъ и) П. тохаломъ к) П. слова — а лѣтъ — пропущены л) П. ёму м) П. алтемъ н) П. ро^а

¹ В. Н. З л а т а р с к и й. Болгарское летосчисление, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1912, том XVII, кн. 2, стр. 28—59.

² В. М. И с т р и н. К вопросу о взаимоотношении еллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа («Изв. Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 141—150).

1) У. жить 2) У. ему 3) У. рѣ 4) У. лѣтъ нет 5) У. тверимъ. 6) У. два лѣта. 7) У. здесь стоит точка. 8) У. твиремъ. 9) У. курт 10) У. здесь стоит точка. 11) У. ве^ѣмъ. 12) У. сѣ 13) У. кня^ѣ 14) У. дрѣжаше. 15) У. ф^ѣѣ. 16) У. прииде 17) У. дунаа. 18) У. Есперѣ. 19) У. дѣ. 20) У. емоу нет. 21) У. Тервень. 22) У. кѣ лѣто. 23) У. ѣи. 24) У. дваншехте^ѣ. 25) У. нет точки. 26) У. имаше. 27) У. ра^ѣ.

Т р а н с к р и п ц и я

Авитохоль жыть лѣтъ 300, родъ емоу Дуло, а лѣтъ ем (у) диломъ твиремъ. Ирник жить лѣтъ 100 и 8 лѣтъ, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сый 2 лѣтъ (а), родъ ему Ерми, а лѣтъ ему дохсѣ твиремъ. Курт 60 лѣтъ, дрѣжа, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему шегоръ вечемъ. Безмѣръ 3 лѣтъ (а), а родъ ему Дуло, а лѣтъ ему шегоръ вѣчемъ. Сии 5 князь дрѣжаше княжение обону страну Дуная лѣтъ 500 и 15 остриженами главами. И потомъ приде на страну Дуная Исперих князь, тожде и доселѣ. Есперерих князь 60 и одно лѣто, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему верени алемъ. Тервель 20 и 1 лѣтъ (о), родъ ему Дуло, а лѣтъ ему текучitemъ. Твиремъ 20 и 8 лѣтъ, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему дваншехтемъ. Севар 15 лѣтъ, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему тохалтомъ. Кормисошъ 17 лѣтъ, родъ ему Вокиль, а лѣтъ ему шегоръ твиримъ. Сий же князь измѣни родъ Дулов, рекше Вихтунъ. Винехъ 7 лѣтъ, а родъ ему укиль, а лѣтъ ему имаше горалемъ. Телець 3 лѣтъ (а), родъ ему Угаинъ, а лѣтъ ему соморъ алтемъ. И сий иного рода(?). Умор 40 дний, родъ ему Укиль, а ему диломъ тутомъ.

Обратимся теперь непосредственно к тексту именника. Отметим прежде всего, что Уваровский список дает годы некоторых князей суммарно. В Синод. № 280 читаем: «Ирник жить лѣтъ 100 и 8», в Уваровском просто—«108 лѣтъ»; в Синод.—«Гостоунъ намѣстникъ сый 2 лѣтъ», в Уваровском—«два лѣтъ (а)»; в Синод.—о князьях, бывших за Дунаем, говорится, что они княжили «лѣтъ 500 и 15», в Увар.—515 и т. д. Это позволяет проверить некоторые числа именника, отбросив предположение об их случайном написании. Наиболее интересным вариантом Уваровского списка является название «Тервень» вместо «Тервель» в Синодальном. Чтение «Тервень» может считаться результатом описки или сознательной поправки в чтении этого имени, получающего в Уваровском списке характер славянский. Нельзя не отметить и того, что Уваровский список не повторяет написания Есперерих, а дает чтение—Есперих. Здесь же отметим, что в слове Есперих в обоих списках имеем киноварные Е. Другие киноварные буквы начинают слово «Тервель» (в Уваровском—Тервень). Это могло быть каким-то образом выделено уже в источнике, с которого именник был написан в Еллинском летописце.

При объяснении текста именника следует обратить внимание на некоторые особенности письма в наших списках. Сведения о каждом царе даны в определенном порядке, образцом которого является первая фраза об Авитохоле: «Авитохоль жыть лѣтъ 300. родъ емоу доуло. а лѣтъ ему диломъ твиремъ». Точки (не считая обычных точек, выделяющих цифры) разделяют три фразы: 1) имя царя и его годы; 2) название его рода; 3) указание на годы с непонятными словами. Следовательно, по такому же принципу мы должны читать и последующий текст именника. Тогда мы получим следующие результаты. Текст именника хорошо сохранился во фразах об Ирнике, Гостуне, Курте, Безмере. Иными словами, вся первая часть именника до Испериха дана без видимых ошибок. Такой же характер сохраняют фразы и дальше—об Исперихе, Тервеле, Севаре, Кормисоше, Телеце. Гораздо затруд-

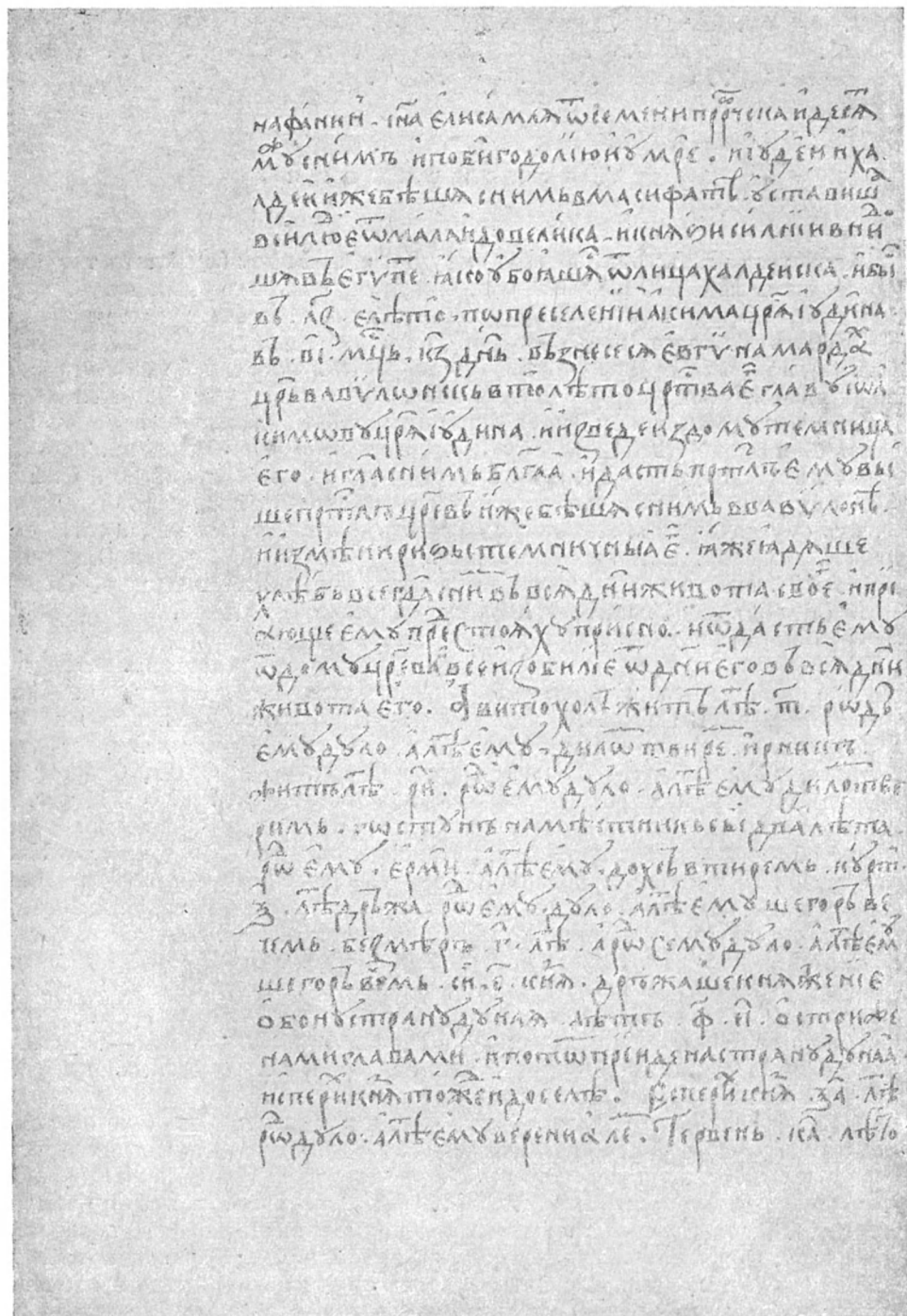

Рис. 3. Текст «Именника» в составе «Хронографа» быш, Уваровского собрания № 10, лист 69, оборот 70

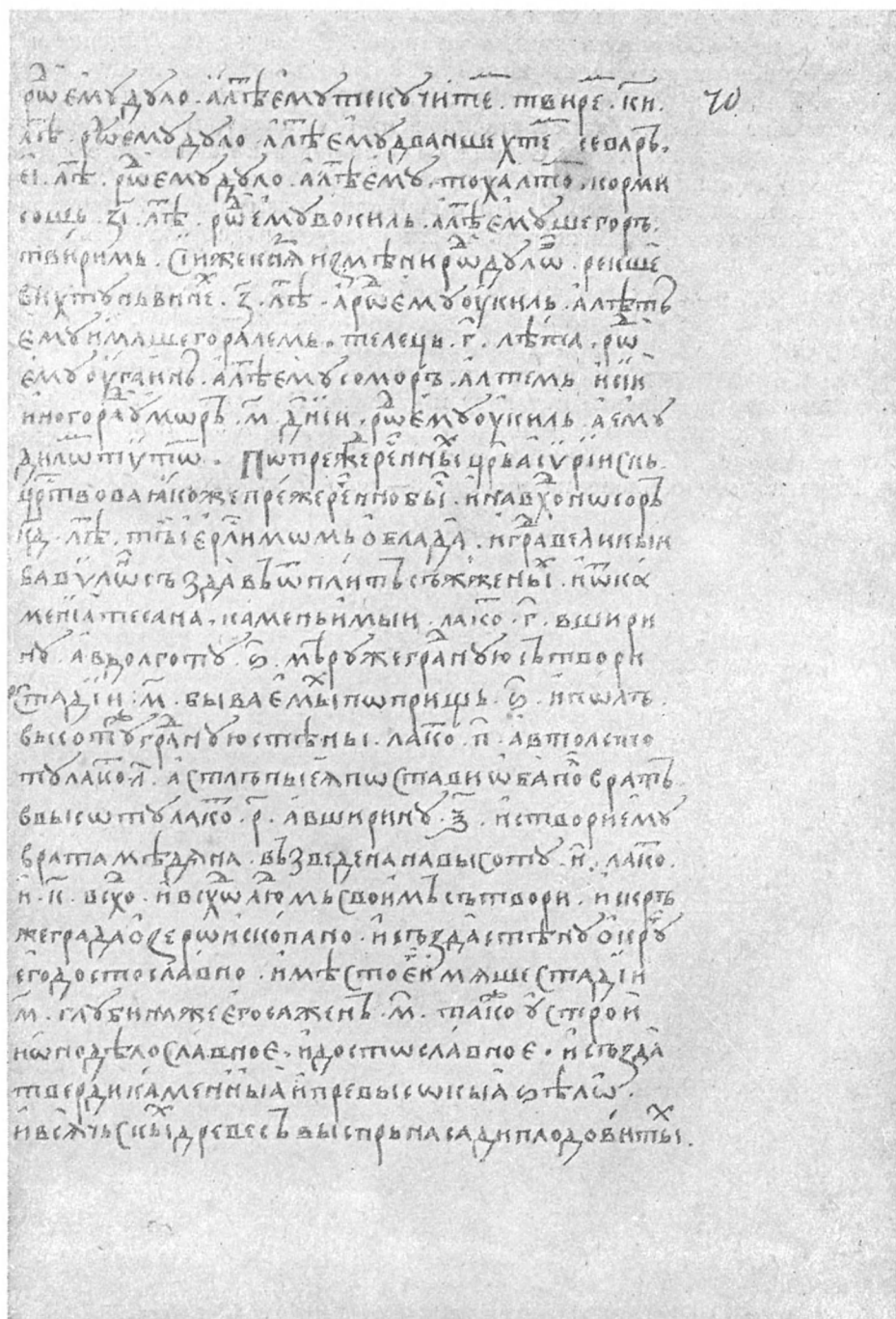

Рис. 4. Текст «Имепника» в составе «Хронографа» бывш. Уваровского собрания
№ 10, лист 69, оборот 70

нительнее прочесть следующую фразу: «Тервель. 20 и 1. лѣтъ (о). родъ емоу доуло. а лѣтъ емоу текоучитемъ. твиремъ. 20. и. 8. лѣтъ. родъ емоу доуло. а лѣтъ емоу дваншестемъ». Слово «твиремъ» выделено точками и одинаково может обозначать имя или термин. Такое же затруднение находим дальше в фразе: «сии же князь измѣни родъ доуловъ. рекше вихтунъ винехъ. 7 лѣтъ, а родъ емоу оукиль. а лѣтъ емоу имяше горалемъ». Маркварт считает «винехъ» за собственное имя «Винехъ» и сближает его с именем болгарского князя Сабина византийских источников, но между «вихтунъ» и «винехъ» нет точки и слова «вихтунъ—винехъ», возможно, надо читать вместе, считая, что имя царя почему-нибудь пропущено. Во всяком случае, возможность таких пропусков должна быть заранее учтена.

Загадочна в обоих списках фраза об Уморе. В тексте сказано: «и сии иного радъ оумор 40 дний». В Уваровском читаем—«ради», с выносной буквы «д», рядом с которой стоит точка. Выше в тексте встречается слово «сии», в контекстах. В обоих случаях фразы, начинающиеся с «сии», представляют дополнение к тексту именника. Во всяком случае читать текст—«сии иного рода» весьма затруднительно, хотя это и является наиболее приемлемой поправкой к тексту.

Пока полное объяснение именника—дело будущего.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, №№ 1, 2, 4, 5; изд. АН СССР, М.—Л., 1940—1941 гг.

№ 1. Археологические памятники Урала и Прикамья, под редакцией П. Н. Третьякова

Издание материалов и исследований по археологии СССР Академией Наук СССР является продолжением издания «Материалов по археологии России» Государственной археологической комиссии, которое было доведено до 20-х годов нашего века и представляется столь же необходимым для изучения древнейших эпох истории народов Советского Союза, как и публикация отчетов об археологических исследованиях.

В течение перерыва в издании материалов по археологии нашей страны, который длился до 1940 г., накопилось много неопубликованных работ, вследствие чего почти одновременно были подготовлены к печати несколько томов материалов по археологии СССР.

В первом томе «Материалов» представлены результаты археологических работ в очень обширной области, которая распадается на несколько районов, отличающихся большим своеобразием как в географическом, так и в культурном отношении. Следует выделить: 1) район среднего Урала, с его торфяниками, где развилась оригинальная Шигирская культура, памятники которой в других районах Приуралья неизвестны; 2) лесной район Верхней Камы, где была исследована большая группа памятников конца неолита и эпохи бронзы; позднее, в начале нашей эры здесь же были сосредоточены древние жертвенные места—«костища» и основная масса находок восточного серебра, а в X—XIII вв. локализовалось многочисленное и богатое племя, которое М. В. Талицкий отождествил с племенем «вису» арабских источников—предками современных коми-пермяков; 3) лесостепной район Средней и Нижней Камы, Вятки, отчасти и Белой, где в эпоху раннего железа (в I тысячелетии до нашей эры и начале нашей эры) развились и были широко представлены ананьинская и пьяноборская культуры с их укрепленными поселениями—«городищами» и богатыми могильниками; 4) наконец, район степного Приуралья, где были исследованы памятники конца эпохи бронзы—андроновские могильники и более поздние скифские и сарматские курганы. Однако отдельные работы в сборнике сгруппированы не по районам, а по хронологическому признаку.

Археологический материал из раскопок древних памятников Урала и Прикамья, собранный в 20-х — 30-х годах настоящего столетия рядом советских ученых (А. В. Шмидт, Д. Н. Эдинг, Н. А. Прокошев, П. А. Дмитриев, М. В. Талицкий, К. В. Сальников, Г. В. Подгаецкий и др.), далеко не исчерпывается опубликованным в I томе «Материалов». Напротив, в этот том вошли лишь некоторые, сравнительно

небольшие, работы, а часть материалов, особенно из раскопок последних лет перед Отечественной войной, пока еще не вся обработана.

Статьи, помещенные в первом томе, представляют собой или отчеты о раскопках, или работы монографического характера, посвященные отдельным памятникам. Наиболее полно представлены результаты исследования древних поселений I тысячелетия до н. э. Значительно беднее освещены материалы памятников I тысячелетия н. э. Не исчерпывая всех результатов археологических работ за последние десятилетия, сборник вводит в научный оборот большой археологический материал.

Наиболее интересными и важными работами, содержащими сводку материала по определенным вопросам, являются статья Н. А. Прокошева—«К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья» и работа Л. А. Мацулевича—«Византийский антик в Прикамье».

Один из наиболее трудных и сложных вопросов древнейшей истории народов Прикамья—это проблема Камского неолита. До открытия Островской палеолитической стоянки отдельные исследователи иногда высказывали мнение, что бассейн Камы был заселен человеком сравнительно поздно—в эпоху бронзы. После открытия следов заселения человеком берегов р. Чусовой в верхнем палеолите с особенной остротой встала перед исследователями Урала и Приуралья необходимость усиленных поисков следов неолитических памятников, тем более, что довольно большое количество каменных орудий, происходящих из Прикамья, было давно известно в науке.

Первая из названных работ содержит сводку материалов с позднелитических стоянок в районе устья р. Чусовой, собранных во время полевых работ А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева. В этом районе находилась группа более или менее одновременных поселений, расположенных отчасти на краю второй надпойменной террасы, отчасти на южных возвышениях у водоемов. Большинство стоянок сильно разрушено и дало очень незначительный материал. Наиболее сохранившаяся и в то же время наиболее древняя и хорошо исследованная стоянка—Левшинская, близ ст. Левшино Горнозаводской жел. дороги. Здесь было найдено значительное количество кремневых орудий и обломков глиняной посуды, вскрыто 2 кострища. Кремневые орудия—преимущественно мелкие, микролитического облика, на ножовидных пластинках. Но встречаются и более крупные формы и орудия на отщепах; имеются обломки полированных орудий. Довольно много каменных грузил. Глиняная посуда нескольких типов: большие сосуды с округлым или коническим дном, более мелкие сосуды той же формы и небольшие плоскостонные. Орнамент состоит, главным образом, из вдавлений зубчатого штампа, образующих различные узоры, покрывающие весь сосуд, ямки встречаются редко. Наиболее интересные находки—медное шило и нож катакомбного типа. Однако весь облик хозяйства рыболовческо-охотничьего типа, отсутствие следов металлургии и анализ каменных орудий заставили Н. А. Прокошева, так же как и раньше А. В. Шмидта, отнести стоянку к позднелитической или энеолитической эпохе, когда металлические предметы были привозные, слишком дороги и слишком редки для того, чтобы изменить облик культуры, по существу неолитической. Время бытования стоянки определяется как конец III—начало II тысячелетия до н. э.

Таким образом, в работе Н. А. Прокошева установлено существование в районе устья р. Чусовой группы позднелитических и энеолитических памятников. Но этим не снимается необходимость продолжать поиски более ранних памятников неолита в Прикамье.

Новые находки на Горбуновском жертвенном месте, памятнике мирового значения, описанные в статье Д. Н. Эдинга, не изменяя прежнего основного положения автора о том, что вскрытое им свайное сооружение является остатком жертвенного места, сильно расширяют представления о материальной культуре родового общества на восточном склоне Урала в эпоху бронзы. В этом смысле особенно интересны находки деревянной змеи, бронзового вислообушного топора, глиняного грузила, круглодонных сосудов и половники литой формы для наконечника копья. Последняя была найдена в более высоких горизонтах торфа вместе с керамикой, по форме и орнаменту сильно отличающейся от керамики нижнего горизонта, что дает Д. Н. Эдингу основа-

ние считать этот комплекс более поздним. Глиняное грузило совершенно идентично с грузилами стоянок Восточного Урала, исследованных П. А. Дмитриевым, и указывает на связь жертвенного места с бытовыми памятниками Урала. Следует отметить, что в русском тексте статьи весь комплекс находок из нижнего слоя датирован концом III—началом II тысячелетия до н. э., тогда как в резюме на французском языке дана другая дата, более соответствующая действительности: нижний слой отнесен к концу II тысячелетия до н. э. (основанием для такой датировки является и тип глиняной посуды и форма вислобушного топора). Верхний слой датирован ананьинской эпохой.

В статьях Н. В. Сальникова и Г. В. Подгаецкого описываются раскопки андроновских могильников в южном Приуралье—у с. Федоровки Челябинской области и близ г. Орска. Оба памятника отличаются некоторым своеобразием. Особенностью челябинской группы андроновских памятников являются погребения в земляных курганах и решительное преобладание трупосожжения над трупоположением. В инвентаре могильника близ г. Орска, как и в других погребениях этого времени в Орском районе, наблюдаются элементы западных культур эпохи бронзы—срубной и хвалынской, распространенных в степях от Нижнего Поволжья до Днепра, как это было отмечено М. П. Грязновым. Обе работы вводят в научный оборот новые исторические источники для суждения об истории Южного Приуралья во 2-й половине II тысячелетия до н. э.

Работы А. В. Збруевой о Галкинском и Свиногорском городищах—памятниках ананьинской культуры, с одной стороны, являются публикацией материала с вновь исследованного древнего поселения (Галкинское городище), с другой,—описанием новых небольших раскопок на давно известном Свиногорском городище. Анализ материала, полученного в результате работ на обоих объектах, позволяет определить время их обитания и поставить их в хронологический ряд укрепленных поселений ананьинской эпохи в бассейне Камы, а также установить тип хозяйства древнего населения этих городищ. Основными занятиями было земледелие и скотоводство, причем в состав стада входили все современные домашние животные—лошадь, корова, овца, свинья (в Свиногорье разводились преимущественно свиньи). Охота и рыболовство имели здесь второстепенное значение.

Работа Н. А. Прокошева «Селище у дер. Турбино» и К. В. Сальникова—«Сарматские курганы близ г. Орска»—представляют собой публикацию очень интересных новых памятников III—IV вв. н. э., расположенных в районе устья р. Чусовой и в Южном Приуралье. Первый памятник тесно связан с поселениями предшествующей ананьинской культуры этого района. Материалы из его раскопок и случайных находок дали возможность установить датировку, определить тип хозяйства древнего населения и позволили включить новое звено в цепь исторических документов по истории Прикамья. Памятники этого рода почти неизвестны в науке.

Сарматские курганы встречаются лишь в Южном Приуралье и образуют особую степную группу памятников, слабо связанных с основным населением бассейна Камы. Описанный К. В. Сальниковым курганный могильник представляет собой редкое явление для юго-западного Приуралья и связан с памятниками Нижнего Поволжья.

Такой же характер публикации свежего, мало известного и богатого материала, относящегося к X—XII вв. н. э., имеет работа М. В. Талицкого—«Кочергинский могильник». Работа прекрасна иллюстрирована. Очень интересна хронологическая таблица, показывающая аналогии вещам из могильника как в удмуртских, так и в некоторых славянских памятниках X—XII вв. Следует отметить, что, наряду с железными проушными топорами, копьями, наконечниками стрел и прочими поздними вещами, глиняная посуда имеет очень архаический вид и как по форме, так и по расположению орнамента несет на себе древние традиции ананьинской посуды. Из инвентаря мужских погребений особенно интересны поясные наборы из бронзовых, иногда посеребренных бляшек, нашитых на ремень.

Работа Л. А. Мацулевича—«Византийский антик в Прикамье» имеет очень важное значение, так как содержит прежде всего описание всех известных в науке византийских серебряных сосудов, найденных в Прикамье. Анализ изображений на сосудах, подписей и клейм дает возможность автору работы датировать сосуды VI—VII вв.

н. э., а также определить место их изготовления. Разбор комплексов, среди которых были найдены сосуды (Турушевский клад, Усть-Кишертский клад), позволяет автору установить, что они попали в Прикамье сравнительно скоро после их изготовления,

высказать очень интересное предположение, что для константинопольского импорта в Прикамье имелись прямые пути через степные реки и волоки.

Чрезвычайно плодотворна мысль автора о том, что византийские (а также и иранские) композиции, попадая в Прикамье, получали осмысление из местной идеологии. Об этом свидетельствуют грубые местные рисунки, часто процарапанные изображения, нанесенные на привозных сосудах. Так, например, к изображению коня на одном из серебряных блюд, изданных в атласе «Восточное серебро», был пририсован всадник. Конечно, этот вопрос требует детальной разработки и выделения целого ряда образов, связанных с идеологией населения Прикамья в определенную эпоху.

Но Л. А. Мацулевич отмечает также, что было бы неправильно считать, что импорт в Прикамье византийских сосудов проходил бесследно, что даже верхушка общества относилась к художественной стороне их безразлично. Кроме сосудов, предметом торговли были пояса, пряжки, бляшки и другие изделия, которые широким потоком вливались в Прикамье и, таким образом, местные племена, по его мнению, были уже достаточно подготовлены к освоению образцов более высоких культур. Последнее положение еще нуждается в дополнительных доказательствах.

Будем надеяться, что в ближайшем будущем начнется публикация неизданных археологических материалов по Уралу и Прикамью, причем в следующих томах желательна несколько иная группировка, чем в первом томе. Более показательной и интересной следует признать группировку материалов по отдельным районам этой обширной области, которые в силу тех или иных причин отличаются своеобразием своего исторического развития.

А. В. Збруева

№ 2. Палеолит и неолит СССР

Выпуск второго тома «Материалов» совпал с тяжелым годом—началом Отечественной войны. Сборник не успел выйти в свет и только по окончании войны, пережив блокаду Ленинграда, поступил в продажу в 1945 г.

Содержание тома разнообразно и интересно.

Публикуемый В. А. Городцовым материал («Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки», стр. 7—25, с 5 табл. и 9 рис. в тексте) из его раскопок принадлежит памятнику, возраст которого вызвал большие разногласия среди исследователей. Причина этого кроется в недостаточно выясненной морфологии русского кремня. Появление таких орудий, как острокопечники с ретушью на обоих концах и резцы, а также призматических нуклеусов, В. А. Городцов рассматривает как признаки солиотрейской эпохи. Между тем в аналогичных материалах Франции и Палестины, датируемых мустьерской эпохой, можно уже отметить указанного типа орудия и нуклеусы. Это и дает основание датировать Ильскую стоянку позднемустьерским временем.

Две статьи П. И. Борисковского—«Палеолитическая стоянка Боршево (нижний культурный слой)» (стр. 37—60, с 9 табл. и 5 рис. в тексте) и «Кирилловская палеолитическая стоянка» (стр. 86—103, с 8 табл.) представляют собою публикации материалов, известных по предшествующим изданиям этих памятников. Первая из них дает наиболее полное издание Боршево II, не только по раскопкам автора, но и по дневниковым данным П. П. Ефименко, производившего раскопки этой стоянки в те же

ние ряда лет. Боршево II относится к числу редких и ценных памятников—много-слойных стоянок, являющихся бесспорной базой для установления относительной хронологии.

Автор, не ограничиваясь одним описанием орудий, путем наблюдений над сработанностью их и с помощью этнографических данных дает достаточно убедительное определение назначения орудий.

Анализируя инвентарь, автор уточняет датировку стоянки, определяя время ее существования средним мадленом.

Кирилловская стоянка открыта более полувека назад, и с тех пор возраст ее много раз служил темой обсуждения не только в России, но и в Западной Европе. На основании анализа кремневого инвентаря П. И. Борисковский склонен отнести верхний горизонт, в отличие от П. П. Ефименко, к раннему мадлену. Однако начавшаяся геометризация формы орудий, отмечаемая в верхнем горизонте, служит несомненным признаком начала новой техники обработки кремня, что дает основание для датировки этого горизонта не ранее конца мадлена.

Обстоятельный отчет Г. П. Сосновского—«Палеолитическая стоянка у с. Сrostки на р. Катвни» (стр. 109—125, с 9 рис. в тексте и 3 табл.), страдает существенным недостатком: в нем отсутствуют профили раскопок, по которым можно было бы представить общую картину поселения с кострищами, расположенными на разном уровне. Между тем автор придает особое значение этому явлению, заключая на этом основании о подвижном образе жизни охотников стоянки, характеризующем конец палеолитической эпохи.

Анализ кремневого инвентаря приводит автора к констатированию полного сходства с инвентарем мадленских стоянок Сибири. Это все же не дает основания для уверенной датировки стоянки. Своеобразие сибирского палеолита, отличающегося от западного сохранением архаичных форм орудий до самого конца палеолитической эпохи, затрудняет использование в целях датировки данных разработанной морфологии западного кремня.

Краткий отчет С. Н. Бибикова «Раскопки Усть-Катовской костеносной пещеры и археологическое обследование побережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав южный Урал» (стр. 61—64, с 2 рис. в тексте) интересен в том отношении, что демонстрирует правильность методики исследования автора, обнаружившего в результате ряда наблюдений следы палеолитических стоянок.

Исключительно интересным является открытие О. Н. Бадера в Мелитопольском районе («Древние изображения на потолках гротов в Приазовье», стр. 126—139, с 11 рис. в тексте и 6 табл.). Стилистический анализ изображений дает основание датировать приазовские рисунки позднепалеолитическим временем.

В дальнейшем необходимо будет уточнить дату, подразделив изображения на две группы: 1) геометрические рисунки, которые можно рассматривать как начало геометрической орнаментики (связанной с символикой), получившей развитие в неолите; 2) «реалистические» изображения животных, обнаруживающие большую связь с искусством палеолита.

Ряд статей сборника посвящен публикации отдельных находок. К наиболее интересным прежде всего относятся «гигантолиты», найденные И. Т. Пидопличной («Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска», стр. 26—36, с 7 табл. и 2 рис. в тексте), представляющие собою уникальные находки. По условиям местонахождения они датируются верхним палеолитом. Автор трактует их как ударные орудия и предполагает употребление их с рукоятью. Размер «гигантолитов», достигающий до 45,4 см в длину, и их вес—до 8,25 кг—заставляет отнести их критически к определению автора. Как известно, самыми массивными каменными орудиями в палеолите являются ручные ударники (*coup de poing*), которые намного уступают по величине и весу «гигантолитам» и, по общепринятому мнению, употреблялись без рукояти. Неизвестны орудия, подобные «гигантолитам», и в неолите. Можно лишь указать на находки в северной Германии, представлявшие полированные клиновидные орудия с просверленным отверстием, которые возможно сближать с «гигантолитами» только по размеру. Интерпре-

тируются они как сошники. Вторым примером может послужить находка в Китае двух орудий листовидной формы, тоже большого размера, определяемых как земледельческие орудия. Оба примера не проливают света на назначение «гигантолитов», и вопрос о том—орудия ли это или нет—остается не разрешенным.

К числу интереснейших находок принадлежит также публикуемая А. П. Окладниковым статуэтка («Палеолитическая статуэтка из Бурети», стр. 104—108, с 2 рис. в тексте), известная читателю по отчету автора, изданному в «Сов. Арх.», т. 6. Наряду с мальтинскими эта статуэтка характеризует своеобразие сибирской палеолитической скульптуры. Любопытна трактовка орнамента статуэтки, изображающего, по мнению В. И. Громова, с которым согласен и автор, тигровую шкуру. А. П. Окладников с присущей ему убедительностью подтверждает свои заключения этнографическими примерами. В данном случае он сравнивает одежду статуэтки с меховой одеждой арктических племен, в виде комбинезона с капюшоном.

В небольшой заметке—«Об использовании улиток в позднепалеолитическое время» (стр. 140—141, с 2 рис. в тексте) С. Н. Бибилов высказал довольно убедительные соображения о способе приготовления улиток в пищу—в особых ямах, в которых они были найдены вместе с угольками. Все же не исключена возможность, что раковины *Helix*, заполняющие ямы, представляют собою запас пищи, так как присутствие угольков наблюдается не только в оcachных ямах, но и в обычном культурном наслоении.

Работа М. М. Герасимова—«Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта» (стр. 65—68, с 14 рис. в тексте) является первой попыткой восстановления процесса обработки кости в палеолитическую эпоху. На основании тонкого анализа сохранившихся на поверхности кости следов от работы орудиями автор детально реконструирует весь технологический процесс обработки и убедительно подтверждает свои заключения этнографическими примерами и экспериментальными данными.

Статьи М. В. Воеводского—«Стоянка Гремячее» (стр. 142—148, с 2 рис. в тексте и 3 табл.) и М. З. Панискиной—«Мезолитическая стоянка Борки» (стр. 149—157, с 3 табл.), объединены одной темой, посвященной мезолиту, наименее исследованной эпохе каменного века на территории СССР. Судя по типичным формам орудий и технике обработки кремня, правильность отнесения обеих стоянок к мезолитической эпохе несомненна. Но, принимая во внимание, что не только в этих памятниках, но и во всех остальных, относящихся к лесному мезолиту, мы не имеем стратиграфически выделенного комплекса, нет уверенности в правильности ограничения его определенного типа орудиями. Возможны местные особенности, которые трудно предугадать, поэтому желательно исследование мезолитических стоянок, в которых бы наблюдалось четкое разделение ранних и поздних культурных наслоений.

Статьей Б. Ф. Землякова—«О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда» (стоянка у ст. Разлив, Приморской ж. д., стр. 158—168, с 3 рис. в тексте и 5 табл.) начинается второй раздел сборника—по неолиту. Характеризуя стоянку, автор относит ее по ряду признаков (отсутствию керамики, морфологии кремневых орудий, а также по геологическим данным) к IV тысячелетию до н. э. Принимая во внимание разногласие автора с К. К. Марковым в геологической датировке, мы присоединяемся к мнению Гессинга, что основой датировки может служить только археологический материал. Но кремневый материал стоянки Разлив мало выразителен. Необходимо продолжить исследование названного памятника, прежде чем формулировать окончательный вывод.

В публикации Н. Н. Туриной—«Орудия Вознесенской стоянки» (стр. 169—181, с 5 рис. в тексте и 5 табл.) высказываются интересные соображения в связи с интерпретацией орудий и техники их изготовления, но с некоторыми из них нельзя согласиться. Так, например, кремневый предмет, определяемый как рыболовный крючок, лишен самого необходимого—заостренного конца, наблюдаемого на всех орудиях этого вида; между топорами и теслами не проведено отчетливого разграничения. Главное различие их заключается в профиле, что отмечает и автор, между тем орудие с ярко выраженным асимметричным профилем (табл. II, 6), характеризующим тесло, определяется как топор.

Исследователями неолита также было уделено внимание выяснению назначения археологических предметов. А. П. Окладников в статье «К вопросу о назначении каменных рыб из Сибири» (стр. 193—202, с 4 рис. в тексте и 2 табл.) выступает во второй раз с темой о каменных рыбах: в «Сов. Арх.», № 1 он анализирует их изображение с точки зрения неолитического искусства Сибири. В этой статье выясняется назначение каменных рыб. Автор связывает их с охотничье-рыболовческим инвентарем, трактуя их как приманку рыб, что убедительно доказывает многочисленным рядом этнографических аналогий, а также литературными указаниями. Интерпретация его не вызывает никакого сомнения.

Статья М. Фосс и Л. Ельницкого—«О добычании камня и о древнейших каменно-ломных орудиях на севере Восточной Европы» (стр. 182—192, с 5 рис. в тексте) посвящена расшифровке назначения каменных орудий кирообразной формы, распространение которых связывается с территорией Карельской ССР в эпоху неолита. Авторы определяют их как универсальные землекопные орудия, применявшиеся и для выкапывания каменных пород, из которых изготовлялся производственный инвентарь.

С. А. Сменов положил начало изучению палеолитических кремневых орудий с точки зрения их назначения по следам, оставшимся на них от упогребления. В статье—«Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений» (стр. 203—211, с 25 рис. в тексте) автор, пользуясь своим методом, определяет ряд неолитических орудий. Кроме того, указывая на заполориванность и штриховку на рабочей части орудий, он восстанавливает ряд моментов—положение орудия в процессе работы, характер действия, направление движения, что определяет с полной очевидностью функцию орудий. Убедительны и соображения автора о мягкости или твердости обрабатываемого материала.

В публикации М. Е. Фосс—«Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье» (стр. 212—235, с 7 табл. и 1 рис. в тексте), представляющей несколько измененную часть работы, изданной в «Тр. Гос. истор. муз.», вып. VIII, также затронуты вопросы о выяснении назначения предметов. В частности, следует отметить, что в разделе обработки кости и рога автор, независимо от М. М. Герасимова, работавшего над палеолитическим материалом (см. его статью в этом же сборнике), приходит к одинаковым с ним выводам, что может послужить признаком правильности наблюдений и заключений обоих авторов, как бы контролирующих друг друга.

Отчет П. А. Дмитриева—«Землянки на зауральских стоянках» (стр. 236—244, с 11 рис. в тексте) отличается тщательностью наблюдений и интересен в отношении методики раскопок. Проведение длинной узкой траншеи (черт. 2), пересекающей всю стоянку, несомненно, имело целью не только выяснение стратиграфии, но и обнаружение землянок. Очертания их в плане обычно едва заметны, иногда совсем неуловимы, и, начиная раскопки вскрытием большой площади по квадратам, исследователь рискует пропустить такие «сюжеты», как землянки, очажные ямы и т. п. Землянки, открытые автором, являются первыми в районе восточного Урала.

Е. Кричевский («О процессе исчезновения трипольской культуры», стр. 245—253) рассматривает ряд стоянок, отличающихся от обычного типа трипольских поселений устройством жилищ в виде землянок, многочисленностью костных остатков животных, значительным увеличением количества кремневых орудий, а также «разносортичностью» керамики, и приходит к правильному выводу, что это — памятники последней стадии развития трипольской культуры. К сожалению, автором для доказательства выдвигаемого положения не показана генетическая связь поздних стоянок с предшествующими. Обращает также внимание изменение, отмечаемое автором в кремневом инвентаре,—развитие техники и количественное его увеличение. Чем вызван такой внезапный расцвет кремня в последней стадии культуры, сопровождаемой с ранней стадии медью и бронзой и отличающейся на всем протяжении незначительной ролью кремня? Объяснение этого явления усилением охоты и ростом скотоводства совершенно не удовлетворяет, так как в аналогичных памятниках наблюдается противоположное, вполне закономерное явление—вытеснение камня бронзой.

Публикуемый указатель П. П. Ефименко и И. А. Береговой «Палеолитические местонахождения СССР» (стр. 254—292) представляет ценную работу и является первым исчерпывающим указателем открытых на территории СССР палеолитических местонахождений. Каждый памятник сопровождается сжатой характеристикой и библиографическими указаниями. Следует подчеркнуть, что, за исключением очень незначительного количества, все поименованные местонахождения были открыты в советский период. Таким образом, указатель является как бы подведением итогов работы советских исследователей по палеолиту.

М. Е. Фосс

**№ 4. Археологические памятники Боспора и Херсонеса;
под редакцией акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича**

Выпуск содержит отчеты о раскопках и научных исследованиях, связанных с Боспором и Херсонесом, вследствие чего весь материал распределен на две части.

Первая, наиболее обширная часть—Боспор, включает в себя отчеты о раскопках древней Дии—Тиритак и ее некрополя за 1932—34 гг. и Мирмекии за 1934 г. В связи с проведенными раскопками публикуются исследования В. Ф. Гайдукевича «О местоположении древней Тиритак» и академика С. А. Жебелева «Откуда ведет свое происхождение название Мирмекий»; опубликован обработанный А. Н. Зографом нумизматический материал раскопок, а также материал керамической эпиграфики, обработанной Е. М. Придином; Незаконченный труд Е. М. Придика, как сообщает редакция, завершен Б. Н. Граковым.

Вторая часть посвящена раскопкам Херсонеса за 1931—1933 гг., нумизматический материал которых обработан и издан Л. Н. Беловой-Кудь.

Раскопки на Боспоре Мирмекии и Дии—Тиритак с ее некрополем представляют особый интерес, являясь впервые научно-поставленными планомерными раскопками этих городищ, положившими начало дальнейшим многолетним работам. Результаты раскопок 1932—34 гг. имеют не только локальное значение, но представляют огромный интерес для изучения культуры Боспора в целом и в частности для исследования центра европейского Боспора—древнего Пантикапея.

Отчет Ю. Ю. Марти «Городские крепостные стены Тиритак и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн» представляет собой, строго говоря, не отчет о раскопках, как он обозначен, но описание архитектурного комплекса на участках I и II. Комплекс этот включает часть городской оборонительной стены эллинистического времени с остатками трех башен. С внутренней стороны города непосредственно к стене примыкает обширный комплекс рыбозасолочных ванн, колодезь и специальные площадки производственного назначения. Этот комплекс относится к римскому времени от I до III—IV вв. н. э.

Комплекс рыбозасолочных ванн в Тиритак является наиболее обширным из открытых на Боспоре; менее значительные остатки подобных ванн были в последующие годы обнаружены в Мирмекии, Фанагории и в самом Пантикапее, что свидетельствует о большом рыбном промысле на Боспоре.

Ценным дополнением к публикуемому архитектурному комплексу является исследование ихтиолога В. Ю. Марти, установившего сорта рыбы, обнаруженные в ваннах, среди которых видное место занимает сельдь, являющаяся основным рыбным продуктом Керченского промысла в наши дни.

К сожалению, стратиграфия слоев, повидимому, не была прослежена достаточно тщательно, и ее характеристика ограничивается обозначением: эллинистический или

римский слой. Остается совершенно неясным: были ли работы доведены до материка а если нет, то почему работы остались незаконченными?

В исследованиях архитектурных остатков нигде не обозначены глубины и глубинные соотношения объектов: приводятся лишь два измерения их по плоскости, соответствующие их плану.

Отсутствие этих данных в тексте до некоторой степени возмещается чертежом высокого качества на табл. 1, в котором на разрезах обозначен многослойный характер архитектурных остатков. Здесь нехватает, однако, одного существенного разреза через башню I с уходящей под нее более ранней кладкой с ю.-в. стороны и через башню III с нижележащими кладками, что позволило бы судить об архитектурных остатках, предшествующих раннеэллинистическому периоду.

Работы на участке V—VI были начаты с целью дальнейшего прослеживания городской стены. Отчет о раскопках Т. Н. Книпович и Л. М. Славина детально и убедительно вскрывают сложную стратиграфию. Культурные напластования содержат остатки почти всех периодов существования города. Городской стены эллинистического времени здесь не оказалось, однако, по мнению авторов, в одной из мощных раннеклассических кладок (№ 106) можно предположительно видеть остатки наиболее ранней городской стены. Это предположение нам кажется вполне убедительным, тем более, что на участке I—II была обнаружена кладка (не получившая номерного обозначения), уходящая под фундамент раннеэллинистической кладки башни I и являющаяся, вероятно, как отмечает Ю. Ю. Марти, кладкой наиболее ранней городской стены.

Кроме того, на участке V—VI были обнаружены остатки других кладок и вымосток; в числе их особого внимания заслуживают архаическая постройка конца VI—начала V в., угол здания, относящийся к слою между классическим и эллинистическим, затем многочисленные кладки ранне- и позднеэллинистического времени, включающие рыбозасолочные ванны, обширный комплекс I в. н. э. хозяйственного назначения с пифосами, состоящий из целого ряда помещений, и, наконец, остатки эпохи позднеримского строительства с рыбозасолочными и винодельческими цистернами, использование которых продолжалось еще в раннесредневековый период (по VIII в. н. э.).

Из числа находок на этом участке исключительного внимания заслуживают обнаруженные в хищнической кладке два каменных изваяния—мужское и женское, представляющие собой памятники доскифского (по определению П. Н. Шульца, киммерийского) периода. Очень важен факт нахождения обломков раннескифской и греческой архаической керамики середины VI в. Интересна пластина резной кости с изображением головы силена, аналогичная которой была найдена в Мирмекии и Фанагории и являющаяся, несомненно, продукцией боспорских резчиков. Интересно также большое количество местной лепной керамики как раннего, так и позднего античного периода.

Описанию и анализу вещевого материала в отчете уделено очень большое место, что придает исследованию конкретную насыщенность и заслуживает высокой оценки.

По разделу, касающемуся описания культурных слоев, может быть замечено следующее: в процессе работ прослежены по крайней мере 7 культурных слоев—архаический, два классических, два эллинистических и два римских. В отчете же они суммарно сведены в 3 слоя, что несколько нарушает четкость и выразительность в хронологических определениях слоев. Так, например, к III слою отнесены архаический и классический слои, а I слой включает материал от I в. н. э. до средневековья включительно—при имеющихся совершенно четких двух, а может быть и трех римских слоях.

Одновременно с раскопками городища в 1933 и 1934 гг. велись раскопки некрополя, отчеты о которых В. Д. Блаватского (1933 г.) и М. М. Кобылиной (1934 г.) помещены в настоящем выпуске. Как и на городище, археологические работы были вызваны срочной необходимостью в связи с земляными работами Камыш-бурунстройа, уничтожавшими некрополь. Раскопки обнаружили в нескольких пунктах сплошной

некрополь римского времени I—III вв., впервые зафиксированный в этом районе. Обычным типом могилы установлен земляной склеп с дромосом—как однокамерный, так и двухкамерный—с погребениями в деревянных гробах, иногда в саркофагах с гипсовыми украшениями. Инвентарь могил довольно однотипен и включает значительное количество железных и бронзовых изделий, главным образом предметов вооружения, многообразные стеклянные сосуды, бусы, подвески и амулеты из пасты, краснолаковую и местную простую керамику. Разведочные раскопки установили также места классического и эллинистического некрополя.

Говоря о раскопках в Дии—Тиритаке в целом, нужно отметить, что за 3 года раскопок не только исследована значительная площадь городищ, но проведена разведочная работа во многих пунктах в районе Камыш-буруна. Приходится только с сожалением отметить, что в изданных материалах отсутствует генеральный план раскопок, без которого результаты проведенных работ не получают полного освещения и нет также общих выводов о работах в городе в целом. Итоги подведены в основном по отдельным участкам.

Работы первых лет, проводившиеся в специфических условиях строительства, носят несколько случайный характер в смысле выбора мест. Тем самым особое значение приобретает плановость в работах последующих лет.

Вопрос о местонахождении древней Тиритакы как у прошлых исследователей, так и в настоящее время содержит ряд не вполне выясненных сторон в силу разноречивости свидетельств древних авторов. Исследование В. Ф. Гайдукевича вносит здесь некоторую ясность. Он отождествляет Тиритаку с городищем Камыш-буруна и предполагает, что Дия являлась названием Тиритакы в раннеримское время.

Работы по раскопкам Мирмекия начались на два года позднее, чем в Камыш-буруне. В настоящем выпуске публикуется лишь отчет первого года раскопок (1934 г.) В. Ф. Гайдукевича, Е. И. Леви и Е. О. Прушевской. Отчету предшествует обстоятельный обзор В. Ф. Гайдукевича прежних археологических работ в Мирмекии.

В первый же год работ экспедиции на основании разведочных данных был составлен схематический план городища. На участке А был заложен один небольшой раскоп с целью выяснения стратиграфии культурных слоев. На другом участке, на месте доследования кладки, обнаруженной в траншее, был проведен большой раскоп Б. Там обнаружены развалины хорошо сохранившейся винодельни эллинистическо-римского времени, являющейся единственным крупным комплексом подобного типа на Боспоре. Раскопки этого комплекса проведены очень тщательно, и описание их, вырастая из рамок отчета, представляет собой специальное исследование.

Работы на городище велись в 5 пунктах, где были обнаружены культурные остатки от архаического до позднесредневекового времени.

В заключении к исследованиям древнего Мирмекия помещено исследование С. А. Жебелева «Откуда ведет свое название «Мирмекий». Автор считает вероятным, что оно происходит от имени милетского гражданина Мирмека. Последний был ктистом Мирмекия и дал ему свое имя.

Весь нумизматический материал раскопок обработан и издан А. Н. Зографом. В небольшом прекрасном исследовании о мирмекийском кладе автор доказывает на основании характера чекана монет наличие кризиса Пантикапея в III в. до н. э. В другом более обширном исследовании дается сводка всего нумизматического материала раскопок, проливающая новый свет на изучение боспорских монет.

Большой интерес вызывает исследование Е. М. Придика, давшего сводку керамической эпиграфики за все годы раскопок. Этот материал представлен в связи с обширным материалом, найденным в Керчи, что позволяет автору сделать вывод о наличии тех же соотношений в распределении групп: на первом месте стоит группа синопских, затем—родосских и фассосских амфор, далее гераклейских; на последнем месте находятся киждские клейма и единичные клейма некоторых других центров. В прилагаемой сводке клейма распределены по группам и даны их датировки.

Во второй части IV выпуска публикуется отчет Г. В. Белова о раскопках северной части Херсонеса за 1931—33 гг. с приложением нумизматического материала,

обработанного Л. Н. Беловой-Кудь. Работы 1931—33 гг. являются продолжением многолетних раскопок предшествующих лет. Они дали обильный материал, расширяющий наши знания о Херсонесе, главным образом средневекового периода. На этом участке были обнаружены также остатки более ранних напластований, начиная с раннеэллинистического периода.

И. Б. Зест

**№ 5. П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, К истории племен Верхнего Поволжья
в первом тысячелетии нашей эры**

Первое тысячелетие нашей эры является одним из интереснейших и в то же время одним из наименее изученных периодов в истории племен Верхнего Поволжья. В этот период здесь проходил процесс формирования восточного славянства, образования славянских племен и племенных союзов, закладывались основы государственности.

К сожалению, письменные источники совершенно не освещают этого периода, а археологические памятники исследовались мало. Поэтому история племен Верхнего Поволжья до последнего времени оставалась неизвестной даже в общих чертах.

Только в 1933—1937 гг. Государственная академия истории материальной культуры провела большие археологические работы в зоне строительства гидроэлектростанций и районах затопления. В результате обследования берегов Верхней Волги и ее притоков (Мологи, Шексны и др.) на протяжении около 350 км было зарегистрировано около 200 памятников различных культур—от неолита до раннего средневековья. Часть этих памятников подвергалась раскопкам. Собранный материал по своему обилию в несколько раз превзошел все то, что было накоплено археологической наукой за весь предшествующий период по этому району. Ценность материала возрастает еще и потому, что он получен в результате научно разработанной, точной методики полевых исследований.

Книга П. Н. Третьякова всецело основывается на этом материале. Она является трудом, который впервые в литературе не только дает общее представление об истории племен Верхнего Поволжья, но ставит, а иногда и разрешает ряд более конкретных проблем в области экон мического и социального их быта.

Книга распадается на две равноценные по своему значению части: очерки по истории племен Поволжья (стр. 7—97) и приложения—отчеты о раскопках отдельных памятников (стр. 101—144). В конце книги имеется резюме на французском языке (стр. 245—250).

Первая часть книги состоит из введения и пяти глав. В введении автор дает общую характеристику изучаемого периода, подчеркивая разницу в исторической обстановке этого времени для племен северных и южных.

Оценивая археологический материал, автор отмечает, что памятники первого тысячелетия нашей эры, представленные в этом районе в числе нескольких десятков, позволяют проследить изменение культуры, экономики и общественного строя населения Верхнего Поволжья буквально из столетия в столетие и проследить не в общих чертах, а совершенно конкретно, со многими мелкими деталями (стр. 9). Однако, как признает это и сам автор, проделанная работа представляет собою лишь первый этап, обрисовывающий общие контуры исторического процесса, протекавшего в Верхнем Поволжье в течение I тысячелетия н. э. Она требует дальнейшего собирания материала и более углубленного всестороннего изучения материала, уже собранного, во многих случаях еще не опубликованного.

Намечая контуры исторического развития населения Верхнего Поволжья с эпохи неолита до последних веков I тысячелетия н. э., автор из суммы всех вопросов выдвигает два, как основные, а именно: вопрос о значении земледелия в жизни племен Верхнего Поволжья и вопрос этногенеза. Вместе с тем он решает и такие значительные для археологии вопросы, как хронологическая группировка керамики, хронологическая группировка городищ, порайонное определение типа жилищ. В этом отношении работа П. Н. Третьякова надолго будет являться отправной для дальнейших археологических исследований.

Главу первую можно рассматривать как предисловие к основной части книги. Автор дает здесь обзор памятников, начиная с неолитических стоянок. Интересно даны результаты наблюдений над расположением неолитических стоянок отдельными большими группами, окруженными обширными безлюдными пространствами. В обследованном районе таких групп три: в Верхневолжской низменности, в области Молого-Шекснинской низины и в Костромской низменности (стр. 12). Несмотря на наличие в этих памятниках общего признака—керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом их локальные особенности проявляются совершенно отчетливо. Впрочем, не совсем убедительно звучит утверждение автора о том, что эти локальные особенности присущи и поздним памятникам эпохи металла (стр. 12).

Стоянки располагались по берегам небольших рек и озер, что находит свое объяснение в способах ловли рыбы, применявшихся населением эпохи неолита. Изучая группировку стоянок, автор, опираясь на этнографические данные, приходит к выводу, что поселения одной компактной группы принадлежали одному роду.

В I тысячелетии до н. э. происходят большие сдвиги в экономике и социальном строе населения Верхнего Поволжья. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. намечается переход от охотничье-рыболовческого хозяйства к скотоводству и земледелию, от материнско-родового строя к патриархально-семейным отношениям. Изменяется и топография поселений. Из низменностей на берегах озер и мелких рек они переносятся на террасы больших рек, на высокие незаливные места. Наряду с камнем и костью в употребление входит металл.

Автор связывает появление нового типа поселений—укрепленных поселков—с развитием нового экономического строя и патриархально-семейных отношений. Непосредственную причину он видит в накоплении богатств в виде запасов хлеба, скота и металлических предметов и в необходимости их защиты. Поэтому население укрепляло свои поселки и основывало их в трудно доступных местах (стр. 22).

Вряд ли можно согласиться с таким мнением. Во-первых, накопление материальных ценностей продолжалось и в последующие периоды. Однако уже в середине I тысячелетия н. э. основной формой поселения являлись открытые поселки. Во-вторых, трудно предположить, что население того времени жило только в укрепленных поселках. Древние городища отыскать сравнительно легко. Они труднее поддаются разрушению, чем селища. Преобладание первых над вторыми следует поэтому отнести скорее на счет состояния археологических обследований, чем на счет действительного соотношения тех и других. Кроме того, укрепленные поселки отличались небольшими размерами и их население едва ли превышало 200 обитателей обоего пола (стр. 30). В поселении в устье Сонохты число обитателей даже не превышало 40—50 чел. Если подсчитать численность населения, жившего во всех известных нам городищах Верхнего Поволжья, то получится мизерная цифра. Где же проживало остальное население?

Нам представляется, что причину появления укрепленных поселков, как и их исчезновения следует искать не в накоплении их жителями богатств и оберегании их от набегов врагов, а в каких-то социальных изменениях, происходивших в период патриархально-семейных отношений.

Древние городища в массе своей никогда еще не подвергались такому детальному анализу, как это дано в работе П. Н. Третьякова. Если прежние исследователи делили древние городища только на две стадии—раннюю и позднюю, то автору удалось раз-

бить эти памятники на несколько хронологических групп, проследить весь период времени существования некоторых из них и дать их топографию.

Особенно интересны его наблюдения над типами жилищ: полуземлянки в районе Костромы, наземные жилища на Верхней Волге (выше Мологи).

Со второй главы автор начинает историю племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии нашей эры. Глава посвящена первым его векам (I—IV вв.).

В этот период не было каких-либо значительных переломов в экономической и общественной жизни населения. Но все же некоторые изменения имели место. Повсеместно и прочно входит в обиход железо, выплавляемое из местных болотных руд, возрастает роль скотоводства и земледелия. Наряду с укрепленными поселками появляются открытые поселения.

Очень ценным в этой главе является подробное описание обследованных памятников и особенно датировка городищ. Основным датирующим материалом служит керамика. Автору очень хорошо удалось проследить характер керамики в отношении состава глины, обжига, размеров сосудов и орнаментации, которые менялись из столетия в столетие (стр. 43).

На примерах городища у с. Городища и городища Топорок автор устанавливает четыре хронологические группы керамики, датируя первую группу серединой I тысячелетия до н. э.; вторую группу—от III—II вв. до н. э. до порога нашей эры; третью группу—от начала нашей эры до III—IV вв. н. э. и четвертую группу—от III—IV вв. до V—VI вв. н. э.

Важно отметить замечание автора о том, что детальное хронологическое членение культурного слоя какого-либо одного памятника не может служить шкалой для всех других памятников Верхнего Поволжья, так как каждое поселение имело в керамике некоторые свои индивидуальные черты.

К сожалению, автор проходит мимо очень интересного вопроса—постепенного ухудшения качества посуды. Изучение этого явления могло бы дать интересные результаты.

Изучение поселений начала I тысячелетия н. э. приводит автора к выводу, что культура населения всего Верхнего Поволжья отличалась почти полным единообразием. Единой была ступень социального развития, общим являлся и характер экономики. Тот же культурный облик был присущ в эту эпоху населению Среднего Поволжья (бассейна р. Оки) и территории Валдайской возвышенности, т. е. всей области распространения «дьяковых» городищ с сетчатой керамикой. Иной характер имела культура населения верховьев Днепра и Западной Двины и населения Прикамья (стр. 44).

Вполне убедительно дан материал о развитии скотоводства в этот период. Таблица находок костей диких и домашних животных наглядно показывает постепенный упадок удельного веса охоты в экономике и возрастание удельного веса скотоводства. Не вызывает сомнения утверждение о большом значении земледелия в этот период. Характеристики его на предшествующей и последующей стадиях подтверждают этот вывод.

Интереснейшим разделом книги является третья его глава, посвященная поселению на р. Сонохе (Березниковское городище). Этот памятник стал знаменитым в археологии благодаря раскопкам П. Н. Третьякова. Городище раскопано полностью путем вскрытия всей его площади, что представляет собою единственный случай в археологической практике. Благодаря точности методики, примененной автором при раскопках, удалось не только хорошо проследить остатки укреплений и жилых сооружений поселка, но и выяснить многие детали экономики и быта его обитателей.

Жилых домов в поселке было шесть. Каждый из них делился на мужскую и женскую половину. В центре стоял большой дом, вероятно, общественного значения. Вблизи домов разместились: кузница, ткацкое или прядильное помещение, в котором производилась также выделка мелких бронзовых изделий, помещение для размола и хранения зерна.

Исключительный интерес представляет открытие на городище погребального сооружения—«домика мертвых». Здесь найдены остатки пяти-шести трупосожжений

и некоторые вещи. Открытие «домика мертвых» разрешает до некоторой степени вопрос об обряде погребения в первой половине I тысячелетия н. э., который не был ранее известен. При раскопках городища найден также инвентарь, характеризующий бытовую и экономическую стороны жизни его древних обитателей.

П. Н. Третьякову удалось с достаточной убедительностью датировать этот памятник. Поселение возникло в конце III или начале IV вв. н. э. и просуществовало до конца V — начала VI в. н. э., когда и погибло от пожара.

Значение открытий на поселении на р. Сонохте очень велико. Вскрытая раскопками керамика дает наглядное и многостороннее представление о жизни и быте населения того времени. Автор справедливо замечает, что жилища людей и поселения в целом являются такими элементами материальной жизни общества, которые на всех ступенях человеческой истории прекрасно отражали общественную жизнь, часто со всеми ее мелкими особенностями (стр. 61).

Кому же принадлежал поселок на р. Сонохте? Автор считает его обиталищем небольшой общины родичей, которая вела коллективное хозяйство и имела общие хозяйственные постройки и даже усыпальницу — «домик мертвых».

Вызывают сомнения некоторые моменты в характеристике поселения как замкнутой ячейки. На городище найдено очень мало костей домашних животных и совершенно не встречены остатки диких животных. Объяснять это, как делает автор, состоянием культурного слоя вряд ли будет правильным. Можно предполагать, что животные находились не на самом городище, а где-то вне его территории. Это предположение законно еще и потому, что выплавка руды, как отмечает и сам автор, производилась не в поселке, а где-то на стороне. Следовательно, поселок на Сонохте не представлял собою территориально замкнутую единицу. Его территория выходила за пределы его оборонительных валов.

Середина и вторая половина II тысячелетия н. э. оставались до последнего времени почти совершенно не изученными археологически. Глава четвертая книги П. Н. Третьякова значительно заполняет этот пробел.

Основной формой поселения этого времени являются открытые поселки. Трудно находимые, они не привлекали к себе внимания исследователей, не раскапывались. Весьма ценным поэтому является подробное описание селищ, открытых и обследованных автором. Исключительный интерес представляют селища в устье р. Попадынки, возникшие, по мнению автора, в III—IV вв. н. э.

Анализируя материал селищ, автор подчеркивает бесспорное преобладание скотоводства над охотой, появление производства, переросшего рамки общины и рассчитанного на обмен (стр. 72), переход от подсечного земледелия к земледелию пашенному и вместе с тем увеличение размеров поселений этого времени.

Совершенно логично автор подводит читателя к выводу, что «смена подсечного земледелия земледелием пашенным знаменует собой переход от первобытных коллективных форм обработки земли к индивидуальным формам земледелия» (стр. 85).

Глава пятая книги посвящена характеристике памятников (поселений и могильников) древнейшего населения в бассейне озер Неро и Плещеево, которое образовало впоследствии племена, близкие мордовско-муромским племенам Среднего Поволжья. Их культура отлична от культуры племен верхнего течения Волги. Начиная со середины I тысячелетия н. э. в Верхнем Поволжье складываются два этнических массива.

Обитатели верхнего течения Волги во второй половине I тысячелетия н. э. принадлежали к группе северных восточнославянских племен.

Вторая часть книги (приложение) представляет собою ряд прекрасно обработанных отчетов. Строго научная документация делает их первоклассным источником.

Книга хорошо иллюстрирована. Публикация в ней вещевого материала повышает ее научную ценность.

С. А. Тараканова

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Выпуск XVI

Работы археологических экспедиций. Изд. ГИМ, М., 1943

В 1943 году вышел очередной XVI выпуск трудов Гос. исторического музея в Москве. Это уже второй сборник трудов отчетно-экспедиционного характера, выпущенный музеем. В отличие от первого сборника, XII-го, выпущенного в 1941 году, в него вошли работы по исследованию памятников более поздних, относящихся к эпохе рабовладельческой и феодальной.

Сборник начинается отчетом В. Д. Блаватского о раскопках Фанагорийского городища в 1936—37 гг. (стр. 5—74). Отчет полный и обстоятельный, сопровождается чертежами, планами и фотографиями. Фанагорийское городище на Таманском полуострове близ ст. Сенной известно археологам давно. Не раз производились здесь и раскопные работы, но основные вопросы, как, например, топография города, ясны не были. Целью работ 1936—37 гг. было, наряду с определением облика города, установление его границ, уточнение времени его существования и характера каждого из его культурных напластований, так же как и исследование городского некрополя и установление соотношения между пришлой классической культурой и культурой местной. Большая часть этих вопросов и была разрешена экспедицией.

Для работ была выбрана северо-западная часть городища и ряд участков на некрополе, где в итоге было исследовано 73 могилы¹. Раскопки городской территории дали 10 культурных напластований, которые идут, чередуясь последовательно, начиная с VI века до н. э. и кончая XIII веком н. э. Раскопки позволили восстановить общую картину жизни города. Первые греческие поселенцы появились здесь в эпоху поздней архаики. Но исследуемая северо-западная часть городища в это время заселена не была. В классическую пору здесь располагалась одна из городских окраин. Наиболее богатый археологический материал дают остатки эллинистической эпохи. От этого времени сохранились части большого здания и цистерны.

Количество находок римской эпохи опять уменьшается, причем в это время начинает использоваться старый строительный материал для сооружения новых зданий. Немногочисленны и остатки эпохи средневековья, а приблизительно в XII веке жизнь на городище замирает. Что касается планировки города, то, повидимому, направление улиц в позднее время, как и в раннее, было одно и то же: от берега моря к периферии.

К северо-востоку от города проходили 2 дороги и находился колодец, сложенный из больших известковых плит, и, судя по большому количеству фрагментов черепицы, имевший черепичную кровлю; В колодце было сделано большое количество находок: до 200 амфор, глиняный кувшин, обломок мраморного торса Кибелы, стеклянная бусина с изображением головы Диониса. Время существования колодца, судя по находкам, соответствует III—V вв. н. э.

Раскопки дали ряд остатков архитектурных сооружений в виде остатков стен, кладок, вымосток, фрагментов колонн и капителей, обломков черепицы и т. д., большое количество обломков посуды—от чернофигурной до римской краснолаковой и средневековой. Наличие большого количества обломков местной посуды свидетельствует о крупном местном производстве, а обломки амфор с клеймами Родоса, Фасоса, Книда, Коса, Синоп, Гераклеи говорят об обширных торговых связях города.

Из вещевых находок очень хороша бронзовая фигурка Тиха, вырезанная из кости головы Силена, терракотовая статуэтка Сабазия и Эрота.

Ряд интересных материалов дал некрополь, который, впрочем, не богат содержанием. Наряду с посудой, целой и в обломках, глиняной и стеклянной, мы имеем пред-

¹ Предварительные сведения о раскопках были напечатаны в журналах «Искусство» и «Вестник древней истории».

меты из бронзы: зеркала, фигурки, подвески, монеты. Из терракот особенно интересна одна, изображающая музыканта.

Из отдельных случайных находок интересен обломок мраморной плиты с греческой надписью и надгробие с изображением семисвечника.

За отчетом о раскопках Фанагорийского городища следует отчет Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. (стр. 75—118).

Как и предыдущий, отчет снабжен фотографиями, чертежами, планами, картой исследуемого района, рисунками.

Работы Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева в области археологии Сибири известны. В 1935 году, в связи со строительством Чуйского тракта, эти работы были перенесены на Алтай. Стало необходимым выявить памятники старины в районах строительных работ, исследовать эти памятники, установить заповедники.

Археологические памятники Алтая разнообразны. Курганные группы, курганы, огражденные камнями, аллеи из камней, круги из камней, изваяния, высеченные из камня, встречаются здесь в большом количестве. Работы были начаты с обследования богатой памятниками древности Курайской степи, где, помимо памятников, отмеченных выше, при выходе в долину реки Тагила открыты места плавки руд и затем остатки древнего оросительного канала (шириной около 2 м), идущего в направлении реки Ак-Тура. Свой отчет авторы делят на главы, в соответствии с эпохами, к которым относятся те или иные из памятников. Первую группу, наиболее древнюю, составляют так называемые курганы со скорченными костяками. Внешне это небольшие, округлые насыпи, ничем не отличающиеся от других курганов края. Под насыпью в четырехугольном, выложенном из камней ящике—погребение. Умерший клался в скорченном положении, на левом боку, с кистями рук у лица.

Следующую по времени группу составляют курганы, принадлежащие к так называемой гунно-сарматской стадии. Курганные группы этого типа располагаются цепочками. Внутри кургана погребение, заключенное в деревянный сруб. При покойниках—обломки глиняных сосудов с лепным орнаментом и нарезками, обрывки золотых лепестков, очень хорошей работы деревянные резные предметы, как, например, голова грифона, предметы из железа: ножи, пластины и т. д. Помимо вещей, необходимой принадлежности погребального ритуала был конь. Количество конских остовов в могилах доходит до 3, причем на черепахах их можно видеть следы удара клевцом.

Наиболее интересные, яркие памятники дают курганы «эпохи рунического письма», встречающиеся в окрестностях с. Курай и в могильнике Туяхта. Округлой формы, сложенные из крупных обломков скалы, они часто бывают окружены кольцами камней. Вещи, сопровождающие покойников, характерны для VII—IX вв.; как правило, мужчин сопровождают колчаны со стрелами, женщин—жернова и зернотерки.

Особенно интересно погребение в 4 группе Курая (урочище Тадила), где в большом кургане был обнаружен тайник с вещами, среди которых особенно любопытен серебряный сосуд с орхонской надписью, пояс из серебряных вызолоченных бляшек с красивыми узорами на поверхности. На последней бляшке надпись «хозяина (господина) Ак-Кюпа кушак». Аналогию этому погребению составляет погребение 3—4 из Туяхты, где был найден также серебряный сосуд с орхонской надписью. По времени эти курганы относятся, повидимому, к VII—VIII вв. Надписи, тексты которых приводятся в отчете, интересны и важны для реконструкции общественного строя эпохи. Эти надписи воспроизводятся в отчете с переводами.

К недочетам следует отнести неполное воспроизведение в отчете курганных инвентарей; хотя остальные курганы не дают столь яркого и интересного материала, как приведенные, но и они необходимы для возможно более полного понимания эпохи.

Статья Л. А. Евтюховой о каменных изваяниях северного Алтая (стр. 119—134) представляет собой интересное исследование, тесно примыкающее к материалам, изложенным в отчете. Каменные изваяния в большом количестве встречаются на Алтае,

в частности в Курайской степи, в долине р. Чуи и в некоторых местах Сибири и Монголии. Они стоят обычно окруженные оградами из камней. Это грубые, высеченные из камня изваяния, изображающие мужчин в шапках, с серьгами и другими украшениями. В передаче лиц, с обозначенными на них усами и бородой, чувствуется индивидуальный образ.

Автор обращает внимание на сходство изображенных вещей, предметов вооружения, украшений, сосудов с вещами из погребальных комплексов курганов «эпохи рунического письма».

Сборник включает отчет А. П. Смирнова о работах на Суварском городище в течение 1933—37 гг. (стр. 135—171). Отчет, очень детальный, сопровождается картой района, планами, чертежами, photographиями, многочисленными библиографическими указаниями, начинается с подробного перечня сведений, сообщаемых различными арабскими авторами X—XIV вв. относительно г. Суvara, одного из главных городов Булгарского государства, его местоположения и значения. Город существовал с X по XIV век. Это явствует не только из литературных указаний, но и данных нумизматических. Монеты, чеканенные в Суваре, свидетельствуют с достаточной определенностью о том значении, каким пользовался этот город.

Вопрос о местонахождении Суvara долгое время оставался спорным. На этот счет существовало много мнений и теорий, подробное изложение которых и дается в отчете. Современное население этих мест—татары и чуваша, называют именем Суvara городище между д. Кузнечихой и Даниловой в Татарской Республике. Это обширное городище, занимающее в окружности около 4,5 км, расположено на левом берегу р. Утнй и сохранило следы укреплений в виде рвов и валов. Перед экспедицией, таким образом, вставал вопрос о возможности отождествления городища с Суваром арабских писателей.

А. П. Смирнов дает подробное описание укрепленной части городища, исследование его укреплений и выяснение общей картины жизни города.

Специальная глава посвящена конструкции вала, который состоял из больших четырехугольных срубов, засыпанных землей, глиной, кусками шлаков, и глиняной обмазки. На валу, повидимому, располагалась деревянная стена с башнями. Автор указывает, что такая система укреплений была в эту эпоху в ходу и на Руси. Помимо основного рва и вала, сохранились следы второго вала, вероятно насыпанного позднее. За городом отмечается обширный пригород размером до 10 кв. км.

Для исследования городища были заложены раскопы в 4 пунктах. Раскопки дали возможность судить о двух типах жилищ, существовавших в Суваре: деревянных и глинобитных.

Несмотря на очень сложные стратиграфические условия, автору удалось выявить зернохранилища, ямы различной формы. Большое внимание уделено обширному кирпичному зданию в центре города, представляющему собой сложный архитектурный комплекс, с отопительной системой под полом. Здание, повидимому, двухэтажное, имело форму, близкую к прямоугольнику, с одной стороны к нему примыкала башня. На основании детального анализа кирпича, строительной техники, аналогии с постройками в странах Средней Азии и Востока, а также вещественных находок на его территории, автор считает возможным говорить о трех перестройках. Построенное в X—начале XI века, оно прекратило свое существование в XIV. Судя по пышной облицовке его поливными плитками, перед нами, вероятно, остатки богатого жилого дома—дворца.

Небольшая сравнительно глава посвящена двум кладбищам, открытым на территории города. На основании аналогии в обряде погребения они датируются XII—XIV вв. Много места в отчете уделяется обильному вещественному материалу, найденному на городище: орудиям труда, украшениям, предметам быта.

Подробному анализу подвергаются керамические находки городища. Устанавливаются аналогии, преемственность типов. Здесь посуда глиняная и стеклянная, гончарные трубы и глиняная булава. Орудия труда весьма разнообразны; на основе материалов, найденных на городище, мы теперь можем составить представление о различ-

ных отраслях труда и ремеслах того времени. Так, кузнечное производство представлено обломком каменного молота, зубилом, обломком литейной формы. Плотничное дело—топором, гвоздями. О сельском хозяйстве свидетельствует обломок жернова. Два куса кольчуги, наконечники стрел (железные трех типов и костяные) могут в какой-то мере характеризовать предметы вооружения. Многочисленны и разнообразны предметы домашнего обихода: замки, ключи, кресала, железная расческа для войлока и т. д., много украшений: всевозможных бус, серег, височных подвесок. Тщательный анализ их форм, аналогии с материалами из других мест позволяют уточнить их дату.

В итоге анализа вещевого материала, изучения стратиграфии и привлечения письменных свидетельств восточных авторов время существования городища определяется X—XIV веками.

К сожалению, эпиграфических данных, с несомненностью устанавливающих тождество городища у с. Кузнечихи с Суваром восточных авторов, найдено не было. Во всяком случае, перед нами типичный средневековый город,—центр ремесленной и торговой жизни.

Исторический музей за последние годы провел большое количество раскопок. Приступив теперь к изданию отчетов, он начал осуществлять дело не меньшей научной значимости, чем самые раскопки. Остается только пожелать, чтобы, наряду со своей продолжающейся раскопочно-деятельностью, музей систематически издавал свои труды, и в частности отчеты о своих работах.

Н. В. Трубникова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ. ТРУДЫ ОТДЕЛА НУМИЗМАТИКИ. Том I, Л., 1945, стр. 168 + 1 + 10 вклеек, тираж 1000 экз.
цена 40 р.

Вышедший в начале 1946 г. I том трудов Отдела нумизматики Эрмитажа посвящен памяти скончавшегося в Ленинграде 4 июня 1942 г. Алексея Алексеевича Ильина, в течение 22 лет бывшего хранителем Нумизматического отдела Эрмитажа. Повидимому, текст сборника заготовлен был давно, но война помешала своевременному выходу его в свет. Приходится с грустью отметить, что из шести авторов, давших в сборник свои работы, трое—А. Н. Зограф, Е. О. Прушевская и С. А. Розанов—также скончались во время блокады Ленинграда. Не совсем понятно, почему редакторы сборника не сочли для себя обязательным дать хотя бы краткие некрологи сотрудников, умерших на своих постах в тяжелых условиях военного времени.

Содержание сборника довольно разнообразно. Две статьи А. Н. Зографа посвящены античным монетам. В статье Е. О. Прушевской дано подробное описание найденного в 1882 г. при раскопках В. Г. Тизенгаузена и поступившего в Эрмитаж Анапского клада пантикапейских медных монет последних десятилетий IV в. и первой четверти III в. А. А. Быков дал две статьи из области восточной нумизматики; первая содержит описание клада медных куфических монет из Таджикистана конца IX и начала X в., найденного в 1935 г. в г. Исфаре; во второй статье даны сведения о первом Османском монетном дворе в Бруссе. В. М. Неклюдов в статье о русских денежных слитках дал детальное и обстоятельное описание найденного в 1933 г. близ г. Обоянь, в селе Нижнем-Солотике, клада слитков так называемого Новгородского типа. Хотя эта находка не расширяет известных нам пределов распространения слитков этого типа, но Нижне-Солотинский клад заслуживает внимания по значительному количеству находящихся в нем экземпляров с надписями. В приложении к статье автором

дана весьма полезная сводка известных до сего времени надписей на денежных слитках. В статье С. А. Розанова дано изложение истории чеканки в России голландских червонцев, известных в общежитии под названием «лобанчиков». Наконец, А. А. Войтов дал библиографическую справку о редкой брошюре, изданной в Екатеринбурге в 1804 г., с описанием памятной планетки 1803 г., сделанной из золота, добытого из рудников на реке Чусовой; планетка эта передана в 1933 г. из Горного музея в Эрмитаж.

Наиболее ценным и важным материалом в Сборнике является публикация покойного А. Н. Зографа—«Распространение находок античных монет на Кавказе». Еще ранее, в 1936 г., в 110-м выпуске ИГАИМК А. Н. Зограф дал сводку о находках на Кавказе золотых античных монет. Новая работа является результатом предпринятой автором осенью 1937 г. поездки на Кавказ, давшей ему возможность вынести «в порядке осмотра хранящихся в Кавказских музеях нумизматических памятников отчетливое представление о контингенте античных монет, характерных для той или иной местности Кавказа», и позволившей ему составить подробную сводку кавказских находок античных монет. В то же время в вводной статье А. Н. Зограф поделился своими весьма интересными наблюдениями по специальным нумизматическим вопросам. В связи с находкой в 1939 г. в могильнике близ с. Геби, в верховьях Риона, семи грубых золотых подражаний статавам Александра А. Н. Зограф возвращается к общему вопросу о находимых на Кавказе варварских подражаниях статавам Александровского типа и подчеркивает на основании новых данных территориальную близость находок оригинальных статов Александра и Лизимаха с районом распространения варварских их подражаний по Риону и по побережью Черного моря. Специальный экскурс посвящен группе находимых на Кавказе серебряных монет, носящих название «колхидок», сфера распространения которых ограничена пределами древней Колхиды—Мегрелии, Гурии, Имеретии. В находках последнего времени вкладах одновременно с обычными мелкими колхидками встречаются более крупные монеты, типологическое сходство которых с мелкими дает основание причислить их к той же группе, которая таким образом расширяется до четырех особых типов. Попутно делается попытка на основании анализа стиля монет установить их дату: овальные колхидки с лежащим львом на аверсе, по мнению автора, относятся к концу VI в.; круглые крупные колхидки с двумя головами на оборотной стороне и мелкие с протомами быка и льва относятся к V в.; что же касается обычных мелких колхидок, обратившихся на протяжении IV—II вв., то более точная датировка их затруднительна. Решение вопроса об органах, выпускавших эту группу монет, и о месте их чеканки (второй высказывает догадку, что этим местом был древний Фасис) приходится отложить до получения новых данных.

Переходя к находкам римских монет, А. Н. Зограф отмечает небольшое количество находок республиканских монет по сравнению с императорскими, среди которых особенно часто на Кавказе встречаются денарии Августа с фигурами Гая и Люция на аверсе, что дает автору повод высказать предположение, не выпускались ли они специально для торговли с Востоком. Затем автор дает обзор находимых на Кавказе подражаний римским денариям. Высказанное А. Н. Зографом в заключительных словах статьи пожелание о том, чтобы местные археологи занялись научной и точной регистрацией монетных находок, нашло уже себе отклик. В «Вестнике Государственного музея Грузии», 1944, т. XII (издание Академии Наук Грузинской ССР) С. И. Макалатия дал подробное описание клада римских монет от Траяна до Александра Севера (в количестве 373 экз.), найденного в селении Сепиети Абашского района в 1931 году.

Приветствуя появление нового нумизматического издания Эрмитажа, заслуживающего внимательного изучения, в заключение не могу, однако, не сделать редакторам сборника упрека за тот странный «французский язык», на котором дано для иностранных читателей резюме публикуемых статей.

Настоящая рецензия была закончена, когда появилось другое издание Государственного Эрмитажа—том I «Трудов Отдела истории, искусства и культуры античного

мира», где оказалась еще одна нумизматическая статья А. Н. Зографа—«Статеры Александра Македонского из Керченских и Таманских находок». Со свойственной автору обстоятельностью в этой статье дано описание четырех статеров Александра, хранящихся в Эрмитаже, не в Отделе нумизматики, а в Отделе античного мира, в составе соответствующих комплексов материалов раскопок. Описание может служить образцом того, как следует давать описание находимых в раскопках монет.

Эта статья А. Н. Зографа дополняет материалы рецензируемого сборника.

А. А. Сиверс

АТЛАС ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. Автор доц. А. Г. Бокщанин, под общей редакцией проф. А. В. Мишулина, отв. ред. Л. П. Четверикова, техн. ред. Н. А. Шевченко, М., 1946, цена 6 р.

Наша школа давно уже ждет наглядного учебного пособия по древней истории которое соответствовало бы новейшим достижениям науки, могло бы вызвать интерес учащегося к истории культурных стран древнего Востока и античности, могло бы служить помощью преподавателю в его работе с учениками. Предлагаемый педагогическому миру новый атлас, составленный А. Г. Бокщаниным, под общей редакцией проф. А. В. Мишулина, привлекает к себе внимание прежде всего изящной внешностью. четкостью и яркостью своих красочных обозначений. Атлас задуман и выполнен автором не по шаблону; он представляет собою переработку для средней школы имеющегося в нашем распоряжении научного материала по плану, самостоятельно продуманному и выполненному автором.

Составление историко-географического атласа—задача крайне сложная и трудная; и по форме и по содержанию приходится обдумывать каждый факт, каждую мелочь; нужно сделать также строго обдуманный отбор материала, соответствующий запросам средней школы. В основном новый атлас достигает цели как интересное, добросовестно проработанное автором наглядное пособие для учеников и учителей нашей средней школы. Вместе с тем, по отдельным вопросам он вызывает иногда и очень существенные замечания, которые, думается, следовало бы учесть при массовом издании этого атласа.

В атласе 25 карт и дополнительные детальные вставки отдельных битв, планов городов и проч. К атласу приложен указатель, занимающий 4 страницы убористого шрифта.

Весь картографический материал расположен на 16 страницах. Это свидетельствует о крайней дробности материала атласа. При этом отдельные карты перенасыщены названиями всякого рода.

Тематика атласа дана продуманно, последовательно и интересно. Атлас открывается картой (№ 1) под рубрикой «Распространение древнейших государств»; затем на 2-й и 3-й страницах расположено 5 карт под рубриками: «Древний Египет», «Двуречье и Передняя Азия», «Финикийские колонии», «Сирия и Палестина», «Падение Ассирии и Вавилона и образование Персидского государства». Каждая из перечисленных карт сопровождается указанием хронологических рамок. К карте «Падение Ассирии и образование Персидского государства» приложен план г. Вавилона в VI в. до н. э. По такому же плану основной тематики преподавания древней истории в средней школе расположены и следующие карты. Истории Индии и Китая уделена одна

большая карта во всю страницу; истории древней Греции отведено 9 карт на 5 страницах; остальные 7 страниц занимает история Рима с древнейших времен до революции рабов и вторжения варваров в римскую империю включительно. Для карт древней Греции в качестве дополнительных вставок даны: битва при Фермопилах, битва при Саламине; план Афин и Пирея; план афинского акрополя. Для карт по истории древнего Рима дополнительными деталями служат битвы Пунической войны—при Тразименском озере и при Каннах; восстания рабов в древней Греции и Малой Азии во II в. до н. э.; план города Рима; к последней карте падения римской империи дан общий обзор в мелком масштабе—«Римская империя в IV в. н. э.».

Вышеизложенная тематика атласа составляет, несомненно, его положительную сторону; в нем учитель и ученик найдут необходимое наглядное пособие при прохождении всех главнейших отделов истории древнего мира. Но, наряду с достоинствами такого состава карт и расположения материала, бросаются в глаза и некоторые, на наш взгляд, существенные недостатки. Прежде всего надо отметить необычайную дробность карт; так, например, Греции отведено 9 карт и пять дополнительных вставок, все они помещены на 5 страницах. Естественно, что на некоторых из них исторические обозначения даны таким мелким шрифтом, что читать их можно только с большим напряжением.

Особенно пострадала карта № 15—«Эллинистические государства около 220 г. до н. э.»: различить на ней условное обозначение «границы эллинистических государств около 220 г.» и «важнейшие торговые пути» почти невозможно; очень сбивчиво даны также и краски на этой карте; зеленым цветом по условному обозначению окрашены владения Этолийского союза и зеленым же цветом покрыты территории Египта и Парфии; указан лиловый цвет для владений Рима, которые, по нашему мнению, могли бы здесь и не быть обозначены; почти таким же лиловым цветом покрыта территория Пергама; в то же время в условных обозначениях нет краски царства Селевкидов; той же краской зарисована и Македония; Боспорское царство в условных обозначениях показано, а на карте его нет. При таких условиях разобраться и внести ясность в сложную структуру эллинистического мира будет крайне затруднительно для преподавателя и вовсе уже невозможно для ученика. Необходимо указать еще на один существенный недостаток атласа, вытекающий из дробности картографического материала. Ни для Греции, ни для Рима нет карт более крупного масштаба, посвященных специально физико-географическим особенностям страны; особенно чувствителен этот недостаток для древней Греции, где особенности рельефа, климата и растительности наложили такой яркий отпечаток на всю историю и культуру греческого народа.

Перехожу теперь к замечаниям по поводу отдельных карт.

Карта № 1 под рубрикой «Первые очаги культуры», IV тыс. до н. э.—V в. н. э. очень интересно задумана; в ней наглядно дана вся территория, на которой затем в деталях разворачивается история древнего мира вплоть до его крушения. Здесь, по нашему мнению, неудачно формулирован заголовок «Распространение древнейших государств». Во-первых, едва ли можно наглядно дать такую тему, как распространение государств на протяжении нескольких тысячелетий; во-вторых, «государства» без указания их границ перестают быть «государствами». Да это ведь и не входило в задачу карты; она озаглавлена «Первые (не лучше ли было бы сказать «древнейшие») очаги культуры». Красками и следовало бы обозначить эти «очаги», а не государства, сгущая одну и ту же краску там, где эти «очаги» играли особенно крупную историческую роль.

На карте обозначены крупнейшие экспедиции древних, и это очень интересно и последовательно продумано автором: он стремится показать главнейшие очаги культуры древнего мира и их географическое распространение на экспедициях финикийян, Китая, Греции и Рима. Здесь было бы полезно использовать ненужные знаки «государств», чтобы ввести рубрику: «Пути наиболее крупных торговых и военных экспедиций древнего мира». Это привлекло бы внимание читателя и пояснило бы ему замысел и содержание карты. Без такого пояснения создается недоумение—зачем здесь приведены походы Александра?

Карта № 2: «Древний Египет» IV—I тыс. до н. э.» Здесь в пояснительных знаках имеется указание «Северная граница Египетского царства при Рамзесе II» Здесь рубрика сформулирована неточно географически и непоследовательно по терминологии, употребленной на той же карте, где указаны просто: «Границы Египетского царства при Тутмосе III». Карта № 3; по поводу этой карты замечу только, что границы Хеттского царства даны так неясно, что этого царства как будто бы и нет вовсе на карте. Карта № 4—«Финикийские колонии VII—VI вв. до н. э.». Здесь отмечены «поселения этрусков», «поселения греков». Но в этот период уже шла греческая колонизация; следовательно, в эту эпоху поселения греков не ограничивались Балканским полуостровом и малоазиатским побережьем. Замысел автора на этой карте понятен: он не хотел путать финикийскую колонизацию с греческой, для которой дана отдельная карта, но в таком случае рубрика «поселения греков» должна быть точнее формулирована—«Греческие поселения центральной Греции и малоазиатского побережья».

К карте № 6 приложен план Вавилона в VI в. до н. э. Опознавательные знаки так неясны, что весь план превращается в загадочную картинку—«где здесь № 1, 3 и 4?» Найти их можно, но после очень длительных изысканий; так, например, № 3 показан внутри надписи «Ул. процессий». И самые пояснения к этим номерам лучше бы дать столбиками 1, 2, 3, а не в одну линию, как это сделано в атласе. Карта № 7 посвящена древнейшей истории Индии и Китая. Расширение Китайского государства показано в красках, начиная с III тыс. до III в. до н. э.; этот хронологический период должен показать четыре стадии расширения государственной территории Китая; естественно, что нюансы одной и той же краски не достигают цели: наглядности не получается; здесь следовало бы или дать какое-то дополнительное обозначение, или сократить исторические данные. На карте нанесены и походы Александра, и путь Неарха, и направление пути Селевка в IV в. Не лишни ли здесь походы Александра и путь Неарха, которые повторяются в атласе три раза? Краски, обозначающие «царство Кушан» и «царство Ашоки», должны быть ярче; в особенности это касается границ «царства Кушан».

Тематика 8-й карты очень важна для всякого, интересующегося историей древней Греции; краски подобраны очень удачно и благодаря этому дают четкую и наглядную картину районов распространения главнейших диалектов. Следующая карта, № 9 должна показать распространение греческой колонизации по берегам Средиземного бассейна в VII и VI вв. до н. э. По данным опознавательных знаков следовало бы различать колонии дорийские, эолийские и ионийские, но при той дробности карт, о которой сказано выше, различить цвет точек, обозначающих принадлежность данной колонии, крайне трудно; здесь, вероятно, следовало бы применить какой-либо другой условный знак—подчеркивание наименования города различным цветом или даже разными цветами дать сами наименования колоний. Во всяком случае при таком обозначении, какое мы имеем в атласе, карта читается с трудом. Непонятно, зачем даны точки без названия? Их либо совсем не надо указывать, либо дать просто сплошную черту сферы распространения колоний с нанесением известных нам отдельных колоний (см., например атлас Пуцгера—«Historischer Schul-Atlas: Die Alte Welt»). Точки без названия, несомненно, будут вызывать недоумение у читателя. Следующая деталь, на которую следует обратить внимание, это—наименование «Великая Греция»; в разбираемом атласе это наименование повсюду (№ 12, № 17, № 18) отнесено к сфере греческих поселений и юга Италии и Сицилии; это неверно: «Magna Graecia», ἡ μεγάλη Ἑλλάς относится только к Италии, преимущественно к берегам Тарентинского залива; сошлюсь на Полибия II, 39, 1 и карту, приведенную в Cambr. Anc. History, том IV, к стр. 113.

Карта № 10 очень хорошо иллюстрирует все факты истории Афин эпохи расцвета, особенно с добавлением к ней детальных карт «Афины и Пирей» и «Афинский акрополь». Интересна попытка нанести на карту Клизфеновские филы; но трудно очень все же в них разобраться по бледным цифрам, разбросанным по всей территории Атики, такая деталь едва ли нужна для школьников. Эвбейский пролив—назва-

ние неправильное, в древности он назывался «Эврил», а севернее—«Эвбейский залив».

Карта № 11 вызывает некоторые серьезные замечания по самому содержанию.

На ней хронологические рамки указаны 500—449 гг., а карта дана в соответствии с хронологией 500—478/479 гг. (см., например, аналогичную карту в итальянском атласе М. Baratta). Исторически было бы правильнее, по нашему мнению, кончать греко-персидские войны так, как их кончает Геродот и как их принимает Фукидид (I, 89, 2)—взятием Сеста (478 г.) (ср. также САН, IV, стр. 344 сл.). Но раз уж автор атласа принял датировку 449 г., то и на карте должны быть даны те территории, на которых разыгрывались события после образования афинско-делосского морского союза. Неправильно также дана раскраска карты в отношении территории Персидской державы—Македония и Фракия могут быть отнесены только к зависимым от Персии странам, но отнюдь не могут быть приравнены к основным владениям персидского царя. В общей раскраске центральной Греции по признакам отношения к Персии очень нечетко обозначена Беотия: трудно догадаться, что она занимала во время похода Ксеркса ту же позицию, что и Фессалия.

На карте № 14 с большой тщательностью и наглядностью даны походы Александра в Македонии, Греции и на Востоке; думаю, что карта не проиграла бы в четкости, если бы при отступлении армии Александра указан был также путь отступления Кратера.

Последняя карта, посвященная истории древней Греции, № 16—«Ахейский и Этолйский союзы в III—II вв. до н. э.». Здесь можно только сказать, что краски обозначающие рост того и другого союза, недостаточно четки, особенно это относится к желтому цвету ахейского союза; а уж «спорных территорий» в данной раскраске карт вовсе нельзя найти, так же как Боспорского царства на карте по эпохе эллинизма (№ 15).

Картой древней Италии с нанесением на нее распределения племен в V в. до н. э. (№ 17) открывается история древнего Рима. Эта карта требует очень тщательной проверки и пересмотра. Неудачно распределены племена в пределах Лициума, названия «латины», «вольски» даны слишком крупным шрифтом и не на тех территориях, где бы они должны были быть помечены; совсем отсутствуют герники—см. соответствующие карты в атласе М. Баратта, Пуцгера, САН, IV, стр. 468; неточны границы Самния (следует указать до р. Ауфиды); очень нечетко дана Кампания; Италией называлось не побережье Тарентинского залива, а самая южная часть области бруттиев; о «Великой Греции» было уже сказано выше. Представляется также ошибочным и неудачным нанесение на карту Италии V в. «границ провинций (sic!) на эпоху Августа». Границ этих на карте почти вовсе не видно, августовские «regiones» никогда не именовались провинциями, самое выражение «на эпоху Августа» звучит совсем не по-русски—словом, всю эту рубрику надо просто снять. Спрашивается, зачем нанесены данные эпохи Августа на карту V в. Здесь какое-то явное недоразумение.

Следующую карту, № 18: «Завоевание Римом Италии в V—III вв. до н. э.», нельзя причислить к числу удачных карт разбираемого атласа. Она интересно задумана, но выполнение ее в очень мелком масштабе изображает Италию, покрытую разноцветными пятнами, которые должны обозначать «латинские колонии», «союзные общины» и «территорию римского гражданства»; но, во-первых, все вместе взятое вовсе не показывает процесса завоевания Италии Римом; во-вторых, на карте указаны пункты оснований «латинских колоний», но отсутствуют колонии римских граждан. Наконец, формулировка «территория римского гражданства» вызывает недоумение: на каком принципе построена эта рубрика? В этой части карта бездоказательна, а потому и неубедительна. Удачнее этот исторический момент иллюстрирован в атласе Пуцгера, где нанесены названия гражданских и латинских колоний в хронологическом порядке их распространения (P u t z g e r, Historischer Schul-Atlas, 1908, стр. 11).

Карта № 19 иллюстрирует события I и II пунических войн, карта, несомненно, очень нужная и полезная для школьного преподавания, читается легко и не вызывает каких-либо замечаний.

Карта № 20—«Римская республика» III—I вв. до н. э. Эта карта, судя по условным опознавательным данным, должна иллюстрировать политический рост Рима в эпоху республики. Последовательный рост территории республики дан с 264 по 44 г. тремя красками: одной—для римских владений до 264 г. и двумя оттенками желтой краски для завоеваний Рима с 264 по 201 и 201 по 44 г.; эти оттенки настолько нечетки, что совершенно сливаются; на эту деталь следует обратить внимание.

Розовой краской обозначены «Греческие государства, сохранившие номинальную независимость». К ним отнесен Крит. Между тем, Крит был присоединен к римским владениям в 67 г. Едва ли правильно автор относит присоединение Аквитании к эпохе Августа (карта № 23). Аквитания была завоевана легатом Цезаря П. Лицинием Крассом в 57/6 г.

Границы эллинистических государств также требуют более ясного обозначения. Более существенным недостатком надо считать плохое обозначение римской провинции Азии, его почти не видно на карте, тогда как жирным шрифтом, аналогичным шрифту, которым обозначена Македония, на территории Мал. Азии, т. е. римской провинции с 133 г., обозначен Пергам; это, несомненно, неудачно с картографической точки зрения. С исторической точки зрения вызывает некоторые недоуменные вопросы рубрика опознавательных знаков «Районы и годы восстаний в римских провинциях»: Какие восстания подразумеваются? Очевидно, не рабов. Этими знаками помечен весь Балканский полуостров, включая Македонию. Неудачно также обозначение союза одной цифрой (1—«Ахейский союз», 2—«Этолийский союз»). Едва ли стоило наносить такие обозначения. Совсем неясны «границы эллинистических государств».

На карте № 21—центральной темой служит движение Спартака и место последней битвы Спартака против римских войск. По поводу карты в целом необходимо отметить, что центры восстания рабов в Сицилии хотя и обозначены, но настолько неярко, что их не увидит учащийся,—необходимо выделить их ярче.

Карта № 22—«Восстание рабов в древней Греции и Мал. Азии» 133—129 г. Здесь территория, охваченная восстанием Аристоника, требует расширения на север и на юг, как это убедительно показала О. Н. Юлкина, в своей работе «Восстание Аристоника и завоевание Пергама Римом», на основании дошедших до нас надписей.

Карта Римской империи I—II вв. н. э. (№ 23) читается в общем очень хорошо, но как и на предыдущих картах краски постепенного роста территории и присоединения новых областей требуют большей яркости и четкости раскраски. В опознавательных знаках есть указание сенатских провинций, которые читатель карты должен, очевидно, определить по шрифту, ну, а как же он будет искать императорские провинции? Этого карта не предусматривает, и это, несомненно, промах. Вызывает возражение и показание территории империи вдоль по восточному побережью Черного моря: граница должна быть отнесена значительно южнее. Колхида не входила в состав римских владений. Аналогичное замечание вызывает и северная граница Кавказа, как страны, зависимой от Римской империи. Должны быть также пересмотрены обозначения районов и годов важнейших восстаний в эпоху империи I и II вв. н. э.

Последние две карты, №№ 24 и 25, служат очень яркой иллюстрацией последних этапов истории рабовладельческого Рима.

Остается еще сделать несколько замечаний по поводу указателя к атласу и транскрипции греческих и латинских названий.

Начну с явных опечаток указателя:

«Агонистики» попали в «народность», «Амелектяне» вместо «Амалекитяне»; показан остров Атлаита, который надлежит искать на карте «11 Б», но что это за о-в, не могу догадаться, тем более, что место его нахождения определено буквой без цифр. «Гергавия» вместо «Герговия» (та же опечатка на карте № 20, Д 5), «Минтурия» вместо «Минтурны» (та же опечатка на карте № 21, Б.З.), «Родна» вместо «Родан», «Боспор Камерийский» вместо «Киммерийский» (то же на карте № 20, Г, 12, а не 11, как в указателе).

Помимо опечаток, которые, конечно, не исчерпываются приведенными примерами, в указателе есть и очень существенные недостатки иного порядка. Прежде всего тер-

мины «провинция», «страна», «государство» даны в указателе без всякой исторической перспективы, а иногда и совершенно неверно. К «провинции» отнесены, например, «Арахозия», «Гиркания», а «Сицилия» — это «остров», «Македония» — «страна». Особенно непонятно, почему в области древней Аттики «Педия», «Диакрия», «Паралия» объявлены «провинциями». Специфически римская терминология перенесена в древнюю Грецию, а там, где мы имеем несомненные римские провинции, как «Сицилия», или «Македония», на карте № 20 указатель их опускает. «Великая Греция» объявлена также «провинцией». Происходит это, как указано выше, потому, что в указателе нет исторической перспективы: на одной карте Сицилия, несомненно, обозначает только остров, на другой — римскую провинцию, то же относится и к «Македонии». Но указатель упоминает названия только на одной какой-нибудь карте, и поэтому создается неверное представление о значении данного названия. Термины «область», «округ» отсутствуют в указателе, поэтому Лукания также оказывается «провинцией», а Калабрия — страной. Что касается транскрипции греческих и латинских названий, то они также вызывают возражения: нельзя никак в греческих названиях как «Артемисий», «Гимнасий», «Мусей», «Имброс» и проч. передавать греческую *с* через «в». Далее, этрусские «Вульчи» превратились в «Вольцы». Следует писать «Цирцейон», а не «Цирцей» (карта № 17).

На карте № 5 — «Израильское царство», следует — «Израильское царство».

Закончу указанием на некоторые опечатки в самих картах: «Асколон» вместо «Аскалон» (также и в указателе), «Вейн», вместо «Вейи» на карте № 4, «Имрод» вместо «Имброс» на карте № 11, мыс «Акрокеравнский» назван «Акрокераванский» — карта № 12 (так же и указатель).

На первом этапе работы над атласом трудно было избежать промахов. Самый характер так сильно разросшейся и все же не исчерпывающей всех вопросов рецензии указывает на необычайную сложность и трудность работы, проделанной автором и редакцией «Атласа».

В основном атлас очень привлекателен по внешнему оформлению, интересен, оригинален и дает цельную и законченную иллюстрацию к школьному курсу истории древнего мира. Ознакомившись с содержанием атласа, выскажем благодарность лицам, над ним работавшим, и пожелаем, чтобы имеющиеся недочеты были исправлены в массовом его издании, где, конечно, ни одной опечатки и опечатки быть не должно.

Проф. С. И. Протасова

И. М. ГРЕВС, «Тацит», изд. АН СССР, научно-популярная серия, М. — Л. 1946, стр. 264.

Русская научная литература не богата произведениями, предназначенными для широких читательских кругов и совмещающими строгую научность с доступным изложением. У нас есть превосходные исследования, есть прекрасные университетские курсы, и очень мало популярных книг. Заполнить этот существенный пробел поставила себе задачей Комиссия Академии Наук СССР по изданию научно-популярной литературы, и книги, выпускаемые ею, стремительно расхватываются читателями самых разнообразных профессий и самых различных состояний.

Среди превосходных книг, изданных Комиссией, нашла себе место и работа о Таците, написанная известным русским историком Ив. Мих. Гревсом. Этой книге обрадуются многие: для многих будет она интересна и поучительна.

Тацит для нашего рядового читателя только имя, с которым в лучшем случае связываются какие-то бесцветные представления: «древний историк», писал «о рим-

ской империи»; «ругал Нерона». О Таците имеется у нас книга В. И. Модестова, появившаяся больше 80 лет назад и ставшая, разумеется, уже библиографической редкостью¹. Русский читатель вправе требовать книги об этом замечательном историке, рассчитанной не только на специалистов. Теперь она у него есть. Работу Гревса с интересом и с пользой прочтут и те, кто пожелает лично для себя ближе познакомиться с Тацитом, и те, кому надлежит по обязанности иметь с ним дело: студенты, историки и филологи; многочисленный контингент преподавателей вузов и техникумов; учителя средней школы. Все они закроют эту книгу, обогатившись знаниями — и не только знаниями. И. М. Гревс сумел превратить смутную тень, именовавшуюся Тацитом, в живого человека; сумел показать и ту среду, где он жил, и путь, который он прошел в своей работе историка, и методы его исторической работы. Он дал справедливую оценку его трудов, вполне отвечающую взглядам современной науки. Книга его не содержит ошеломляющих открытий, смелых гипотез, новых и спорных точек зрения. Все это и не место в работе, рассчитанной не на классика-специалиста, а на широкий читательский круг. Но она дает как раз то, что особенно нужно этому последнему, и чего так нехватает во многих книгах по древней истории и литературе: картину живой жизни того отдаленного времени, заинтересовать которым можно только в том случае, когда читатель почувствует близость с людьми, отрезанными от него тысячелетиями, и поймет, что их работа, их дела и мысли не прошли даром ни для его времени, ни для него лично. И. М. Гревс обладал исключительным умением связывать прошлое с настоящим, и это умение не изменило ему и в его последней книге. Под руками мастера-историка, внимательного к каждой мелочи и детали, возник живой образ, интересный и понятный для читателя: черты крупного художественного таланта и особенности умственного и нравственного склада сливаются в единый, цельный и строгий облик, которому русский читатель отведет достойное место в галлерее знакомых ему крупных людей и деятелей мысли. Очень интересны в книге и очень важны вводные главы: о Риме и о воспитании у римлян. Картина Рима с его многообразной и пестрой жизнью, с его светлыми и мрачными сторонами очень удалась автору: для многих читателей «Тацита» она окажется совершенно новой: в русской исторической литературе она дана впервые.

Книга не лишена недостатков, и современному читателю недостатки «Тацита» сразу бросятся в глаза. Редакция книги в предисловии уже отметила эти недостатки: отсутствие точных формулировок и недооценку античной специфики некоторых явлений из истории древнего мира. Кроме этих серьезных недостатков, можно указать и на более мелкие недочеты и промахи: за текстом Каллиника следовало отправить читателя к *Fragmenta Historicorum Graecorum*; чернила делались чаще не из сока каракатицы, а из разведенной сажи с прибавлением камеди; фреска с изображением сцен из школьной жизни происходит не из Геркуланума, а из Помпей... Все эти недостатки и мелкие промахи не умаляют, однако, достоинств книги: советский читатель, прошедший хорошую марксистско-ленинскую школу, легко выправит для себя методологические промахи ученого старой школы, и возьмет у него то, в чем он нуждается; богатый фактический материал, строго проверенный, живость изложения, красочность картин, которые автор проведет перед его глазами, заставят его заинтересоваться эпохой, углубиться в нее, познакомиться с произведениями самого Тацита. Он уйдет от этой книги культурно обогащенным.

Иван Михайлович Гревс — имя, которое с любовью и почтением произносят все, кому действительно дороги русская культура и русская наука. Большой, настоящий ученый, он был изумительным учителем, который не только учил, но и воспитывал своих учеников, словом и примером учил их высокой преданности науке, неустанным исканию, радостной работе на пользу другим. Этот человек стоит того, чтобы о нем помнили: редакция прекрасно сделала, поместив при его последней книге, над которой он работал до самой смерти, его биографию. Биография эта написана одной из учениц Ивана Михайловича — Е. Г. Скржинской — и написана так, что сам покойный не

Кроме того, она написана для специалистов.

пожелал бы для себя лучшей: просто и деловито, с большой теплотой и тонкостью. Прекрасный образ «учителя науки» ласково смотрит с этих страниц, изящный и четкий стиль которых иногда напоминает язык самого Ивана Михайловича.

Книга снабжена предисловием Ив. Ив. Толстого, кратким и превосходным.

М. Е. Сергеев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; ДРЕВНИЙ МИР.

Выпуск I, С. Кечекьян, Древний Восток и Древняя Греция. Учебник для юридических институтов. Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1944, стр. 216, 8 000 экз., цена 9 р. Выпуск II, И. Перетерский, Древний Рим. Учебник для юридических институтов. Юридическое издательство НКЮ СССР, М., 1944, стр. 195, 8 000 экз., цена 8 р.

Предпринятое Юридическим издательством НКЮ СССР издание «Всеобщей истории государства и права» не только отвечает потребности в учебной литературе для юридических институтов, но и отражает возросшую необходимость исследования истории государства и права, роль и значение которых в жизни народов огромны. Вырости как идеологические надстройки над социально-экономическим базисом, политические правовые идеи и нормы оказывают в свою очередь обратное воздействие—прогрессивное или реакционное—на развитие общества. Поэтому важно уметь вскрывать их подлинную сущность и понимать их историческую роль. А для этого необходимо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

В предисловии к первому выпуску «Всеобщей истории государства и права», которое, повидимому, служит предисловием и ко всему изданию, автор указывает, что «Курс всеобщей истории государства и права ставит своей задачей проследить развитие государства и права на протяжении всей истории человеческого общества. Этот курс должен показать процесс возникновения первых государств и первых систем права и отразить все существенные перемены, происходившие в политических учреждениях и правовых системах с момента возникновения государства и права до наших дней» (стр. 3).

Но история государства и права не представляет собой обособленную историю спонтанного саморазвития политических институтов и правовых норм, раскрытия неких вечных идей, как это изображает буржуазная наука. Право и государство «должны изучаться, как надстройка над экономическим базисом, их развитие должно и может быть правильно освещено лишь в связи с развитием производительных сил и производственных отношений общества» (стр. 5).

Эта мысль постоянно повторяется в первых двух выпусках «Всеобщей истории государства и права». Для ее развития древнее право дает особенно поучительный материал. Если в более поздние времена насилие эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством стало маскироваться демагогией о надклассовом

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 364.

характере государства и о равенстве всех перед законом, то в древности, особенно на ранних стадиях истории рабовладельческого общества, «классовый характер норм права... был ярко и открыто выражен... В интересах господствующих классов нормы права охраняют собственников и откровенно дают неодинаковую оценку интересам имущих и неимущих классов» (стр. 35).

Изучение идей права и господствовавших систем права в древности имеет и другое значение. Древняя история Востока, Греции и Рима, изучавшаяся с марксистской точки зрения, раскрывалась главным образом в плане гражданской, политической и социальной истории рабовладельческих обществ. История же культуры и, в особенности, история развития идей и институтов права в античных государствах мало занимала исследователей. Однако совершенно очевидно, что наиболее полное и всестороннее освещение истории древности возможно путем изучения не только социально-экономического, но и культурно-идеологического ее развития. Поэтому рецензируемые работы интересны не только как специальные, но и как общеисторические труды, выясняющие мало изучавшиеся с марксистско-ленинской точки зрения области древней истории.

Написанный С. Ф. Кечекьяном учебник «Древний восток и Древняя Греция» начинается с введения, показывающего возникновение рабовладельческого государства и права. Здесь изложены краткая история первобытного общества и процесс перехода от варварства к цивилизации. Изложение дано здесь в основном по книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Возможно, что при ограниченном объеме учебника достаточно было бы дать общую характеристику дикости и варварства и опустить подробный анализ их ступеней, на которых Энгельс не настаивает, допуская, что «значительное накопление нового материала может заставить внести изменения». Ненужные детали увлекают автора к рискованным положениям. Так, напрасно автор счел нужным поддержать так называемую «геральдическую теорию тотемизма», по которой тотемизм создан для того, чтобы можно было отличить один род от другого (стр. 18). Тотемизм, как показывает автор на стр. 18,—это целая система воззрений, связанных с производственными отношениями, и сводить его, хотя бы с оговорками, к условному наименованию, не следовало бы.

Развивая мысль Энгельса об отсутствии различия между правами и обязанностями при родовом строе, автор приравнивает поведение первобытного человека к поведению пчел и муравьев, которым «инстинкт мешает... отступать от поведения, полезного всему рою пчел или стаду муравьев» (стр. 34). Сравнение это нельзя признать удачным: для каждого марксиста ясно, что в человеческом обществе действует не биологический инстинкт, а общественные законы, основанные на производственных отношениях. Приведенная же формулировка, да притом еще в учебнике, мешает правильному восприятию вопроса.

Излагая историю государства и права древнего Востока, С. Ф. Кечекьян ограничивается лишь историей государства и права Египта и Вавилона, «относительно которых наука располагает наиболее значительным документальным и археологическим материалом и которые изучены лучше других» (стр. 39). Автор хорошо владеет не только юридическим, но также историческим материалом и удачно справляется с трудной задачей систематизации древневосточного права, излагая его в простой и ясной форме. Однако не все положения, выдвигаемые автором, в достаточной мере убедительны; некоторые из них сомнительны и спорны.

Общая характеристика государства древнего Востока, данная на стр. 39, в основном правильно отмечает особенности древневосточного общества и отличие его от античного: сохранение значительных пережитков первобытно-общинного строя, первобытные формы рабства, преобладание в качестве политической надстройки деспотии. Но при детализации этих общих формулировок автор выдвигает спорные положения. В числе пережитков первобытно-общинного строя он указывает «сохранение земельной общины и слабое развитие частной собственности на землю» (стр. 39). Эта формулировка не точна. Необходимо, во-первых, иметь в виду, что речь идет о сельской территориальной общине, не совпадающей с родовой организацией и отра-

жающей новую стадию в развитии общества. Во-вторых, «слабое развитие частной собственности на землю», о котором автор говорит не раз, не дает правильной характеристики земельной собственности в странах древнего Востока. Маркс и Энгельс неоднократно указывали на отсутствие там частной собственности на землю. Такой частной земельной собственности, какая существовала, например, в древнем Риме, Восток, как правило, не знал. Имелось общинное и частное землевладение и землепользование, но не земельная собственность. Верховным собственником земли был царь или бог (в лице жрецов его храма). Даже Александр Македонский, как преемник восточных царей, в приенской надписи объявляет себя собственником всей земли. Поэтому владелец земли на Востоке обязан был отдавать верховному собственнику земли подать, дань и работать «на дом царя».

Отсутствие частной собственности на землю не препятствовало росту богатства господствующего класса, сумевшего, как остроумно замечает С. Ф. Кечекьян, придать «своему обладанию землей форму государственной собственности» (стр. 43). Этому положению не противоречат и «акты продажи домов, полей, садов, рабов и т. п.» (стр. 90). Владение землей допускало продажу ее, но оно было прекарным, что показано в частности и С. Ф. Кечекьяном (стр. 93). Даже еще при Селевкидах дарения и продажа земли были прекарны и каждый следующий царь мог подтвердить или отнять дар, подтвердить или аннулировать продажу.

Другим пережитком первобытно-общинного строя автор считает «большое значение коллективного рабовладения» (стр. 39, 44, 76 и др.). Особенно категорически это утверждается для Египта (стр. 60). Такая слишком неконкретная формулировка не способствует правильному уяснению специфики восточного рабства. Наоборот, у учащегося может составиться представление, что на древнем Востоке рабовладельцы были коллективистами. Конечно, поскольку храмы и цари непосредственно распоряжались большими хозяйствами, они имели и большое количество рабов. Но характерно для Востока не «коллективное», а домашнее рабство, поскольку там сохраняется натуральное хозяйство и нерасчлененное единство города и деревни.

Это не значит, что древневосточные общества не были рабовладельческими. Рабство даже в начальные периоды истории стран Востока было ведущим и прогрессивным способом производства, который все больше завоевывал себе место по мере разложения общины, тормозившей его развитие. В зависимости от исторических условий, процесс развития рабовладельческих отношений мог привести, как мы это видим в позднем Вавилоне и отчасти в Финикии, к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости¹.

Общая характеристика Древнего Востока, данная в учебнике, должна быть в следующем издании уточнена и конкретизирована.

Египетское право автору приходится излагать на основании скудных литературных памятников и отдельных документов. С Вавилоном дело обстоит лучше: сохранился древний свод законов—кодекс Хаммураби. Анализ этого кодекса в учебнике точен и ясен. Автор удачно полемизирует с акад. В. В. Струве по вопросу о мар-авелим и мушкену, отвергая вывод акад. Струве (в старом издании его книги «Древний Восток»), будто мар-авелим владели рабами коллективно. Можно указать еще на то, что «рабы авилум» прямо названы в статьях 206, 207, 223 кодекса.

Оценка С. Кечекьяном исторической роли кодекса Хаммураби не вызывает возражений. Для своего времени это было объективно положительным явлением, независимо от тех целей и намерений, какие приписывает вавилонскому царю автор (стр. 75). Остается пожалеть, что автор не дал такого же анализа других законодательных памятников Древнего Востока, в частности Хеттского судебного. Это можно было бы сделать за счет сокращения изложения истории Шумера, которое ничего не дает ни для истории государства, ни для истории права. Изложение вавилонского права выиграло бы также, если бы автор остановился на роли кодекса Хаммураби в развитии права на Востоке, сопоставляя его с библейской «Книгой Завета» и другими памят-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 232.

никами. Следует считать недостатком отсутствие сравнительно-исторического анализа юридических памятников древневосточных обществ.

В истории древнего Востока осталось еще много неисследованных вопросов. До сих пор неясен процесс образования государств на Востоке. Что это был процесс длительный, трудный, связанный с острой классовой борьбой,—это можно заключить из истории борьбы между городами Шумера в III тысячелетии, из реформ Урукагины, из истории образования государства Израиля, Древнего царства в Египте. Еще не исследованы по-настоящему земельные отношения. Неясно, как эксплуатировались земельные владения крупных владельцев, как использовался прибавочный продукт и многое другое. Поэтому в учебнике по ряду вопросов правильнее было бы избегать слишком категорических утверждений, например, что «рабы составляли главную массу непосредственных производителей, занятых на ирригационных сооружениях, на грандиозных постройках, предпринимавшихся египетскими царями, они же работали наряду со свободными на полях и в мастерских» (стр. 43), или что «большие массы рабов стали широко использоваться на работах по сооружению плотин и каналов» (стр. 41). На стр. 45 автор пишет, что в период Древнего царства в Египте «окончательно преодолеваются все местные центробежные силы, завершается консолидация страны», но на следующей странице ему приходится говорить об усилении центробежных сил. Очевидно «местные центробежные силы» не были «окончательно преодолены», и Древнее царство еще не имело прочной экономической базы.

Реформы Урукагины вряд ли вызваны тем, что жрецы узурпировали светскую власть (стр. 70). Судя по тексту надписи, речь шла о восстановлении узурпированных знатью прав общины, воплощенной в лице богини Бау и бога Нингирсу.

В учебнике, в разделе истории Востока, есть отдельные неточности и не вполне удачные выражения например «части многочисленной находки» (стр. 11). Кости неандертальцев найдены не только близ Дюссельдорфа, здесь поэтому лучше сказать: «найденные впервые близ г. Дюссельдорфа» (стр. 11). Автор пишет: «Гибель Египта (525) произошла... за 14 веков до зарождения начатков русской государственности» (стр. 37). Непонятно, зачем понадобилась такая странная датировка. К тому же она неправильна и по существу. Как показали исследования советских историков, особенно акад. Б. Д. Грекова, «зарождение начатков русской государственности» относится к гораздо более раннему времени, чем традиционная дата 862 год. Хетты в конце XIII в. не исчезают совсем с арены истории, как можно подумать на основании текста на стр. 38; лишь Саргон II в конце VIII в. положил конец существованию хеттских государств. Непонятно, что означает фраза: «Земля, переданная храмам, поступала в совместное пользование храмов и должностных лиц храма» (стр. 61). Неудачно и такое выражение: «Были усилены поборы, и вместо натуральных приношений при отсутствии их стали брать серебро» (стр. 70). «Илу»—это не титул царя, как указано на стр. 78, а детерминатив в его теоформном имени. На стр. 93 «п о в и н н о с т и в пользу общины» неправильно разъясняются как « п р а в о в з и м а т ь сборы». «Авилум» означает «муж», а не «сын мужа», как указано на стр. 85; «сын мужа»—*maḥ awilim*; у нас теперь принято писать «Шумер», «шумерийский» и т. д., а не Сумир (стр. 77). Суббару вместо Субарту (стр. 77), повидимому, просто опечатка. Неудачно выражение «губернатор Ларсы» (стр. 85).

*

Истории государства и права Греции предпослана в учебнике краткая характеристика гомеровского общества, как военной демократии. Однако сущность военной демократии как переходной эпохи от родового общества к государству, а также общественно-правовые институты военной демократии и превращение их в органы государства не выясняются. Читателю так и остается неясным, как власть басилея, совета старейшин и собрания воинов превращается в публичную власть, каковы те исторические обстоятельства, при которых возникла новая форма права этих старых, существовавших еще при родовом строе институтов. Военная демократия, которой Энгельс отводит важное место как явлению, открывающему новую эпоху в условиях

распада родового строя в Греции, автором освещена односторонне. Характеристика греческого полиса дана очень кратко; вслед за этим автор пишет, что ограничивает свою задачу «изучением права двух греческих государств: Спарты и Афин» (стр. 184), как наиболее характерных и лучше изученных греческих полисов. Но фактически в учебнике дано только афинское право. Это имеет известное оправдание: афинское право было ведущим, оказавшим сильное влияние на право, действовавшее в других полисах.

Греция не оставила нам таких обширных сводов права, как Рим, не сохранилось даже кодекса, подобного вавилонскому кодексу Хаммураби. Именно поэтому в истории греческого права не следовало бы игнорировать те законодательные памятники, которые до нас дошли, в первую очередь Гортинские законы. Отсутствие анализа свода Гортинских законов, восходящих по содержанию к VI в., следует признать досадным упущением. Гортинские законы тесно связаны с последующим развитием греческого права. Сближение их с афинскими порядками и идеализация гортинского права у некоторых афинских представителей философии и литературы (например, у Платона) общеизвестны и в развитии общественно-политических идей Греции этот момент не раз отмечался. Автор учебника не приводит ни одного закона из Гортинского свода. А между тем Гортинский судебник неоднократно опубликовывался с различными дополнениями и комментариями, в том числе и в русской научной литературе.

Можно было использовать и папирусные отрывки из греческих законов, например *dikaionomata* в P. Hall., P. Lille 29 и др.

В тех ограниченных пределах, которые отвел себе автор, он дает изложение стройное, логичное, уложенное в ясную, легко усваиваемую схему. Это—нелегкая задача, так как афинское право приходится реконструировать из разрозненных данных греческих писателей и отдельных документов, дошедших до нас в надписях. От обычного изложения «греческих древностей» учебник выгодно отличается тем, что автор всюду старается показать классовую рабовладельческую сущность древнегреческих государств и права. Удачна характеристика частной собственности в Греции (стр. 190). Автор не раз вполне правильно отмечает ограниченность афинской демократии, как демократии рабовладельческой.

Однако надо отметить, что при критике афинской демократии недостаточно учтены условия места и времени. Конечно, афинская демократия, не признающая человеческих прав за рабом, отрицающая политическое равноправие женщин, служащая интересам в первую очередь крупных рабовладельцев, в наше время была бы бессмыслицей. Но для своего времени афинская демократия являлась величайшим достижением. На ее почве выросла великая греческая культура—поэзия, философия, искусство—до сих пор сохраняющая свое значение. Эта сторона афинской демократии в учебнике не освещена. Демократия Афин не противопоставлена также олигархии и такой реакционной силе, как Спарта. Не показано прогрессивное значение рабовладельческой демократии в древней Греции. Напротив, демократия дискредитируется (стр. 164).

В учебнике нет социально-политической характеристики Спарты, как оплота реакции во всем эллинском мире, как отсталой страны, где практиковались примитивные формы рабства, где производительные силы эксплуатировались хищническим образом. Не показано, как жестокий террор, при помощи которого кучка спартиатов старалась держать в узде массы трудящихся, заставляла их самих жить в вечном страхе, держать народ на низком жизненном уровне, искусственно тормозить производство, а это и привело к тому, что, когда внутренние силы, в конце концов, свергли жестокий режим, Спарта уже оказалась неспособной возрдыться к новой жизни. В то время как Афины, даже после утраты своей независимости, продолжали оставаться центром античной культуры, Спарта не дала миру ничего значительного.

Автор ограничивается формальным описанием государственного строя Спарты, и остается непонятным, каково познавательное значение этого описания, которое не позволяет учащемуся ориентироваться в вопросе о месте Спарты в эллинском мире и ее исторической роли.

При всей краткости учебника необходимо было бы сказать и об эллинистических государствах, пришедших на смену античным полисам. Эллинизм—большая и важная эпоха в истории человечества, сама по себе заслуживающая внимания историка государства и права. История афинского государства не может считаться полной, если не показано, к каким новым формам государства привел глубокий кризис полиса и в чем исторический смысл и значение государственных образований нового типа.

Досадным пробелом в учебнике является полное игнорирование международного права, тогда как для истории права это—одна из интереснейших тем.

По мере роста производительных сил автаркия полиса становилась практически невозможной, и возникли нормы междуэллинского права, прорвавшие рамки полиса, позволившие расширить экономические и политические связи городов-государств. Новые нормы взаимоотношений между полисами были самые разнообразные—от простой проксении, позволявшей эллину найти вне своего родного полиса некую правовую защиту, до настоящих союзов—симполитии, симмахии и таких мощных объединений как Афинские первый и второй морские союзы, Ахейский и Этолийский союзы. Новые правовые отношения между полисами основывались обычно на договоре и регулировались соответствующими законами. Свои законы имела и дельфийская амфикифия, установившая для своих членов правила ведения войны.

Но, помимо отношений между полисами, на основе договора существовали «неписанные законы» (*ἄγραφοι νόμοι*), осященные религией и общественным мнением нормы, которые Фукидид называет «общеэллинскими постановлениями», «порядками эллинов». Сюда относятся правила обращения с военнопленными, с телами убитых неприятелей, обязанность падать во время военных действий храмы, соблюдать право убежища, не начинать военных действий без объявления войны. Нарушение этих норм международного права вызывало общественное негодование. Когда во время междоусобной Клеоменовой войны победители произвели жестокую расправу над Мантиней, все эллины, по словам Филарха, «цепенели и плакали», а Плутарх говорит, что это было «не по-эллински».

Наконец, и вопросы процедуры в сношениях государств между собой, формы и типы различного рода договоров достаточно хорошо засвидетельствованы в источниках и вполне могут быть приведены в систему. Этот пробел необходимо в следующем издании восполнить, так как ни право, ни государство не могут быть полностью поняты без освещения международных отношений и международных норм права.

Некоторые отдельные замечания автора можно было бы уточнить и дополнить. Характеристику тирании Пизистрата (§ 48) следовало бы дополнить указанием, что тирания расчистила путь к демократии, сломив силу аристократов. Античное общество охарактеризовано неполно, если не отмечено господство города над деревней, что уместно было бы сделать на стр. 157. Из текста на стр. 153 можно вывести заключение, что до Солона в Афинах не было государства. Между тем далее правильно указывается, что реформы Солона означали «дальнейшее укрепление афинского государства, дальнейшую ликвидацию остатков родового строя» (стр. 155). Те частные причины острого кризиса и упадка Афин, которые приведены автором (стр. 181), недостаточны для объяснения этого кризиса, приведшего к потере независимости и к созданию нового типа государства—эллинистического. Самая глубокая, коренная причина кризиса указана Энгельсом. Это—рабство, которое рано или поздно приводит к неразрешимому в пределах данного рабовладельческого общества противоречию. Соответствующая цитата из «Диалектики природы» приводится на стр. 182, но не использована в своем месте.

К книге приложен список опечаток, далеко, однако, неполный. Укажем на некоторые опечатки, не отмеченные в списке, но могущие ввести в заблуждение учащегося. На стр. 40 вместо слова «вавилонского» должно быть «египетского». На стр. 57 после слова «подавления» пропущено слово. На стр. 62 и др. надо читать «стела», а не «стелла».

В заключение можно высказать пожелание, чтобы наиболее крупные разделы учебника и весь учебник в целом заканчивались какими-нибудь выводами, суммирую-

щими предшествующее изложение. От этого книга выиграла бы и внешне, ибо сейчас она как бы обрывается и кажется незаконченной.

•

Составление учебника истории государства и права древнего Рима облегчается тем, что в распоряжении автора есть *Corpus iuris* и что римское право уже основательно разработано юристами. Но последнее обстоятельство таит в себе и трудность—советскому ученому приходится преодолеть веками выработавшиеся формальные приемы изучения римского права, как совершенной самодовлеющей системы, не связанной с конкретными материальными условиями жизни. Автор учебника проф. И. С. Перетерский удачно справился со своей задачей.

Во введении автор указывает, что «римское право являлось наиболее развитой системой права рабовладельческого общества» (стр. 4). Вместе с тем «оно было прогрессивным явлением по сравнению с предыдущими правовыми системами. Рим создал многое новое в области права и имел могущественное влияние на дальнейшее развитие права... Это право не только имеет историческое значение, как право крупнейшего рабовладельческого государства, но и представляет собой исторически высокое достижение в области юридической техники» (стр. 5). Этим объясняется наш интерес к римскому праву, совершенно чуждому нам по содержанию.

Изложение на протяжении всего учебника пронизано историзмом, даже в анализе отдельных норм права. Понятно, данный учебник не может и не должен заменить учебник по истории Рима, но, насколько это необходимо, в нем даны четкие сведения по экономической и политической истории древнего Рима.

В соответствии с общей установкой учебника И. С. Перетерский показывает классовый рабовладельческий характер государства и права Рима на всех этапах его истории. Все изменения в структуре государства, политических учреждений и права связываются у него с соответствующими изменениями в социально-экономической жизни. Так, по поводу утверждения в Риме экстраординарного процесса, автор отмечает, что «принцессы, осуществляя военную диктатуру, последовательно искореняют республиканские формы, в которых проявляются какие-либо элементы демократии. С другой стороны, новая организация империи требовала единообразного устройства гражданской юстиции на всем протяжении государства» (стр. 85). На стр. 101 приводятся соображения, дающие историческое объяснение установлению права частной собственности прежде всего на *res populi*, и делается вывод, что *res populi*—это «остатки общественной собственности, которые после всех других видов имущества выделились из общественной собственности в собственность отдельных лиц». Защита претором права владения вещью «имела важное значение для господствующего класса: землевладельцы, купцы и т. п. далеко не всегда могли доказать свою собственность на находящееся у них имущество» (стр. 130). Расширение категории *delicta publica* за счет *delicta privata* «обуславливается усилением эксплуатации и ростом классовой борьбы, влекущими за собой усиление функций государства, как органа рабовладельцев, в деле борьбы против всяческих посягательств на существующий строй» (стр. 161). Формулярный процесс возник в связи с усложнением экономических отношений. «Нужен был новый процесс, более гибкий, и который устанавливал бы защиту более широкого круга отношений» (стр. 80).

Вместе с тем в учебнике подчеркивается консервативная тенденция права. «Новые отношения не сразу находят себе новую правовую форму, но втискиваются в рамки старых формул и институтов... Эксплоататоры стремятся сохранять неизменными правовые формы, этим они стремятся подчеркнуть незыблемость, особую авторитетность, «святость» права, существующего якобы независимо от жизненных отношений» (стр. 95).

Автор правильно определяет Римскую империю, как открытую диктатуру в интересах рабовладельцев. Он отмечает, что уже в начальный период империи «внешний блеск скрывает в себе внутреннее разложение рабовладельческого общества» (стр. 34). Вполне можно согласиться с объяснением колоната: «Тягостные условия аренды, свя-

занность колона полученной от землевладельца ссудой... необходимость пользоваться орудиями землевладельца,—все это приводит к прикреплению колона к обрабатываемому им участку» (стр. 55, ср. стр. 147).

Остается пожалеть, что И. С. Перетерский, как и автор первого выпуска, не нашел нужным дать характеристику международного права в древнем Риме. Правда, у нас нет кодекса этого права. Но практически оно существовало, во-первых, в виде так называемого фециального права, во-вторых, римляне, как и греки, признавали некие неписанные законы, которые в «Институциях» Юстиниана именуются *ius naturale* и характеризуются, как «нормы, которые одинаково соблюдаются у всех народов, установленные неким божественным провидением»¹. Наконец, римляне вступали в договорные отношения с другими народами и установили при этом определенные нормы и процедуры. Выработанные римлянами идеи международного и посольского права, нормы, касающиеся ведения войны и заключения мира, формы взаимоотношений Рима с провинциями, с варварскими племенами на границах Римского государства и с другими государствами, имеют большое значение и послужили основой для развития юридической мысли в последующие века. Поэтому отсутствие в учебнике этого важного раздела делает неполным изложение истории развития государства и права древнего Рима. Римские международные отношения должны занять соответствующее им место в учебнике.

Упущением является также отсутствие в учебнике систематического изложения организации местного управления и самоуправления. Отдельным категориям населения—гражданам, латинянам, peregrini—характеристика дана, но ничего не сказано о том, что такое муниципий, колония, *civitas libera*, *civitas libera et foederata*, каковы были их права и обязанности, каково было положение подчиненных Риму государств и т. д. Без этого государственный строй Рима, особенно империи, не может быть понят во всем его своеобразии.

Некоторые положения, выдвигаемые автором, требуют уточнения и более тщательной формулировки. На стр. 50 ограничение права рабовладельца отпускать рабов на волю (имеется в виду, вероятно, *Lex Fufia Caninia*) объясняется как стремление «безудержной жестокостью подавить даже всякий намек на протест со стороны рабов». На стр. 53 дается более правильная и глубокая оценка положения: массовый отпуск рабов на волю, вызвавший вмешательство правительства, «свидетельствует о кризисе рабовладельческой системы хозяйства... для господина в некоторых случаях является более выгодным пользоваться трудом своих вольноотпущенников... Распространение отпуска рабов на волю вызвало установление и новых, более простых способов отпуска на волю» (стр. 53).

Автор отмечает, что римское право в период империи «регулировало отношения римских граждан, те отношения, в которых была заинтересована правящая верхушка империи» (стр. 63). Здесь было бы уместно подчеркнуть другую сторону вопроса—значение применения римского права, как одного из рычагов, при посредстве которых проводилось нивелирование населения, приведение всех к одному уровню.

«Для заведывания местными делами в провинциях—читаем мы на стр. 39—имеются провинциальные собрания, в состав которых входили представители местной рабовладельческой знати». В действительности эти так называемые *concilia* не заведывали местными делами, а были в первую очередь культовыми объединениями, руководившими культом императора. Это засвидетельствовано и в законодательстве. В Дигестах (27, 1, 6, 14) прямо указано, что функция руководителей этих *concilia*, азиархов, вифиниархов и т. д.—это *ἐδυσσεῖς ἱεραρχία*, т. е. высшая жреческая должность.

Из замечания на стр. 41 можно подумать, что титул *dominus* императоры приняли в период домината. В действительности этим титулом именовали уже Домициана, а титул *dominus et deus* встречается на монетах Аврелиана, Проба, Кара.

В примечании на стр. 36 сопоставление коллегий и позднейших корпораций слишком формально; по существу это—разные вещи. Неудачно выражение на стр. 55:

¹ Inst. Just. I, II, 11.

«рабский труд не является прогрессивным способом производства». Автор, повидимому, хотел сказать, что рабский труд не стимулирует роста техники.

При характеристике домината приведены слова Ф. Энгельса, характеризующие рабство империю.

Необходимо отметить имеющиеся в учебнике некоторые частные неточности и ошибки. Государственный строй принципата характеризуется автором как «федерация муниципий» (стр. 34). Это находится в вопиющем противоречии со всем, что известно об империи вообще, и со всем, что мы читаем о ней в самом учебнике. Ссылаясь на «Историю дипломатии» не снимает с автора ответственности за столь странное определение. В примечании на стр. 46 автор неправильно и без всякого основания высказывает предположение, что эдикт Каракаллы предоставлял право гражданства «прежде всего рабовладельцам и вообще обеспеченным слоям населения» (стр. 47). Текст эдикта, дошедший до нас в гиссенском папирусе, содержит еще много неясного. Но основной пункт его не вызывает сомнений: право гражданства дано всему населению империи (кроме дедитициев). О том же говорит Ульпиан: *in orbe Romano qui sunt* (Dig. 1, 5, 17).

Явное недоразумение на стр. 54, где сказано, что вольноотпущенники, относящиеся к категории *peregrini dediticii*, это рабы, отпущенные на волю лицами, запятнавшими себя позорными деяниями. Речь идет, очевидно, о *lex Aelia Sentia*. Но по совершенно ясному изложению этого закона в «Институциях Гая» (1, 13) в категорию *peregrini dediticii* зачисляются вольноотпущенники, которые, будучи рабами, сами (а не их господа) были изобличены в преступлениях и подвергнуты пыткам и тяжким наказаниям.

Давая в основном правильную классовую характеристику римским государственным установлениям, автор иной раз слишком упрощает рисуемые им отношения. Так, о республиканской диктатуре автор пишет: «Для подавления революционного движения, для спасения рабовладельцев Рим отбрасывал даже тень демократизма и переходил к единоличной, абсолютной власти» (стр. 28). Такая характеристика республиканской диктатуры совершенно не конкретна. Она смазывает различие между республиканской, хотя и чрезвычайной магистратурой, и военной диктатурой Суллы, Цезаря и последующих римских императоров. Вообще в учебнике игнорируется римская демократия. Она, правда, не достигла такой полноты и расцвета, как демократия афинская, но ее следует все же противопоставлять монархической диктатуре периода империи, несмотря на то, что классовая основа обоих режимов была в конечном счете одна и та же. Точно так же не конкретна, не исторична и упрощена характеристика республики (стр. 22). В подобных случаях было бы правильнее, не упуская из виду рабовладельческой основы римского общества, учитывать сложность и конкретность исторических условий, в которых складывается тот или иной институт.

В следующем издании автору надо устранить некоторую небрежность стиля, имеющуюся в учебнике. Такие неудачные выражения, как «через ряд веков идет ряд восстаний» (стр. 21), «магистраты носили звание «honores»» (стр. 21), «во второй половине республики» (стр. 26), «сильная болезнь» (стр. 33), «сельскохозяйственная семья» (стр. 58) и многие другие, портят точное и ясное изложение. Непонятно, почему имя «Феодосий передается как Теодосий». Правильнее писать «сестерций» (*sestertius*), чем «сестерция». Количество опечаток здесь, как и в первом учебнике, значительно превышает отмеченные в списке.

Учебник заканчивается очень полезным и интересным приложением о позднейшем применении и разработке римского права в Западной Европе. Развитие римского права прослеживается в так называемых варварских государствах феодальной эпохи. Критическая работа юристов над памятниками римского права создала целые школы, развивавшие различные направления юридической мысли в буржуазной науке. Проф. Петерский правильно устанавливает, почему буржуазная юридическая мысль прикована была к формулам римского права. «Особенно сильны, — пишет автор, — римские влияния в области общих правил и неограниченной частной собственности и в области договорного права» (стр. 191).

Однако автор не разъясняет, какое же значение имеет изучение институций римского права в марксистской юриспруденции и каковы задачи советской юридической науки в области разработки достижений юридического мышления древних римлян, заслуги которых едва ли могут быть преуменьшены.

В следующем издании учебника это должно быть четко сформулировано.

Составление обоих рецензируемых учебников, несомненно, потребовало от авторов большой исследовательской работы и пересмотра всего имеющегося материала в свете марксистско-ленинской теории. Благодаря этому дан действительно исторический обзор истории государства и права, показывающий движение и изменение государственных правовых институтов в древности. Конечно, в ограниченных рамках краткого учебника многое пришлось опустить. Некоторые существенные вопросы остались недоработанными, особенно в учебнике С. Ф. Кечекьяна. Надо надеяться, что авторы, продолжая работу над своими учебниками, в дальнейших изданиях восполнят имеющиеся пробелы, устранят изъяны и создадут хорошие марксистские учебники, основа для которых намечена в рецензируемых изданиях.

А. Ранович. Проф. А. В. Мишулин

JACQUES VANDIER, La famine dans l'Egypte Ancienne (Recherches d'Archéologie, de Philologie et d'Histoire, vol. VII), XVI + 176 p.

Задача, которую поставил перед собой автор рецензируемой работы, состояла в том, чтобы собрать воедино все сведения, говорящие о случаях голода в Древнем Египте. Совершенно правильно опустив имеющиеся в большинстве текстов трафаретные формулы: «Я давал хлеб голодному, питье жаждущему и одежду нагому», за которыми вряд ли кроется конкретное содержание, автор, насколько я могу судить, собрал почти все ¹ упоминания о голоде, имеющиеся в древнеегипетских текстах и в иероглифических текстах эллинистического времени.

Эти тексты рисуют картину ужасающих эпидемий, которые влек за собой голод, а в двух случаях говорят и о вызванном им людоедстве.

Работа распадается на три части. Первая (главы I—IV) содержит исследование данных, вытекающих из собранного автором материала, во второй (глава V) дается анализ терминов, которыми передается в текстах самое понятие «голод», а в третьей (глава VI) приведены выдержки из текстов, относящиеся к исследуемой теме, даны их переводы, а также необходимый филологический комментарий.

Первая часть работы представляет наибольший интерес для уяснения позиций автора.

Выясняя причины голода и отмечая, что он проистекал из неурожая, связанного с недостаточным или, наоборот, чрезмерным подъемом Нила, автор вместе с тем приходит к совершенно правильному выводу, что одного этого обстоятельства было недостаточно. Он пишет на стр. 48—49 своей работы: если мы, прежде всего, спросим себя—мог ли только недостаточный подъем Нила быть причиной голода в Египте, то мы можем без колебания ответить: когда страна или область хорошо управлялись, это было невозможно. Недостаточный подъем Нила требовал порой мучительных ограни-

¹ Можно указать только на один текст, упущенный автором,—надпись на остраконе Туринского музея, содержащую гимн, посвященный окончанию волнений, имевших место в первые годы царствования Рамсеса IV; в нем упоминается также о голоде. Об этой надписи см. W. Spiegelberg, Die ersten Regierungsjahre Ramses IV, OLZ, 1927, стр. 73 сл.

чений, но он никогда не представлял опасности».... «Какова же была основная причина голода в Египте? Это была междоусобная война», под которой, как видно из контекста, автор подразумевает не только весьма нередкие случаи восстания низов египетского общества или войны между номами, но и борьбу господствующих слоев общества против центральной власти. Таким образом, автор, правильно поняв материал, всей своей работой лишний раз подтвердил правильность того замечания, которое высказал К. Маркс в отношении к азиатским государствам, хозяйство которых основано на искусственном орошении: «Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды» (Собр. соч., т. IX, стр. 348).

В соответствии с этой позицией автор, излагая в первых трех главах своей работы в хронологическом порядке все известные ему случаи голода, объясняет их, исходя из исторической обстановки того времени, к которому каждый из них относится. Однако нужно отметить, что автор сделал это не для всех случаев и с недостаточной полнотой.

Четвертая глава работы обобщает причины, вызывавшие голод, и разбирает меры, принимавшиеся против него, т. е. организацию орошения и обеспечение зерновых запасов. Этим двум вопросам уделено много меньше места, чем они заслуживают, и ряд данных, имеющих по этим темам, остался неиспользованным.

В конце работы приложены тщательно составленные указатели, облегчающие использование интереснейшего материала, собранного в работе.

Проф. И. Лурье

ALLAN H. GARDINER, Ramesside administrative documents, London, 1940, I + 23 двойных страницы

Подготавливая издание большого папируса Вильбур (датируемого временем Рамсеса V), который является «самой большой из всех египетских светских рукописей и дает больше сведений относительно земельных владений и податного обложения земли, чем мы когда-либо мечтали обнаружить»¹, проф. А. Гардинер собрал большое количество административных документов Рамессидского времени, которые он считал нужным опубликовать отдельной книгой. Осуществление этого намерения дало бы в руки исследователя богатейший и, в своем большинстве, совершенно неизвестный материал для изучения организации государства и экономики одного из значительнейших периодов истории Египта. Предпринятая автором работа крайне трудна, поскольку чтение хозяйственных документов чрезвычайно усложнено курсивностью делового письма.

Война, навязанная миру немецким фашизмом, помешала автору осуществить полностью намеченную им программу и, не желая откладывать на будущее время публикацию уже подготовленных документов, А. Гардинер издал их в рецензируемой книжке. В ней помещена иероглифическая транскрипция, сопровождаемая палеографическими комментариями, следующих текстов: Амьенский папирус, Гуробский папирус и три фрагмента других папирусов из Гуроба. Из всех этих документов ранее был известен только Гуробский папирус².

¹ A. Gardiner, *Ramesside texts relating to the taxation and transport of corn*. JEA. т. 27, стр. 19. В настоящее время издание папируса Вильбур уже вышло, но в наших библиотеках его еще нет.

² Он был издан F. Griffith *Hieratic Papyri from Kahun and Gurob*, табл. XXXIX—XV и текст, стр. 94—98. Остальные папирусы не воспроизведены, поэтому транскрипцию текстов проверить нельзя. Впрочем, за ее надежность говорит компетентность автора.

Самым значительным из помещенных в этой книжке текстов, бесспорно, является Амьенский папирус¹. Это довольно большая рукопись (его длина — 2 1/2 м), исписанная с двух сторон² рукой одного и того же писца, и, хотя тексты, помещенные на каждой из сторон папируса, непосредственно друг с другом не связаны, по содержанию они сходны: это записки поступлений зерновых податей ряда поместий в ползу различных храмов. Перевозкой собранного зерна было занято 21 грузовое судно фиванского храма Амона-Ра, причем грузоподъемность некоторых из этих судов достигала 900 мешков зерна, что равно 42 тоннам. Все зерно, как указывает Гардинер³, целиком поставлялось в закрома Карнакского храма и отсюда уже передавалось в соответственные святилища.

Приведу начало этого папируса, которое дает читателю представление о характере всего текста:

Судно ⁴ Ошефиу (сына) Хонсу, дома Амона⁵, под его началом (*r h, t f*).

Дано ему, в осгрове Амона (Все земли приходят из-за любви к нему), на гумне Панетерхома, начальника ремесленников, как зерно поместья (*rml.t*) дома Амона-Ошефи 100 мешков.

Дано ему в этом месте, на этом гумне, как зерно поместья дома... в закромах Амона, под его началом, 50 мешков.

Дано ему в этом месте, на этом гумне, как зерно поместья [дома] Рамес [у] мериамон, в доме Амона, Хетерпауджу, под началом его, 154 1/4 мешка. Остаток 54 мешка. Несисуамон 100 мешков.

Да[но ему] на набережной Джакет, из зерна этого поместья, под его началом, которое было в суде Сети, сына Пасехеруемну, 20 мешков.

[Дано ему в ...] из зерна этого поместья из рук управителя (*rwd*) Амон..., 32 2/4 мешка.

[Дано ему на новом острове [западнее] Хену, на набережной Гори, жреца дома Мехитубен, из зерна поместья дома Амона-Ра, царя богов, вновь основанного фараоном, под началом его, 100 мешков.

[Итого] [32 2/4] 424 [мешка]. Рацион его команды х+9 мешков».

В дальнейших частях этого папируса приводятся имена других капитанов и перечисляются количества зерна, принятого ими от разных поместий.

В совокупности с другими новыми источниками, известными пока только по переводам Гардинера, а особенно в сопоставлении с папирусом Вильбур, Амьенский папирус позволит уточнить значение ряда терминов и прольет свет на некоторые стороны землевладения и землепользования, о сих пор остававшиеся неясными. Не считая своевременным уже сейчас заняться этими вопросами, отмечу лишь два момента. Прежде всего данные этого папируса окончательно устанавливают, что зерновые подати взимались непосредственно на гумне, до того как собранный урожай поступал в закрома владельца земли или крестьянина. Далее, этот папирус, как мне кажется, отчетливо подтверждает сообщение «Поучения Аменемопе» (1,17) о том, что новообразовавшиеся при разливах Нила острова и земли считались собственностью фараона.

Остальные папирусы, помещенные в рецензируемой книге, менее интересны, чем Амьенский. Гуробский папирус, который Грифис датировал временем Сети II, пред-

¹ Перевод этого папируса был затем помещен в уже упомянутой статье Гардинера *ЖЕА*, т. 27, стр. 37—56, где дано и краткое его исследование, равно как некоторые исправления транскрипции.

² Нижняя половина лицевой стороны папируса (и, соответственно, верхняя половина оборотной стороны) отломана и отсутствует.

³ *ЖЕА*, т. 27, стр. 41.

⁴ Слова, выделенные в переводе жирным шрифтом, в оригинале написаны красными чернилами. При подсчетах количества зерна, как установил Гардинер для Рамесидского времени (так же как и для XVIII дин.), красными чернилами выписывают количества, относящиеся к полбе (*bd,t*), а черными чернилами — к ячменю (*it-m-ll*). (*ЖЕА*, т. 27, стр. 26—27).

⁵ Гардинер полагает, что слова «дома Амона», относятся и к судну и к его капитану — Ошефиу.

ставляет собой, повидимому, небольшой фрагмент дневника какого-то чиновника царского гарема, находившегося в Гуробе¹, в котором имеются записи о полученных (возможно, для царского стола) рыбах (поступивших в виде подати), записи выданных масел и копия части письма (касающегося какой-то мастерской), адресованного, повидимому, Сети II.² С тем же Гуробским царским гаремом связаны и остальные фрагменты Гуробских папирусов. Среди них имеется отчет о выдаче (?) и клеймении скота, принадлежащего гарему, и три обрывка записей различных материй.

Желательно, чтобы намерение проф. Гардинера опубликовать остальные известные ему аналогичные документы было поскорее выполнено.

Проф. И. Лурье

H. E. WINLOCK, Excavations at Deir-el-Bahri: 1911—1931, N. Y., Macmillan, 1942, X + 235 p.

Впервые систематические раскопки в Дейр-эль-Бахри были проведены в 1893—98 и 1903—08 годах экспедицией английского общества «Egypt exploration fund» под руководством Эдуарда Навилля. В 1911 году сюда была направлена экспедиция Нью-Йоркского Метрополитэн-музея. В 1914 году раскопки были прерваны началом мировой войны, но уже в 1919 году экспедиция возобновила свою работу и продолжала ее из сезона в сезон до конца 1931 года. Состав сотрудников экспедиции за эти три десятилетия неоднократно менялся и только автор рецензируемой книги непрерывно оставался участником и руководителем этих работ. Книга представляет собой серию предварительных отчетов о работах экспедиции из сезона в сезон. Живой образный язык автора превращает эти отчеты в увлекательные повествования. Однако наибольшее внимание уделено самому ходу археологических работ, а обнаруженные экспедицией памятники описываются в большинстве случаев весьма бегло. Историческая систематизация археологического материала совершенно отсутствует: памятники описываются в той последовательности, в какой они были обнаружены. Надписи и тексты папирусов, найденных экспедицией, приводятся отрывочно и только в английском переводе, без факсимиле и транскрипции. Такой способ изложения затрудняет использование книги с научными целями; между тем из серии публикаций материалов, запланированной, повидимому, Метрополитэн-музеем, вышла только одна монография (H. E. Winlock, *The tomb of Meryet-Amun*). Предварительные описания источников в рецензируемой книге представляют поэтому большой интерес. Как следовало ожидать, наибольшее число памятников, обнаруженных экспедицией, относится ко времени XI и XVIII династий. Эти же памятники оказались и наиболее интересными по своему характеру. Ко времени царствования последнего царя XI династии Санхкара Ментухотепа VI (по Эд. Мейеру) относится серия папирусов, открытие которых является едва ли не важнейшим результатом работ экспедиции. Папирусы, содержавшие переписку Хеканахта (Нека-nachte) со своими домочадцами и несколько других частных писем, были найдены в одной из гробниц к северу от храма. Как явствует из этих документов, Хеканахт был жрецом заупокойного культа («Kasergant») Фиванского некрополя. Письма его содержат различные хозяйственные распоряжения и наставления сыновьям. Разумеется, по небольшим отрывкам этих писем, приведенным в книге Уинлока, в английском (и притом только «предварительном»)

¹ Отождествление *Mr-wr* с Гуробом предложено и аргументировано A. Gardiner, *The name of Lake Moeris*, JEA, т. 29, стр. 37 сл.

² Транскрипция Гардинера в ряде пунктов исправляет чтения Гриффиса.

перевод¹, невозможно дать подробную характеристику этих документов, как исторических источников. Но можно все же предполагать, что значение этих документов далеко превосходит ту оценку, которую им дает автор. Уинлок расценивает письма Хеканахта, главным образом, как любопытный памятник быта и семейных отношений времени XI династии. Действительно, с листов этих папирусов перед нами как живые встают «Ka-segvan» — Хеканахт, его жена и мать, его старшие сыновья со своими семьями во всех их взаимоотношениях; мы узнаем о делах и мыслях, волновавших этих людей 4000 лет назад. Но гораздо большую ценность представляют собой письма Хеканахта как источник для истории социально-экономических отношений. Так, например, в одном из писем речь идет о привлечении к судебной ответственности некоего Синенбута «за каждого быка, пропавшего из стада»; в другом (Winlock, стр. 61) Хеканахт дает строгие приказания своему сыну и управляющему (?) Мерсу о мерах обеспечения хорошего урожая. В ряде других писем Хеканахта говорится о поставках скота, ячменя, хлеба и прочих хозяйственных делах. Эти документы тем более интересны, что других подобных документов времени XI династии нет. Надо надеяться, что надлежашая публикация этих интереснейших документов не заставит ждать себя слишком долго.

К этому же царствованию относится другой важный памятник времени IX династии — гробница «канцлера» и «управляющего (steward) царского дворца» Мекетра (Meket-Re^c). В этой гробнице было найдено множество «моделей», изображающих дом Мекетра, пруд с садом перед домом, самого Мекетра на крыльце дома, перед которым прогоняют стадо скота, амбар, хлев, ткацкую и плотничью мастерские, лодки и т. п. Имя этого Мекетра встречается в надписях на стенах храма Небхепетра. Рядом с этой гробницей была обнаружена гробница двух других государственных деятелей этого времени — «принца» и «канцлера» Интефа и «канцлера» Хети (Khety). Сопоставляя надписи из этих гробниц с известной наскальной надписью в Shatt-er Rigall, где упоминаются все эти лица, Уинлок делает ряд интересных выводов о составе высшей администрации в царствование Небхепетра-Ментухотепа. Фотографии, приложенные в конце книги, изображают стенную роспись этих гробниц и найденные в них статуэтки Мекетра и Хети. У северной стены храма Ментухотепа была обнаружена гробница его жены царицы Неферу (Neferu), дочери Иах (I^ah). Все эти гробницы были ограблены еще в древности, но часть их погребального инвентаря сохранилась. Кроме того, экспедиция обнаружила ряд гробниц других, менее значительных лиц, в том числе гробницу «управляющего поместьями» — (Estate Manager) Уаха (Wah). Это открытие интересно тем, что здесь была найдена неограбленная мумия Уаха со всеми драгоценными украшениями на теле.

Выдающийся историко-бытовой интерес представляет братская могила солдат, обнаруженная рядом с гробницей «хранителя печати» Хети. В ней было найдено 60 мумий мужчин в расцвете лет, которые были похоронены без саркофагов. Клейма на тканях, в которые были завернуты мумии, показали, что могила относится ко времени царствования Небхепетра. На всех мумиях обнаружены раны в верхней части тела чаще всего на лбу, что дало возможность Уинлоку заключить, что эти воины погибли при осаде крепости. В некоторых ранах остались куски стрел из тростника с наконечниками из черного дерева, т. е. таких, которые употреблялись египтянами; это показывает, что похороненные здесь солдаты имели своими противниками жителей долины Нила. Прическа мумий сходна с прической статуэток времени XI династии, изображающих солдат из Ассиута.

Раскопками экспедиции установлены также новые, до сих пор неизвестные, детали архитектурного устройства храма Небхепетра и открыты внутри самого храма гробницы жен этого фараона Ашайет (^cAshayet) и Майет (Mayet), оставшиеся не известными Навиллю.

¹ Предварительный перевод сделал на месте раскопок сотрудник «Egypt exploration society» Batticombe Gunn.

Среди найденных экспедицией памятников XVIII династии наибольшее значение бесспорно имеют надписи на остраках и скарабеех (последних было найдено 299 штук) из района храма Хатшепсут и обнаруженная вблизи храма вторая ¹, секретная гробница знаменитого фаворита царицы Сенмута. Впервые из этих надписей стала известна полная титулатура царицы и многочисленные подробности биографии Сенмута; ряд надписей с указанием дат (упоминаются 7-ой, 10-й и 16-й год царствования Тутмоса III) позволили автору установить детальную хронологическую схему царствования Хатшепсут. 18 скарабеев содержат титулатуру дочери Хатшепсут царевны Неферу-ра, из которой явствует, что она была женой Тутмоса III.

Гробница Сенмута расположена неподалеку от храма Хатшепсут, вблизи восточной стены храмового двора. Она никогда не была закончена: декоративная живопись и стелы были обнаружены только в первой комнате гробницы, во второй же не было найдено ничего, кроме инструментов, забытых строителями гробницы. На погребальной стеле Сенмут изображен три раза: в обществе своих братьев, жены и родителей и за обеденным столом. Роспись потолка изображает карту звездного неба, в середине которой расположена надпись Сенмута; другая надпись помещена у входа в гробницу под картушем с именем Хатшепсут.

Изображения Сенмута на стенах были впоследствии уничтожены по приказу Тутмоса III, но само имя, вероятно, вследствие неграмотности рабочих, сохранилось. Так же случайно сохранился и портрет Сенмута на стене гробницы.

Экспедиция открыла также изображения Сенмута на стенах многочисленных приделов храма. Это первый и пока единственный известный науке факт изображения в храме лица, не принадлежавшего к царской фамилии; впрочем, все эти рельефы были расположены таким образом, что когда двери храма открывались, изображения Сенмута оказывались скрытыми за створками дверей, открывавшихся внутрь. Все они были уничтожены во времена Тутмоса III и только в самом заднем помещении храма случайно сохранилось четыре таких изображения. На этих рельефах Сенмут изображен приносящим жертвы Хатор и Амону «за благо, жизнь, благополучие и здоровье Хатшепсут» (стр. 107). Надпись около изображений показывает, что они были сделаны с разрешения царицы.

В ходе раскопок экспедиции удалось выяснить много новых подробностей архитектурного устройства храма Хатшепсут. В частности, в траншее к востоку от храма были обнаружены в фрагментированном виде четырнадцать статуй царицы, изображенной в виде Озириса. Здесь же были найдены многочисленные фрагменты сфинксов и небольшие статуэтки царицы в позе адорации. В другой траншее птолемеевского времени были найдены многочисленные фрагменты колоннады с изображениями, относящимися к истории экспедиции в Пунт, и несколько блоков, дополняющих опубликованную Навиллем сцену охоты Хатшепсут. На территории храма были найдены многочисленные остатки лагерей строительных рабочих и надписи, относящиеся к истории строительства, и ряд документов отчетности (на остраках).

Сопоставив данные источников, обнаруженных экспедицией, с теми, которые были известны ранее, Уинлок дал интересный очерк политической истории царствования Хатшепсут. В основном Уинлок примыкает здесь к точке зрения Эдуарда Мейера, выдвинутой последним во втором издании второго тома «Geschichte des Altertums» (1928 г.). Как известно, Эдуард Мейер выступил здесь против той сложной концепции династической борьбы между Тутмосом I, Тутмосом II, Хатшепсут и Тутмосом III, которая была развита в работах Зете, Штейндорфа и Брестеда. По мнению Эдуарда Мейера, династическая история этого периода развивалась значительно проще; Хатшепсут была старшей дочерью Тутмоса I и его главной жены Яхмос. Она вышла замуж за своего младшего брата (от другой жены Тутмоса I), Тутмоса, который законно наследовал своему отцу под именем Тутмоса II. Как показало исследование его мумии, Тутмос II отличался слабым здоровьем и вскоре умер. Тогда то и началось, по мнению Мейера,

¹ Первая незаконченная гробница Сенмута найдена у подножия холма в Шейх Абд-эль-Курне.

официальное правление Хатшепсут, вероятно, и ранее, при жизни Тутмоса II, оказывавшей влияние на государственные дела. Тутмос III был, по мнению Мейера, также сыном (младшим) Тутмоса I и усыновленным наследником последнего. Поэтому Хатшепсут после смерти первого мужа выходит замуж за своего юного брата и наследника престола Тутмоса III и становится фактической, а затем и совершенно официальной правительницей Египта, в то время как Тутмос III числится ее соправителем.

Соглашаясь с основным положением Мейера, что наследование шло по непрерывной нисходящей линии, Уинлок на основании новых надписей из Дейр-эль-Бахри весьма убедительно доказывает, что дело обстояло еще проще. Согласно его концепции Тутмос I умер около 1514 года, оставив после себя вдову Яхмос (дочь Аменхотепа I) с дочерью Хатшепсут и сыном от другой жены (одной из младших сестер Яхмос) Тутмосом. Официально наследником Тутмоса I был назначен этот последний, Тутмос II. Хатшепсут стала его женой и имела от него двух дочерей Неферу-ра и Мериет-Ра-Хатшепсут. У другой жены Тутмоса II Изет (Iset) родился сын Тутмос (будущий Тутмос III), который с детства был повенчан со своей полукровной сестрой Неферу-ра (дочерью Тутмоса II и Хатшепсут). Тутмос II умер около 1501 г., и вся власть естественным образом перешла в руки вдовствующей царицы и тещи (и одновременно мачехи) официального наследника Тутмоса III.

Постепенно, очевидно, с помощью своего фаворита Сэнмута, Хатшепсут все более и более оттесняла на задний план только юридически царствовавшего пасынка; в надписи из гробницы родителей Сэнмута, относящейся к 1494 г., Хатшепсут объявляет себя «царем Верхнего и Нижнего Египта» и с этих пор имя Тутмоса III, как соправителя, уже упоминается всегда после имени царицы.

Интересные дополнения к династической истории XVIII династии дало открытие гробницы царицы Мериет-Амон (Merjet-Amūn). Гробница подверглась ограблению еще в глубокой древности, но затем была восстановлена в царствование фараона Пейнуджема (XXI династия). Об этом свидетельствуют надписи на пеленах, в которые вновь была завернута мумия царицы. Однако в гробнице сохранился ряд надписей, современных погребению.

Сопоставляя эти надписи с другими данными, Уинлок утверждает, что Мериет-Амон была дочерью Тутмоса III и женой Аменхотепа II.

Многие гробницы времени XVIII династии были использованы вторично во времена XXI, XXII и XXIII династий. Так, например, в гробнице Мериет-Амон была похоронена одна из дочерей (?) фараона Пейнуджема-Энтиуни (Entiu-ny). Так же вторично была использована разграбленная гробница некоего Минмозе (Min-mose, XVIII династия). Во времена XXI династии здесь была погребена женщина по имени Хент-тоуи (Hent-towy). Это погребение интересно тем, что оно сохранилось совершенно нетронутым. Рядом с гробницей Минмозе находилась неглубокая могила, в которой было найдено несколько деревянных саркофагов. Как показали надписи, в этих саркофагах были похоронены женщины из семейства верховного жреца Менхеперра и дочь царя Пейнуджема по имени Хент-тоуи. Несколько позже сюда же был помещен саркофаг жреца невысокого ранга Менхеперра.

Несколько гробниц, вскрытых в районе храмов, относилось ко времени XXIII династии. Из них заслуживает упоминания гробница женщины по имени Анхшеп-ен-уепет (*Ankh-shep-en-wepet). Гробница оказалась разграбленной и мумия уничтоженной, но сохранился саркофаг и два ящика, содержавших 364 ушебти. Уинлок предполагает, что это число было ритуальным (по одной на каждый день года, а один день почему-то отбрасывался).

Кроме того, было найдено много погребений римского времени, о которых Уинлок упоминает лишь вскользь. Большое внимание автор уделил анализу данных о погребальных обычаях и технике мумификации. Следует также отметить, что экспедицией был найден в одной из поздне-египетских гробниц керамический кувшин, сплошь покрытый надписями на неизвестном языке.

Н. Постовская

Делосские надписи

Académie des inscriptions et belles-lettres. Fonds d'épigraphie grecque. Donation du duc de Loubat.

«Choix d'inscriptions de Délos» avec traduction et commentaire par F. Durrbach. Textes historiques, fasc. I, 1921, fasc. II; 1923. Paris.

«Inscriptions de Délos». Comptes des hiéropes (№ 290—371), publiés par F. Durrbach. Paris, 1926.—Comptes des hiéropes (№ 372—498), Loix ou règlements, contrats d'entreprises et devis (№ 499—509). Изд. им же, 1929.—Actes des fonctionnaires athéniens préposés à l'administration des sanctuaires après 166 av. J. C. (№ 1400—1479); fragments d'actes divers (№ 1480—1496) publiés par F. Durrbach et P. Roussel. Paris, 1935.—Décrets postérieurs à 166 av. J. C. (№ 1497—1524); Dédicaces postérieures à 166 av. J. C. (№ 1525—2219) publiés par P. Roussel et M. Launey. Paris, 1937.—Dédicaces postérieures à 166 av. J. C. (№ 2220—2528). Textes divers, listes et catalogues, fragments divers postérieures à 166 av. J. C. (№ 2529—2879). Изд. ими же, 1937.

Большая часть делосских надписей была, как известно, найдена французскими учеными при раскопках 1877—1885 и 1902—1912 гг. Значительная их часть была уже опубликована во французских периодических изданиях, в ВСН и других. Некоторые надписи были опубликованы полностью, другие частично, однако многие не только мелкие фрагменты, но и объемистые тексты изданы не были. Заинвентаризированные и скопированные, они были доступны лишь немногим французским ученым. Например, P. Roussel широко привлек этот материал в работе «Délos, colonie athénienne» (DCA), 1916 г. В свое время было решено включить полное собрание делосских надписей в издание «Inscriptiones Graecae» Берлинской Академии наук. Сотрудничество Французской Академии с последней дало два выпуска XI т.: fasc. II. Inscriptiones Deli liberae (IDL). Tabulae archontum, tabulae hieropoeorum ann. 314—250, ed. F. Durrbach, 1912 и fasc. IV. IDL. Decreta, foedera, catalogi, dedicationes, varia, ed. P. Roussel, 1914. Война прервала это издание и набор III выпуска, который должен был содержать Tabulae hieropoeorum ann. 250—166, leges, pactiones, ed. F. Durrbach, был рассыпан. Мир не привел к возобновлению сотрудничества двух академий¹, и во Франции созрел план отдельного, французского, издания свода делосских надписей. Замысел имел сперва более скромную форму издания избранных («Choix») надписей с их переводом и комментарием. Было издано лишь два выпуска I тома, содержащего исторические тексты². Первый выпуск содержит 75 ранее изданных надписей. В первом разделе только 12 текстов эпох ионийской (VII—V вв.) и аттико-делосской амфикионий (478—314 гг.), среди них спартанское постановление, дарующее независимость Делосу.

Значительно больший интерес представляет подбор текстов объемистого второго раздела (№ 13—75): «Делос в период независимости». Цель этого собрания—осведомить об экономической и политической эволюции средиземноморского мира в эллинистическую эпоху, именно показать, что дают нового делосские памятники для истории не только самого острова и всего Архипелага, но и восточных монархий и Рима. Сначала помещены надписи, отражающие македонское владычество в Архипелаге, затем—надписи периода господства Птолемеев, далее—памятники, отражающие возвращение влияния Антигонидов (приблизительно 245—220 гг.), наличие экономических связей Киклад с македонским царством. Но талассократия крупных эллинистических монархий к концу III в. начинает уже отступать перед экономическим влиянием торгового и ростовщического капитала Родоса. Тут имеются постановления в честь родосцев, стоявших во главе островитян. Представлены также надписи, касающиеся Селевкидов и других исторических лиц. Отражены сношения делосцев с этолийцами. Ряд над-

¹ Берлинская Академия, правда, издала III выпуск XI т. в 1927 г., но он содержит лишь фоторепродукцию 17 избранных надписей, служащих образцами письма, с присоединением комментария.

² Второй выпуск непосредственно был мне недоступен.

писей иллюстрирует сношения Делоса с Римом. Подобраны также характерные постановления и посвящения, касающиеся частных лиц различной племенной принадлежности, разных профессий и социального положения, что иллюстрирует широкий размах связей и сношений Делоса.

Надписи сопровождаются иногда переводом. Самым интересным в этом полезном для историка издании является обстоятельный комментарий, содержащий указания, хотя иногда неполные, на специальную литературу. Некоторые места этого комментария заслуживают особого внимания. В противоположность прежним предположениям Durrbach считает, что делосцы признали спартанского тирана Набида царем под влиянием не римлян, а Филиппа V, и датирует надпись № 58 ок. 200 г. Высказывается гипотеза, что переговоры между Антиохом Великим (его посол Менипп) и Александром Мегалополитом происходили на Делосе (№№ 59 и 60). Допускается, что постановление в честь Сципиона может относиться не к 193, а к 130 г. (№ 64). Что касается постановления афинян в честь Фарнака Понтийского, то в денежных отношениях, там упоминаемых, следует видеть не заем со стороны царя, а дарственные обязательства, которые он не в состоянии выполнить (№ 73)¹. Интересна историческая справка о делосце Телемнесте, инициаторе ряда постановлений. Durrbach считает, что этот деятель — агент Родоса (стр. 81 сл.). Durrbach останавливается и на спорной проблеме о времени восстановления Союза островитян под воздействием родосцев (№ 67).

Ростовщичеству уделено много места. Комментируется древнейшее свидетельство об активности судовладельцев, купцов и занимающихся морскими ссудами ростовщиков на Делосе (№ 43). Освещается растущее значение итальянских ростовщиков. В этом вопросе Durrbach, как и в смежных проблемах меркантилизма римской политики, взаимоотношений делосцев с Римом и объявления острова *porto franco* с передачей его афинянам, в основном примыкает к взглядам, высказанным Roussel'ем в упомянутом сочинении и другими исследователями, допускающими наличие экономических мотивов римской экспансии.

Не было еще завершено издание «Choix», как программа расширилась: была внесена дополнительная сумма для издания свода всех делосских надписей. Это издание должно было прежде всего охватить не изданные или не попавшие в IG памятники; таким образом, издание ID примыкает к XI т. IG с сохранением нумерации последнего. Том I, 1926 г. примыкает к fasc. II; т. II, 1929 г. — продолжение. Оба тома, за исключением последних одиннадцати номеров, содержат ежегодные отчеты гиеропеев (*ἱεραποσίαι*) — управителей храмовых имуществ (с 247 по 166 г.). Отчеты состоят из двух обособленных частей: собственно денежного отчета и инвентарей храмов, перечисляющих в традиционном порядке посвящения за прошлое время с прибавлением поступлений подотчетного года. Денежные отчеты гиеропеев начинаются с акта приема денежной наличности от предшественников в присутствии высших должностных лиц делосской общины. В позднейшее время в их ведении находилась не только священная казна (*ἡ ἱερὰ κισωτός*), но и государственная (*δημόσια*): суммы последней поступали при участии государственных казначеев. Порядок прихода-расходных статей варьирует. Характерны поступления в храмовую казну: от должников или их поручителей, нанимателей домов, арендаторов угодий, откупщиков пошлин, жертвователей, из контор ростовщиков, которым доверялось ведение некоторых дел храма (инкассаторы?). Из расходных ежемесячных статей мы узнаем цены многих продуктов, шедших на ритуальные и хозяйственные нужды храма. Далее следуют расходы «согласно законам и постановлениям»: выплата жалованья служителям храма, плата за работы с подрядом (новые постройки, ремонт храмов и других зданий, декоративные работы), покупка материалов, экстраординарные расходы. Особые разделы отчетов заняты кредитными операциями «священного» казначейства. В качестве должников фигурирует город Делос и частные лица — обе категории с поручителями. Указывается цель займа и иногда заклада имущества. Прилагается список неисправных должников и их пору-

¹ Новое о датировке см. ниже, стр. 138.

читателей. В особом разделе перечисляются имена арендаторов, их поручителей с указанием сданных имуществ, срока аренды и размера платы.

Что касается находившегося на попечении гиеропеев государственного казначейства, то мы узнаем об экстраординарных расходах государства с позаимствованиями из храмовой казны—на венки и статуи царям и правителям, о расходах на строительство мола, на закупку хлеба, для чего государство вносило крупные суммы и выдвигало особых уполномоченных (στωμαί). Суммы, вырученные от продажи хлеба по сниженной цене, через посредство упомянутых ростовщиков поступали либо в государственную, либо в храмовую казну.

Инвентари посвящений храма Аполлона и других святилищ, благодаря изданию новых фрагментов надписей, содержат упоминания многих ранее неизвестных предметов. Эти списки интересны для истории искусства; кроме того, они дают представление об экспозиции вещей в храмах, которые своим убранством были подобием музеев. Из инвентарей можно извлечь данные и для истории техники и религии. Для историка же особый интерес представляют сами посвятителю; помимо жертвователей классического периода, как Никий и Лисандр, это—эллинистические цари, их приближенные, родосцы и римляне, как частные, так и должностные лица, и т. д.

Вновь опубликованные тексты дают дополнительные просопографические сведения о ранее известных лицах.

Большая часть текстов, публикуемая впервые, очень фрагментирована. Однако в целом все издание существенно обогащает науку по самым различным вопросам.

Комментарий к надписям состоит из двух частей: критических примечаний (*notes critiques*) и толкований (*les exégèses*) на французском языке. Оценивая первую часть, отметим, что текст IG основан на общей ревизии самих памятников с привлечением для сомнительных мест прежних копий, эстампажей, заметок в «Archives des missions scientifiques» и в BCH, комментарии в IG. Учитываются и критикуются прежние исправления и восстановления. Много замечаний о грамматических особенностях, орфографии-словаре, в том числе о собственных именах. Проведена весьма ценная работа по проверке и исправлению многочисленных цифровых данных.

Датировке памятников уделено достаточно внимания, а в конце II тома находим, кроме того, важную для хронологии таблицу архонтов, гиеропеев и казначеев.

Объяснительный комментарий дает понятие о содержании памятника, ряд справок, наблюдений, гипотез, важных для политической, социальной, экономической истории, истории техники и религии. Даются ссылки на комментарий IG и на специальную литературу, но скупое. Поскольку ряд памятников издается впервые, а все они вообще недостаточно изучены, комментарий будет полезен для всякого, кто пожелает заняться исследованием, основанным на этих памятниках.

Комментарий поясняет многочисленные *termini technici* строительного дела, декоративного искусства и иногда вносит новое. Отметим, например, комментарий к вновь изданному договору с подрядчиками, построившими, по видимому, храм Асклепия: сопоставляются архитектурные данные договора с данными, добытыми благодаря раскопкам самого здания (№ 500). То же следует сказать о наблюдениях, касающихся платы за аренду храмовых владений с ее колебаниями, смены арендаторов, состояния сельскохозяйственных угодий, например, изменений количества виноградных лоз, плодовых деревьев и т. п. Обстоятельно комментированы различные стороны финансовой деятельности храма. Есть ряд наблюдений относительно изменения состава должников. Здесь, как и в «Choix», много внимания уделено ростовщичеству. Ряд наблюдений над установлением царями праздников на острове важен для хронологии эллинистической эпохи¹.

Отметим несколько наиболее существенных новых текстов. Дается подтверждение оспаривавшегося факта, что в 246 г. Лагиды еще владели Делосом. Только в сле-

¹ К комментарию № 366 приложен алфавитный список празднеств с ссылкой на памятники и литературу.

дующем году Антигон Гонат, повидимому, восстановил свой протекторат¹. Из опубликованных впервые отчетов 231 г. (№ 316, 5) становится ясным, что уже тогда, а не с 192 г. гиеропеи ведали также и государственной казной. В отчете 209 г.² имеем древнейшее упоминание о ситонах. Начиная с отчета 192 г. (№ 399), вводится четкое разграничение между храмовой и государственной казной. В комментарии к этой надписи Durrbach обстоятельно касается интересной проблемы о роли частных ростовщических контор, бывших, как считают, доверенными храма и делосского государства. Вывод тот, что многое в их функциях остается еще неясным и эта важная для экономической истории проблема требует еще специального исследования. В отчете 179 г. (№ 442 A, 99—106) находятся сведения о присылке делосцам хлеба нумидийским царем Масиниссой. Этот хлеб был продан, и деньги, собранные через посредство ростовщиков-«инкассаторов», внесли в казначейство ситоны καὶ ὁ πρᾶξεντής A... N..., как читал строку 101-ю Homolle. Ревизия текста позволила Durrbach'у прочесть Ρεδ[ι]ωυ. Это чтение позволяет видеть в этом анонимном «после родосцев» того родосца Хармила, который воздвиг статую³ нумидийскому царю. Одновременно с ним воздвиг статую Масиниссе и один из ситонов Гермон, участвовавший в приеме царского дара. Гермон—«друг» царя⁴. Итак, сильное влияние родосских дельцов подтверждается еще тем, что столь существенная на Делосе хлебная торговля была, повидимому, также в руках родосских транспортеров.

Издание III тома в 1935 г. было завершено после смерти Durrbach'a Русселем; ему же принадлежит и комментарий. Нумерация с интервалом в 50 номеров примыкает к IG XI, fasc. 4. Том содержит годовые отчеты афинских управителей храмовыми имуществами⁵, аналогичные вышеописанным актам. Эти отчеты состоят также из двух частей. Система упоминания вещей в инвентарях частично изменилась. Изредка применяется классификация по материалу: бронза, дерево и слоновая кость, железо. Частично в отношении старинных посвящений применяется сокращенный способ перечисления без описания предметов и упоминания имен жертвователей, что значительно понижает ценность этих надписей. Но, с другой стороны, иногда весьма старинные посвящения встречаются лишь в списках данного периода, отсутствуя в инвентарях эпохи «независимости». В ряде случаев в инвентарях конца этой эпохи перечисление стало суммарным, без указания имен жертвователей, а в актах афинских хранителей находятся вновь детальные упоминания. В силу этого инвентари афинян могут быть дополнительным источником для предшествующего времени. Для истории религии интересно то, что афинские инвентари перечисляют также деревянные и мраморные статуи и другие вещи, составившие меблировку храмов, гимнасии, пританея, а не только посвящения, как в отчетах гиеропеев. Значительно, по сравнению с инвентарями конца эпохи «независимости», увеличилось число помещений-хранилищ для посвящений; их насчитывается свыше 30—конечно, это почти исключительно святилища. Отмечаются случаи перенесения посвящений из одного помещения в другое. Хотя некоторые инвентари не были ни изданы, ни отмечены ранее, однако в целом это полное издание представляет для историка лишь ограниченную ценность, так как все наиболее существенные данные были уже отмечены. Новых данных немного: например, отмечен жертвователь Филон, сын Метродора, массалиец⁶; наличие этого лица—новое подтверждение связи Делоса даже с отдаленным Западом. Интересно

¹ № 290, 130 сл.; № 298A, 83—88; № 312, 6; № 313A, 68; № 316, 77.

² № 362. В отчете 217 г.—древнейшее упоминание апимелетов по строительству мола (№ 355).

³ «Choix», № 69 с комментарием.

⁴ «Choix», № 68. Гермон в качестве должника упомянут в № 442 A 39—40, 71—73, 179 и № 1408 A II, 38 (отчет 163/2 или 162/1 гг.).

⁵ Они именуются το σί ἐπὶ τὴν φυλακὴν τῶν ἱερῶν χορημάτων, то сί ἐπὶ τὰ ἱερά. О попытке усмотреть под этими обозначениями различные должности см. DCA, стр. 126 сл. Возможно, что сперва афиняне сохранили исконное название ἱερποιοί, там же, стр. 128 (см. ID № 1408 и 1441).

⁶ № 1412a, 65; 1417 A II, 110.

также упоминание посвящения афинян и их союзников после морских побед при Наксосе в 376 г. и при Левкаде в 374 г. (посвящены *ἁγροστόλια*)¹. Интерес представляют также новые упоминания некоторых ранее известных лиц.

Денежно-хозяйственные тексты малочисленны и почти все сильно фрагментированы. Отчеты расходов вовсе не представлены. Акты сдачи храмовых недвижимостей в аренду характеризуются существенным увеличением числа и разнообразием видов недвижимостей, частой сменой арендаторов и появлением многочисленных иностранцев. Полученная от делосских гиеропеев казна, состоящая попрежнему из двух *κίσσας*, превращена в резервный фонд, остававшийся вне обращения, как это видно из совпадения суммы денежной наличности в этом фонде, немногим более 100 тыс. драхм, с денежной наличностью священного казначейства в 179 г.—117 тыс. драхм. Этот фонд состоял чаще всего из монет города Гистиеи (он был подвластен Македонии), бывших в широком обращении на Делосе до 166 г. Помимо этого, была действующая касса, пополнявшаяся главным образом, повидимому, поступлениями из делосского «банка» (*ἀπὸ τῆς τραπεζῆς τῆς ἐν Δῆλῳ*), которым также ведал афинянин. В обращении была преимущественно монета аттическая или *στρατηγόρος* (родосская или карфагенская?). Этот «банк», в котором некоторые хотели видеть подобие государственного банка, повидимому, выполнял в отношении храма функции, которые до 166 г. лежали на частных ростовщиках; однако даже полное издание текстов не содержит сведений, проливающих свет на этот важный вопрос. Бесспорно лишь то, что храмовая казна с своими весьма ограниченными средствами могла лишь слабо конкурировать с возросшими кредитными сделками частных ростовщических контор. Следует отметить возврат сумм, занятых еще до 166 г. Тут налицо полная преемственность. Среди должников, несомненно, есть делосцы-аборигены. Самый поздний текст этого мраморного архива афинских управителей (№ 1445) должен быть датирован около 135 г. Существование должностей хранителей подтверждается рядом других надписей вплоть до 94/3 г.

Хотя, за исключением трех надписей, эти тексты были открыты еще в период 1877—1885 гг., однако большая их часть оставалась неизданной, а некоторые были изданы частично. Впрочем самые существенные исторические данные уже стали большей частью достоянием науки благодаря сообщениям и работам французских исследователей. Особо широко использовал и частично издал эти неопубликованные тексты сам Roussel в DCA и в «Les cultes égyptiens à Délos du III-e à I-er siècle av. J. C.», 1915—1916 («Annales de L'Est»), сокращенно: CE. Roussel пользовался описанием памятников, начатым Homolle'ем и законченным Durrbach'ом. Сведения о пребывании на острове италиков извлек Hatzfeld². Комментарий Roussel'я—более краткий, чем комментарий Durrbach'a и представляет поэтому меньший интерес, так как он в большинстве случаев дает лишь ссылки на вышеуказанные работы, особенно на DCA. Есть, однако, ряд случаев пересмотра чтений и мнений, принятых автором в DCA. В ряде случаев исправляются цифровые данные, делаются новые наблюдения над величиной процентов, сроками обращения капиталов, личностями должников. Некоторые случаи пересмотра важны для просопографии. В 1416 A II, 19 он читает теперь *Ουῖου* а не *Νοῖου*, отвергая идентификацию с известным италиком Новием. Отпадает также в 1439 Ca 3 и отождествление упоминаемого там римлянина с Постумием Альбином, членом сенатской комиссии 146 г. Roussel читает *Ἰστονίχου*. По поводу встречающихся в инвентарях имен римских магистратов комментатор обычно ссылается на книгу Hollerbach, *Στρατῆγὸς ὕπατος*. Важное открытие, сделанное в DCA, что в 165 г. не все делосцы были изгнаны, теперь подтверждается рядом новых просопографических наблюдений. Делосцы встречаются и в других эпиграфических памятниках.

Значение рассматриваемого тома прежде всего в том, что он содержит сводное издание памятников, либо не изданных, либо рассеянных по разным изданиям. Комментарий же содержит ряд сводных указаний и ссылок на литературу.

¹ № 1443 B II, 49—50; 1449 d, 14.

² «Les italiens resident à Délos». BCH (XXXVI), 1912, стр. 5—218.

Последние два тома издали в 1937 г. Roussel и Launeу. Большинство текстов уже было издано и изучено, их публикация была подготовлена в период 1906—1912 гг., но не состоялась. Ввиду задержки издания, в 1931—1935 гг. была проведена новая ревизия и присоединено несколько вновь открытых текстов. Посвящения, каталоги и фрагменты ревизовал Launeу. Некоторые тексты лишь недавно были впервые изданы в «Exploration Archéologique de Délos».

В IV томе находим ряд постановлений афинского народа и клерухов (*κατοικοῦντες*) в честь поэтов, музыкантов, жрецов, должностных лиц и других. В комментарии к псефизме клерухов (№ 1497) в честь музыканта Амфикла ренейца (в другой надписи он назван *Δήλιος*) Roussel присоединяется к гипотезе, что ренейцами афиняне называли неизгнанных делосцев¹. Постановление афинского народа в честь Фарнака понтийского Roussel, вопреки обычному мнению, которого придерживался еще Durrbach в «Choix», датирует не 172/1 г., а 160/59 г., ссылаясь на новейшие исследования.

Следует раздел *senatus-consulta*, законов, постановлений союзов. В комментарии к постановлению сената (№ 1510) в пользу жреца Сараписа—Деметрия ренейца, храм которого афиняне решили закрыть, даются ссылки на новейшие исследования этого интересного памятника, свидетельствующего о весьма мелочном вмешательстве Рима в делосские дела уже вскоре после 166 г. Текст *lex Gabinia—Calpurnia* (№ 1511) содержит несколько новых чтений и дополнений. Комментатор возражает против предложенного толкования, что в законе идет речь о даровании Делосу права *civitatis liberae*. Среди постановлений союзов самое интересное—постановление посейдониастов, недавно изданное².

Раздел посвяtitельных надписей, касающихся царей, их семейств и приближенных, содержит тексты, упоминающие Лагидов, Селевкидов, Атталидов, вифинских, нумидийских, каппадокийских и парфянских царей. Следуют надписи в честь Цезаря, Октавиана и др. В этих надписях названы преимущественно афиняне, римляне, александрийцы и др. В комментарии—ряд замечаний и ссылок на литературу о титулах царских сановников. В комментарии к № 1547/8 упоминаемый там Антиох Филопатор идентифицируется с Антиохом VII (115—95 гг.), а не с сыном Антиоха III Великого.

Первое место среди посвяtitельных надписей городов-государств принадлежит Афинам. Посвяtitений других городов мало. Однако посвяtitения, исходящие от одних афинян, уже после 145 г. исчезают, и вместо них появляются посвяtitения, исходящие от различных групп и объединений населения острова, правда, с афинянами во главе: только они—*κατοικοῦντες*, «постоянно пребывающие», остальные—*καρτοκιδιμοῦντες*, «временно пребывающие». Но влиятельная колония римлян и италиков уже к 115 г. достигает включения в эту высшую категорию. Эти надписи особенно часты в честь афинских должностных лиц, но и из них видно, что фактическими хозяевами были италийские дельцы. Особо выделены посвяtitения римлян, италиков и эллинов без упоминания афинян. Имеются билингвы. Две надписи исходят от *Δήλιος*. Из комментария к № 1700 видно, что до сих пор не решен вопрос, кого нужно иметь в виду под этим названием—потомков ли абригенов, или это условное обозначение островитян вообще. Отдельно помещены посвяtitельные надписи одних только судовладельцев и купцов. Все впервые издаваемые тексты сильно фрагментированы.

Особенно важен для историка раздел, касающийся ростовщиков. Посвяtitельные надписи—почти единственный источник о делосских ростовщиках этого периода; о постановлении посейдониастов в честь римского ростовщика Минация, которое является новинкой, упоминалось выше. Из комментария³ отметим лишь, что термин *ἐσχαζόμενοι*, встречающийся в нескольких надписях, продолжает подвергаться различным толкованиям. Launeу склонен понимать *οἱ τῶν τετραγώνων ἐσχαζόμενοι* как «купцы, обособившиеся на южной агоре, так наз. Тетрагон», присоединяясь,

¹ Ср. № 1510, 1700, 2071, 2116, 2117, 2598; II, 55 и 2612.

² См. ВДИ, 1940, № 2, стр. 123 сл.

³ К № 1709, помещенному в отделе посвяtitений от купцов и судовладельцев.

таким образом, к мнению Durrbach'a, Wilhelm'a и Robert'a¹. Это же объединение упоминается в № 1725, в котором *οἱ ἐμπόροι καὶ οἱ τετραγώνων ἐργαζόμενοι* делают посвящение ростовщику Марию Гериллану. *Ἐργαζόμενοι* противопоставляют *ἐμπόροι*, видя в них розничных торговцев. Однако в № 1729, в котором, помимо иных, также и *οἱ ἐργαζόμενοι τῇ τραπέζῃ* делают посвящение ростовщику Л. Авфидию, комментатор видит упоминание работников делосского «банка»². Кто такие *οἱ ἐν Δῷ ἐργαζόμενοι*, которые делают посвящение легату Г. Биллиену (№ 1710), в комментарии не поясняется. Если учесть, что в ряде случаев термины *ἐργασία*, *ἐργάζεσθαι*, подобно латинским терминам *negotium*, *negotiarī*, бесспорно имели отношение к ростовщичеству³, нельзя считать опровергнутым мнение, высказанное рядом исследователей, что *ἐργαζόμενοι* делосских памятников—термин, который мог означать и ростовщиков⁴. Конечно, может быть, прав и Wilhelm, повторяющий гипотезу Homolle'a, когда он в формуле *οἱ τῶν τετραγώνων ἐργαζόμενοι* придает этому термину значение строителей, дополняя *ἐργαζόμενοι* (*στοῖν* или *ἀγροῖν*). Однако здесь ни в коем случае не может быть речи о строительных рабочих, и вопрос о профессии этих «строителей», несомненно, влиятельных лиц, остается открытым⁵.

Среди посвященных надписей различных союзов выделяются акты влиятельных объединений италиков: аполлониастов, гермаистов, посейдониастов⁶. Имеется ряд билингв. Среди *magistri* (глав союзов)—вольноотпущенники, что характерно, если вспомнить о широком развитии спекуляций знатных римлян через доверенных лиц. Следуют многочисленные тексты «компиталиастов», организации такого же социального состава, как и в самом Риме, затем надписи «помпейастов»⁷, ряд посвящений упомянутых беритских посейдониастов и других. Из просопографических замечаний отметим, что комментатор, вслед за Durrbach'ом, считает произвольным отождествление известного дельца Л. Орбия с полководцем римлян, спасшим остров от афинян в 88 г.

Надписи, касающиеся афинских эпимелетов острова и других афинских должностных лиц, занимают видное место. Некоторые публикуются впервые. Следуют акты гимнасиархов и случайных римских магистратов. Среди последних в № 1862, изданном впервые, упоминается неизвестный консул Помпей, сын Тита. Многочисленные надписи жрецов. Все они (за исключением одного—восточного происхождения)—афиняне. Из девяти вновь изданных текстов большинство сильно фрагментировано. К посвящениям жрецов примыкает несколько агонистических надписей, посвящений эфебов; из них № 1923 издан впервые, в нем 4 афинянина, 5 римлян, 2 антиохийца, по одному александрийцу, сидонцу, лаодикийцу, керкирцу и паросцу. Этот текст еще раз подтвердил разноплеменность населения острова во II в. Гимнасиархи, п. дотрибы—афиняне. Следует несколько надписей, касающихся побед на состязаниях.

Значителен раздел посвящений частных лиц. Больше всего афинян. Характерно, что италики и римляне почти отсутствуют, зато есть ряд текстов, где в честь последних делают посвящения афиняне, вообще «друзья» римлян, вольноотпущенники. Изданы впервые лишь совершенно разрушенные обломки.

¹ В BCH (XXVI), 1902, стр. 490 и в «Choix», стр. 226; в REG (XLII), 1929, стр. 34 сл.; в «Glotta» (т. XIV), 1925, стр. 73.

² Так и L a u m, «Banken» в RE, suppl. IV (1924), ст. 72.

³ Например, *ἡ ἐργασία ἡ κατὰ θύλακας*, «занятие морским кредитом» и другие выражения, касающиеся ростовщичества, см. Thesaurus, s. v.

⁴ A. S c h u l t e n, De conventibus civium romanorum, 1892, стр. 41, ср. стр. 3; K o r n e m a n n, De civibus romanis in provinciis consistentibus, 1892, стр. 97, сл., стр. 9, см. H a u s o u l l i e r, Études sur l'histoire de Milet, 1902; стр. 762, пр. 4; S c h e f f e r, Delos в RE, стр. 2469; C a g n a t, «Negotiator» у Daremberg et Saglio, стр. 45.

⁵ H o m o l l e (Les romains à Délos, BCH, VIII, 1884, стр. 126) видел в них ассоциацию, финансировавшую постройку, или подрядчиков. Так и Fougères в BCH (XI), 1887, стр. 270.

⁶ Их следует отличать от беритских посейдониастов.

⁷ После победы Помпея над пиратами.

Заключается IV том разделом многочисленных посвящений египетским божествам: Сарапису, Исиде, Анубису и Гарпократу. Сначала собраны посвящения, исходящие от монархов и городов, затем—от жрецов. Жрецы—афиняне. Однако упоминается жрец-делосец и снотолкователь Аристокид, также делосец (№ 2071). Среди частных посвящений посвящения афинян, римлян и представителей всех частей эллинистического мира. Почитатели египетских богов образовали союзы меланефоров и терапевтов.

Несмотря на зависимость от СЕ, где многие тексты этого раздела были впервые изданы, издание в результате ревизии текста дает в некоторых случаях существенные исправления. Проведен ряд просопографических и других наблюдений.

V том начинается с посвячительных надписей восточным божествам. Первыми идут сирийские: Афродита 'Αφρῳή, Адад и Атаргатис. Посвятители также разноплеменны, среди «римлян»—вольноотпущенники восточного происхождения. По DCA, которому следует комментарий, огосударствление культа произошло около 118/7 г., жрецами стали афиняне. Из посвящений другим восточным богам, включая аравийских, упомянем о билингвах с греческими и семитическими текстами. Что касается еврейских посвящений Θεῶν Ἰσραήλ, то их еврейский характер, вопреки свидетельству Иосифа Флавия, оспаривался Belle D. Mazur в «Studies on Jewry in Greece», I, 195, стр. 15 сл. Среди многочисленных посвящений греческим божествам—ряд впервые изданных памятников, также и среди надписей на алтарях и статуях, среди подписей ваятелей и датировок. Следуют два текста религиозных предписаний и акты принесения афинянами жертв (додекад), но последние уже 112—124/5 гг. н. э.

Из метрических текстов интересны два неизданных ранее стихотворения (№ 2549): Антипатра сидонского, известного из «Антологии», и Антисфена паросского, автора стихов в честь известного дельца Симала. В комментарии к этим значительно разрушенным текстам высказывается правдоподобная гипотеза, что оба стихотворения—заказ италиков в честь известного «благотетеля», ростовщика Филострата.

Христианские и византийские надписи малочисленны. Важен отдел списков и каталогов. Список гимнасиархов (№ 2589)—краеугольный камень афинской хронологии во второй половине II в. Спорный вопрос—начинать ли список с 167/6 или с 166/5 г., решается скорее в пользу первой даты, что важно для точной датировки передачи острова афинянам. В издававшемся ранее списке эфеев (№ 2598) преобладают уроженцы Востока, но упоминается и делосец. Из списков жрецов и помпостолов список жрецов египетских божеств важен для делосской хронологии. Для просопографии интересны каталоги подписчиков на постройку зданий, среди них много римлян.

Таково содержание новых изданий делосских надписей. Как видно из их обзора, в них содержится много ценного материала, освещающего различные стороны жизни античного Делоса. Материалы делосских надписей за последние годы завоевали себе почетное место как в специальных исследованиях, так и в общих трудах по истории эллинизма и Рима. В последних работах Гейхельгейма, Ростовцева, Дзя, Ларсена и других исследователей все чаще появляются ссылки на ID и «Choix». Все же исчерпывающий анализ богатейшей эпиграфики Делоса—дело будущего.

Н. Н. Залесский

«Остров» Теос

«Но, может быть, вы все-таки ответите мне на мой вопрос, существует ли, ну хоть иногда, такой остров...?»

Пьер Дюмель. «Красавица с острова Люлю».

Поводом к настоящему сообщению послужило то, что в «Истории древнегреческой литературы» проф. С. И. Радцига (Москва—Ленинград, АН СССР, 1940) дважды упоминается «остров» Теос: на стр. 109, где сказано, что «Анакреонт родился на острове Теосе», и на стр. 299, где говорится: «До нас дошло много постановлений, касающихся школьного дела в Милете, в Пергаме, на острове Теосе и в других местах».

Указание на «остров» Теос можно найти не только в этой книге, но и в ряде других сочинений, как старых, так и новых. Так, например, у Алексева—«Древне-греческие поэты» (СПБ, 1895, стр. 212) говорится, что «родиной... Анакреонта был остров Тей...» (=Теос); в недавно вышедшей на украинском языке хрестоматии под редакцией проф. А. И. Белецкого («Антична литература. Зразки старо-грецька та римської художньої літератури. Упорядкував проф. О. І. Белецький... (Харків), Радянська школа, 1938) указано тоже: «Анакреонт з острова Теоса...» Далее можно заподозрить этот же «остров» в переводе «Истории греческой литературы» Круаза, сделанном Елисейевой (2-е изд. П. 1916), так как там говорится (стр. 160), что «Анакреонт родился на Теосе». Все эти указания могут вполне убедить читателей, что родиной Анакреонта действительно был «остров» Теос; но если в ком и зародится сомнение в правильности такого указания, то, обратившись к таким светилам западноевропейской науки как профессор Тюбингенского университета Ганс Флах или Крист, придется потерять всякое сомнение: «Dieser ionische Dichter,—утверждает Флах,—war geboren auf der Insel Teos...»,¹ то же самое говорится в 1-м и 2-м изданиях истории литературы Криста (Christ).

Вместе с тем во многих других, не менее авторитетных изданиях ни о каком «острове» Теосе не говорится, и, например, в сборнике «Греческие эпиграммы» в переводе Л. В. Блуменау («Academia», 1935) сказано (стр. 11) об Анакреонте следующее: «Знаменитый ионийский лирик, родившийся в середине VI века до н. э. в городе Теосе (на побережье Малой Азии)...»; а автор статьи об Анакреонте в энциклопедии Pauly-Wissowa (I. Bd., стр. 2035) прямо утверждает: «...Er (Anakreon) stammt aus der ionischen Stadt (nicht Insel), wie Christ auch in der zweiten Auflage der Litt.-Gesch. schreibt (S. 130), Teos...».

Где же истина? Что же такое Теос? Не обращаясь больше к авторитетным лицам, из которых никто не побывал на родине Анакреонта, обратимся к свидетельству людей, ее посетивших.

Описывая свое путешествие по Малой Азии, один из наших современников говорит следующее:

«Мы, несомненно, находились на перешейке, где с одной стороны лежала гавань Герест, а с другой гавань Теоса, отстоящие друг от друга на 30 стадий (5 550 метров), хотя в действительности расстояние это несколько меньше. С давних пор существовала проблема Теоса: одни географы предполагали, что это остров, другие утверждали, что это полуостров. Плиний без колебаний говорит о знаменитом острове Теосе, расположенном в открытом море. А Тит Ливий, например, согласен с теми, кто считает его полуостровом; но он допускает ошибку, описывая нам гавань Герестий, ныне Сигаджик. Вот его слова: «Эта гавань настолько закрыта с двух сторон сходящимися высокими мысами, что в нее едва могут войти сразу два корабля». На самом деле, Сигаджик—открытая бухта, у входа в которую стоит только один высокий мыс, у северного края полуострова. Данные, сообщаемые Помпонию Мелой, не менее фантастичны:

¹ Dr. Hans Fla h, Geschichte der griechischen Lyrik nach den Quellen dargestellt, Tübingen, 1884, стр. 523.

«На перешейке находятся с одной стороны Теос, с другой—Клазомены; два эти города, прилегающие друг к другу и соединенные общей стеной, обращены к двум разным морям». Этот географ не подозревал, что Теос и Клазомены разделены расстоянием около 20 километров. Аристотель утверждает, что ритор Главкон родился «на острове-Теосе». Это недоразумение продолжается вплоть до средних веков»¹.

Теперь становится ясно, что «остров» Теос возник на почве (или, вернее, на волнах) доверия к таким авторитетам, как Плиний и Аристотель, и продолжает существовать в нашем воображении и до сего дня. Но «недоразумение», к сожалению, все-таки остается неразрешенным: дело в том, что Аристотель, слова которого, как и свидетельства других античных авторов, Хименес приводит без точных ссылок, никакого «острова» Теоса не упоминает, а лишь называет Главкона «теосцем» (Риторика, III, I).

Но при проверке текста Плиния, отыскивая ссылку Хименеса по указателям, мы сразу убедимся, что Плиний считал Теос островом. Действительно, в указателях к Плинию и в издании Lemaire'a (Париж, 1832), и в издании Didot (Париж, 1883), и в указателе Schneider'a²—всюду Теос назван «островом» (Teos insula, V, 38, 2; Teos: Ile, V, 38, 2; Teos insula Ioniae cum oppido 5, 138). Сомнений быть не может: Плиний называет Теос островом. Обратимся к тексту пятой книги: «Clara vero,—говорит Плиний,—in alto Teos cum oppido, a Chio LXXXI mill. D passuum, tantundem ab Erythris». Во французском издании 1883 г. это переведено так: «Mais dans la haute mer est Teos, Ile célèbre avec une ville, à 81.500 pas de Chios, à la même distance d'Erythres». И правда, хотя Плиний и не называет Теос островом, но слова in alto, как и упоминание Теоса в ряду других островов, делают такой перевод вполне допустимым. Так понимают слова Плиния и комментаторы издания Lemaire'a: Τέως, quam in paeninsula positam Strabo, lib. XIII, pag. 644, caeterique scriptores docent-atque adeo continenti annexam: sed ita ut aestuante mari insulae in morem tota circum allueretur aquis; указание в index'e к этому изданию, о чем я уже говорил—«Teos insula»—не оставляет сомнений относительно понимания слов Плиния.

Очень вероятно, что именно это указание Плиния на нахождение Теоса in alto и послужило к тому, что Теос стал считаться островом, несмотря на то, что ни у Страбона, ни у Фукидида, ни у Геродота, ни у римских авторов—Тита Ливия, Помпония Мелы и других, Теос островом не называется и, несмотря на ряд неточностей в описании его географического положения, он локализуется на полуострове.

Привычка считать Теос островом настолько сильна, что не только в самостоятельных произведениях новой литературы, вроде указанных выше, но и в переводах древних авторов появляется этот «остров». Так, например, в недавно вышедшем 2-м томе «Описания Эллады» Павсания в переводе С. П. Кондратьева («Искусство», 1940) мы читаем: «Есть и на острове Теосе, на мысе Макрин, купанья...» (стр. 162), и еще (стр. 201): «Равным образом и на острове Теосе есть священный участок и в этой ограде алтарь...», хотя в тексте Павсания «острова» нет.

Не избегал этой участи и Витрувий. Так, в переводе книги Ф. Ф. Велишского «Быт греков и римлян» Прага, 1878, стр. 17), сказано: «Рис. 21 сделан по описанию Витрувия (IV, 8, 1 (sic!) и VI¹ init.), указывающего на храм Вакха на острове Теосе, как на образец такого храма». Но еще до Велишского подобное указание мы находим в примечании к III, 3, 8—9 Витрувия, сделанном в издании Даниеле Барбаро 1567 года (стр. 105, строка 13): «...Exemplum erat in Teo insula in oppido, cuius octastylon ab Hermogene ea ratione constructa erat», т. е. «Образец такого храма находился на острове-Теосе в городе, октастиль которого был построен Гермогеном именно так»³.

Никаких оснований для того, чтобы называть Теос островом текст Витрувия не дает; ни в одном из трех мест, где упоминается Теос, он не назван «insula»: III, 3, 8: «Huius exemplar Romae nullum habemus, sed in Asia Teo hexastylon Liberi Patris».

¹ Saturnio X i m e n e z, L'Asie mineure en ruines, Paris, Plon (1925), стр. 187 сл.

² In C. Plinii Secundi Naturalis historiae libros indices composuit Otto S c h n e i - d e r. Gotha, Perthes, 1857.

³ «Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро...», М. 1938, стр. 408.

IV, 1, 4: «...Prienen, Samum, Teon, Colophona...»; VII, вступл. 12: «Hermogenes de aede Dianae, ionica quae est Magnesia pseudodipteros, et Liberi Patris Teo monopteros».

Автор этой заметки должен признаться, что и его не миновала участь его почтенных предшественников и современников: в переводе Витрувия (изд. Академии Архитектуры. М. 1936), переведя правильно III, 3, 8—«...шестиколонник отца Либеры в Теосе», он в переводе вступления к книге VII впал в соблазн и поставил другой предлог: «... на Теосе». В редакционных же примечаниях к III, 2, 6, где говорится об архитекторе Гермогене, сказано, что он «построил храм Диониса на острове Теосе»! Это даром не прошло, и ошибка редакционного примечания была поставлена в упрек автору перевода. Этот упрек, выраженный в самой резкой форме, был сделан одним из участников перевода Витрувия, вышедшего несколько раньше в ГАИМК'е. Самое, однако, удивительное, что критик при этом забыл о самом себе и своем сопереводе: в издании ГАИМК'а напечатано (VII, вступл. 12): «Наконец Гермоген описал храмы: ионический «псевдодиптерос» Дианы в Магнезии и «моноптерос» отца Либеры на Теосе...» (это перевод критика), а III, 3, 8 в переводе другого переводчика гласит: «... в Азии, на острове Теосе, есть шестиколонный храм в честь отца Либеры». Как мы уже указывали, предлог «на» есть тоже ошибка, так как не может быть отнесен к городу, а только к острову или полуострову, которыми *город* Теос никогда не был.

Итак, Теос никогда не был ни островом, ни полуостровом: это город, расположенный на полуострове Миманте, и ни Павсаний, ни Страбон, ни Аристотель, ни Тит Ливий, ни Помпоний Мела, ни Витрувий не называют его островом. Вероятнее всего, как мы уже указывали, ошибка эта восходит к тексту Плиния Старшего, который, хотя тоже не называет Теос островом, но все-таки помещает его «in alto» т. е. в открытом море.

Может показаться, что не стоило останавливаться так долго на такой ошибке: мало ли делается подобных ошибок. Их можно указать—и все тут. Но дело в том, что эта ошибка—не случайная, а, как видно, повторяющаяся из поколения в поколение; она представляет интерес в ряду других подобных ошибок, которые существуют в любой науке и искореняются только с большим трудом. Некоторым из таких вековых ошибок я надеюсь посвятить особую заметку, а пока скажу только, что в самое последнее время мне пришлось натолкнуться на одну, тоже географическую, ошибку, которая, того и гляди, окажется «островом Теосом»: в одной книге видного нашего искусствоведа упомянуто как географическое название Guinguette, где веселятся французские крестьяне (на картине Ватто). Но guinguette—не город, не село, а просто «харчевня».

Ф. А. Петровский

Обзор иностранных историко-археологических журналов

1. The Classical Journal — 1943—45 гг.
2. «Hesperia» — 1943—45 гг.
3. Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей—1940—41 гг.
4. Bulletin of the American Schools of Oriental Research—1942 г.

The Classical Journal

Vol. XXXVIII, January 1943

J., D u f f y, The historical Development of Ancient Literature, стр. 193—212. Стремясь представить историю античной литературы в процессе непрерывного развития ее форм, изменения и разнообразия тематики, в связи с изменениями и расширением потребностей эволюционирующей жизни, автор подчеркивает те стороны исто-

рии древней литературы от Гомера и до Квинтилиана, которые свидетельствуют о подчинении литературных стилей и форм потребностям дня. Постоянное изменение и развитие показывает, что не было точных образцов, которым художники принуждены были следовать. Традиция и традиционные формы существовали постольку, поскольку они не мешали непрерывному развитию литературы.

Е. F. L e o n, *Cato's Cakes*, стр. 213—221. Автор рассматривает поваренные рецепты Катона с точки зрения современной гастрономии: перечисляет и характеризует наиболее употребительные римские блюда, сравнивая их с современными, и описывает употреблявшуюся для их приготовления посуду.

Е. S. M a s C a r t n e y, *On Keeping Animals Silent in Peace and War*, стр. 222—226. Автор выясняет роль домашних животных в древности в качестве сигнализаторов времени (петух) и сигнализаторов присутствия посторонних, а также враждебных людей (собака) и т. п. Он касается суеверий, в силу которых различные животные или люди при некоторых обстоятельствах теряют на время или навсегда те или иные функции.

Vol. XXXIX, February 1944, № 5

R. G l o v e r, *The Elephant in Ancient War*, стр. 257—269. Статья посвящена определению значения слонов как военной силы в древности. Наряду с историей применения слонов на войне со времен греко-персидских войн до войн Цезаря, автор касается вопросов тактики боя слонов.

P. F r i e d l ä n d e r, *The Greek behind Latin*, стр. 270—277. Статья старается показать, что греческая словесность, греческая культура и мысль проникали в латинскую образованность настолько глубоко, что почти каждая латинская—не только фраза, каждый оборот речи является сколком с греческого. Автор приводит много примеров, число их можно было бы умножить, без того, однако, чтобы его тезис следовало принять как обоснованный.

G. E. M y l o n a s, *Athletic Honors in the Fifth Century*, стр. 278—289. Автор старается показать, что обожествление атлетов имело место в ограниченных случаях и по причинам, не имеющим ничего общего с их атлетическими достоинствами.

«Hesperia», Journal of the American School of Classical Studies at Athens, Vol. XII, № 1, January—March 1943

Е. C a p p s, *Greek Inscriptions. A new Fragment of the List of Victors at the City Dionysia*, стр. 1—11. Публикация вновь найденного фрагмента списка победителей на дионисийских играх в Афинах. Фрагмент, найденный в 1937 г. на северном склоне Ареопага, примыкает к другим фрагментам этой же надписи, опубликованным в IG, II², 2318.

A. E. R a u b i t s c h e k, *Greek Inscriptions*, стр. 12—88. Публикация новых эпиграфических находок на афинской агоре, поправки и дополнения к надписям, найденным и опубликованным ранее: 1. Поправки к чтению подписи эпистатов статуи Афины Промакос. 2. Публикация нового обломка стелы с эпиграммой памяти афинян, павших в сражении под Потидеей (IG, I², 993). Новый фрагмент позволяет восстановить концы трех заключительных строк эпigramмы. 3. Публикация двух новых фрагментов списка афинян, павших в пелопоннесскую войну (IG, I², 944). 4. Публикация трех посвящений Зевсу Мейлихию, найденных в 1934—36 гг. при раскопках агоры. Посвящения датируются IV—III ст. до н. э. 5. Публикация фрагментов, найденных в разные годы и составляющих почетный декрет афинского ареопага и совета 500 в честь Луция Луцилия Пансы Прициллиана (упомин. Дионом Кассием, XXIX, 21, 3—5 и в надписях CIL IX, 338, 663), легата и прокуратора многих провинций (215—217 г. н. э.).

Vol. XII, No 2, April—June 1943

D. K e n t H i l l, *Ancient Metal Reliefs*, стр. 97—114. Исследование, посвященное истории техники бронзового рельефа в древности. Автор приходит к выводу, что

рельеф на бронзовой пластине, полученный на матрице с помощью чекана, существовал на протяжении всей античности в Греции и Италии.

K. Lehmann-Hartleben, Cyriacus of Ancona, Aristotle, and Teiresias in Samothrace, стр. 115—134. Статья посвящена реабилитации Кириака из Анконы, посетившего в октябре 1444 г. о. Самофраку, описавшего и зарисовавшего некоторые из его памятников.

G. P. Stevens, The Curve of the Stylobate of the Parthenon, стр. 135—143. Изучая криватуру поверхности наиболее хорошо сохранившегося северного стилобата Парфенона, автор приходит к выводу, что она представляла собой параболу.

St. Dow, and A. H. Travis, Demetrios of Phaleron and his Lawgiving, стр. 144—165. Рассматривая свидетельства древних авторов о законодательной деятельности Деметрия Фалерского, автор склонен датировать кодекс Деметрия 316/15 г. н.э., опору в чем он ищет в пограничных межевых камнях, датирующихся этими или последующими годами и ссылающихся на некие *суджжжж*, которые, по мнению автора, являлись контрактами или кучими, депонированными по кодексу Деметрия у третьих лиц.

J. M. Shelley, The Christian Basilica near the Cenchrean Gate at Corinth, стр. 166—189. Суммарный отчет о раскопках и публикация архитектурных остатков христианской базилики, открытой в 1928 г., в Коринфе.

Vol. XII, No 3, July—September 1943

A. W. Parsons, Klepsydra and the Paved Court of the Python (The American Excavations in the Athenian Agora. Twenty Fourth Report), стр. 191—267. Отчет о раскопках Клепсидры—бассейна, расположенного с северо-западной стороны Акрополя и примыкающего к ней мощеного двора, выяснение принадлежности и история этих сооружений.

Vol. XII, No 4, October—December 1943

H. A. Thompson and R. L. Scranton, Stoas and City Walls on the Pnyx, стр. 269—383. Отчет о раскопках и архитектурная история двух портиков (западная и восточная стoa), открытых на Пниксе и сооруженных, судя по керамическим находкам, во второй половине IV ст. до н. э. К этому же времени относится и другой раскопанный объект—значительный по размерам участок оборонительной стены так называемой *диатейхисмы*, упомянутой в большой надписи, касающейся реставрации стен города и Пирея, а также «длинных стен» в 307/6 г. до н. э.

Vol. XIII, No 1, January—March 1944

B. N. Hill and B. D. Meritt, An Early Athenian Decree Concerning Tribute, стр. 1—15. Републикация надписи (декрета), касающейся афинского форося, частично опубликованной в книге B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery and M. T. MacGregor, The Athenian Tribute Lists, I, 1939, под № Д 7. Надпись должна быть приурочена к 448/9 г., ко времени празднования Дионисий.

Декрет определяет порядок наложения и взимания форося, процедуру ответственности за неуплату; он устанавливает также, что каждая вносящая форося община обязана присылать в Афины на Панафинейские празднества быка и паноплию.

D. M. Robinson, Greek Horoi and a New Attic Mortgage Inscription, стр. 16—21. Публикация пограничного межевого камня с вырезанным на нем ипотечным договором (*ὄρες χωρίο πεπραγμένο ἐπὶ λύσει καὶ σίκτας*). Публикация сопровождается разбором аналогичных эпиграфических памятников и установлением категорий ипотечных документов. Надпись датируется временем от 350 до 325 г. до н. э.

R. A. Schlaifer, Fragment of a Proxeny Decree from Ios, стр. 22. Публикация фрагментированного декрета о проксении (имя проксена не сохранилось), найденного на о. Иосе в 1936 г. Декрет, изданный в III—II ст. до н. э., некогда находился в святи-

лице Аполлона Пифийского, что и засвидетельствовано в последней сохранившейся его строке.

J. M. R. C o r m a s k, *Inscriptions from Berea*, стр. 23—29. Публикация девяти македонских надгробий (некоторые сильно фрагментированы), найденных в 1936 г. в Берее при вскрытии крепостной стены позднеримского времени.

Среди надгробий, также относящихся к римскому времени, имеется элегическая эпитафия в память актрисы (мимы) Кириллы, стяжавшей некогда много славных венков.

C. B o n n e r, *An Obscure Inscription on a Gold Tablet*, стр. 30—35. Разбирая надпись на опубликованной Секки в 1852 г. золотой табличке, впоследствии утерянной, к тексту которой обращались различные филологи и историки религии, автор устанавливает новое чтение, при котором обращенное к Сарапису заклинание, считавшееся непонятным или толковавшееся как любовный заговор, приобретает точный смысл заговора против скопионов и «всех тех, что под камнями».

P. M a a s, *Εἰέυκτος*, стр. 33—37. Автор рассматривает текст свинцовой таблички IV ст. до н. э., происходящей из Фаласарны на западном Крите и хранящейся в Афинском музее. Текст представляет собой набор слов, частично искаженных, частично совершенно бессмысленных.

J. D. B e a z l e y, *Groups of Early Attic Black-Figure*, стр. 38—57. Автор, в соответствии со своим методом дифференциации греческой расписной посуды по стилистическим группам, приписываемым определенному мастеру, именуемому обычно по шедевру группы, разбивает на несколько таких групп древнейшую чернофигурную керамику Аттики периода от возникновения чернофигурной техники до появления изделий Эргота и Клития.

S. t. D o w and F. S. U p s o n, *The Foot of Sarapis*, стр. 58—77. Публикация пяти вотивных мраморных ног (ступней), обутых в сандалии и снабженных атрибутами культа Сараписа. Авторы связывают разнообразие этих ступней с разнообразием типов статуй Сараписа. Множественностью статуарных типов они объясняют разницу в стиле, атрибутах и т. п. публикуемых вотивных ступней.

E. D e W a l d, *The Comnenian Portraits in the Barberini Psalter*, стр. 78—86. Публикация миниатюры из хранящегося в Ватикане византийского псалтыря (собр. Барберини), изображающей императора Алексея I Комнена, его жену императрицу Ирину и их сына Иоанна. Изображение приурочено к событию коронации Иоанна Комнена на совместное его с отцом царство, в 1092 г.

D. K e n t H i l l, *More about Ancient Metal Reliefs*, стр. 87—89. Антикритика (против G. M. A. Richter) и подкрепление взглядов, высказанных в статье автора, помещенной в т. XII «Hesperia» за 1943 г., вып. 2, стр. 97, относительно возникновения техники *geroussé* в греческой торевтике.

Vol. XIII, No 2, April—June 1944

L. B. H o l l a n d, *Colophon*, стр. 91—171. Отчет о раскопках Колофона в 1922—25 г., вскрывших эллинистическо-римские слои. Отчет касается лишь архитектурных остатков, из которых наиболее существенны: стиль, комплексы жилых зданий эллинистического времени, Метроон и термы. Упоминается и публикуется также водопровод из глиняных труб.

Vol. XIII, No 3, July—September 1944.

D. B u r r T h o m p s o n, *The Golden Nikai Reconsidered*, стр. 173—209. Основываясь на обычае афинян посвящать в честь победы золотые статуи Ники в храм Афины и на эпиграфических свидетельствах, касающихся подобных статуй, автор рассматривает в отдельности 12 засвидетельствованных случаев посвящения золотых Ник в V—IV ст. до н. э., их технику, размеры, стиль, аксессуары и т. п.

B. D. M e r i t t, *Greek Inscriptions*, стр. 210—266. Публикация новооткрытых эпиграфических фрагментов, из которых наиболее интересны: 1. Декрет 428/7 г. до н. э. об афитейцах (*Ἀφεταιοί*), приравниваемых в правах и обязанностях афинских.

союзников, а также по праву ввоза зерна из Византия, к жителям Метоны, освобожденным от целого ряда платежей. 2. Фрагмент надписи, видимо, подтверждающей со стороны афинян (около 246 г. до н. э.) право неприкосновенности и убежища, дарованное Селевком II Смирне и святилищу Афродиты Стратоники (OGIS, 229).

Vol. XIII, No 4, October—December 1944

D. Levi, Aion, стр. 269—314. Исследование, посвященное развитию в античном изобразительном искусстве образа Эона—персонифицированного времени.

Scranton R., Two Temples of Commodus at Corinth, стр. 315—348. Публикация архитектурных остатков (фундамента, части антаблемента, капители колонн) двух небольших храмов, открытых и исследованных во время раскопок коринфской агоры за время с 1935 по 1938 г. Храмы возведены около 190 г. н. э., и один из них посвящен, вероятно, Посейдону.

C. Bonner, The Phillinna Papyrus and the Gold Tablet from the Vigna Codini, стр. 349—351. Автор возвращается к истолкованию значения магического текста на золотой пластинке, опубликованного в № 1 «Hesperia» за 1944 г., в связи с появлением (в JHS, XLII (1942), стр. 33) комментированного Р. Маасом магического текста папируса Филинны.

A. E. Raubitschek, Note on IG, I², 945, стр. 352. Поправка к публикации эпитафии афинянам, павшим под Потидеей, опубликованной в № 1 «Hesperia» за 1943 г.

D. Kent Hill, Hera, the Sphinx?, стр. 353—360. Из описания Павсанием (V, 17—1—4) храма Геры в Олимпии следует, что статуя богини была не каменной, а хризэлефантинной. Стало быть, женская голова с калафом, найденная в 1870 г. и идентифицированная как голова культовой статуи Геры, является чем-то иным. Автор довольно убедительно показывает, что голова «Геры» скорее всего могла бы быть головой сфинкса.

F. M. Heichelheim, Numismatic Comments, стр. 361—374. Нумизматические заметки, посвященные вопросу о месте чекана группы тетрадрахм Селевка II и Антиоха Гиерака с совой на реверсе и о принадлежности монеты с именем царя Антиоха, датированной 151/0 г. до н. э.

Vol. XIV, No 1, January—March 1945

D. Levi, Early Hellenic Pottery of Crete, стр. 1—32. Рассмотрение протогеометрической (субмикенской) и геометрической керамики Крита, происходящей из раскопок Кноса, некрополя Зафер Папура и других мест, приводит автора к выводу, что критское искусство геометрической эпохи, уходящее своими корнями в искусство минойского Крита и, с другой стороны, тесно связанное через филистимлян—финикийцев с искусством Передней Азии, служило проводником ориентализирующих элементов в керамическое искусство материковой Греции.

C. M. Dawson and A. E. Raubitschek, A Greek Folksong copied for Lord Byron, стр. 33—57. Публикация греческой народной песни, записанной для Байрона, переведенной им на английский язык и напечатанной впервые в 1812 г. в приложении к «Странствованиям Чайльд Гарольда».

A. R. Bellinger, King Antiochus in 151/0 B. C., стр. 58—59. Бронзовая монета с именем царя Антиоха, сына Деметрия I, чеканенная в 151/0 до н. э. (см. «Hesperia», XIII (1944), № 4, стр. 361), указывает, по мнению автора, ввиду несоответствия ее чекана антиохийскому, что Антиох, венчанный на царство вместе со своим братом, Деметрием II, выпустил эту монету, датированную годом смерти его отца, не в Антиохии, а где-либо в Малой Азии.

Vol. XIV, No 2, April—June 1945

B. D. Merritt, Attic Inscriptions of the Fifth Century, стр. 61—133. Публикация большого количества эпиграфических фрагментов V в. до н. э., многие из которых дополняют уже изданные надписи: 1. Четыре новых обломка надписи, касающейся

регламентации жреческих доходов от элевсинских мистерий, опубликованной в свое время Новосадским (IG, I², 6). 2. Два обломка, принадлежащих надписи IG, I², 29, касающейся льгот союзным городам. 3. Републикация нескольких фрагментов, принадлежащих одной надписи и дающих текст, относящийся к беотийским изгнанникам, которые, вероятно, были где-либо определены на жительство (надпись датируется 424/3). 4. Обломок надписи, найденной в 1939 г., с текстом, касающимся афино-хиосских отношений с упоминанием о заложниках, возможно о тех самых, о которых сообщает Фукидид IV, 51. 5. Обломок надписи, найденный в 1937 г., содержащий упоминание о лаврийских рудниках и серебре, назначенном для чеканки монет. 6. Новый обломок декрета, опубликованного в IG, I², 96, в котором речь идет о симмахии и дружбе между Афинами и Аргосом на 50 лет (417/16 г. до н. э.).

B. D. Meritt, *The Argives at Tanagra*, стр. 134—146. Републикация фрагментов надписи, изданной частично в IG, I², 931—932, содержащей перечень аргосцев, павших в Танagre в качестве афинских союзников (457 г. до н. э.).

E. V and ergo o l, *Two Inscriptions Near Athens*, стр. 147—149. Публикация двух стел, найденных близ Афин, из которых одна сильно фрагментирована и почти не сохранила текста, другая же содержит четыре строки надписи в честь Монима, сына Деметрия из Амиса, бывшего агонотетом некоей религиозной ассоциации при архонте Лисандре, т. е. в 52/1 г. до н. э.

E. R. Caley, *Ancient Greek Pigments from the Agora*, стр. 152—156. Исследование и данные химического анализа красок, обнаруженных при раскопках афинской агоры, на сосудах, терракотах и других предметах VII—I ст. до н. э. Большинство красителей, употреблявшихся в Афинах, представляют собой минеральные красящие вещества местного происхождения или импортированные из Малой Азии, Египта, может быть даже из Закавказья.

Vol. XIV, No 3, July—September 1945

F. Jacoby, *Some Athenian Epigrams from the Persian Wars*, стр. 157—211. Анализ двух афинских эпиграмм, относящихся к греко-персидской войне и прославляющих воинов, павших за свободу Эллады: первая—при Марафоне, вторая—при Эйоне. Первая из названных эпиграмм, известная как эпиграфический памятник с середины прошлого века, приписывается чаще всего Симониду. Автор склоняется к тому, что она могла скорее принадлежать перу Эсхила или, может быть, частично Эсхила, частично Симонида, поскольку не исключено ее возникновение в порядке публичного конкурса с последующей контаминацией. Вторая эпиграмма, переданная Плутархом (Кимон, 7, 2) и Эсхином (*Ctesiphontea*, 183), зафиксированная, по словам названных авторов, на трех гермах, является плодом ионийской поэзии, под сильным влиянием эпического стиля и принадлежит перу кого-либо из клиентов Кимона, поставившего эти гермы. Обе эпиграммы являются весьма интересными образцами древнегреческой патриотической поэзии.

H. T. Wade-Gery, *The Question of Tribute in 449/8 B. C.*, стр. 212—230. Автор отстаивает высказанные им ранее соображения по поводу отсутствия списка плательщиков φόρος на 449/8 г. до н. э. Он полагает, основываясь на Фукидиде и Плутархе, что в связи с переходом в 450 г. власти в руки Перикла и по смыслу Каллиева мира должна была прекратиться уплата φόρος союзниками. Это и произошло в указанном выше году. Возобновление его уплаты, предписываемое декретом Клиния, было основано уже на совершенно иных принципах и не имело в виду продолжения борьбы. *πρὸς τὸν βάρβαρον*.

J. G. Milne, *The Economic Policy of Solon*, стр. 230—245. Статья представляет собой догматически изложенное резюме предшествующих работ автора по экономической истории Греции в VII ст., перечисленных им во введении. Главной заслугой Солона, по его мнению, являлось форсирование добычи серебра и экспорт этого металла, ибо развитие ремесла за счет ввоза чужестранной рабочей силы (рабов), исключая керамическое производство и торговлю расписной посудой, не имело большого значения в аттической экономике и не могло возвысить Афины над другими греческими

полисами. Политика «демократической империи», характерная для Клизфена и его преемников, обеспечившая за Афинами все экономические выгоды морского союза, была предначертана Солоном и предопределена такими мероприятиями, как сисахфия. На построениях автора, несомненно, сильно сказываются современные буржуазно-демократические идеи.

О. В о н е е г, Notes on the Interior of the Hephaisteion, стр. 246—258. Реконструкция внутренней колоннады афинского Гефестейона и системы его перекрытия.

Р. L e h m a n n, A Roman Poet visits a Museum, стр. 259—269. В книге XIV, 170—180, своих эпиграмм Марциал описывает произведения искусства, из которых два—живописные Гиацинт и Даная находились в храме Divus Augustus в Риме. Автор высказывает предположение, что вся описанная Марциалом коллекция произведений живописи и скульптуры находилась в этом храме, по обычаю в его пронаосе, представляя собой род музейного собрания.

М. В i e b e r, Archaeological Contributions to Roman Religion, стр. 270—277. Рассмотрение двух своеобразных статуарных типов: сидящей Дианы и отдыхающего (лежащего) Геракла—приводит автора к некоторым соображениям, касающимся путей заимствования римлянами религиозных и культовых представлений у греков.

«Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей» (1940—1941), София, 1942

В. М и к о в ъ, Разкопки изъ Родопит, стр. 19—33. Публикация раскопок, принятых в 1940 г., близ поселений Проглед, Павельско и Орехово. Раскопке подверглись курганные могильники, содержавшие позднегальштатские погребения (VI—V вв. до н. э.). Около села Павельско были вскрыты погребения позднеримского времени с медными монетами римских императоров от Феодосия I до Феодосия II (IV—V вв. н. э.).

Д. Д е ч е в ъ, Античны паметници от българските земи, стр. 34—39. Публикация восьми эпиграфических и скульптурных фрагментов античной эпохи в Болгарии, из которых выделяются: 1. Алтарь с посвящением Юпитеру Долихену. 2. Обломок votивного рельефа с надписью жреца и изображением (фрагмент) Афродиты Урании. 3. Четыре фрагментированных рельефа с изображением фракийского всадника.

Д. Ц о н ч е в ъ, Римският път Philippopolis—Carassura и разклонение тому при Ranihum, стр. 40—60. Установление реальных следов римской дороги между упомянутыми в заголовке пунктами на основании древних свидетельств (Tab. Pentingeriana, Itin. Burdigalense, путешествие св. Александра Римского в Фракию) и новейших разведочно-археологических данных, подкрепленных личными наблюдениями автора.

Д. Ц о н ч е в ъ, Тракийското светилище при с. Варвара, Пазарджишко и старинните в съседната околност, стр. 61—87. Публикация раскопок примитивного святилища небольших размеров, сложенного из дикого камня, с глиняным полом и крытой черепицею кровлей. Внутри святилища под слоем золы, указывающим на причину его разрушения, найдены мраморные рельефы, с изображением фракийского всадника. Два фрагмента рельефа сохранили надписи посвящений божеству, отождествлявшемуся с греческим Асклепием.

Д. П. Д и м и т р о в ъ, Късноантичен портрет на мяжъ стъ Стара-Загора, стр. 88—92. Публикация мраморной головы, очень плохой сохранности, принадлежавшей позднеримской портретной скульптуре, сближаемой автором с некоторыми портретами эпохи императоров Галлиена—Диоклетиана, именно с той их группой, в которой была сильна традиция греческой портретной скульптуры.

Т. Г е р а с и м о в ъ, Находка отъ сребърни монети на Александър III Велики, Лизимахъ и Скостокъ от Пловдивъ, стр. 93—106. Публикация клада серебряных монет, найденных в Пловдиве в 1907 г. В составе клада—тетрадрахма Александра Македонского, тетрадрахмы Лизимаха и, наконец, тетрадрахмы и драхмы, имеющие на себе,

кроме имени Лисимаха, имя некоего Скостока, видимо управлявшего Фракией после убийства Лисимаха от его имени.

Д. Ц о н ч е в ъ, Старините около Сърнегоръ, стр. 107—117. Публикация предметов, происходящих из случайных и грабительских раскопок курганов близ села Сарнегор, Карловского округа. В одном из курганов найдены красноглиняная ойнохоя и два чернолаковых светильника, которые и датируют погребение IV ст. до н. э.

Bulletin of the American Schools of Oriental Research

No 85, February 1942

N. G l u e s k, Nabataean Syria, стр. 3—8. Набатейское царство имело в качестве своей основной территории Южное Заиорданье и Набатейскую Аравию, откуда идут его истоки. Эта территория хранит многочисленные следы набатейской культуры, в частности, набатейской керамики, производство которой продолжалось и после завоевания Набатейского царства Римом. В Южной Сирии, по мнению автора, также следует ожидать следов набатейской культуры.

F. R o s e n t h a l, The script of Ostrakon No 6043 from Ezion-geber, стр. 8—9. Публикация керамического фрагмента с надписью, происходящей из раскопок в Эцион-гебере, на Крайнем Юге Палестины. Признаки перекрестного ханаанско-арамейского влияния.

E. A. S p e i s e r, The Shibboleth Incident (Judges 12.6), стр. 10—13. Автор рассматривает следы диалектальных различий в древне-еврейском языке в древнейшую эпоху (XI в. до н. э.). В частности, он указывает на удержание арабско-ханаанского *t* в галаадском диалекте, в то время как эфраимский диалект заменяет его повсюду на *š* (сибболет—шиболет).

J. M e n d e l s o n n, State Slavery in Ancient Palestine, стр. 14—17. Наличие государственных рабов в древней Палестине в эпоху Давида, Соломона и их преемников, известное из Библии, подтверждается раскопками Н. Глюка в Эцион-гебере, где открыты значительные остатки металлургических мастерских. Сопоставление литературных данных и исследование библейской и вавилонской терминологии, характеризующей несвободное состояние и формы принудительного труда, убеждает автора в том, что в древней Палестине в эпоху ее самостоятельного существования государственные рабы широко использовались как в промышленности, так и на строительных работах. Они рекрутировались из военнопленных и их потомков, а также и из обращенных в рабство свободнорожденных ханаанцев и эдомитов.

W. F. A l b r i g h t, Two Cressets from Marisa and the Pillars of Jochin and Boaz, стр. 18—27. Исследование, посвященное изображению двух канделябр, написанных на стене могилы в Тель-Сандаганнахе (древнееврейское поселение Марешах), называвшееся в эллинистическую эпоху Мариза.

Происхождение подобных канделябр, или фимиатериев, автор находит в Египте III тысячелетия до н. э. Оттуда они проникли позднее в Ханаан и были заимствованы финикийско-еврейской культурой. В частности, они отразились в двух колоннах Соломонова храма.

H. H. R o w l e y, The Exodus and the Settlement in Canaan, стр. 27—31. Утверждение автором высказанных им ранее взглядов (Bulletin of John Rylands Library, XXII (1938), стр. 243) против рассуждений Ольбрайта (From the Stone Age to Christianity, 1940), Берроуза (What mean these Stones?); проникновение израильского племени в Египет, по мнению Раули, имело место в эпоху Тель-Амарны, иудейское же племя в это или в несколько более позднее время—во всяком случае до исхода, уже проникло в Палестину из Ханаана. Исход имел место в царствование Мернепта. Для начала исхода автор принимает 1225 год.

No 86, April 1942

M. S t e k e l i s, Preliminary Report on Soundings in Prehistoric Caves in Palestine, стр. 2—10. Сообщение о зондажных работах в пещерах на г. Кармель и в районе Рам-леха в Палестине. Разведки дали в некоторых пещерах неолитические слои с примитивной керамикой и кремневым инвентарем, и некоторых же (на г. Кармель) также палеолитические остатки — кремневые орудия и кости животных, соответствующие мустьерской и ориньякской стадиям.

W. F. A l b r i g h t, Observations on the Date of the Pottery-Bearing Stratum of Mughâret Abu Usba', стр. 10—14. Автор предшествующего сообщения и исследователь палестинских пещер (Stekelis) датирует найденную им в пещере Мугхарет Абу-Узба керамику временем позднего неолита, против чего протестует Олбрайт, сравнивающий эту керамику с керамикой соответствующих напластований Мегиддо, Иерихона и Гассула.

N. G l u e s k, Further Explorations in Eastern Palestine, стр. 14—24. Сообщение об археологических разведках в Заиордании, в области преимущественно к северу от Джераша. Обнаружено большое количество следов (в особенности керамики) эпохи бронзы, раннего железа и римско-византийского периода. В Кирбет Мафраке обнаружены остатки циклопической стены из огромных, грубо обработанных блоков; близ этого пункта отмечен, кроме того, круг из менгириобразных камней, близ Вади-Джераша зафиксированы остатки древней оросительной канализации.

J. A. T h o m p s o n, On some Stamps and a Seal from Lachish, стр. 24—27. Дополнения и поправки к чтению легенд некоторых штампов и одной печати, опубликованных Д. Дирингером в «Palestine Exploration Quarterly», LXXIII (1941), стр. 38—56 и 89—109: «On Ancient Hebrew Inscriptions discovered at Tell ed-Duweir (Lachish, I, II)».

W. F. A l b r i g h t, A Teacher to a Man of Shechem about 1400 B. C., стр. 28—31. Републикация двух клинописных табличек, найденных при раскопках Шехема в 1926 г. Первая из них сильно фрагментирована и дает чтение нескольких собственных имен, подтверждающих хурритское проникновение в Палестину в XVIII и XVII вв. до н. э.

Другая табличка содержит письмо, написанное, может быть, из Мегиддо и адресованное некоему лицу в Шехеме. Автор письма, учитель, негодует по поводу длительной задержки платы за обучение детей адресата.

G. E. W r i g h t, Two Misunderstood Items in the Exodus-Conquest Cycle, стр. 32—35. Реплика на статью Раули об исходе из Египта, помещенную в предшествующем номере «Бюллетеня». Автор отвергает обе предложенные Раули даты прихода и исхода евреев из Египта.

M. B u r r o w s, A Comment on Professor Rowley's Paper in the February Bulletin, стр. 35—36. Краткий ответ на упомянутую выше статью Раули об исходе, в котором Берроуз отказывается принять какие-либо из упреков, сделанных ему Раули.

No 87, October 1942

Бюллетень открывается некрологами, посвященными умершим в 1942 г.: знаменитому американскому ассириологу, гебраисту и хеттологу Джоржу Бартоку (1859—1942); знаменитому английскому египтологу, последние годы жизни посвятившему изучению Палестины, Флиндерсу Петри (1853—1942); американскому египтологу, также много поработавшему в Восточной Африке и Палестине, Джоржу Рейснеру (1867—1942).

A. N. D e t w e i l e r, Some Early Jewish Architectural Vestiges from Jerash, стр. 10—17. Публикация фрагментов еврейско-эллинистической архитектуры: части антаблемента (метопа) с рельефными изображениями птицы и пифосовидной амфоры, а также капители колонны с изображением семисвечника, найденных в Джераше в 1931 г. около большой триумфальной арки к югу от города.

R. M. E n g b e r g, Tombs of the Early Second Millenium from Baghuz on the Middle Euphrates, стр. 17—23. Предварительная публикация раскопок древнего некро-

поля, расположенного в нескольких километрах от Мари, в местности Багхуз. Могилы датируются началом II тысячелетия до н. э.

W. F. Albright, A Votive Stele Erected by Ben-Hadad I of Damascus to the God Melcarth, стр. 23—29. Републикация стелы из Библоса, впервые опубликованной М. Дюнаном в «Bulletin du Musée de Beyrouth», vol. III, стр. 65—76. Стела снабжена надписью, содержащей посвящение Бен-Гадада, сына Таб-Раммана, сына Гадизна, царя Арама богу Мелькарту, изображение которого дано на стеле. Надпись датируется серединой IX в. до н. э. и является первым эпиграфическим упоминанием царских имен Дамаска (Арама), одного из древнейших врагов Израиля.

G. Levi Della Vida, The Phoenician God Satrapes, стр. 29—32. В некоторых греческих и арамейских надписях упоминается финикийское божество Сатрап—имя, которое производили нередко от наименования древнеперсидских управителей провинций. Автор устанавливает происхождение этого имени от библейского *ahšadarp*.

W. F. Albright, A Case of Lèse-Majesté in Pre-israelite Lachish, with some Remarks on the Israelite Conquest, стр. 32—38. Исследование клинописного письма, найденного в слое III Лахиша во время раскопок 1892 г., проливающего свет на египетские интриги в Палестине и на ханаанско-египетские отношения в эпоху, предшествующую завоеванию Палестины евреями.

R. Marcus, The Word Sibboleth again, стр. 39. Возражения на статью Шпейвера, помещенную в № 85 «Бюллетеня» и посвященную диалектальным различиям в древнееврейском языке.

H. H. Rowley, Two observations, стр. 40. Краткая реплика на помещенные в предшествующем номере «Бюллетеня» статьи Берроуза и Райта, посвященные вопросам, связанным с пребыванием евреев в Египте и исходом из него.

No 88, December 1942

Номер открывается некрологом и откликами на смерть Е. Гранта, американского гебраиста и археолога Палестины, а также годовым отчетом президента американской школы восточной археологии и директора ее филиала в Иерусалиме.

S. N. Kramer, The Oldest Literary Catalogue. A Sumerian List of Literary Compositions Compiled about 2000 B. C., стр. 10—11. Количество литературных произведений—гимнов, эпических песен, пересказов мифов, пословиц и мудрых изречений настолько умножилось к 2000 г. до н. э., что появилась нужда в их каталогизации. Образцы подобных шумерских каталогов публикует автор в виде двух клинописных табличек, хранящихся в музее Чикагского университета и в Лувре.

H. G. May, The two Pillars before the Temple of Solomon, стр. 19—27. В своей статье о канделябрах из Меризы в № 85 «Бюллетеня» Ольбрайт высказывает предположение, что две колонны перед входом в храм Соломона также представляли собой канделябры. Автор оспаривает его и полагает, что это были специальные сосуды для благовоний на высоких подставках, в защиту чего он приводит ряд примеров из библейской и месопотамской археологии.

W. F. Albright, A Third Revision of the Early Chronology of Western Asia, стр. 28—36. Опубликование найденного в 1933 г. хорсабадского списка ассирийских царей, а также документы, открытые на протяжении тридцатых годов XX ст. в Мари, устанавливают синхронность Шамши-Адада I, Зимри-Лима, царя Мари, и Хаммураби. С другой стороны, Ашшур-Убалит I, царь Ассирии, синхронен фараону Аменхотепу IV.

Все это заставляет пересмотреть хронологию стран Ближнего Востока от начала III тысячелетия до эпохи Тель-Амарна (XV в. до н. э.). В связи с этим пересмотром годы царствования Хаммураби должны быть фиксированы как 1728—1686 до н. э., т. е. на сто лет позже принятой в последнее время даты. В то же время идентификация некоторых имен месопотамских царей, приведенных в главе XIV кн. Бытия, с именами из надписи Ассурбанипала и эламских текстов, опубликованных в 1932 г., позволяет, может быть, установить абсолютную дату для упомянутых в кн. Бытия событий, поместив их между 1700 и 1550 г. до н. э.

E. L. S u k e n i k, Extracts from a Report of Archaeological Progress in Palestine. Извлечения из отчета о раскопках, производившихся Музеем древностей еврейского университета в Иерусалиме в 1940 и 1941 гг. в городе и окрестностях.

Л. А. Ельницкий

Список иностранных книг по древней истории, полученных библиотеками г. Москвы в 1941-45 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

G e i s s l e r, P. Archäologische Bibliographie 1939. Beil. z. «Jahrb. d. Dtsch. archäol. Inst.», Berl., 1939, 294 S. ЛБ.

H i l l, R. L., A bibliography of the Anglo-Egyptian Sudan from the earliest times to 1937. L., 1939, XII, 213 p. ИБ.

I b r a h i m - H i l m y. The literature of Egypt and the Sudan from the earliest times to the year 1885 inclusive. A bibliography: comprising printed books, periodical writings, and papers of learned societies, maps and charts; ancient papyri, manuscripts, drawings, etc. Vol. 1—2. L., 1886—1887, VII, 398 and 459 p. ИБ.

M a r o u z e a u, J. «L'année philologique», v. XIV—XV., 1939—1941, Paris 1940, 1943, 433, 495 p. МГУ, ЛБ.

University of Calcutta. Descriptive catalogue of University publications. Calcutta 1942, 203 p., ill. ИБ.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

A l b r i g h t, W. F., From the stone age to Christianity. Monotheism and the historical process, Baltimore, 1940, XI, 363 p. БАН.

B a u e r, M. and P e y s e r, E. How music grew from prehistoric times to the present day. With an introd. by W. Henderson. Compl. rev. ed., N. Y.—L., 1939, XIX, 647 p., 21 pls. ЛБ.

B r e a s t e d, J. H., H u t h, C. P. and H a r d i n g, S. B., eds. European history atlas; ancient, medieval and modern European world history adapted from the large wall-maps, 5 rev. ed., Chicago, 1937, LXIV p., 48 maps. ИБ.

C i c c o t t i, E., Il tramonto della schiavitù nel mondo antico, Udine, 1940, XI, 448 p., 1 tav. ЛБ.

European civilisation, its origin and development. By various contributors under the direction of Ed. E y r e in 7 vols., vol. I. Prehistoric man and earliest known societies. Oxford—L., 1935, VII+844 p., maps. ИБ, МГУ.

E v a n s, John. Time and chance. The story of Arthur Evans and his forebears. L., 1943, XI, 410 p., 16 ill. ЛБ, МГУ, БАН.

F r a n z, L. Die Muttergöttin im Vorderen Orient und in Europa, Lpz., 1937, 28 S., 2 Taf. (Alte Orient, Bd. 35, H. 3). ЛБ.

G ğ s i o r o w s k i, S. J., G e b a r o w i c z, M., S z y d a ł o w s k i, T. Historja sztuki. T. I. Lwów, 1934, IX, 440 c., ill. МГУ.

G e i r i n g e r, K. Musical instruments. Their history from the stone age to the present day. Transl. by B. Miall. L., 1943, 339 p., ill. ЛБ.

H a m m e r t o n, J., and B a r n e s, H. E., eds. The illustrated world history. A record of world events from earliest historical times to the present day. In six volumes. N. Y., 1940. Vol. I. The Ancient world and classic Greece. p. 1—198. Vol. II. The Roman empire and the middle ages. p. 199—396. ИБ.

Handbuch der Archäologie, hrsg. v. W. O t t o. Bd. I. München, 1939. 3 vol. (Handbuch d. Altertumswiss. Abt. 6, Bd. I). ЛБ.

H o w e l l, F. Our aryan ancestors. The world's historical people. Boston, 1935, 421 p. МГУ.

J a c o b, H. E. Six thousand years of bread, his holy and unholy history. Garden City, N. Y., 1944, XIV, 399 p., 7 ill., maps. ЛБ.

K n i g h t, M e l v i n M. Economic history of Europe to the end of the Middle ages. N. Y., 1926, XI, 260 p. ИБ.

M e y e r, E. Geschichte des Altertums. Bd. 4. 3. verb. Aufl. Das Perserreich und die Griechen. Abt. I. Bis zum Vorabend des Peloponnesischen Krieges. Stuttgart, 1939, XVIII+909 S., 1 Taf. ЛБ, БАХ.

O e l m a n n, Franz, hrsg. Haus und Hof im Altertum. Untersuchungen zur Geschichte des Antiken Wohnbaus. I Bd. Die Grundformen des Hausbaus. Brl. u. Lpz., 1927, 132 S., 85 Abb., 1 Karte.

P e t r i e, W. M. F l i n d e r s. The revolutions of civilisation. N. Y., 1941, 136 p., ill. ИБ.

R o t s c h i l d, L. Sculpture through the ages. N. Y.—L., 1942, XV+278 p., ill. МГУ.

S y k e s, Percy. A history of exploration from the earliest times to the present day. L., 1935, XIV+374 p., ill., maps. ИБ.

T a t a r k i e w i c z, W. Historia filozofji. T. 1—2. Lwów, 1933, 399 c. МГУ.

T h o m p s o n, I. W. A history of historical writing. With the collaboration of B. I. Holm. Vol. 1—2. N. Y., 1942, XVI+675 and IX+674 p. ИБ, ЛБ.

T r e v e r, Albert A. The ancient Near East and Greece. N. Y., 1936, XIX, 585 p., ill., maps. (History of ancient civilization. Vol. I). БАХ.

T u r n e r, Ralph. The great cultural traditions. The foundations of civilisation. Vol. 1—2. N. Y., 1941, XVIII, 601, XXIV and XV, 601—1333, XXXII p., ill., maps. ЛБ, БАХ.

W a c e, Allan J. B., N e u g e b a u e r, Otto E., F e r g u s o n, W. S. and others. Studies in civilisation. Philadelphia, 1941, 200 p. (Univers. of Pennsylvania. Centennial conference). ИБ.

W a r n e c k e, Georg. Hauptwerke der bildenden Kunst im geschichtlichen Zusammenhange. Lpz. 1902, V+448 S., 4 Taf., ill. МГУ.

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО

B e h m e r, E. Das zweischeidige Schwert der germanischen Völkerwanderungszeit, Stockholm, 1939, 219 S., LXIV Abb. БАХ.

C a s s o n, Stanley. The Discovery of man: the story of the inquiry into human origins. L., 1939, 339 p., ill. БАХ.

C h i l d e, V. G. The Danub in prehistory. Oxf., 1929, XIX+479 p., 53 pls., ill. maps. МГУ.

C h i l d e, V. G. Man makes himself. L., 1941, XIII+242 p. (The thinker's library, No 87). ЛБ.

C h i l d e, V. G. Prehistoric communities of the British Isles. L.—Edinburgh, 1942. XIV+274 p., 16 pls., ill. ЛБ, БАХ.

C l a r k, G. Prehistoric England. 2-d ed. N. Y.—L. 1941, VIII+120 p., 40 pls., ill. ЛБ, БАХ.

Congrès archéologique de France. 99-e session tenue à Amiens en 1936 par la Société française d'archéologie. Paris, 1937, 648+XCII p., 20 pls. ЛБ.

D é c h é l e t t e, J. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. II. Archéologie celtique ou protohistorique. 3. Second âge du fer où époque de la Tène. Paris, 1914, VIII+911—1692 p. ИБ.

D o w n i e, R. A. James George Frazer; the portrait of a scholar. L., 1940, IX+441 p., 1 pl. ИБ, БАН.

Franz Boas, 1858—1943. By A. K r o e b e r and others. Menasha, 1943, 119 p., 1 pl. (Mem. Amer. Anthropol. Ass., No 61=Amer. Anthropologist, vol. 45, No 3, p. 2). ИБ, БАН.

F u r o n, Raymond. Manuel de préhistoire générale. Europe, Asie, Afrique, Amérique. Paris, 1939. 397 p. 2 tab., 8 pl., 150 cartes et figures. (Bibliothèque scientifique). БАН.

G a l l u s, S. et H o r v a t h, T. Un peuple candbier préscythique en Hongrie. Trouvailles archéologiques du premier âge du fer et leur relations avec l'Eurasie. Texte. Budapest, 1939, 168 p., 89 ill. (Dis. Pannonicae ex Inst. numismatico et archeologico Universitatis de P. Pazmany nominatae Budapestinensis provenientes). БАН.

H a w k e s, C. F. C. The prehistoric foundations of Europe to the Mycenaean age. L., 1940, XV+414 p., 18 pls. ИБ.

H a w k e s, J. and H a w k e s, C. Prehistoric Britain. Harmondsworth (Middlesex, England) N. Y., 1943, 134 p.; ill., pls. ИБ, ИБ.

K i v i k o s k i, E. Die Eisenzeit im Auralflussgebiet. Helsinki, 1939, 268 S., 41 Taf., ill. (Suomen muinaismur stoyhaistyksen aikakanskirja, 43). ИБ.

L o w i e, R. H. An introduction to cultural anthropology. A new and enlarged ed. 2-d print. N. Y., 1941, XX, 584 p., 8 pls. ИБ.

M e n g h i n, Oswald. Weltgeschichte der Steinzeit. 2. Aufl. Wien, 1940, XIV+648 S., 1029 Abb., 7 Kart. БАН.

M o b e r g, Carl-Axel. Zonengliederung der vorchristlichen Eisenzeit in Nord-Europa. Lund, 1941, 246 S., 12 pls.

R e n a r d, G. Life and work in prehistoric times. L., 1929, VIII+228 p., 24 fig. (The history of civilization. Ed. by C. K. Ogden).

S i e b e r, S. A. and M u e l l e r, F. H. The social life of primitive man. St. Louis and L., 1941, XIII+566 p., ill. (Social studies college series. Ed. by Franz Mueller). ИБ, БАН.

S p i n d e n, H. J. Sun worship. Washington, 1940, 447, 469 p., 6 pls. (From the Smiths. Rep. for 1939. Publ. No 3577). ИБ.

T e r r a, H. de. Pleistocene formations and stone age man in China. Peking, 1941, 54 p. (Inst. de géobiologie. Pékin, Publications, No 63). ИБ.

T h o m p s o n, J. E. Excavations at San Jose, British Honduras. Washington, 1939, XI+292 p., 34 pls., ill. (Carnegie Inst. of Wash. publ. No 506). ИБ, МГУ.

W i n b o l t, S. E., B r i t a i n B. C. Harmondsworth (Middlesex, England), [1943], 160 p.

АРХЕОЛОГИЯ АМЕРИКИ

C i f f o r d, E. W. Californian bone artifacts. Berkeley, 1940, IV+153—237 p. (Anthrop. Rec., vol. 3, No 3). ИБ.

C r e s s m a n, L. S. and oth. Early man in Oregon; archaeological studies in the Northern great Basin. Eugene (Ore), 1940, VIII+78 p., XVI pls., ill. (Univers. Ore. Monogr., Stud. Anthropol. No 3). ИБ.

D r u c k e r, Philip. Ceramic stratigraphy at Cerro de las Mesas Veracruz. Mexico—Wash., 1943, VIII+95 p., ill., 58 pls., 1 map (Smithsonian institution. Bureau of American ethnology. Bulletin No 141). ИБ.

H a w l e y, Florence M. and H a w l e y, Fred G. Classification of black pottery pigments and paint areas. Albuquerque, 1938, 27 p. (The Univ. of New Mexico. Bull. Whole No 321. Anthropological series, vol. 2, No 2). БАН.

K e u r, Dorothy Lousie. Big Read Mesa. An archaeological study of navaho acculturation 1745—1812. Menasha, 1941, VI+90 p. (Memoires of the Soc. for Am. arch., No 1). БАН.

K r o g h, Ch. Die Skelettfunde des Bremer Gebietes und ihre Bedeutung für die Rassen-geschichte Nordwestdeutschlands. Bremen, 1941, 58 S. (Abh. und Vorträge hrsg. von der Bremener Wiss. Gesell. Bd. 13, Hft. 3). БAH.

K l u c k h o h n, C. and R e i t e r, P. eds. Preliminary report on the 1937 excavations, B. C. 50—51 Chaco Canyon, New Mexico. With some distributional analyses. Albuquerque, 1939, 190 p., ill. (The Univ. of New Mexico. Bull. No 345). Anthropol. series, vol. 3, No 2). БAH.

L e i c h t, Hermann. Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimu. Zürich, 1944, 352 p. 36 Abb., 116 Bild. auf Taf. und 3 Karten. БAH.

M a c C o r m i c k, Adams R. Archaeological investigations in Jefferson county, Missouri, 1939—1940. St. Louis, 1941, 71 p. (Transactions of the Acad. of science of St. Louis, vol. 30, No 5). ИБ.

M a c G r e g o r, I. C. Southwestern archaeology. N. Y.—L., 1941, X, 403 p., ill. ИБ, БAH.

M a r t i n, S. The Su Site excavations at a Mogollon village Western New Mexico, 1939. With reports on pottery and artifacts by J. R i n a l d o and appendix on Skeletal material by M. K e l l y. Chicago, 1940, 97 p., ill. (Field museum of natural history. Anthropol. series, vol. 32, No 1). БAH.

M o r r i s, E. H. Archaeological studies in the La Plata district. Southwestern Colorado and North Western New Mexico. Washington, 1939, XXIV+298 p., ill., 321 pls. ИВ.

O'N e a l e, L. M. Textile periods in ancient Peru. II. Paracas caverns and the Grand Necropolis. Berkeley and Los Angeles, 1942, V+59 p., ill. (Univers. of Calif. publications in Amercian archaeology and ethnology, vol. 39, No 2). ИБ.

R e i t e r, Paul, M u l l o y, W. T. and B l u m e n t h a l, E. H. Preliminary report of the Jemez excavation et Nanishagi, New Mexico. Albuquerque (New Mexico), 1940, 39 p. (The Univ. of New Mexico bull. Whole No 348. Anthropological series, v. 3, No 3). БAH.

R o b e r t s, Frank H. H. Archaeological and geological investigations in the San Jon district Eastern New Mexico. City of Washington, 1942, 30 p., 9 pls. (Smithsonian miscellaneous collections, vol. 103, No 4). ИБ.

R o b e r t s, F. H. H. Archaeological remains in the Whiterwater district Eastern Arizona. P. I—II. Washington, 1939—1940. (U. S. Bur. Amer. Ethn., Bul. No 121 and 126). ИБ.

R o u s e, Irving. Prehistory in Haiti. A study in method. New Haven—L., 1939, 202 p., 3 pls. (Yale univ. publ. in anthropology, No 21). БAH.

S t i r l i n g, Mathew William. Stone monuments of Southern Mexico. Washington, 1943, VII+84 p., 14 figs., 62 pls. (Smithsonian inst. Bureau of American ethnology. Bull. No 138). ИБ.

S t r o n g, W. D., W i l l e y, G. R. and C o r b e t t, J. M. Archaeological studies in Peru. 1941—1942. N. Y., 1943, VIII+224 p., 21 pls., 33 figs. (Columbia studies in archaeology and ethnology, vol. I). БAH, ИБ.

V a i l l a n t, G. C. Aztecs of Mexico. Origin, rise and fall of the Aztec nation. Garden City (N. Y.), 1944, XXII+340 p., 32 pls. (The Americ. mus. of natural hist. Science series). ИБ.

W e d e l, W. R. Archaeological investigations at Buona Vista Lake, Kern county, California—Washington, 1941, 194 p., 51 pls. ИБ.

W e d e l, W. R. Archaeological investigations in Plate and Clay counties Missouri. Washington, 1943, VIII+284 p. ИБ.

W e d e l, Waldo R. Archaeological remains in Central Kansas and their possible bearing on the location of Quivira. Washington, 1942, 24 p., V pls. (Smithsonian miscellaneous colls, v. 101, No 7). ИБ.

W e d e l, W. R. and T r o w b r i d g e, H. M. A prehistoric roulette from Wyandolte County, Kansas. Washington, 1940, 581—586 p., ill. (Proc. U. S. nat. mus., vol. 88, No 3091). ИБ.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Albert, A. D. The ancient city and its site. A part of diss. Chicago, 1940, 19 p. ЛБ.

Bauer, H. Der Ursprung des Alphabets. Lpz., 1937, 44 S., 13 Taf. (Alte Orient, Bd. 36, H. 1—2). ЛБ.

Breasted, Charles. Pioneer to the past. The story of James Henry Breasted, archaeologist. Told by his son Charles Breasted. N. Y., 1943, X+436 p., 1 map. ЛБ, БАН.

Carleton, P. Buried empires: the earliest civilisation of the Middle East. N. Y.—L., 1939, 290 p., 15 pls. ЛБ, БАН.

Child, V. Gordon. New Light on the most ancient East. The Oriental prelude to European prehistory. L., 1935, 326 p., ill. ИБ.

Child, V. G. The most ancient East. L., 1928, XIV+257 p., 25 pls., ill., maps. МГУ.

Hrozny, B. Die älteste Geschichte Vorderasiens. Prag, 1940, 169 S., 1 Karte. БАН.

Mercer, Samuel A. B., ed. The Tell-el-Amarna tablets. With the assistance of Fr. H. Hall, in the final revision of the manuscript. Vol. 1—2. Toronto, 1939, XXIV+909 p., map. ЛБ, ИБ, БАН.

Péladan, J. Les idées et les formes. Antiquité orientale, Egypte—Khaldée—Assyrie—Chine—Phénicie—Judée—Arabie—Inde—Perse—Arian Asie Mineure. Paris, 1908, 357 p. МГУ.

ДВУРЕЧЬЕ

Alexander, J. B. Early Babylonian letters and economic texts. New Haven—L., 1943, 39 p. (Babylonian inscriptions in the collection of J. B. Nies, Yale Univ., v. 7). БАН.

British museum, London. Assyrian sculptures in the British museum. From Shalmaneser III to Sennacherib. L., 1938, 19 p. МГУ.

Chiera, Edward. They wrote on Clay. The Babylonian tablets speak today. Ed. by G. G. Cameron. Chicago, 1939, XV+235 p., ill. БАН.

Christian, Viktor. Altertumskunde des Zweistromlandes von der Vorzeit bis zum Ende der Achämenidenherrschaft. Bd. I—II. Lpz., 1940, XIV+XXV S., 444 Tafeln. ИБ.

Clay, A. T. Letters and transactions from Cappadocia. New Haven—L., 1927, 28 p., 85 pls. (Babylonian inscriptions in the collection of J. B. Nies, Yale Univ. vol. IV). МГУ.

Dougherty, R. P. The Shirkûtu of Babylonian deities. New Haven, 1923, 93 p. (Yale Oriental series. Researches. Vol. V, 2). ЛБ.

Hackman, G. G. Temple documents of the third dynasty of Ur from Umma. New Haven, 1937, XI+34 p. (Babylonian inscriptions in the collection of J. B. Nies, Yale Univ., vol. I). МГУ.

Falkenstein, Adam. Topographie von Uruk. I Teil. Uruk zur Seleukidenzeit. Lpz., 1941, VIII+58 p. БАН.

Heidel, A. The Babylonian genesis. The story of the creation, Chicago, 1942, XI+131 p. БАН.

Heidel, Alexander. The system of the quadrilateral verb in Akkadian. Chicago, 1940, XVII+141 p. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Assyriological studies, No 13). БАН, ЛБ.

Hyatt, J. P. The treatment of final vowels in early Neo-Babylonian. New Haven—L., 1941, IX+59 p. (Yale Oriental series, Researches, vol. 23). ЛБ.

Jeremias, Alfred. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, 2. völlig erneuerte Aufl. Berl.—Lpz., 1929, XVII+508 S., 260 Abb. ИБ.

Keiser, C. E. Patesis of the Ur dynasty. New Haven, 1919, 34 p. (Yale Oriental series. Researches, vol. IV, 2). МГУ.

Kramer, Samuel. Lamentation over the destruction of Ur. Chicago, 1940, 97 p., IV pl. (The Oriental institute of the University of Chicago, Assyriological studies, No 12). БАН.

Luckenbill, D. D. The annals of Sennacherib. Chicago, 1924, 196 p. (The Univ. of Chicago Oriental Institute publ., vol. 2). ИБ.

Lutz, H. F. A Neo-Babylonian debenture. Berkeley (Cal.), 1940, 3 p. Univ. of Calif. publ. semitic philol., vol. 10, No 9). БАН.

Lutz, H. F. A recorded deposition concerning presentment for tax payment. Berkeley (Cal.), 1940, 5 p., 1 pl., 2 figs. (Univ. of Calif. publ. in semitic philol., vol. 10, No 10, p. 257—264). ЛБ, БАН.

Meissner, B. Studien zur assyrischen Lexikographie. 4. Lpz., Harrassowitz, 1940, 53 S. БАН.

Nies, J. B. and Keiser, C. E. Historical, religious and economic texts and antiquities. New Haven, 1920, XVIII+78 p., 76 pls. (Babylonian inscriptions in the collection of J. B. Nies, vol. 2). МГУ.

Pfeiffer, R. H. and Lacheman, E. R. Excavations at Nuzi. V. IV, Cambridge, 1942, 118 p. (Misc texts from Nuzi, pt. I. Harvard semitic ser., No 13). БАН.

Salonen, A. Die Wasserfahrzeuge in Babylonien nach sumerisch-akkadischen Quellen, eine lexikalische u. kultur-gesch. Untersuchung. Helsinki, 1939, XVI+199 S., 43 Taf. Diss. ЛБ.

Soden, W. Der Aufstieg des Assyrienreichs als geschichtliches Problem. Lpz., 1937, 42 S., 8 Taf., 1 Karte (Alte Orient, Bd. 37, H. 1—2). ЛБ.

Starr, R. S. Nuzi. Report on the excavations at Yorgan Tepe near Kirkuk, Iraq conducted by Harvard Univ. in conjunction with the American Schools of Oriental research and the University museum of Philadelphia 1927—1931. Vol. 2. Plates and plans. Cambridge, 1937, VI+41 p., 117 pls., 44 plates. ЛБ.

ЕГИПЕТ

British museum. London. Hieroglyphic texts from egyptian stelae etc. in the British museum. P. 3—4. L., 1912—1913, 13 and 14 p., 50 and 50 pls. МГУ.

Catalogue of demotic papyri in the British museum. Vol. I. S. R. K. Granville. A Theban Archive of the Reign of Ptolemy I Soter. L., 1939, XLIX+72 p., 13 pl. ИБ.

Cramer, M. Die Totenklage bei den Kopten mit Hinweisen auf die Totenklage im Orient überhaupt. Wien—Lpz., 1941, 104 S., 13 Taf. (Akad. Wiss. Wien, Philos.-hist. Kl. S. B., Bd. 219, Abh. 2). ЛБ.

Crum, W. E. Coptic documents in Greek script. L., 1939, 25 p. (From the Proceeding of the British Academy, v. 25). БАН.

Description de l'Egypte, ou recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Egypte pendant l'expédition de l'armée française. 2-d ed. Tt. 2, 9. Paris, 1821, 1829. ИБ.

Engberg, R. M. The Hyksos reconsidered. Chicago, 1939, XI+50 p. (The Orient. Inst. of the Univ. of Chic., Studies in ancient Orient. civilisation, No 18). БАН.

Gabra, Sami. Rapport sur les fouilles d'Hermoupolis ouest (Touna el-Gebel). Avec la collaboration de Et. Drioton, P. Perdrizet, W. G. Waddell. Le Caire, 1941, XIV+109 p., 11 pls. (Université Fouad I-er). ЛБ.

Gardiner, A. H. Egyptian grammar. Being an introd. to the study of hieroglyphs. Oxford, 1927, XXVIII+595 p., ill. МГУ, ИБ.

Gardiner, A. H. Notes on the story of Sinuhe. Paris, 1916, 193 p., ill. МГУ.

Glanville, S. R. K., ed. The Legacy of Egypt. Oxford, 1943, XX+424 p. БАН, ИБ.

G r a p o w, H. Wie die alten Aegypter sich anredeten, wie sie sich grüssten und wie sie miteinander sprachen. II. Die Verwendung der Anreden. Brl., 1940, 99 S. (Abh. Preuss. Akad. Wiss. Jg. 1940, Philos.-hist. Kl., Nr. 12). JIB.

H a y e s, W. C. Royal sarcophagi of the 18th Dynasty. Princeton, 1935, XII+211 p., 25 pls., ill., plans. (Princeton monographs in art and archaeol. 4 ser., No 19). МГУ.

H a y e s, W. C. The texts in the mastaba of Sen Usret Ankh at Lisht. N. Y., 1937, IX+27 p. (Publ. of the Metropolit. museum of art. Eg. exp. vol., No 12). МГУ, JIB.

H u g h e s, G. R. The nature of demotic land leases. Chicago, 1942, 9 p. JIB.

J i r k u, A. Die ägyptischen Listen palästinischer und syrischer Ortsnamen. Lpz. 1937, 62 S. («Klio», Beih. 38). JIB.

L a m b e r t, K. Lexique hiéroglyphique. Paris, 1925, 445 p. МГУ.

L u t z, H. L. F. Verb qualifiers in Egyptian. Berkeley and Los Angeles, 1940, [9 p.]. (Univers. of Calif. public. in semitic philology, vol. 10, No 11, p. 265—274). JIB.

M e r c e r, Samuel A. B., ed. The Tell-el-Amarna tablets. With the assistance of Fr. H. Hallock in the final revision of the manuscript, vol. 1—2. Toronto, 1939, XXIV+909 p., map. БAH, ИБ, JIB.

M ö l l e r, G. Hieratische Lesestücke für den akademischen Gebrauch. 2-te unveränderte Aufl. H. 1—2. Lpz., 1927, 25 und 42 S. МГУ.

M ö l l e r, G. Hieratische Paläographie. Die aegyptische Buchschrift in ihrer Entwicklung von der fünften Dynastie bis zur römischen Kaiserzeit. 2-te verb. Aufl. Bd. I. Lpz., 1927, 20, 76 S., 5 Taf. МГУ.

M o n d, Robert and M y e r s, O. H. Cemeteries of Armant I. [vol. I]. The text; [vol. II]. The plates. L., 1937, XII+300 p., LXXV pls.

N a v i l l e, Ed. The store-city of Pithom and the route of the exodus. 2nd ed. L., 1885, 32 p., 13 pls., 2 maps. (Egypt Exploration Fund). ИБ.

N e l s o n, H. H. Key plans showing locations of Theban temple decoration. Chicago, 1941, IX+37 p. (The University of Chicago Oriental inst. publications, vol. 56). БAH.

P a r k e r, R. A. Medinet Habu demotic ostrakon 4038. A part of diss. Chicago, 1940. 5 p. JIB.

R o b e r t s, Frank H. H. Egypt and the Suez Canal. Washington, 1943, 68 p., ill. ИБ.

R o b i c h o n, C. et V a r i l l e, A. Le temple de scribe royal Amenhotep, fils de Hapou I. Caire, 1936, I, 55 p., XLVIII pls. (Ministère de l'éduc. nationale. Fouilles de l'Inst. franç. du Caire, sous la dir. de P. Jouget, t. II). МГУ.

R o w e, A. The four Canaanite temples of Beth-Shan. V. I. The Tempel and cult objects. Philadelphia, 1940, XII, 101 p. (Public. of Palestine sect. of the University press). БAH, ИБ.

S c h a r f f, A. und S e i d l, E. Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des neuen Reiches. I. Gluckstadt, 1939. (Ägyptolog. Forsch., hrsg. von A. Scharff, H. 10). БAH.

S c h n e i d e r, H. Kultur und Denken des alten Aegypten. 3-te Aufl. Lpz., Kröner, 1924, 564 S., 1 Karte. МГУ.

S e e l e, K. C. The coregency of Ramses II with Seti I and the date of the great Hypostyle hall at Karnak. Chicago, 1940, 95 p. (Studies in ancient Oriental civilisation, No 12). БAH.

S e t h e, K. Die altaegyptischen Pyramidentexte. Nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museum neu hrsg. und erläut. Bd. 1—4. Lpz., 1908—1922, 508+XIII; IV+543; IV+179; 132 S., 1 Taf., ill. МГУ.

S e t h e, Kurt. Vom Bilde zum Buchstaben. Die Entstehung der Schrift. Lpz., 1939, VI+84 S., 2 Taf. (Untersuch. zur Gesch. und Altertumskunde Ägyptens, Bd. XII). БAH.

S m i t h, W. S. Ancient Egypt as represented in the Museum of fine arts. Boston, 1942, 175 p., 117 figs. МГУ.

S t e i n d o r f f, G. and K e i t h, C. S. When Egypt ruled the East. Chicago, XVI+284 p., ill. ИБ, JIB, БAH.

S t u r m, J. Der Hettiterkrieg Ramses' II. Wien, 1939, IV+205 S. (Beih. zu Wien. Z. Kunde Morgenl. 4). JIB.

Schubart, W. *Verfassung und Verwaltung des Ptolemäerreichs*. Lpz., 1937, 39 S. (Alte Orient., Bd. 35, H. 4). ЛБ.

Till, W. und Sanz, P. *Eine griechisch-koptische Odenhandschrift*. (Papyrus copt. Vindob. K. 8706). Rom, 1939, 112 p. БАН.

Wainright, G. A. *The sky religion in Egypt; its antiquity and effects*. Cambridge, 1938, XVI+121 p., ill., 2 pls. ЛБ.

Winlock, H. E. *Excavations at Deir-el-Bahri: 1911—1931*. N. Y. 1942, X+235 p. БАН, ЛБ.

Winlock, H. E. *The temple of Hibis in El Khargeh oasis. Part I. The Excavations*. N. Y., 1941, XVI+60 p., LII pls. (Publications of the Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition, v. XIII). БАН.

СИРИЯ И ПАЛЕСТИНА

Albright, W. F. *Archaeology and the religion of Israel*. Baltimore, 1942, XII + +238 p. БАН.

Albright, W. F. *The excavation of Tell Beit Mirzim. Vol. 2—3*. New Haven, 1938—1943. (The Annual of the Americ. Schools of orient. research, vol. XVII, XXI—XXII) БАН, ЛБ.

Albright, W. F., Barton, G. A., Cadbury, H. J., Flight, J. W., Goetze, A., Meek, Th. J., Montgomery, J. A., Wilson, J. A., Grant E. *The Haverford symposium on archaeology and the Bible*. New Haven, 1938, 245 p. Biblical and Kindred Stories, No 6). БАН.

Belkin, S. *Philo and the oral Law. The Philonic interpretation of biblical Law in relation to the Palestinian Halakah*. Cambridge, 1940, XIV+292 p. (Harvard semitic series, II). БАН.

Broom, E. C. *The dolmens of Palestine and Transjordan*. (Thesis) abstract of Brown university. 1940, 19 p. (Diss.). (Off. print from J. of biblical literature, vol. 59, p. 4, pp. 479—497). МГУ.

Cowley, A. *Aramaic papyri of the 5th Century B. C.* Edited, with translation and notes. Oxford, 1923, XXII+319 p. ИБ.

Drazin, N. *History of jewish education from 515 B. C. to 220 O. E.* (During the period of the 2nd commonwealth and the Tanwaim). A diss. Baltimore, 1940, X+163 p. (Reprint from the Johns Hopkins univers. Studies in education, No 29). ЛБ, БАН.

Farace, Ch. *The history of Old Testament higher criticism in the United States*. A part of a diss. Chicago, 1939, 22 p. ЛБ.

Carrod, D., Bate, D. *The stone age of Mount Carmel. Excavations at the Wady el-Mughara. Vol. I*. Oxford, 1937, 233 p. МГУ.

Glueck, N. *Explorations in Eastern Palestine*. New Haven, 1939, XVI+208 p. ill. (Amer. schools of Orient. research. Annual 1937—39, v. 18/19). БАН.

Hempel, J. *Politische Absicht und politische Wirkung im biblischen Schrifttum*. Lpz., 1938, 48 S. (Alte Orient, Bd. 38, H. I). ЛБ.

Jirku, A. *Die ägyptische Listen palästinischer und syrischer Ortsnamen*. Lpz., 1937, 62 S. («Klio», Beih. 38). ЛБ.

Irwin, W. *The Problem of Ezekiel. An inductive study*. Chicago, 1943, XX+ +344 p. БАН.

Ingholt, H. *Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie (1932—1938)*. København, 1940. (K. Danske videns. Selsk. Archeol. Kunsth. Medd. III, 1). ЛБ.

Kenyon, F. *The Bible and archaeology*. N. Y.—L., 1940, 310 p., 32 pls. ЛБ.

Kenyon, F. *Our Bible and the ancient manuscripts (4th rev. and enl. ed.)*. L., 1941, XII+266 p., 32 pls. ЛБ.

Koepfel, S. Y. *Teleilat Chassul. II-me Compte rendu des fouilles de l'Institut Biblique Pontifical 1932—1936*. Rome, 1940, 140 p., 113 pls. (Scripta Pontificii instituti biblici, 87). БАН.

The legacy of Israel. Essays of G. A. S m i t h, E. B. B e v a n, F. C. B u r k i t t and others. Planned by the late J. Abrahams and ed. by E. R. Bevan and Ch. Singer. Oxford, 1928, XXXIX + 551 p., ill. ИБ.

M a c a l i s t e r, R. A. S. A century of excavation in Palestine. L., 335 p., 34 pls. ill. МГУ.

M c C o w n, Th. D. and K e i t h, A. The stone age of Mount Carmel. The fossil human remains from the Levalloise—Mousterian. Vol. 2. Oxford, 1939, XIV + 390 p., ill. БАН.

M o o r e, W. J. A study of the concept of the mighty world in ancient Hebrew literature. Chicago, 1940, 6 p. ЛБ.

N o e t s c h e r, F. Biblische Altertumskunde. Bonn, 1940, XVIII + 392 S., 48 Taf. (Die Heilige Schrift des Alten Testament, übersetzt und erklärt, Erg. Bd. 3). ЛБ.

P f e i f f e r, R. H. Introduction to the Old Testament. N. Y.—L., 1941, XIII + 917 p. БАН.

P r i t h c a r d, J. B. Palestinian figurines in relation to certain goddesses known through literature. A diss. Philadelphia, 1943, 99 p. (Reprint from American Oriental series, vol. 2). МГУ.

R i t z, G. The origins of the pre-deuteronomic elements of the historical Corpus. A part of diss., Chicago, 1940, 31 p. ЛБ.

R o b i n s o n, George L i v i n g s t o n e. The bearing of archaeology of the Old Testament. The L. B. Stone lectures Princeton theological seminary. 2nd ed. N. Y. 1944, 207 p., ill., 25 pls. БАН.

R o b i n s o n, Th. H. and O s t e r l e y, W. O. E. A history of Israel. Vol. 1—2. Oxford, 1932, XVI + 496; XVI + 500 p., map. ИБ.

R o w e, Alan. The four Canaanite temples of Beth-Shan. Part I. The temples and cult objects. Philadelphia, 1940, XIII + 101 p., LXXI pls., 9 figs. (Publications of the Palestin section of the University museum, Univ. of Pennsylvania, vol. 2). ИБ.

R o w e, A. The topography and history of Beth-Shan. With details of the Egyptian and other inscriptions found on the site. Philadelphia, 1930, XXII + 62 p., 58 pls. ill. (Publications of the Palestin section of the Museum of the Univers. of Pennsylvania, vol. I). БАН.

S c h a e f f e r, Claude F. A. The cuneiform texts of Ras Shamra-Ugarit. Oxford, 1939, XVI + 100 p., 39 pls. (British academy Schweich lectures, 1936). БАН.

Studies in islam and judaism. New Haven, 1935, LIX + 183 p. (Yale Oriental series. Researches, vol. 17). МГУ.

T h o m a s, D. W. The recovery of the ancient Hebrew language; an inaugural lecture delivered on 30 Jan. 1939. Cambridge, 1939, 43 p. ЛБ.

W a l l i s, L. The Bible is human. A study in secular history. New York, 1942, XVI + 330 p. БАН.

W e i l l, R., La Phénicie et l'Asie Occidentale (des Origines à la Conquête macédonienne). Paris, 1939, 204 p. БАН.

W i l s o n, R. D. Studies in the Book of Daniel. Second series. N. Y., 1938, 286 p. БАН.

W o r d s w o r t h, W. A. En-Roeh. The prophecies of Isaiah the Seer with Habakkuk and Nahum. Introd., transl. and notes. Edinburgh, 1939, VIII + IV, 512. БАН.

ХЕТТЫ, ХУРРИ И МИТАННИ

(см. также Египет)

F r i e d r i c h, J. Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift. Stuttgart, 1939, 525 S., ill. ЛБ.

G o e t z e, A. Kizzwatna and the problem of Hittite geography. New Haven—L., 1940, XI + 86 p., ill., map. (Yale Oriental series Researches, vol. 22). БАН.

Hardy, Robert S. The old Hittite kingdom, a political history. Chicago, 1941 [42 p.] Reprint from the Amer. J. of Semitic lang. and literat., vol. 58 (apr. 1941), p. 177—216. ЛБ.

Przeworski, St. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr. Rohstoffe, Technik, Production. Leiden, 1939, XII + 266, 22 Taf., 2 Kart. БАХ.

Speiser, E. A. Introduction to Hurrian. New Haven, 1941, XXX + 230 p. (The annual of the Amer. Schools of Orient. research, vol. XX). МГУ.

ИРАН

Абдулла Рази Хамадани. История Ирана. Тегеран, 1317 [1939], 936 с. На перс. яз. ИБ.

Ackerman, Ph. The first goddesses. N. Y., 1940, 15 p., ill. БАХ.

Ackerman, Ph. Gods of our forefathers. N. Y., 1940, 15 p., ill. (The Persian exhibition. New York, 1940). БАХ.

Ackerman, Phyllis. Guide to the exhibition of persian art. 2nd ed. N. Y., 1940, XI + 562, XI p., 2 pls. БАХ.

Galling, K. Syrien in der Politik der Achämeniden bis zum Aufstand des Megabyzos, 448 v. Chr. Lpz., 1937. (Alte Orient, Bd. 36, H. 3—4). ЛБ.

Ghirschman, R. Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937. Vol. 1—2. Paris, 1938—1939, VIII + 152; 259 p.; 96, 101 pls. (Musée du Louvre. Dép. des antiquités orientales. Série archéologique, T. 4—5). МГУ.

Herzfeld, E. Iran in the ancient East. Archaeological studies presented in the Lowell Lectures at Boston. L.—N. Y., 1941, 363 p., 72 pls., ill. БАХ, ЛБ.

Koenig, F. W. Der falsche Bardija; Darejos der Grosse und die Lügenkönige. Wien, 1938, 337 S., 1 Karte (Klotho, Bd. 4). ЛБ.

Langsdorff, A. and McCown, D. E. Tall-i-Bakun A. Season of 1932. Chicago, 1942, XI + 81 p., 85 pls., 190 figs. (Univ. of Chicago, Orient. inst. public., vol. LIX). БАХ.

McCown, Donald E. The comparative stratigraphy of early Iran. Chicago, 1942, XV, 65 maps. (The Oriental inst. of the Univers. of Chicago Studies in ancient Oriental civilisation, No 23). БАХ.

Pope, A. U. and Ackerman, P. A survey of Persian art. From prehistoric times to the present. Vol. 1—6. L., 1938—1939, 1482 p. МГУ.

Schmidt, E. F. Flights over ancient cities of Iran. Account of flying exploration carried out from 1935 to 1937. Chicago, 1940, XXII + 104 p., 75 pl. (Special publication of the Oriental institute of the University of Chicago). БАХ.

Schmidt, E. F. The treasury of Persepolis, and other discoveries in the homeland of the Achaemenians. Chicago, 1939, XXI + 139 p., ill., pls., maps (Univ. of Chicago. Oriental Inst. communications, No 21). БАХ.

Szydel ski, Szczepan. Eschatologia irańska i biblijna. We Lwowie, 1938, 131 S. (Archiwum towarzystwa naukowego we Lwowie. Dział II. tom XXI, zeszyt 3). ИБ.

ИНДИЯ И КИТАЙ

Bishop, Whiting Carl. The beginnings of civilisation in eastern Asia. Washington, 1941, p. 431—445, 10 pls. From the Smithsonian report for 1940. Publication No 3625). ИБ.

Das Gupta, S. N. L'intimo aspetto dell'antica arte Indiana. Roma, 1940, 110 p. БАХ.

Dunbar, G. O. A history of India from the earliest times to the present day. 3rd ed. Vol. 1—2. L., 1943, 669 p., 64 pls. МГУ

H o r n e r, J. B. transl. The Book of the discipline (Vinaya-Pitaka). Vol. III. (Suttavibhanga). L., 1942, LIX+438 p. БАН.

H u g h e s, E. R., The Great Learning and the mean-in-action. Newly transl. from the Chinese with an introductory essay on the history of Chinese philosophy. N. Y., 1943, XI+176 p. БАН.

H u n t e r, G. R. The script of Harappa and Mohenjo-daro and its connection with other scripts. L., 1934, XII+210 p. (Studies in the history of culture, N 1). МГУ.

L a w, B. Ch., M. A. India as described in early texts of Buddhism and Jainism. L. 1941, XIII+315 p., maps. БАН.

M a c k a y, E. Y. H. Chanhu-Daro excavations 1935—36. New Haven, 1943, XV+338 p. (American Oriental Series, v. 20). БАН, ИБ.

M a c k a y, Ernest. Further excavations at Mohenjo-daro. Being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-daro carried out by government of India between the years 1927 and 1931. With chapters by A. S. H e m m y and by B. S. G u h a and P. G. B a s u. Vol. 1—2. Delhi, 1937 (vol. 2 plates) a. 1938 (vol. 1—text.), CXLVI pls., IX p., and XVI+718 p. ИБ, МГУ.

M a r s h a l l, J. Mohenjo-daro and the Indus civilisation. Being an official account of archaeological excavations carried out by the Government of India between the years 1922 and 1927. Vol. 1—3. L., 1931, XXV+XIII+XI+716 p., CLXIV pls., 10+41 figs. in text, map. МГУ.

M i t r a, P. Prehistoric India. Its place in the world's cultures. 2nd ed., rev. and enlarged. Univ. of Calif. 1927, XXVIII+512 p., 54 pls. (Sir Astosh anthropological series). МГУ.

N a t h, Pran. A study in the economic condition of ancient India. L., 1929, 172 p. (Asiatic Soc. monographs, v. XX). ИБ.

R o y, S. C. The Bhagavad-Gita and modern scholarship. L., 1941, XVII+270 p. (Interpretations of the Bhagavad-Gita. Book I). БАН.

S i n h a, H. N. Sovereignty in ancient Indian polity. A study in the evolution of early Indian State. L., 1938, XXII, 241 p. ИБ.

T a r n, W. W. The Greeks in Bactria and India. L., 1938, XXIII+529 p. ИБ.

T e r r a, H. de. Studies on the ice age in India and associated human cultures. Washington, 1939, XI+334 p. (Carnegie inst. of Washington, No 493). МГУ.

W i l b u r, C. M. Slavery in China during the former Han dynasty, 206 B. C.—A. D. 25. Chicago, 1943, 490 p. ill., map. (Public. of Field museum of natural hist. Anthropol. series, Vol. 34). БАН.

W u, G. D. Prehistoric pottery in China. L., 1938, XI+180, 64 p., ill. МГУ

Z e n k e r, E. V. Kuan-tae; das Leben und Wirken eines altchinesischen Staatsmannes (7 Jahrh. vor Chr.). Wien—Lpz., 1941, 32 S. (Akad. Wiss. Wien, Philos.-hist. Kl. S-Bd. 219, Abh. 5). ИБ.

АНТИЧНЫЙ МИР В ЦЕЛОМ

A l l e n, J. T. State antiquities of the Greeks and Romans and their influence. N. Y., 1927, XII+206 p., ill. (Our debt to Greece and Rome. Ed. G. D. Hadzits, D. M. Robinson. МГУ.

C a r y, M. and H a a r h o f f, T. J. Life and thought in the Greek and Roman world, 3rd ed. L., 1942, X+348 p., 6 pls., map. ИБ, ИБ.

C i c c o t t i, E. Il tramonto della schiavitù nel mondo antico. Udino, 1940. XI+448 p. ИБ.

D a n e t i u s, M. Petrus. Dictionarium antiquitatum romanarum et graecarum in usum serenissimi Delphini et serenissimorum principum Burgundiae, Andium, Biturigum, collegit, digessit, et sermone gallico reddidit M. P. Danetius, Academicus, Abbas Sancti Nicolai Viridunensis. Amstelodami, 1701, 809 p. ИБ.

- Donohue, J. J. The theory of Literary kinds. Ancient classification of Literature. Dubuque (Iowa), 1943, VII + 155 p. БАН.
- Ebeling, E. Geschichte des Orients vom Tode Alexanders des Grossen bis zum Einbruch des Islams. Brl., 1939, 147 S., Kart. (Sammlung Götschen, B. 1126). БАН.
- Farrington, Benjamin. Science and politics in the ancient world. N. Y., 1940, 243 p. ИБ.
- Gardiner, E. N. Athletics of the ancient world. Oxf. 1930, X + 246 p., ill., pls. МГУ
- Giesecke, Walter. Antikes Geldwesen. Lpz., 1938, IV + 255 S., VI Taf. ИБ.
- Hartmann, N. Die Anfänge des Schichtungsgedankens in der alten Philosophie. Brl., 1943, 31 S. (Abh. Preuss. Akad. Wiss. Jg. 1943, Philos.-hist. Kl., Nr. 3). ИБ.
- Ormerod, H. A. Piracy in the ancient world. An Essay in Mediterranean History. Liverpool—L., 1924, 286 p., maps. ИБ.
- Sanctis, Gaetano de. Problemi di Storia antica. Bari, 1932, 248 p. (Biblioteca di cultura moderna). ИБ.
- Sturtevant E. H. The pronunciation of Greek and Latin. 2nd rev. a. rewrit. ed. Philadelphia, 1940, 192 p. ИБ.
- Taeger, Fritz. Das Altertum. Geschichte und Gestalt. Bd. I—II. Stuttgart, 1939, X + 471 p. 465 p. БАН.
- Toutain, Jules. The economic life of the ancient world. L.—N. Y., 1930, 361 p., maps. (The history of civilization, ed. by C. K. Ogden.) ИБ.
- Turner, R. The great¹ cultural traditions.² The foundations of civilization. Vol. I—II. N. Y.—L., 1941, XII + 601, XXIV; XV + 732 + XXXII p. БАН.
- The year's work in classical studies 1939. 32nd year of issue. Ed. by S. Oweh. Bristol, 1939, IX + 96 p. ИБ.
- Wace, Alan S. B., Neugebauer, Otto E., Ferguson, W. S. and others. Studies in civilization. Philadelphia, 1941, 200 p. (Univ. of Pennsylvania bicentennial conference).
- Watts, Arthur P. A history of western civilisation from ancient Greece through the Renaissance. Vol. I. N. Y., 1939, XXXVII + 786 p. ИБ.
- Wilamowitz-Moellendorf, U. v. Kleine Schriften. II. Hellenistische, spätgriechische und lateinische Poesie. Brl., 1941, VI + 297 S. ИБ.

ГРЕЦИЯ

- Aeschylus. The Oresteia of Aeschylus. Ed. with introd., transl. and a commentary, in which is included the work of W. G. Headlam by G. Thomson. Vol. 2. Commentary. Cambridge, 1938, 413 p. МГУ
- Allen, T. W. The Homeric catalogue of ships. Ed. with a commentary. Oxford, 1921, XI + 191 p., 2 maps. ИБ.
- The annual of the British school of Athens. Vol. 39. Session 1938—1939—1942, VI + 112 p., 20 pls. ИБ.
- Avi Yonah, M. Abbreviations in Greek inscriptions. (The Near East. 200 B. C.—A. D. 1100). L., 1940, 125 p. (The Quarterly of the Department of antiquities in Palestine. Suppl. to vol. 9). БАН.
- Bates, W. N. Euripides, a student of human nature. Philadelphia, 1930, XIII + 315 p., ill. МГУ
- Berry, E. G. The history and development of the concept of θεῖα μοῖρα and θεῖα τύχη down to and including Plato. Chicago, 1940, III + 89 p. ИБ.
- Blegen, C. W. Korakou. A prehistoric settlement near Corinth. Boston and N. Y., 1921, XVI + 139 p., 8 pls, 135 figs. ИБ.
- Cary, M. The documentary sources of Greek history Oxf., 1927, XI + 140p. МГУ.

Casson, Stanley. Ancient Cyprus. Its art and archaeology. L., 1937, XI+214, XVI pls., 1 map. ИБ.

Ciaceri, Emanuele. Storia della Magna Grecia. Vol. II. La grande civiltà del mezzogiorno d'Italia, sviluppo, potenza ed azione politica degli stati italiani. Genova—Roma—Napoli—Città di Castello, 1940, XVIII+XVI+485 p., 1 carta. БАН.

Couch, H. and Geer, R. M. Classical civilization. Greece and Rome. Vol. I The Greece. By H. N. Couch. N. Y., 1942, XXIX+577 p., ill. ЛБ, БАН.

Deichgraber, Die Perser des Aischylos. Göttingen, 1941, 155—208 S. (Nachr. Ak. Wiss. Göttingen. S.-B., Bd. 221, Abh. 3). ЛБ.

Dzikowski, N. The Olbian inscription CIG 2080 rediscovered. L., 1939, 84—91 p., ill. (Repr.). ЛБ.

Durant, Will. The life of Greece. Being a history of Greek civilization from the beginnings, and of civilization in the Near East from the Roman conquest; with an introduction on the prehistoric culture of Crete. N. Y., 1939, XVIII+755 p., ill. (The story of civilization). БАН.

Ehrenberg, V. The people of Aristophanes. A sociology of old Attic comedy. Oxf., 1943, XII+319 p., 10 pls. ЛБ.

Emre, Ahmet Cevat. Aishülos (Eshyle). Agamemnon. Ankara, 1943, 105 S. (TDK). На турецком яз. БАН.

Emre, Ahmet Cevat. Homeros Odüsseia (Odise). Ankara, 1941—1942, 306; 332 S. На турецком яз. БАН.

Euripides. Medea, the text ed. with introd. a. comment. by D. Page. Oxf., 1938, XLVIII+190 p. ЛБ.

Ferguson, W. S., ed. Athenian studies. Cambridge—L.—Oxf., 1940, 535 p., ill. (Harvard Studies in classical philology, Supplementary vol. I). БАН.

Finley, John Huston. Thucydides. Cambridge (Mass.), 1942, 344 p. 2 maps. ИБ, ЛБ, БАН.

Fritz, Kurt von. Pythagorean politics in Southern Italy. An analysis of the sources. N. Y., 1940, XII+113 p. БАН.

Gaebler, Hugo. Fälschungen makedonischer Münzen. VII. Berlin, 1941, 19 S., 4 Taf. (Abh. der Preus. Ak. d. W., J. 1940. Philos.-hist. Kl., Nr. 14). ЛБ.

Gardiner, E. Norman. Olympia. Its history and remains. Oxf., 1925, XIX+316 p., 124 ill. in text. ИБ.

Gittler, Joseph B. Social thought among the early Greeks. Preface by W. F. Ogburn. Athens. 1941, XII+272 p. БАН.

Glover, T. R. The challenges of the Greek and other essays. Cambridge, 1943, X+241 p. ЛБ, БАН.

Gomme, A. H. Essays in Greek history and literature. Oxford, 1937, VIII+298 p., maps. МГУ

Grube, G. The drama of Euripides. London, 1941, VIII+456 p. ЛБ, БАН.

Heurtley, W. A. Prehistoric Macedonia. An archaeological reconnaissance of Greek Macedonia (West of the Struma) in the Neolithic, Bronze, and Early Iron Ages. Cambridge, 1939, XXVI+275 p., XXIII pls in text, ill. ИБ, ЛБ, МГУ

Homerus. The Iliad of Homer. Transl. by S. Butler. Ed. by L. Loomis. N. Y., 1942, XXXIV+391 p., ill. МГУ.

Homerus. The Odyssey of Homer. Transl. by S. Butler. Ed. by L. Loomis. N. Y., 1944, XXXIX+306 p., ill. МГУ.

Inscriptiones Graecae, consilio et auctoritate Academiae litterarum borussicae editae. Ed. minor. Vol. 2—3, p. 3, fasc. 2 et Vol. 12. Suppl. Brl., 1935—1940. ЛБ.

Isocrates. Discours. Texte établi et traduit par G. Mathieu et E. Brémond. Vol. 3. Paris, 1942, 181 p. (Collection des Universités de France publ. sous le patronage de l'Association Guillaume Budé). ЛБ.

Jaeger, Werner. Demosthenes. Der Staatsmann und sein Werden. Brl., 1939, VIII+270 S. БАН.

Jaeger, W. Paideia: the ideals of Greek culture. Translated from the German

manuscript by Gilbert Highet. Vol. II—III. N. Y., 1943; 1944, XV+442; VIII+374 p. БАН.

K e n y a n, G. C. Antithesis in the speeches of the Greek historians. Chicago, 1941, III+129 p. Diss. ИБ.

K e r n, O. Die Religion der Griechen. Bd. 3. Von Platon bis Kaiser Julian. Brl., 1938, 352 S. ИБ.

K i t t o, H. D. F. Greek tragedy. A literary study. L., 1939, X+410 p. МГУ.

K o s t e r, K. Die Lebensmittelversorgung der altgriechischen Polis, Brl., 1939, 98 S. (Neue deutsche Forschungen herg. von H. K. G. Günter und E. Pothacker, Bd. 245). БАН.

L a i d l a w, W. A. A history of Delos. Oxf., 1933, V, 308 p. ИБ.

L a n z a w i, Carolina. L'oracolo Delfico. Saggio di religione politica nel mondo antico. Genova—Roma—Napoli—Città di Castello, 1940, VIII+210 p. БАН.

L e s k y, A. Der Kommos der Choephoren (des Aischylos). Wien—Lpz., 1943, 130 S. (Ak. Wiss. Wien, Philos.-hist. Kl. S.-B., Bd. 221, Abh. 3). ИБ.

L i n f o r t h, J. M. The arts of Orpheus. Berkeley—Los Angeles, 1941, XVIII+370 p. ИБ.

L i t t l e, A. M. G. Myth and society in Attic drama. N. Y., 1942, IX+95 p. ИБ.

L o r t z i n g, J. Der Ordensgedanke ausserhalb des Christentums. Eine Geschichts-philosophische Studie. Erster Teil. Fulda, 1939, 95 S. БАН.

L u c i a n. Schrift über die syrische Göttin. Übers. u. erkl. v. C. Clemen. Lpz., 1938, 57 S. (Alte Orient, Bd. 37, H. 3—4). ИБ.

M a c a r t h u r, John R. Ancient Greece in Modern America, Caldwell, Idaho, 1943, 395 p., ill. БАН.

M e i s s n e r, B. und O p i t z, D. Betrachtungen zu einem archaischen griechischen Rennfahrer-Bilde. Brl., 1943, 13S. 3 Taf. (Abh. der Preuss. Ak. d. Wiss. Philos.-hist. Kl. Jg. 1943, Nr. 6). ИБ.

M e n a n d e r. The rape of the locks. The Perikeiromene of Menander. The fragments transl. and the gaps conjecturally filled in Gilbert Murray. L., [1942], 161 p. ИБ.

M e r r i t t, B. D. Epigraphica Attica. Cambridge (Mass.)—L., 1940, X+157 p., ill. (Martin classical lectures, vol. 9). МГУ.

M e r r i t, B. D., W a d e-G e r y, H. T., M c G r e g o r, M. F. The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge, 1939, XXII+685 p., XXV pls, map. ИБ.

M e y e r, Ed. Geschichte des Altertums. IV Bd. Das Perserreich und die Griechen. I Abt. Bis zum Vorabend des Peloponnesischen Krieges. Stuttgart, 1933, 909 S., 1 Karte. БАН.

M i c h e l l, H. The economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940, XI+415 p. ИБ, ИБ, БАН.

M i l n e, J. Greek coinage. Oxf., 1931, VIII+131 p. ИБ.

M u r r a y, G. Aeschylus the creator of tragedy. Oxf., 1940, XI+242 p. ИБ, МГУ.

M u r r a y, R. The Greeks. London, 1941, ИБ.

N i l s s o n, M. P. Greek popular religion. N. Y., 1940, XVIII+166 p. (Amer. council of learned soc. Lectures on the history of religions. N. S., No 1).

N i l s s o n, M. P. Homer and Mycenae. London, 1933, XII+283 p., ill. (Methuen handbooks of archaeology. Gen. ed. A. B. Cook.) МГУ.

N i l s s o n, M. P. The Mycenaen origin of Greek mythology. Berkeley, 1932, 258 p. (Sather classical lectures, vol. 8). МГУ.

O a t e s, W. J. ed. The Stoic and Epicurean philosophers. The complete extant writings of Epicurus, Epictetus, Lucretius, Marcus Aurelius. N. Y., 1940, XXV+6-7 p. ИБ.

P a r k e, H. W. A history of the Delphic Oracle. Oxf., 1939, VIII+457 p., ill. БАН.

P a y n e, Humfry. Necrocorinthia. A study of Corinthian art in the archaic period. Oxf., 1931, XIV+359 p., 53 pls. ИБ.

P e a r s o n, Lionel. Early Ionian historians. xf., O 1939, 240 p. ИБ.

Pfeuffer, H. Die Gnomik in der Tragödie des Aischylos. Würzburg, 1940, XI+124 S. МГУ.

Postgate, J. P. A short guide to the accentuation of ancient Greek. In usum doctorum. L., 1924, X+96 p. МГУ.

Potters, Johann. Griechische Archäologie, oder Alterthümer Griechenlandes. Aus dem Engländischen übersetzt und mit Anmerkungen und Zusätzen vermehrt von J. I. Rambach. I Teil, Halle, 1775, 1037 S., IX Tafeln. ИБ.

Powell, John Enoch. The history of Herodotus. Cambridge, 1939, VIII+96 p. Cambridge classical studies. Gen. ed. F. M. Cornford, O. S. Robertson F. E. Adcock, IV). ЛБ, МГУ.

Powell, J. E. A lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938, X+391 p. ЛБ, МГУ

Prett, N. T., Harland, I. P., Happer, G. N. and others. The Greek political experience. Studies, in honor of W. K. Prentice. Princenton-L., 1941, 233 p., maps. БAH.

Randall-MacIver, David. Greek cities in Italy and Sicily. Oxf., 1931, 226 p., XXII pls., plans, maps. ИБ.

Ridgeway, W. The early age of Greece. 2nd imp. Vol. I. Cambridge, 1931, XVI+684 p., 153 figs in text. МГУ.

Robinson, D. M. Corpus vasorum antiquorum. Cambridge, 1938, XXIV pls. (The Robinson collection, fasc. 3). БAH.

Robinson, D. M. Necroolynthia, a study in Greek burial customs and anthropology. Baltimore—L. 1942, XXVII+279 p., ill., 71 pls. (Excavations at Olynthus, conducted by the Hopkins university expedition under the auspices of the American school of classical studies at Athens, directed by M. Robinson, Part XI). ИБ.

Rose, J. L. The durative and aoristic tenses in Thucydides. Baltimore, 1942, 4 p. ЛБ.

Schmidt, Wilhelm. Geschichte der griechischen Literatur. I Teil: Die klassische Periode der griechischen Literatur. III Band: Die griechische Literatur zur Zeit der Attischen Hegemonie nach dem Eingreifen der Sophistik. Erste Hälfte. München, 1940, XV+898 S. (Handbuch der Alterthumswissenschaft begründet von Iwan Müller, hersg. von Walter Otto, 7 Abt., I Teil, 3 Bd.) БAH.

Schuchhardt, C. Wer hat Troja I gegründet? Brl., 1940, 21 S., ill. (Abh. Preuss. Akad. Wiss. Jg. 1940. Philos.-hist. Kl., Nr. 10). ЛБ.

Sophokles. The Antigone. Trnsl. into English rhyming vers with intr. and notes. By Gilbert Murray. L. 1941, 95 p. ЛБ.

Thomson, G. Aeschylus and Athens; a study in the social origins of drama. L., 1941, XII+476 p., ill. ЛБ, БAH.

Todd, F. F. Some ancient novels. Leucippe and Clitophon, Daphnis and Chloe. The Satiricon. The golden ass. L., 1940, VI+144 p. ЛБ.

Wallace, W. and M. Asklepiades of Samos. Oxf. (Great Britain). 1941, 107 p. БAH.

Webster, T. B. L. Greek Interpretations. Manchester, 1942, VIII+128 p., ill. (Publications of the university of Manchester, No CCLXXIV, Classical series No 1) БAH,

Wilhelm, A. Attische Urkunden. Tl. 4—5. Wien—Lpz. 1939—1943. (2 vol.). (Akad. Wiss. Wien, Philos.-hist. Kl.; S.-B. Bd. 217, Abh. 5 und Bd. 220, Abh. 3). ЛБ. БAH.

Wilcken, U. Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. Vierte revidierte Auflage. München und Brl., 1939, 287 S., mit 2 Karten. БAH.

Winter, Franz. Die Kunst der Homerischen Zeit. Lpz. (Kunstgeschichte in Bildern. Neue bearb. Systematische Darstellung der Entwicklung der bildenden Kunst vom klassischen Altertum bis zum neueren Zeit. I. Das Altertum. 4 Heft.) ИБ.

Winter, Franz. Kretisch-mykenische Kunst. Lpz. ИБ.

Witkowski, Stanisław. Historyografja grecka. I. Nauki pokrewne (chronografja, biografja, etnografja, geografja). T. 3. Kraków, XIX+581 c. МГУ.

Xenophon d'Ephèse. Les Ephésiaques ou le roman d'Habrocomé et d'Anthia. Paris, 1926, XXXIX+154 p. МГУ.

ЭЛЛИНИЗМ

The Adler papyri. The greek texts ed. by E. N. Adler, J. G. Tait and Fr. M. Heichelheim. The demotic texts by F. L. Griffith. L., 1939, VIII+118 p., 16 pls ИБ, МГУ.

Bouchier, E. S. A short history of Antioch, 300 B. C.—A. D. 4268. Oxf., 1921, XXII+323 p. ИБ.

Buckler, W. H. and Calder, W. M. Monuments and documents from Phrygia and Caria. Manchester, 1939, XIX+166 p., 73 pls. (Publications of the American Society for Archaeological Research in Asia Minor, vol. VI, Monumenta Asiae Minoris Antiqua, vol. VI). БАН.

Couat, Auguste. Alexandrian poetry under the first three Ptolemeis 324—222 B. C.. L.—N. Y., 1931, IX+638 p. МГУ.

Cummings, L. V. Alexander the Great. Boston, 1940, VII+462 p., maps. ИБ, ЛБ

Day, John. An economic history of Athens under Roman domination. N. Y., 1942, XI+300 p. ИБ, БАН.

Ehrenberg, Victor. Alexander und Aegypten. Lpz., 1926, 59 S. (Beihefte zum «Alten Orient», Heft 7). ИБ.

Ehrenberg, Victor. Alexander and the Greeks. Transl. by R. Fraenkel von Velssen. Oxf., 1938, V+111, p. ИБ.

Glötz, G., Roussel, P., Cohen, R. Alexandre et l'hellénisation du monde, antique. I partie. Alexandre et le démembrement de son empire. 2-éd. Paris-1945, 432 p. (Histoire générale fondée par G. Glötz). ИФ.

Heuss, A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Lpz., 1937, XI+272 S. («Klio», Beih. 39). ЛБ, МГУ.

Jones, A. H. M. The Greek city from Alexander to Justinian. Oxf., 1940, X+393p. ЛБ, ИБ, БАН.

Inge, Wilgelmina van. Figurines from Seleucia on the Tigris discovered by the expeditions conducted by the Univ. of Michigan with the cooperation of the Toledo museum of art and the Cleveland museum of art 1927—1932. Ann Arbor, 1939, XXI+374+V p., XCIII pls., 2 maps. МГУ.

Yutie, H. C., ed. Tax rolls from Karanis in two volumes. Ann Arbor, 1936—1939, XV+437+V p., III pls., XV+266+IV p., III pls. (Univ. of Michig. studies, Humanistic series, vol. XLIII, Michigan papyri, vol. IV, part I—II). МГУ.

Monumenta Asiae Minoris antiqua. Vol. IV—VI. Manchester, 1933—1939, XIX+144. LI+201; XXII+166 p., 36; 32; 38 pls., ill., map (Publications of the Amer. soc. for archaeological research in Asia Minor). ЛБ.

Newell, E. T. The coinage of the eastern Seleucid mints from Seleucus I to Antiochus III. (Numismatic studies, No 1) N. Y., 1938, 307 p., LVI pls., 1 map. БАН.

Newell, E. T. Late Seleucid mints in Ake-Ptolemais and Damascus. N. Y. 1939, 107 p., ill. (Numismatic studies and monographs, No 84). МГУ.

Preisigke, Friedrich. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden. Mit Einschluss der griechischen Inschriften, Aufschriften, Ostraka, Mumienbilder usw., aus Aegypten. Mit einem Nachruf von O. Gradenwitz. Hrsg. von E. Kiessling, Bd. 1—2. Brl., 1925—27. (На обл.: Bd. I. Heidelberg, 1924). XII+860; 782 S. ЛБ.

Pritchett W., Meritt, B. D. The chronology of Hellenistic Athens. Cambridge (Mass.), 1940, XXXV+158 p. Ill. (Amer. school of classical studies at Athens). МГУ.

Rostovtzeff, M. Dura-Europos and its art. Oxf., 1938, XIV+162 p., ill. ИБ.

Rostovtzeff, M. J. ed. The excavations at Dura-Europos, conducted by Yale University and the French Academy of inscriptions and letters. Preliminary report of Fifth season of work October 1931—March 1932. New Haven—L.—Oxford—Prague. 1934, XVIII+322 p. LI pls. ИБ.

R o s t o v t z e f f, M. J., B e l l i n g e r, A. R., H o p k i n s, C. and W e l l e s; C. B. ed. The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of inscriptions and letters. Preliminary report of Sixth season of work October 1932—March 1933. New Haven—L.—Oxford—Prague, 1936, XX+518 p. LIII pls. ИБ, МГУ.

R o s t o v t z e f f, M. B r o w n, F. and W e l l e s, C., eds. The excavations at Dura-Europos, conducted by Yale university and the French Academy of inscriptions and letters. Preliminary report of the 7th and 8th seasons of work 1933—34 and 1934—35. New Haven, 1939, XXIV+461 p., 68 pls., ill. ИБ, ЛБ.

R o s t o w z e f f, M. A social and economic history of the Hellenistic World. V. 1—3. Oxf., 1941, 1779 p. ИБ, ЛБ, МГУ.

S c h o b e r, A. Zu den Siegesanathemen Attalos'I. Wien, 1941, 15 S. (Anz. Akad. Wiss. Wien. Jg. 1941, Nr. 1). ЛБ.

S c h u b a r t, W. Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus. Lpz., 1937, 29 S. (Alte Orient, Bd. 36, H. 2). ЛБ.

S t i l l w e l l, R. ed. Antioch on the Orontes. III. The excavations 1937—1939. Princeton—L.—Hague, 1941, VIII+251 p., X plates, 92 pls, ill. (Publications of the Committee for the excavation of Antioch and its vicinity). БAH.

T a r n, W. W. The Greeks in Bactria and India. L., 1938, XXIII+539 p., 4 pl. ЛБ.

The Tebtunis papyri. Vol. I—III. L., 1902—1938. (University of California publications. Greco-Roman archaeology, vol. I—IV). ИБ.

Vol. I. Ed. by G r e n f e l l B. P., H u n t, A. S. and S m y l y, J. G., 1902 XVIII+674 p., 9 pls.

Vol. II. Ed. by G r e n f e l l, B. P., and H u n t, A. S. L., 1907, XIV+485 p., 3 pls.

Vol. III. Part I. Ed. by H u n t, A. S. and S m y l y, J. G., L., 1933, XVIII+333 p., 7 pls.

Part II. Ed. by H u n t, A. S., S m y l y, J. G. and E d g a r, C. C. L. 1938, XXI+345p., 4 pls.

T o l l, N. The green-glazed pottery. New Haven—L., 1945, 95 p., 10 pls., ill. The excavations of Dura-Europos, conducted by Yale univers. and the French Academy of inscriptions and letters. Final report, part 4, fasc. I). ЛБ.

W a l b a n k, F. W. Philipp V of Macedon. Cambridge, 1940, XI+387 p., ill. ИБ.

W e s t e r m a n n, W. L. Zenon Papyri. Business papers of the third century B. C. dealing with Palestine and Egypt. Edited with introductions and notes by W. L. Westermann and E. S. Hasenoehtl. Vol. I. N. Y., 1934, X+177 p. 7 pls. (Columbia Papyri, Greek series, No 3, Zenon Papyri, vol. I). БAH.

W e s t e r m a n n, W. L. Zenon Papyri. Business papers of the third century B. C. Dealing with Palestine and Egypt. Edited with introductions and notes by W. L. Westermann C. W., Keyes and H. Liebesny. V. II, N.—Y., 1940, X+221 p., 7 pls. (Columbia Papyri, Greek series, No 4, Zenon papyri, vol. II). БAH.

П И М

A l t h e i m, Franz. A history of roman religion. Transl. by H. Mattingly. L., 1938, XI+548 p. ИБ.

A l t h e i m, Franz. Le Sacra. Die Anfänge der plebeische Organisation. Amsterdam, 1940, 44 S. (Albae Vigiliae unter Mitwirkung von Prof. S. Eitrem (Oslo), hersg. von prof. K. Kerényi, Heft I). БAH.

A s h b y, Thomas. The aqueducts of ancient Rome. Ed. by J. A. Richmond, Oxf. 1935, XVI+342 p., 34 figs., 7 maps, XXIV pls. ИБ.

Barrett, H. M. Boëthius; some aspects of times and work. Cambridge, 1940, IX+179 p. ИБ.

Baynes, Norman. The historia Augusta, its date and purpose. Oxf., 1926, 149 p. ИБ.

Bernstein, I. Flavius Josephus, his time and his critics. N. Y., 1938, XVI+366 p., ill. БАН.

Betz, A. Untersuchungen zur Militärgeschichte der Römischen Provinz Dalmatien. Baden bei Wien, 1938 VI, 75 S., 1 Karte. (Abhandlungen des Archäologisch-Epigraphischen Seminars der Universität Wien. Neue Folge, III Heft). БАН.

Beulé, M. Le sang de Germanicus. 2-me éd. Paris, 1869, 401 p. ИБ.

Boak, A. E. R. A history of Rome to 565 A. D., 3d ed. N. Y., 1943, VII+552 p. ill., maps. ИБ.

Bouchier, E. S. Spain under the Roman Empire. Oxf., 1914, 200 p., map. ИБ.

Boyce, G. K. Corpus of the lararia of Pompei. Rome, 1937, 112 p., 41 pls (Mem. Amer. Acad. Rome, vol. 14). ИБ.

Broughton, T. R. S. The romanization of Africa proconsularis. Baltimore—L., 1929, VIII+233 p. ИБ.

Carpenter, R. Observations on familiar statuary in Rome. Rome, 1941, 110 p., 34 pls. (Mem. Amer. Acad. Rome, vol. 18). ИБ.

Carrington, R. C. Pompeii. Oxf., 1936, XII+197 p., XXIV pls, ill., map. ИБ.

Charlesworth, W. P. cocr. Documents illustrating the reigns of Claudius and Neron. Cambridge, 1939, 41 p. ИБ.

Chilver, C. E. F. Cisalpin Gaul; social and economic history from 49 B. C. to the death of Trajan. Oxf., 1941, VII+355 p. ИБ, ИБ, БАН.

Clausing, R. The Roman colonate, the theories of its origin. N. Y., 1925, 333 p. ИБ.

Couch, H. N. and Geer, R. M. Classical civilization. Vol. 2. Rome. By R. M. Geer. N. Y., 1941, XXIII+414 p., ill. ИБ.

Dill, S. Roman society in the last century of the Western empire. 2 ed., revised. L., 1899, XXVIII+459 p. ИБ.

Dixon, P. The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world. L., 1940, 159 p., 26 pls, 1 map. ИБ, БАН.

Dobson, D. P. Ancient history of the lands at some time schedule in the empire of Rome, a select list of books. L., 1941, 4 p. ИБ.

Evan, E. C. The cults of the Sabine territory. Rome, 1939, XIV+254 p., 7 pls. (Pap. Monogr. Amer. Acad. Rome, vol. 11). ИБ.

Frank, Tenney and others. An economic survey of ancient Rome. Vol. I—V. Baltimore, 1933—1940, XIV+431; X+732; 664; 950; XVI+445 p. ИБ, БАН.

Frank, Tenney. Roman imperialism. N. Y., 1929, XIII+365 p. ИБ.

Fried, F. Latifundien vernichteten Rom. Eine Studie der römischen Agrarverhältnisse und ihrer Auswirkungen auf Volk und Staat. Reichsbauernstadt Goslar, 1993. БАН.

Gelzer, M. Das erste Konsulat des Pompeius und die Uebertragung des grossen Imperium. Brl., 1943, 435 p. (Abh. Preuss. Ak. Wiss. Jg. 1943. Philos.-hist. Kl., Nr. 1). ИБ.

Gordon, A. E. The cults of Lanuvium. Berkeley, 1938, 21—58 p. (Univ. of Calif. public. in classical archaeology, vol. 2, No 2). ИБ.

Grog, E. Die Römischen Reichsbeamten von Achaia bis auf Diokletian. Wien und Lpz., 1939, 198 S. (Akademie der Wiss. in Wien, Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilung, IX). БАН.

Grose, H. H. Roman panorama. A background for today. Cambridge, 1944, XVIII+260 p., ill., maps. ИБ.

Hardy, E. G. The Catilinarian conspiracy in his context. A re-study of the evidence. Oxf., 1924, 115 p. ИБ, ИБ.

Hartke, W. Geschichte und Politik in spätantiken Rom; Untersuchungen über die Scriptores historiae augustae. Lpz., 1940, IV+172 S. («Klio», Beih. 45). ИБ, БАН

Haskell, H. J. The new deal in old Rome. How Government in the ancient world tried to deal with modern problems. N. Y., 1939, XII+258, XI p., maps. БАН.

Haskell, H. J. This was Cicero. Modern politics in a roman toga. N. Y., 1942, VI+406, XIII p., ill, maps. БАН.

Haywood, R. M. Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933, 108 p. (The Johns Hopkins university studies in historical and political science, series LI, No 1). ИБ.

Heaton, J. W. Mob violence in the late Roman republic 133—49 B. C. Urbano (Illinois), 1939, 107 p. (Illinois studies in the social sciences. Vol. XXIII, No 4). БАН.

Herrling, W. G. L. The romanization of Raetia. A part of a diss., Chicago, 1943, [95 p.] (The Univers. of Chicago). ИБ.

Highbarger, E. L. The gates of dreams. An archaeological examination of Vergil, Aeneid VI, 893—899. Baltimore, 1940, XIII+136 p., ill. (The Johns Hopkins university studies in archaeology, No 30). МГУ.

Hoenn, K. Konstantin der Grosse; Leben einer Zeitenwende. Lpz., 1940, VII+262 S., 24 Taf. ИБ, БАН.

Hausenhold, H. W. Rome Republic and Empire. Vol. II. The Empire. L., 1938, VIII+316 p. ИБ.

Howald, Ernst, Meyer, Ernst, hrsg. Die Römische Schweiz. Texte und Inschriften mit Übersetzung. Zürich, 1941, XVI+415 S., 3 Tafeln, 1 Karte. ИБ.

Howe, L. L. The pretorian prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180—305) Chicago, 1942, XIII+141 p. ИБ, ИБ.

Hrkal, E. Beiträge zur etruskischen Sprachenfrage. Wien, 1938, 24 S. ИБ.

Jolliffe, H. R. The critical methods and influence of Bentley's Horace (1706 sq.) Chicago, 1939, 152 p. Diss. ИБ.

Jonge, P. Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus XIV, 2 Hälfte (c. 7—11)... Mit Unterstützung des Legatum Hoefftianum veröffentlicht. Batavia, 1939, 148 S. БАН.

Juvenalis, D. J. D. Juni Juvenalis satirae. Ed. A. E. Housman. Cambridge, 1938, LVII+146 p. МГУ.

Kromayer, Johannes. Antike Schlachtfelder. 4. Bd. (Ergänzungsband). Schlachtfelder aus den Perserkriegen, aus der späteren griechischen Geschichte und den Feldzügen Alexanders und aus der römischen Geschichte bis Augustus von J. Kromayer G. Veith und anderen. Liefer. 4, S. 449—676 Römische Schlachten. Brl., 1924—1931. ИБ.

Lietzmann, H. Das Problem Staat und Kirche im Weströmischen Reich. Brl., Akad. d. Wiss., 1910, 10 S. (Abh. der Preuss. Ak. d. Wiss. Jg. 1940, Philosoph.-hist. Kl., Nr. 11). ИБ.

Limebeer, D. E. The Greeks and the Romans. Part 2. The Romans. Cambridge, 1940, XIV+158 p., ill., 5 pls. МГУ.

Limes und Saalburg, ein Grenzwall aus der Zeit des Kaisers Trajanus. [von R. W.] [Frankfurt am M.], 6. r., 13 S., ill. ИБ.

Lowe, E. A., ed. Codices Latini antiquiores. A palaeographical guide to Latin manuscripts prior to the ninth century. Part 1—3. Oxf., 1934—1938, VIII+44; XVIII+53; VII+48 p., pls. МГУ.

Lucki, E. The colonate under the late Roman Empire. A part of diss., Chicago, 1943, [19 p.]. ИБ.

MacGachy, John Alexander. Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West. A diss. Chicago, 1942, III+203 p. ИБ.

Mandell, Clarence W. Our Seneca. New Haven, 1941, VIII+285 p. БАН.

Manley, J. J. Effects of the germanic invasions of Gaul 234—284 A. D. Berkeley, 1934, 25—142 p., 6 figs in text. (Univ. of Calif. publications in history, vol. 17, No 29). ИБ.

Manns, F. Münzkundliche und historische Untersuchungen über die Zeit des Illyrerkaisers Aurelianus. Würzburg, 1939, VI+65 S. Diss. ИБ.

Mattingley, Harold. Coins of the Roman Empire in the British museum. Vols II, III, IV. L., 1930, 1936, 1940, CV+485 p., 83 pls; CXLIV+640 p., 102 pls; CC+964, III pls. МГУ.

- Momigliano, A. Claudius the emperor and his achievement. Transl. by W. D. Hogarth, Oxf., 1934, XIII+125 p. ИБ.
- Moore, Ralph Westwood. The Roman commonwealth. L., 1943, 267 p., ill.
- Nostrand, J. J. von. The imperial domains of Africa proconsularis. An epigraphical study. Berkeley, 1925, 88 p. (Univ. of Calif. Publications in history, vol. 14, No 1). ИБ.
- Paribens, Roberto. La famiglia romana. Roma, 1939, 72 p., ill. (Istituto di studi romani P. N. f., opera nazionale dopolavaro, Roma mater, IV). БАИ.
- Parker, H. M. D. A history of the Roman world from A. D. 138 to 337. L., 1935, XII+402 p., 4 maps. (Methuens history of the Greek and Roman world. General editor M. Cary, vol. VII). ИБ.
- Petronius Arbitrator. The Cena Trimalchionis of Petronius together with Seneca's Apocolocyntosis and a selection of Pompeian inscription. Ed. by W. R. Sedgwick. Oxf., 1939, 146 p. МГУ.
- Postgate, J. B. Prosodia Latina. An introduction to classical Latin verse. Oxf., 1923, V. 120 p. МГУ.
- Propertius, Sextus (Aurelius). Sexti Propertii quae supersunt opera. Ed. novo, que apparatu critico instruxit O. L. Richmond. Cambridge, 1928, 430 p. МГУ.
- Ramsay, William Mitchell. The social basis of roman power in Asia Minor. Prepared for the press by D. G. C. Anderson. Aberdeen univers. press, 1941, XII+305 p. ИБ, БАИ.
- Rand, E. K. The building of eternal Rome, Cambridge, 1943, XIII+318 p., ill. БАИ.
- Richards, G. C. Cicero. A study. L., 1935, X+298 p. ИБ.
- Robinson, Laura. Freedom of Speech in the Roman republic. A diss. Baltimore, 1940, XIII 93 p. И. Б.
- Rosati, Francesco. Cere e suoi monumenti, Foligno, 1890, III+221 p. ИБ.
- Rostowtzeff, M. Dura-Europos... См. раздел «Эллинизм».
- Rostowtzeff, M. The excavations at Dura-Europos... См. раздел «Эллинизм».
- Rostowtzeff, M. The social and economic history of the Roman Empire. Oxf., 1926, XXV+695 p., ill. ИБ.
- Ryberg, Inez Scott. An archaeological record of Rome from the seventh to the second century B. C. Part 1—2, L.—Philadelphia, 1940, XIV+247 p., 54 pls., 1 map. (Studies and documents edited by Lake Kirsopp and Lake Silva, vol. XIII). БАИ.
- Scramuzza, V. M. The emperor Claudius. Cambridge L., 1940, 328 p., maps. (Harvard Historical studies, vol. XLIV). ИБ, БАИ.
- Sherman, C. P. Roman civilization in the modern world. New Haven, 1942, 204 p. БАИ.
- Sinker, A. P. Introduction to Lucretius. Cambridge, 1937, XXX+139 p. (Pitt press series). МГУ.
- Smith, C. E. Tiberius and the Roman Empire. Louisiana state university pr., 1942, IV+281 p. БАИ.
- Solari, Arturo. L'impero Romano. Vol. I. Unità e universalità di Augusto. Genova—Roma—Napoli—Città di Castello, 1940, XI+182 p., 10 cortine. БАИ.
- Starr, Chester G. Ir. The Roman Imperial navy 31 B. C.—A. D. 342. N. Y., 1941, XV+230 p., 1 map. (Cornell studies in classical philology ed. by H. Caplan, J. Hutton, H. L. Jones, vol. XXVI). БАИ.
- Steinwenter, A. Fundus cum instrumento, eine agrar- und rechtsgeschichtliche Studie. Wien—Lpz., 1942, 110 S. (Ak. Wiss Wien, Philos-hist. Kl., S.-B., Bd. 221, Abh. I). ИБ.
- Stevenson, G. H. Roman provincial administration till the age of Antonines. N. Y., 1939, VII+182 p., map. ИБ.
- Sutherland, C. H. V. The Romans in Spain 217 B. C.—A. D. 117. L., 1939, XI+264 p., XII pls, 2 maps. БАИ.
- Syme, R. The Roman revolution. Oxf., 1939, XI+568 p., 6 pls. ИБ, ИБ.
- Tacitus, G. C. Vie d'Agricole. Texte établi et trad. par E. de Saint O. Denis.

1942, XXXVI +50 p., carte. (Collection des Universités de France. Publ. sous le patronage de l'Association G. Budé). ЛБ.

T a n z e r, Helen H. The common people of Pompeii. A study of the graffiti. Baltimore, 1939, XII +113 p., ill., map. (The J. Hopkins university studies in archaeology, No. 29). БАН.

T e g g a r t, Frederick J. Rome and China. A study of correlations in historical events. Berkeley, 1939, XVIII +283 p., 14 maps. БАН.

T r e v e r, A. A. The Roman world. N. Y., 1939, XVI +817 p., ill., maps (History of ancient civilization, vol. II). БАН.

V a n B u r e n, A. W. A bibliographical guide to Latium and Southern Etruria. 4th ed. Rome, 1938, 34 p. (Amer. Acad. Rome). ЛБ.

V a n B u r e n, A. W. A companion to the study of Pompeii and Herculaneum. 2nd ed. Rome, 1936, 36 p. (Amer. Acad. Rome). ЛБ.

W a r m i n g t o n, E. H. ed. Remains of old Latin in four volumes. Newly ed. and transl. Vol. 3. Lucilius. The twelve tables. L., 1938, XXXIII +550 p. ЛБ.

W e l l s, J. H. Short history of Rome to the death of Augustus. L., 1943, 353 p., map. ЛБ.

W e n g e r, L. Zwei lateinische Papyri zum römischen Eherechte. Wien und Lpz., 1941, 40 S. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-histor. Kl., Sitzungsberichte, Bd. 219, Abh. I). ЛБ.

W e s t, L. C. Imperial Roman Spain. The objects of trade. Oxf., 1929, 92 p. ЛБ.

W e s t, L. C. Roman Gaul. The objects of trade. Oxf., 1935. VI + 191 p. ЛБ.

W e s t b u r y, Jones J. Roman and christian imperialism. L., 1939, XXXVII +374 p. БАН.

ХРИСТИАНСТВО

Antike und Christentum. Kultur- und religionsgeschichtliche Studien. Ergänzungsband I. Pisciculi. Münster in Westfalen, 1939, 348 S., pls. БАН.

B a r t l e t, Y. V. Church-life and Church-order during the first four centuries with special reference to the early eastern church-orders. The Birkbeck lectures delivered at Trinity college. Oxf., 1943, LXIV +207 p. БАН.

B e l l, H. Idris and Skeat, T. C. Fragments of an unknown gospel and other early christian papyri. L., 1935, X +63 p., V pls. МГУ.

B u r n, A. E. The council of Nicaea. L., 1925, X +146 p. ЛБ.

C h a r a n i s, P. Church and state in the later Roman Empire. The religious policy of Anastasius the first, 491—518. Madison, 1939, 102 p. БАН.

C r o w f o o t J. W. Early churches in Palestine. L., 1941, XIV +166 p. III. БАН.

G o o d s p e e d, E. J. A history of early christian literature. Chicago, 1942, XIII + +324 p. БАН.

G r a n t, F. G. The earlier gospel. Studies of the evangelic tradition of its point of crystallization in writing. N. Y., 1943, 270 p. БАН.

H a t c h, E. The influence of Greek ideas and usages upon the christian church. L., 1891, XXIII +359, 8 p. МГУ.

K n o x, J. Marcion and the New testament. An essay in the early history of the canon. Chicago, 1942, IX +125 p. БАН.

M e r i l l, E. T. Essays in early christian history. L., 1924, VIII + 344 p. ЛБ.

M i l n e, H. and S k e a t, T. The codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus. L., 1938, 35 p., 6 pls. ЛБ.

M o r e y, Ch. R. Early christian art. An outline of the evolution of style and iconography in sculpture and painting from antiquity to the eighth century. L., 1943, 50 p. БАН.

O l m s t e a d, A. T. Jesus in the light of history. N. Y., 1942, XIV+317 p. БАН.
R e n a n, E. Les apôtres. P., [б. г.], LXIV+388 p. МГУ.

T o r r e y, C. C. Documents of the primitive church. N. Y. and L., 1941, XVIII + 309 p. БАН.

*Государственная публичная
историческая библиотека*

Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья.

АНТИЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СКУЛЬПТУРУ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В собраниях Государственного исторического музея хранится культовая статуэтка — миниатюрная каменная герма с своеобразными чертами, характеризующими ее варварское происхождение. Герма найдена при земляных работах у Стрелецкой бухты Гераклейского полуострова, составлявшего часть владений античного Херсонеса, и незадолго до войны попала в музей.

Герма находит свое место в ряду варварских скульптурных памятников, известных в Северном Причерноморьи. — Отправной точкой в развитии этого ряда являются памятники, связанные с древнейшими доскифскими обитателями Причерноморья — киммерийцами.

К ним относятся стелы, найденные при раскопках Тиритаки в 1933 г. ¹ Стелы представляют собою примитивные изваяния мужчины и женщины. Лица лишь намечены. Руки до локтя показаны вдоль верхнего края плиты, от локтя руки сгибаются и направлены книзу. Показаны все пальцы обеих рук. Нижняя часть изваяний совершенно не отделана и предназначалась, очевидно, для установки в земле. Там же найдена часть третьего такого же изображения. Аналогичный памятник доскифской эпохи был открыт ранее в районе Северного Причерноморья — в Белогрудовке.

Тиритакские стелы, по определению занимавшихся ими исследователей (В. Ф. Гайдукевич, М. И. Славин), относятся к эпохе бронзы — XIII-XII вв. до н.э. и принадлежат доскифскому населению Причерноморья, т. е. киммерийцам.

Этот вид антропоморфных стел послужил основой для развития более поздних типов изображений, связанных уже со скифами, позднее — с сарматами.

Кроме стел, где, хоть в чрезвычайно упрощенной и схематической трактовке, все же изображены лица и руки, есть другой тип антропоморфных изображений, еще более примитивный, но также несомненно связанный с тем же временем и тем же народом. Это так называемые антропоморфные надгробия-примитивы. Именно к этим примитивам восходит серия памятников, завершением которой является наша герма. Наиболее ранние из них по времени открыты А. А. Миллером во II слое Кобыкова городища близ станции Аксайской в Приазовьи ². Исследователь относит материал

¹ Т. Н. К н и п о в и ч и Л. М. С л а в и н, Раскопки юго-западной части Тиритаки, «Мат. и иссл. по арх. СССР», т. 4, Изд. АН СССР, 1941, рис. 50, 51, стр. 39.

² А. А. М и л л е р, Краткий отчет о работах Северо-кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. Сообщения ГАИМК, Ленинград, 1926 г., вып. 1, рис. 34, стр. 138.

городища к древним доскифским культурам, причем делит его на два слоя. Интересующие нас изображения относятся ко второму, более позднему слою. Время его по характеру находок (керамика, изделия из бронзы и камня) определяется VII—нач. VI в. до н.э.

А. А. Миллер указывает, что, по словам Б.В.Фармаковского, совершенно подобные изображения открыты им в Ольвии, где они были использованы в качестве строительного материала в каменной кладке древнейшего периода города ¹.

Следовательно, в эпоху VII—нач. VI в. до н.э. народ, изготовлявший эти памятники, был еще в районе Нижнего Приднепровья. Антропоморфные примитивы олицетворяли собой умершего человека и ставились на месте его захоронения. Подобные обычаи известны в глубокой древности. Среди находок в Нижней Трое, относимой к началу 1 тысячелетия до н.э., мы видим подобные изображения, сопровождавшие погребальный ритуал ².

А. А. Миллер предположил в Кобякинских примитивах какой-то религиозный смысл, но не связывает их с наличием в том же слое погребения скорченного.

В Ольвии известно значительное количество скорченных погребений ³. Известны архаические — VI—нач. V в. до н.э. и гораздо более поздние — времен II—III вв. н.э. До сих пор они приписывались скифам. С.И.Капошина в своей работе «Скорченные погребения в Ольвии и Херсонесе» относит к скифам не только ольвийские погребения, но предлагает считать скифскими и херсонесских скорченных ⁴. Однако среди типичных скифских погребений эллинистического и римского времени скорченного труположения, свидетельствующего о большом примитивизме духовного развития, совершенно не наблюдается ⁵.

Херсонесские скорченные погребения сопровождаются в большинстве случаев античным инвентарем и датируются тем же инвентарем в пределах IV в. до н.э. II—III вв. н.э. ⁶ Встреченная среди них местная варварская керамика никак не может быть отождествлена со скифской. Она имеет гораздо более грубые формы и технику и находит аналогии среди позднего материала каменных ящиков и погребений доскифской эпохи. Архаизм ее, несмотря на более позднее время, составляет отличительную черту именно таврской культуры. По свидетельству древних авторов ⁷, изгнание киммерийцев скифами произошло в конце VII в. до н.э. на всем протяжении Причерноморских областей от границ Фракии далеко на восток. По установившемуся в современной науке взгляду, остатками киммерийцев, сохранившихся в античную эпоху в Северном Причерноморье, считаются тавры, со всеми особенностями их чрезвычайно примитивной и самобытной культуры, резко отличной от современной им культуры скифов-сарматской ⁸.

Тавры входили составным элементом в контингент херсонесских жителей. Об

¹ М и л л е р, ук. соч., стр. 138, примеч.

² Carl W. Blegen, Excavations at Troy, AJA, 1934, N2, стр. 231, рис. 9.

³ Т.Н.Книпович, Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища, «Советская Археология», т. V (1940), стр. 104.

⁴ Капошина, Скорченные погребения в Ольвии и Херсонесе: «Советская Археол.» в. 7 (1941), стр. 172.

⁵ А. А. Спицын, Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65, Петр., 1913.

⁶ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—36 гг., Симф., 1938, рис. 3—41, стр. 163 сл.

⁷ Геродот, I, 103—106, пер. Латышева (Изв. древн. писателей о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 4).

⁸ С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1, стр. 150. В.А.Гордцов, К вопросу о киммерийской культуре, «Труды секции Археологического института археологии и искусств», РАНИОН, 1928, вып. 2, стр. 48; Моисеев, Из истории западного побережья Тавриды, Изв. Таврич. Уч. Арх.-ком., вып. 54, стр. 241; K. F. Lehmann-Haupt, Kimmerier, RE, т. XI, стр. 397—434.

этом свидетельствуют многие данные — бытовые предметы, обряды погребений, ритуальные памятники и самое упоминание имени тавров. На мраморном надгробии из Херсонеса с остатками 4-х хорошо выполненных фигур имеется надпись $\tau\alpha\upsilon\rho\iota\kappa\eta$. Надгробие датировано Латышевым I—II вв. н.э.¹ В 1903 г. в центральной части городища найдена ручка сосуда² из местной черной глины с изображением головы варварского типа, но совершенно отличного от изображений типов скифов. Лицо варвара поражает свирепостью выражения, грубостью и примитивностью черт. Характер его как нельзя лучше вяжется с общим характером таврской культуры, отличительными чертами которой является именно жестокость и примитивность³ (рис. 1).

В 1898 г. в Херсонесе найден обломок известковой стелы с очень грубым изображением воина-тавра с копьем в правой и круглым щитом в левой руке⁴. Копье со-

Рис. 1. Ручка глиняного сосуда из Херсона с изображением головы тавра

Рис. 2. Таврское надгробие из Херсонеса, с рельефным изображением воина с копьем и щитом

ставляло главный, если не единственный, вид оружия тавров, и наконечники копий составляют частый вид находок в каменных ящиках⁵ (рис. 5).

В некрополе Пантикапея имеется также большое число скорченников⁶ и, кроме того, прямое эпиграфическое свидетельство о наличии тавров в числе граждан города. Надпись надгробия, относящегося к VI в. до н. э., гласит: «Под сим памятником

¹ IOSPE, IV, № 142; «Мат. по Арх. Рос.» вып. 23., стр. 17—18; ОАК, 1898, рис. 14, стр. 114.

² К о с т ю ш к о-В а л ю ж и н и ч, Отчет о раскопках Херсонеса в 1903 г., ИАК, вып. 16, стр. 64, рис. 24. СПб, 1905,

³ Г е р о д о т, IV, 103; Саллюстий у Латышева (Изв. др. писат. т., II, вып. 1, стр. 255).

⁴ К о с т ю ш к о-В а л ю ж и н и ч, Отчет о раскопках Херсонеса в 1898 г. ОАК за 1898 г. изд. СПб, 1901, рис. 18, стр. 119.

Р е п н и к о в, ук. соч.

⁶ Ш к о р п и д, Отчет о раскопках в Керчи, ИАК, вып. 25, СПб, 1907, стр. 61.

муж, многим желанный, родом тавр, имя его Тихон»¹. И в Пантикапейском некрополе встречаются надгробия - примитивы, совершенно аналогичные упомянутым².

При раскопках Эрнста в 1926 г. в районе древнего Неаполиса, служившего границей владений скифов и тавров, им найдено неясное схематизированное изображение человеческой головы, т. е. тот же антропоморфный примитив³.

Больше всего таких антропоморфных примитивов в Херсонесе, находящемся непосредственно в границах Таврики и тесно связанном с ее основным населением. В Херсонесе мы имеем замечательный, совершенно оригинальный в истории античных городов факт нахождения некрополя в черте города⁴. Скорченники составляют большой процент погребений в этом некрополе. Следов окрашивания костяков нет. Несмотря на наличие чисто греческих вещей, весь некрополь имеет явно варварский, хотя и эллинизированный характер. Время функционирования этого некрополя в черте города точно определяется IV—II вв. до н. э.

В некрополе найдены 2 антропоморфных надгробия, вполне аналогичных кобякивским и ольвийским. Они представляют собой грубо схематизированную человеческую голову, переходящую почти без шеи в плечи. Выс. 0,33 м⁵.

На протяжении всех лет раскопок загородного некрополя Херсонеса эти памятники встречаются постоянно и составляют отличительную черту местного варварского пластического искусства⁶.

Большинство этих плоских головообразных надгробий имеет небольшой выступ у основания (рис. 3) для вставления в плиту, стоящую над могилой.

Херсонесские надгробия-примитивы эллинистического времени часто встречаются в качестве строительного материала в гробницах римской эпохи (см. гробницы №№ 25-27, 2454, 1530, 1536, 1545, — №№ гробниц идут с начала работ в последовательном порядке до 1914 г. включит.).

Если в эпоху догреческой архаики, классики и эллинизма таврские антропоморфные надгробия имеют почти неизменную форму коротких бюстов, — ко времени конца II—нач. I в. до н. э. они начинают несколько изменяться. Изменение происходит, главным образом, за счет удлинения, придающего им характер столбообразного надгробия гермы, и некоторых штрихов, обозначающих черты лица.

К таким памятникам относятся два, открытых в Анапе. Первый из них (рис. 4) найден Сизовым при раскопках городища Ногай-Калэ⁷. Это грубо высеченная из мягкого известкового камня человекообразная фигура с плоской передней стороной, которую сам исследователь сравнил с гермой. Задняя сторона ее выпуклая. Голова отделена от остальной части выемками, образующими шею и плечи. Части тела никак не обозначены. На плоском круглом лице проведены вглубь черты, обозначающие нос. Размеры ее — длина 0,57 м, ширина 0,25 м, толщина 0,15 м.

Весь характер находок на городище чисто местный, варварский, но в керамике подражающий античным образцам. Датировано оно концом II—нач. I в. до н. э.

¹ П а т ы ш е в, Заметки по греческой эпиграфике, «Изв. ГАИМК», вып. II, Петерб., 1922, стр. 70 сл.

² K i e s e r i t z k y u n d W a t z i n g e r, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, taf. LV, 763, taf. LVI, 757, 761, 762 759.

³ Э р н с т, Доклад о древнем Неаполисе, читанный на II конференции археологов в Херсонесе, изд. Херсон. музея, Симф., 1927, стр. 27.

⁴ Р. Х. Л е п е р, Отчет о раскопках в Херсонесе. ОАК за 1913—14 гг. Петр. 1918, стр. 60.

⁵ Г. Д. Б е л о в, ук. соч., стр. 21 и 192.

⁶ ОАК, за 1908 г. СПб, 1912, рис. 135—137; ОАК за 1913—14 гг., Петроград, 1918, стр. 67; ОАК за 1896, 1897, 1898 гг. (СПБ, 1898 г., 1900 г. 1901 г.); ОАК за 1891 г. СПб, 1893; Херсонесский сб., вып. II, стр. 152, Симферополь 1932; «Изв. Арх. ком.», вып. 20, СПб, 1906.

⁷ С и з о в, Станица Раевская. МАК, вып. II, М., 1898, рис. 27, стр. 113.

Второй анапский памятник — это антропоморфная стела-герма, найденная в кургане того же времени ¹.

Боспорские головообразные памятники, начиная с I в. до н.э., также начинают удлиниться, все более и более напоминая герму. Многие из них сохраняют лишь форму и очертания антропоморфных надгробий, лицевая сторона которых украшается обычными для греческих надгробий рельефами. Большинство из них содержит надписи, с часто попадающимися среди них варварскими именами ². Но особенно характерны изменения, происходящие с головообразными таврскими надгробиями в Херсонесе времен I в. до н.э. — III в. н.э. В насыпи некоторых детских гробниц этого времени встречаются грубой работы плиты в виде портика, на лицевой стороне которых изображение в виде круга-головы и схематизированных плеч ³.

Рис. 3. Навершие таврского надгробия из Херсонеса

Рис. 4. Антропоморфная надгробная стела из Анапы

На камне фланговой башни римского времени херсонесской городской стены и на стене римского склепа, открытого в 1903 г., мы видим те же антропоморфные изображения, сделанные здесь лишь в форме рельефов ⁴. В одних случаях они лишь начаты и не окончены, в других представляют совершенно законченную голову с шеей и началом гермы. Отличительной чертой этих рельефов от более ранних является хорошо подчеркнутая шея, расширенные тем самым плечи и примитивно обозначенные сверлом черты лица.

Наша герма принадлежит именно этому периоду, вполне перекликаясь с ним своими стилевыми особенностями. Она представляет лишь более развитую, усовершенствованную в восприятии античного влияния модель, заканчивающую собой круг местных таврских памятников ритуального характера.

¹ Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*, СПб, 1913, табл. XXX, рис. 3.

² Шкорпил, *Боспорские надписи*, ИАК, вып. 40, СПб, 1911, стр. 101, 107.

³ ОАК за 1898 г, СПб, 1901; ОАК за 1892 г., СПб, 1893; K i e s e r i t z k y u. W a t z i n g e r, *ib. t.* LVI, 765 a, 765 b.

⁴ М. И. Ростовцев, *ук. соч.*, табл. CX, рис. 3, 4.

Высота гермы — 13 см., толщина — 3 см., ширина в плечах — 3 см., ширина у основания — 4,6 см.

Герма — из обычного херсонесского известняка, покрытого красновато-бурым налетом от долгого лежания в почве, пропитанной окисями железа, что особенно характерно для почвы в скрестностях Стрелецкой бухты и Херсонесского маяка. Лицо гермы несколько треугольно, благодаря широким скулам и остроконечной бороде. Оно совершенно плоско, сверлом обозначены близко поставленные друг к другу глаза, рот и слабо прочерчены две линии носа. Борода обозначена насечками. Так же примитивно, как все лицо, изображено правое ухо. Левого незаметно, так как вся левая сторона вообще сохранилась хуже правой. Верх головы поврежден. С правой стороны головы заметно схематическое изображение волос в виде полосок, идущих от

Рис. 5 а, б, с. Миниатюрная каменная герма из Херсонеса

лба к затылку. На затылке волосы образуют утолщение, спускающееся в виде рельефного клина по спине. Повидимому, в толще волос на затылке имелось сделанное сверлом отверстие для подвешивания, но так как верхняя часть затылочного украшения отбита, то сохранилась лишь нижняя часть пронизи. Подобные отверстия видим мы во всех подвесках-амулетах, а также в пастовых и костяных гермах из херсонесского некрополя.

Фас итифаллической гермы в верхней части представляет обычный покатый бюст со срезанными руками, условные изображения которых, также обычные для гермы, заметны по сторонам. На месте живота сверлом сделана дырочка — пуп. Расширяющееся книзу основание гермы заканчивалось пьедесталом, оббитым, как и верх головы, в древности, о чем свидетельствует покрывающий всю поверхность гермы красноватый почвенный налет. Сохранились лишь следы пьедестала в виде идущего со всех четырех сторон карнизика. На спине гермы заметны три пересекающиеся друг с другом линии, прочерченные острием сверла (рис. 5, б, с).

Прежде всего бросается в глаза совершенно необычная форма гермы, расширяющаяся книзу. Античная герма обыкновенно или сужена книзу, или, что гораздо реже, равной ширины в основании и в плечах.

При ознакомлении с херсонесским материалом именно эта форма вполне оправдана для нашей варваризированной гермы. Вспомним материал из раскопок Бертье-Делагарда таврского святилища близ Ялты¹. Там среди множества жертвенных статуэток

Рис. 6. Терракотовые изображения женского божества из таврского святилища близ Ялты.

римского времени греческой работы, изображающих местное высокочтимое женское божество, оказались подражающие им фигуры, трактованные в виде пирамидок, очень напоминающих своей формой нашу герму. Вверху пирамидки обозначалось лицо с зашипнутым носом (рис. 6). Эти пирамидки были изделиями рук самих тавров, и примитивные их очертания оказывались для них самыми посильными. Ялтинские тавры были слишком удалены от постоянного общения с греками и тем самым лишены непосредственного их влияния. Тавры, жившие в окрестностях Херсонеса, вроде мастера,

¹ Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Случайная находка древностей близ Ялты. 300 Ист. и др., т. XXVIII. Одесса, 1910, стр. 19—27.

изготовившего нашу герму, или в самом Херсонесе, хоть и очень медленно и элементарно, все же невольно впитывали влияние греческих очертаний и греческих идей. Поэтому стиль изображения нашей гермы много выше стиля вотивных фигурок из урочища Мал-муз. Герма может быть надгробным памятником, если она достаточно велика, но может быть символом этого памятника — амулетом, если она миниатюрна, как наша. В могилах херсонесского некрополя римского времени найдено несколько маленьких костяных герм-подвесок, имеющих также расширяющееся книзу основание и плоское лицо. Сзади них имеются дырочки для подвешивания¹.

Есть еще одна особенность у нашей гермы — это собранные как бы в косу волосы на затылке. Опять-таки для Херсонеса это не единичный случай.

Среди находок из херсонесского некрополя римского времени имеются миниатюрные пастовые гермы местной работы с косами². Затем, так называемый «бронзовый идол» с заплетенными сзади в косу волосами³. И, наконец, в раскопках 1905 г. найдена мраморная плита с изображением гермы с косами, спускающимися по плечам⁴. Время этих памятников ограничено рамками I—IV вв. н. э. Датирующим элементом здесь служат многие факты: нумизматический и керамический материал, металлические изделия — пряжки, фибулы, браслеты, янтарные и пастовые бусы, т. е. все то, что характеризует языческий некрополь первых веков н. э. в отличие от некрополя христианского времени. С распространением в конце IV в. христианства с присущей ему новой символикой и новыми ритуальными памятниками языческие гермы в Херсонесе и на Боспоре исчезают совершенно и в период даже раннего средневековья уже не известны.

Таким образом, каменная пирамидальная герма Исторического музея является последним этапом в круге ритуальных памятников, связываемых с таврами. Время их — период тесной связи тавров с греческими городами — падает, как показывают упоминающие тавров надписи, на VI в. до н. э. — II—III вв. н. э. В конце этого периода тавры, повидимому, окончательно сливаются с все более и более интенсивно вторгающимися в их пределы племенами скифов и сармат и окончательно перестают существовать как определенный народ с определенным типом материальной культуры.

Н. В. Пятышева

Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья

Культурные связи между народами, населявшими Среднюю Азию и Приуралье, можно проследить с глубокой древности.

Хотя говорить о связях Средней Азии и Приуралья в эпоху палеолита пока нет оснований вследствие слабой изученности и редкости находок палеолитического времени в обоих районах, следует все же отметить одно очень интересное обстоятельство: палеолитические памятники Приуралья (главным образом Островская стоянка) по типам орудий труда ближе к сибирским памятникам того же времени, чем к западно- и восточноевропейским. Анализ орудий труда Островской стоянки показывает их большое сходство с орудиями палеолитических стоянок Сибири, от которых ее отделяет

¹ ОАК за 1908 г., СПб, 1912, рис. 130, стр. 105; ОАК за 1891 г., СПб, 1893, рис. 140, стр. 138.

² ИАК, вып. 16, СПб, 1905, стр. 32; ОАК за 1903—04 гг., СПб, 1906, стр. 67, 79; Херсонесский сб., вып. II, стр. 154 Симф., 1932.

³ ОАК за 1891 г., СПб, 1893, стр. 45.

⁴ ОАК за 1905 г., СПб, 1908, стр. 45; ИАК, вып. 25, СПб, 1907, стр. 155.

Уральский хребет и гораздо более значительное расстояние, чем от более близких территориально Карачаровской и Воронежских стоянок.

Для эпохи неолита мы имеем уже некоторые основания говорить о культурной общности между древним населением Средней Азии и Приуралья, хотя о заселении обоих районов в неолитическое время мы имеем лишь фрагментарные данные.

Несмотря на большое количество каменных орудий, происходящих с Урала и из бассейна Камы и давно известных в науке, до сих пор неизвестны ни поселения, ни могильники, относящиеся к эпохе неолита, кроме самых поздних ее моментов, вернее, времени перехода к металлу (так наз. энеолита). Несколько лучше дело обстоит в некоторых районах Средней Азии.

В послереволюционные годы были открыты памятники истории Средней Азии, восходящие, по видимому, к ранним этапам неолита. Сюда относятся находки стоянок первобытных бродячих охотников на территории Туркменской ССР¹. Древние охотники употребляли орудия микролитического типа, близкие к тем, которые характеризуют в Европе переход от палеолита к неолиту. Такие стоянки были открыты в нескольких пунктах Каракумской пустыни (Кызыл-тапыр в Центральных Каракумах, Дуз-Юзи на берегу Каспийского моря и др.)¹. Многочисленные находки микролитов на территории Северной Киргизии (с Кара-Тау, из Бетпакадала) дают основание говорить о том, что, люди, населявшие Северную Киргизию, в частности Чуйскую долину, прожили здесь стадию неолита². Очень интересно было бы сравнить микролитические памятники Средней Азии и Нижнего Поволжья, но следует отметить, что орудия микролитического типа могут относиться и к более позднему времени, так как они встречались в инвентаре памятников эпохи бронзы, и поэтому среднеазиатские стоянки с микролитами и аналогичные коллекции, хранящиеся в музеях, нуждаются в специальном изучении.

Работами Хорезмской экспедиции ИИМК 1938 — 1940 гг. на землях древнего орошения были открыты памятники древности неизвестного раннего типа, относящиеся к неолитической, бронзовой и раннежелезной эпохе. Из них особенно интересны остатки поселения древних рыболовов и охотников, находившегося недалеко от селения Кельтеминар³. Здесь было открыто большое наземное коллективное жилище овальной формы с большим очагом в центре, где горел неугасимый огонь. Внутри жилища и в округ него в культурном слое были найдены орудия труда из камня, кости диких животных и обломки глиняной посуды. Однотипные находки были сделаны и в некоторых других местах, что дало возможность исследователю древнего Хорезма С. П. Толстову установить существование особой кельтеминарской культуры. Анализ каменных орудий, глиняной посуды и других предметов этой культуры позволяет включить ее в комплекс степных культур энеолита Восточной Европы и Северно-западной Азии и найти ее ближайшие аналогии в Афанасьевской культуре Зап. Сибири и древнеямной культуре Восточной Европы. Влияние культуры крашеной керамики типа Анау прослеживается в кельтеминарской посуде слабо. Вместе с тем изучение остатков

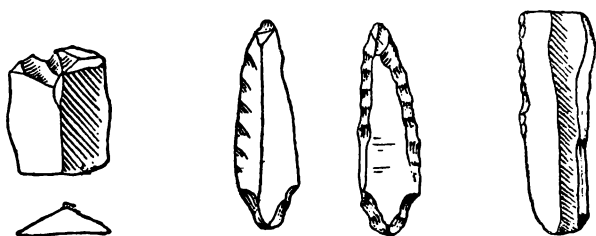

Рис. 1. Каменные орудия Левшинской стоянки, аналогичные кельтеминарским.

¹ Д. И. Щ е р б а к о в, Отчет о работах Каракумской серной экспедиции осенью 1926 г. «Серная проблема в Туркменистане», сб. II, 1928, стр. 34.

² А. Н. Б е р н ш т а м, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 19.

³ С. П. Т о л с т о в, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1, стр. 155.

кельтеминарского родового жилища с неугасимым огнем в центре позволяет говорить о большом архаизме вновь открытой культуры и датировать ее III тысячелетием до н. э. Таким образом, она несколько старше Афанасьевской культуры, датируемой началом II тысячелетия до н. э. и имеющей следы развитого скотоводства и металлургии.

В одном из погребений Афанасьевского могильника, расположенного в центре Минусинской котловины, найдены раковины двустворчатого моллюска (*Corbicula fluminalis*). Раковины лежали в области шеи, запястья и лодыжек. *Corbicula fluminalis* из стна из третичных отложений под Омском. В настоящее время ближайшее к Минусинскому краю место, где этот моллюск встречается, — это дельта Аму-дарьи. Трудно предполагать, что афанасьевцы употребляли некрасивые окальцинированные белые раковины третичного периода для украшения. Вероятнее, что их привлекали красивые свежие раковины, внутренняя поверхность которых — перламутровая, сиреневого цвета, а наружная — зеленая. Кроме того, хорошо отшлифовать и просверлить можно только свежую раковину. Наличие раковин *Corbicula fluminalis* в Афанасьевском могильнике является, таким образом, одним из доказательств культурных связей населения древнего Хорезма с населением Минусинской котловины.

Афанасьевская культура, повидимому, не распространялась к востоку от Минусинского края. Что же касается распространения ее на Запад, то обломки глиняной посуды афанасьевского типа известны с р. Оби из районов Бийска, Барнаула и Семипалатинска. В работе о древних погребениях Минусинского края¹ С. А. Теплоухов указывал также на большое сходство с афанасьевской керамикой обломков сосудов, происходящих из б. Закаспийской области, но вследствие очень небольшого количества материала не делал никаких заключений. Сходство кельтеминарской глиняной посуды с афанасьевской, установленное исследователем Хорезма С. П. Толстовым, придает наблюдениям С. А. Теплоухова большую важность. На основании их можно говорить о непрерывном распространении керамики афанасьевского типа от Минусинской котловины до Хорезма, а следовательно, и о древних связях Средней Азии с Западной Сибирью в эпоху энеолита.

Отмечая эти связи, С. А. Теплоухов в работе «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края»² высказал предположение, что медно-бронзовая культура проникла в Сибирь из иранского мира. В докладе о неолитических памятниках как источниках по этногонии Сибири и Дальнего Востока А. И. Окладников³ приходит к следующим выводам:

1. Афанасьевская культура чужда лесному сибирскому неолиту.
2. Афанасьевская культура предстает перед нами с чертами высокого развития у афанасьевцев имеются лошади, коровы, овцы; они знают металл (ножи с черенками, медные 'оковки для сосудов).
3. В инвентаре этой культуры обращают на себя внимание чуждые элементы, особенно восточные: раковины *Corbicula fluminalis*, куриленки ямно-катакомбного типа, роспись на сосудах. Сюда же, вероятно, входят развитое скотоводство и довольно развитая техника обработки металлов. С какими культурами и племенами были связаны европеоиды — носители Афанасьевской культуры, можно судить как по следам ямно-катакомбной культуры в степях юга России и на Сев. Кавказе, так, в особенности, по вновь открытой кельтеминарской культуре в Хорезме.

Но не меньшее сходство имеет кельтеминарская стоянка с поздненеолитическими поселениями Прикамья и особенно с открытой и исследованной А. В. Шмидтом Лев-

¹ С. А. Теплоухов, Древние погребения Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 72.

² С. А. Теплоухов, «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929.

³ А. И. Окладников, Неолитические памятники, как источники по этногонии Сибири и дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», в. IX, стр. 5.

шинской стоянкой, находящейся близ ст. Левшино Молотовской обл.¹. Последняя расположена так же, как и Кельтеминарская, на дюнном всхолмлении в районе устья р. Чусовой при впадении в нее речки Банной. В таких же условиях расположены и другие древние стоянки района устья р. Чусовой, относящиеся примерно к тому же времени как и Левшинская стоянка². Мелкие кремневые орудия микролитовидного типа, большое количество ножевидных пластинок, наконечники стрел на ножевидных пластинках типичны как для Кельтеминарской, так и для Левшинской стоянок, столь удаленных друг от друга территориально. Последняя датируется найденным во время раскопок медным ножом катакомбного типа, который указывает на древние связи Прикамья с югом России и который А. В. Шмидт считал привозным. Согласно датировке А. В. Шмидта (конец

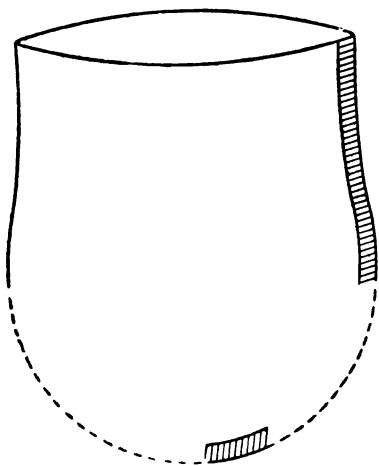

Рис. 2. Глиняный сосуд из раскопок Левшинской стоянки

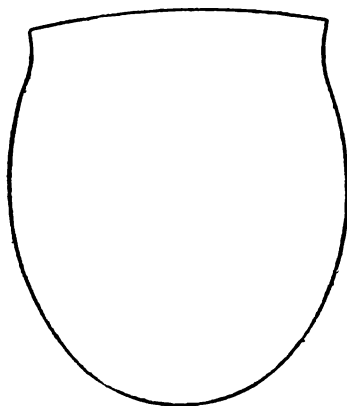

Рис. 3. Глиняный сосуд из Анау

III и начало II тысячелетия до н. э.), Левшинская стоянка несколько моложе Кельтеминарской, и ее отличие от последней заключается в наличии среди орудий труда, наряду с мелкими формами, типичными для обеих стоянок, крупных форм, отсутствующих в инвентаре Кельтеминарской стоянки. Кроме того, левшинская керамика, входящая вместе с кельтеминарской в круг распространения гребенчатой керамики Евразии, тоже отличается своеобразием, что вполне естественно для таких удаленных друг от друга памятников; она — иная и по составу глиняного теста и по наличию плоскодонных сосудов, которых нет в Кельтеминарской стоянке, хотя основная масса посуды обеих стоянок — круглодонная.

Другие поздненеолитические (или энеолитические) стоянки района устья Чусовой (у дер. Нижнее Адищево, у дер. Подстрелка и др.) расположены в аналогичных условиях — на небольших возвышенностях, чаще всего на дюнах у водоемов, и представляют собой остатки поселений охотников-рыболовов, как и Левшинская, и относятся примерно к тому же времени. К сожалению, эти стоянки в настоящее время сильно разрушены и дали несравненно меньше материала для изучения, чем Левшинская.

¹ А. В. Ш м и д т, Левшинская стоянка, «Советская археология» № 5, М.—Л., 1940.

² Н. А. П р о к о ш е в, К вопросу о поздне-неолитических памятниках Уральского Прикамья. «М-лы по археологии СССР» вып. 1.

Следует отметить также, что среди керамики нижнего слоя Анау также имеются формы, близкие к левшинским (ср. сосуд № 2 табл. 5 в книге P um p e l l y ¹ с реконструкцией сосуда с Левшинской стоянки — рис. 19 на стр. 19 работы Н. А. Прокошева в I томе «Материалов и исследований в СССР»).

Таким образом, мы видим, что в эпоху позднего неолита (или, вернее, энеолита) между памятниками Средней Азии и Прикамья можно проследить некоторую культурную общность, которая выражается в сходстве орудий труда, а также в том, что обе эти столь далекие друг от друга области входили в одну и ту же крупную группу древних культур Евразии, для которой характерна так наз. гребенчатая керамика—глиняная посуда, имеющая на внешней поверхности сосудов узоры, нанесенные при помощи гребенчатого (или зубчатого) штампа. При этом Кельтеминарская стоянка является, повидимому, наиболее древней из всех поселений этой группы. Для более углубленного и детального освещения этого вопроса пока еще нет достаточно материала, особенно среднеазиатского.

Культурная общность между древним населением Средней Азии и Приуралья, отмеченная для времени энеолита, не прерывалась и в эпоху бронзы. Напротив, для последней мы можем отметить расширение и углубление этой общности, хотя, может быть, это следует отнести за счет несколько большей изученности памятников эпохи бронзы интересующих нас районов, чем древностей энеолита. Особенно интересны результаты работ последних лет.

Работами Хорезмской экспедиции ИИМК 1939—1940 г. на территории Хорезма в зоне земель древнего орошения были открыты 2 неизвестные до сих пор в науке культуры, относящиеся к эпохе бронзы—Тазабагыбская, датируемая исследователем (С. П. Толстовым) X—XI вв. до н. э., и—несколько более поздняя—Амирабадская. Для Тазабагыбской культуры характерна грубая плоскодонная глиняная посуда с орнаментом из углов и треугольников, расположенных в верхней части сосудов и нанесенных или гребенчатым штампом или движением острого предмета. По форме и орнаменту эта посуда близка к широко известной керамике срубно-андроновского типа, распространенной в II тысячелетии до н. э. в степях Западной Сибири и Восточной Европы. Остатки поселений Андроновской культуры Сибири и Срубной культуры Поволжья были раскопаны целым рядом исследователей, и результаты их работ широко известны в специальной литературе.

Не вдаваясь в детальный анализ глиняной посуды бронзовой эпохи Хорезма, отметим, что подобная посуда встречается не только в Хорезме. Она известна прежде всего из раскопок американской экспедиции Пумпелли 1904 г. в Анау из слоя, относящегося к эпохе бронзы. Образцы фрагментов в небольшом количестве изданы в цитированной работе Пумпелли. Обломки такой же посуды типичного андроновского облика были собраны археологами Моск. гос. университета во время археологических разведок в окрестностях гор. Ашхабада в котловинах выдувания в пустыне. К сожалению, культурный слой ни в одном месте находок не сохранился, и лишь обломки сосудов остались на месте когда-то существовавших поселений. Теми же разведками было установлено, что сосуды этого типа синхроничны второму слою Анау, который, таким образом, датируется временем Андроновской культуры—II тысячелетием до н. э. Отдельные находки подобной посуды известны и из других мест Средней Азии. Так, один сосуд такого типа имеется в коллекции, собранной геологом Анбевым на Никифоровских землях в пределах гор. Ташкента при разработке карьеров для кирпичных заводов. Сосуд был обнаружен на глубине 1,85 м под небольшим плоским холмиком, возвышающимся над поверхностью земли на 0,5 — 0,7 м. Рядом с сосудом находились кости человека. Очевидно, на этом месте была разрушена взрывом древняя могила под насыпью кургана. Сосуд сделан от руки из темной глины с примесью мелких зерен известняка, кварца и слюды. Дно его плоское, переход от невысокой шейки к сильно выпуклым

¹ R. P u m p e l l y, Explorations in Turkestan, expedition of 1904, «Prehistoric civilization of Anau», v. I, Washingt., 1908.

стенкам — резкий, шейка отогнута наружу. Внутренняя поверхность заглажена при помощи тряпки или кожи, наружная поверхность лощеная. Верхняя половина сосуда покрыта орнаментом, нанесенным зубчатым штампом и образующим 2 зоны углов из двойных и тройных параллельных линий и разделенных горизонтальным пояском из 3 параллельных линий. Высота сосуда 12—13 см, диаметр горла—10—10,5 см (рис. 4).

Но особенно близкие параллели андроновским сосудам дает керамика Семиречья. Например, обломки глиняной посуды с Аламединской стоянки, обнаруженной А. И. Тереножкиным на правом берегу р. Аламедин, близ гор. Фрунзе, сходны с керамикой андроновского типа из погребений Западного Казахстана, исследованных М. П. Грязновым, что послужило основанием для датировки Аламединской стоянки

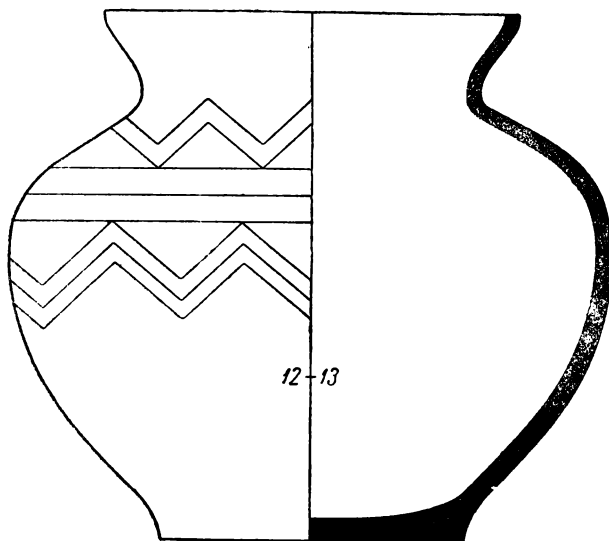

Рис. 4. Глиняный сосуд из-под Ташкента

II тысячелетием до н. э. Погребения андроновского типа известны из районов Семипалатинска, Усть-Каменогорска, а также с Кизил-Су, Кара-Узак, Кокректы, Караджал, Ейгенбулык и Марка-куль.

Однако глиняная посуда срубно-андоновского типа с орнаментом из заштрихованных углов, треугольников и ромбов, нанесенным зубчатым штампом или движением острого предмета, встречается и в Приуралье. Кроме типичных андроновских погребений на южном Урале, например в могильниках близ Орска и др., известны несколько стоянок на восточном и западном склонах Уральского хребта, в пределах Башкирской АССР и на Каме, где имеется глиняная посуда срубно-андоновского типа. Таковы Мысовские стоянки на среднем Урале, селище Баланбаш в пределах БАССР, Луговская стоянка Елабужского района Татарской АССР.

В эпоху бронзы и отчасти раннего железа в районе Среднего Урала была развита весьма своеобразная и богатая так наз. Шигирская культура, названная по имени Шигирского торфяника, где она была впервые открыта. Это была в основном культура оседлых охотников и рыбаков, сильно отличавшихся от обитателей степей и по хозяйству и по укладу жизни. Однако между древним населением Среднего Урала и его юго-восточными и юго-западными соседями можно отметить некоторые культурные связи. Так, исследователь Горбуновского торфяника Д. Н. Эдинг среди своеобразной местной глиняной посуды отмечает 2 группы, связанные—одна с Донецкой катаномбной культурой степей юга России, другая—с Андроновской, бытовавшей в степях Зап. Сибири и Приуралья. Особенно ярко выражен орнамент андроновского типа на глиняных тарелках, посуде, связанной с жертвенным местом на Горбуновском торфянике. Но, кроме культурных связей с соседями, которые обычно наблюдаются у населения почти

всех районов эпохи бронзы, следует отметить один интересный факт. Среди находок с Горбуновского торфяника имеется большая группа деревянных предметов, сохранившихся благодаря залеганию под слоем торфа, и среди них — деревянный бумеранг. Исследователь Анау Пумпелли, описывая деревянные орудия из нижнего слоя северного кургана, относящегося к эпохе бронзы, также упоминает о находке бумерангов. Возможно, что это — случайное совпадение, однако может быть, что некоторые деревянные орудия были распространены более широко, чем это известно в науке, но сохранились лишь в исключительных случаях.

Рис. 5. Керамика срубного типа Луговой стоянки близ г. Елабуги (ТАССР)

Рис. 6. Плоское тесло из Царева Кургана, аналогичное теслам из Сукулукского и Верхне-Кизилско-го кладов

Итак, в эпоху развитой бронзы Средняя Азия и Приуралье входили в ареал распространения керамики срубно-андроновского типа, куда входили также Западная Сибирь и Северный Кавказ. В отношении последнего особенно интересны раскопки последних лет, произведенные А. И. Крупновым. Во время обследования остатков древнего поселения под раннескифским слоем была обнаружена керамика срубно-андроновского типа, отчасти аналогичная глиняной посуде из доскифских слоев Кобыякова городища, раскопанного А. А. Миллером на Нижнем Дону в 1924 и 1925 гг.¹

Перейдем к характеристике бронзовых орудий труда, найденных в области распространения глиняной посуды срубно-андроновского типа, к которой принадлежали оба интересующие нас района — и Средняя Азия и Приуралье. Рассматривая бронзовые орудия Казахстана, Алтая и Минусинского края, М. П. Грязнов² подчеркивал, что вначале, в ранней бронзе, все эти области принадлежат одной культуре — Андроновской с одинаковыми орудиями на всей ее территории. Возьмем еще более широкую

¹ А. А. М и л л е р, Северо-Кавказская экспедиция 1924 и 1925 гг., «Сообщения ГИИМК», I Л., 1926.

² М. П. Г р я з н о в, Погребение бронзовой эпохи в Зап. Казахстане, сб. «Казахи», под ред. Руденко.

территорию и сравним 3 однородные группы бронзовых предметов, относящихся к эпохе бронзы: Сукулукский клад из Семиречья, Верхне-Кизилский клад из Уральской области и группу бронзовых предметов с Царева Кургана Куйбышевского района. Сукулукский клад, обнаруженный случайно во время строительных работ на правом берегу р. Сукулук в Семиречьи, состоит из 17 предметов — 3 вислообушных топоров, 3 клиновидных тесел, 3 долот, 3 зеркала, 2 наконечников копий, 2 проколов и 1 конической втулки наконечника. Группа бронзовых предметов с Царева Кургана состоит из вислообушного топора, 4 ножей, 2 плоских тесел, желобчатого долота, 3 серповидных наконечников стрелы, причем серп и наконечник стрелы являются предметами более поздними. Верхне-Кизилский клад состоит из бронзовых топоров, оставшихся у крестьян, 11 браслетов, 2 колец, 3 гривен, нескольких пронизок, 3 бляшек в виде пальметок, спирали, нескольких ножей, 2 серпов, долота, наконечника копья, плоского тесла, рыболовного крючка, шила и глиняного сосуда. Сравнивая категории предметов, мы видим во всех 3 группах бронзовые топоры. Какие топоры были в Верхне-Кизилском кладе — неизвестно, так как они остались у крестьян для собственного употребления, но можно думать, что это были, вислообушные. Во всех 3 груп-

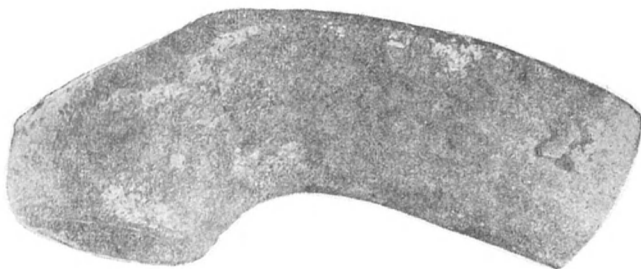

Рис. 7. Вислообушный топор из Царева Кургана (1/2 н. в.)

пах мы находим втульчатые и плоские долота и кинжалы или ножи. Следует заметить, что вислообушные топоры и ножи или кинжалы с Царева Кургана и из Сукулукского клада принадлежат к разным типам, так же как браслеты Верхне-Кизилского клада и Царева Кургана, так же как втульчатые долота всех 3 памятников. Но все бронзовые предметы, входящие в их состав, типичны для Срубно-Андроновского времени в Зап. Сибири, Поволжье и Приуралье. Так, те же типы бронзовых орудий мы находим в Турбинском могильнике, находящемся при впадении в Каму р. Чусовой, причем для памятников срубного типа характерны обоюдоострые ножи с выступами у основания рукоятки, а для памятников андроновского типа — ножи или кинжалы листовидной формы с выпуклым стержнем посередине. Еще большее сходство представляют собой отдельные предметы. Так, серповидные орудия из Семиречья совершенно подобны так называемым серпам из Казанской губернии, а бронзовый кинжал отсюда же одинаков с кинжалом из городища Грохань, находящегося при впадении Вятки в Каму.

В коллекции вышеупомянутого Турбинского могильника имеется бирюзовая бусина и нефритовые кольца. Ближайшие месторождения бирюзы — в Средней Азии и Иране, а нефрита — в Вост. Туркестане.

Отмеченное сходство бронзовых орудий, происходящих из очень удаленных один от другого районов, подчеркивает культурную общность, которая существовала в эпоху бронзы между культурами степей Зап. Сибири, Поволжья, Приуралья и Средней Азии и о которой мы уже говорили на основании близости форм и орнамента глиняной посуды.

Таким образом, мы видим, что в эпоху бронзы Средняя Азия, степная Зап. Сибирь, Сев. Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье и Приуралье входили в одну обширную культурную область древних степных культур, область, представляющую собой огромное пространство, не разделенное никакими непреодолимыми естественными преградами — ни высокими горами, ни массивами лесов, ни большими водными бассейнами —

и дающее широкий простор и большие возможности для передвижения отдельных этнических групп, развития культурных связей, для обмена и кочевого скотоводства. В то же время находки бронзовых серпов и исследование остатков стоянок этого времени доказывают, что, наряду со скотоводством, существовало и местами являлось преобладающим занятием отдельных групп древнего населения земледелие и имела место связанная с ним оседлость.

А. В. Збруева

Легенды родосских амфор

Одним из самых распространенных предметов в городищах нашего юга являются фрагменты остродонных амфор. Детальное изучение их по местам производства помогает выяснить торговые пути на нашем Черноморье из средиземноморских и малоазийских центров, объем этой торговли и ее колебания во времени.

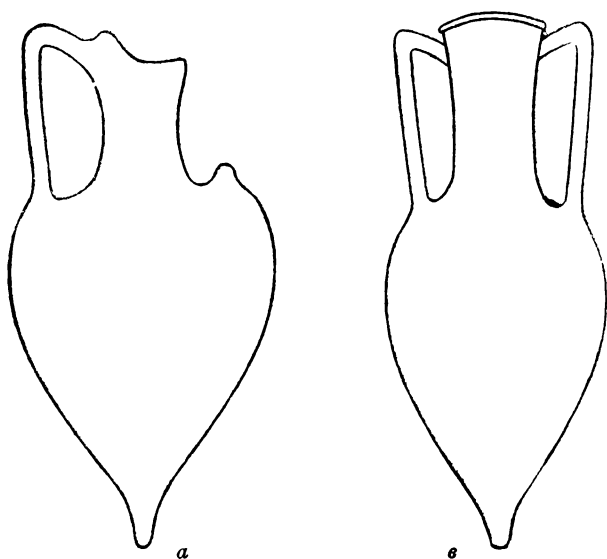

Рис. 1. Типы родосских амфор: *а*—ранний тип (конец IV—III вв. до н. э.), *б*—поздний тип (II—I вв. до н. э.)

Клейма амфор представляют собой очень разносторонний памятник, они дают возможность определить по эмблемам, по характеру имен, по диалекту место изготовления амфоры; а по формам букв, по характеру изображения эмблем, по грамматическим формам—ее время.

Родосская амфора была описана многими учеными: А. Дюмоном¹, К. Шухгартом², Ю. М. Придином³. Последний дает также прекрасную фотографию единственной (хранящейся в Эрмитаже) целой родосской амфоры из Танаиса, раскопок П. М. Леонтьева 1853 г.⁴ Ручки имеют очень характерный, свойственный только родосским амфорам, прямой угол в изгибе. Они в разрезе имеют почти форму круга. Эти два свойства родосских ручек резко отличают их от ручек амфор из других центров. Глина—бледно-розовая снаружи и яркорозовая при изломе, прекрасно промешанная и обожженная

¹ A. Dumont, *Inscriptions céramiques de Grèce*, Paris, 1872, стр. 8.

² C. Schuchardt, *Inchriften von Pergamon*, II, стр. 429.

³ Ю. М. Приди́н, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, стр. 1.

⁴ Там же, рис. 1.

без всяких примесей. Родосские амфоры по тщательности своей выделки—лучшие из эллинистических амфор вообще (рис. 1).

Но, кроме описанного типа, есть еще и другой, впервые опубликованный Виргинией Грэйс¹. Этот тип амфоры имеет более широкое тулово и плечи; ручки не образуют прямого угла, а только довольно крутой изгиб. Свойства глины те же.

Как и каждый из центров клеймения амфор, Родос имеет свою определенную легенду клейма. Легенда родосской амфоры, изучение которой очень осложнялось тем обстоятельством, что клейма располагаются на двух ручках, была впервые выяснена

К. Шухгартом в его ввводной статье к клеймам, найденным в Пергаме². Он доказал, что родосская легенда клейма состоит из трех элементов, которые располагаются в различных комбинациях на обеих ручках. 1-й элемент—имя эпонима с *'επι*, иногда с титулом *ἱερέως*. Например: *'επι Ἀγιστράτου* или *'επιἱερέως Ἀγιστράτου*, 2-й элемент—другое имя в именительном или родительном падеже, например: *Ἀμύντας*, и 3-й элемент—название родосского месяца в именительном или родительном падеже, например: *χαρύνειον*. Эти три элемента располагаются на

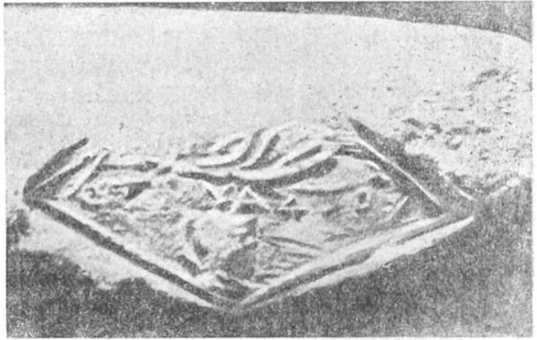

Рис. 2. Клеймо в форме ромба. Эмблема—голова Афины

двух ручках различно. Чаще всего имя эпонима и месяца бывают на одной ручке, а второе имя—на другой. Иногда имя эпонима—на одной ручке, а второе имя и месяц—на другой. Наконец, очень редко, имя эпонима и второе имя—на одной ручке, а месяц—на другой.

Форма родосских клейм по большей части бывает или круглая, или прямоугольная, другие формы редки. Встречаются еще формы ромба, например, в клеймах из Линда (рис. 2) и плющевого листа (рис. 3).

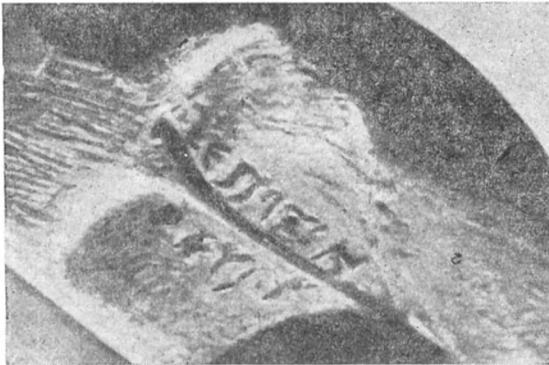

Рис. 3. Клеймо в форме листа плюща

Другие эмблемы в круглых клеймах очень редки. Это ветка пальмы, лира, рог изобилия, дельфин, герма, цветок и две шапки Диоскуров со звездочками, нос корабля, якорь с цветком, ритон, венок.

¹ Virginia Grace, Stamped Amphora Handles found in 1931—1932, «Hesperia», v. III, 1934, N 3.

² Inschriften von Pergamon, II, стр. 429.

³ M. Nilsson, Timbres amphoriques de Lindos, стр. 163.

Ввиду того, что приведенные только что эмблемы очень редки, а, с другой стороны в круглых клеймах они должны совпадать на обеих ручках амфоры, то по имеющимся данным составляется ряд из следующих имен, соответствующих по эмблемам одно другому, которые могли принадлежать одним и тем же амфорам.

- 1) эмблема: дельфин,
эпоним: Никасагор;
- 2) эмблема: венки,
эпоним: Клеоним;
- 3) эмблема: рог изобилия,
эпонимы: Аристофан или Ксенафет;
- 4) эмблема: дельфин,
другое имя: Гиппоник;
- 2) эмблема: венки,
другое имя: Филайний;
- 3) эмблема: рог изобилия,
другое имя: Тиас.

В четырехугольных клеймах, которых значительное большинство, эмблемы не обязательны. Многие клейма вообще не имеют их. Иногда эмблема отсутствует на обоих клеймах амфоры, иногда стоит только на клейме с именем эпонима, иногда только на клейме с именем второго лица, и, наконец, одна и та же эмблема—на обоих клеймах¹.

Рис. 4. Круглое клеймо. Эмблема—цветок граната

Государственные эмблемы Родоса—голова Гелиоса и, особенно, цветков граната—решительно преобладают во всех круглых клеймах. В прямоугольных—цветок граната встречается очень редко; напротив, изображение Гелиоса, особенно у эпонимов, в большом количестве. Что же касается других эмблем, то в основном они представляют собой символы: а) торговли, кадуцей, герма и др.; б) морские символы (они особенно многочисленны): например, дельфин, шапки Диоскуров, якорь, аплюстрэ, рыба, трезубец нос корабля; в) символы вина и виноделия, а так-

же связанного с этим культа Диониса: гроздь винограда, сосуд, тирс, венки и др.; г) символы, связанные с каким-либо религиозным культом, а также символы богатства и благополучия: голова Афины, человеческие фигуры, вероятно, тоже изображения знаменитых статуй божеств, орел и палица, рог изобилия, двойной рог изобилия, двусторонняя секира и др. Заслуживает внимания, что громадное большинство перечисленных здесь эмблем встречается как «магистратские символы» и на родосских монетах. Так, на родосских монетах 333—304 гг. до н. э. находятся нос корабля и лира, на монетах 304—116 гг. до н. э. имеются изображения скифоса, дельфина, носа корабля, аплюстрэ, орла, тирса Афины с аплюстрэ, кадуцей, трезубца, палицы, якоря и кисти винограда. На монетах 189-166 гг. и 166—188 гг. до н. э. также изображаются: трезубец, аплюстрэ, факел, нос корабля, палица, венки, дельфин, тирс, рог изобилия, кадуцей, звезда. На монетах встречаются эмблемы, которых нет на клеймах амфор. Наоборот, почти все символы амфорных ручек встречаются на монетах. Принято думать, что эмблемы на монетах—это эмблемы должностных лиц, которые заведывали чеканкой монет. Вопрос о том, почему эти символы встречаются и на амфорных ручках, остается открытым.

¹ Nilsson, loc. cit.

Еще первыми исследователями клейменных остродонных амфор ставился вопрос о назначении амфорных клейм, в частности—родосских, и о вторых именах, которые имеются на родосских амфорах. Особенно много обсуждалось, государственный или частный характер имеет клеймение амфор. В пользу государственного клеймения говорит имя официального лица—эпонима и герб Родоса—голова Гелиоса и цветок граната. Это давало основание Л. Стефани сначала стать на точку зрения государственного клеймения¹. Во втором имени он видел тоже должностное лицо, наблюдавшее за гончарным ремеслом. Однако, когда было найдено клеймо с глаголом *ἐπιήρτα*, правда, не родосского, а другого центра, Л. Стефани изменил свое мнение: второе имя родосской амфоры он считал за имя торговца вином, владеющего в то же время и мастерской. Однако и это мнение он оставил после находки клейма, которое тоже не принадлежало Родосу, со словом *ἐργαστής*. Тогда он склонился к тому взгляду, что второе имя—имя владельца керамической мастерской². В лондонском собрании родосских клейм встретилось клеймо с обозначением: *Αἰνεία ἐργαστηριάρχης*; эргастериарх может означать только владельца ремесленного предприятия. А. Дюмон высказывал мнение, что клеймо ставилось с целью обозначения и гарантии емкости сосуда³.

За частный характер родосских клейм высказался Шухгарт в своей вступительной статье к изданию амфорных клейм, найденных в Пергаме⁴. Его главным аргументом было: государство не ставило бы клейма с именем владельца мастерской, прибегая для этого каждый месяц к особому штемпелю.

После работы Нильсона частный характер клеймения родосских амфор остается вне сомнения. Имя эпонима, которое ставилось почти всегда вместе с месяцем, есть не что иное, как обозначение даты, которое постоянно находится в официальных постановлениях Родоса⁵. Герб Родоса—голова Гелиоса и цветок граната—также не имел на клеймах официального значения. То же значение, что обозначение места производства на клеймах других центров, несомненно, имел и герб Родоса, а именно: он позволял покупателю узнать место производства. Самое слово *ῥόδιον* в клеймах не встречается. Впрочем, это могла быть традиция, перешедшая с монет. Слово *ῥόδιον* на родосских монетах писалось только до 333 г. Но уже на монетах 333—304 гг. слово *ῥόδιον* полностью не встречается, а только две буквы по сторонам цветка, зато имя магистрата написано полностью. Родосские клейма амфор, которые едва ли относятся ко времени раньше 333 г. до н. э., под влиянием монет не носят имени города, а только имя магистрата полностью.

Итак, ни имя эпонима, ни герб Родоса не могут служить доказательством государственного клеймения родосских амфор. Первое, по всей вероятности, служило для обозначения даты, второе—для указания места производства и вывоза продукта. Основным же доказательством того, что клеймение не могло быть государственным, является наличие имен женщин и метеков среди вторых имен родосских амфор. В самом деле, Нильсон указывает на женские имена, как, например, Диоклейя, Агнейя, Никагида, Каллио, Тимо, Теро, Досо, и др.⁶. Затем встречаются также имена метеков, например: Мнасон, Антиохей, Аполлоний, Писидас и др. Метеки и женщины не могли занимать государственных должностей, поэтому второе имя родосских клейм могло обозначать только частное лицо, а следовательно, и клеймо было частным.

Известно, что эпоним, бывший одновременно и жрецом Гелиоса, избирался на год. Ясно, что его имя и в клеймах могло служить для обозначения года. Кроме того, в клейме еще обязательно находится название месяца, которое более уточняет дату.

¹ L. S t e p h a n i, *Titul. Graec. particula*, II, стр. 16.

² *Mélanges Greco-Romains*, стр. 16 и 207, 208.

³ A. D u m o n t, *Inscriptions céramiques de Grèce*, стр. 33.

⁴ *Inscripfen von Pergamon*, стр. 42.

⁵ M. N i l s s o n, *op. cit.*

⁶ *Ib.*, стр. 55.

Для чего частное лицо ставило дату и притом с точностью до месяца? Шухгарт (*In-schriften von Pergamon*, II) считает, что месяц ставился для того, чтобы определить, достаточно ли высохла амфора для обжига. Но факты, приведенные М. Нильсоном, вполне опровергают такой взгляд. М. Нильсон отмечает, что и теперь на Родосе имеется довольно большое керамическое производство. Все оно сосредоточено в деревне Archangelos, где находится очень хорошая глина. Нигде больше на Родосе такой глины не встречается. В деревне есть глина двух сортов: светлокрасная, которая сохнет 4 дня, и глина беловатая, которая сохнет более медленно—8—9 дней—и часто трескается. Посуду обыкновенно делают из светлокрасной глины, более удобной для обработки. Затем ее погружают в раствор белой глины и оставляют, еще один день. Можно почти наверное предполагать, что такой же способ практиковался и в древности. В самом деле, родосская амфора имеет розоватый цвет сверху, при изломе же—красноватый. Ясно, что она покрыта сверху чем-то белым. Если это так, и родосская амфора действительно сделана из тех же сортов глины, то она должна была сохнуть, если бы была из светлокрасной глины, 4—5 дней и 8—9 дней, если была бы сделана из белой. Таким образом, ни о каких месяцах, или даже одним месяце для высыхания амфоры не может быть и речи.

Вопрос о родосском календаре еще не вполне выяснен. Главным источником является большая, к сожалению, неполная надпись, найденная на Родосе¹, где дается список месяцев и дней года, но М. Нильсон, на основании дополнительных данных, восстанавливает родосский календарь².

Вот его список:

Зимние месяцы:	1) Θεσμοφόρις — октябрь/ноябрь;
	2) Διόσβους — ноябрь/декабрь;
	3) Θεωδαΐσις — декабрь/январь;
	4) Παδαγειτνύς — январь/февраль;
	5) Βαδρομίς — февраль/март;
	6) Σμίντις — март/апрель;
Летние месяцы:	7) Ἀρταδίσις — апрель/май;
	8) Ἀγριάνις — май/июнь;
	9) Ὑακίνθις — июнь/июль;
	10) Παναγίς — июль/август;
	11) Καρνεΐς — август/сентябрь;
	12) Δάλις — сентябрь/октябрь;

Нильсон дает таблицу всех известных ему родосских клейм с упоминанием месяцев³. Они располагаются, если принять порядок Гертрингена, следующим образом: Тесмофорий 262, Диостий 64, Теодайсий 29, Педагейтний 70, Бадромий 148, Сминтий 269, Артамитий 418, Агрианий 485, Иакинтий 466, Панамос 556, Карнеиос 143, Далий 437.

Самые большие цифры падают на летние и весенние месяцы, осенние месяцы также представлены крупной цифрой, зато зимой, особенно в декабре—январе, цифры падают очень низко. Есть и еще одна особенность, на которую следует обратить внимание: апрель—май, май—июнь, июнь—июль, июль—август дают очень высокие показатели, затем большое падение в августе—сентябре и опять подъем в сентябре—октябре. Это падение только в одном месяце, и притом летнем, кажется очень странным. До сих пор прежние исследователи родосских амфор, например М. Нильсон, считали такую сезонность свойством керамического производства⁴. Зимой, вследствие дождей, просушка, а следовательно, и производство амфор очень затрудняется. Конечно, это верно, но это не объясняет факта падения производства в августе—сентябре. В августе—сентябре, т. е. во время сбора винограда, вся рабочая сила могла быть брошена на работу на винограднике, и это могло приостанавливать производство амфор. Вероятнее всего, однако, что сезонность в производстве амфор связана с процессом производства вина.

¹ IG. XII, 1, 4.

² M. Nilsson, *op. cit.*, стр. 132.

³ *Ib.*, стр. 127.

⁴ *Ib.*, стр. 123.

На основании некоторых изображений, а также описаний Катона и Варрона процесс выделки вина представляется следующим образом: сбор винограда начинался с тех сортов, которые созревают скорее, по большей части с черного винограда, причем сначала в местах, обращенных к солнцу. Отбирался виноград для еды и виноград для приготовления вина. Последний относили к прессу. В особом помещении виноград, положенный в корзину или завернутый в мешок, клали в чан. Затем виноградный сок выдавливался прессом. Сок струился из чана в пифос, врытый в землю. Когда он был достаточно наполнен, пифос оставляли, и в нем происходило брожение. На то обстоятельство, что процесс брожения происходил именно в пифосе, указания у древних писателей многократны. Пифос играл в приготовлении вина ту же роль, какую в настоящее время играет бочка. После брожения вино разливали по амфорам. Разлив не происходил одновременно. Иногда по амфорам разливали молодое, не успевшее еще хорошо перебродить вино, особенно, когда хотели прибавить в вино различные ароматические травы. Тогда процесс брожения заканчивался уже в амфорах. Такое молодое вино разливали осенью, спустя месяц после сбора винограда. В южных широтах, в Италии и Греции, брожение происходит скорее, чем у нас даже в Крыму и на Кавказе. То вино, которому не хотели дать перебродить до конца, с большим содержанием сахара, должны были разливать и закупоривать осенью. Если обратиться теперь к цифрам амфорных клейм по месяцам, то как раз на следующий месяц после сбора винограда, сентябрь—октябрь, приходится резкий подъем—437 клейм, октябрь—ноябрь дают число гораздо меньшее, но все-таки порядочное—262, тогда как в ноябре—декабре мы видим резкое падение—64. Есть все основания предполагать, что конец сентября, октябрь и ноябрь и были месяцами осеннего разлива. Правда, возникает вопрос, почему осенний разлив длился такое продолжительное время—около двух месяцев. Но сбор винограда продолжался около месяца. И в то время, как скороспелый виноград почти заканчивал брожение, поздний виноград только давили.

Весной также происходил разлив вина. Это было уже хорошо перебродившее, так наз. «сухое вино». Большинство известных греческих вин такими и делались. Несомненно, что с Родоса вывозилось не только однолетнее, но и многолетнее вино. Об этом говорит имя эпонима, обозначающее год, который был в этом случае важнее, чем месяц.

Итак, дата родосского клейма, всего вернее, обозначала год и месяц производства амфоры, но так как это производство было тесно связано с временем разлива и приурочивалось к этому времени, то вместе с тем эта дата обозначала и время разлива вина. Покупатель по этой дате мог узнать возраст вина, как покупатель нашего времени читает на этикетке «вино разлива такого-то года».

По цифрам клейм каждого месяца возможно даже установить, какое вино по преимуществу производил Родос. Ведь установлено два главных разлива—летний и осенний. Осенью надо было разливать еще не перебродившее вино, с большим содержанием сахара, которое теперь называется десертным. Летом, напротив,—хорошо перебродившее и отстоявшееся вино, то, которое теперь называется сухим. По цифрам месяцев видно, что производство сухого вина на Родосе значительно преобладало. Если считать, что с декабря—января вино уже перебродило и может считаться сухим, то по отношению клейм, начиная с декабря—января и кончая августом, к общему количеству клейм сухое вино составляло около 75% общего вывоза.

М. Нильсон в своей работе дал анализ имен как эпонимов, так и эргастериархов. Имена эпонимов в общем очень однородны. Они представляют собой, в большинстве случаев, производные от глаголов или прилагательных, выражающих различные аристократические доблести. Таковы многочисленные имена от тем, обозначающих славу, власть, или говорящие о войне и верховой езде. Наконец, есть имена, которые говорят о занятии политической и привязанности к родному городу. Таким образом, эпонимы происходили из аристократических и вообще наиболее известных, так наз. «лучших», семей Родоса. Эти лица были, конечно, представителями высшего класса Родоса—богатыми и крупными рабовладельцами.

Имена владельцев мастерских М. Нильсон разделил на 6 групп.

Многие из вторых имен клейм образованы так же, как и имена эпонимов. Многие

имена даже совпадают с ними¹. Однако, наряду с именами свободных граждан и аристократическими, встречается много групп с рабскими именами. Эргастериархи, как видно по их именам,—выходцы из самых различных общественных групп.

На родосских клеймах имеются отдельные буквы, а иногда даже рядом маленькие клейма, на которые не обращалось до сих пор достаточного внимания. Например, в материале северного Причерноморья есть клейма с монограммами: буква Δ в середине круглого клейма с именем Аристокла, различные буквы в прямоугольных клеймах Β, Ε, Κ с именем Демокрита. Эти буквы считались за первые буквы месяцев, но с буквы Ε никакое название месяца не начинается. Несколько букв находятся в клейме с именем Аристарх из Ольвии, из раскопок 1905 г.; в круглом клейме из Пантикапея две буквы Α; в круглом клейме из Ольвии 1906 г.— с именем Зенона. Наконец, на клейме с именем Эвфранор справа большого клейма имеется отдельное маленькое клеймо с неясной лигатурой. С именем эпонима Эвфрата встречается монограмма Μ и некоторые др. Итак, кроме даты (имени эпонима и месяца) и второго обычного имени в клейме (эргастериарха или заказчика), в родосских клеймах имеются следы какого-то третьего элемента, выраженного по большей части в монограммах, а иногда даже и в отдельном маленьком клейме. Что означают эти монограммы и отдельные маленькие клейма, сказать с достоверностью еще нельзя.

М. Нильсон в своем анализе вторых имен родосских клейм указывает, как было приведено выше, что среди них имеется большое количество рабских имен. Некоторые из них, как, например, «варварское» имя Имас, очень часто встречаются на нашем юге. Известно 56 клейм с этим именем: клейма имеют эмблемы: одни—кадудей, другие—рог изобилия. Это имя, несомненно, принадлежало не гончару, а экспортеру вина. Эмблемы, многие из которых совпадают со знаками на монетах, должны были принадлежать представителям высшего класса Родоса. Лица, вышедшие из рабов, гончары, непосредственно работающие в мастерской амфор, едва ли могли иметь те же самые эмблемы, что и высшие классы. И действительно, с целой группой рабских имен эмблемы не встречаются: Синд, Ксант, Аксий, Доким, Артимас, Паанис и др. Этих лиц всего правильнее считать именно гончарами, мастерами амфор. В производстве глиняной тары, как и в производстве черепицы и мелкой посуды, применялся рабский труд. Доказательством этого положения является изображение на одной беотийской вазе, где представлено наказание раба ремнем в керамической мастерской, а также письменные источники, в частности,—отчет о ремонте элевсинского храма в IV в. до н. э., где имеются данные о производстве черепицы рабским трудом.

Но главным доказательством применения рабского труда в мастерских амфор является сама техника их производства, требовавшая порядочного числа рабочих рук. Б. Н. Граков в своей работе «Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов классической Греции VI—IV вв. до н. э.» (стр. 180) выясняет этот вопрос. Некоторые мастерские принадлежали выходцам из рабов. Они, конечно, были очень малы сравнительно с крупными мастерскими эргастериархов высшего класса.

Установление принадлежности вторых имен на родосских амфорах—дело сложное и трудное. Видно, что классовый состав носителей этих имен очень разнообразен. До сих пор исследователи решали этот вопрос, всегда подгоняя всю группу этих лиц под одно какое-либо понятие: считали их или виноделами и виноторговцами, или гончарами. Но анализ имен и данные всего материала позволяют решить вопрос по-иному. Эти имена могли принадлежать: 1) представителям высшего класса, владельцам имений и виноградников, имевшим свои керамические мастерские для своих сельскохозяйственных продуктов, и 2) ремесленникам-гончарам, часто вышедшим из рабов, непосредственно занятых в керамическом производстве.

Ю. Крушкова

¹ Nilsson, op. cit. стр. 79.

К истории западно-понтийских городов в 80—40 гг. I в. до н. э.

(Новые эпиграфические данные)

До конца XIX в. история греческих колоний западного побережья Понта была известна лишь по весьма беглым упоминаниям древних авторов.

Лишь нахождение новых надписей дает возможность установить ход исторических событий, ранее совершенно почти нам неизвестных. Таково положение с историей западно-понтийских греческих колоний в период Митридата VI и Биребисты—крупных противников Рима в I в. до н. э.

О политике и внешних связях западно-понтийских городов в эпоху Митридата античные авторы не приводят почти никаких сведений. Ни один из авторов не упоминает об участии западно-понтийских городов в Митридатовых войнах. Только описание похода Марка Лукулла во Фракию в 73—71 гг. до н. э. Страбоном (VII, 6), Плинием (NH, XXXIV, 39), Аппианом (Иуг., 30) и Евтропием (VI, 10) дает косвенное указание на принадлежность греков западного побережья Понта к антиримскому лагерю.

История походов полководцев Митридата на северное побережье Черного моря и проникновения их до р. Тирас была восстановлена В. В. Латышевым на основании декрета в честь Диофанта (IOSPE, I² 352). Дальнейшее распространение власти Митридата на западное побережье было возможно установить лишь для 4-х городов: Истрии, Томи, Каллатии и Одесса. В первых трех из вышеперечисленных городов в нач. I в. до н. э. производится чекан золотых статеров, на аверсах которых взамен Лисимаха изображается или сам Митридат, или его сыновья: Ариарат и Фарнак¹. В Одессе на серебряной монете города также чеканят изображение Митридата Великого. Это дало возможность Пику (I, 1, 92) и Рейнаку² предположить установление протектората Митридата над этими городами.

Очень важно указание Пика (I, 92) о том, что золотые статеры, выпущенные в Каллатии при Митридате, чеканились не по аттическому стандарту, как прежде, а по понтийскому весу, т. е. 8,38—8,15 гр.

Позиция Аполлонии, расположенной к югу от Гема, лишь косвенно определялась на основании рассказа Евтропия (VI, 10) о походе М. Лукулла, который *Apolloniam evertit, Callatim Parthenopolim Tomos Histrum Burziaonem cepit*.

Найденная в 1936 г. надпись и опубликованная М. Дановым—*Eine neue Inschrift aus Apollonia Pontica*³ раскрывает нам причины особой суровости римлян по отношению к Аполлонии. Надпись была найдена на острове св. Кириака, на котором, как предполагают, находился храм Аполлона. Она начертана на верхней части мраморной стелы (см. рис.). Прекрасная сохранность текста и довольно ровная линия скола плиты допускают мысль о том, что стела была повержена на землю во время разрушения Аполлонии римскими солдатами в 72 г., простояв всего лишь около 15 лет. Затем стела была использована в качестве камня в античном же погребении.

Текст надписи следующий:

Ἐδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ τῶν ἀρχόντων γνώμῃ | Ἐπειδὴ Ἐπιτορχάνων
Μενεχρά|τους Ταρσεύς ὁ ἡγούμενος τῶν | 5. στρ. πωτῶν τῶν ἀπισταλμέ|νων
ὑπὸ β.σιλέως Μιθριχ|δάτοο Εὐπάτορος ἐπὶ τῇ | σ] ον [μυχίσιν.....?

¹ Pick und Regling, *Antike Münzen d. Nordgr.* I, II, стр. 64, 65, 85, 92, 146, 154, 520, 591, 606, Head, *HN*², 275.

² Th. Reinach, *Mithridate Eupator, roi de Pont*, Paris 1890, стр. 72—73.

³ *Jahreshefte d. Oest. Arch. Inst.*, XXX, (1936), стр. 878.

Восстановление и дополнение 8-й строки текста было сделано одним из крупнейших современных эпиграфистов Ad. Wilhelm'ом¹.

Издатель надписи хотя и ставит вопрос о датировке ее, однако разрешает его крайне неопределенно, относя ко времени перед падением Аполлонии в 72 г. Также считает он, что «о цели послышки войск Митридатом не говорит ни наша надпись, ни также литературные источники...» (op. cit., стр. 91).

Однако разрешение именно этих вопросов позволит нам полностью выяснить картину взаимоотношений между Аполлонией и Митридатом. Сама по себе Аполлония—

Декрет из Аполлонии Понтийской

сдин из крупнейших городов на западном побережье Понта. Особенно важна была для Митридата позиция Аполлонии в связи с тем, что она была ближайшим портом Западного побережья к Гераклею, а находившийся на Боспоре Фракийском Византий держался про-римской политики и был камнем преткновения для войск Митридата².

Но особенность положения Аполлонии заключается не в этом. Как отмечает Ростовцев³, не все фракийские племена были на стороне Митридата. «Одрисский царь Садал I был союзником Суллы и послал ему отряды всадников и пехоты, под командой некоего Аматока, сына Теря, χιλιαρχος».

Владения одрисов были наиболее близкими к Аполлонии. Это означало, что Аполлония находилась под угрозой захвата враждебными Митридату одрисами, что по-

влекло бы за собой проникновение врага в Черное море. Сопротивление Аполлонии одрисам собственными силами было невозможно, т. к. вооруженные силы греческих городов и западного и северного Причерноморья, видимо, были немногочисленны⁴). Единственным выходом для аполлониатов было или примкнуть к римскому лагерю, или обратиться за помощью к Митридату. Новооткрытый декрет в честь Эпитихага свидетельствует о том, что Аполлония решительно стала на сторону Митридата, чем и объясняется особая враждебность римлян именно к Аполлонии.

Как видно из декрета, аполлониаты заключили военный союз с Митридатом, одним из условий которого была присылка царем гарнизона для защиты города.

¹ Хр. М. Данов, op. cit., 94 подкрепляет дополнение Wilhelm'a ссылкой на SIG³ 700, 24, где имеется выражение: *στασιώτας ἐπὶ σωμαχίαν... μεταπέμφασθα*,

² Reinach, op. cit., стр. 192—93 и 332.

³ «Gnomon», X (1934), 6.

⁴ SIG³, 731; G. Seure, RA XVIII (1911), стр. 493 сл.; Л а т ы ш е в, Ольвия, стр. 277—283.

Эта статья позволяет предположить, что сам город был важен для Митридата скорее как стратегический пункт, чем как военный союзник. Ведь город не только не снабжал царя отрядами войск, но даже отвлекал его силы. Можно предположить, что Аполлония обращается к Митридату именно в то время, когда ей грозила наибольшая опасность от соседей—во время выступления одрисов на стороне Суллы. Относится ли посылка Садалом I войск Сулле к началу его кампании на Востоке—к 86 г. или ко времени пребывания Суллы во Фракии—к лету 85 г., пока что не удается выяснить¹. Но именно к ближайшим месяцам после событий 86—85 гг. должно быть отнесено прибытие войск Митридата в Аполлонию.

Хр. М. Данов, хотя и не категорически, склонен датировать декрет временем перед падением Аполлонии в 72 г.² Это не представляется нам возможным. После целого ряда неудач Митридат именно в период 73—72 гг. не был в состоянии оказать помощь аполлониатам против Марка Лукулла. В эти самые годы Люций Лукулл осаждал южно-понтийские города: Гераклею, Тию, Амастриду, Синопу и Амис, которые во много раз были важнее для Митридата и которым он не мог оказать тогда помощь.

Еще менее вероятно, что в это время Митридат мог выделить отряд для посылки в Аполлонию, достаточно сильный для успешного сопротивления М. Лукуллу, проконсулу Македонии. Эти соображения заставляют нас отнестись декрет ко времени 86—85 гг., когда для охраны города от одрисов были присланы воины под командой Эпитинхана сына Менекрата, тарсосца. Происхождение Эпитинхана из Тарса позволяет предполагать, что это был отряд наемников из М. Азии. Данный декрет позволяет думать, что положение на западном побережье Понта в 80-х гг. было таково: города от устья Дуная до Гема входили в Понтийское царство. Далее за Гемом, где начиналась территория враждебных Митридату фракийцев одрисов,—Аполлония, настроенная активно антиримски, заключает военный союз с Митридатом. Союз, повидимому, был заключен на основе строгого уважения прав обеих сторон. Простое наименование «царь Митридат Евпатор» не носит ни малейшего признака лести или заискивания со стороны горожан. Заключение союза можно отнестись, вероятно, ко времени незадолго до прибытия Эпитинхана в Аполлонию, т. е. перед 86—85 гг.

Декрет в честь Эпитинхана подчеркивает также и активную антиримскую позицию Аполлонии и в корне отвергает положение Моммзена о том, что греческие города западного побережья Понта—«были природными клиентами Рима»³.

Характер дальнейших взаимоотношений между греческими западно-понтийскими городами и римлянами раскрывает недавно найденный текст договора между Каллатией и Римом. Надпись была опубликована М. Sauciuc Săveanu почти без комментария⁴. Второе, комментированное, ее издание принадлежит S. Lambrino⁵. Текст начертан на мраморной стеле, оббитой по краям, так что сохранилась лишь нижняя средняя часть текста. После дополнений можно прочесть следующее:

. .] a [.	...pop]lus Romanus popl
...] alo quo po[plus...	...] o seiquo ad hance
...] t bellum face[re...	...agere eximere [...] e
...] pecu[n]ia adiuva[n]to	...] voluntate licet
...po]plo Callatino bellu[m]...	...]xe nt id societatem
...] ano qui[e] sub inperio	...Roma]nam utei scriberetur ac[po-
... po]plo Romano utei et	[neretur loc]o optumo in fa a no Concor[diae]
...] prio[d?] faxit [p]oplo	

¹ Выводы об этом Holleaux нам известны лишь по ссылкам Ростовцева («Гномон», X) и Данова (op. cit., стр. 94).

² Op. cit., стр. 94.

³ Моммзен, История Рима, т. V, стр. 6 (русс. перевод).

⁴ «Dacia», III—IV, стр. 456.

⁵ «Inscription latine de Callatis» в CRAI, 1933, стр. 278—288.

Несмотря на плохую сохранность, надпись дает возможность установить заключение договора—*societas*—между Каллатией и Римом. Как убедительно показал S. Lambrino, заключение договора может быть отнесено лишь ко времени пребывания М. Лукулла в Малой Скифии. Из рассказа Диона Кассия (38, 10) о походах Г. Антония в 62 г. мы узнаем, что в Мисии, т. е. в районе Истрии, у римлян были союзники. На основании этого текста Regling¹ предположил, что этими союзниками могут быть только греческие города западного побережья Понта. Текст договора Каллатии подтверждает факт заключения союзных договоров между западно-понтийскими городами и Римом, которое могло быть произведено лишь М. Лукуллом. Подчинение западно-понтийских городов власти Рима не могло быть прочным, когда не только Фракия не была подчинена, но и провинция Македония временами попадала в руки варваров. Единственным путем удержания своих позиций было заключение дружественных союзов с греческими городами с тем, чтобы от них наступать на фракийцев. Эту политику раскрывает нам сохранившаяся часть договора. Как отмечает S. Lambrino², имена обоих государств, заключающих договор, стоят альтернативно, что служит, повидимому, для определения обязанностей каждого из них. Из этих обязательств можно восстановить лишь обязанность каллатийцев помогать Риму в случае войны его с народами, которые находятся *sub imperio* (стр. 6) Рима. Тем самым раскрывается цель римского полководца при заключении договора с Каллатией: город должен быть не только опорным пунктом, но также и поставщиком денежных средств для борьбы с варварами. Можно предположить, что подобные же договоры были заключены и с другими западно-понтийскими городами. Они стали теми «союзниками», о которых говорит Дион Кассий. Lambrino (стр. 287) полагает, что в результате похода и договоров, заключенных с Лукуллом, «вся область подпала под римское владычество и была поставлена под власть наместника Македонии».

Нам кажется, что столь положительно говорить о подчиненном положении западно-понтийских городов нет оснований. Распространение римской власти на западно-понтийские города не имело реальной силы без постоянных оккупационных войск. Скорее можно предположить, что Лукулл стремился заключить равноправные договоры с греческими городами. Ведь его основной целью было не приобретение владений, а отторжение этих областей от Митридата, лишение царя его баз на западном побережье Понта. К тому же текст договора с Каллатией, сохранившийся столь мало, оставляет впечатление официального равноправия обеих договаривающихся сторон.

Как показывают события 62 г., эти договоры и обязательства были приняты греческими городами под давлением римского оружия.

В 62 г. до н. э. наместником Македонии был назначен Гай Антоний Гибрида. Из текста Dio Cass. XXXVIII, 10 можно вывести, что Антоний был назначен наместником только Македонии, а не Македонии и Фракии, как полагал Латышев³. Гибрида предпринял поход с двойной целью: оградить провинцию Македонию от набегов дарданцев и других племен и пограбить самих варваров. Кампания 62 г., направленная против дарданцев и их соседей, окончилась полным поражением Г. Антония. Бросив пехоту и награбленную добычу, он спасся бегством со своей конницей. После этого Г. Антоний решает отказаться от грабежа и покорения внутренних племен и обращает свои взоры на побережье. Зимой 62/61 гг. он проводит в Дионисополе (SIG⁴ 762), что, повидимому, причинило большой материальный ущерб жителям: должность жреца—эпонима города оставалась в этом году вакантной, и лишь богатейший житель города Акорион решился взять на себя жречество. Поход Антония из Дионисополя на север, к Истрии, свидетельствует, что города к югу от Дионисополя и до Аполлонии сохраняли спокойствие⁴.

¹ Op. cit., стр. 591.

² Op. cit., стр. 281.

³ В. В. Л а т ы ш е в, сб. Печата, стр. 235.

⁴ Lambrino, op. cit., стр. 286.

Но на севере Антоний Гибрида столкнулся с сильным сопротивлением. Возможно, что он пытался получить те самые *rescipia*, о которых говорилось в договоре Каллатии с Римом. В ответ на его требования греки обращаются за помощью к своим соседям и недавним союзникам в Митридатовых войнах против римлян — к скифам и бастарнам (Dio Cass., XXXVIII, 10). Соединенными силами скифов, бастарнов и греков Антонию было нанесено поражение недалеко от Истрии. Теперь и здесь римские войска были разбиты, и Антоний удалился обратно в Македонию.

Поражение Антония Гибриды имело большие последствия. Греческие города западного побережья Понта решительно отказались от союза с Римом и опять, как и в эпоху Митридатовых войн, заняли резко антиримскую позицию. Поэтому совершенно неправильным нужно считать мнение Моммзена, что «поражение, которое было нанесено бастарнами коллеге Цицерона Антонию при Истрии, должно служить доказательством того, что тамошние греки снова нуждались в помощи римлян»¹.

Греки западного побережья искали помощи, но не у римлян против варваров, а у фракийцев, скифов и бастарнов против римлян. Ряд экспедиций наместников Македонии во внутренние области Фракии потерпел неудачу. Из них особенно серьезным было поражение Л. Кальпурния Пизона Цезонина в 58—55 гг., потерявшего свою армию во Фракии. В результате этого власть Рима с трудом была сохранена в центральной части Македонии.

В то же время, в 50 гг. I в. до н. э., на севере Балканского полуострова возникает мощное антиримское объединение северо-фракийского племени гетов. Гетский царь Биребиста выступает против Рима как бы на смену Митридата. Его царство охватывает пространство от Днепра на северо-востоке до Гема на юге². Царство Биребисты было той новой силой, за которой, частью добровольно, частью по принуждению пошли греческие города западного побережья. Но, несмотря на первоначальное, быть может, принудительное, подчинение греков Западного Понта гетскому царю, это более соответствовало условиям их существования на границе эллинского и варварского миров, чем признание власти Рима, к тому же непрочной во Фракии в рассматриваемый период.

И здесь эпиграфические данные позволяют ввести ряд исправлений и уточнений в сведения Диона Хрисостома, единственного автора, рассказывающего о подчинении западно-понтийских городов Биребисте (ог. XXXVI, 2—3). Дион Хрисостом говорит о взятии Биребистой всех греческих городов от Ольвии до Аполлонии, что создало представление о гетском завоевании, как о страшном опустошительном нашествии варваров на греческие города (Моммзен, Латышев, Дановъ). Основываясь на данных 3 надписей из Месембрии³, Ростовцев заключает, что Месембрия не была взята войсками Биребисты и что геты не проникли дальше Месембрии. Следовательно, сведения Диона Хрисостома о проникновении гетов до Аполлонии не точны.

Особенно интересна судьба Дионисополя. Этот город не только не был разрушен гетами, подобно Ольвии, но в течение долгого времени находился в дружественных отношениях с гетским царством. Декрет в честь Акорниона, изданный и прекрасно комментированный Латышевым⁴, раскрывает тесные связи между Дионисополем и гетами на протяжении не менее чем 15 лет. Они начались еще при отце Биребисты, при самом Биребисте богатейший гражданин города Акорнион играет роль советчика и после, в сношениях гетского царя с Гн. Помпеем в 48 г., город получает ряд благодеяний от

¹ Op. cit., 6.

² Обстоятельное описание царства Биребисты см. C. P a t s c h, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V, 1: «Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanuvien», Wien, 1932, стр. 42—51 и рецензия на него Ростовцева, «Gnomon», X (1934), стр. 3 сл.

³ G. Seure, RA, XVIII (1911), стр. 423.

⁴ Искрѣна, стр. 226—243; SIG 3762.

царя. Декрет в честь Акорниона свидетельствует о подчинении Дионисополя власти гетского царя, которое, однако, было не насильственным, а добровольным и принесло благополучие городу.

Традиции тесного содружества с варварами в форме взаимно выгодного подчинения греков варварам продолжались, вероятно, и после распада царства Биребисты. Пока что это удастся проследить только на примере Одесса.

В 1931 г. впервые был издан декрет из Одесса в честь Меногена сына Асклепида¹, являвшегося στρατηγός ἐπὶ τῆς πρσχυρсу фракийского цзя Садала. Шрифт надписи позволяет отнести ее к I в. до н. э., однако более точная датировка ее зависит от определения, о каком из фракийских царей Садалов идет речь. Тщательно собрав все данные о династах, носивших имя Садала, А. Salač приходит к выводу, что упоминаемый в декрете царь Садал идентичен с царем Садалом II, упоминаемым у Аппиана (de b. c. IV, 75); дата правления его относится издателем к периоду между 48 и 42 гг. Однако принимаемая А. Salač дата смерти Биребисты—48 г. до н. э. расходится с общепринятой датой—около 45 г. до н. э.² Поэтому возможно, что период подчинения Одесса царю Садалу II начинается не с 48 года, а с 45 года до н. э.

Текст декрета рисует нам положение Одесса после уничтожения гетского господства. Город, повидимому, входит в состав фракийского царства в качестве автономной единицы. Его внутренняя автономия признается и царем и его должностными лицами. В то же самое время город служит и местом пребывания царского наместника окружающей области. Мы не согласны с А. Salač в толковании термина στρατηγός ἐπὶ τῆς πρσχυρсу как général commandant à la frontière³. В декрете не упоминаются совсем какие-либо военные функции Меногена, горожане восхваляют его как благосклонного к ним царского наместника. К нему обращаются одесситяне по своим частным и по городским делам, последние он разрешает самым удачным для города способом. Титул στρατηγός ἐπὶ τῆς πρσχυρсу подразумевает ὑψς или ὑφρας и, как нам кажется, его должно понимать как «начальник над прилегающей областью». Тогда нам станет понятным отношение города к царскому представителю. Повидимому, область вокруг Одесса составляла какую-то административную единицу в царстве Садала II, которой и управлял Меноген. Текст псефизмы не говорит о каком-либо вмешательстве Меногена во внутренние дела города. Стр. 15—17.... καὶ τὴν ἀνατροπὴν ἔϊαν τοῦ το βασιλέω καὶ τῆς ἡμετέρας πόλεως ποιῖται.... передают впечатление того, что город и царь рассматриваются одесситянами, как две равноправные стороны. В то же время царь Садал II всячески поощряет благоволение своего чиновника Меногена по отношению к городу. Эта политика поддержки варварами греческих городов побережья была действительно необходима для самих варваров (Dio Chrys., XXXVI, 5). Как указывает Ростовцев⁴, варварские царства, расположенные за линией греческих городов, хотели бы стать их полными хозяевами, но у них нехватало сил. Тогда оставался путь, проводившийся Садалом II,—всемерного покровительства греческому городу с сохранением его полной автономии внутри под верховным покровительством царя.

Декрет в честь Меногена позволяет нам попытаться объяснить, почему в одном только Одессе после событий 72 г. продолжали бить монету, тогда как другие западно-понтийские города чекан прекратили. Пик⁵ объясняет это тем, что Одесс добровольно сдался Лукуллу в 72 г. и этим спасся от разорения. Мы, однако, склонны искать причину продолжения чекана в том покровительстве Одессу со стороны фракийских царей, которое свидетельствуется декретом Меногена. Тесные отношения греческого города побережья с варварской периферией имели своим следствием высокий уровень

¹ A. Salač, Un décret inédit de la ville d'Odessos, BCH, 55 (1931), стр. 43—57.

² C. Patsch, op. cit., 51.

³ Op. cit., 55.

⁴ SEHW. стр. 769.

⁵ Op. cit., II, 520.

благополучия Одессы. Остальные города западного побережья Понта смогли, повидимому, достичь этого уровня лишь в императорскую эпоху, если исходить из данных нумизматики.

Итак, три недавно найденных надписи, рисующие внешнеполитические связи западно-понтских городов в период 80—40 гг. I в. до н. э., раскрывают перед нами чрезвычайную сложность истории этих городов. Можно предположить, что основным фактором их благополучия было сохранение тесных связей с варварской периферией. Подпадение под власть Рима в этот период вызвало враждебные чувства со стороны, во всяком случае некоторых, западно-понтских городов.

Т. В. Бороздина

О государстве синдов

При изучении истории народов Северного Кавказа и, особенно, истории Боспорского царства перед археологом и историком встает вопрос о синдах¹—небольшом народе, жившем на Таманском полуострове. Вопрос этот представляет тем больший интерес, что синды, видимо, еще в V в. до н. э. организовали здесь государство, одно из первых государственных образований на территории нашей Родины. Но хотя материал о синдах представлен всеми категориями памятников—свидетельствами античных писателей, эпиграфическими, нумизматическими и археологическими данными, весь этот материал настолько фрагментарен и скуден, что до сих пор мы не имеем ни одной специальной работы (даже статьи), посвященной синдам. В настоящей статье мы ставим своей целью собрать весь известный нам материал о синдах и попытаться составить общее представление об экономике, общественном строе и этнической принадлежности этого народа.

Первые упоминания о синдах мы встречаем еще у логографов. Затем нам сообщают об этом народе Геродот, псевдо-Скилак, псевдо-Скимн, Страбон и ряд других авторов². На основании данных этих писателей, страну, которую населяли синды и которая именовалась Синдикой, можно локализовать в юго-восточной части Таманского полуострова и на прилегающей к нему части Кавказского побережья до Анапы включительно. Возможно, что иногда синды распространялись и более широко, занимая и район древней Фанагории³.

Большой интерес представляет вопрос, кто такие были синды и в какой связи они находились со скифскими, мэотийскими и другими племенами Северного Причерноморья.

В античной историографии существовала точка зрения, представленная Страбоном, согласно которой синды являются одним из мэотийских племен. В надписях синды

¹ Народ, о котором мы говорим, античные писатели называли *συνδοί*. Все античные авторы локализируют их в районе Боспора Киммерийского. Только Аполлоний Родосский отмечает, что они были жителями Лаврийской долины и соседями фракийцев и скифов. Кречмер считал, что малоазийские синды представляли собой часть боспорских синдов, попавших в Малую Азию во время скифского похода. Б. Н. Граков придерживается той точки зрения, что эти два народа не имели между собой ничего общего, и указывает, что и имя их писалось по-разному. Имя *συνδοί* П. Н. Ушаков связывал с хеттским *syanta*, что значит «река», «поток». С этим согласуется приводимое Скимном имя *Λιμναίων ἑθνος* —«приозерные», т. е. греческий перевод имени синдов.

² Hellan., FHG, vol. I, fr. 92; Herod., IV, 28; Scyl., GGM, vol. I, fr. 70; 71; 72; 73; Str. XI, 2; 10; Anon., SC, vol. I, 279—280,

³ Scyl., GGM, vol. I, fr. 73.

включаются в маотийские племена, хотя выделяются особо, как мы это видим например, в следующем посвящении:

«Местор Иппосфенов, бывший агонотетом, за отца посвятил Аполлону при Пэрисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маотов» (IOSPE, II, № 345).

Выделение синдов из общей массы маотийских племен в боспорских надписях было связано с тем особым положением, которое занимали синды в отношениях с Боспором. В то время как синды, войдя в состав Боспора в IV в. до н. э., прочно оставались в нем, другие маотийские племена беспрестанно отпадали от Боспора и вновь присоединялись им. Это-то и определило, что в надписях говорится отдельно о синдах и отдельно о других маотийских племенах.

Связь синдов со скифскими племенами была очевидна как для древних, так и для современных историков. Perrot¹ и Minns² придерживаются даже мнения, что синды являются одним из скифских племен. Эта точка зрения представляется нам мало вероятной, поскольку античные писатели, и прежде всего Геродот, противопоставляли синдов скифам. У Геродота (IV, 28) мы читаем: ἡ δὲ θάλασσα πῆγνυται καὶ ὁ Βόσπορος πᾶς ὁ Κιρρέρις καὶ ἐπὶ τοῦ χρυσάλλου σὶ ἐντός τάρρεν Σκύθαι κατισχυμένοι στρατεύονται, καὶ τὰς ἀρίστους ἐπελαύνουσι πέρην ἐς τοὺς Σινδοὺς. Приведенный отрывок свидетельствует не только о том, что синды и скифы принадлежали к разным племенам, хотя и были соседями, но также и о том, что скифы воевали с синдами, делая набеги (στρατεύονται) на их сторону. Намек на военные взаимоотношения синдов со скифами содержится и у Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 41).

Была ли Синдика когда-нибудь полностью завоевана скифами и сколь продолжительным было пребывание скифов на Таманском полуострове, мы установить не можем³. Ясно лишь, что синды и скифы тесно соприкасались друг с другом как близкие соседи, и скифы делали попытки завоевания Синдики.

Таким образом, нужно полагать, что синды представляли собой одно из маотийских племен, которое, однако, довольно быстро выделилось из общей массы этих племен в силу особого географического положения и возникших в связи с этим ранних связей с греками, как мы увидим ниже. Близкое соприкосновение и военные взаимоотношения синдов со скифами также повели к форсированному развитию этого племени и привели к тому, что синды заняли особое положение и выделились из общей массы маотийских племен.

Как известно от псевдо-Скимна, Страбона и других античных авторов⁴ и как было показано Герцем⁵, Таманский полуостров в древности состоял из группы островов, отделенных друг от друга рукавами Кубани, очень разветвленной в дельте. Эти-то острова и составляли основную часть территории, заселенной синдами. На Кавказском побережье синды населяли узкую приморскую полосу.

В настоящее время нам известен археологический материал двух синдских городищ.

Первое из них—Семибратнее, находящееся на Таманском полуострове (близ ст. Варениковка), обследовалось археологами неоднократно⁶. Наиболее плодотворными были раскопки 1938 г., которыми руководил Н. В. Анфимов⁷. Удалось установить, что нижний слой городища относится к V в. до н. э. и соответствует времени основания

¹ RH IV; 1877 (G. Perrot, La com. des céréales en Attique au IV siècle av. n. e. entre Athènes et le royaume du Bospore).

² Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913.

³ Нужно отметить, что Плиний говорил о стране Sindica Scythia, что может быть свидетельством подчинения Синдики скифам в определенное время.

⁴ GGM, vol. I, стр. 233; Str., XI, 2, 10; Dion., vol. II, стр. 137; SC, vol. I, стр. 292.

⁵ Герц, Археологическая топография Таманского полуострова.

⁶ ОАК, 1878—1879; ТСАРАНИОН, т. III, стр. 71—86; СГАИМК, вып. 11—12.

⁷ «Советская Археология», вып. VIII (Н. В. Анфимов, Новые данные к истории Азиатского Боспора).

города. В этом слое было обнаружено много керамики, как местной, так и привозной. Среди последней следует отметить многочисленных фрагменты коринфской и ионийской посуды VI—V вв. до н. э. Город, возникнув в V в. до н. э., существовал в эллинистическое и римское время. В верхнем слое, относящемся к римскому времени, преобладает местная посуда сарматского типа, как грубая лепная, так и изготовленная на гончарном круге. Н. В. Анфимов полагает, что в римское время преобладающее население города составляли сарматы.

Второе — Раевское городище было обследовано Сизовым в 1886 и 1888 гг. Оно находится между станицами Раевской и Перевальной, близ Анапы, т. е. в юго-восточной части Синдики. Сизов предполагал, что это может быть синдская Аборака, о которой мы знаем от Страбона¹. Городище было вскрыто в очень незначительной части. Обнаруженный материал позволяет его датировать эллинистическим и римским временем. Поражает обилие местной, разнообразной по формам, керамики. Большинство сосудов сделано на гончарном круге, хотя встречается и лепная керамика. Значительное большинство форм представляет местное подражание греческим, широко распространенным на Боспоре, сосудам. Таков, например, сетчатый лекиф, подражающий и по форме, и по рисунку лекифам, очень популярным на Боспоре в III в. до н. э. Подражают греческим образцам и сероглиняные котилы². На городище было обнаружено много сероглиняной лощеной керамики — по форме это глубокие чаши с загнутыми внутрь краями.

Кроме посуды, на городище обнаружено много пряслиц, которые представлены рядом форм³.

Вскрытая поверхность городища очень мала, и потому трудно делать какие-либо выводы относительно длительности его существования.

Самое раннее погребение, обнаруженное в области распространения синдов, расположено около Цукурского лимана. Оно датируется амфорой «родосско-милетской» группы и относится к VI в. до н. э.⁴. Могила была обнаружена случайно, и до нас не дошел весь ее инвентарь. Кроме греческой амфоры, были найдены в ней секира-молот и пряжка, исполненная в зверином стиле с геральдически расположенными львицами. Эта пряжка, являющаяся одним из древнейших образцов украшений этого рода в Северном Причерноморье, стоит особняком среди вещей звериного стиля на юге России. Она находит себе ряд аналогий среди предметов шумерского искусства и бронзовых поделок Каппадокии⁵.

Четвертый век в Синдике представлен блестящей группой Семибратних курганов, принадлежавших представителям синдской знати. По обряду и инвентарю они примыкают к современным им скифским, но имеют ряд своеобразных черт, которые позволили Ростовцеву рассматривать Таманскую группу как особую⁶. Для нее характерно заметное смягчение обряда, сказывающееся прежде всего в отсутствии человеческих жертвоприношений. В инвентаре обильно представлены греческие изделия.

В Семибратних курганах почти полностью отсутствуют скифские гривны, которые заменены ожерельями. Вооружение мало чем отличается от вооружения скифских курганов других групп, современных Семибратним.

Памятником эллинистического времени в Синдике является расписной Анапский склеп, который был открыт в 1908 г. Веселовским в восьми верстах от Анапы — древней синдской Горгииппии. Архитектура этого склепа ставит его в один ряд с лучшими эллинистическими памятниками этого типа⁷. Никаких местных элементов ни в росписи,

¹ МАК, вып. II, стр. 131—132.

² МАК, вып. II, рис. 29, 32, 36.

³ МАК, вып. II, табл. XXI, рис. 7—17; табл. XXII, рис. 6.

⁴ ИАК, вып. 63, стр. 31 (М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Ленинград, 1925, стр. 343—349).

⁵ М. И. Ростовцев, цит. соч., стр. 346.

⁶ М. И. Ростовцев, цит. соч., стр. 343, 359.

⁷ М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 83—86.

ни в архитектуре склепа не чувствуется, однако за принадлежность его синдам говорит находка в насыпи надгробной стелы в виде грубо исполненной гермы.

Перечисленный археологический материал позволяет сделать некоторые выводы об экономике этой страны.

Островной характер Синдики и болотистость почвы¹ заставляют думать о незначительности местного земледелия. Для ведения его даже в самых ограниченных размерах здесь необходимо было возводить специальные сооружения—дамбы, которые и были обнаружены на Таманском полуострове.

Местоположение этой страны частично в дельте Кубани, частично на морском побережье и многочисленные находки прислиц, подтверждающие производство ниток для сетей, дают возможность предполагать развитое рыболовство. У соседей синдов—маэтов рыболовство было основным занятием, как нам известно от Страбона (XI, 2, 4)—

Наряду с этим в Синдике широко было развито ремесло, главным образом гончарное. Об этом с определенностью говорят находки на Раевском городище.

Но основу экономики Синдики составляла торговля. Восточная часть Северного Причерноморья, включая нижнее течение Дона и Кубани, рано попала в орбиту греческой торговли. В этих районах самые ранние находки греческих изделий датируются концом VII—нач. VI вв. до н. э. и представляют предметы «родосско-милетской» и самосской керамики стиля Фикеллура². В собственно Синдике наиболее ранняя греческая вещь—амфора из Цукурского погребения—относится к VI в. до н. э.

Еще в античности Прикубанье было одним из важнейших земледельческих районов. Фляксбергер установил, что с древнейших времен в теперешнем Краснодарском крае возделывались ячмень, просо и мягкая пшеница³. Раскопки Городцова на Елизаветинском городище показали, что в эпоху эллинизма здесь было хорошо развито земледелие—возделывались просо и пшеница⁴. Естественно, что именно эти районы интересовали греков как места, откуда они могли вывозить хлеб.

Местоположение Синдики на торговом пути и затрудненность для греков непосредственного общения с племенами Приазовья⁵ способствовали тому, что приморский народ; каким были синды, взял на себя роль посредников в торговле греков с местным населением.

Нам представляется вполне правдоподобной мысль Манандяна⁶ о том, что Синдика была известна халдам и древним персам и что синды находились в торговых взаимоотношениях с Урарту. Широко развившаяся торговля была одним из факторов, форсировавших возникновение государства у синдов. Она повела к ускоренному развитию частной собственности и вызвала появление денег. Синды оставили нам ряд типов монет. К ним относятся следующие:

- 1) Ав. Геракл на коленях, натягивающий лук.

Rev. сова en face Quadr. incusum. Надпись $\Sigma\text{IN}\Omega\Delta$

- 2) Ав. Сидящий гриф, перед ним пшеничное зерно.

Rev. Голова лошади Quadr. incusum. Надпись $\Sigma\text{IN}\Delta\Omega\text{N}$

- 3) Ав. Голова быка с частью шеи.

Rev. Голова лошади с частью шеи. Надпись $\Sigma\text{IN}\Delta\Omega\text{N}$ ⁷

¹ По свидетельству псевдо-Скимна, остров, на котором находились Гермонасса и Фанагория, представлял собой равнину, изобилующую болотами, речками и топями, которые были столь многочисленны, что делали его недоступным.

² «Изв. ГАИМК», вып. 104, стр. 90—110 (Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э.).

³ КСИИМК, вып. VIII, стр. 117 (К. Фляксбергер, Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю).

⁴ Археологич. исслед. в СССР в 1934—36 гг., под ред. В. В. Гольмстен, стр. 208—214.

⁵ Strab., XI, 2, 4; Евст., GGM, vol. II, стр. 324.

⁶ Акад. Я. И. Манандян, О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Армгиз, Ереван, 1944, стр. 60.

⁷ Hea d. Historia numorum, стр. 495.

Кроме перечисленных, в каталоге Бурачкова отмечены еще следующие монеты:

- 1) Ав. Передняя часть скачущего быка. Под ним пшеничное зерно.
Rev. Голова льва с разинутой пастью.

- 2) Ав. Бюст Геракла, покрытого львиной шкурой.
Rev. Голова лошади с частью шеи. Надпись ΣΙΝΔΩΝ¹.

Все эти монеты серебряные. В настоящее время в коллекции ГИМ поступила золотая монета синддов:

- Ав. Сидящий гриф, перед ним колос
Rev. Голова лошади Quadr. incusum Надпись ΣΙΝΔΩΝ.

Надпись расположена сбоку. Обычно на серебряных монетах она находится над головой лошади. Изображения исполнены очень тонко².

Орешников древнейшей синдской монетой считал монету с изображением на лицевой стороне Геракла, натягивающего лук, и совы на обороте. Он указывал на близкое сходство изображения Геракла с аналогичными изображениями на электровых монетах Кизика. Сова с распушенными крыльями, по его мнению, скопирована с афинской декадрахмы. Ссылаясь на то, что кизикский статер с подобным Гераклом чеканился между 550 и 475 гг., а афинская декадрахма—в конце VI в. до н. э., Орешников пришел к выводу, что чекан синдской монеты этого типа может быть отнесен к V в. до н. э.—вероятно, к самому его началу³.

Зограф, не соглашаясь с датировкой Орешникова, указывал, что сова синдской монеты находит себе аналогии, гораздо более близкие, среди изображений на тригемиоболах афинских серий начала Пелопонесской войны, чем на декадрахмах начала V в.⁴

Датировка Зографа представляется нам более верной и по другим соображениям:

- 1) Археологический материал, свидетельствующий об интенсивных торговых отношениях Афин с Боспором и Синдикой, гораздо более обилен для второй половины V в., чем для конца VI—начала V в.

- 2) Античная традиция также склонна относить появление афинян на Боспоре ко второй половине V в.

- 3) Естественно, что в Синдику скорее могли попасть мелкие медные монеты, чем декадрахма (в частности, та декадрахма, о которой говорил Орешников, представляет собой редкую монету).

Зограф считает возможным все серии синдских монет отнести к V в. и, даже более точно, ко второй его половине. Ссылаясь на общность стиля изображений, отчетливо выраженный вдавленный квадрат, обусловленный уже декоративными тенденциями, а также на одинаковый подбор номиналов—диоболы, гемиболы и тетартемории, он указывает, что синдские монеты типа: Ав.—голова Геракла в львиной шкуре; Rev.—голова коня; надпись—ΣΙΝΔΩΝ, одновременны с пантикапейской серией монет с головой барана на обороте, относящейся к последней четверти V в. до н. э.

Наиболее близкую аналогию сидящему грифу синдских монет Зограф видит на монетах теосской колонии Абдеры, относимых к последней четверти V в. до н. э. Таким образом, чекан синдских монет относится ко второй половине V в. до н. э. Возможно, что чеканились синдские монеты на фанагорийском монетном дворе⁵.

Таким образом, мы видим, что синды тесно общались с греками. Эта взаимосвязь привела к значительной эллинизации синддов. Ростовцев отмечал, что отличительной

¹ П. О. Бурачков, Общий каталог монет греческих колоний Причерноморья, Одесса, 1884, стр. 178. В последней монете надпись ΣΙΝΔΩΝ Бурачков ошибочно принимал за «изображение солнца в виде звезды».

² Подлинность монеты в настоящее время еще не доказана.

³ «Изв. РАИМК», вып. II 1922 (Орешников, Этюды по нумизматике Сев. Причерноморья).

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты (рукопись).

⁵ А. Н. Зограф, цит. соч.

че ртой синдов является высокая степень их эллинизации, выделяющая этот народ из остальной массы «варварских» племен, населявших Северное Причерноморье¹.

Действительно, синды очень легко и быстро восприняли эллинскую культуру. Прежде всего характерным является употребление синдами греческого языка и письменности², распространение среди синдов греческих имен³ и усвоение ими греческих обычаев. Агонистический каталог из Горгиппии показал, что представители старинных синдских родов принимали участие в греческих играх и состязаниях⁴.

И, наконец, самый процесс возникновения у синдов государства прошел под влиянием греков.

Надо полагать, что ко времени появления на восточном побережье Северного Причерноморья греков синды находились в состоянии разложения родового строя. Продолжительная борьба синдов со скифами⁵ повела к усилению власти военачальников, оформившейся, в конце концов, в виде власти базилевсов. Появление греков и завязавшаяся между ними и синдами торговля форсировали процесс разложения родового строя и вызвали к жизни появление у синдов денег, которые мы и можем рассматривать как материал, определяющий время возникновения и существования государства синдов. Монета синдов, как было показано выше, появляется во второй половине V в.

Возникнув во второй половине V в., государство синдов уже через сто лет было вынуждено прекратить свое самостоятельное существование.

Надписи свидетельствуют о том, что уже в IV в. до н. э. Синдика вошла в Боспорское царство. Надо полагать, что сначала синдское государство находилось в союзных отношениях с Боспором. Союзы эти первоначально заключались с военными целями.

Для синдов, враждовавших со скифами и окруженных со всех сторон воинственными и очень часто недружелюбными по отношению к ним племенами⁶, лучшим выходом было объединение с греками, гарантировавшее им известную военную безопасность. Союз, возникший между греками и синдами на основе военной, все укреплялся и по другой причине. Торговля играла ведущую роль в экономике Синдики, и, естественно, что купцы, которые не могли конкурировать в торговле с мощным в IV в. Боспорским государством, были склонны к объединению с ним. Короче говоря, слабому и маленькому синдскому государству нужен был какой-то сильный покровитель, каковым и явилось Боспорское царство.

В IV в. синды вошли в состав Боспора. Есть основания полагать, что Синдика пользовалась известной автономией. Во главе ее попрежнему стояли цари, которые были, однако, полностью подчинены верховному боспорскому правителю⁷.

Таким образом, синды, представлявшие собой одно из мэотийских племен, прошли весь путь развития маленького племени, занимавшегося первоначально рыболовством и мелким земледелием, завершив его созданием государства. Достигнув вершины своего развития, этот маленький народ вошел в состав мощного объединения—Боспорского царства. Начавшийся позднее процесс сарматизации захватил синдов в полной мере, и изучение Синдики римского времени является в большей степени изучением истории сарматов, нежели синдов.

В. И. Мошинская

¹ М. И. Ростовцев, цит. соч., стр. 370-371.

² IOSPE, vol. II, № 390.

³ IOSPE, vol. II, № 390; Полиэн, Тиргатао (SC, vol. I, стр. 567—568).

⁴ Сборн. *Ποσειδά*, стр. 244—258.

⁵ Herod., IV, 28.

⁶ На Кавказском побережье соседями синдов были керкеты и ахеи. Литературные источники свидетельствуют о том, что эти народы занимались пиратством и славились как опытные мореходы. (SC, vol. I, стр. 279—280; Strab., XI, 2, 4). Отношения с мэотами были также далеко не всегда дружелюбными. От Полиэна мы знаем о войне между синдами и мэотами. М. И. Ростовцев считает, что этот рассказ восходит к III в. до н. э.

⁷ Полиэн, Тиргатао (SC, vol. I, стр. 567—568).

Результаты американских раскопок Трои

В 1938 г. закончились новые раскопки холма Гиссарлык, предпринятые в 1932 г. археологической экспедицией университета Цинциннати под руководством К. Бледжина.

Производившиеся на протяжении семи лет работы, о которых можно судить по предварительным полевым отчетам, документированы неполной пока и, к сожалению, не всегда удачной публикацией памятников¹.

С тех пор как вышел в свет монументальный труд Дерпфельда², подведший итоги шлимановским и его собственным работам в Трое, непрерывно продолжалось изучение собранного ими материала. Археологические открытия в Северной Греции, Македонии, Венгрии и Западной Анатолии, сделанные главным образом в XX ст., позволяют изучать древнюю Трою в свете весьма широких культурных связей.

На западноазиатских городищах и некрополях, относящихся к началу III тысячелетия до н. э. (Бефика-Тепе, Ханай-Тепе в Троаде, Иортан на Каике, Терми на острове Лесбосе и некоторые пункты в Карию), обнаружилось многочисленное памятники раннетроянской культуры, свидетельствующие о местном происхождении поселения на холме Гиссарлык. Это тем более важно подчеркнуть, что северные и северо-западные культурные аналогии, о которых подробно будет сказано ниже, дали повод некоторым ученым, в частности Шухгарту, Чайльду и Гетце³, говорить о европейском происхождении троянской культуры.

Культура Трои I, о которой до американских раскопок можно было судить лишь по керамическим данным, имеет средиземноморские черты⁴.

Эванс, на основании сходства неолитической керамики Крита с раннетроянской, считал возможным говорить о малоазиатском происхождении критской культуры⁵, а Франкфорт⁶ доказал очень убедительно зависимость техники окрашенной керамики древнеэлладийского периода (Urfirnis) материковой и островной Греции от древнейшей окрашенной посуды Западной Анатолии. Критская керамика древнеминойской эпохи, при многих формальных различиях, в техническом отношении обнаруживает ту же самую зависимость от Западной Анатолии, что и керамика элладийская.

Присутствие в древнейшем слое Трои некоторых продуктов импорта, например, обсидиана, не позволяет преуменьшать значение обмена на ранней стадии троянской культуры, а чрезвычайная близость европейского континента с его речными путями, ведущими к Эгейскому морю и Геллеспонту, делает весьма вероятными торговые сношения и взаимные культурные связи Троады с такими пунктами, как Винча (Vinča) (близ Белграда) и Тордос (Трансильвания) на Среднем Дунае, через посредство

¹ См. *AJA*, XXXVI (1932), стр. 431 сл.; XXXVIII (1934), стр. 223 сл.; XXXIX (1935), стр. 6 сл.; XLI (1937), № 1, стр. 17 сл.; XLI (1937), № 4, стр. 553 сл.; XLIII (1939), стр. 204 сл. Помимо отчетов Бледжина, еще более краткие сообщения печатались в том же *AJA* за 1933 г. и в *JDAI*, т. 48 (1933). Имеется публикация найденных в раскопках греческих надписей: *AJA* XXXIX (1935), № 4, стр. 588 сл.

² «Troja und Ilion», I—II, 1902.

³ См. A. Christensen, A. Götz, etc., *Kulturgeschichte des alten Orients* (Götz, Kleinasien) 1933 г., стр. 25, там же и перечень публикаций, а также C. Schuchhardt, *Alteuropa*, стр. 204; G. Child, *The Dawn of the European Civilization*, стр. 62.

⁴ Аналогии: на Крите—см. D. Fimmen, *Die Kretisch-Mykenische Kultur*, стр. 84; в Греции (Тиринф)—H. Frankfort, *Studies in the early Pottery of the Near East*, II, табл. III; в Италии и Сицилии—M. Mayer, *Molfetta und Matera*, табл. XXI сл.; на северные аналогии (Македония, Фракия) обратил в свое время внимание Губерт Шмидт в *ZE*, 1905, стр. 633. О новых находках в Халкидике см. у G. Mylonas, *Excavations at Olynthus, Part I: «The Neolithic Settlement*, стр. 93 и рис. 22, 58, 61, 73».

⁵ A. Evans, *The Palace of Minos*, I, стр. 7.

⁶ H. Frankfort, *ib.*, II, стр. 88.

фракийского побережья и Македонии, где и каменные орудия и керамика энеолитической поры имеют чрезвычайно много общего с Троадой¹.

Вышеизложенные факты вполне, думается, объясняют остроту интереса археологов и историков древности к ранней Трое, тем более, что азиатские связи культуры древней Троады прослеживаются до северной Сирии и Кипра².

Архитектурные остатки Трои I были открыты Шлиманом на очень небольшом пространстве. Произведенный в 1933 г. зондаж дал другую, более полную стратиграфическую картину, заставившую разделить слой I на четыре периода (Ia—Id), из которых начальный залегал непосредственно на материковой скале.

Неподалеку от того места, где Шлиман обнажил остатки древнейшего слоя Трои, в 1935—1936 гг. были открыты два жилых дома, относящиеся к периоду Ia. Дома имеют

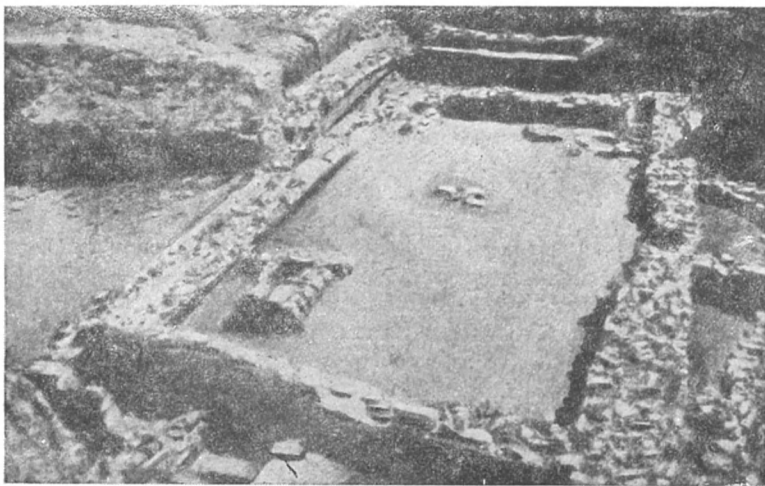

Рис. 1. Дом города Ia

в плане форму параллелепипеда, т. е. являются такими же «мегаронами», как и знаменитые мегароны II города (в центральном и наибольшем из них [II A], как известно, Шлиман хотел видеть дворец Приама).

Опишем кратко второй из этих домов, больший по размерам (рис. 1). Он состоял из единственного помещения, удлинённой в меридиональном направлении формы. Стены, сохранившиеся на высоту до 1 м, сложены из необработанных камней на глине в качестве связующего материала; в некоторых местах здания наблюдается кладка в елочку. Размеры дома—12,85×5,4 м; приблизительно посередине северной стены обнаружена дверь; за ней с внешней стороны имеется нечто вроде портика, который был достаточно глубоким и имел замощенный каменными плитами пол. Отмечено несколько камней, могущих служить базами для колонн, поддерживавших его фасад. Здание перестраивалось четыре раза. Глиняные полы образовали напластование, достигающее 0,5 м толщины. В полу обнаружено несколько плоских камней, которые, вероятно, служили упорами для деревянных столбов, поддерживавших перекрытие и деливших помещение на части.

На небольшом расстоянии к востоку от центра дома помещался очаг, выложенный из плоских каменных плит, почерневших от огня.

¹ W. H e u r t l e y, Prehistoric Macedonia, «Antiquity», т. III, (1929), стр. 318 сл.; а также H. Schmidt в ZE 1905, стр. 91.

² H. F r a n c f o r t, Studies, II, стр. 57. Sakjegenzi в северной Сирии может быть отмечен как самый южный пункт, где встречается керамика, подобная древнейшей троянской.

У южной стены расположен небольшой каменный полук. Неподалеку от той же стены, к северу, имеется углубление в полу, тщательно обмазанное глиной. В нем были обнаружены обломки керамики и кусочки меди. Бледжен указывает, что в подобных глиняных чанах в полу современное туземное население месит хлебное тесто.

Среди остатков пищи, помимо костей животных, отмечено большое количество устричных и иных раковин — очевидно, моллюски служили одним из основных съедобных продуктов древнейших обитателей города. Из других находок обращает на себя внимание грубая глиняная статуэтка женщины, подобная найденной в Винче¹.

Любопытно отметить, что под полом, на небольшой глубине, найдено шесть детских погребений (одно труположение, остальные — трупосожжения) в глиняных урнах.

Таков же в общих чертах и другой из новооткрытых домов Трои I, но он имеет несколько меньшие размеры, и остатки его дошли до нас в худшем состоянии.

Рис. 2. Оборонительная стена и башня города I

Однако эти дома не являются древнейшими сооружениями на занятом ими месте. Под южной частью описанного здания, по его диагонали, залегает длинная (до 11 м) стена еще более древнего дома. Недалеко от ее восточного края лежит поперечная стена. В ней имеется дверное отверстие, близ него — камни, поддерживавшие дверные столбы. Длинная стена упирается в узкое и несколько отличное от нее по архитектуре сооружение в форме апсиды. В ней также прослеживается дверное отверстие с двумя каменными упорами для столбов. Керамические находки, равно как и стратиграфические данные, убеждают в принадлежности этого сооружения тому же периоду I а, но лишь к более ранней его фазе².

Обнаружение этих домов важно прежде всего потому, что отныне мегаронообразные сооружения должны быть признаны изначальными для Трои, где они имеют достаточно выраженные восточные черты, к которым прежде всего относится кладка в елочку, весьма распространенная в Азии. Сюда относится также и самый способ постройки из сырового кирпича на каменных фундаментах, характерный для всех древних слоев Трои, и связанное с этим устройство перекрытия и дверей на деревянных столбах, помещенных на каменные опоры.

Открытия в слоях I города, добытые новыми раскопками, не ограничиваются этими

¹ AJA, 1935, рис. 2, стр. 553; ср. G. Child, The Danube in Prehistory, рис. 11.

² Документальный материал см. в AJA, XXXIX (1935), № 4, стр. 551 сл. и XLI (1937), № 1, стр. 17—20.

двумя домами; в 1937 г. в нескольких местах (главным образом, на участке F 5—6) была прослежена оборонительная стена Трои I (рис. 2), имеющая ворота, фланкированные двумя башнеобразными выступами. Толщина ее в некоторых местах достигает 11 м. По стратиграфическим признакам сооружение стены должно быть отнесено к средней поре I города.

В дополнение к этому, в западной части городища отмечено наличие второй оборонительной стены, тоже эпохи I города. Это сооружение является третьим (считая за первое шлимановские толстые стены) в последовательной серии укреплений I города и относится к самому позднему периоду его существования.

Интересная находка обнаружена в 1937 г. в непосредственной близости от ворот оборонительной стены I города. Речь идет о профилированной плите из известняка

Рис. 3. Каменная плита с рельефным изображением человеческого лица. Троя I

с рельефным изображением человеческого лица. Изображение, нанесенное низким рельефом, исполнено весьма примитивно — показан овал лица, внутренняя линия которого образует дуги бровей и нос в виде длинного прямого отростка. Внешняя линия овала, расширяясь на уровне ушей, показывает подстриженные волосы, подчеркнутые небольшими углублениями (может быть, проделанными для инкрустации) (рис. 3). Стилистически оно может быть сближено с рядом человеческих изображений эпохи неолита или раннего металла в Средиземноморье, но для Малой Азии это едва ли не самый древний образец каменной скульптуры. Вместе с этой плитой были найдены еще две, имеющие профилировку, но лишённые изображений¹.

В результате этих открытий Троя I предстала перед нами в новом, несколько неожиданном, свете. Вместо «небольшого поселения европейских пришельцев»² она оказалась хорошо

укрепленным городом с прочными, больших размеров жилыми постройками. И поскольку количество архитектурных напластований в пределах I слоя свидетельствует о продолжительности его существования, дата возникновения Трои никак не может быть оторвана от рубежа IV—III тысячелетий до н. э.

С самого своего основания Троя была уже тем, чем в сущности и продолжала оставаться на протяжении двух тысяч лет, — хорошо укрепленным замком, расположенным близ важных морских и континентальных путей, открывавших большой простор разбойничьей торговле. Стены Трои I — один из древнейших памятников каменных оборонительных сооружений в Средиземноморье.

Дерпфельд считал, что между I и II слоями залегает 25 см стерильного грунта, накопившегося в эпоху перерыва в жизни города³. Hiatus этот должен был соответствовать довольно продолжительному времени. Наличие hiatus'a признавали и другие ученые⁴.

В 1937 г. на глубине около 0,2 м ниже фундамента здания II города (II R на плане Дерпфельда), раскопанного Шлиманом, обнаружили еще остатки небольшого четырехугольного здания, залегавшие как раз в том горизонте, который соответствует установленному Дерпфельдом hiatus'у между I и II слоями⁵. Здание, следовательно,

¹ AJA, 1937, № 4, стр. 569.

² G. Childe, стр. 53.

³ «Troa und Ilion», I, стр. 49.

⁴ См., например, B. Schuchhardt, Schliemann's Ausgrabungen, стр. 60, а также «Alteuropa», стр. 204.

⁵ AJA, 1937, № 4, стр. 554 сл.

относится как раз к переходному периоду. В связи с этим была изучена стратиграфия—на стыке I и II слоев.

Hiatus не прослеживался, и было установлено, что образцы массовой керамики конца I и начала II слоя практически между собой не различимы до появления в последнем из них блестяще-красной лощеной керамики, отсутствующей в I слое.

То, что мы теперь знаем о древнейшей архитектуре Трои, позволяет говорить также и о непрерывной архитектурной традиции и, стало быть, вообще о том, что Троя II является результатом развития Трои I.

К переходному периоду I—II слоя примыкают находки, сделанные в конце прошлого столетия в некрополе Иортан, на верхнем Каике. Могилы содержали кремации в пифосообразных урнах с большим количеством приношений, состоявших из керамики, примитивных каменных идолов и золотых и бронзовых изделий. В особенности интересна керамика, с одной стороны, повторяющая формы и технику Трои I, с другой—дающая образцы сосудов, окрашенных красной краской, типичных для Трои II. Керамика Иортана дает более полное представление о ранней троянской продукции, чем сама Троя, а положение этого пункта в Южной Мизии, на довольно значительном расстоянии от Трои, показывает, насколько велика была территория, занятая троянской культурой на столь ранней ступени ее развития¹.

Для понимания происхождения ранней троянской культуры не малое значение приобретают находки на восточно-анатолийском городище Алишар-Гийюк, близ Богазкеоя, в Каппадокии, добытые раскопками 1929—1931 гг. Особенный интерес представляют два нижних слоя, из которых первый, относящийся к начальной эпохе металла и близкий хронологически Трою I, содержит керамику с блестящей красной облицовкой, подобную керамике Иортана и Трои II. Второй слой Алишара, датирующийся в нижнем горизонте рубежом III—II тысячелетий до н. э., знает красную керамику с матовой облицовкой (red wash) и некоторые формы сосудов, в особенности vaso-pans, вазокопалы, кувшины с удлиненными носиками, так наз. Schnabelkanne, очень близкие кипрским и западно-анатолийским. Во многом аналогичной представляется и архитектура Алишара, применявшая сырцовый кирпич крупных размеров на каменных фундаментах². Этими аналогиями еще более подчеркивается восточный характер раннетроянской культуры.

Эпоха II города, несомненно, один из наиболее ярких периодов в истории Трои. Это — время существования больших мегаронов, окруженных мощной оборонительной стеной, имеющей три строительных периода. Всемирно-известные клады, найденные Шлиманом, содержали большое количество посуды, украшений и орудий из золота, серебра и бронзы. Город был очень богат, обилие металла позволяет предполагать наличие местного производства. Можно проследить широкое влияние форм троянской металлической посуды на формы островной эгейской керамики³.

И однако, несмотря на то, что в эпоху II города появляются первые признаки прямых сношений Трои с Эгейским миром — импортная древнеэлладийская посуда и местные ей подражания, Троя II имеет еще ярче выраженный азиатский облик, чем Троя I.

Прежде всего это наблюдается в архитектуре. Здания Трои II, так же как и оборонительные стены, сложены из сырцового кирпича на каменных фундаментах. Кирпичи в некоторых местах сохранились. Это большие плоские кирпичи размером 50 × 40 × 12. По своим размерам и форме они соответствуют лидийскому кирпичу римского времени,

¹ A. Götz, Kleinasion, стр. 27; см. также AOf 1939, № 1, 2, где К. Биттель публикует новый материал культуры Иортан из могильника Бабакей, в южной Троаде, а также ранее не публиковавшиеся бронзовые предметы из самого могильника Иортан. Типы изданных им наконечника стрелы и топора вряд ли могли возникнуть ранее конца III тысячелетия до н. э., и, таким образом, конечная дата существования культуры Иортан должна быть передвинута на 3—4 столетия вперед.

² A. Götz, ib., стр. 37.

³ C. Schuchhardt, Alteuropa, стр. 207.

сведения о котором сообщает Витрувий (11, 3,3)¹. Кирпичные кладки имели для прочности деревянные подпорки и прокладки в виде вертикальных или горизонтальных балок. Отверстия для них отмечены в оборонительной стене и жилых сооружениях². Комбинированные кладки из кирпича и дерева, подобные троянским, имеют ближайшие аналогии в хеттской архитектуре Богазкеоя³.

То же впечатление производит керамика, отличающаяся разнообразием форм и приемов изготовления. В особенности разнообразной и изящной она становится в позднюю пору II города, когда в употребление вошел гончарный круг.

Нельзя, впрочем, обойти и европейские аналогии, из которых в первую очередь должны быть названы сосуды с нацарапанным спиральным орнаментом, подобным орнаментации мелосских сосудов, или большие амфоры с крышками (иногда на трех ножках), встречающиеся в Придунайском бассейне и на древнейших северо-италийских террамарах. Европейские, равно как и азиатские параллели имеют, как известно, и знаменитые антропоморфные, или «лицевые», сосуды с условным изображением человеческого лица на крышке или горле. Всем этим до какой-то степени определяется круг торговых и культурных связей Трои II. Ту же, если еще не более широкую, картину дают и изделия из металла—бронзовые орудия и оружие, своими формами связанные прежде всего с Кипром и Критом (кинжалы) и с Придунайским бассейном (каменные и бронзовые топоры). Это относится также и к драгоценным украшениям.

Троя II была почти полностью вскрыта еще Шлиманом, и поэтому американские раскопки не дали значительных архитектурных объектов.

В 1935 г. в районе расположения мегарона II А найдено большое количество керамики II слоя и других бытовых предметов. При зачистке стены мегарона удалось установить, что здание было оштукатурено тонким слоем глины. Кроме того, открыты новые помещения, расположенные в фундаментах стены IIа и относящиеся к поздней эпохе Трои II. Расчистка этих помещений представила яркую картину внезапного разрушения города. Среди многочисленных находок любопытно отметить длинный ряд глиняных грузил, лежавших на полу одной из комнат на некотором (около 1,5 м) расстоянии от стены. По сторонам ряда прослежены отверстия в полу для деревянных столбов. Нет сомнения в том, что это остатки ткацкого станка, вероятно очень похожего на те, изображения которых хорошо известны из греческой вазовой живописи⁴.

В следующем году близ мегарона II Е была открыта монументальная стена из больших камней со следами глиняной обмазки. Она могла принадлежать фасаду портика мегарона, о чем свидетельствует обнаруженная на ней каменная база колонны круглой формы.

К югу, недалеко от портика, найден прекрасно обработанный камень парастады с кордонами, вырезанными на его верхней части. Этим подтверждается предположение Дерпфельда о том, что мегарон имел парастады на южной и северной сторонах⁵.

Дерпфельд подразделил слои II города на три строительных периода (IIа—IIс)⁶. Оборонительные стены II города, пережившие двукратную реконструкцию, выразившуюся, главным образом, в перестройке ворот и предвратных укреплений, были возведены в среднюю пору существования города. Большую часть жилых комплексов, в том числе центральные мегароны, Дерпфельд относил к последнему периоду Трои II.

Новые раскопки подтвердили эту периодизацию, принеся лишь поправки к датировкам некоторых отдельных объектов.

Раскопки в слоях II города дали большое количество бытового материала, в том

¹ W. D ö r p f e l d, *ib.*, I, стр. 39.

² «Troja u. Ilion», I, стр. 57—58, а также S c h u c h h a r t, Schliemann's Ausgrabungen, стр. 72 сл.

³ A. G ö t z e, *ib.*, стр. 163; ср. G. C o n t e n a u, La civilisation des Hittites, стр. 193.

⁴ AJA, 1935, № 4, стр. 560.

⁵ *ib.*, 1937, № 4, стр. 26 сл.

⁶ «Troja u. Ilion», стр. 40.

числе довольно много украшений из драгоценных металлов (главным образом, бусы и булавки), вновь свидетельствующих о значительных богатствах, сосредоточенных за стенами Трои II.

При раскопке одного из упомянутых помещений найдена большая серебряная чаша¹, по форме близкая тем, которые происходят из шлимановского «большого клада»².

Кроме того, найдено много бронзовых и каменных орудий, костяных поделок и характерных для ранних слоев Трои каменных идолов простейшего типа в виде каменного топорика или мотыжки с перемычкой посередине.

Особенно многочисленны и важны для понимания культурной жизни Трои конца III тысячелетия до н. э. керамические находки. Встречены сосуды всех ранее известных во II слое типов. С некоторым удивлением приходится констатировать, что в отчетах всего лишь однажды упомянут обломок «лицевой урны». Наиболее интересна и в отношении хронологии и для характеристики культурных связей с Эгейским бассейном древнеэлладийская керамика. Фрагменты ее встречаются, начиная от позднего горизонта I города и до V города включительно. Это наблюдение представляет большой интерес для хронологии ранних слоев Трои.

Город II погиб от пожара и разрушений, причиненных человеческими руками. Событие это, происшедшее на рубеже III и II тысячелетий до н. э., должно быть связано с крупными передвижениями малоазийского населения и с началом хеттского могущества в Каппадокии.

III и IV слои Трои принадлежат небольшим открытым поселениям, кратковременное существование которых не оставило по себе значительных следов.

Однако, IV город обнаруживает уже некоторые признаки возрождения: раскопками 1935 и 1937 г. в этом слое были открыты напоминающие архитектуру II города остатки зданий, с параллельными стенами, выходящими на узкую улицу, идущую в широтном направлении, керамика, по типу близкая древнеэлладийской, и несколько золотых украшений (булавки и бусы). Тогда же было установлено, что IV город прекратил свое существование тоже в результате пожара³. IV город характеризуется в особенности керамикой с красной матовой раскраской, с отогнутым венчиком, иногда с лощением. Значительная часть типов керамики с блестящей красной облицовкой, характерной для II—III слоя, к этому времени уже исчезает⁴.

V город представлялся, в результате работ Дерпфельда, почти столь же ничтожным, как и два предшествующих. Новые исследования продемонстрировали прежде всего значительную мощность слоя V — около 2 м, а остатки архитектуры позволили проследить до пяти строительных периодов⁵.

Раскопками обнаружено несколько небольших жилых построек. Примером жилого дома может служить здание, расположенное на участке 8—9, с тремя наслоениями глинобитных полов и очагом очень хорошей сохранности, помещенным на большом глиняном кругу, с двумя кирпичами — подставками для сосудов.

Для V города характерны сосуды с крестообразным орнаментом, нанесенным краской с внешней и внутренней стороны сосуда. К концу периода на смену грубоватой керамике с красной орнаментацией приходят тонко профилированные серые и желтые сосуды так наз. «минийской» техники, центр производства которых долгое время видели в древнем Орхомене. Важным датирующим признаком для ранних горизонтов является присутствие нескольких фрагментов древнеэлладийской керамики, относящихся к наиболее поздней поре этого периода⁶.

Полного возрождения Троя достигла лишь в эпоху VI города, когда вокруг нее

¹ AJA, 1937, № 1, стр. 25.

² C. Schuchhardt, Schliemanns Ausgrabungen, рис. 36.

³ AJA, 1935, № 4, стр. 572—573.

⁴ Ib., стр. 562.

⁵ Ib., 1934, № 2, стр. 230.

⁶ Ib., 1934, № 2, стр. 230.

были возведены мощные оборонительные стены на высоких фундаментах из обработанного камня, нередко довольно крупных размеров.

Слой VI был впервые отмечен Дерпфельдом в 1890 г. на юго-восточном склоне холма; он расчистил значительную часть его оборонительной стены, открыл остатки жилых построек и именно этот город отождествил с гомеровской Троей, так как, по его хронологии, существование Трои VI относилось ко времени от 1500 до 1100 г. до н. э.¹

Оборонительные стены VI города сохранились на восточной, южной и западной сторонах холма. В них прослеживалось четверо ворот, из которых главными являлись южные (VI_т); наиболее импозантное впечатление производит южный участок стены, где она лучше сохранила свою кладку из хорошей брусчатки, демонстрирующей наилучший образец строительной техники Трои VI.

В более позднее время были пристроены многие из четырехугольных башен, сложенных из особенно хорошо обработанного камня. Куртины стены разделяются небольшими выступами в 15—18 см.

Рис. 4. Каменное основание жертвенника в башне оборонительной стены Трои VI

В 1934 г. за башнеобразной пристройкой обнаружены еще одни ворота в стене VI города, позднее заложенные. Под этим участком стены находились остатки небольшого здания с очагом, относящиеся к раннему горизонту VI слоя. Сооружение стены, таким образом, должно быть отнесено к средней поре VI города².

Кроме того, в 1937 г. на участке А4—5 удалось проследить продолжение стены VI города. Новооткрытая стена тянется к северу на протяжении 8 м, затем поворачивает к северо-востоку и продолжается в этом направлении еще на 10 м. Далее к востоку прослежены отдельные камни и ложе стены, совершенно разрушенной позднейшей выборкой камня. Этим окончательно разрешается вопрос о северной линии троянских укреплений. Город, несомненно, имел замкнутое кольцо стен, как это предполагал еще Дерпфельд. Объясняя отсутствие северной линии обороны, последний ссылался на Страбона, сообщающего о том, что стены греческого Сигэйона выстроены из троянских камней³.

Наконец, новые раскопки принесли еще одно важное открытие, связанное с исследованием оборонительной стены. На западном участке была раскопана башня (У),

¹ «Troja u. Ilion», I, стр. 26 сл. и 98 сл.

² АЖА, 1935, № 4, стр. 563.

³ Ср. АЖА, 1937, № 4, стр. 592 сл.

фланкирующая южные ворота города. В центре башни открыта каменная вымостка полуциркульной формы, с большим известняковым блоком посередине, подобным алтарю или базе алтаря (рис. 4). С южной стороны башни открыты *in situ* четыре бэтилообразных камня, наибольший из которых достигает 1 м высоты. Столбы вне башни, так же как и алтарное сооружение внутри ее, принадлежат одному культовому комплексу. В культе различимы два элемента: один, связанный с почитанием бэтилов, широко засвидетельствованный для древнего Средиземноморья; другой, связанный с культом городской ограды, отголоски которого звучат в ритуале, практиковавшемся при инаугурации городов и военных лагерей у этрусков и римлян.

Еще один, не менее значительный культовый памятник был открыт в 1935 г. внутри города, неподалеку от тех же южных ворот. До раскопок здесь было замечено столбообразное сооружение из аккуратно сложенных камней, в стиле архитектуры VI города. Расчистка привела к обнаружению большого культового места с огромным количеством костей животных в пережженных слоях, относящихся к VIIa и VI периодам. Наиболее древние из найденных здесь предметов принадлежат концу V слоя.

И само сооружение, и характер находок не оставляют сомнения в том, что оно являлось одним из важных культовых мест Трои, а упомянутые выше каменные столбы служили, быть может, постаментами для бэтилообразных камней. Один такой камень, высотой в 1,25 м, найден был в 1937 г. у восточного угла этого здания¹. Судя по керамическим находкам, святилище существовало долгое время и продолжало функционировать по разрушении VI города.

Из других объектов архитектуры VI слоя упомянем лишь один небольшой дом (VI F), размером 11,7×8,5 м, открытый в 1935 г. Он интересен прежде всего тем, что сохранил остатки лестницы, ведущей на второй этаж, и стены первого этажа на высоту до 2,5 м. Кроме того, на его глинобитном полу стоят 2 ряда крупных каменных баз для деревянных колонн, по 5 с каждой стороны, на расстоянии 2 м от стен и 1,5 м друг от друга.

При раскопках VI слоя был отмечен еще один любопытный факт, проливающий некоторый свет на экономическую жизнь города. В некоторых местах обнаружили небольшие углубления, сгруппированные по 6—8 штук. В одном пункте в этих ямах найдены целые залежи раковины «багрянки», из которой изготавливают пурпур². К тому же среди ракушек было найдено много каменных инструментов — жерновов, терок, пестов, служивших, видимо, для этого производства. Количество ям и отходов использованного сырья заставляет предполагать большой размах этого дела и позволяет видеть в Трое один из важных центров производства и торговли пурпуром в Средиземноморье.

В 1937 г. за пределами города, на расстоянии 500 м от южных ворот, был найден, после продолжительных поисков, некрополь VI слоя. Он содержал сожжения в урнах различной формы. Большей частью это были широкогорлые амфоры из грубой глины с двумя ручками или кратерообразные сосуды с тремя ручками. В числе приношений много «минийских» сосудов — киликов, кувшинов, амфор и т. д., а также несколько импортированных микенских сосудов. Судя по количеству извлеченных фрагментов керамики, некрополь содержал до 170 погребений. Могилы относятся к поздней стадии VI города, однако не переступают его хронологический предел. В них нет ни одного сосуда позже середины XIII в. до н. э., ни одного фрагмента, который бы был типичен для города VIIa³.

Для Трои VI особенно характерно присутствие серой или желтой лощеной керамики, получившей в зарубежной науке название «минийской» вследствие того, что она с конца элладийского периода появляется в большом количестве в древнем Орхомене, Фессалии и Фокиде и оттуда распространяется по материковой и островной Греции. В связи с этим велись и ведутся большие споры о ее малоазийском или балканском про-

¹ AJA, 1937, № 1, стр. 31.

² AJA, 1937, № 4, стр. 582.

³ AJA, 1935, № 1, стр. 26 сл.

исхождении ¹. Новые раскопки продемонстрировали появление минийской керамики уже в поздних горизонтах V города Трои ². Кроме того, было отмечено большое количество образцов простейших типов минийской керамики безусловно местного происхождения. Факты, таким образом, говорят о приоритете Трои в производстве минийской посуды и свидетельствуют в пользу мнения Франкфорта, указавшего на то, что типы ее восходят к формам троянских металлических сосудов II слоя.

Еще со времени раскопок Шлимана и Дерпфеля были известны образцы поздне-элладийской или так наз. микенской керамики из Трои VI. Американские раскопки показали, что Троя VI в нижних горизонтах содержит обломки среднеэлладийской керамики поздних типов, верхние же горизонты дают сосуды и обломки сосудов позднеэлладийского II периода, так наз. «дворцового стиля», примером чего может служить часть большого сосуда с тремя ручками, найденного при раскопках близ оборонительной стены в 1936 г.

Местная, подражающая элладийской, керамика укладывается в те же хронологические рамки. Образцом таких изделий может служить фрагментированный сосуд, найденный при раскопках дома с колоннами ³.

Перечисленные находки, а также отсутствие в слоях VI города керамики позднего элладийского периода III заставляют изменить его начальную и конечную даты. Возникновение Трои VI должно быть отнесено к концу среднеэлладийского периода, т. е. ко времени до 1600 г. до н. э. Конец же города наступил до 1300 г. до н. э., ближе к середине XIV столетия ⁴. Этот очень существенный хронологический вывод тотчас же заставляет пересмотреть вопрос об идентичности Трои VI и «гомеровской Трои» — города Приама и Гектора. Бледжен предлагает считать гомеровским город VII a, возникший на развалинах шестого. В период его существования, продолжавшийся около 150 лет, были восстановлены и использованы для жилья с некоторыми перестройками здания VI города и продолжали стоять его оборонительные стены. Архитектура этого слоя вообще характеризуется использованием зданий и строительных материалов предшествующей эпохи, а керамика содержит позднейшие образцы минийской посуды и позднеэлладийские фрагменты III периода ⁵. Кроме того, город VII a погиб от пожара в начале XII в. ⁶. Верхним же горизонтом Трои VI является слой, содержащий обвалившиеся кладки, а также разбитые и погребенные в результате этих обвалов бытовые остатки. Он не имеет на себе следов пожара и получил наименование «слоя землетрясения» (Earthquake layer). Признаки землетрясения могут быть отчетливо прослежены и на некоторых участках оборонительной стены, где видны глубокие трещины, смещения кладок и т. д. Таков, например, участок южной стены с башней (VI H), имеющей трещины и расхождения камней, причиненные землетрясением.

Если к вопросу о гомеровской Трое подходить с точки зрения соответствия топографии города данным гомеровского текста, то правы окажутся скорее всего те, кто отрицает возможность идентификации Гиссарлыка и гомеровской Трои ⁷. Более правильная другая постановка вопроса, при которой от гомеровского эпоса, как произведения искусства, можно требовать, может быть, и многого, но отнюдь не реальной топографии и географии ⁸. В этом случае на помощь приходит предание о преемственности гомеровского и греческого Илиона. Должны ли мы его отвергать, если принимаем традицию о Троянской войне?

¹ См. историю и критику вопроса у H. F r a n c f o r t, *Studies*, II, стр. 140 сл.; стр. D. F i m m e n, *Die Kretisch-Mykenische Kultur*, стр. 79 сл.; Фиммен называет минийскую керамику «орхоменской».

² *AJA*, 1937, № 4, стр. 584, 580.

³ *Ib.*, 1935, № 4, стр. 580.

⁴ *Ib.*, 1937, № 4, стр. 595—596.

⁵ *Ib.*, 1934, № 2, стр. 234.

⁶ *Ib.*, 1935, № 4, стр. 550.

⁷ См. A. S e u r e, *A la recherche d'Ithaque et de Troie*, «*Journal des Savants*», 1931, № 2, стр. 337.

⁸ Cp. U. W i l a m o v i t z - M ö l l e n d o r f f, *Ilias und Homer*, Beilage I.

Результаты раскопок неопровержимо подтверждают важное значение Трои в древнейшей истории западной части Малой Азии, ее широкие связи, в том числе непрерывные сношения с островной и материковой Грецией, распространявшие славу о городе по всему Средиземноморью.

При этой постановке вопроса нет необходимости выбирать между II, VI или VII городом, так как в числе сведений, которыми располагали жители доисторической Греции о Трое, могли фигурировать, наряду с более поздними и весьма древние данные.

Но если такой выбор все же обязателен, то трудно, кажется, возразить против того, что наиболее яркие и многочисленные следы связей Трои с материковой Грецией дают слои именно VI города. Ибо как раз в середине II тысячелетия до н. э. в Греции распространена столь характерная для Трои минийская керамика, а в Трое представлена позднеэлладийская посуда не только в импортированных образцах, но и в многочисленных местных подражаниях. Именно в эту эпоху сношения между Троей и центрами микенской культуры должны были быть наиболее интенсивны и могли иметь мирный или враждебный характер.

Американские археологи готовы признать гомеровской Троей город VIIa на том основании, что его гибель близка традиционной дате троянской войны, а развалины его сохранили на себе признаки разрушения от пожара. Для решения вопроса, от чьих ударов пала Троя VIIa, содержатся указания в материале, добытом из раскопок слоя VII b. Это поселение, возникшее на развалинах предшествующего города, датируется поздними образцами микенской керамики так наз. стиля Гранари¹. Общий же характер культуры Трои VII определяется большим количеством грубой, черновато-серой керамики с процарапанными линейным орнаментом, часто с лощением и с выпуклыми рогообразными украшениями — так наз. *Buckelkeramik*. Центром распространения ее являются северобалканские, придунайские области: ее много в некрополях конца VII тысячелетия до н.э. в Венгрии и Румынии. Раскопками Г. Шмидта подобная керамика очень близких Трое образцов была получена в некрополе Монтеору в северо-восточной Валахии². Кроме того, среди остатков VII города содержатся образцы бронзовых кельтов, втульчатых топоров и другие предметы (например, очень любопытная глиняная статуэтка³), имеющие балканское происхождение. Поэтому, вероятнее всего, не из Греции, а из Фракии явились завоеватели, уничтожившие Трою VIIa.

В начале этого очерка мы отмечали отдельные элементы троянской культуры в Южной и Средней Европе. В них надо усматривать влияние Трои на культуру эпохи энеолита и ранней бронзы в Придунайском бассейне.

На заключительном этапе троянской истории положение изменилось самым резким образом. Культура Придунайского бассейна захлестнула Троаду. Можно указать путь, по которому совершалось это движение, — вдоль рек Моравы и Вардара, через Македонию, где все вышеуказанные культурные явления прослеживаются столетия на два раньше⁴.

Казалось, следовало бы ожидать проникновения в Троаду развитой и экспансивной хеттской культуры из Каппадокии и северной Сирии. Но между хеттскими центрами и Троадой лежала пустынная и дикая Фригия: отсутствие легких водных путей мешало установлению регулярных сношений. Хеттское влияние почти не проникало западнее Сангария.

О том, что Троада, как и другие области запада Малой Азии, все же находилась в сфере политического влияния хеттов, свидетельствует известный из египетских источников факт участия в битве при Кадеше в 1288 г. до н. э. на стороне хеттов некоторых западноанатолийских племен, в том числе *Iliunna* (троянцы), *Derden* (дарданцы), *Mesa* (мизийцы), *Luka* (ликийцы)⁵.

¹ AJA, 1935, № 4, стр. 550.

² C. Schuchhardt, *Alteuropa*, стр. 189.

³ AJA, 1937, № 4, рис. 39, стр. 596.

⁴ G. Childe, *op. cit.*, стр. 392.

⁵ Garsang, *The Hittite Empire*, стр. 171.

Но незначительность хеттского влияния на Трою видна прежде всего из того, что троянская культура до конца осталась бесписьменной.

Ни старые, ни новые раскопки не дали ни одного эпиграфического памятника, относящегося к догреческой эпохе. Этим лишний раз подчеркивается самостоятельное, но ограниченное значение города, тяготевшего в своих связях к странам Южной Европы и малоазийского побережья. Он играл важную роль в материальном обмене этих районов, был крупным торговым и производственным центром, средоточием значительных ценностей и крепостью, господствовавшей над небольшими открытыми поселениями Трояды. Жители города и их воинственные правители, обитавшие в больших мегаполисах, достигли многого в пределах культуры варварства, но не возвысились до цивилизации и государственности Крита, микенских центров или своих ближайших соседей — хеттов.

Л. Ельницкий

Пленум Ленинградского отделения Института Истории Материальной Культуры, посвященный Северному Причерноморью

В конце апреля 1946 г. в Ленинграде состоялся пленум по изучению материальной культуры древнего Причерноморья, созданный Ленинградским «отделением Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.

Впервые после Отечественной войны было создано широкое научное совещание, на которое прибыли научные работники из разных мест Советского Союза, где ведется исследовательская работа по изучению Причерноморья. В работах пленума принимали участие научные сотрудники Института Истории Материальной Культуры, Государственного Эрмитажа, Государственного Музея Изобразительных искусств им. Пушкина, Государственного Исторического музея, Института Археологии Академии Наук УССР, Одесского Историко-Археологического музея, Харьковского университета, Краснодарского краевого Историко-краеведческого музея, Саратовского университета, Воронежского университета и др.

Открывая пленум, директор Института Истории Материальной Культуры, член-корреспондент Академии Наук СССР А. Д. Удальцов отметил, что настоящий пленум является зародышем большого развития наших работ, когда в освещении одних и тех же вопросов примут участие не только археологи, но и историки, лингвисты, работники искусства, антропологи и т. д.

Далее А. Д. Удальцов говорил, что научные работники должны прежде всего в своей работе иметь в виду историческое выступление перед избирателями нашего вождя и учителя, великого Сталина, который призвал советских ученых не только догнать, но и превзойти достижения зарубежной науки.

Пленум, посвященный изучению древнего Причерноморья, является смотрам тех научных достижений, с которыми выходят сейчас научные учреждения Академии Наук на путь дальнейшей работы.

А. Д. Удальцов выразил уверенность, что ученые сумеют оправдать доверие, оказываемое им нашим великим народом и горячо любимым вождем товарищем Сталиным.

Затем со вступительной речью выступил зав. сектором древнего Причерноморья ЛОИИМК проф. С. И. Ковалев, который сказал, что характерной чертой открываемого пленума является тот широкий отклик, который он получил среди научных работников Союза.

За четыре года войны научные связи были насильственно разорваны, археологическая работа почти прекратилась. Археологические памятники значительно пострадали как в результате военных действий, так и, в особенности, как прямой объект гра-

бежей и разрушений, причиненных фашистскими захватчиками. Поэтому понятен тот интерес, который вызвал у археологов этот пленум.

«С той точки зрения, с которой мы подходим сейчас к истории Причерноморья, раскрывая ее как рассадник культуры, очаг древнейшего влияния на историю нашего государства, т. е. с точки зрения славянской культуры, античный период является центральным».

В связи с этим ближайшей задачей советских археологов, указывает С. И. Ковалев, является раскрытие до конца значения Ольвии, Пантикапея, Херсонеса, изучение и более мелких полисов смешанного (греко-варварского) типа и одновременное изучение аналогичных центров Западного и Южного Причерноморья.

С большим итоговым докладом «Изучение античных городов Северного Причерноморья в Советский период» выступил на первом заседании пленума ст. научный сотрудник ЛОИИМК В. Ф. Гайдукевич. В его докладе подведен итог многолетней раскопной деятельности, давшей ценные открытия в области изучения древнего Причерноморья.

Одновременно В. Ф. Гайдукевич отметил принципиально новое в археологических исследованиях по сравнению с дореволюционным периодом: широкий исторический подход к памятникам причерноморской античной культуры позволил рассматривать их не только как проявление исторического процесса античного греко-римского мира, но и как явления, органически связанные с историей народов, населявших наш юг в античную эпоху.

Исследования античных городов проводились в тесной связи с исследованием местной скифо-сарматской среды, которая не являлась «пассивным» окружением городов, но «активно участвовала в образовании того варианта античной культуры, который мы именуем греко-скифо-сарматским». Этим объясняется то, что в сферу исследования вовлечены многочисленные поселения как на Керченском и Таманском полуостровах, так и в Прикубанье, в низовьях Дона, в западной и центральной части Крыма, в окрестностях Ольвии и т. п.

«Греческие города уже выступают не изолированными «светочами культуры», а лишь крупными центрами обширных районов, заселенных местными племенами, хотя и подвергавшимися в той или иной мере эллинизации, но сохранивших в основе свою самобытную культуру. Культурное взаимодействие между греческими городами и коренным местным населением — это одна из важнейших проблем, занимающая советских исследователей».

Далее В. Ф. Гайдукевич обрисовал перспективы дальнейшей работы по изучению древнего Причерноморья и наметил следующие задачи:

1. Составление исчерпывающей археологической карты районов основных античных городов.
2. Продолжение раскопок в ранее начатых пунктах и введение в круг исследования новых археологических объектов. Особенно при этом надо обратить внимание на те памятники, в которых может быть вскрыт стык греческой колонизации с догреческой культурой местного населения. Систематически вести работы на Кубани, возобновить работы на Дону, на Гераклеяском полуострове, в Центральном и южном Крыму, в окрестностях Ольвии.
3. Организовать археологические базы АН СССР в Херсонесе и Керчи.
4. Систематически созывать пленумы и конференции исследователей античного Причерноморья для координации работ и создания крупных коллективных экспедиций.
5. Ускорить издание материалов археологических экспедиций советского периода и систематически публиковать археологические материалы по истории античной культуры Причерноморья.

Значительное место в повестке дня пленума заняли доклады, связанные с изучением взаимоотношений греческих колоний и местного населения причерноморских степей, и доклады, посвященные выяснению роли скифской среды в формировании истории и культуры Причерноморья.

В этой связи огромный интерес представляет период, предшествовавший античной

колонизации, так как понять процесс греческой колонизации возможно не только на основании изучения исторической обстановки в греческой метрополии, но, в равной мере, на основании изучения истории и культуры местных племен Северного Причерноморья.

Это положение было высказано и развито в докладе ст. научн. сотр. ЛОИИМК А. А. Иессена «Причерноморье накануне античной колонизации».

Автор указал, что археологический материал позволяет говорить об интенсивных межплеменных сношениях в Северном Причерноморье еще в III тысячелетии до н. э.

В докладе А. А. Иессена был собран большой археологический материал, иллюстрирующий проникновение изделий из Передней Азии через Кавказ в район Кубани и из западной Малой Азии, Эгейского бассейна и с Балканского полуострова на правобережную Украину еще в конце III—начале II тысячелетия до н. э. Эти связи прослеживаются и в I тысячелетии до н. э.

В это же время прослеживаются связи восточных районов с кавказскими производственными центрами.

Новые условия для развития межплеменного обмена, как устанавливает автор, складываются в Северном Причерноморье к VII в. до н. э. В это время наблюдается резкий рост импорта изделий южного происхождения.

Возникновение ряда греческих колоний, в том числе и Ольвии, является дальнейшим результатом сношений местных племен с греками в VI в. до н. э.

На основании изучения археологического материала, рисующего связи Причерноморья с югом, А. А. Иессен делает чрезвычайно важный вывод, что «Греческая колонизация явилась результатом длительно развивающихся—в течение не менее 1500 лет—сношений Северного Причерноморья с южными странами. Сношения эти развивались параллельно как по юго-западному направлению, с эгейско-малоазийскими странами, так и по юго-восточному, через Кавказ со странами Передней Азии. Лишь с возникновением постоянных греческих городов сношения и связи с греками оттесняют на второй план, но не обрывают, связи с юго-востоком».

В докладе ст. научн. сотр. ЛОИИМК проф. М. И. Артамонова «Местное население Северного Причерноморья в античную эпоху» подвергся исследованию последующий период в истории юга СССР.

Автор считает возможным уточнить сведения, даваемые Геродотом о племенах Скифии, сопоставляя их с археологическими данными и руководствуясь наиболее устойчивым этнографическим признаком — обрядом погребения.

Скифы царские, сайи или ксайи, распространялись по обе стороны Днестра, доходя на востоке до Дона. Им принадлежат камерные могилы (катакомбы) степного нижнего Поднепровья.

Лесостепная часть левобережной Украины была заселена оседлыми земледельческими племенами. Скифы-земледельцы — «борисфениты» располагались в долине Нижнего Днестра. Им принадлежит Белозерское городище и прилегающий к нему курганный могильник.

Каллипиды, или миксэллины, жившие в окрестностях Ольвии, представляли собой, по мнению автора, эллинизированных варваров, выходцев из разных племен. Этим объясняется разнообразие типов туземных погребений ольвийского некрополя.

Район Среднего Побужья, до Днестра, связывается с алазонами, для погребальных обрядов которых характерно трупосожжение в грушевидных ямах. Повидимому, им принадлежат и подземные жилища типа ям, которые открыты в Варваровском городище и на Березани.

На Среднем и Верхнем Днестре, до верховьев Ю. Буга, Прута и до Карпатских гор, распространились значительные оседлые племена «паралать», или скифы-пахари. Им принадлежат подольские скифские курганы.

«Все вышеперечисленные племена, — говорит далее М. И. Артамонов, — составляли собственно скифов. О единстве их происхождения, да еще в Азии, не может быть и речи. Это различные этнографические образования, по всей вероятности, объединенные в союз под главенством скифов».

Рассмотрев далее не-скифские племена Геродота, М. И. Артамонов в заключение делает вывод, что «земледельческая часть Скифии, включая будинов, сыграла важную роль в формировании восточного славянства».

В докладе «Погребения скифского типа в Ольвийском некрополе» ст. научн. сотр. ЛОИИМК С. И. Капошина установила, что ольвийские погребения распадаются на ряд групп. Еще в отчете о раскопках за 1901 г. Б. В. Фармаковский установил здесь три главные типа могил: 1) простые грунтовые могилы, 2) земляные подбойные могилы и 3) склепы с дромосами.

Но, помимо могил вышеуказанного типа, в ольвийском некрополе открыты: 1) овальные или округлые и суживающиеся книзу ямы, 2) погребения в амфорах, 3) погребения в керамических саркофагах, 4) каменные склепы, 5) гробницы, сложенные из отесанных каменных плит.

Последующие раскопки ольвийского некрополя позволяют установить, что простые грунтовые могилы далеко не однородны по своему устройству и могут быть сведены в несколько групп.

Некоторые типы грунтовых могил ольвийского некрополя сходны с могилами скифских курганов. Грунтовые могилы с деревянными перекрытиями или деревянными срубами близки могилам подобной конструкции у земледельческих племен скифского Приднепровья.

Грунтовые могилы с земляным ложем на дне сближаются с погребениями скифских курганов в Крымской степи.

Грунтовые могилы, обложенные и покрытые камнем, особенно засыпанные камнями могилы могут быть сопоставлены со скифскими курганами на Днестре.

Ольвийские подбойные могилы чрезвычайно близки подбойным могилам Белозерки и Марицина. Катакомбная форма погребения известна издревле у местного населения Северного Причерноморья и восходит к эпохе бронзы. В скифское время подбойные могилы принадлежали кочевым племенам.

Ольвийские земляные склепы, развившиеся из простых форм катакомбных могил, находят аналогии в курганных погребениях кочевников Приднепровья.

Большое разнообразие форм устройства грунтовых могил, близость некоторых из них погребениям, открытым в скифских могильниках, позволяют считать, что в состав населения Ольвии уже со второй половины VI в. входили представители различных скифских племен. В древнейшие времена это были представители земледельческих племен, а позднее, с V в. до н. э., и кочевых.

Изучению обряда тризны в курганах Боспора был посвящен доклад научн. сотр. ЛОИИМК Е. Г. Кастанаян «Следы тризны в курганах Боспора».

Характерный для курганных погребений Боспора обряд тризны обнаружен во многих курганах на Керченском и Таманском полуостровах и на Кубани; большей частью этот обряд известен в курганах V—IV вв. до н. э., встречен он и в памятниках архаической эпохи (Темир-гора) и в позднеэллинистической Малой Азии.

Обряд тризны в Боспорских курганах близок аналогичному обряду Греции Микенской эпохи, отраженному в эпосе Гомера и представленному в гробницах микенского времени, как, например, в некрополе Паламиды, купольных гробницах, в Димини и др. На Боспоре, благодаря взаимодействию местной и эллинской культур, обряд удержался и получил особое распространение в эпоху эллинизма, приобретя греческие черты.

Научный сотрудник Одесского Историко-Археологического музея, проф. Одесского университета М. Ф. Болтенко выступил с докладом «Догреческая Ольвия — центр каллипидов».

Автор указал, что в настоящее время Ольвия изучается не изолированно от варварского окружения, а на основе догреческой истории ее территории и населения.

После работ Н. Я. Марра и С. А. Жебелева можно считать установленным, — говорит М. Ф. Болтенко, — в Средиземноморской и особенно Малоазийской области нарицательное значение названия $\epsilon\lambda\lambda\iota\alpha$ с вариантом $\epsilon\lambda\lambda\alpha$ ($\epsilon\lambda\lambda\eta$) и $\epsilon\lambda\lambda\alpha\sigma\alpha$ — «город», «поселение».

Автор предполагает, что в догреческом наименовании Ольвия звучало «олпа». Закономерным звуковым вариантом «Олпа» может быть «липа».

Непосредственно соседившие с Ольвией «кал-лип-ид'ы» до сих пор истолковывались с точки зрения греческого языка — «прекрасноконные».

По мнению докладчика, в названии «каллипиды» скрывается элемент «лип», ближе всего стоящий к славянскому леп, лепый, т. е. «прекрасный».

Старшим сыном Таргитая Геродот называет Липо-кшу, в греческой передаче Λιπό-ξαις. Возможно, что в этом имени мы имеем тот же элемент «лип», что и в названии «каллипиды».

В докладе «Березань и Ольвия» научн. сотр. ЛОИИМК А. Н. Карасев подверг критическому пересмотру установившееся в научной литературе последних 15 лет убеждение, что Ольвия возникла только в середине VI в. до н. э., а первым поселением греков в северо-восточной части Черного моря является Березань.

Античная литературная традиция относит основание Ольвии к VII в. до н. э., и пока нет причин подвергать пересмотру эту датировку. Архаический слой Ольвии не раскрыт потому, что он залегает глубоко под мощными строительными остатками более поздних эпох.

Архаические остатки Ольвии следует искать в приречной части, где в 1938 г. на небольшой площади (15 кв. м.) были сделаны находки, относящиеся к первой четверти VI в. до н. э.

Старший научный сотрудник Института Истории Академии Наук Д. П. Калистов выступил с докладом «К вопросу о социальном и экономическом облике Боспорских городов V—IV вв. до н. э.».

Эпиграфические тексты времени первых Спартакидов и другие данные об исторической роли городов V—IV вв. до н. э. дают основание для вывода о сохранении боспорскими городами на протяжении этого времени облика, типичного для эллинских полисов.

Этот вывод, по мнению автора, совпадает с данными, основанными на археологическом материале, например, на преобладании импортной керамики, сохранении греческой традиции в местном искусстве и других явлениях материальной культуры.

Тематика докладов пленума была расширена выходом за рамки изучения Северного Причерноморья. Южному Причерноморью был посвящен доклад ст. научн. сотр. ЛОИИМК проф. М. И. Максимовой «Архаический комплекс из Ак-Алана и основание Амиса».

По характеру стены своеобразной кладки, которой была обнесена верхушка холма Ак-Алана, и на основании изучения местной древней керамики установлен факт существования здесь догреческого поселения. Найденные в Ак-Алане архитектурные терракоты являются кровельными черепицами и облицовочными плитами с рельефными и раскрашенными орнаментами и фигурами. Они сближаются с серией архитектурных терракот из Малой Азии и Эолии, в особенности с архитектурными терракотами, украшавшими храмы Неандрии, Ларисы, Гордиона, Сард.

Указанные памятники Ак-Алана датируются концом VII — началом VI вв. до н. э. Здания в Ак-Алане, украшенные архитектурными терракотами, могли быть построены жителями Амиса.

В заключение М. И. Максимова пришла к выводу, что по изучаемым памятникам дату основания Амиса следует отодвинуть к концу VII или началу VI вв. до н. э., чем подтверждается правильность свидетельств псевдо-Скимна о фокейцах как первых греческих поселенцах этого города.

Важное значение было придано на пленуме технике ведения полевых археологических работ.

Со специальным докладом «Приемы раскопок античных городов» выступил ст. научн. сотр. ИИМК проф. В. Д. Блаватский, давший развернутое описание способов раскопок античных городов.

В заключение докладчик остановился на приемах раскопок некрополей. Автор считает, что необходимо отказаться от обычной системы отчета о раскопках некрополя, который сводится к описанию могил, располагаемых в порядке нумерации, по записям в дневнике. Отчет о раскопках некрополя, как и отчет о раскопках города, должен дать полную картину истории данного участка, не ограниченную описанием одних могил.

Значительное число докладов на состоявшемся пленуме было посвящено итогам полевых археологических исследований, производившихся в годы, непосредственно предшествовавшие Отечественной войне, результаты которых, в связи с войной, не нашли еще отражения в печати, а также итогам полевых археологических работ, вновь начавшихся после победы Советского Союза над Германией.

В 1945 г. уже проведены некоторые археологические экспедиции, связанные с изучением древнего Причерноморья, как, например: Пантикапейская экспедиция проф. В. Д. Блаватского, Тавро-скифская экспедиция ст. научного сотрудника ИИМК П. Н. Шульца; Институтом археологии Украинской Академии Наук производились раскопки в Тире; археологические работы на Кубани начаты Краснодарским музеем уже в 1944 г. и др.

В 1938—1940 гг. при раскопках Тиритак, производившихся Боспорской экспедицией ИИМКА под руководством старшего научного сотрудника В. Ф. Гайдукевича, были открыты два чрезвычайно интересных археологических комплекса. Исследованию их был посвящен доклад В. Ф. Гайдукевича «Два археологических комплекса Тиритак». Автор сообщил, что в Тиритаке были обнаружены остатки здания половины VI в. до н. э., с ценным и разнообразным вещевым материалом, являющиеся первым крупным памятником городской жизни на Боспоре архаического периода.

В 1939—1940 гг. Боспорской экспедиции удалось расследовать значительную часть «дома рыбака» III—IV вв. н. э. с большим количеством находок, по которым оказалось возможным обрисовать бытовую обстановку среднего по своему материальному достатку жителя.

Сопоставляя эти два археологических комплекса, В. Ф. Гайдукевич выявляет различия между положением города в архаический период и в период распада Боспорского государства в III—IV вв. н. э. Автор указывает, что в архаическом комплексе Тиритак преобладает импорт из Ионии. Вещи не ионийского происхождения могли проникнуть через посредство ионийских торговых центров.

Ввоз вещей из Аттики и Коринфа значительно уступает ионийскому импорту.

«Особый интерес, по мнению автора, вызывают терракоты, найденные в архаическом здании. Помимо историко-художественного их значения, они важны как наиболее ранние образцы изображений женского божества в пластике, свидетельствующие о проникновении этого культа, занявшего позднее господствующее положение на Боспоре, одновременно с появлением первых из ионийских колонистов». Некоторые находки в архаическом доме Тиритак позволяют судить о возникновении некоторых отраслей производства (ткачество и гончарное дело) в боспорских колониях еще во второй половине VI в. до н. э. Вызывает интерес и факт раннего проникновения в греческий быт местных «скифских» изделий.

Открытый в Тиритаке «дом рыбака» представляет ряд помещений, сгруппированных вокруг двора. В одном из них была обнаружена культового характера ниша, сохранившая «строительную» жертву.

Занятие владельца определилось большим количеством найденных здесь грузил от рыболовных сетей. Большинство находок представляют вещи, изготовленные на Боспоре; импорт весьма незначителен.

В. Ф. Гайдукевич говорит далее, что на основании изучения этого памятника можно видеть, что «Боспор в период второй половины IV в. н. э. живет в таких условиях, когда питавшая его благосостояние внешняя торговля была подорвана, что экономика Боспора в это время ограничивается рамками внутреннего рынка, слабо связанного с внешним миром».

Итогом работ 1945 г. в столице древнего Боспорского царства Пантикапее был

посвящен доклад проф. В. Д. Блаватского. Докладчик указал, что план работ в Пантикапее летом 1945 г. был продиктован необходимостью обследовать повреждения, нанесенные городу немецкими захватчиками, а также необходимостью уточнить границы заповедника в связи с новой планировкой Керчи.

Экспедиция проф. Блаватского обследовала прорытые немцами траншеи вдоль верхней части горы Митридат, на северном и восточном ее склонах и на южном склоне Долгой скалы. Эти работы дали ценные результаты. На восточном склоне Митридата

были найдены фрагменты ионийской керамики, датируемые первой половиной VI в. до н. э.

Здесь же была обнаружена кладка подпорной стены, относящейся к I в. до н. э., а также интересные архитектурные детали более древнего монументального здания ионийского ордера.

Одновременно раскопками на северном склоне Митридата под Эспланадной улицей было вскрыто семь культурных напластований эллинистического и римского времени. Представляют интерес обнаруженные здесь остатки сооружений хозяйственного характера — зерновых ям.

В 1945 г. были возобновлены раскопки Каменского городища на левом берегу Днепра, о чем сообщил пленуму руководитель экспедиции проф. Б. Н. Граков. Многочисленные находки медных и железных шлаков, льячек, тиглей, различных металлических изделий указывают на то, что Каменское городище было крупным центром скифского металлургического производства. От-

Рис. 4. Протома Деметры из Тиритакки

крыто помещение, носящее характер склада, в котором обильны находки амфор.

Продолжены исследования рвов и валов городища, причем обнаружено, что валы укреплялись сырцовыми кладками.

В течение ряда лет экспедиция Государственного Эрмитажа производила раскопки Нимфея. В результате этих работ было открыто древнее святилище Деметры, о чем сообщил Пленуму старший научный сотрудник отдела античного искусства Государственного Эрмитажа М. М. Худяк в докладе «Святилище Деметры в Нимфее». Изучение строительных остатков святилища позволило установить, что оно несколько раз перестраивалось.

Открытые на краю нижней террасы Нимфея помещения и оградительная его стена полигональной кладки принадлежат древнейшей части святилища. Найденная здесь самосская керамика и формы для терракот позволяют датировать его второй половиной VI в. до н. э.

М. М. Худяк установил, что архаическое святилище было разрушено в результате

пожара, о чем свидетельствуют находки обломков черепицы и калиптеров со следами действия огня.

Выше остатков архаических стен были обнаружены три стены святилища, вновь отстроенного в начале V в. до н. э.

Многочисленные здесь находки аттической керамики и почти полное отсутствие ионийской «подчеркивают, по мнению автора, торговые связи Нимфея с Афинами».

Внутри святилища V в. до н. э. обнаружен большой обломок скалы. Повидимому, здание было разрушено обвалом скалы. Вновь отстроенное третье здание святилища было возведено на некотором расстоянии от места обвала. Находки, сделанные при исследовании третьего святилища, позволяют датировать его второй половиной V и началом IV вв. до н. э.

Найденные в районе святилища—алтарь, жертвенник и культовое помещение за алтарем, как указал автор, говорят о «расширении значения земледельческого культа Деметры», что подтверждается и находками аттической краснофигурной керамики и посвяtitельных терракотовых статуэток. Около середины IV в. до н. э. было возведено последнее, четвертое здание святилища, существовавшее в IV и III вв. до н. э.

Производившимися в 1936—1937 гг. раскопками Херсонеса был открыт древнейший его некрополь. Исследовавший его старший научный сотрудник Отдела античного искусства Государственного Эрмитажа Г. Д. Белов доложил о результатах своих работ в докладе «Некрополь Херсонеса классического периода».

Древнейший некрополь находился на северном берегу Херсонеса и располагался несколькими горизонтами.

Часть погребений сохранилась под площадями, улицами и дворами, часть была разрушена при позднейших строительных работах.

В древнейшем некрополе Херсонеса труположение преобладает, сожжения весьма редки. Распространенной формой погребений являются простые грунтовые могилы, курганы и склепы отсутствуют. Захоронения детей совершались в амфорах. В отношении положения костяков отмечаются две категории погребений. Большую часть—60% всего количества исследованных погребений—представляли захоронения в вытянутом положении, а 40% погребений оказались захоронениями в скорченном положении. В большинстве могил не было найдено никаких вещей, а встречаемый в ряде погребений инвентарь весьма незначителен. По находкам некрополь датируется от конца V в. до н. э. до конца IV в. до н. э.

Открытие значительного количества скорченных погребений указывает на возможность существования на месте Херсонеса догреческого поселения. Материалы некрополя позволяют установить, что в состав населения древнего Херсонеса входили тавры, которым и принадлежат скорченные погребения.

Начавшиеся незадолго до Отечественной войны исследования Тире были продолжены в 1945 г. Работы производил Институт археологии Академии Наук СССР совместно с Измаильским областным краеведческим музеем при участии Молдавского Научно-исследовательского института.

Раскопкам в Тире—Белгороде—Аккермане был посвящен доклад старшего научного сотрудника Института археологии Академии Наук УССР Л. Д. Дмитрова.

Докладчик сообщил, что при раскопках 1945 г. на территории древнего города, в районе современного порта, был выявлен монументальный комплекс строительных остатков, относящихся к трем строительным периодам. Древнейшими являются остатки строительных сооружений I—II вв. н. э., относящиеся к Тире римского времени, а позднейшими — строительные остатки XIV—XV вв. н. э., относящиеся к молдавской Четате Алба и турецкому Аккерману.

При раскопках были найдены многочисленные керамические и металлические изделия, монеты и т. п. Значительное место в работах экспедиции занимала фиксация состояния древних памятников и организация их охраны. С этой целью экспедиция посетила известный в античной литературе остров Белый или Левку-Фидониси (он же Змеинный).

С докладом «Скифо-сарматские городища Прикубанья» выступил научный сотрудник Краснодарского краевого Историко-краеведческого музея Н. В. Анфимов.

Докладчик рассказал о больших работах, производившихся в последнее перед Отечественной войной десятилетие Краснодарским музеем. За эти годы была обследована правая терраса р. Кубани, протяжением около 200 км,—от ст. Марьянской до г. Красопника; обследован также ряд левых притоков р. Кубани и некоторые степные реки на восточном побережье Азовского моря. В результате этих работ было обнаружено более 100 городищ и около 30 могильников. Н. В. Анфимов, руководивший в течение ряда лет исследованиями Прикубанья, установил, что городища располагаются на высоких террасах рек и имеют, как правило, центральную возвышенную часть, окруженную глубоким рвом, имеющим переезд.

К возвышенной части городища прилегает остальная площадь поселения, окруженная, свою очередь, с напольной стороны рвом и валом. Довольно часто перед городищами встречаются отдельно стоящие холмообразные укрепления, служившие своего рода форпостами, прикрывавшими подступы к городищу. На правом берегу р. Кубани такие городища расположены густо, на левом берегу они встречаются реже и меньших размеров.

Грунтовые могильники расположены непосредственно за чертой городища.

Разведывательные раскопки были произведены научными сотрудниками Краснодарского музея на «Усть-Лабинском городище № 3» и «Краснодарском городище на Дубинке».

Эти работы, по мнению докладчика, позволили определить, что Прикубанские городища возникли в VI в. до н. э. и просуществовали до III—IV вв. н. э. Другие поселения образовались в III—II вв. до н. э. Значительный интерес представляют результаты полевых исследований 1937—1938 гг. и 1944—1945 гг., которые позволили впервые установить наличие в Среднем Прикубанье в раннескифский период оседлого населения, занимавшегося земледелием и пастушеским скотоводством.

На основе анализа вещественного материала городищ восточного Приазовья, населенных меотскими племенами, и сравнения этого материала с находками, сделанными на городищах Среднего Прикубанья, Н. В. Анфимов говорит о несомненной тождественности этих обеих групп и делает вывод о том, что Среднее Прикубанье было заселено меотскими племенами.

Государственным Музеем изобразительных искусств и Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР проведена в 1945 г. Тавро-скифская экспедиция под руководством старшего научного сотрудника ИИМК П. Н. Шульца. В докладе «Итоги работ Тавро-скифской экспедиции в 1945 г.» П. Н. Шульц сообщил, что работы этого года были сосредоточены на раскопках Неаполиса скифского и на исследовании прилегающих скифских городищ Кермен-Кыра и Залесья.

В результате полевых исследований 1945 г. окончательно установлено местоположение Неаполиса на восточной окраине Симферополя. Неаполис является в Крыму самым крупным скифским поселением городского типа, возникшим на рубеже IV и III вв. до н. э. и прекратившим свое существование в IV в. н. э.

Раскопками установлено характер системы обороны Неаполиса. Изучение вещественного материала позволило сделать вывод, что «преобладающим населением города на протяжении семи веков его существования были скифы». Большой интерес представляет открытие скифских катакомб со стенными росписями.

За южной стеной Неаполиса на восточном склоне Куэсты были обнаружены погребальные склепы с нишами, в которых по белой известняковой скале были нанесены силуэтно, красной охрой, фигурные изображения и орнаменты.

В этих росписях греческое влияние не обнаруживается; наиболее близкими им по стилю являются «отдельные композиции склепов Сабазиастов в Керчи».

Ряд докладов на пленуме был посвящен памятникам архитектуры и искусства древнего Причерноморья.

Член-корреспондент Академии Наук СССР К. В. Тревер выступила с докладом «К вопросу об античном храме в Гарни».

Археологическое обследование Гарни начато было Н. Я. Марром в 1893 г. Систематические раскопки здесь были проведены Н. Я. Марром при ближайшем сотрудничестве Я. И. Смирнова в 1909—1910 гг. Произведенное тогда исследование памятника позволило восстановить полностью первоначальный вид храма и датировать время его построения I—III вв. н. э.

Учитывая историческую обстановку, способствовавшую возникновению храма, изучая архитектурные и стилистические его особенности, К. В. Тревер датирует построение храма в Гарни первой четвертью II в. н. э. и ставит в связь с аналогичными постройками в Малой Азии.

К. В. Тревер указала, что формы храма Гарни генетически восходят к храмовым постройкам Урарту и на основании анализа его техники и орнаментики считает возможным приписать его строительство местным, армянским, мастерам.

Важное место среди памятников искусства занимает портретная статуя, незадолго перед Отечественной войной найденная в Анапе. Ее изучению посвящена специальная работа старшего научного сотрудника ИИМК М. М. Кобылиной, которая в докладе «Анапская статуя и боспорский портрет» поделилась итогами своей работы.

Статуя, найденная в Анапе, судя по находившейся при ней надписи, является портретом правителя Горгиипии Неокла, сына Геродора. Анализируя технику исполнения и стиль, М. М. Кобылина датирует статую концом II в. н. э.

Изучая особенности этого памятника, М. М. Кобылина делает вывод, что, при наличии греко-римских черт, статуя отличается своеобразием этнографического типа, деталей костюма и прически, своеобразием стиля и «исполнена под сильным воздействием местного искусства, представление о котором дают многочисленные керченские надгробия и портретные изображения».

Большой интерес вызвал доклад зав. Отделом античного искусства Государственного Эрмитажа проф. А. А. Передольской «О сюжетах некоторых терракот из кургана «Большая Ближница». Детальному анализу подвергла проф. А. А. Передольская три терракотовые статуэтки из кургана «Большая Ближница».

Сюжет статуэтки сидящей женщины, прижимающей к груди скифос, трактуется ею либо как изображение самой богини Деметры, либо женщины, посвящаемой в мистерии; А. А. Передольская установила несомненную связь статуэтки с культом божества плодородия.

С древним обрядом земледельческого культа связывается и группа мужчины и женщины на ложе. А. А. Передольская с полной убедительностью доказала, что здесь мы имеем сцену *ἱερός γάμος*.

Третью статуэтку—нагой женщины, сидящей с фаллом в руке, автор рассматривает также как ритуальную и видит в ней воспроизведение какого-то древнего магического обряда, связанного с земледельческим культом. Культовый, а не жанровый или «карикатурный» характер терракотовых статуэток из кургана «Большая Ближница» подтверждается тем, что они найдены в погребении знатной женщины Боспора, по мнению автора, принадлежащей к роду, связанному с культом элевсинской Деметры.

Многочисленные находки терракот в Мирмекии и Тиритаке, сделанные за время раскопок с 1933 по 1940 г., являются ценным источником для истории художественного производства классической древности. 203 терракоты из Мирмекии и 77 из Тиритаки были исследованы научным сотрудником ЛОИИМК М. А. Наливкиной в работе «Терракоты Мирмекии и Тиритаки», доложенной на пленуме.

М. А. Наливкина разделила весь имеющийся материал на две группы: привозную и местную. Вместе с тем она установила, что среди этих терракот имеются отдельные экземпляры, изготовленные из местной боспорской глины по импортным формам. Наиболее ранние образцы привозной коряпластики близко стоят к изделиям большой и малой пластики ионийских художественных центров VI в. до н. э. Находки терракот, сделанные в эллинистическом и римском слоях, также примыкают к малоазийским художественным изделиям. Сюда относятся протомы, женские задрапированные фигуры, обломок статуэтки актера, изображения Кибелы, Афродиты с Эротом, Эрота и Психеи и некоторые жанровые фигурки. Изделия местных боспорских мастеров преобладают в римских слоях Мирмекии и Тиритаки.

Высокохудожественными образцами являются голова Пана-силена и голова Афродиты, найденные в культурном слое, перекрывающем одно из помещений в Мирмекии; они сближаются с александрийским и малоазийским художественным кругом.

Исследованию памятников греческого искусства эпохи расцвета, происходящих из скифских погребальных сооружений, был посвящен доклад старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. П. Манцевич «Некоторые предметы из кургана Солоха».

Н. П. Манцевич указывает, что в золотом гребне из Солохи наблюдается сочетание местной скифской формы с греческим изображением варваров. Это можно наблюдать и на других памятниках Северного Причерноморья, например на серебряной вазе из Чертомлыцкого кургана или на электровой чаше из Куль-Обы. Распространенным

Рис. 2. Головка Афродиты из Мирмекии

предметом греческого быта является фиала. Этот сосуд редко встречается в Западном Причерноморье, но в Северном Причерноморье эта форма представлена роскошными экземплярами из золота и серебра.

Интересно предположение Н. П. Манцевич, что гребень Солохи и чаша Куль-Оба, чуждые чисто греческому укладу и рассчитанные на эллинизированную варварскую среду, могли быть созданы в обстановке двора Архелая или подобного ему династа.

Эти памятники высокой художественной ценности должны быть созданы выдающимися мастерами-торевтами. По мнению автора, наиболее вероятным может явиться имя Миса, мастера, изготовившего хрисоэлефантинный щит статуи Афины.

Исследование эпиграфических памятников нашло свое отражение в трех докладах.

Старший научный сотрудник ЛОИИМК Е. И. Леви в докладе «Херсонесский декрет в честь Юлия Сатира» доказала, что декрет в честь Юлия Сатира херсонесцы издали за заслуги, которые оказал Херсонесу Сатир в его ходатайстве перед сенатом и Цезарем.

Примыкая к мнению Ростовцева («Цезарь и Херсонес») относительно личности Сатира, автор заключает, что хлопоты Сатира за Херсонес начались еще в 50 г. до н. э., но, что он мог заручиться лишь обещанием Цезаря, которое было осуществлено при Августе. В связи с этим получает объяснение вопрос, почему Херсонес, получив свободу в 46 г. до н. э., начинает собственную эру с 25 г. до н. э.

Аспирант ЛОИИМК М. М. Кубланов сообщил об исследовании им надписи в честь ольвиополита Анаксагора в докладе «К вопросу об ольвийских агонах». Надпись не имеет аналогий ни в эпиграфике Причерноморья, ни в античной эпиграфике. Исследование надписи позволило высказать предположение, что в Ольвии существовали государственные агоны в конце V — начале IV вв. до н. э. Известность ольвийских агонов далеко за пределами Ольвии следует сопоставить с надписью IV в. до н. э. с о. Левки, на основании которой можно заключить, что Ольвия играла первенствующую роль на священном острове Ахилла. Ольвийские агоны, посвященные Ахиллу, были, по мнению автора, связаны с внешнеполитическими стремлениями Ольвии.

Проф. Харьковского университета С. А. Семенов-Зусер в докладе «Некоторые новые эпиграфические данные о Херсонесе» сообщил, что в фондах музея Харьковского государственного университета накануне Отечественной войны была обнаружена плита с греческой надписью, устанавливающей наличие рыбного рынка в Херсонесе. Надпись подверглась тщательному изучению и в переводе проф. С. А. Семенова-Зусера гласит:

«С добрым счастьем

Теаген сын Диогена

Исполнявший должность агораномы из собственных
средств построил рынок для продажи рыбы
при жреце Дио...

сыне Филадельфа».

Надпись датируется первой половиной II в. н. э.

Изучению нумизматического материала был посвящен доклад ст. научн. сотрудн. Музея изобразительных искусств Л. П. Харко «Монетная иконография Афродиты Боспорской».

Со времени Августа появляется на монетах Пантикапея и Фанагории изображение женского божества, которое отождествляется с Афродитой Уранией или Апатурой.

Образ Афродиты на боспорских монетах представлен в двух видах: 1) бюста и 2) сидящей фигуры. На монетах второго типа (с сидящей фигурой) изображается культовая статуя Афродиты, установленная в одном из ее боспорских святилищ.

Раскопки Фанагории за 1936—1940 гг. дали много фрагментов амфор, подвергшихся изучению И. Б. Зеест, результаты которого были сообщены пленуму в докладе «Фанагорийские амфоры». И. Б. Зеест установила, что в архаический период в фанагории преобладают амфоры хисского происхождения, в V в. до н. э. представлены малоазийские центры. С IV в. до н. э. появляются боспорские амфоры. Для эллинистического времени характерен импорт амфор с Родоса и Фазоса. Обильно представлены амфоры Гераклеи и Синопы, причем последние появляются только в IV—II вв. до н. э. Значительно меньше амфор, происходящих с Коса, Пароса и Книда, и совсем не встречено херсонесских.

Заключительное заседание пленума было посвящено докладам, устанавливающим преемственность античного наследия в последующие исторические эпохи.

Алано-гуннские основы культурного подъема Керчи на рубеже IV—V вв. н. э. были освещены интересным материалом, сообщенным ст. научн. сотр. Государственного Эрмитажа проф. Л. А. Мацулевичем. Автор обрисовал широкие культурно-исторические связи, установившиеся на рубеже IV—V ст. н. э. на пространстве степей Восточной Европы и Азии. Значительная роль в этих связях принадлежала аланскому миру.

Докторант ЛОИИМК Е. Ч. Скржинская в докладе «Генуэзские памятники в Крыму» сообщила об истории Феодосии, Судака и Балаклавы в период возникновения в Крыму генуэзских торговых факторий.

С тремя главными генуэзскими поселениями связываются и некоторые памятники на побережье.

Проблеме самостоятельной художественной жизни домонгольской Руси был посвящен доклад ст. научн. сотр. ЛОИИМК проф. М. К. Каргера «Эллинистические традиции в древнерусской живописи». Значительная группа памятников X—XII вв. монументальной и станковой живописи, сообщил автор, характеризуется чертами портретного реализма, наполнены внутренней динамикой. К ним относятся древнейшие памятни-

ни домонгольского искусства — фрагменты Десятинной церкви (X в.), часть фресок Киевской Софии (XI в.), мозаика фрески Черниговского Спаса (XI в.), Михайловского златоверхого монастыря (кон. XI в.), икона Владимирской Богоматери, фрески Дмитровского собора во Владимире, Ярославская оранта, ангел «Златые власы», Деисус из московского Успенского собора и др.

Все эти памятники, устанавливает автор, в различной степени отражают связи искусства древней Руси с эллинистической традицией, никогда не умиравшей в византийском искусстве.

Рис. 3. Терракотовая статуэтка сидящей богини из архайического комплекса Тиритаки.

Это направление в русской живописи было вызвано «своеобразием древнейшего периода русского христианства, не порвавшего еще связи со старыми языческими представлениями и не воспринявшего аскетических идеалов официальной греческой церковной идеологии».

Закрывая заключительное заседание пленума, зам. директора ИИМК П. Н. Третьяков отметил важное значение и положительную роль прошедшего пленума в жизни ЛОИИМК. Пленум показал, сказал П. Н. Третьяков, что научная работа в области изучения древнего Причерноморья ведется по путям, указанным Н. Я. Марром и С. А. Жебелевым. Причерноморские города изучаются в тесной связи с историей местного населения.

Пленум привлек еще раз внимание научной общественности к скифской проблеме, подчеркнув необходимость дальнейшего изучения скифов, сыгравших огромную роль в Восточной Европе.

Наконец, на настоящем пленуме нашла свое отражение проблема наследства, полученного славянством от античности.

В прениях по докладам выступали акад. В. В. Струве, член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов, проф. Б. Н. Граков и др.

В ЛОИИМК к пленуму была открыта выставка материалов полевых археологических исследований. На выставке были отражены раскопки последних лет в Тиритане, Мирмекии, Ольвии, Неаполисе и других местах, иллюстрированные чертежами и фото-снимками.

На выставке были представлены также вещи, добытые из раскопок.

С. П. Капошина

Сессия Ученого Совета Института Истории Материальной Культуры имени Н. Я. Марра, посвященная 50-летию юбилею с начала раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским

11 и 12 апреля 1946 г. в Москве в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра происходила сессия Ученого совета института, посвященная 50-летию юбилею с начала раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским.

На сессии присутствовали: представители Ленинградского отделения ИИМК, Института истории и Института истории искусств АН СССР, Московского университета, Академии архитектуры СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и других научных организаций.

Первое заседание было посвящено научной деятельности Б. В. Фармаковского.

Доклад «Б. В. Фармаковский—исследователь античной культуры» сделал профессор, доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский. Он отметил значение археологических раскопок, проведенных Фармаковским в Ольвии, начиная с 1896 г. В результате этих работ Ольвия оказалась, и до сего времени остается, исследованной лучше, чем какой-либо иной античный город на территории СССР. Раскопки Б. В. Фармаковского раскрыли полную картину истории Ольвии, возникшей еще в VII в. до н. э. и просуществовавшей до начала средневековья. Были установлены границы древнего города в разные периоды его истории. Раскопки Б. В. Фармаковского вскрыли оборонительные сооружения Ольвии; общественные здания, жилые дома, многочисленные могилы, иной раз представляющие монументальные склепы; разнообразные предметы бытового обихода и памятники искусства дополнили яркую картину жизни древнего города. Успех, выпавший на долю ольвийских раскопок, неразрывно связан с выработанными приемами археологического исследования. В силу этого Ольвия стала школой для наших археологов—специалистов по античному миру.

Не меньшие заслуги Б. В. Фармаковского в области истории античного искусства: интересы его в этой области были очень широки и разнообразны. В своих печатных трудах Б. В. Фармаковский касался архитектуры, скульптуры, живописи, ваз, ювелирных изделий и проч. При этом он всегда изучал различные разделы античного искусства не как изолированные одно от другого явления, а в тесном взаимодействии их между собой и в связи с общим развитием античной культуры. Исключительно велика роль Б. В. Фармаковского в исследовании истории античной культуры Северного Причерноморья.

В докладе «Б. В. Фармаковский как исследователь античного искусства» доктор искусствоведческих наук М. М. Кобылина отмечает, что основным методом исследований Б. В. Фармаковского было изучение искусства в его исторической перспективе, в его взаимодействии со всем комплексом современной ему античной культуры. Этот метод

позволял Б.В.Фармаковскому даже в небольших работах, где он давал атрибуции отдельным памятникам античного искусства, ставить вопрос о культурных влияниях и связях между народами древности.

Доклад «Б.В.Фармаковский и исследование восточного искусства» сделал доктор искусствоведческих наук В. В. Павлов.

В вводной части своего доклада В. В. Павлов отметил, что Б. В. Фармаковский, чуждаясь чисто формального и атрибуционного методов, зарождавшихся в то время, остался навсегда сторонником историко-культурного метода, основанного на широком использовании данных искусства, материальной культуры и языка. Именно подобный метод и позволил Б.В.Фармаковскому притти к тем широким и глубоким выводам, которые сделаны им в его исследовании об «Архаическом периоде на юге России».

Основная часть доклада была посвящена суждениям Б.В. Фармаковского об египетской культуре и искусстве, материалы которого, относящиеся главным образом к архаической эпохе и к периоду позднего Египта, Б.В.Фармаковский часто привлекал в своих работах. Докладчик считает, что в известной мере Б.В. Фармаковский положил начало той линии науки, которая ставила своей целью установление взаимосвязи южнорусских и кавказских древностей с египетской культурой.

На следующем заседании, 12 апреля, были заслушаны доклады, показывающие, как последователи Б. В. Фармаковского уже после его смерти разрабатывают поставленные им проблемы.

Профессор, доктор исторических наук Б. Н. Граков прочел доклад «Об одном из ремесел Скифии — о кузнечном и литейном мастерстве».

Докладчик, пользуясь главным образом материалами археологических раскопок, но привлекая также свидетельства письменных источников, показывает высокий уровень металлургического мастерства у скифов.

Раскопки скифских погребений свидетельствуют о том, что железо появилось еще в раннекиммерийское время, но бронзу оно вытеснило только в чисто скифскую эпоху. Внедрению железных изделий в обиход скифов способствовали переднеазиатские походы VII в. до н. э.

Наличие местной выплавки руды у скифов неоспоримо доказывается раскопками Каменского и Белского городищ, где найдено много металлургического брака и шлака. Каменское городище было поселением металлургов, для которых источником руды был Криворожский бассейн. Раскопанные жилища металлургов, очень большие по своим размерам (до 160 м²), позволяют предположить, что многочисленная семья, обитавшая в таком доме, сосредоточила в своих руках все процессы труда: плавку, литье и ковку. В этих жилищах найдены горны и ямы с древесным углем. Вероятно, горнорабочие были одновременно и плавильщиками и гончарами.

Раскопки дают возможность проследить скифскую технику плавки и литья. Изделия скифов-металлургов служили товаром для обмена и шли главным образом в степь. Греки же северных городов Причерноморья, хотя и торговали с жителями Каменского городища, о чем свидетельствуют многочисленные находки греческой керамики, особенно фрагментов амфор, ковали металл сами.

Доклад А. Н. Карасева «Оборонительные сооружения Ольвии» подводит итоги многолетним археологическим исследованиям городских стен и рвов Ольвии. Докладчик дает новый материал по древней топографии Ольвии. Он опровергает существовавшее до сих пор мнение о наличии рва, окружавшего городище. Время основания Ольвии А. Н. Карасев, вслед за Б. В. Фармаковским, относит к середине VII в. до н. э. Он считает, что древнейший архаический город VI в. до н. э. оборонительных стен не имел. Но не исключена возможность, что архаический город был все же огражден от окружающего пространства невысокой оградой, тянувшейся между стенами домов, стоявших на окраине. Следы оборонительных стен и башен V в. до н. э., о которых рассказывает Геродот (IV, 78—79), до сих пор не найдены. Остатки стен, окружавших в IV в. до н. э. город, обнаружены раскопками в северной части верхнего плато. Рельеф местности позволяет проследить направление этих стен. Линия городских стен эллинистической Ольвии может быть хорошо прослежена, и протяженность ее, вероятно, достигает 2850 м. Вспомогательными видами оборонительных заграждений служили глу-

бокие балки, в некоторых случаях специально углубленные, и рвы. Западные стены города на протяжении 550 м были защищены Заячьей балкой, искусственно углубленной, так же как и балка, защищавшая северные стены. В районе северо-западного угла городских стен была сооружена искусственная водная преграда, длиной около 600 м и шириной 100 м. После готского нашествия Ольвия была окружена новой линией городских стен, протяженностью до 1600 м. Во II в. н. э. римляне соорудили новые мощные стены цитадели, направление которых полностью зависело от рельефа местности.

Последний доклад П. Н. Шульца «О киммерийских каменных изваяниях» выделяет ряд известных ранее по различным раскопкам каменных памятников в группу киммерийской скульптуры. Сюда он относит мужское и женское изваяния середины V века до н. э., найденные в Тиритаке, где они были использованы как строительные материалы¹. По времени этим изваяниям, повидимому, предшествуют антропоморфные стелы из Белогрудовки², открытые в 1915 и 1922 гг. Они датируются 1-й четвертью I тысячелетия до н. э. Детали изваяния даны не только плоским рельефом, но и гравировкой. Еще более ранними, протокиммерийскими, являются изваяния из Белозерских курганов (раскоп Скадовского)³. Они датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.

В 1926 г. в Хамангии⁴ (Румыния) найдено известняковое изваяние, относящееся к последней четверти II тысячелетия до н. э. Графические изображения, высеченные на спине этого изваяния, заставляют отнести его к тому же типу, что и симферопольскую плиту⁵, а также предшествующую ей усовскую плиту, относящуюся к третьей четверти II тысячелетия до н. э.

К группе белозерских изваяний примыкает и, вероятно, предшествует им изваяние из Черли (Румыния)⁶. Чрезвычайно интересным фактом является сходство этих изваяний с двумя стелами, найденными в склепе Дендры (Аргосская долина). Можно предположить, что в XIV—XIII вв. до н. э. эти памятники или им подобные были занесены с севера из области киммерийцев на Балканский полуостров. Косвенные данные в пользу такой возможности дают имеющиеся у греков сказания, дошедшие до нас через Еврипида и Лукиана, об Оресте и ПилADE, похитивших ксоан из Тавриды. Об изваянии таврической девы свидетельствует и Павсаний, упоминающий о ксоане, похищенном Орестом и Ифигенией.

В конце доклада П. Н. Шульц подчеркивает близость киммерийских изваяний с каменными стелами древнейших славян (изваяние из Бытога).

Выступавшие в прениях отметили высокий уровень прочитанных на сессии докладов. Выступивший по докладу Б. Н. Гракова С. В. Киселев выдвинул предположение о наличии связей синопско-трапезундского района с металлургией юга СССР.

Вызвал возражения тезис П. Н. Шульца о киммерийском происхождении изваяний, найденных в склепе Дендры. Было высказано предположение, что примитивизм этих изваяний надо связать с традициями статичной культовой скульптуры. Миф о похищении ксоана Артемиды Таврической сложился в более позднюю эпоху. Во всяком случае сходные элементы изваяний юга СССР и юга Балканского полуострова надо искать в каких-то органических связях, существовавших в древнейшие времена между этими областями, а не объяснять их только экспортом.

В заключительном слове С. В. Киселев, отметив большое значение работ Б. В. Фармаковского для развития русской археологии, подчеркнул, что советские археологи успешно разрабатывают и развивают поставленные им проблемы.

И. Т. Кругликова

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР», № 4, стр. 39.

² «Записки Всеукраинского археологического комитета», вып. Укр. АН СССР, 1931, Киев.

³ Труды VIII археологического съезда в Москве, т. III.

⁴ «Дасия», 1926, Bucaresti, т. II.

⁵ Е. С. А., т. II.

⁶ «Дасия» т. II.

Памяти В. А. Городцова

2 февраля 1945 г. на 85 году жизни умер старейший русский археолог, профессор, заслуженный деятель науки, доктор археологии, Василий Алексеевич Городцов. Ушла крупная научная сила. Прекратилась полувековая, исключительно плодотворная деятельность талантливого русского ученого, чье имя долгое время было наиболее популярным в историко-археологических и музейных кругах нашей страны и за границей.

В. А. Городцов—выдающийся ученый, учитель нескольких поколений русских археологов. Круг его научных интересов был настолько широк, а обильный запас прочных знаний настолько фундаментален, что археологи различных специальностей находили в лице Василия Алексеевича своего научного руководителя. Им подготовлены десятки специалистов, многие из которых в настоящее время занимают ведущее место в разработке отечественной археологии.

Родился В. А. Городцов 11/24 марта 1860 года в селе Дубровичах бывш. Рязанской губ. на Оке. Свою научно-исследовательскую деятельность Городцов начал с краеведческого обследования родного края. В 1888 г. близ Рязани им были открыты и исследованы Окские дюнные неолитические стоянки и собраны коллекции каменных орудий. С тех пор почти шесть десятилетий были отданы Василием Алексеевичем бескорыстному служению науке. Выйдя из среды «разночинцев», В. А. Городцов, благодаря только своим личным качествам—бесспорной талантливости, трудолюбию и неиссякаемой энергии сумел и в условиях дореволюционной России пробиться на научную работу. С 1880 по 1906 г., состоя еще на военной службе, он в то же время сотрудничает в ряде научных обществ и организаций: Рязанской ученой архивной комиссии (1891—1892), Ярославской ученой архивной комиссии (1898—1899), Историческом музее в Москве с 1903 года. По выходе в отставку с военной службы В. А. Городцов перешел на постоянную работу в Государственный исторический музей, в котором работал до 1929 года.

С именем В. А. Городцова связано расширение и коренная реэкспозиция археологических зал Государственного исторического музея, где Василий Алексеевич около 30 лет являлся одним из руководящих работников. Колоссальные, ранее разобщенные собрания различного археологического материала, пройдя через его руки, были обработаны, приведены в научную систему и выставлены в залах Музея. При его самом непосредственном участии были изданы «Путеводители» по Государственному историческому музею (1921—1923 гг.).

Сложившись как ученый в период расцвета естественных наук, В. А. Городцов всегда проявлял глубокий интерес к естественно-историческим дисциплинам, особенно к геологии. В самом конце прошлого столетия он провел весьма важные геологические наблюдения четвертичных отложений, в особенности Окских дюн и террас. Его живо интересовали верхнеюрские образования в окрестностях города Ярославля (см. «Ежегодник по геологии и минералогии», т. II, вып. 2, Варшава, 1897 г.), вопросы роста и убыли чернозема в южнорусских степях («Труды Ярославского естественно-исторического общества», т. I, 1902 г.) и др. В 1928 г. он печатает интересную статью «К вопросу об установлении натурального масштаба времени по аллювиальным отложениям в долинах рек Окской системы» («Труды Секции археологии и искусствоведения РАНИОНа, т. II, 1928 г.»). Всего им написано более десятка статей по геологическим вопросам.

Но, конечно, наиболее глубокий след оставили исследования Василия Алексеевича в изучении ранних периодов истории нашей родины. Его творческий вклад в отечественную археологию велик и многообразен. Его имя, как ничье другое, органически связано с развитием археологических знаний в нашей стране.

Когда узнаешь, что даже в преклонных годах Василий Алексеевич работал по 10—14 часов в сутки, классифицируя огромные собрания каменных орудий Тимоновской палеолитической стоянки, нельзя не поражаться его исключительной работоспособности и преданности делу. Это только один из примеров его беззаветного служения науке.

Впервые выступив на научном поприще еще на заре развития археологических знаний в старой России, в период, когда археология находилась всецело в руках сановных дилетантов и не выходила за пределы простого любительства и коллекционерства, Василий Алексеевич очень скоро проявил себя работником, стоящим на твердой научной базе. Будучи первоклассным археологом, он никогда не был чистым эмпириком, всегда проявлял склонность к широким историческим обобщениям.

В. А. Городцов, как никто другой, способствовал превращению археологии из собирательства в настоящую науку. Он обладал подлинно научной интуицией, что обычно отмечает творчески одаренных исследователей. Давно признав научное значение массового бытового материала как важнейшего исторического источника, Василий Алексеевич орудия труда считал «настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед к большему совершенствованию». Ему одному из первых археологов было присуще материалистическое понимание исторического процесса. Последние два десятилетия Василий Алексеевич занялся изучением классиков марксизма. В 1938 г. он вступил в ряды ВКП(б).

Систематически организуемые им многочисленные раскопки памятников материальной культуры дали огромнейший археологический материал, заполнивший различные музеи. Пожалуй, нет края в нашей стране, где не работал Василий Алексеевич. Центральные и южные области РСФСР, Поволжье, Украина, Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь—вот широкое поле археологической деятельности этого ветерана русской археологии.

На основе личного богатейшего полевого опыта В. А. Городцовым была создана методика полевых исследований археологических памятников. Им была создана научная классификация древностей СССР, не потерявшая своего значения до сих пор. До последних дней своей жизни Василий Алексеевич являлся неустанным пропагандистом разработанного им у нас типологического метода в археологии. Им впервые на территории СССР были открыты и исследованы жилища-землянки палеолитического человека (Тимоновская стоянка 1928 г.) и выработаны приемы исследования жилищ эпохи энеолита. Одна из его ранних крупных работ по неолиту—«Русская доисторическая керамика» (1901 г.)—представляет научный интерес и в наши дни.

Но исключительное крупное значение имеют его разработки материалов эпохи бронзы, в особенности в одной из его крупных обобщающих работ «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» (1915 г.). В изучении этой эпохи (палеометалла, по его терминологии) Василий Алексеевич оказался особенно плодотворен. Им была открыта целая серия культур эпохи бронзы, установлена их периодизация, которая и до сих пор сохранила свое значение прочной рабочей шкалы по древнейшим периодам истории Европейской части СССР. До сих пор остаются непоколебленными выделенные им три стадии археологической истории нашего юга: ямная, катакомбная, срубная. Впервые им были выделены культуры лесной полосы, как фатьяновская, панфиловская и др. В исследовании археологических культур эпохи бронзы наследие В. А. Городцова столь значительно, что до наших дней археологи продолжают вести изучение памятников этой эпохи почти в тех же направлениях, которые были в свое время определены Василием Алексеевичем. Так, например, главные вопросы, связанные с изучением фатьяновской культуры, этой «загадки, наиболее трудной из всех археологических загадок», теперь только развиваются и уточняются, но все они были в основном намечены еще В. А. Городцовым.

Выделив соответствующий комплекс бронзовых предметов на нашем юге, Василий Алексеевич впервые облек археологической плотью назвавшихся ранее мифическими предшественников скифов—киммерийцев.

Его исследования Бельского городища (на Полтавщине) обогатили археологию достоверными знаниями жизни и быта скифов-пахарей. Ни до, ни после В. А. Городцова не произведено более крупных раскопок бытового памятника скифской культуры.

Не менее значительны были результаты его работы по исследованию памятников дославянских культур средней полосы европейской части СССР (Дьяковская и Городецкая культуры). Важное значение имели для ранней истории этой полосы его рас-

копки городища близ г. Каширы, Подболотьевского могильника близ г. Муром и др. Им впервые в больших масштабах были произведены раскопки столицы Рязанского княжества—сожженной Батыем в 1237 г. Старой Рязани.

Самый перечень изученных В. А. археологических объектов, распределяющихся во времени от палеолита до позднего средневековья, наглядно показывает диапазон его глубоких знаний, огромного опыта и его интересов.

Перу Василия Алексеевича принадлежит более двухсот научных работ по самым различным вопросам изучения прошлого человечества, прекрасно иллюстрирующих широту кругозора и эрудицию автора.

К фундаментальным работам В. А. Городцова относятся изданные курсы лекций, читанные им еще в Московском археологическом институте: «Первобытная археология» (1908 г.), «Бытовая археология» (1910 г.), долгое время остававшиеся единственными сводными курсами древностей СССР. В 1923 г. В. А. выпустил I том крупного исследования «Археология» (каменный период). Ряд его работ, иногда крупного объема, вполне законченных, до сих пор не увидел света. Так, например, до последних дней жизни В. А. Городцов работал над окончательным завершением и отделкой II тома «Археологии» (бронзовая эпоха).

В своей научно-исследовательской работе Василий Алексеевич никогда не замыкался в узких рамках одной археологии. Он прекрасно был ориентирован и в смежных отраслях научных знаний: геологии, палеонтологии, антропологии, истории, этнографии, нумизматике и др. Его замечательная работа «Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве» (1926 г.) сделалась отправной точкой в изучении русского народного искусства. В ней он выявил глубочайшие истоки русского народного изобразительного мастерства.

На протяжении десятилетий исследовательскую работу Василий Алексеевич сочетал с педагогической деятельностью. С 1907 по 1914 г. он преподавал археологию в Московском археологическом институте. В 1915—1918 гг. работал в Народном университете имени Шанявского. В 1918 г. Василий Алексеевич получил звание профессора и с тех пор почти до последних дней своих руководил кафедрами археологии—вначале в МГУ, а затем в ИФЛИИ им. Чернышевского.

Это был прекрасный лектор, замечательный педагог, подлинный энтузиаст археологии. Известно, например, что некоторые из его учеников твердо решили стать археологами, прослушав его вводные лекции еще на I курсе университета.

Одновременно В. А. Городцов являлся одним из основных и самых активных сотрудников Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.

С момента организации РАНИОНа В. А. Городцов возглавлял археологическую секцию этой ассоциации. Несколько лет подряд он руководил Археологическим отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. Городцов состоял почетным и действительным членом многих отечественных и зарубежных научных обществ и учреждений.

Советское правительство высоко оценило заслуги маститого ученого. 14 января 1943 г. он получает звание заслуженного деятеля науки, 4 ноября 1944 г., за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для культурного строительства нашей родины, указом Президиума Верховного Совета СССР В. А. Городцов был награжден орденом Ленина.

А через три месяца его не стало. Похоронен Василий Алексеевич в Москве на Новодевичьем кладбище.

Десятилетиями еще советские археологи будут работать над проблемами, составляющими основной фонд огромного научного наследия выдающегося русского ученого—Василия Алексеевича Городцова. Имя его навсегда и прочно вошло в список лучших представителей отечественной исторической науки.

И. Е. Крупнов

Проф. СОФЬЯ ИВАНОВНА ПРОТАСОВА

28 сентября 1946 г. в Москве после продолжительной болезни скончалась профессор Московского государственного университета Софья Ивановна Протасова.

С. И. Протасова родилась в 1878 г. в семье врача. Среднее образование она получила в С-Петербургской Литейной гимназии, по окончании которой поступила на высшие женские Бестужевские курсы, где работала под руководством профессоров М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева, И. М. Гревса. По окончании курсов (1903 г.) С. И. была оставлена при кафедре истории Рима для продолжения научных занятий. С 1906 по 1909 г. была командирована министерством народного просвещения за границу и участвовала в семинариях О. Гиршфельда, Г. Дильса, Э. Мейера и папиролога П. Мейера. По возвращении из командировки в 1909 г. была избрана преподавателем Петербургских высших женских курсов. В 1916/17 г. С. И. Протасова сдала при Петербургском университете магистерский экзамен по истории древнего мира и была назначена профессором всеобщей истории Томского университета, где работала до 1921 г.; с 1921 до 1931 г. С. И. состояла профессором истории древнего мира в Государственном университете в Саратове. В 1931 г. С. И. получила академическую пенсию и переехала в Москву. Преподавательскую деятельность возобновила она в качестве профессора Московского государственного института истории и философии, где она в 1935 и 1936 гг. вела семинарии со студентами-историками. С 1936 г. по день смерти С. И. была профессором МГУ, с 1938 до 1941 г. работала в Институте истории АН СССР.

Основным предметом научных занятий С. И. Протасовой была социальная история Греции и Рима. Одной из первых работ ее была статья «*Δεσφματάρται*» в журнале «*Klio*» за 1911 г., посвященная организации транспорта хлеба в греко-римском Египте. С. И. Протасова стремилась марксистски осмыслить аграрную историю древнего Рима. Свою диссертацию она посвятила социальной борьбе в Риме во II—I вв.

Последние годы С. И. Протасова отредактировала и снабдила обширными комментариями переводы римских и греческих агрономических писателей (Катона, Варрона, Колумеллы, Палладия). Труд этот, еще не опубликованный, будет иметь значение не только для социальной истории, но и для истории агрономической науки.

С. И. пользовалась большим уважением и любовью советской студенческой молодежи. Ее ценили как внимательного и заботливого, но вместе с тем строгого и требовательного педагога. Не мало советских историков древности вышло из ее семинариев. В лице С. И. Протасовой мы потеряли выдающегося специалиста-исследователя и педагога, доброго и отзывчивого товарища и учителя.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ДРЕВНЯЯ МАКЕДОНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ

HEUR TLEY, W. A. Prehistoric Macedonia. An archaeological reconnaissance of greek Macedonia in the Neolithic Bronze and Early Iron Ages. Cambridge University Press, 1939.

Археологическая наука о Северных Балканах вообще и о древней Македонии в частности еще очень молода. В то время как Малая Азия, Пелопоннес стали более детально изучаться, благодаря раскопкам Шлимана, с 70-х гг. прошлого столетия, а Крит благодаря раскопкам Эванса, с 90-х гг., македонскую целину в ту эпоху еще не пробовал заступ археолога.

Первые раскопки прилегающих к Македонии областей начались с 1908 г., но они были нерегулярны и имели характер разведок¹.

Приблизительно в это же время стали известны замечательные археологические открытия в Болгарии, сделанные Р. Поповым в Коджа-Дерманском холме близ гор. Шумлы (Шумен) и на Деневом холме близ гор. Салманова².

Найденные орудия из камня и меди, кости животных, остатки жилищ и предметов быта характеризовали широко распространенную культуру энеолита на обоих берегах Нижнего Дуная.

По авторитетному заявлению В. А. Городцева, эти находки дают возможность проследить процесс развития племен от бронзы к железу и генетически связывать их жизнь с трипольской культурой³. Эти указания подтвердились основательными археологическими изысканиями в Боснии и Герцоговине, в Австрии, Венгрии, в долинах Дона, Днепра и Днестра⁴, в городищах на обоих берегах Дуная⁵.

Во время войны был поверхностно обследован ряд македонских курганов. Затем Леон Рей произвел небольшие опытные раскопки в разных местах. Материалы их впоследствии были опубликованы им в отдельных статьях, легших в основу капитальной его работы⁶.

На более широкой основе археологические работы развернулись под руководством Кассона, который в 1921—1922 гг. раскопал кладбище в Чаучице в долине Аксия со слоями поздней бронзы и железного века. Зимой 1925 г. им был открыт довольно боль-

М. М. Vassits, Die Hauptergebnisse der prähistorischen Ausgrabungen in Vinca, 1908, Prähistorische Zeitschrift II, стр. 23—39.

² Р. П о п о в, Предисторическата Денева Могила при село Салманова, «Известия на Болгарското Археологическо Дружество», т. IV (1914), стр. 145—275; ibidem: «Коджа-Дерменската Могила при г. Шумен (1916—1918)».

³ В. А. Г о р о д ц е в, Нижнедунайская культура в Болгарии, «Новый восток», № 3, 1923, стр. 305.

⁴ E. Minns, Scythians and greeks, 1913; M. Ebert, Südrussland im Altertum, 1912.

⁵ H. Childs, The Danube in Prehistory, 1929.

⁶ L. Rey, Observations sur les premiers habitats de la Macédoine recueillies par le service archéologique de l'Armée d'Orient 1916—1919, BCH, XLI—XLIII.

шой сектор холма в Килиндире (долина Аксия), наполненный остатками бронзового периода.

Одновременно в этой области начал работать Гертли, который, по своему собственному признанию, обязан Кассону приобретением настоящего интереса к македонской археологии¹.

В 1924 г. Гертли начал серию раскопок, которые продолжались ежегодно в течение 8 лет. Работа началась в Вардине (долина Аксия), где был открыт поздненеолитический слой. Зимой 1924 г. Гертли совместно с Катлем исследовали несколько древних поселений в Халкидике и в Вардарофца (долина Аксия). В последнем были вскрыты слои эпохи бронзы и переходные от позднебронзовой к раннежелезной эпохе.

Осенью 1925 г. были обследованы города Монастыря.

Результаты этих изысканий Кассон изложил в своей капитальной работе², стараясь представить добытый археологический материал в связи с историей древней Македонии и соседних с ней стран—Фракии и Иллирии.

Он доводит историю Македонии и смежных областей до Филиппа, с подробным привлечением географических описаний, исторических сведений, археологических данных.

Исследование Кассона появилось в 1926 г., когда археологические изыскания по существу только что начались. Тем не менее оно обобщило более чем десятилетний труд археологов и пыталось использовать его для реконструкции потерянных звеньев македонской истории.

Палеолитический период в работе Кассона отсутствует ввиду исключительной фрагментарности и скудости археологических материалов. В Греции не найдено ни одной палеолитической стоянки. В Болгарии известно четыре пункта, в последнем из которых, расположенном на Дунае, обнаружены кости мамонта с палеолитическими орудиями.

Если в силу скудости находок Кассон ограничивается некоторыми общими фразами о палеолитическом периоде, то для характеристики неолита, бронзы и железного века он использует широко весь имеющийся в его распоряжении археологический материал.

Неолитический период Македонии автор изучает не изолированно, а в связи с находками в Сербии, Болгарии, Фракии, Албании, Фессалии, Галиции, Бессарабии, Румынии, пытаясь найти в них черты общности и различия и выявить основную нить развития неолитической культуры.

Ввиду того, что аналогичные болгарским и македонским древние поселения тянутся вдоль Дуная до самой Румынии, Кассон считает возможным причислить соответствующие находки в Сербии к дунайской неолитической культуре.

Находки в самой Македонии, сделанные в результате небольших пробных раскопок в Марново, указывают на тесную связь неолита Сербии и Македонии (Casson, стр. 118). «Случайные находки Марново указывают, что самая ранняя неолитическая стадия типа Сабляница—Градач распространялась по всей Сербии и Македонии, также как и по Болгарии»³. На связь с Троей указывают грубые глиняные изделия, известные в обоих местах, а на связь с Дунаем—зеленые нефритовые топоры. «Важно тот факт,—говорит Кассон—что зеленые нефритовые топоры встречаются также в Градач, в Центральной Сербии, вместе с керамикой македонского типа. Общее происхождение зеленого нефрита нужно искать, я думаю, в Центральной Европе или, может быть, в Швейцарии, где такие топоры обычны» (стр. 119—120).

В результате изучения археологических памятников, собранных главным образом Леоном Реем и самим Кассоном, последний приходит к выводу, что Македония неолитического периода имеет однородную культуру дунайского типа, распространенную по всей северной части Балканского полуострова. Предметы, найденные в северо-восточной части страны, тесно связаны с неолитической культурой Румынии, Галиции

¹ W. A. H e u r t l e y, Prehistoric Macedonia, стр. XVI.

² S. C a s s o n, Macedonia, Thrace and Illyria, Oxford University Press, 1926.

³ При раскопках в Градач было найдено много керамики чисто македонского типа.

и районами к северу от Дуная, но не имеют связи с неолитическими остатками Южной Македонии и Греции, за исключением Фессалии. Сербия и Македония образуют клин с вершиной, находящейся у устья реки Вардар, и восточной стороной, идущей по долине реки Стримона. На восток от Стримона начинается область культуры молдавского типа, распространившейся вдоль побережья моря. Наиболее южной точкой этой культуры является Дикили-Таш. Образование такого клина Кассон объясняет северо-западным вторжением, начавшимся во время поздненеолитического периода, однако причины, вызвавшие это явление, остаются невыясненными» (стр. 154).

Что касается эпохи бронзы Македонии, то она представлена Кассоном в результате изучения четырех городищ: Чаучица, Святы Кирилово, Килиндир и Вардино, в раскопках которых он сам принимал активное участие.

В поселении Святы Кирилово была обнаружена культура, принадлежащая к ранней стадии эпохи бронзы. В нижних напластованиях находились осколки кремня и полированные каменные топоры, в том числе сверленные и имевшие формы металлических топоров. «Присутствие каменных топоров и небольших медных инструментов относит городище к наиболее раннему периоду бронзового века, возможно, к так называемому халколиту» (стр. 131).

Там же были обнаружены глиняные идолы, керамика, орнаментированная лощением,—небольшие чашки с высокими ручками, открытые чаши и маленькие кувшины (стр. 130). Вместе с посудой найдены небольшие ритуальные глиняные четырехногие столики, грузики для ткацких станков, три медные иголки и небольшой медный наконечник копья.

Холм Килиндир был раскопан в трех местах. В его культурном слое находилось большое количество керамики, из которой нижнее напластование содержало «аски» и низкие плоские чаши с отогнутым краем, характерные для юга. Из этого автор делает вывод, что ранняя культура этого поселения находилась под влиянием древнеэладийской и кикладской культуры, входя таким образом в общий круг культуры Средиземноморья конца III тысячелетия до н. э.

Некоторое время спустя на городище начинает давать себя чувствовать новая культура, не вытесняя старую. Толстый культурный слой этого периода Кассон делит на три части, последние две соответствуют дунайской бронзовой культуре.

Северный характер этой бронзовой культуры, помимо других признаков, был установлен находкой топора и бронзового серпа дунайского типа (стр. 132).

По Кассону, «последнее поселение этого городища было уничтожено огнем и, должно быть, насильственным путем». Следов культуры эпохи железа в нем, однако, не оказалось. В римское время холм был снова заселен, правда ненадолго и случайно.

Холм Вардино дополняет открытия в Чаучице и Килиндире, обнаруживая при этом некоторые особенности.

«Нижний слой содержал керамику тонкой черной глины, украшенную рисунками, состоящими из линий—прямых и изогнутых, нанесенных белой краской» (стр. 133). За этим слоем следовал слой, принадлежащий позднему бронзовому веку. Небезынтересно мнение автора о том, что найденные в нем бронзовые булавки и наконечник копья подчеркивают близость к культуре свайных построек.

Немногочисленные предметы микенской культуры, найденные в Вардине, Килиндире и других городищах, относящихся к позднему периоду бронзы, приблизительно к 1200 г., свидетельствуют о наличии в этот период торговых отношений между севером Балканского полуострова и югом Греции. С этим согласуется то обстоятельство, что большинство городищ с микенскими изделиями находилось вблизи морского берега.

«Их импорт с юга,—говорит Кассон,—возможно, способствовал росту большого числа городищ на равнине реки Вардар, так как торговцы с юга пытались посылать или привозить свои товары на север, далеко за пределы главных центров микенской культуры» (стр. 135).

Хронологически автор относит все микенские изделия к самой поздней фазе микенской культуры... «Таким образом, все эти холмы на берегу и, возможно, значительное большинство других чисто македонских холмов относятся к позднему

периоду бронзового века» (стр. 135). Кроме того, подчеркивается довольно ограниченная локализация микенских памятников, связанная лишь с равниной реки Вардар и Фермейским берегом.

Кассон полагает, что бронзовая культура ограничивается только равнинами Македонии на восток от Стримона и что главным путем сообщения в это время на север была долина Вардара, а на юг—Фермейский залив. Однако автор не в состоянии объяснить, чем вызвано это явление. Более определенно говорит он об отношениях между Троей и Македонией, опираясь на типы глиняных изделий, главным образом из раскопок Чаучица, Святы Кирилово и др.¹

Кассон пытается нарисовать картину распространения культуры бронзового века: самый ранний ее поток шел из Венгрии вдоль Дуная, стремясь к местности вокруг устьев Дуная, имевшей уже высоко развитую культуру. Оттуда он достиг Малой Азии вдоль побережья Черного моря. Этим объясняется отсутствие культуры эпохи бронзы центральной Фракии. Возвышенности, расположенные к северу и югу от Марицы, образовали барьер, обходя который влияния, идущие из Венгрии и Центральной Европы, достигли Македонии с запада и Трои с востока².

Железный век в Македонии представлен автором на материале четырех больших городищ; одно в западной Македонии, в Патели, вблизи озера Острова, другое в Чаучице, третье в Вардине и четвертое в Вардарофце (последние два в долине Аксия).

Кроме того, отдельные предметы железного века были найдены у реки Вардар, в некрополе Дедала в долине Вардара, близ Гревены в верхней части долины Галиакмона. Из этих предметов особенно выделяются: образцы керамики, изготовленной на гончарном кругу (типа Чаучица), железные наконечники копий и бронзовые украшения.

Сюда же относятся находки в западной Фракии, на предгорьях и в равнине реки Несты вблизи Ксанфа и в долине Стримона. Затем следует отметить городище у греческого Амфиополя, где был найден ряд чрезвычайно интересных украшений позднего периода железного века.

В некрополе Чаучица в могилах, сделанных из каменных плит, встречаются бронзовые и золотые украшения, железное оружие, ножи, глиняная посуда. Особенно интересны: искусно сделанные украшения, булавки, бусы, браслеты, подвески, запястья большого веса и размера, амулеты, небольшие золотые диски с вытисненными геометрическими рисунками. Не менее интересно железное оружие — щиты, мечи и большие ножи, из которых особенно прекрасен меч с бронзовой рукояткой и железным лезвием, случайно найденный здесь еще в 1917 г.³

Анализируя керамический материал некрополя, Кассон отмечает в нем наличие двух определенных технических традиций: северной, свойственной культуре дунайской бронзовой эпохи, и южной, характерной для элладийской культуры.

Раскопки в Вардине обнаружили керамику типа, впервые найденного в Чаучице. О таком же поселении железной эпохи говорят раскопки в Вардарофце.

Все эти предметы указывают, что эта культура пришла с севера через долину Вардара и центром ее распространения является Вардарский район и его окрестности, а время расцвета—XI в. до н. э.⁴ «Сколько времени она продолжалась на севере—неизвестно, она могла продолжаться до времен, о которых имеются письменные данные. В Чаучице, во всяком случае, она никогда не соприкасалась с эллинской культурой, и небольшое количество следов поселений железного века на этих городищах указывает, что народ культуры железного века в Вардарском районе приходил и уходил, не оседая надолго» (стр. 159).

Таким образом, культура эпохи железа была интенсивна в западной части страны, в особенности в долине Вардара, и не распространялась далеко на восток вдоль берега.

¹ См. S a b o r o w s k i в «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris», 1900, стр. 450.

² C a s s o n, стр. 138—139, ст. S c h u c h h a r t, Alteuropa, 1919.

³ Antiquaries Journal, vol. I, стр. 211.

⁴ C a s s o n, стр. 151—152. Кассон принимает эту дату, опираясь на замечания M e u t e l i n s'a, Pre-classical Chronology in Greece and Italy, 1897.

Местность же на восток от реки Стримона оставалась незаселенной с раннебронзовой эпохи до исторических времен (стр. 155).

Комментируя греческие легенды и предания и опираясь на них в своих выводах, Кассон объясняет смены различных культур волной переселений и завоеваний. С его точки зрения, между 2000 и 1200 гг. до н. э. имело место великое переселение народов, главным образом фригийцев, из Центральной Европы и Дунайского бассейна на юго-восток и юг. Главная часть этих нашествий была направлена на юго-восток, в М. Азию.

В XI в. появляется новый и более энергичный народ из северных местностей, вооруженный железным оружием. «Что он не пришел издалека, ясно из того факта, что развитие культуры эпохи железа в Германии и Центральной Европе начинается позже, чем в Дунайском бассейне. Где-то близ Балканских гор развилась эта культура эпохи железа и через короткое время ринулась на юг, в Македонию и Грецию» (стр. 156). В Македонии, однако, нашествие было недолговременным, ибо оно быстро распространилось по самой Греции, разрушив микенские укрепления южной ее части. «Единственное передвижение народов, о котором говорят легенды и история этого периода, есть так называемое дорийское нашествие» (стр. 157).

Таким образом, Кассон полагает, что носителями культуры эпохи бронзы были фригийцы, а эпохи железа—дорийцы. Здесь мы встречаемся с первым записанным фактом македонской истории—прибытием с юга династии, которая, благодаря своему опыту и способностям оттеснив местные племена в долинах рек Галиакмона и Вардар, завладела местностью. Это случилось между первым появлением носителей культуры эпохи железа и временем первого исторического монарха—Александра I (стр. 160—161).

Таковы данные, которыми оперирует Кассон и на основании которых строит свои далеко идущие выводы.

Несмотря на то, что работа Кассона основана на еще недостаточном археологическом материале, она имеет большое значение для древнейшей истории Македонии. Заслуга Кассона заключается в том, что систематизация им археологических памятников способствовала выяснению древнейших судеб Македонии. Исследования Кассона показали, что археологические находки неолитической культуры Македонии свидетельствуют о тесной связи ее с дунайской культурой, распространенной по всей северной части Балканского полуострова. Эта связь сохраняется и в эпоху бронзового века, лишь в конце которого наблюдается проникновение на север микенского элемента. Даже культура железного века, локализованная в районе Вардара, воспринимая уже греческое влияние, своими корнями уходила к Дунайскому бассейну.

Все это указывает нам на то, что древнейшая македонская история может быть рассмотрена как часть нижнедунайской культуры, как продолжение ее развития. Правда, данные Кассона не дают еще возможности проследить все детали этой связи по памятникам материальной культуры. Однако их достаточно для того, чтобы уловить основные изменения в хозяйственной жизни племен на протяжении всех ступеней варварства: низшая ступень—развитие рыболовства, охота и мотыжное земледелие, о чем свидетельствуют каменные и костяные орудия, остатки свайных построек; глиняные изделия—как признак оседлости, женские фигурки—как символическое отображение матриархального родового строя. Средняя ступень—эпоха бронзы свидетельствует о дальнейшем развитии земледелия и скотоводства. Высшая ступень—объединение племен в союз и жестокая племенная борьба, выразившаяся в частых военных столкновениях, о чем говорит обилие оружия, найденного в могилах.

Нельзя, однако, не отметить и отрицательных сторон работы Кассона. Главный недостаток заключается в порочности его метода исследования. Автор объясняет смены культур неолитической и затем бронзовой не изменением в экономике, быте, хозяйстве племен, а нашествием: в первом случае—фригийцев, во втором—дорийцев. Порочность этого объяснения лежит не в том, что Кассон указывает на возможность передвижения племен, но в том, что он совершенно игнорирует процесс скрещения, ассимиляции различных этнических образований, в результате которых и складывается народ.

В эпоху неолита Македония имела уже многочисленное и сравнительно культурное население. В эпоху бронзы на ее территории появился целый ряд новых племен, которые астично расселились на новых территориях.

Метод исследования Кассона, естественно, не мог разрешить вопроса о македонском этногенезе.

Потребовались многие годы кропотливой работы на македонской земле, чтобы в 1939 г. Гертли мог поставить вопрос гораздо шире, с использованием новых открытий последнего десятилетия.

Исследование Кассона, изданное в 1926 г., было основано на сравнительно незначительных археологических данных. После 1926 г. археологические исследования в Македонии продолжались с возрастающей интенсивностью.

В 1927 г. были произведены раскопки в западной Македонии, приведшие к открытию древнего поселения Бубусти у подножья Пинда, на реке Галиакмон.

В нем было найдено обилие раскрашенной керамики, поразительно близкой к раскрашенной керамике центральной Македонии и Халкидики, с одной стороны, и керамике Фессалии и Этолии, с другой.

Весной 1928 г. производились раскопки в Халкидике, в Моливопирго и Агиос Мамас, в 1929 г. — в Кричане. В последней был найден ряд поселений, охватывающих по времени эпоху ранней бронзы. Изучение их облегчило датировку других раннебронзовых объектов. Находки в Халкидике и центральной Македонии, особенно керамические, характеризовались своим однообразием.

В этом же 1928 г. Робинзон развернул широкую работу в Олинфе. Были тщательно вскрыты поздненеолитические слои, найдены раскрашенные изделия, подобные изделиям из Кричаны (долина Аксия), большое количество каменных орудий (долота) и интересных мраморных статуэток. Олинфские раскопки продолжались и в последующие годы с большим успехом¹.

В 1930 г. внимание археологов было снова обращено к западной Македонии, в частности к Сервии, где мощный слой с ранненеолитической раскрашенной керамикой типа фессалийской был отделен от поздненеолитического слоя с темнолощеной посудой слоем пожараща.

В 1931 г. были сделаны небольшие раскопки в Арменохори, где обнаружены остатки раннебронзовой эпохи с любопытными образцами местной керамики.

В 1932 г. Девис исследовал древние рудники в южной Македонии. Результаты этой важной работы он суммировал в своей статье «Ancient Mines in Southern Macedonia»².

Опубликованные Кассоном археологические памятники, равно как и изученные после него, дали Гертли возможность построить свои выводы на большом материале, исходящем из центральной и западной Македонии и Халкидики.

Весь этот многообразный материал находок располагается в книге Гертли не по пунктам, а по периодам. Внутри каждого периода он сгруппирован по пунктам находок. При этом расположении легко получить полную историю находок, главным образом керамики, любого пункта.

Книга Гертли делится на три основные части: 1) описание раскопок, 2) обзор основных находок по трем вышеуказанным географическим делениям и периодам, 3) исторические взаимоотношения изучаемых пунктов. В конце работы автор делает попытку установить хронологию, этнографию и в резюме кратко наметить основные этапы развития «доисторической Македонии».

В первой части приведена довольно подробная география и геология мест археологических исследований.

¹ См. подробный отчет о раскопках в Олинфе весной 1938 г. в статье D. M. Robinson and G. E. Mylonas, The fourth Campaign at Olynthos, *AJA*, vol. XLIII (1939), стр. 48—77.

² *IRAI*, LXII.

В этом смысле описание Халкидики имеет особое значение, хотя бы потому, что ряд ее пунктов, как Агиос Мамас, Моливопирго, получают геологическое описание здесь впервые.

В раскопках Агиос Мамас были найдены остатки неолита и бронзы. Площадки, вымощенные грубым камнем, были единственными остатками жилищ эпохи неолита. В эпоху ранней бронзы встречаются уже каменные фундаменты с надстройкой или из сырцового кирпича, или из обмазанной плетенки с полами из утрамбованной глины. Эти остатки лежат под толстым культурным слоем, содержащим в себе значительные бытовые остатки.

Хотя остатки стен и полов среднебронзовой и позднебронзовой эпох были весьма фрагментарны, но на них лежит печать более высокой техники, чем в предшествующий период.

Недалеко от Агиос Мамас расположено село Моливопирго, близ которого возвышаются три холма—местонахождение древнейших поселений. Там, как и в Агиос Мамас, найдены остатки жилищ, разрушенных кирпичных стен, зола, уголь, смешанные с обломками керамики, в раннебронзовом напластовании. Для следующего за ним среднебронзового периода характерна длинная каменная стена в 1 м шириною и 27 м длины, защищенная рвом, являвшаяся, вероятно, оборонительным сооружением.

На юго-западном берегу Халкидики в Кричане были найдены значительные остатки неолитического поселения, состоящие из жженой обмазки жилищ, полов и фундаментов.

Гертли пытается приблизительно восстановить историю этого поселения. По его теории, Халкидика была впервые заселена во время поздненеолитического периода. Здесь тоже наблюдается наличие оборонительного вала со стороны моря, вышиною 1,50 м. Последующие поселения были построены на руинах первого. Некоторые из них были разрушены огнем. По мнению автора, это может быть объяснено скученностью населения или случайными пожарами, а не обязательно вражеским вторжением. Последнее поселение относится к раннебронзовому веку, после чего местность эта долгое время оставалась незаселенной.

В Олинфе неолитические остатки были обнаружены на маленьком холме в южной части большого плоскогорья, на котором возвышался впоследствии классический Олинф. В неолитическом слое обнаружена длинная стена с боковыми ответвлениями, фундаменты жилищ, печь, лощеная керамика, глиняные и каменные фигурки и большое количество каменных орудий. Для центральной Македонии автор приводит описание раскопок в долине Василика, Салоники и Галлико.

В долине Василика в нижних слоях обнаружены остатки озерных поселений, в верхних—сырцовые кирпичи, керамика геометрического стиля, смешанная с остатками ранне- и среднебронзовой эпохи.

В долинах Салоники и Галлико представлены слои всех трех периодов бронзового века. Этими же памятниками изобилует долина Аксия. Для ранней бронзы в керамике характерны чашки с отогнутыми внутрь краями, для средней бронзы—с процарапанным орнаментом, для поздней бронзы—подобная же, но небрежная орнаментация.

Западная Македония в особенности богата памятниками эпохи неолита. Остатки сырцового кирпича, жилищ из камыша, глыбы больших необработанных камней, каменные стены, глиняные полы, очаги, однообразная лощеная керамика—такова картина большинства пунктов раскопок.

Ранненеолитический период представлен, главным образом, находками в самом нижнем слое Сервии, в долине Галиакмона. Керамика ее характеризуется изделиями фессалийского типа, в большинстве своем окрашенными в желтый цвет со следами лощения и полировки. Их орнамент состоял из параллельных горизонтальных линий со вдавленными точками. Лощение и гравировка посуды производились тупым инструментом или просто ногтем и отличались своей примитивностью.

Из орудий труда было найдено 45 сверленных топоров, большое количество долот из серого или черного камня, молотки, терки, точильные камни, костяные и роговые инструменты (полукруглые долота, иглы и т. д.). К этому же периоду относятся остат-

ки прямоугольных домов с фундаментом из камня, с глиняным полом и с круглым или полукруглым очагом.

Найденные в окрашенных тусклокрасного цвета горшках зерна чечевицы и пшеницы могут говорить о развитии этих культур у древнейшего населения западной Македонии.

Поздненеолитическая пора в Сервии представлена новыми видами керамических изделий — с гравировкой и лощением по темной поверхности.

Появление новых образцов глиняной посуды объясняется не столько пришествием нового народа, сколько совершенствованием техники их изготовления и подражанием фессалийской керамике (Гертли, стр. 110).

Рис. 1. Ранне-неолитический период. Западная Македония (Сервия). Расписной сосуд.

Гравированный орнамент является лишь некоторым изменением старой местной традиции. Он применяется, главным образом, на небольших сосудах и кубках без ручек.

Македонские лощенные изделия по своему производству похожи на фессалийские. В раскрашенной керамике мы найдем параллельное развитие местных стилей с некоторыми локальными особенностями.

Из орудий труда этого периода встречаются топор, долото, молотки, кремневые и кварцевые ножи и наконечники, роговые резцы.

Для этого времени как и для предшествующего, типичны остатки прямоугольных домов из сырцового кирпича.

О характере хозяйства говорят остатки костей овец, коз, свиней, рогатого скота и оленя, а также зерна пшеницы и проса.

Анализируя памятники неолита, Гертли приходит к выводу, что Македония в неолитический период была связана с культурой севера, так же как и Фессалия (стр. 113).

Поздненеолитическая эпоха характеризуется интенсивным проникновением дунайских культурных элементов. Опираясь на исследования Г. Чайльда, Гертли считает неопровержимым наличие в это время тесной связи Македонии с районом Дуная, откуда и могли появиться носители новых культурных традиций, распространившие их в Македонии, Фессалии, а затем в центральной Греции (стр. 116—117).

Типичной для раннебронзовой эпохи является Кривана на западном побережье Халкидики. Керамика этого периода обнаруживает признаки технического упадка по сравнению с неолитом. Глина была песчаная, и обжиг не предохранял ее от ломкости. Лишь к концу периода качество ее заметно улучшается. Основными формами керамики были: маленькие чашки с вогнутым краем, кубки с одной ручкой, кувшины различного размера с одной ручкой, шаровидным телом и цилиндрическим горлышком, немногочисленные аски.

Для этого времени характерны следующие орудия труда: сверленные топоры, отличающиеся от топоров неолита своим меньшим размером и лучшей полировкой, ручная

мельница, костяные инструменты. Довольно часты металлические предметы (медные булавки, золотая проволочка, как обруч для волос, и др.), имеются остатки больших жилищ с печами.

Из животных этому периоду были известны: волк, кабан, овцы, козы, лось; из растений—пшеница и чечевица.

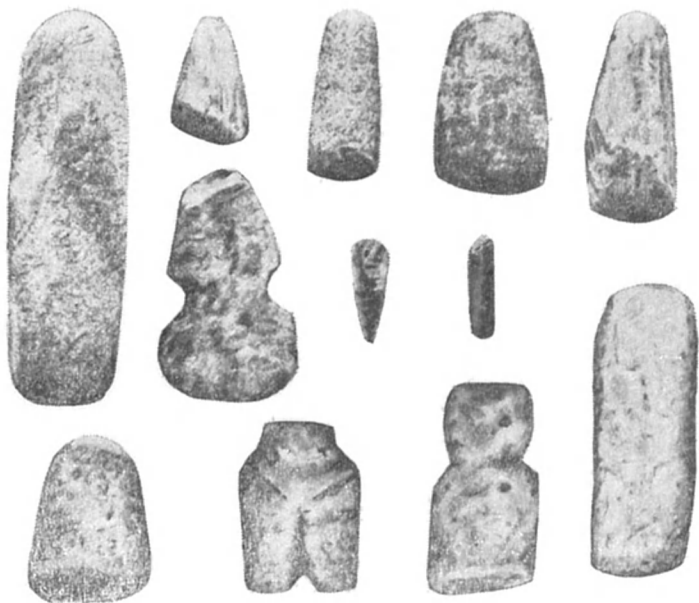

Рис. 2. Поздне-неолитический период. Западная Македония (Сервия). Образцы полированных орудий.

Археологические данные приводят автора к выводу, что культура от Халкидики до западной Македонии в раннебронзовый период была единообразной. Большинство македонских форм и орнаментов имеет много параллелей в Трое и анатолийской

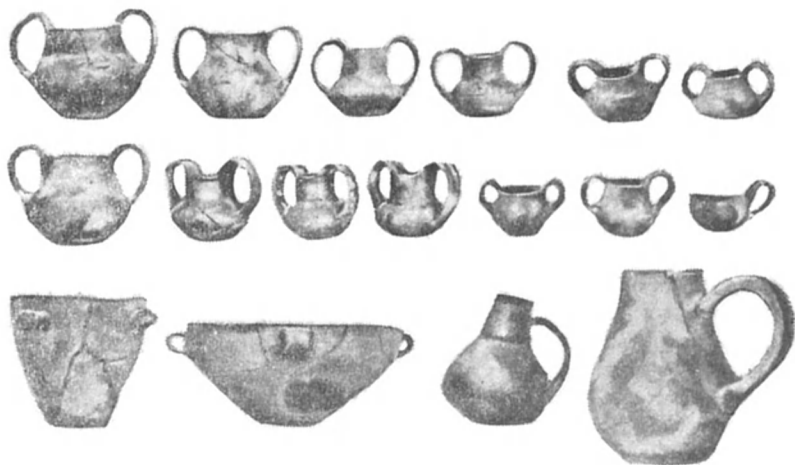

Рис. 3. Ранняя бронза. Западная Македония (Долина Черва). Керамика.

культуре. Последняя была, по словам Гертли, принесена в Македонию анатолийскими эмигрантами (стр. 119). Признавая раннебронзовую культуру Македонии, как промежуточную фазу между анатолийской и раннегреческой культурой, он, однако, подчеркивает и ее очевидную для этого периода общность с Дунаем.

В эпоху энеолита и бронзы, утверждает автор, мы имеем дело с проникновением в Македонию новой «расы», которая через Халкидику, занимая последовательно поселения, заселенные неолитическими аборигенами, продвигалась к центру Македонии,

Рис. 4. Средняя бронза. Центральная Македония и Халкидика. Керамика.

обрабатывая речные долины и заселяя берега озер, а затем в западную Македонию (стр. 111).

В противоположность единообразному характеру раннебронзовой культуры в Македонии, в среднебронзовую эпоху, при сохранении известного единообразия, наблюдаются уже местные различия, особенно в Халкидике.

Рис. 5. Поздняя бронза. Центральная Македония и Халкидика. Керамика.

Керамика среднебронзового периода, характеризующаяся гравированным волнистолинейным и спиральнолинейным орнаментом, расположенным по всему корпусу сосуда, не имеет, однако, твердо установившейся нормы. В Килиндире и Сараце, например, орнаменты спиралеобразные, в других местах—прямолинейные.

Орудий труда в слоях средней бронзы найдено сравнительно мало. Сверленные топоры, молотки и некоторые кремневые орудия—типичные представители их. Находки

металла—такие же, как в предыдущем периоде, но их гораздо меньше, чем раньше. Строительные остатки скудны.

Из остатков животных были найдены кости оленя, лошади, волка, овцы, козы и свиньи (Центральная Македония и Халкидика), из растений—горох.

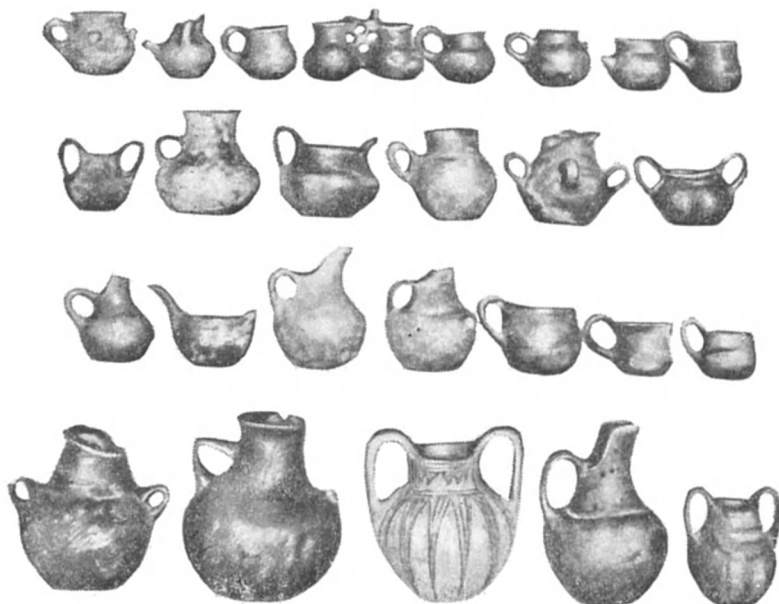

Рис. 6. Ранне-железный период. Западная Македония (Пателе). Керамика.

Позднебронзовая эпоха знает керамику различных форм с заменой прежнего прямолинейного орнамента орнаментом, заполняющим все тулово сосуда сочетаниями из треугольников, выпуклых спиралей и т. п.

Рис. 7. Ранне-железный период. Центральная Македония. Керамика.

В это время в Македонии уже была широко распространена микенская керамика, но она не могла вытеснить местных элементов, которые продолжали упорно существовать наряду с новыми.

К концу позднебронзового периода относится новое вторжение в Македонию из Центральной Европы, разрушившее очаги местной культуры, но не уничтожившее ее до конца.

Орудия труда примитивной формы—топоры, ручные мельницы, кремневые пилы, клинки и точильные камни—дают представление о состоянии техники в эту эпоху. Остатки животных: оленей, овец, коз (Сараце), свиней, лошадей, собак, кошек—говорят о продолжении развития тех форм хозяйства, которые существовали в предшествующий период.

Таким образом, раннежелезный век, начинающийся со времени внешнего вторжения, характеризуется почти полным единообразием форм керамики и орудий в центральной Македонии и Халкидике. Это единообразие было прервано в VIII в. до н. э. в связи с основанием на Халкидике первых греческих колоний, принесших греческую керамику, а в центральной Македонии—с VI в., когда там появился коринфский импорт (стр. 130).

В общем культурный уровень жителей Македонии никогда не был высоким. Гертли объясняет это положение их замкнутостью и неинициативностью, тем, что они предпочитали изоляцию, а затем «бессознательно стали выполнять свою традиционную роль ширмы между эллинизмом и варварством». Македония долгое время развивалась без воздействия и влияния на нее Греции.

Хронология изучаемых периодов пока относительно и точно установлена быть не может. Так, точной хронологии нельзя установить для неолита, хотя этот период в Македонии не должен быть продолжительным (стр. 127). Что касается эпохи бронзы, то ранний период ее может быть помещен около середины III тысячелетия. Среднебронзовый период в Халкидике начинается с 1700 г., а в Македонии несколько раньше, позднебронзовый век продолжается до 1150 г. К этому сроку относит Гертли нашествие инновцев, которых он называет иллирийцами, принесших с собой культуру железного века.

Работа Гертли по богатству разбираемых памятников, их научной трактовке и классификации далеко превосходит исследование Кассона. Хотя и первый почти не пытается сделать каких-либо исторических выводов из собранного им археологического материала, но сам материал дает возможность эти выводы сделать.

Значение работы Гертли особенно важно не только потому, что она подтвердила предположение Васа, Томпсона, Штерна и др. о том, что в северной Греции в доисторические времена господствовала культура иного происхождения, чем та, которая распространялась с юга, но и потому, что она впервые акцентировала роль дунайской культуры в формировании македонской.

Памятники, так тщательно подобранные автором, дают нам право говорить о генетической связи македонской культуры с культурой Триполья. Об этом свидетельствуют: примитивное земледельческое хозяйство, орудия производства, керамика и архитектура.

Благодаря археологическим изысканиям, и в первую очередь исследованиям Гертли и Кассона, становится возможным теперь осветить много темных страниц македонской истории.

Наряду с положительными сторонами труда Гертли следует, однако, отметить, что и он объясняет изменение культурных явлений миграцией, а не переменами в самой экономической жизни. Тем не менее он четче и определеннее, чем Кассон, подчеркивает исключительную живучесть местных элементов в процессе ассимиляции их с различными новыми этническими и культурными образованиями.

А. С. Шофман

О ВЗГЛЯДАХ М. ОЛЛО НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ НА РУБЕЖЕ III И II ВВ. ДО Н. Э.

М. Олло (Holleaux) принадлежит к крупнейшим исследователям истории эллинизма. Олло—автор многих работ, ссылки на которые можно встретить в любой современной книге или статье по истории внешней политики Рима на Востоке в III—II вв.¹

В своих многочисленных работах Олло стремится доказать, что Рим не имел агрессивных империалистических целей в Греции и на Востоке. По мнению этого автора, причина вмешательства Рима в восточные дела была «совершенно случайной». Эта причина —неоправданный ничем страх Рима перед Востоком, тревога за свою судьбу перед лицом объединившихся сил Востока—Македонии и Сирии. Но, по утверждению автора, этот поворот в римской политике совсем не был стремлением к захватам, о чем, по его мнению, как раз и свидетельствуют случайность и вынужденность изменения курса Рима².

Желание во всем усматривать случай и к нему сводить всю философию истории приводит автора к тому, что при изложении конкретного фактического материала связей Рима с Грецией и Востоком Олло готов все многообразие и сложность их объяснять только ошибками римских сенаторов, которые оттолкнули одних, недооценили верность других и т. п.³

По мнению Олло, агрессивность проявили враги Рима, в частности Македония, которая попыталась вырвать Иллирию у Рима⁴. Рим в то время, в начале второй пунической войны, был, по мнению Олло, достаточно силен, чтобы повести на Востоке политику завоеваний; но у него не было империалистических устремлений. Рим лишь должен был обеспечить себе контроль над Иллирией, в которой он был жизненно заинтересован.

Олло удивляется, почему сенат так «странно» отказался от Иллирии и не послал войск на помощь Скердилауду уже в 217—216 гг. Когда же позже на территории Греции оказывается на короткое время один легион под командой Левина, Олло отказывается верить и этому сообщению Ливия, считая, что римских войск в Греции было гораздо больше в связи с масштабами стоявших перед Римом задач⁵.

При глубокой наблюдательности и критическом отношении к данным античной и современной историографии Олло тем не менее не делает соответствующих решительных выводов из выдвигаемых им предпосылок.

¹ Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques, P., 1921; La politique romaine en Grèce et dans l'Orient hellénistique au III-e siècle, R. Ph., L (1926); Rome and Macedonia etc. САН, VII—VIII и ряд других многочисленных статей.

² Rome, стр. 314 и 32.

³ Rome, стр. 330.

⁴ Rome, стр. 142, пр. 3; САН, стр. 118 и сл.

⁵ САН, VIII, 121 прим. Нельзя не согласиться с Кэри (A History of the Greek world), который тонко подметил в этом вопросе непоследовательность Олло, сделавшего исключение именно для Иллирии в своем основном тезисе об отсутствии неразрешимых противоречий у греко-римского мира в Адриатике (САН, VII, 837). Но и Кэри (стр. 184) считает, что походы Филиппа в Иллирию были вторжением его в сферу заинтересованности Рима. Он считает также, что и эвакуация римлянами войска из Греции в 194 г. являлась окончательным доказательством отсутствия у римлян агрессивных целей на Востоке; римляне освобождали Грецию от Филиппа не для того, чтобы захватить ее самим. Вообще Кэри сам заявляет, что он «plus Holleauxiste», чем сам Олло (стр. 406). Можно сказать, что он и более polybiste, чем сам Полибий, утверждая, например, что Филипп подпал под влияние Деметрия Фарского, который будто бы втягивал его в борьбу с Римом, или что для Рима эти войны в Иллирии были только «выкуриванием пиратских гнезд» (стр. 183).

Именно Олло впервые поставил вопрос о той же так наз. первой Македонской войне (214—205 гг.) не только как о войне македоно-римской, но и как о взаимном конфликте самих греческих государств на одном из этапов этой войны. Но поскольку Олло и здесь не затрагивает существа и качественного своеобразия хода всей войны и не дает оценки движущих сил ее, то, оставаясь на «проримских» позициях в вопросе о международных отношениях исследуемого периода, он в основном и эту войну считает вызванной «необходимостью самозащиты» для Рима. Олло ограничивается лишь указанием и перечислением состава участников войны на тех или иных этапах ее. Поскольку в годы 214—212 имело место столкновение Рима и Македонии, только этот этап войны и был, по мнению Олло, римско-македонской войной. А так как позже, в середине войны, у Рима не было непосредственных сражений с Македонией, а потом — в 207 г. — Рим вообще выключился из войны, то Олло считает, что лишь в годы 207—206 на территории Эллады имело место повторение союзнической войны¹.

Рим втягивался в восточные дела, по мнению Олло, потому, что он был сильнейшей державой и ему поневоле пришлось выступать в роли арбитра на Востоке. Не находя в источниках подтверждения решающей роли Рима в ходе так наз. первой Македонской войны и позже, Олло, тем не менее, преувеличивает роль Рима при изложении исторических событий, связанных с проблемой отношений греко-эллинистического мира и Рима. Поэтому у него Левин, фактически командир небольшого римского отряда в Греции, «возложил» на греческих союзников большую часть войны с Филиппом, а этолийцы только потому и сопротивлялись Филиппу, что до последнего времени надеялись на помощь Рима. Оценивая таким образом роль Рима в последней декаде III в., автор считает, что Рим имел полную возможность возбудить и разжечь распри в Греции. Но не сделал этого Рим не потому, что не мог, а потому, что не хотел. Рим, согласно Олло, не хотел быть втянутым в дела Востока².

Расценивая Рим не только как равновеликую, но и неизмеримо более крупную величину, чем его противники в Греции и на Востоке, Олло утверждает, что и на заключение мира с Римом в Фойнике в 205 г. пошел именно Филипп, не желая подвергаться опасности борьбы с Римом в одиночку. А так как сам Филипп, по мнению Олло, был не страшен Риму, то поэтому и римский сенат, желая как можно скорее отойти от дел на Востоке, искренне пошел на заключение мира³. В связи с этим и изложение мира в Фойнике дано Олло исключительно с римской позиции. Это «римский мир», а не мир между самими греками: условия его продиктованы Римом. Но Олло решительно при этом отвергает указываемый Ливием факт *adscriptio* Римом греческих союзников, в особенности Афин, которые, пытаясь примирить Филиппа с Этолией, действовали, по его мнению, тем самым во вред Риму.

Считая, таким образом, греческие государства того периода времени неспособными вести самостоятельную политику без оглядки на Рим и его интересы, приписывая руководящую роль в делах Востока последнему уже в эти годы, Олло утверждает, что и позже греко-эллинистический мир обращался за помощью к Риму. В частности, и Египет умолял Рим о помощи против своих врагов⁴. Рим снова и снова, сам не желая того, оказывался арбитром в делах Востока, по мнению Олло.

Согласно Олло, римляне «надменно» говорят с Филиппом и очень кротко с Антиохом, желая только по видимости помирить последнего с Египтом, на самом же деле реально ставя пред собой «совершенно иную задачу», так как «война с Египтом отвращала Сирию от помощи Филиппу»⁵. Не видя в этом противоречия своему основному тезису об отсутствии агрессивности у Рима, Олло снова удивляется вступлению Рима

¹ Незаслуженно забытый историк Флате (Flathe) все же ближе к истине в этом вопросе, когда всю эту войну, правда, преуменьшая ее значение, называет «слабым повторением союзнической войны» (*Geschichte Makedoniens*, II, 223, Leipz. 1834).

² САН, VIII, 125.

³ САН, VIII, 137.

⁴ САН, VIII, 150.

⁵ САН, VIII, 165 и сл. Примерно то же утверждает и Низе, II, 637.

в новую, так наз. вторую Македонскую войну с Филиппом, поскольку-де у первого не было причины недовольства македонским царем, корректно соблюдавшим условия мира 205 г. Вместо объяснения вопроса о мотивах вступления Рима в войну, Олло все сводит к внезапному и случайному изменению курса внешней политики римского сената¹. Указывая, в частности, в качестве конкретного повода вступления Рима в новую войну на Востоке на страх его перед коалицией сил Македонии и Сирии, Олло считает, что этот страх был неосновательным, объясняя его неискусшенностью римского сената в делах Востока. При этом Олло не обращает внимания на несовместимость этого простодушия и «невинности» (*inopense*) римского сената с выдвинутым им же положением о макиавеллистской его политике в Сирии в связи с вопросом о Египте.

Рим ничего не хочет для себя, согласно Олло, на Востоке. Эвакуация его легионов в 194 г. из Греции—это добровольный акт со стороны Рима. Он лишь неохотно появляется в Греции и то по призыву самих греков с их «вечными жалобами и ссорами». Рим, по мнению Олло, принципиально стоял и пытался стоять в стороне от восточных дел, так как для него будто бы была идеалом полная отгороженность от споров Востока².

Рим на Востоке служил, по мнению Олло, интересам других больше, чем своим собственным. Иными словами, невозможность для Рима приобрести территории на Востоке, первоначально, как это выявилось, в частности, в его договорах с Этолией и Пергамом, Олло объясняет умонастроением римского правительства. Поэтому и факты первоначальной вынужденной скромности Рима Олло считает доказательством принципиального бескорыстия Рима. Стремление сгруппировать события вокруг Рима практически привело Олло к тому, что все, не укладывавшееся в придуманный им для Рима идеал, в его уютную схему отгороженности Рима от споров Востока,— все это он снова и снова объявляет «случайным»³.

Для более исчерпывающей характеристики взглядов Олло по вопросам внешних отношений в Средиземноморье в период экспансии Рима на Восток особенно показательна дискуссия, которая развернулась у него на страницах специальной прессы с польским историком Валеком по одному из узловых вопросов международных отношений⁴.

Статья Валека «Римская политика в Греции и на эллинистическом Востоке в III в.» и ответ ему Олло в статье под тем же названием вообще характеризуют состояние современной историографии вопроса, направление ее и оценки в ней исторических событий.

Валек не согласен с положением Олло, будто римляне не знали, что они делают, и стали хозяевами мира против своей воли. Это, если не считать частностей, является наиболее существенным его расхождением с французским историком. Валек также переоценивает элементы римского влияния, начиная уже с иллирийских войн (стр. 31), считая, правда, эти войны преднамеренными и империалистическими. Согласно Валеку, впечатление незаинтересованности Рима в Иллирии создают искусственно источники—анналисты и Полибий. Это дает право Олло высказать в ответ ряд саркастических замечаний по адресу Валека, особенно в связи с указанием того на «проримское» направление источников. Беря в кавычки квалификацию источников Валеком, как «проримских», Олло иронически замечает, что, наконец-то, Валек сорвал маску с тех «лукавых писателей» древности, которые «обманывали всех историков до сего дня».

Не находя в источниках материала, который свидетельствовал бы, в частности, о решающей роли Рима в делах Иллирии, Валек готов видеть в этом умышленное замалчивание фактов древними авторами, не желавшими говорить и писать о захватах Рима. Олло, справедливо возражая против выводов Валека только по умолчанию источников

¹ САН, VIII, 156.

² Rome, стр. 94.

³ Кстати, слово *accidentalité* является одним из часто встречающихся в работе Олло. Устанавливая в качестве первопричины событий элемент чистой случайности, Олло таким образом фактически отказывается от объяснения событий.

⁴ W a l e k, La politique romaine en Grèce et dans l'Orient hellénistique au III-e siècle. R. Ph. XLIX (1925); H o l l e a u x, статья под тем же названием, R. Ph. L (1926).

о римских захватах, не считает возможным говорить о проримских симпатиях древних авторов. Но он не считается также с проримскими выводами и оценками роли Рима в источниках.

Фактически у обоих авторов получается заколдованный круг: они не ставят перед собою задачи отделить в источниках общефилософскую сторону их оценок от фактической ткани повествования.

Но зато оценки и выводы самого Валека вызвали резкие, временами даже лишенные характера академической сдержанности ответы Олло. Защищая свой тезис об отсутствии империалистических начал в римской внешней политике, о незаинтересованности Рима в делах Востока, Олло снова и снова подчеркивает, что именно пиратство иллирийцев вызвало оборонительные мероприятия Рима и что здесь не надо искать агрессивных действий со стороны его. Олло упрекает Валека в том, что, не веря в «невинность» римских сенаторов, он берет на себя неблагоприятную задачу сделать невинными пиратов и обвинить Полибия в клевете. Вопреки Валеку он считает, что именно опасения по адресу Македонии вызвали ряд предупредительных мер Рима в виде его иллирийских кампаний (57 стр.). В своей защите невинности Рима Олло даже в приглашении представителей Рима на истмийские торжества готов видеть только акт лести греков (61 стр.), а не страх их пред его империалистической мощью, как это утверждал Валек. Бескорыстие римлян, по мнению Олло, настолько велико, что проходит 4—5 лет, прежде чем римляне напомнили Деметрию Фарскому об обязанностях последнего как клиента,—так далеко в стороне от дел Востока они стремились будто бы стоять. На этом фоне римской сдержанности Деметрий Фарский и Филипп Македонский рисуются Олло, как «воришки на ярмарке» (*larrons en foire*), против которых Рим ополчился в 219 г.¹

«Я имею несчастье брать всерьез текст Полибия»², говорит Олло в ходе своей дискуссии с Валеком. Может быть, поэтому в ответ на положение польского историка о том, что не будь проникновения Рима в Иллирию, Филипп не был бы в 215 г. в союзе с Ганнибалом, Олло считает уже морскую экспедицию Филиппа в 216 г. явной попыткой последнего выступить против Рима (209 стр.). А потому и первая Македонская война, по его мнению, произошла именно по вине Македонии, а не Рима. Не согласен Олло с Валеком и в том, что в договоре 215 г. Филипп не выступал в качестве защитника эллинов Запада. Просто у «Филиппа было достаточно ума, чтобы понять» обстановку, умозаключает Олло, и поэтому «нужно было, чтобы Филипп прекратил свое шефство над греками, так как к этому его вынуждали обстоятельства» (210 стр.). Но Филипп, «без сомнения», до битвы при Каннах и сам намеревался прибрать к рукам Великую Грецию, утверждает Олло.

Борьбу за Иллирию со стороны Рима Олло поэтому считает стремлением последнего не к плацдарму для последующей завоевательной деятельности на Балканском полуострове, как это полагает Валек, а попыткой устранить отсюда угрозу нападения со стороны Македонии на Италию (211 стр.).³

¹ Здесь уместно отметить, что главный из этих «воришек» — Филипп, несмотря на «сговор», так и не выступал против Рима, вплоть до нападения на него римлян в 214 г. под Ориком.

² Речь идет о том месте из Полибия (V, 108, 4—5), где говорится не о стремлении Филиппа к завоеваниям в Италии, и именно о войне его против Рима, а лишь о переправе в Италию «для занятия опорных пунктов и устрашения врага неожиданным появлением» (V, 109, 2).

³ Установка сама по себе не новая. Еще Омо (Номо, R.Ph., CXXXII (1916) писал о первоначальной незаинтересованности Рима в делах Востока, относя лишь к задачам обороны даже захват о.о. Закинфа и Кефалении после 2-й Македонской войны. В своей книге (*L'Italie primitive et les débuts de l'impérialisme romain*, P. 1929) он снова возвращается к этой схеме обороны: Рим «никогда не думал о покорении Греции» (стр. 355), и хотя филэллинизм Рима был лишь «удобным орудием», но он совпадал со стремлением греков к политической самостоятельности, и т. д.

Общий вывод Олло по поводу римской внешней политики тех лет можно было бы сформулировать так: да, Рим воевал, но не воевать—значило простить Филиппу его деятельность во вред Риму.

Вряд ли эта дискуссия способствовала выяснению вопроса о международных отношениях Средиземноморья на рубеже III и II вв. до н. э. Произошло же это потому, что оба автора представляют себе Рим как решающую силу в международных отношениях, отказывая тем самым Греции и Македонии, и Сирии, и другим государствам в праве иметь свою собственную политику, свои задачи в этой области, о чем с такой убедительностью говорят данные, приводимые Полибием.

Отдавая должное эрудиции Олло, тем не менее, надо отметить, что, судя по его историко-философским предпосылкам и выводам по основным вопросам периода проникновения Рима на Восток, зарубежная историография зашла в тупик. У столь крупного историка, каким является Олло, приходится отметить бесперспективность положений и установок.

Исходя из романоцентрической точки зрения, т. е. в конечном счете из предпосылки о предопределенности Риму господствовать в Средиземноморье, о несравнимости его сил по отношению к возможностям его противников, Олло тем самым считает обреченными заранее сойти со сцены истории или так и не вступать на нее другие государства и народы, к которым судьба, «случай» были менее благосклонны. Это—теория об «исторических» и «неисторических» народах, несостоятельность которой опровергнута исторической действительностью. Все это в основном объясняется полным отказом автора исследовать внутреннюю подоплеку исторических событий, борьбу самих народов. Все это происходит в результате того, что Олло не видел решающего значения борьбы масс греческого Востока, потрясавшей древний мир на рубеже III и II вв. до н. э. Концепция Олло свидетельствует о том, что автор ее «случайно» или нет, является аналогом римского империализма.

П. Н. Тарков

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РИМСКОГО ВОЙСКА НА ДУНАЕ

Как известно, к началу III в. н. э. дунайское войско приобретает особенно важное значение в Римской империи. Оно поставляет солдат в преторианскую гвардию, его офицеры достигают в государстве высших командных постов, вплоть до императорского трона. Большинство императоров середины III в. выдвигаются иллирийскими легионами.

Обычно это преобладание дунайской армии объясняют, во-первых, ее численностью, обусловленной перемещением центра тяжести обороны империи с Рейна, где оставалось лишь 4 легиона, на Дунай, где к III в. стояло 10 легионов, а во-вторых, большой физической выносливостью, храбростью и боеспособностью иллирийских солдат, которые давали им преимущество перед войском восточных провинций, столь же многочисленным, но более слабым ввиду меньшей пригодности уроженцев Востока к военной службе. Однако здесь могли сыграть роль и другие причины, для выявления которых интересно будет выяснить изменения, происшедшие в III в. по сравнению со II в. в этническом и социальном составе дунайского войска.

Соответственных данных немного. В литературных источниках их вовсе нет. Основным материалом являются надписи. В подавляющем большинстве это эпитафии и небольшие сакральные надписи; имеется лишь несколько списков, получивших в разное время отставку ветеранов.

Поэтому и выводы по этому вопросу будут носить очень гипотетический характер. Рассмотрим данные по отдельным дунайским провинциям.

В Н. Мезии стояли легионы I Italica и XI Claudia. Для II в. мы имеем список векилляций легиона Italica 155 г. (CIL, III, 7479), содержащий 71 имя. В этом списке 11 человек—греки или уроженцы восточных, эллинизированных провинций. Далее

имеется еще ряд отдельных надписей II в., упоминающих солдат такого же происхождения (CIL, III, 7474, 744, 971, 2010, 756, 997, AE, 1902 № 128). Судя по ним, греки и уроженцы М. Азии занимают во II в. довольно значительное место в легионах Н. Мезии. В III в. появляется значительное число солдат, носящих местные фракийские имена¹ и получивших римское гражданство, судя по именам, только в связи с военной службой.

В Верхней Мезии стояли легионы IV Flavia и VII Claudia.

Для последнего мы имеем два списка ветеранов—один перечисляет солдат, принятых в 134 и 135 гг. и отпущенных при Антонине Пии и Веке (CIL, III, 8110), другой—солдат, принятых в 169 и отпущенных в 195 г. (Österreich. Jahreshefte, 1900, стр. 113—114). Первая надпись, к сожалению, очень испорчена, на ней сохранились всего 36 имен из 239, да и те недостаточно разборчивы. Однако можно разобрать, что 6 из них—греческие. Мы видим, что пропорция, примерно, та же, что и в списке *impulsi* легиона XI Claudia. 14 человек, видимо, получили гражданство при вступлении в легион, так как носят имя Элиев. Остальные были давнишние римские граждане.

Во втором списке приводится 100 имен ветеранов с указанием места их происхождения. Подавляющее большинство является уроженцами городов дунайских провинций. 12 человек происходят из Фракии, 2 из Македонии. Восточных уроженцев вовсе нет, что, вероятно, обусловлено истощением восточных провинций в связи с парфянской и армянской войнами и эпидемией чумы при Марке Аврелии.

Интересно отметить, что в первые десятилетия III в. здесь появляются солдаты с семитскими именами, вероятно, уроженцы Сирии и Пальмиры.

Итак, мы видим, что в войске Верхней Мезии, так же, как и в Н. Мезии, греки и азиаты во II в. были довольно широко представлены. Отличие состоит, видимо, в том, что легионы В. Мезии состояли и во II и в III вв. из более романизированных элементов—в надписях гораздо меньше местных имен, большинство солдат носит чисто римские имена и, вероятно, имеют гражданство до поступления на военную службу, так как имен, происходящих от имен императоров, значительно меньше.

В Дакии стояли легионы V Macedonica и XIII Gemina. Первый из них был переведен сюда из Н. Мезии в промежутке времени между Марком Аврелием и Септимием Севером, что позволяет легко датировать его надписи.

Список ветеранов этого легиона от 134 г., т. е. из времени его пребывания в Мезии (CIL, III, 6178), содержит 125 имен. Все они—чисто римские; очевидно все эти солдаты были гражданами до вступления в легион, так как среди них не встречается Ульпиев, т. е. лиц, которые бы получили гражданство только на военной службе².

К III в. могут быть отнесены надписи из времени пребывания легиона V Macedonica в Дакии. Из них только одна упоминает солдата с фракийским именем—Аврелия Седата (CIL, III, 885). Все остальные солдаты этих надписей, так же как и надписей легиона XIII Gemina, носят римские имена. Аврелиев довольно много, но они не в таком подавляющем большинстве, как в соответственный период в войске Н. Мезии. Очевидно в войске Дакии большее значение имели издавна романизированные элементы.

В Н. Паннонии стояли легионы I и II Adiutrices. Здесь количество греков и восточных уроженцев очень значительно. К сожалению, поддающихся датировке

¹ Сюда относятся надписи из Аквилеи, где часть легиона XI Claudia стояла во второй половине III в. (CIL, V, 878, 893, 940, 948; III, 20008, 2009, 776). Судя по тому, что одна из этих надписей упоминает солдата, убитого в Мавретании, они, вероятно, относятся ко времени от Галлиена до Проба, когда в Мавретании велась война с составшими туземными племенами. Возможно, что часть легиона была переведена в Аквилею в связи с борьбой Галлиена и Клавдия II с Авреолом.

² Ко II же в. относятся надписи солдат из Анкиры (CIL, III, 6181), Никомерии (AE 1937, № 70), Эдессы (AE, 1901, № 47), Троады (AE, 1911, № 188), Эфеса (там же, 189), Амастриды (CIL, III, 3844), Эмеса (там же, XXV) и ряда солдат, носящих греческие имена (CIL, III, 822, 1464, 6181, 6762, 7428).

надписей очень мало. Можно судить об их времени лишь очень приблизительно на основании имен солдат¹.

Греки и уроженцы М. Азии, преобладавшие во II в. среди восточных солдат, сменяются в III в. сирийцами. Почти все среди последних носят попен Аврелиев и семитический *cognomen*. Это указывает на то, что римское гражданство они получили недавно, возможно, в связи с поступлением в легион (или при отставке их отцов, служивших во вспомогательных частях).

В войске Н. Паннонии значительно также количество солдат, сохранивших местные фракийские, иллирийские или кельтские имена. Большинство из них относится к III в. За единственным исключением они все носят попен Аврелиев, следовательно, являются недавними гражданами².

В середине III в. легион II *Adiutrix* был пополнен кельтами из Реции и Норика.

В 267 г. Галлиену поставили надпись командиры этого легиона, называвшие себя *municipes ex provincia Raetia* (CIL, III, 3424).

Итак, мы видим, в войске Н. Паннонии, как и в других частях дунайской армии, во II в. значительное число греков и уроженцев провинций Ближнего Востока. В III в. их сменяют сирийцы. В это же время появляется значительное количество солдат из местных племен, еще сохранявших свои местные имена и лишь недавно получивших римское гражданство.

Представители иллирийских племен, видимо, в большом количестве привлекались в легионы Н. Паннонии уже с конца II в. К этому времени относится надпись получивших отставку солдат легиона II *Adiutrix*, называющих себя *cives Iasi ex provincia Pannonia Superiore* (AE, 1904, № 95).

В В. Паннонии стояли легионы X и XIV *Gemina*. Здесь солдаты значительно больше романизированы. Можно указать только несколько греческих и фракийских имен (CIL, III, 3904, 4182, 4184, 4440, 4556, 5702, 6180, 8727, 11148, AE 1934 № 78).

Большинство из последних относится к III в. Несмотря на очень значительную романизацию В. Паннонии, местный элемент и здесь в III в. приобрел известное значение.

Еще труднее, чем для легионов, составить себе представление об изменениях в составе *auxilia*. Во-первых, к каждой але или когорте редко относится более 2—3 надписей; во-вторых, предположение о датировке этих надписей можно делать только очень неточно — на основании известных из дипломов дат пребывания соответственной части в той или иной провинции. Поэтому в большинстве случаев можно говорить не о составе отдельных ал или когорт, а об общей приближенной картине изменений в составе *auxilia* в целом.

¹ Возможно, что ко II в. относятся солдаты и центурионы, часть которых указывает в качестве своего местопроисхождения города Греции и Малой Азии: Иконий (CIL, 11030), Пелагония в Македонии (CIL, 10497), какой-то город в Киликии (CIL, III, 11035), Фессалоникии (CIL, III 3528), Анкира (CIL, III 10497), Апамея (AE. 1906, № 108), а часть, видимо, происходит из этих же провинций, поскольку носит греческие имена (CIL, III, 435, 10500, 11034, 3455, 3568, 4285, 4315). К концу II и к III вв. можно отнести, судя по их именам (Аврелии), ряд солдат-сирийцев, происходящих из Сирии (CIL, III, 10316, 10320, 11076, AE 1910, № 127) или являющихся сыновьями ветеранов стоявшей в Интерцизе эмесской когорты (CIL, III, 4308, 3301, AE, 1910, № 128, 144; AE, 1929, № 52).

² Аврелий Иазиан, получивший имя от племени *iasii* (CIL, III, 10837), Аврелий Кастин (там же, 10956), Септимий Цезери (там же 11079), Аврелий Эптацент (там же, 10411), Аврелий Липор (там же, 10580), Аврелий Дролес (там же, 10469), Аврелий... .., происходящий из какого-то села в округе Бассианы—*regio Bassicanensi* (там же, 3936), Аврелий Аулопор (там же, 10504), Аврелий Месуквас (там же, 10506), Аврелий Сур (там же, 10569), Аврелий Папиа (там же, 10594), Аврелий Сита (там же, 3553), Юлий Эрависк (там же, 10515), Аврелий Гнилис (AE, 1909, № 196), Аврелий Битус (CIL, III, 10360).

В ряде частей, упоминающихся только в дипломах I в., так что к этому времени можно отнести и надписи их солдат, последние носят германские или кельтские имена или происходят из западных провинций (CIL, III, 2065, 3164, 3256, 3286, 4247, 4228, 4327, 4376, 4377, 5629, 7800, 9675, 9697, 10514).

В надписях, которые можно отнести ко II и III вв., преобладают местные уроженцы, отчасти сохранившие свои фракийские и иллирийские имена, отчасти, особенно в более поздних надписях, вполне романизированные, хотя и неправильно образованные—*praepomen* стоит вместо *cognomen* (CIL, III, 799, 843, 1583, 3394, 3400, 3679, 4360, 4369, 4373; AE, 1908, № 136), например Аврелий Марк.

Большую роль в этот же период начинает играть в вспомогательных войсках восточный элемент¹.

Кроме того, мы видим, что формируются новые части из уроженцев Сирии и Пальмиры, как *cohors Sagittarium Gordiana*, *cohors nova Severiana* *Surorum Sagittarium*; *numeri Palmyrenorum*, *Surorum Sagittarium*. Несколько солдат этих *numeri*, известных нам, носят чисто семитические имена (CIL, III, 337, 907, 7893, 7999): Сальмас-Раи, Болхас Боннай, Гурас Иддей.

Как мы видим, во вспомогательных войсках, как и в легионах, в конце II в. и начале III в. оказывается значительное число романизированных уроженцев Сирии и Пальмиры.

Итак, во II в. в дунайской армии было значительное количество (если судить по вышеприведенным спискам, $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$) греков и выходцев из М. Азии, Азии, Понта, Вифинии, а также из Сирии и Пальмиры. Это обстоятельство так же, как и переводы отдельных солдат и командиров и целых частей с Востока, усиливало связь дунайской армии с восточными провинциями. На ориентализацию дунайского войска влияло, вероятно, и значительное количество греческих и восточных рабов, которые, судя по надписям, находились во владении солдат и командиров. Нередки были браки последних со своими греческими вольноотпущенниками. Эта связь с Востоком проявляется в различных сторонах жизни дунайского войска. Так, Дион Кассий сообщает, что Паннонские легионы были склонны оказать поддержку Авидию Кассию, восставшему на Востоке в конце правления Марка Аврелия. Возможно, что этим отчасти обуславливалась популярность восточной политики Коммода и первых Северов среди дунайской армии, в частности, насаждение восточных культов.

Уроженцы дунайских провинций, служившие во II в. в легионах, как мы видели из списков ветеранов и надписей отдельных солдат, происходили из местных городов. В этом смысле набор в легионы подчинялся здесь общим правилам. Однако можно отметить некоторые особенности. При сравнении списков солдат и ветеранов дунайских легионов, последний из которых падает на 195 год, с аналогичными документами из Египта и Африки бросается в глаза незначительное количество на Дунае солдат, происходящих из лагерей—*castrenses*, которые в упомянутых провинциях составляют от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего состава. Лескье и Канья в своих работах об египетской и африканской армиях высказывают предположение, что в этих провинциях—в Египте уже очень рано, в Африке несколько позже—складывается особое военное сословие, так что в армию набирались, главным образом, сыновья солдат.

На Дунае такое военное сословие не возникало, армия пополнялась в основном за счет гражданского населения.

Некоторое исключение представляет Н. Паннония, где, судя по эпитафиям солдатских семей, военная профессия нередко переходила от отца к сыну и даже внуку (CIL, III, 1056, 3276, 3308, 3319, 3398, 3538, 3543, 3660, 9311, 10316; AE, 1910, №№ 138, 144).

¹ Встречаются солдаты из Цезарей (CIL, III, 1352), Итуреи (CIL, III, 4371), Аре-тузы (AE, 1910, № 131) и Эмессы (CIL, III, 3334, 10318, AE, 1901, №№ 7, 1.6; 1903, № 111; 1909, № 150; 1910, №№ 136, 137; 1929, №№ 50, 51). Многие не указывают своего местопроисхождения, но носят греческие или семитические имена (CIL, III, 793, 901, 3350, 4367, 6267, 7473, 8250, 9735; AE, 1902, № 121; AE, 1938, № 6).

В других легионах такие случаи редки (CIL, III, 822, 1056, 3284, 4184, 4459; AE, 1933, № 248).

В Н. Паннонии часты случаи, когда отец служил в войсках auxilia, а сыновья — в легионах. Особенно тесна связь между последними и солдатами эмесской когорты. Это отчасти объясняется тем, что сирийцы, входившие в состав эмесской когорты и в другие части нижнепаннонских вспомогательных частей, не сразу ассимилировались и составляли особую группу, в которой военная профессия становилась наследственной. Но возможно также, что это было связано со слабой романизацией Н. Паннонии, вследствие чего правительство предпочитало брать в войско, по крайней мере частично, сыновей солдат; семьи, в которых два поколения уже состояли на военной службе, впоследствии могли быть более надежными проводниками римской политики и цивилизации среди остального населения.

Однако и в этой провинции многие солдаты во II в. набраны из городов, а сыновья их не поступают на военную службу. В других провинциях Дуная это — общее правило. Военные не только не замыкаются в отдельную группу, но, напротив, связь их с гражданским населением, их роль в муниципальной жизни больше чем где бы то ни было.

Часто высказывавшееся предположение, что ветераны, получив после отставки деньги или землю, по непривычке к мирной жизни и хозяйству быстро разорялись и деклассировались, совершенно не оправдывается для Дунайских провинций. Здесь ветераны и их сыновья занимают почетные места в городах. Их роль проводников римской цивилизации и римской политики сохранялась, таким образом, и после того, как существовавшая до Траяна система назначения отдельных солдат и офицеров начальниками придунайских городов и округов была заменена обычным муниципальным строем.

Особо отличившиеся военные избирались декурионами, магистратами и патронами нескольких городов (CIL, III, 1101; AE, 1900, № 155; 1901, № 27, 1911 № 172).

Большую роль в культе, городской и хозяйственной жизни играли коллегии ветеранов, которые в других провинциях исчезают с середины II в., а на Дунае сохраняются до половины III в.¹

Ветераны входили в культовые (CIL, III, 1054, 10994; AE, 1906, № 108) и ремесленные (CIL, III, 354, 1189, 10519) коллегии. В Карнате даже была коллегия плотников, состоявшая исключительно из ветеранов (CIL, III, 4496). Они были иногда патронами коллегий, магистратами. Вообще, видимо, муниципальная жизнь была тесно связана с жизнью войска, особенно в городах, возникших около легионных лагерей. Так, сенат Троевма ставит надпись в честь префекта лагерей легиона V Macedonica (CIL, III, 776), — по мнению Юнга², в связи с тем, что он стал магистратом этого города, когда ему были пожалованы права колонии. В 210 г. посвящение капитолийской троице выполняется совместно легионом II Adiutrix и колонией Аквинком (CIL, III, 10428). При Коммод декурионы каких-то ал дали выполненный затем магистратами Напоки обет воздвигнуть статую в честь императора, если некий прокуратор Элий Констант сделается декурионом этого города (CIL, 865).

Эта характерная для дунайских провинций тесная связь армии с населением и ведущая роль военного элемента возрастают в III в. Однако в это время происходят значительные изменения в принципе набора армии, и соответственно, в ее положении относительно гражданского населения страны.

В работе Die Conscriptiionsordnung des Römischen Heeres³ Моммзен пишет, что в первые два века империи строго проводилось различие между легионерами, имевшими

¹ Различных магистратов из ветеранов мы встречаем в Саварии (CIL, III, 419, 1192, 4183), Сармизегетузе (CIL, III, 1126, 1485; AE, 1936, № 248), Троезме (CIL, III, 6162, 7560), Бригетии (CIL, III, 4298), Аквинке (CIL, III, 1052), Эмоне (CIL, III, 3946), Напоке (CIL, III, 7557, 15827), Виминации (AE, 1901, № 206) Дробете (AE, 1897, № 84), Ратиарии (AE, 1894, № 67), Томи (CIL, III, 770), Никополе (CIL, III, 1560) и других городах (CIL, III, 8194, 9847; »Öst. Jahreshefte«, 1910, № 29).

² J. Jung, Inschrift aus Apulum, »Österreich. Jahreshefte« 1909, Beiblatt, стр. 142.

³ Gesammelte Schriften, B. VI, стр. 45 сл.

обязательно городскую родину, и солдатами *auxilia*, происхождение которых обозначалось их этнической принадлежностью. В III в. упадок юридической мысли и языка привел к смешению понятий, и солдаты стали указывать свое происхождение произвольно, независимо от того, принадлежали ли они к легионам или к *auxilia*. Однако, мне представляется, что причина этого явления лежит не только в смешении юридических понятий, но и в фактическом изменении положения вещей.

В III в. дунайская армия вербует уже не из местных и азиатских городов, как во II в., а из сельских местностей, причем это относится не только к вспомогательным частям, но и к легионам.

Предположить это позволяет ряд прямых и косвенных данных.

Во-первых, в ряде надписей, относящихся к III в., солдаты непосредственно указывают в качестве своего места происхождения какое-либо село или свою этническую принадлежность, предполагающую отсутствие у них городской родины: солдат легиона I *Adiutrix* Аврелий Кларин, родившийся в Н. Мезии в округе Марцианополя в селе.... (CIL, V, 892), солдат легиона II *Adiutrix*, происходящий из какого-то села в округе Бассианы (CIL, III, 33366), Аврелий Мартин, солдат легиона IV *Flavia*, родившийся в каком-то селе округа Виминация (там же, 195), солдат легиона XI *Claudia* Валерий Лонгин из села Абританор в Н. Мезии, легионер Аврелий Мока, родившийся в Дардании в селе Зотиде.

Больше соответственных данных в надписях солдат римского гарнизона III в., поскольку солдаты, оставшиеся в своей провинции, обычно своего местопроисхождения не указывали. Но и римские надписи вполне доказательны, так как преторианцы и *equites singulares* набирались обычно из легионеров и, следовательно, их состав говорит и о составе соответственных легионов.

Ряд солдат здесь прямо указывает своим местом рождения то или иное село или округ¹.

Другие просто указывают свое происхождение из той или иной провинции, обозначая его *natus in provincia Pannonia, Dacia* и т. д. или *natione bessus, pannonius, raciscus, moesiacus* (CIL, VI, 2485, 2425, 2601, 2488, 2494, 2495, 2521, 2525, 2871, 2602, 2662, 2699, 2696, 2697, 3191, 3196, 3447, 3277, 3285, 3392, 3393, 3266, 3292, 3223, 3234, 3238, 3199, 3200, 3204, 3214, 32800). Эти лица, вероятно, также происходили из сел соответственных провинций. Так, в одной надписи мы видим, что эпитафию солдату Элию Матерну, *natione pannonius*, ставит его брат Тит Марцелл, обозначающий себя как *pannus* (CIL, VI, 3183). Значит, они происходили из какой-то сельской местности в Паннии.

Даже если солдат обозначает себя как гражданина—*civis*—какого-нибудь города, то не всегда может свидетельствовать о его городском происхождении. В надписи от 227 г., поставленной солдатами, происходившими из сел в районе Филиппополя, они называют себя *cives Philippopolitanorum*, но в качестве места своего рождения указывают различные села округа. Очевидно, вступая в армию и получая в ней римское гражданство, солдат получал и фиктивную городскую родину, которую он указывал в официальных надписях, тогда как в частных надписях, главным образом в эпитафиях, он сохранял обозначение своего действительного места происхождения. Этим же, вероятно,

¹ Аврелий Муциан из Филиппополитанского округа в надписи от 241 г. (CIL, VI, 30685), солдаты Флавий Приклиан, Клавдий Муциан, Аврелий Валериан, Валерий Максим—уздичены из села Агатапора (там же, 32582), солдаты Эпикад и Флавий Фуск из села в Дардании Тития (там же, 32605), ряд солдат различных когорт, поставивших надпись в 227 г., происходящих из сел в округе Филиппополя (там же, 2807), солдаты из округа Марцианополя (там же, 2808), Ульпий Януарий из села Вольционя около Саварии (там же, 3306), Аврелий Местр из села Биалкоста округа Поталиензийского (там же, 2772), Аврелий Марк из села Статия во Фракии в надписи от 239 г. (там же, 2707), Аврелий Валенс из какого-то села в Мезии (там же, 2818), Аврелий Пассар из округа скордисков в Дакии (там же, 2698), Антоний Патерий из села Киниска в округе Ратиария (там же, 2730), Аврелий Мукон из села Перпера в Мезии (там же),

объясняется то, что в списках преторианцев, сохранившихся, правда, только от начала III в., указывается городская родина солдат.

На сельское происхождение солдат дунайского войска указывает и то обстоятельство, что если во II в. восточные солдаты дунайской армии происходили в основном из городов М. Азии, Понта, Вифинии, Греции и носили греческие имена, то в III в. это главным образом уроженцы Сирии и Пальмиры, сохранившие семитические имена и почти все носившие помет Аврелиев, т. е. получившие гражданство недавно, может быть, тоже в связи с поступлением на военную службу. Особенно характерно усиление роли жителей Пальмиры, где, как известно, было большое крестьянское население, из которого правитель Пальмиры Оденат набрал отряды, разбившие персов во время их победоносного продвижения после поражения и пленения императора Валериана (SHA, XXII, 4. 2),

Если во II в. была сильна связь военных с городами, то в III в. возрастает их связь с селами и сельскими жителями. Так, односельчане ставят эпитафию погибшему в Мавретании солдату Аврелию Даза. Солдат Сервий Эмерит сооружает алтарь Юпитеру от имени жителей *vicus Gallorum* (CIL, III, 4407), когорты *Raetorum* и *numerus Brittanorum* поставили статую Юпитеру за сельчан Миции—*pro salute vicanorum Micensium* (AE. 1901, № 40). В каком-то селе около Бригетия в коллегии почитателей Юпитера было двое солдат (CIL, III, 10994); в надписи от 227 г., содержащей список членов коллегии Вакха, уроженцев какого-то села в районе Никополя, также встречается несколько солдат и ветеранов (там же, 7437).

В связи с этим надо отметить, что в III в. большое значение приобретают в войске объединения солдат, принадлежавших к одному племени или происходивших из одного села и одного округа. Элий Аристид, живший при Антонине Пии, в своем «Панегирике Риму», превознося мудрость римской политики в отношении организации войска, пишет, что перегрины, поступавшие в войско и получавшие римское гражданство, порывали совершенно со своей прежней родиной и даже «впоследствии они стыдятся называть себя гражданами той общины, в которой некогда числились гражданами». Действительно, во II в. мы не видим, чтобы солдаты объединялись для каких-нибудь целей по признаку общности происхождения. Коллективные надписи богам и императорам ставят одновременно получившие отставку ветераны, коллегии различных чинов *immunes*, отдельные войсковые части и подразделения *vexillationes*. Солдат, ставший надгробный памятник своему умершему товарищу, подчеркивал, главным образом, свои отношения к нему, сложившиеся на службе, обращаясь к покойнику: *commilitoni, contubernali, commanipulari, contironi, convetarano*. Он же нередко является и наследником умершего.

Напротив, в III в. над служебными отношениями преобладают родственные и племенные. Это особенно наглядно видно для уроженцев дунайских провинций, служивших в римском гарнизоне.

Особенно характерна уже неоднократно упоминавшаяся надпись от 227 г. (CIL, VI, 2799). Она поставлена Асклепию Зимидрену гражданами Филиппополя, имена которых приводятся вместе с местом рождения и службы. Всего их 19 человек из различных когорт и центурий. Объединяет их общность происхождения и общий культ местного бога¹.

В эпитафиях теперь тоже отмечается нередко, что надгробный памятник поставлен односельчанами и согражданами (CIL, VI, 2732, 3177, 3180 и др.), они же являются наследниками умершего солдата, если у него нет семьи.

Это подтверждает, насколько в III в. возросла связь армии с местным, преимущественно сельским, населением. Вступив в войско и став римским гражданином, если не был им раньше, солдат, тем не менее, оставался гражданином своего села или округа, поддерживал отношения со своими односельчанами и по окончании службы охотно возвращался к себе на родину.

¹ Можно указать аналогичные примеры: CIL, VI, 2807, 2819, 2831, 32605, 60685.

Ветераны в III в. играли в селах значительную роль. Они были там почетные лица, нередко являлись инициаторами в демонстрациях лояльности своих односельчан.

В надписях из сел Н. Мезии и Дакии, представляющих собой посвящения Капитолийской троице за благополучие правящих императоров от различных категорий жителей этих сел, ветераны занимают первое место. В Мизии курия ветеранов вместе с односельчанами ставит статую Юпитеру (АЕ, 1931, № 126). В 233 г. храм Августу за благополучие Александра Севера и его матери выстроили ветераны *consistentes Augusta Truiana* (АЕр., 1933, № 90). В районе Бригедия ветеран Аврелий Виталис ставит надпись в честь двух Августов от имени всех толезийцев, видимо жителей какого-то села (CIL, III, 10982). Ветеран легиона V *Macedonica* Юлий Валерий в качестве магистрата села Веробритана сооружает алтарь гению-покровителю этого села (АЕ, 1901, № 41). Наконец, ответ Гордиана на известную петицию жителей сел Скаптопорена и Гресейи был передан им через солдата Аврелия Пурра, их односельчанина и совладельца, *convicanus et conpossessor*, — вероятно, вследствие того, что он был одним из видных лиц в своем селе.

Ветерану тем легче было занять после отставки почетное место, что, еще состоя на службе, солдаты III в. приобретали значительное благосостояние. Если во II в. они ставили алтари или статуи, то в III в. они могли осуществлять на свои средства и более дорогие постройки¹.

Связь армии с сельскохозяйственным населением усиливалась также благодаря тому, что солдаты стали получать для обработки земельные участки из территории своей войсковой части. Интересно, что в одной надписи времени Каракаллы один солдат легиона XIV *Gemina* называет себя *conductor prati Furiani* (АЕ, 1900, № 156). Как известно, *conductor* был крупный съемщик земли, который затем пересдавал ее более мелкими участками. Но, вероятно, большинство солдат, взяв в аренду войсковые земли, обрабатывали их сами с помощью рабов.

С другой стороны, если солдаты приближаются к положению сельскохозяйственного населения, то последнее под влиянием роста опасности со стороны варваров милитаризуется, привлекается к службе в отрядах местной милиции. Так, в одной надписи 239 г. упоминается бенефициарий легиона XIII *Gemina*, бывший одновременно и эдилом Напоки, который командовал отрядом, набранным в селе Самум, какого-то округа, по предположению Моммзена, относившегося к одному из *gentes liberae* Дакии (CIL, 7683). Может быть, к таким же нерегулярным отрядам относились *milites Histricorum* (CIL, III, 3370) и *equites catafractarii pietovenses* (АЕ, 1901, № 121).

Интересные аналогии мы находим в некоторых частях рейнской армии, главным образом в ее восточной части, в районе Майнца.

Судя по некоторым надписям середины III в., лица, служившие в местной милиции, получали иногда привилегии и иммунитеты не от правительства в общем порядке, как ветераны регулярных частей, а от своих односельчан (A. Riese, *Das rheinische Germanien*, 1787; АЕ, 1901, № 73; 1909, № 135). Это наводит на мысль, что села как некое целое были обязаны выставлять определенное количество солдат. Возможно, что в связи с этим вышеупомянутый бенефициарий и эдил Напоки, командовавший отрядом из села Самум, по одному из вариантов чтения этой надписи, производил и cens в этом селе.

¹ При Александре Севере солдат легиона I *Adiutrix* построил для села на свой счет храм Юпитеру (CIL, III, 10984), в то же время корникуларий этого легиона отремонтировал храм различным богам (там же, 11079). В 216 г. ветеран легиона II *Adiutrix* на свои деньги построил часовню для священных знамен своего легиона (там же, 3526); став центурионом, некий солдат легиона II *Adiutrix* выстроил храм гению-покровителю этого легиона (там же, 10403); в 240 г. солдат легиона X *Gemina* подарил храм своим односельчанам (АЕ, 1938, № 153); при Каракалле Юпитеру и Юноне выстроил храм солдат легиона XIII *Gemina* (CIL, III, 1070); при Александре Севере жена ветерана какой-то вспомогательной когорты выстроила баня для этой когорты (там же, 8153); солдат какого-то легиона и его жена на свои средства выстроили храм Юноне (там же, 10955); храмы Митре и солнцу построили 2 брата — солдаты легиона III *Adiutrix*.

Изменения в наборе в армию и в ее положении отразились и на культе. К середине III в. надписи в честь восточных богов становятся единичными. Основная масса сакральных надписей этого периода посвящена Юпитеру и гениям места.

В дунайских провинциях культ гения места наблюдается повсеместно. Его распространение, несомненно, обусловлено переходом солдат к положению землевладельцев, тесно связанных со своей территорией. Такими же причинами, вероятно, обусловлено и появление культа домашнего Сильвана (*Silvanus Domesticus*). Сильван, лесной бог, с которым отождествлялось какое-то местное божество, так же как и Диана, всегда был популярен в дунайской войске. Домашевский объясняет это обилием лесов, среди которых солдаты строили свои лагеря. Но в III в. этот бог часто фигурирует с эпитетом *domesticus*, что, я думаю, также связано с ростом значения домашнего очага для солдата на его земельном участке.

Продолжает почитаться популярный и раньше на Дунае сельскохозяйственный бог Либер. Появляются и посвящения матери-Земле. О значении культа Либера в это время свидетельствует то, что считавшийся с настроениями дунайской армии император Галлиен включил этого бога в официальный пантеон высших римских богов и выбил в его честь монету с надписью *Liber Pater Conservator*. Это распространение в войске культов сельскохозяйственных богов Либера и матери-Земли лишний раз подтверждает рост связи между солдатами и сельскохозяйственным населением дунайских провинций.

Повидимому, дунайская армия оставалась главным оплотом центральной власти во время кризиса III в.

Правда, *Scriptores Historiae Augustae* говорят о двух узурпаторах, выдвинутых войсками и жителями Мезии—Ингенуе и Регеллиане. Сообщения эти очень недостоверны, так как никаких монет этих двух претендентов на престол до нас не дошло. Ван-де-Веерд¹ считает, что Ингенуя и Регеллиана выдвинуло войско В. Мезии, так как первый был наместником соседней с ней В. Паннонии (CIL, III, 4064). Моммзен относит к его жене надпись из В. Паннонии, из *Poetovio—Iuliae Augustae matri castrorum Poetovionensium* (CIL, III, 4064). Если это так, то восстание Ингенуя, очевидно, имело место в В. Паннонии и носило чисто локальный характер, поскольку его жена называется только матерью петовийских лагерей. В пользу этого свидетельствует также одна недавно опубликованная надпись времени Галлиена, найденная в Петовии и представляющая собой посвящение Митре от начальника легионов V *Macedonica* и XIII *Gemina Flavia Apra*, от его штаба и нескольких коллегий *imunes* этих легионов (AE, 1936, №№ 53—56). Возможно, что части этих легионов находились в Петовии в связи с подавлением мятежа Ингенуя. *Scriptores Historiae Augustae* повествуют о расправе Галлиена с населением после подавления восстания и опустошении многих городов в результате проведенной им карательной экспедиции (XXIII, 9, 3). То, что *Scriptores Historiae Augustae* говорят не о Паннонии, а о Мезии, объясняется, возможно, тем, что некоторые волнения были и в этой провинции, однако, видимо, не в В. Мезии, как считает Ван-де-Веерд, а в Н. Мезии.

В 1937 г. была опубликована любопытная надпись из Аквинка (AE, 1937, № 164). Она представляет собой посвящение Марсу от некоего *vir egregius* Клодия Целерина, которому этот бог пришел, по его просьбе, на помощь, когда он находился при легионе VII *Claudia* и был послан «для уничтожения имени жесточайшего господства»—*missus ad eradicandum nomen saevissimae dominationis*—и когда вексиляции Н. Мезии не хотели совлекать со своих военных значков изображений врагов общества—*hostium publicorum*. Тогда, решившись на стычку, он поверг выстроенных в боевой порядок врагов. Альфельд² относит эту надпись ко времени борьбы Галлиена с восточным узурпатором Макрианом и его сыновьями. Макриан, по рассказу SHA, пришел со своим войском во Фракию и Иллирию и здесь был разбит и убит полководцами Галлиена. В приве-

¹ Van de Weerd H., *Étude historique sur trois légions romaines du Bas-Danube*, 1907, стр. 222.

² См. комментарии к этой надписи в AE, данные вместе с публикацией.

ценной надписи интересно, во-первых, то, что стоявший в В. Мезии легион VII Claudia, очевидно, участвовал в войне на стороне Галлиена и, следовательно, вряд ли восставал против него и подвергался наказанию, как сообщают SHA, поскольку восстания Ингенуя и Макриана происходили почти одновременно. Во-вторых, то, что среди частей легионов Н. Мезии было какое-то волнение в пользу «врагов общества», т. е. Макриана и его сыновей. Это, по всей вероятности, и дало повод SHA предполагать, что жители и солдаты Мезии выступали против Галлиена, но, согласно их версии, на стороне Ингенуя и Регеллиана. Путаница эта могла легко произойти вследствие хронологической близости событий и обычной недостаточной осведомленности SHA. То, что в войсках Н. Мезии одно время существовали мятежные настроения, подтверждается, возможно, и тем, что одно время при Галлиене в восточной Македонии находились вексилляции легиона II Parthica, стоявшего в Италии, и II Augusta, стоявшего в Африке (AE, 1934, № 193). Может быть, они были присланы для борьбы со сторонниками Макриана, пытавшимися захватить власть в Греции и Македонии. То, что для этой цели не были использованы войска граничившей с Македонией Н. Мезии, а были вызваны части столь отдаленных легионов, показывает, что первые были тогда недостаточно надежны. Возможно, что такое временное отклонение в сторону восточных узурпаторов было вызвано каким-то ущемлением экономических интересов городов Н. Мезии, поскольку нам известно, что во времена Деция, правившего незадолго до Галлиена, они теряют право чеканки своей монеты. Недовольство части населения могло передаться и связанному с ним войску. Во всяком случае долго это положение вряд ли продолжалось, поскольку на монетах Галлиена среди других дунайских легионов фигурируют и легионы Н. Мезии с эпитетами VI и VII pia fidelis.

Судя по тем же моментам, дунайские легионы были в период кризиса лояльны в отношении Рима.

Все вышесказанное позволяет усомниться в правильности распространившегося в последнее время в западноевропейской литературе взгляда на армию III в. как на сборище деклассированных элементов, которые из бессмысленной ненависти к богатству и культуре истребляли римскую интеллигенцию и погубили античную цивилизацию. Этот взгляд в значительной мере примыкает к традициям римской сенатской историографии, ненавидевшей солдат и так называемых «солдатских императоров». На деле армия, по крайней мере, наиболее значительная дунайская армия, в III в. была тесно связана с свободным земледельческим населением, солдаты и ветераны были более или менее зажиточными землевладельцами, видными лицами в селах, сельские жители поступали в регулярную армию или участвовали в местной милиции, связанной через своих командиров с легионами и auxilia.

Мне представляется, что именно этот переход к набору солдат из сельских жителей отчасти обусловил роль, которую дунайская армия приобрела в III в. Дело в том, что, по всей видимости, в Дунайских провинциях более, чем в других, сохранялось мелкое свободное землевладение. В Галлии мы только на северо-востоке в надписях III в. встречаем *vici* и *viciani*. В остальных ее частях ведущая роль переходит к крупным поместьям. В Африке основная масса земли была собственностью императора или крупных владельцев и обрабатывалась колонатами. Концентрация земли наблюдается и в некоторых азиатских провинциях. На Дунае же оставалось большое число свободных мелких землевладельцев. Существует мнение, что кое-где, среди *gentes liberae*, сохранялась еще свободная сельская община. Эти свободные крестьяне, несомненно, представляли наиболее благодарный материал для армии. Об этом говорит, между прочим, и Вегеций, писавший, правда, гораздо позже, но использовавший опыт и теорию предыдущих веков. Служба в армии давала крестьянам реальные преимущества. Не имевшие еще римского гражданства получали его и ценили еще это отличие (только на Дунае сохраняется еще в III в. почетное наименование некоторых частей — *civium Romanorum*, распространенное во II в., но исчезнувшее в других армиях после эдикта Каракаллы); они получали землю, представлявшую для свободного крестьянина реальную ценность, получали инвентарь и средства для обработки земли, освобождение от

налогов и повинностей, что было очень важно тогда, достигали почетного положения среди своих односельчан.

С другой стороны, императоры III в., если не считать так называемых «сенатских императоров», находились в постоянной борьбе с растущим крупным землевладением, были заинтересованы в поддержке армии, состоявшей из свободного крестьянства. Недавно конфискованная у богатых землевладельцев земля не только поступала в собственность императора, но и раздавалась солдатам. Возможно, что в событиях III в. армия выступала не только как вооруженная сила, но и как представительница связанных с ней слоев мелких свободных землевладельцев, заинтересованных в сильной центральной власти, способной ограничить притязания крупных собственников. Этим, может быть, объясняется распространение в III в. в армии императорского культа, а также культа Юпитера, символизировавшего мощь римского государства. С этим вполне согласуется то, что Галлиен, чрезвычайно популярный среди солдат дунайской армии и ненавидимый сенатской историографией, старался поднять значение Юпитера, как верховного бога империи и войска, и выбил в его честь ряд монет с соответственными надписями и изображения.

Е. М. Штаерман

ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLEMENT

ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ
В
NATURALIS HISTORIA
ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

К ВОПРОСАМ О НАУКЕ И ТЕХНИКЕ В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

Для воссоздания истории античной науки и техники современному исследователю необходим материал двоякого рода. Ему нужны, во-первых, данные, по возможности точно и полно описывающие разнообразные технические процессы, практиковавшиеся в античной древности, во-вторых, сведения о том, какое место эти процессы занимали в тогдашнем обществе, кто были их исполнителями и руководителями, каково было социальное положение и вес тех и других, как относились различные классы общества к области техники практически и теоретически,—словом, помимо знания самих технических процессов современному историку нужно также знание той общественной и идеологической среды, в которой эти процессы развивались.

В качестве литературных источников истории науки и техники мы располагаем произведениями двоякого рода. Это, во-первых, специальные сочинения чисто технического содержания, вроде книги Витрувия об архитектуре, Катона—о земледелии, Фронтин—о водопроводах и т. д., во-вторых, сочинения иного содержания, узкого или широкого, попутно дающие, однако, сведения и о технике; таковы, например, медицинский трактат Диоскорида или «География» Страбона. Если источники первой категории сообщают историку более полный и надежный материал фактов, то именно источники второй категории помогут ему в большей или меньшей степени представить себе то общественное и идеологическое окружение, в котором совершалось развитие античной техники. Знаменитая «Естественная история» Плиния как источник истории античной науки и техники принадлежит одновременно к сочинениям той и другой категории. Если некоторые сообщаемые ею технические данные при общей скудости наших сведений этого рода представляют огромную ценность, то, пожалуй, не меньшее значение имеют ее общие данные, позволяющие нам судить о том, какое место занимали вопросы техники в общественной жизни и умственных интересах той эпохи.

Характеристике тех и других данных нашего источника мы предположим несколько слов о самом Плинии и об общем содержании его книги.

Наши сведения о Плинии весьма скудны. В истории за ним сохранилась слава первой жертвы научной любознательности: действительно, в конце августа 79 г. во время страшного извержения Везувия, когда все окрестные жители искали спасения в бегстве, Плиний, в то время командир Мизенской эскадры, с немногими спутниками поспешил к месту катастрофы и здесь погиб, наблюдая небывалое явление природы. Название его знаменитого произведения—«Естественная история»—создало ему репутацию натуралиста, которая держалась вплоть до начала XIX в. И, однако, всего менее Плиний может быть признан естествоиспытателем, да и вообще человеком науки в обычном для нас смысле. Правда, всю свою жизнь он провел в ученых зачя-

тиях, и, можно сказать, буквально не выпускал книги из рук. Где и что только он не читал? В бане, за обедом, в дороге, на прогулке, в постели. Если он не читал, то слушал и если не писал сам, то диктовал. Он засыпал над своими книжными занятиями и, просыпаясь, тут же продолжал их. Ему принадлежит знаменитый афоризм, что нет такой плохой книги, из которой нельзя было бы извлечь хотя бы крупицу пользы. За накопившуюся у него груды выписок и конспектов ему предлагали огромную сумму — равную цензу всаднического сословия. Но все эти ученые занятия были делом только его досуга. По профессии Плиний был не ученый, но человек практического дела и государственной службы, которую он начал при императоре Клавдии в армии и продолжал затем на гражданских административных постах. Эта служебная деятельность прервалась лишь на несколько лет при Нероне, когда Плиний предпочел оставить службу и заняться частной адвокатской практикой. Однако при Веспасиане она возобновилась и уже не прекращалась до самой смерти. Последним постом, на котором он погиб, было, как уже сказано, командование Мизенской эскадрой императорского флота¹.

Многолетняя служебная карьера, в течение которой Плинию пришлось подолгу жить в различных пунктах Италии и провинций, особенно западных, должна была не только дать ему огромный опыт в военных, административных и государственно-хозяйственных делах, но и необычайно расширить его кругозор благодаря знакомству с бытом и нравами многих местностей и племен империи. Тем более замечательно, что этот практический опыт и знания почти не оставили следов в его «Естественной истории». Этот труд целиком представляет компиляцию материалов, извлеченных из «двух тысяч томов, принадлежащих сотне авторов, как указывает сам Плиний в своем «Предисловии». К ним он прибавил «множество предметов, которые были либо неизвестны его предшественникам, либо открыты жизнью впоследствии» («Предисловие», 17). Однако в его труде заметно очень мало следов собственного личного опыта и наблюдений. Это — плод исключительно книжной учености.

Для каких читателей и с какой целью написал Плиний свое произведение?

Дать ответ на эти вопросы, особенно на второй, не так легко и просто, как это могло бы казаться с первого взгляда. Характеризуя собственный труд в «Предисловии», Плиний противопоставляет его модному в то время риторическому жанру литературы, как «сухую материю»; в нем, говорит наш автор, «речь идет о природе, т. е. о жизни, притом в самой низменной ее части». Далее, в нем «для большинства предметов применяются слова либо из деревенского обихода, либо чужеземные, даже варварские, за употребление которых приходится сначала извиняться» (там же, 13). Соответственно этому книга предназначается не для тонких любителей изящной литературы, но для «скромной публики», для массы «практиков сельского хозяйства и ремесел, чуждых собственно литературных интересов» (там же, 6). Если верить этим словам «Предисловия», сам Плиний видел в своем сочинении руководство по разным отраслям знания, и если бы оно действительно было таковым в нашем смысле слова, оно представляло бы необычайную ценность для истории техники и материальной культуры вообще. Однако дальнейшее рассмотрение покажет, что дело обстоит не совсем так.

О книге своего дяди Плиний Младший говорит, что это труд «огромного охвата и учености, столь же разнообразный, как сама природа». Сам автор характеризует ее как энциклопедию, содержащую «двадцать тысяч достойных внимания предметов» и предназначенную служить в качестве справочника. Беглый обзор содержания сочинения как будто подтверждает такую характеристику. Действительно, в его 36 кни-

¹ Более подробные сведения о жизни и литературной деятельности Плиния читатель найдет у M. Schanz, *Geschichte der lateinischen Literatur*, 3-е изд., II, 2, 1913, стр. 479 сл., у D. Delfsen, *Untersuchungen über die Zusammensetzung der Naturgeschichte des Plinius*, Berlin, 1899, и у K. Ulrichs, *Chrestomathia Pliniana*, Berlin, 1857, «Введение», а также в введении к французскому переводу Плиния Литтре в Nisard'овской «Collection des auteurs latins».

гах рассмотрению подвергнуты все явления и царства природы: небесные светила, атмосфера, земная поверхность, мир животных, растений и ископаемых. Но если от этого внешнего обзора мы перейдем к рассмотрению того, как расположен весь этот материал и каким фактам и явлениям автор посвящает главное внимание, наше представление о книге станет иным. Действительно, космография и метеорология занимают немногим больше половины одной книги (2), географии отведены четыре с половиной книги (2—6) и пять книг человеку и животному царству (7—11). Наряду с этим, целых шестнадцать книг (12—27) посвящены растительному миру, который рассматривается в его различных частях и с различных точек зрения. Наконец, в пяти последних книгах (33—37) представлено царство ископаемых—металлы, минералы и различные виды почвы. Но этим своеобразная экономия сочинения еще не исчерпывается. Пять книг (28—32) описывают лекарственные средства, доставляемые миром животных; но и из шестнадцати книг, посвященных растениям, шесть рассматривают эти последние тоже как лекарственные средства, причем попутно речь идет также и о самих болезнях. Таким образом, целых одиннадцать книг, т. е. почти треть всего сочинения, отданы фармакологии и медицине. Но если к этому прибавить, что и в остальных книгах в большей или меньшей степени¹ речь идет о лекарствах и медицине, то мы с полным основанием можем сказать, что главное содержание книги Плиния составляет именно эта область жизни и знания. При этом Плиний преследует определенную тенденцию, а именно борьбу с явлением, которое он признает бичом своего времени. Это—шарлатанство врачей и, особенно, магов—тема, к которой наш автор возвращается неоднократно².

Преобладающий интерес к лекарствам и медицине представляет одну характерную черту «Естественной истории» Плиния. Другая, не менее важная черта—отсутствие какой бы то ни было системы мира, которая связывала бы все его явления в одно целое, механическое или органическое. Поэтому композиция всего сочинения чисто внешняя: явления природы рассматриваются в нисходящем порядке от отдаленных небесных сфер через воздушное пространство сначала к земной поверхности, затем к населяющему ее миру животных и растений и отсюда к ее недрам. Но если у Плиния нет общей системы мира, у него есть определенный центр, вокруг которого все вращается. Этот центр—человек, для которого природа создала все (2, 155; 7, 1); в связи с этим то или иное отношение к человеку часто играет решающую роль в порядке рассмотрения явлений природы и в самом их выборе. Так, в географическом обзоре переход к описанию суши мотивируется желанием «показать, в каких пределах проявляется человеческая алчность» (2, 170). Описание млекопитающих начинается со слона, ибо «по своим чувствам он наиболее приближается к человеку» (8, 1). Описание насекомых начинается с пчел, так как в этом роде животных они единственные, созданные на пользу человеку (11, 11). Порядок рассмотрения растений и ископаемых определяется, между прочим, и хронологической последовательностью их использования человеком: сначала растения, и в первую очередь деревья, затем ископаемые (12, 1, 2). Таким образом, классификация явлений природы устанавливается не столько на основе их собственных взаимных отношений, сколько по признаку их практического значения для человека, и, соответственно этому при описаниях постоянно указывается их многообразная польза³.

При отсутствии у Плиния сколько-нибудь научной концепции мира такая «антропоцентрическая» установка играет в его сочинении роль организующего начала, без которого его мысль и внимание запутались бы в хаосе явлений природы и жизни.

¹ Особенно много внимания уделяется лекарственному значению металлов и минералов, в чем читатель убедится из сделанных в переводе многочисленных пропусков в соответствующих отрывках.

² См. в особенности 24, 4, 5; 26, 10 сл., 93; 28, 1, 2, 10, 29, 85; 30, 1, 2, 98, 108; 33, 2; 35, 174 сл., 183 сл. и *passim*.

³ Явления природы привлекаются Плинием нередко не только по причине их полезности, но и в связи с их значением политическим, общественным или религиозным. См. 16, 6; 21, 27, 51; 22, 4, 5; 33, 12.

Если как теоретическое произведение труд Плиния не имеет никакой ценности, то вышеуказанный критерий, в силу которого факты выбирались автором по признаку их связи с человеком, сделал из «Естественной истории» настоящую сокровищницу сведений о всех сторонах быта и культуры античного мира, «подлинный инвентарь современной автору цивилизации», по выражению одного французского критика. Само собой разумеется, что выбор материала и место, отводимое тем или другим фактам, в значительной степени должны были определяться вкусами и интересами самого автора. Однако, имея в виду огромный успех сочинения¹, мы можем думать, что оно в общем вполне отвечало потребностям его современников. Такой именно потребностью объясняется преобладающее место, отведенное медицине². Такой же потребности общества, повидимому, отвечает и то большое внимание, какое Плиний посвящает вопросам сельского хозяйства, занимающего в сочинении целых шесть книг (14—19).

Если мы посмотрим, какое место в энциклопедии Плиния занимает техника, то нас поразит целый ряд характерных явлений. Замечательно уже то, как мало в общем Плиний говорит о разных видах техники, за исключением техники сельского хозяйства. Далее, вопросам техники индустриальной не отведено особого отдела; если в рассмотрении этих вопросов и существует известная система, то она состоит лишь в том, что технические процессы рассматриваются в связи с тем или другим явлением природы. Так, изготовление пурпурной краски описывается в книге, посвященной водным животным, в связи с описанием багрянки, изготовление бумаги описывается потому, что в ботанической книге, рассматривая болотные растения, автор завел речь о папирусе. Изготовление красок, изобретение ваяния, гончарное производство приурочены к описанию различных сортов земли и глины. Конечно, поскольку энциклопедия Плиния в целом преследует распространение полезных знаний, и технические описания также даются с этой же целью. В общем можно сказать, что Плиний остается постоянен и верен себе в указании лишь одной определенной полезности, а именно пригодности того или иного вещества или продукта для лекарственных целей. В остальном выбор одних технических сюжетов предпочтительно перед другими определяется не внутренними особенностями самих технических процессов, не важной их ролью в жизни, даже не их полезностью, а совершенно посторонними моментами, — большею частью либо тем, что они представляют нечто необычайное, своего рода «курьез», либо тем, что они связаны с каким-либо важным фактом жизни, либо, наконец, тем, что они дают материал для морально-философских размышлений или для риторических упражнений. Ведь Плиний, хотя и заявляет, что он пишет «не для тонких любителей изящной литературы», вместе со всеми литературно искушенными людьми своего века прежде всего ритор. Так, на пурпуровой краске он останавливается потому, что пурпур играл роль в общественных отношениях Рима как символическое выражение сословных различий, и еще более потому, что он был предметом моды и роскоши. Плиний описывает выделку бумаги потому, что с нею связаны культурная жизнь и память о событиях. Изделия из спарта привлекают его внимание благодаря тому замечательному обстоятельству, что вся огромная мировая потребность в них покрывается урожаем с небольшого участка земли. Процесс добычи золота описывается пространно и даже с некоторым драматизмом как благодаря его необычности, так и вследствие роли этого металла в быту и нравах. Коринфской бронзе отводится почетное место, так как в римском обществе она была предметом моды и безумной спекуляции. О кино-вари (мини) Плиний считает нужным говорить особенно подробно ввиду ее религиоз-

¹ Об этом свидетельствует то, что столь обширный труд дошел до нас полностью; едва ли какое-либо другое сочинение древности сохранилось в таком большом количестве списков.

² О жизненной важности этого вопроса и вместе о значении труда Плиния, именно как медицинского трактата, свидетельствует так наз. «*Medicina Pliniana*», позднейший экстракт сведений о лечебных средствах из его «Естественной истории», автор которого, сам став жертвой врачей, решил дать людям возможность самим лечить себя с помощью плиниевых рецептов.

ного значения (XXXIII, 112). При этом наш автор не стремится к точным описаниям и гораздо большее значение придает оживлению своего рассказа антитезами, сообщением поразительных случаев «кстати» (например, одновременная гибель Варреса и Цицерона в проскрипциях второго триумvirата в связи с коринфскими бронзами, ср. «Медь», § 6) или забавных анекдотов (рассказ о Гегании и судьбе горбача Клезиппа, купленного на аукционе, там же, § 11 и 12). Здесь Плиний хотел показать свое искусство риторика и стремится хоть несколько сживить для читателей сухую материю книги, на которую он жаловался в предисловии к ней.

Плиний не выделяет технику в особый отдел, не группирует и не исследует ее фактов, потому что он не мыслит ее как особую область человеческой деятельности, подобно медицине, сельскому хозяйству и искусству. Такое его отношение к технике в особенности замечательно ввиду его общего тезиса, что «природа все создала для человека». Казалось бы, что отсюда необходимо вытекает признание за человеком права все дальше двигаться по пути использования естественных богатств, признания прогресса материальной культуры. Совсем напротив: Плиний осуждает этот прогресс и, благословляя природу за ее благодеяния, отвергает, как дерзость и алчность, все достижения, идущие дальше известного, довольно скромного, но ближайшим образом не определяемого жизненного стандарта.

И потому только выдающееся, бросающееся в глаза в особенности своей отрицательной стороной, в области техники привлекает внимание Плиния. Она в его глазах — показатель неугомонной суестьи жизни и человеческой жадности, не умеющей соблюдать разумный предел в использовании благ, даруемых природой. Поэтому технические описания появляются у Плиния большей частью на службе его морально-философских рассуждений. Поэтому он и затрагивает только те технические процессы, которые относятся к предметам потребления, роскоши в одежде, утвари и жилища, а также к искусству. Наоборот, техника изготовления орудий производства совершенно выпадает из его поля зрения. Этой же служебной ролью техники среди сюжетов книги Плиния объясняется и самая поверхностность описания ее процессов.

И тем не менее современному историку приходится быть благодарным нашему автору даже за такой материал. Ибо лучшего и более полного он часто не имеет. Среди описаний Плиния есть такие, которые являются «основоположными», как главный и почти единственный источник нашего знания о том или ином техническом факте. Сюда относятся, например, описание изготовления пурпура, выделки бумаги, описание энкаустики, не говоря уже о целом ряде сообщений касательно некоторых производственных процессов и достижений (например, роли воды в закалке стали и связи стальной индустрии именно с нею, а не с залежами железа), касательно центров гончарного производства, медных изделий для упряжи и экипажей в Галлии, попыток иллюстрировать ботанические книги, отдельных случаев опытных садов и т. д.

Такова ценность положительных данных о технике, сообщаемых Плинием. Но не меньшую ценность имеет также указанная выше отрицательная сторона его общей установки в этой области — узкий круг привлекаемых им фактов и поверхностность его описаний.

То обстоятельство, что какой-либо автор мало или вовсе не интересуется вопросами техники, сам по себе отнюдь не характеризует ее положения в обществе. Но если техника занимает такое незначительное место в книге, претендующей хотя бы в известной мере быть энциклопедией существующих знаний, если в такой книге можно было довольствоваться лишь поверхностными описаниями, выбирать материалы одностроннее и случайно и самый предмет трактовать скорее с отрицательной точки зрения, то все это является чрезвычайно показательным для отношения общества к области техники, для той психологической атмосферы, в которой последней приходилось развиваться. Среди людей своего круга и своего времени Плиний с его интересом к «низменным предметам» был очевидным исключением. Ведь недаром в «Предисловии» ему приходится оправдываться перед читателями за выбор своих сюжетов, недаром также на протяжении своей книги он несколько раз отмечает высокомерное презрение к ним со стороны общества (14, 7; 22, 15; 25, 22; 28, 2; 29, 1, 28). И хотя сам Плиний в этом

отношении стоит особняком, все же и его интерес не идет глубоко, но остается на поверхности явлений. Он ограничивается сведениями, почерпаемыми из книг, и ни разу сам не снисходит до того, чтобы самолично, в мастерской, с инструментом в руках, на опыте отдать себе отчет в сущности того или иного технического процесса и передать его другим как собственное свое достижение. Очевидно, ни автор, ни его читатель не чувствовали в этом надобности. К так наз. *sordidae artes* Плиний подходит редко, случайно и большею частью, как мы уже сказали, в силу посторонних моментов. Его интересуют, главным образом, *artes liberales*, «свободные искусства», и он сам признает, что рассматривает преимущественно то, что относится к области этих последних (22,4).

Однако и самый протест Плиния против толкаемой алчностью предприимчивости человека, раскапывающей горы, исследующей морские глубины, прибегающей ко всяким ухищрениям ради удовлетворения все растущих вкусов и потребностей общества, тоже является своеобразным и ценным свидетельством. Этот протест показывает, что вопреки всему жизнь брала свое, и что технический прогресс шел собственной естественной дорогой, о чем свидетельствуют также сохранившиеся произведения различных видов античной техники, непревзойденные в смысле прочности и красоты. *Sordidae artes* существовали и развивались вне поля зрения общества, где труд был рабской деятельностью, недостойной свободного человека; они существовали укромно, как жизненное призвание мелкого ремесленного люда, а также рабов и вольноотпущенных, которые учились друг у друга, храня в тайне секреты мастерских и передавая их на практике от поколения к поколению. Эти производственные рецепты не переходили или лишь редко переходили в письменные руководства, и даже такие трактаты по специальности, как книга Витрувия об архитектуре, могут быть вполне понятны только в предположении, что описываемые в них технические процессы были известны читателям на практике.

*

Так как данные о технике извлечены нами из разных мест книги, то для удобства их использования читателем мы систематизировали их, распределив по шести отделам, содержащим в общем сорок отрывков неодинакового размера.

Перевод выполнен по тексту Mayhoff'a, являющемуся наиболее полным в смысле использования всей предшествующей работы по критической его проверке и эмендации. В некоторых, нередко весьма важных местах текст Mayhoff'a значительно отличается от прежних изданий не только Sillig'a и Detlefsen'a, но и самого Jan'a. В важных случаях этих расхождений мы даем соответствующие указания в примечаниях, сообщая разночтение и его перевод.

Текст Плиния, пожалуй, в большей мере, чем текст какого-либо другого античного писателя, требует обстоятельного комментария, особенно в местах книги, посвященных вопросам техники. Ведь о некоторых из этих мест, размером иногда всего в несколько строк, новыми учеными написаны томы, содержащие в общей сложности многие сотни, если не тысячи страниц. Давать исчерпывающий комментарий к этим местам значило бы прилагать к переводу целые исследования. Поэтому комментарий лишь в небольшой части является реальным, по преимуществу же—справочным и библиографическим, причем—опять же ввиду недостатка места—пришлось ограничиться ссылками на главнейшие пособия, в которых читатель может найти дальнейшие сведения о специальной литературе каждого вопроса. Мы не ограничились общими указаниями на литературу, но во всех важных случаях дали точные ссылки на страницы соответствующих книг, чем, думается нам, облегчили читателю возможность самому найти ключ для решения возникающих из чтения текста Плиния проблем.

ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ПЛИНИЯ

1. ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНИКИ И НАУКИ

1. ИЗОБРЕТЕНИЯ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

(«Естественная история», кн. 7)

56. (57) Мы считаем, что будет весьма кстати... указать, кто какие сделал изобретения¹...

Употребление кирпичей и постройку домов впервые ввели братья Эвриал и Гипербий в Афинах; раньше вместо домов служили пещеры. Геллий² считает, что изобретателем постройки из грязи, по образцу ласточкиных гнезд, был некто Токсий, сын Целия. Первый город по своему имени назвал Кекропией его строитель Кекропс; в настоящее время он представляет кремль в Афинах. Другим авторам угодно считать, что Аргос был основан царем Форонеем еще раньше, некоторые же думают, что еще древнее Сикион, а египтяне полагают, что задолго до того у них был построен город Диосполис. Кровельную черепицу изобрел Кинира, сын Агриопы, и он же открыл медные рудники, то и другое на острове Кипре; равным образом он изобрел щипцы, молот, рычаг и наковальню; копать колодцы придумал Данай, прибывший из Египта в Грецию, в местность, называемую Аргос Дипсий³; добывать камень в каменоломне первый придумал Кадм в Фивах, или, как говорит Теофраст, в Финикии; Фрасон придумал строить стены; башни, по словам Аристотеля, впервые стали строить киклопы, а, по словам Теофраста, жители города Тиринфа. Искусство ткать

¹ Сообщения Плиния об открытиях и изобретениях, которые он, не колеблясь и не задумываясь, приписывает определенным лицам, большую частью легендарным или мифологическим, интересны в том смысле, что они показывают, как мало критична в общем была мысль древних, и насколько чужда была им идея постепенного развития культуры. Ведь среди ученых, на которых в данном случае ссылается Плиний, были Аристотель и Теофраст. Ср. H. Blümmner, *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern*, IV, стр. 3—7.

² Гней Геллий—римский писатель II в. до н. э., автор «Анналов», до нас не дошедших.

³ Греческое слово, означает «жаждущий».

изобрели египтяне, окраску шерсти—лидийцы в Сардах, веретено для прядения шерсти—Клостер, сын Арахны, лен и веревки—Арахна, искусство валять шерсть открыл Никий из Мегары, сапожное ремесло—беотиец Тихий. Египтяне утверждают, что врачебное искусство открыто у них, другие приписывают его изобретение Арабу, сыну Вавилоны и Аполлона, знание трав и изготовление лекарств приписывается Хирону, сыну Сатурна и Филиры. Плавить и закалять медь, по мнению Аристотеля, научил лидиец Скиф, а по мнению Теофраста,—фригиец Дела; мастерскую медных изделий, по словам одних, устроили впервые халибы, по словам других,—киклопы; железо, как говорит Гесиод, открыли на Крите так называемые идейские дактилы. Серебро открыл афинянин Эрихтоний, а согласно другим авторам,—Эак; золотоносную руду и плавление золота открыл финикиец Кадм на горе Пангее; другие же авторы приписывают это Фоанту или Эаку в Панхас или же Солу, сыну Океана, которому Геллий приписывает также изобретение лечения металлами. Свинец с Касситеридских островов впервые привез Мидакрит. Мастерскую железных изделий устроили киклопы, гончарную мастерскую—афинянин Короб, гончарный круг—скиф Анахарейс; по другим же сведениям,—коринфянин Гипербий. Столярную мастерскую устроил Дедал и изобрел для нее пилу, топор, отвес, бурав, клей и рыбный клей; наугольник, уровень, резец и ключ изобрел Феодор из Самоса, меры и весы—Фидон Аргосский или, как предпочитает думать Геллий, Паламед; добывание огня из кремня открыл Пирод, сын Килика, а хранение егодрок в стебле—Прометей; повозку на четырех колесах изобрели фригийцы, торговлю—финикияне, возделывание винограда и плодовых деревьев—афинянин Эзмолп, смешивание вина с водой—Стафил, сын Силена, оливку и трапет¹—афинянин Аристей, он же первый добыл мед; вола и плуг ввел в употребление афинянин Бузиг, а по другим сведениям—Триптолем.

Афры первые вышли на бой против египтян, вооруженные дубинами, которые называют фалангами. Щит изобрели Прет и Акрий, всяю между собою, либо Хал, сын Атамана; панцырь изобрел мессенянин Мидия; шлем, меч и копье—лакедемоняне; поножи и гребень на шлеме—карийцы. Лук и стрелы изобрел сын Юпитера, Скиф; другие же говорят, что стрелы изобретены Персом, сыном Персея; копье с ремнем изобрели этолийцы, дротик с ремнем Этол, сын Марса; копьядля велитов изобрел Тиррен, он же изобрел пику; амазонка Пентесилея изобрела секиру, Пизей—охотничье копье, а из метательных орудий—скорпион; критяне изобрели катапульту, сифофиникияне—баллисту и пращу; медную трубу изобрел Пизей, сын Тиррена, черепаху—клазоменец Артемон, коня (который ныне называется бараном) в числе стенобитных машин изобрел Эпид под Троей, верховую езду на коне ввел в обычай Беллерофонт, узду и седло для лошадей—Пелетроний; конный бой изобрели фессалийцы, получившие имя кентавров и обитающие у горы Пелиона. Парную упряжку первыми ввели в употребление фригийцы, а упряжку четверней—Эрихтоний. Боевой порядок, боевой сигнал, пароль и часовых ввел Паламед во время Троянской войны, сигнализацию на расстоянии—Синон в ту же эпоху; перемирие ввел в обычай Ликаон, а мирные договоры—Тезей.

На корабле в Грецию прибыл впервые из Египта Данай; до того времени люди плавали на плотках, изобретенных в Красном море царем Эрифрой для плавания между островами. Есть авторы, которые думают, что корабли изобретены в Геллеспонте мидийцами и троянцами, когда они переправлялись, идя походом на фракийцев. Даже теперь на Британском океане существуют челны, сплетенные из прутьев и обшитые кожей, на Ниле—

¹ Трапет—машина для выжимания масла из олив.

челны из папируса, ситовника и тростника. Согласно свидетельству Филостефана¹, на военном корабле впервые совершал плавание Язон, по словам же Гегесия²,—Парал, по словам Ктесия³,—Семирамида, по словам Архемаха⁴,—Эгеон; согласно Дамасту⁵, бирему построили эритрейцы; трирему, по словам Фукидида, построил коринфянин Аминокл; по свидетельству Аристотеля, квадирему построили карфагеняне, по свидетельству Мнесигитона⁶, квинкверему построили саламинцы; корабль в шесть рядов весел, как говорит Ксенагор⁷, был построен сиракузянами, а корабли с рядами весел числом до десяти, по словам Мнесигитона, были построены Александром Великим; до двенадцати число рядов было, по словам Филостефана, доведено Птолемеем Сотером, до пятнадцати—Деметрием, сыном Антигона, до тридцати—Птолемеем Филадельфом, до сорока—Птолемеем Филопатором, который получил прозвище Трифона. Грузовое судно избрал тириец Гипп, лемб изобрели киреняне, кумбу—финикияне, келет—родяне, керкур⁸—кипряне. Направлять путь по звездам при мореплавании первыми стали финикияне; весло изобрели копцы, а довели его до надлежащей ширины платей; паруса придумал Икар, мачту и рсю—Дедал; судно для перевозки конницы первыми построили самосцы и афинянин Перикл, корабли же со сплошной палубой—фаессы, раньше сражались только с носа и кормы. Ростру⁹ пристроил к носу корабля впервые сын Тиррена, Пизей; якорь изобрел Эвпалам, а двузубым сделал его Анахарсис, abordажные крюки и «руки» изобрел афинянин Перикл, руль изобрел Трифис. Первое морское сражение дал Минос.

2. ИСТОРИЯ БОТАНИКИ

(Из кн. 25)

1. (1) Знаменитые травы, о которых мы поведем теперь речь, произведенные землею исключительно для лекарственных целей, повергают дух в изумление перед заботливостью и прилежанием древних. Ничего не оставляли они неиспробованным и неиспытанным, ничего затем не утаивали и желали, чтобы все могло принести пользу потомкам. Мы же, напротив, хотим скрыть от них и уничтожить эти результаты труда и лишить жизнь даже таких благ, которые нам не принадлежат. Действительно, те, кто обладают кое-какими знаниями, ревниво утаивают их от других; никого не учить—вот что служит к вящему авторитету знания. До такой

¹ Филостефан из Кирены—греческий писатель IV в. до н. э., автор сочинений по географии и мифологии.

² Гегесий, из Магнезии у Сипила,—греческий ритор III в. до н. э., автор разнообразных сочинений, содержащих много небылиц.

³ Ктесий из Книды—греческий ученый и писатель IV в. до н. э., бывший врачом у персидского царя Артаксеркса Мемнона, автор истории Персии и описания Индии, отличающихся фантастичностью содержания. От его сочинений сохранились лишь отрывки.

⁴ Архемах из Евбеи—греческий антиквар III в. до н. э., о котором не сохранилось почти никаких сведений.

⁵ Дамаст—греческий писатель V в. до н. э., автор сочинений по мифологии, этнографии и истории литературы.

⁶ Мнесигитон—греческий писатель, нам совершенно неизвестный.

⁷ Ксенагор из Сиракуз—греческий историк эпохи Августа, автор «Хроники» и сочинения «Об островах».

⁸ Лемб, келет и керкур—различные виды мелких судов; кумба—вид рыбацкого челна.

⁹ Ростра—выдающееся вперед бревно на носу корабля, окованное медью и служившее для протаранивания неприятельского судна.

степени нашим нравам чуждо стремление к изобретению нового и к облегчению жизни, и уже давно умственная деятельность направлена, главным образом, на то, чтобы достижения древних пропадали, оставаясь без пользы в исключительном обладании каждого. А между тем, отдельные изобретения поставили некоторых людей наряду с богами или, во всяком случае, прославили жизнь всех названиями, данными по их имени травам, и таким образом, памятью о них им и воздается благодарность. Не столь удивительно радение древних о растениях, разведение которых доставляет удовольствие или дает пищу. Ведь они обследовали недоступные вершины гор и скрытые пустыни, а также недра земли и открыли, какой силой обладает тот или иной корень, для какого употребления пригодны волокна трав, обращая для нужд здоровья даже те травы, которые четвероногие не берут себе в пищу.

2. (2) Наши соотечественники, как ни жадны они были до всего, что имеет полезные свойства, занимались распространением этих знаний не в той мере, как надлежало, и долгое время первым и единственным в этом смысле оставался все тот же прославленный М. Катон, наставник по части всех полезных знаний, который занимался этим, правда, в коротком сочинении, причем не оставил без внимания даже лекарства для быков¹. После него один из выдающихся мужей, замечательный своей ученостью Гай Вальгий², сделал такой же опыт в недоконченном сочинении, посвященном божественному Августу, причем в благоговейном и тоже неоконченном предисловии он выразил пожелание, чтобы против всех человеческих бедствий постоянным целебным средством служило, главным образом, величие этого принцепса.

(3) До того, по крайней мере по моим сведениям, об этом у нас писал вольноотпущенник Помпея Великого, Помпей Ленеи³, в то время когда, как я замечая, эта наука впервые дошла до нас. Величайший из царей своего времени, Митридат, над которым Помпей одержал окончательную победу, более всех живших до него отличался своей привязанностью к жизни; это можно заключить, помимо ходившей на сей счет молвы, из определенных фактов. Только ему пришло в голову ежедневно, предварительно приняв обезвреживающее лекарство, пить яд, чтобы этот последний в силу привычки сделался безвредным; прежде всего Митридатом открыты виды противоядий, из которых одно даже сохраняет его имя; он придумал подмешивать к противоядиям кровь понтийских уток, так как эти последние будто бы питаются ядовитыми веществами; существуют написанные для него книги прославленного врачевным искусством Асклепиада⁴, когда тот, будучи вызван им из Рима, послал их взамен в качестве наставлений. Как известно, Митридат единственный из всех людей умел говорить на двадцати двух языках и в течение 56 лет своего царствования он ни к одному человеку из подвластных ему племен ни разу не обратился через переводчика. Таким образом, Митридат, в соответствии с прочими выдающимися качествами своего ума, в особенности интересовался медициной и, собирая по отдельности сведения у всех своих подданных, населяв-

¹ Плиний имеет в виду сочинение Катона «Praecepta ad filium», до нас не дошедшее, из которого некоторые рецепты вошли в его же книгу «De agricultura», которая сохранилась.

² Гай Вальгий Руф, консул 12 года до н. э., был известен также как поэт и автор ряда риторических и антикварных произведений.

³ Помпей Ленеи, вольноотпущенник Помпея Великого, ученый грамматик, выполнял по его поручению различные работы научного характера; в политической жизни был известен своей ненавистью к Саллюстию и памфлетами против него.

⁴ Асклепиад из Пруссии (I в. до н. э.), сначала учитель реторики, затем врач-самоучка, не чуждый шарлатанства, приобрел себе известность новыми методами лечения, среди которых важное место занимали гигиена и профилактика.

ших значительную часть земли, оставил в своей потайной комнате шкаф с такого рода документами, с образцами лекарств и описанием их действия. Помпей, овладев всей царской добычей, поручил своему вольноотпущеннику грамматiku Ленею, перевести их на наш язык и, таким образом, своей победой не менее послужил пользе жизни, нежели государству.

(4) Кроме только что названных лиц, об этом писали также греческие авторы, упоминавшиесянами в свое время: Кратева¹, Дионисий² и Метродор³, пользуясь приемом, как будто весьма заманчивым, который, однако, по существу способен только показать, пожалуй, трудность этого дела. А именно они давали изображения трав и в сделанной под ними надписи объясняли их действие. Однако, с одной стороны, раскрашенный рисунок дает ложное представление при таком множестве красок, долженствующих не более, не менее как подражать природе, с другой стороны многое портит небрежность копировщиков⁴. Сверх того недостаточно изображать отдельные состояния растений, поскольку соответственно смене четырех времен года они меняют свой внешний вид.

(5) Поэтому прочие авторы дали их словесное описание, причем некоторые даже не характеризовали их внешность и большею частью ограничились голыми наименованиями, считая достаточным указать их свойства и силы действия для лиц, желающих их отыскивать. Да и знание это приобрести не трудно; мы, по крайней мере, имели случай за исключением весьма немногих растений наблюдать все остальные под руководством Антония Кастора⁵, в наше время первейшего авторитета в этой области, когда мы посещали его небольшой сад, в котором он разводил множество растений; ему было уже более ста лет, причем он не знал, что такое болезнь, и даже возраст ничуть не отразился на его памяти или бодрости. Ничто также не вызывало большого восхищения в прошедшие времена. Уже давно открыт способ предсказания не только дней и ночей, но также часов солнечных и лунных затмений; тем не менее, среди значительной части народа продолжает держаться убеждение, что это явление вызывается зельями и травами и что в этой науке особенно сведущими являются женщины. Действительно, какую страну не наполнили рассказами о себе колхидянка Медея и прочие женщины, в особенности же итальянка Цирцея, причисленная даже к сонму богов? Отсюда, как я полагаю, происходит сообщение одного из древнейших поэтов, Эсхила, что Италия полна сильно действующих трав, многие же сообщают то же самое о Цирцеях, где обитала вышеназванная женщина; важным доказательством этому еще и теперь остаются марсы, племя, происшедшее от ее сына, ибо, как известно, они являются укротителями змей.

Гомер, этот отец наук и первоисточник для преклонения перед древностью, вообще столь восхищающийся Цирцеей, приписывает славу обладания травами Египту, притом в то время, когда еще не существовало орошаемого водою Египта⁶, который впоследствии был образован наносным

¹ Кратева (120—63 гг. до н. э.)—лейб-медик царя Митридата, автор иллюстрированного труда по ботанике, дошедшего до нас в позднейшей переработке.

² Дионисий Кассий—сельскохозяйственный писатель I в. до н. э., переводчик на греческий язык знаменитого труда Магона о земледелии и автор сочинения по ботанике.

³ Метродор из Скепсиса—ученый и политик II в. до н. э., состоявший при дворе Митридата; от его сочинений сохранились незначительные отрывки.

⁴ Эта попытка наглядного изображения растений, как видно, не получила распространения. Характерно отношение к ней Плиния.

⁵ Антоний Кастор—вольноотпущенник Антония или кого-либо из членов его семьи, автор ботанических сочинений, использованных Плинием для «Естественной истории».

⁶ См. отрывок об изготовлении бумаги, § 69, 70.

илом реки. Он рассказывает, что множество египетских трав было передано супругой тамошнего царя Елене, между прочим тот знаменитый непент¹, который приносит забвение печалей и прощение обид и который Елена непременно должна была бы дать отведавать всем людям. Первым же из всех, о ком сохранилась память, с некоторой тщательностью даются кое-какие сведения о травах Орфей. Мы уже говорили², до какой степени после него удивлялись траве полей-дубровник (polium) Мусей³ и Гесиод. Орфей и Гесиод рекомендовали обкуривания. Гомер прославляет поименно и другие травы, о которых мы скажем в своем месте. После него прославленный своей мудростью Пифагор первый написал сочинение о их действии, причем приписал их открытие и происхождение Аполлону, Эскулапу и всем вообще бессмертным богам; писал о них и Демокрит, причем оба эти автора побывали у магов Персии, Аравии, Эфиопии и Египта, а древность до такой степени изумлялась действию трав, что утверждала о них даже невероятное. Автор «Историй» Ксанф⁴ в первой из них рассказывает, что убитый детеныш дракона был возвращен к жизни своим родителем с помощью травы, которую он называет «балис», и что Тилону, убитому драконом, с ее помощью была возвращена жизнь. Также Юба⁵ говорит, что в Аравии человек был возвращен к жизни с помощью травы. Демокрит сообщил, а Теофраст поверил этому, что существует трава, от соприкосновения которой с деревом, когда ее поднесет к нему названная нами выше птица⁶, из дерева выскакивает вогнанный в него пастухами клин. Хотя поверить таким фактам невозможно, однако они повергают в изумление и заставляют признать, что все же многое в них остается на долю истины. Поэтому, как я вижу, многие считают, что силою трав можно произвести все, что угодно, но что силы большинства трав неизвестны; в числе таких лиц был знаменитый врач Герофил⁷, который, как передают, сказал, что некоторые травы приносят пользу, даже если на них случайно наступить ногой. Во всяком случае, замечено, что раны воспаляются и болезни усиливаются в связи с прибытием людей, которые совершили путь пешком.

(6) Такова была древняя медицина, которая полностью перешла в сочинения греков. Однако причина, по которой остается неизвестным большее количество трав, заключается в том, что опыты с ними производят жители деревенские и необразованные, поскольку только они живут среди них; далее препятствием к отысканию трав служит наличие множества врачей⁸. Кроме того, для многих открытых трав не существует названий, как, например, для той травы, о которой мы говорили в отделе, посвященном плодам, и о которой мы знаем, что если ее закопать по углам нивы, то на нее не ступит ногой никакая птица⁹. Самая же постыдная причина немногочисленности лечебных трав заключается в том, что даже те, кто знают их, не хотят о них говорить, словно для них самих окажется потерей то, что они передадут другим. Сюда присоединяется отсутствие верного способа

¹ Греческое *νηπένθη* (составлено из отрицательного префикса *νη-* и существительного *πένθος*) — буквально: «беспечальный».

² В кн. 21, 44, 145.

³ Подобно Орфею, мифический поэт и прорицатель, которому приписывался апокрифический сборник стихотворений.

⁴ Ксанф, греческий логограф первой половины IV в. до н. э., написал «Историю Лидии» в 4 книгах.

⁵ Юба — царь Мавритании, зависимый от Рима (25 г. до н. э. — 23 г. н. э.), автор многочисленных компиляций по истории, географии и филологии.

⁶ Дятел. Об этом Плиний говорит в кн. 10, 14.

⁷ Герофил (около 300 г. до н. э.), наряду с Эрасистратом, крупнейший ученый-медик эллинистической эпохи, близко подошел к открытию кровообращения.

⁸ Это значит, что, полагаясь на помощь врачей, люди не заботятся об отыскании новых целебных средств.

⁹ Об этой траве с неизвестным названием Плиний говорит в кн. 18, 160.

нахождения трав, поскольку на открытие одних навел случай, а на открытие других, сказать по правде, — бог. До последних лет не поддавался лечению укус бешеной собаки, влекущий за собой отвращение к воде и ко всякому питью. Недавно мать одного преторианца увидела во сне, будто она посылает сыну для питья корень лесной розы, называемой «кинорродон»¹, которая накануне понравилась ей своим видом в кустарнике. Дело происходило в Ладетании, части провинции Ближней Испании; случай сделал то, что как раз тогда, когда у солдата вследствие укуса собаки появились признаки водобоязни, пришло письмо с просьбой матери последовать этому божественному внушению; неожиданным образом солдат спасся, и впоследствии все стали пробовать подобное же средство. До того же у авторов упоминалось только одно лекарство из кинорроды, а именно добываемое из розовой губки (*spongiola*), которая вырастает посреди ее шипов: от ее пепла, смешанного с медом, зарастают плешины на голове. В той же провинции, в имении человека, у которого я жил, я видел недавно найденный там стебель, называемый тургуном (*dracunculus*), толщиной в большой палец с разноцветными пятнами, как у галюк, о котором говорили, будто он служит целебным средством против укусов всяких животных; это растение — отличное от одноименных с ним, о которых мы говорили в предшествующей книге. У этого растения другой вид, с ним бывает связано другое чудо: оно показывается из земли ко времени начала смены шкур змеями, — причем оно имеет в высоту почти два фута, — и снова вместе с ними прячется в землю; и пока оно остается скрытым, змеи совсем не показываются. Должно признать достаточно гризным подарком природы, если она только предупреждает об опасности и указывает время ее наступления.

II. ОБРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ РАСТЕНИЙ

3. ИЗГОТОВЛЕНИЕ БУМАГИ²

(Из кн. 13)

(21) Мы еще не переходим к рассказу о болотных растениях и речных кустарниках³; однако, прежде чем расстаться с Египтом, надлежит поговорить о природе папируса, ибо с употреблением бумаги стоит в теснейшей связи культурная жизнь, а также, само собой разумеется, память о событиях. М. Варрон говорит, что бумага изобретена в эпоху побед Александра Великого и основания Александрии⁴. До того времени бумаги в употребле-

¹ Греческое слово, значит «собачья роза».

² Важнейшие пособия: Th. Birt, *Das antike Buchwesen*, Berlin, 1882, стр. 50 сл., 223 сл.; R. Wü n s c h, статья «Charta» в RE, III, стр. 2185 сл.; K. D z i a t z k o, *Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens*, Leipzig, 1900, стр. 26 сл.; стр. 58—103 содержат латинский текст, немецкий перевод и комментарий к настоящему отрывку; G. L a f a g e, статья «Papyrus» у D a r e m b e r g - S a g l i o, *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, IV, стр. 319 сл., H. B l ü m n e r; op. cit., I, 2. Aufl., 1912; остальную литературу см. у Blümner'a.

³ О болотных растениях вообще Плиний говорит ниже, начиная с § 135; здесь он предпринимает краткий экскурс о папирусе, в связи с тем, что непосредственно раньше он говорил о растениях Египта.

⁴ О древности изготовления бумаги из папируса в Египте см.: D z i a t z k o, op. cit., стр. 6, прим. 4 и стр. 7. Иератические тексты на папирусе появляются уже в III тысячелетии до н. э. В Греции бумага из папируса стала употребляться со времени Псамметиха, т. е. в VII в. Сообщение Варрона D z i a t z k o признает хотя и преувеличенным, но по существу верным в том смысле, что только со времени первых Птолемеев бумага из папируса получила широкое распространение также вне Египта. См. D z i a t z k o, op. cit., стр. 37 и 52; B l ü m n e r, op. cit., стр. 315, прим. 1.

ний не было; сначала писали на пальмовых листьях, затем на лубке некоторых деревьев. Потом начали изготавливать документы публичного значения на свинцовых свитках, а вскоре также частные документы на холсте¹ и на воощенных дощечках. Что даже раньше Троянской войны были в употреблении письменные дощечки (*pugillares*), об этом мы читаем у Гомера, а когда он творил, не существовало самой земли, которую мы представляем себе как нынешний Египет, между тем как вся бумага² растет в его Себеннитском и Саитском номе³; земля эта была позже намыта Нилом, поскольку, как сообщал Гомер, от острова Фара, соединенного ныне мостом с Александрией, суша находилась на расстоянии дня и ночи пути на парусном судне. Тот же Варрон сообщает, что в скором времени, благодаря соперничеству между царями Птолемеем и Евменом в устройстве библиотек, когда Птолемей стал удерживать бумагу для себя, в Пергаме был изобретен пергамент⁴. Позже использование этого предмета, на котором основано бессмертие людей, снова сделалось общераспространенным.

(22) Итак, папирус⁵ растет в болотах Египта или в стоячих водах Нила, где они, разлившись, застаиваются, причем глубина потока не превышает двух локтей; его корень растет криво, толщиной бывает в руку, стебель трехсторонний, в длину не более десяти локтей, утончающийся к концу, с верхушкой в форме тирса, каковая не имеет семян и служит только своим цветком для украшения венками статуй богов. Жители пользуются его корнями как деревом и не только для разведения огня, но также для других нужных вещей из хозяйственной утвари. Из самого же папируса они плетут суда, а из лубка изготавливают паруса и покрывала, равно как одежду, также циновки и веревки. Они также жуют его в сыром и вареном виде, проглатывая только его сок. Папирус растет и в Сирии вокруг озер, где имеется известный душистый тростник (*айр*), а царь Антигон для своего флота не употреблял иных канатов, кроме как из него, так как спарт⁶ еще не был распространен. Как стало недавно известно, также и папирус, растущий на Евфрате вокруг Вавилона, употребляется в качестве бумаги⁷; тем не менее парфяне до сих пор предпочитают ткать буквы на материях.

12. (23) Из папируса изготавливается бумага (*charta*) посредством разделения его с помощью острого инструмента на тончайшие, но возможно

¹ Сообщение об употреблении свинцовых свитков для записей публичного характера основывается, повидимому, на определенном предании, правильность которого мы теперь не можем проверить; напротив, мы располагаем определенными данными о холщевых свитках у римлян (*D z i a t z k o. op. cit.*, стр. 69 и прим. 2). О *libri lintei* ad *Moneta* говорит Ливий (IV, 7, 12); ср. также X, 38, 6 (*liber vetus linteus* с частными сакральными записями).

² Здесь Плиний употребляет название продукта (*charta*—бумага из папируса) вместо растения, из которого этот продукт изготавливается.

³ Как говорит сам Плиний (N. H., V, 48), многие отождествляли Египет с Нильской дельтой, которая в эпоху Гомера еще не существовала, но была намыта рекою позднее. Саитский и Себеннитский номы находились на дельте; своим манерным и сложным способом выражения Плиний хочет сказать, что поскольку в то время не существовало еще дельты, не существовало также и бумаги, так как папирус растет в Себеннитском и Саитском номах, находящихся на дельте.

⁴ Имеются в виду, очевидно, Евмен II Пергамский (197—159 гг. до н. э.) и из Птолемеев либо пятый, Эпифан (201—181), либо шестой, Филометор (181—146). Запрещение вывоза бумаги из Египта Птолемеем дало толчок к усовершенствованию кожи, уже раньше употреблявшейся в Передней Азии в качестве материала для письма. Однако пергамент вследствие своей дороговизны и ограниченности производства не мог конкурировать с бумагой из папируса.

⁵ Описание папируса почти дословно взято из Теофраста, *Hist. plant.*, IV, 8, 3, 4.

⁶ Спарт, *sparton* или *spartum*, растение, особенно распространенное в Испании, известное там еще ныне под именем *esparto*, употреблялось для плетения канатов, циновки и т. д.

⁷ В настоящее время папирус в Египте не растет; в Европе он в небольшом количестве имеется в Сицилии.

более широкие лубковые полосы¹. Наилучшей считается сердцевина, а затем качество зависит от порядка полос. «Жреческой» издревле называлась бумага, предназначенная исключительно для книг² религиозного содержания; леств дала ей наименование «августовой», равно как второму сорту наименование «ливиевой» по имени его супруги; таким образом, название «жреческой» спустилось до третьего разряда. Следующее место было предоставлено «амфитеатральной», названной так по месту изготовления³; в Риме ее подхватила мастерская ловкого Фанния, которая тщательной обработкой придала ей более тонкости, из низкосортной сделала первосортной и сообщила ей свое имя; бумага, не подвергшаяся такой обработке, сохранила свой прежний ранг как «амфитеатральная»⁴. За ней следует саитская бумага, по имени города, где папирус родится в наибольшем изобилии, изготовленная из более мелких частей, а еще более близкой к коре папируса⁵ является тенеотская, названная по соседнему месту, — эта бумага продается уже по весу, а не по добротности. Бумага, называемая «купеческой», непригодна для письма и служит для обертывания бумаги же и упаковки прочих товаров, почему она получила свое наименование от купцов. После нее идет уже «папирус» в собственном смысле, и наружная его часть похожа на ситовник и пригодна разве только для канатов, употребляющихся в воде. Всякая бумага изготавливается⁶ на доске, смоченной водой из Нила. Содержащаяся в жидкости муть действует как клей. Сначала в направлении прямо кверху на доску наклеивается полоса по возможности равная всей длине стебля папируса, причем края обрезаются с обеих сторон, затем поперечная полоса заканчивает ткань. Бумага

¹ В латинском тексте стоит *philyra*, что буквально значит лубок или лыко липы. Как доказали произведенные в новое время опыты с сиракузским папирусом, описание, данное здесь Плинием, неточно. Под корой папирусового стебля находится не лубок, но сплошная клетчатая ткань, которая не разделялась последовательно на слои от периферии к центру, но разрезалась полосами, параллельно высоте треугольника, каковым являлся в сечении стебель; таким образом, полоса, равная высоте треугольника, была самой широкой; полосы в обе стороны от нее, к углам, становились последовательно все уже. Подробнее см. об этом *Dziatzko*, *op. cit.*, стр. 76—79 и *Blümner*, *op. cit.*, стр. 316 сл.

² Здесь и дальше термином «книга» мы передали слово *volumen*, буквально: «свиток», употребляемое Плинием. Обычная для нас книга (*codex*), состоящая из отдельных листов, скрепленных между собою по корешку, вошла в употребление только с I в. н. э.

³ На улице или на площади близ амфитеатра в Александрии.

⁴ Согласно остроумному объяснению *Dziatzko*, дело надо представлять себе так, что амфитеатральную бумагу массами привозили в Рим, где часть ее, вероятно лучшая, обрабатывалась в мастерской Фанния и шла в продажу как «фанниева», остальная часть продавалась в своем первоначальном качестве. *Dziatzko*, *op. cit.*, стр. 79.

⁵ Плиний представляет себе лубковые слои, лежащие ближе всего к периферии стебля; надо полагать, что в действительности для тенеотской бумаги употреблялись полосы, самые узкие и наиболее удаленные от высоты треугольного сечения стебля *Ср. Н. Blümner*, *op. cit.*, стр. 317, прим. 2.

⁶ В латинском тексте — «*texitur*». Из последующего, довольно трудного для понимания, описания технического процесса изготовления бумаги сразу и само по себе ясно, что основной задачей в нем было достигнуть прочного скрепления отдельных полос папируса путем накладки их одной (с горизонтальным направлением волокон растительной ткани) на другую (с вертикальным их направлением), предварительно положенную на смоченную водой доску. Пересечение волокон на листе бумаги, получившееся после склеивания полос и дальнейшей их обработки, дает Плинию основание уподобить бумагу ткани («*texitur*», термины: «основа» — *statumen* и «уток» — *subtermen*). Само собой разумеется, однако, что волокна склеенных полос не переплетаются, а пересекаются. Как показывают существующие папирусы, писали на стороне с горизонтальными волокнами, по которой перо скользило гладко. Отдельные листы затем склеивались, образуя свиток (*sparus*), обычно состоявший из 20 листов. Детальный разбор всего описания Плиния, в который мы входим здесь не можем, читатель найдет прежде всего у *Dziatzko*, *op. cit.*, стр. 80—92, также и у *Blümner*'a, *op. cit.*, стр. 317—323.

прессуется, а листы просушиваются на солнце и соединяются между собой, причем добротность последующих листов постоянно убывает вплоть до худшего качества. В свитке их никогда не бывает более двадцати.

(24) Велико различие листов бумаги в ширину. 13 дюймов имеют наилучшие сорта, двумя дюймами меньше имеет «жреческая», фанниева имеет десять дюймов и одним дюймом меньше амфитеатральная, еще меньше саитская, она недостаточно широка для обработки молотком, а короткая купеческая не превосходит шести дюймов. Кроме того, в бумаге принимаются во внимание тонкость, плотность, глянец и гладкость. Первенство изменил Клавдий Цезарь. Дело в том, что августова бумага была слишком тонка, чтобы выдерживать перо; сверх того, так как она пропускала насквозь написанные буквы, то приходилось опасаться грязных пятен на обратной стороне, и вообще эта бумага выглядела некрасиво вследствие своей чрезмерной прозрачности. Поэтому из второго слоя была сделана основа, из первого — уток. Клавдий увеличил также ее размер, сделав его равным футу. Размер больших форматов доходил даже до локтя, однако опыт показал тот недостаток, что при отрывании одного листа порче подвергалось несколько страниц. По этой причине предпочтение перед всеми сортами отдавалось клавдиевой бумаге, за августовой сохранилась ее репутация в качестве почтовой. Ливиева бумага удержала свое место, причем в ней ничего не было первосортного, но все второсортное.

(25) Шероховатость устраняется зубом или раковиной, однако письмо становится недолговечным, от полирования бумага впитывает меньше, а ее глянец усиливается. Часто неосторожное вначале применение влаги вызывает затем дефекты, что выявляется молотком и даже по запаху, когда обработка была недостаточно тщательна. Также и вызванные сыростью пятна заметны для глаза; но появившаяся между проклейками полоса, впитывающая в себя влагу вследствие губчатости бумаги, едва ли обнаруживается иным образом, нежели тем, что буквы расплываются. Так сильно можно здесь просчитаться. Отсюда новый труд при вторичной обработке.

(26) Обыкновенный клейстер готовится из тончайшей муки с кипятком с ничтожной прибавкой уксуса, ибо употребляемый ремесленниками клей и гумми неалкаличны. При более тщательной обработке мягкие части кислого хлеба очищают кипятком через сито. При таком способе бывает всего менее сгустков, и даже мягкость нильской воды оказывается превзойденной. В який же клей готовится не ранее и не позже, как за день до его употребления. (Затем бумагу простукивают молотком и делают тоньше, слегка смазывают клейстером, а когда она снова сморщится, ее разглаживают и растягивают молотком)¹. Таким образом, письменные памятники могут быть весьма долговечны. У знаменитого поэта и гражданина Помпония Секунда² я видел собственноручные манускрипты Тиберия и Гая Гракхов, имеющие почти двухстолетнюю давность, а уж рукописи Цицерона, а также божественного Августа и Вергилия мы видим часто....

Также и с этим продуктом случается недород, и уже в правление Тиберия бывало, что вследствие недостатка бумаги назначались из числа сенаторов уполномоченные для ее распределения; иначе в этом отношении бывал полный беспорядок.

¹ Заключенная в скобки фраза, очевидно, стоит не на месте. *Dziatko* переносит ее после слов «глянец усиливается».

² Помпони Секунд (середина 1 в.) — поэт и государственный деятель, покровитель юности и старший друг Плиния.

4. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЛЬНЯНОЙ ПРЯЖИ¹

(Из кн. 19)

(3) У нас зрелость его (льна) устанавливается по двум признакам, а именно, когда семя набухает или цвет его начинает желтеть. Тогда лен вырывают, связывают в пучки толщиной в обхват ладонью и, повесив корнями вверх, сушат на солнце в течение одного дня, а затем еще в течение пяти дней, повернув верхушки пучков друг к другу, чтобы семя падало в середину. Семя имеет целебные свойства и принадлежит к числу любимых яств сельского люда Транспаданской Италии, однако уже давно употребляется только при религиозных обрядах.

Затем, после уборки пшеницы стебли льна погружаются в воду, нагретую солнцем, причем на них кладется какой-либо груз, ибо нет ничего более легкого. Признаком того, что они достаточно вымочены, служит значительное размягчение их кожи; затем их снова сушат на солнце, повернув, как в первый раз; потом, когда они высушены, их колотят на камне предназначенным для пакли трепалом. Вещество, всего ближе прилегающее к коже, называется паклей (*stippa*) и представляет более низкий сорт льна, пригодный скорее для ламповых фитилей. Однако и самую паклю вычесывают железными иглами, пока вся кожа не будет содрана. Опавшая шелуха служит для нагревания жаровен и печей. Сердцевина разделяется на несколько разрядов по степени белизны и мягкости. Прясть лен почетно также и для мужчин. Вычесывание и очистка льна есть настоящее искусство; нормально надо из пятидесяти фунтов сырья получить вычесыванием пятнадцать фунтов. Лен подвергается затем дальнейшей обработке, будучи обращен в нити, причем его мочат и часто бьют о камень, а в форме ткани его снова бьют вальками, и все эти мытарства всегда идут ему на пользу².

5. ОБРАБОТКА СПАРТА³

(Из кн. 19)

2(7) Спарт начали употреблять много столетий позже⁴ и не ранее начала походов карфагенян в Испанию⁵. Также и он представляет собою траву, дико растущую, которую нельзя сеять, ситовник, специально свойственный сухой почве, данный одной земле⁶, чтобы служить ей во вред. И действительно, он является бедствием для почвы, поскольку на ней ничего другого невозможно сеять и ничто не может родиться. В Африке спарт родится малорослый и не приносит никакой пользы. В Карфагенской части Ближней Испании⁷, однако не во всей, а там, где произрастает спарт, он покрывает

¹ Настоящий отрывок представляет собою наш главный источник для воспроизведения технического процесса изготовления льняной пряжи. Пособия: Н. В l ü m m e r, op. cit., стр. 191—195 (там же литература вопроса); А. Н e u b u r g e r, op. cit., стр. 172 сл.

² Как правило, указывает В l i m m e r, описанный Плинием процесс в основном практикуется и в настоящее время.

³ Пособия: Н. В l ü m m e r, op. cit., стр. 200.

⁴ В предыдущем Плиний говорил о применении льна в эпоху Гомера.

⁵ Имеются в виду походы Гамилькара Барки, начиная с 237 г. до н. э.

⁶ Т. е. Испании.

⁷ Речь идет об округе Нового Карфагена (ныне Картахена).

также горы. Из него тамошние крестьяне изготовляют себе матрацы, из него получают топливо, факелы, обувь и одежда для пастухов. Для животных он вреден, за исключением его нежной верхушки. Для прочего же употребления его с трудом выдергивают с помощью костяных или деревянных кляпов, причем голени защищают гамашами, а руки обертывают длинными рукавами. Теперь его выдергивают также и зимою, но с наибольшей легкостью это делается между 15 мая и 13 июня. Это—время его зрелости.

(8) После того как его выдернут, он два дня лежит связанный пучками в куче, на третий день их развязывают, спарт расстилают и сушат на солнце, затем снова в пучках переносят в крытое помещение. После этого его вымачивают предпочтительно в морской воде, но за отсутствием таковой также и в пресной и, высушив на солнце, снова смачивают. Если внезапно в нем окажется настоящая нужда, он смачивается горячей водой в ванне и высушивается в стоячем положении, допуская, таким образом, ускоренную обработку. Его колотят, чтобы сделать пригодным, причем он особенно бывает прочен для употребления в морской воде. На суше предпочитают пеньковые канаты, спарт же под водой становится даже крепче, как бы возмещая жажду, испытанную им при рождении. Притом по природе своей он способен к обновлению, и какой угодно старый спарт соединяется с новым. Однако кто хочет оценить это чудесное свойство, пусть мысленно представит себе, как велико потребление спарта по всей земле для корабельных снастей, строительных машин и иных потребностей жизни. То, что удовлетворяет всем этим надобностям, добывается на пространстве 30 миль в ширину, считая от берега Нового Карфагена, и 100 миль в длину. Привозить его из более дальних местностей не позволяют издержки транспорта¹.

(9) Самое имя, которое греки дают ситовнику (*iuncus*), убеждает нас в том, что последний служил им для изготовления канатов², впоследствии же они, очевидно, пользовались пальмовыми листьями и липовым лыком. Затем, как это кажется весьма правдоподобным, употребление спарта было заимствовано ими от пунийцев.

III. МЕТАЛЛЫ, ИХ ДОБЫВАНИЕ И ОБРАБОТКА

6. О МЕТАЛЛАХ ВООБЩЕ

(Из кн. 33)

(1) Теперь речь будет идти о металлах, представляющих собою ценности в настоящем смысле слова, а также выражение цены вещей. Предприимчивость многообразными способами исследует недра земли. Действительно, люди копают землю то ради богатств, когда они требуют золота, серебра, электра, меди, то ради удовольствий, когда ищут драгоценных камней и красок для стен и дерева, то ради дерзкой отваги, когда требуют железа, которое во время войн и кровопролития бывает дороже золота. Мы обследуем все жилы земли и живем над образовавшимися в ней пустотами, удивляясь тому, что временами она разверзается и сотрясается, словно это нельзя признать выражением негодования священной родительницы. Мы проникаем в ее недра и ищем богатств в царстве теней, словно она недостаточно к нам милостива и плодоносна! там, где мы полираем ее стопой.

¹ Разумеются внутренние области Испании. То, что Плиний говорит о потреблении спарта, указывает на массовый его экспорт, и в то же время факт дороговизны транспорта сухим путем заставляет представлять себе этот обмен чисто морским и распространенным лишь на узкую прибрежную полосу.

² *Σχοῖνος* по-гречески означает и «канат» и «ситовник».

При этом всего менее мы обследуем ее ради лекарств, ибо для скольких людей побудительной причиной копания является медицина? Однако и это она доставляет на своей поверхности, подобно плодам, ибо она щедра и доступна во всем, что приносит пользу. Нас толкает, нас увлекает в адскую бездну то, что она спрятала и погрузила, то, что не добывается сразу. Пусть же ум, воспаряющий ввысь, представит себе, через сколько веков будет, наконец, исчерпана земля, и до какого предела дойдет наша алчность. Сколь невинна, сколь счастлива, более того, сколь отрадна была бы жизнь, если бы она желала лишь того, что находится на поверхности земли, словом, того, что имеется у нас под рукой!

(2) Из земли извлекается золото и вместе с ним хризоколла¹, которая от него заимствует свое имя, чтобы казаться тем драгоценнее. Действительно, мало было отравить существование одним злом, надо было возвеличить еще и выделяемый золотой гной²! Алчность искала серебро, а тем временем она удовлетворялась тем, что открыла миний³ и нашла применение для красноты. О, беспредельна изобретательность человека! Сколькими способами она умножила стоимость вещей! К золоту и серебру присоединили искусство живописи, и ценность их еще повышена чеканной работой. Человек научился бросать вызов природе. Искусство возросло на службе у порочных наклонностей. Стали находить забаву в том, чтобы сладострастными изображениями украшать кубки и пить из непристойностей. Затем эти металлы вышли из моды и перестали цениться: слишком много накопилось золота и серебра. Тогда из той же земли стали выкапывать муррин⁴ и хрусталь, цену которым придает сама их хрупкость. Доказательство богатства, истинную славу роскоши стали видеть в обладании тем, что может погибнуть мгновенно и без следа. Но и этого еще было мало. Мы пьем из груди самоцветов и изумрудами разукрашиваем кубки, и нам нравится ради опьянения держать Индию в своих руках. А золото является уже только придатком. 1. (3) О, если бы его можно было совершенно изгнать из жизни («проклятая жажда», говоря устами славнейших поэтов⁵), его, которое отвергают все лучшие люди, которое открыто на погибель людям! Сколь счастливо было время, когда вещи обменивались на вещи, как это, по словам Гомера, происходило в эпоху троянской войны!

7: ЗОЛОТО*

(Из кн. 33)

3. (19) В седьмой книге мы дали имена людей, которые впервые открыли золото, равно как и прочие металлы⁷. Особенную любовь это вещество,

¹ См. ниже, отрывок «Хризоколла».

² Поскольку хризоколла представляет «влагу, стекающую по жилам золота». См. «Хризоколла», § 86.

³ См. ниже, отрывок «Миний».

⁴ См. ниже, стр. 335, прим. 9, 10.

⁵ Имеется в виду знаменитый стих Вергилия: «auri sacra fames».

* Пособия: Н. Blü m n e r, op. cit., IV., 1887, 14. Abschnitt. Die Metallarbeit. I. Die in Kunst und Gewerbe der Alten verwandten Metalle, §1. Gold. II. Die Gewinnung und Aufbereitung der Metalle (Bergbau und Hüttenwesen), § 8. Gold; A. Ne u b u r g e r, Die Technik des Altertums. стр. 4 сл. (Der Bergbau); стр. 11 сл. (Gold); Статья O r t h 'a; «Bergbau» в RE, IV. Supplemb., 1924; статья Blü m n e r 'a, «Gold», там же, B. VII, 1912; U. T ä c k h o l m, Studien über den Bergbau der römischen Kaiserzeit, Upsala, 1937. Более подробную литературу читатель найдет у вышеозначенных авторов.

Нижеследующий отрывок Плиния наряду с данными Агатархида и Страбона положен новейшими авторами в основу их описаний практиковавшихся древними металлургических процессов.

⁷ См. выше, отрывок «Изобретения и изобретатели».

как я полагаю, снискало себе не благодаря своему цвету, который у серебра ярче и более походит на дневной свет, а потому и употребляется предпочтительно для военных значков, ибо его блеск виден с более дальнего расстояния; явно ошибаются те, которые думают, что в золоте правился цвет звезд, так как последний не считается чем-либо особенным в драгоценных камнях и прочих вещах. Также и не благодаря своему весу или ковкости золото предпочитается прочим металлам, ибо обоими этими свойствами оно уступает свинцу; его предпочитают благодаря тому, что из всех вещей лишь в нем одном ничто не погибает от огня, и оно остается нерушимым даже при пожарах и на погребальных кострах. Более того. Чем чаще оно пылает в огне, тем более улучшается в качестве, и испытанием для золота служит огонь, так что оно и само должно краснеть и гореть тем же цветом; этот процесс называется *obrussa*¹. Первым же признаком высокого качества золота считается его чрезвычайная тугоплавкость. Кроме того, удивительно, что, не поддаваясь действию раскаленных углей самых жарких дров, оно чрезвычайно быстро накаляется на огне от мякины², а чтобы его очистить, его плавят со свинцом³. Другая, более важная причина ценности золота заключается в том, что оно всего меньше изнашивается от употребления, тогда как от серебра, меди, свинца остаются следы, и руки пачкаются отделившимися их частицами. Притом никакой металл не растягивается так широко и не делится на такое количество частей, ибо одна унция золота расщепляется на семьсот пятьдесят и более листков, имеющих четыре пальца в квадрате. Самые толстые из них называются «пренестинскими»⁴ и до сих пор сохраняют это название от тамошней статуи Фортуны, необычайно прочно позолоченной. Следующий листок называется «квесторским»⁵. В Испании небольшие куски золота называются *striges*⁶. Преимущественно перед всеми металлами одно золото добывается в самородках или мелких частицах. Между тем как прочие, найденные в рудниках, обрабатываются огнем, золото сразу же есть золото и уже обладает своим совершенным веществом, когда его находят в таком виде. Такое его нахождение является естественным, другое же, о котором мы будем говорить⁷, — искусственное. Кроме того, на золоте не бывает ни какой-либо ржавчины, ни медянки, ни чего-либо иного, что портило бы его доброкачественность или уменьшало бы вес. Его сопротивляемость всесокрушающим сокам соли и укуса превосходит все, и, кроме того, из золота можно делать пряжу и ткань, как из шерсти, однако без помощи шерсти. Веррий⁸ говорит, что Тарквиний Древний праздновал триумф в золотой тунике; я же видел Агриппину, супругу принцепса Клавдия, которая во время данного им зрелища морского сражения⁹ сидела рядом с ним, одетая в военный плащ, сотканный

¹ Значение этого слова (по-гречески *ὄβρυσσα*) не выяснено. Им называли и процесс очистки золота и само очищенное золото. Ср. Н. В l ü m п е r, op. cit., IV, стр. 131.

² О расхождении Плиния в этом пункте со Страбоном см. Н. В l ü m п е r, op. cit., стр. 134, прим. 2.

³ См. U. T ä c k h o l m, op. cit., стр. 28 сл.

⁴ Т. е. находящаяся в гор. Пренесте в Лации, где находился храм Фортуны. О растягивании золота в листки (*bratteae*) ср. Н. В l ü m п е r, op. cit., IV, стр. 308.

⁵ Это название, вероятно, стоит в связи с каким-либо распоряжением квесторов, которые ведали казну и монетное дело.

⁶ Значение этого испанского слова нам неизвестно, как, вероятно, также и самому Плинию.

⁷ Начиная с § 68.

⁸ Веррий Флакк — знаменитый римский грамматик и антиквар, современник Августина; от его сочинений, содержавших много ценного о римских древностях, до нас дошли лишь отрывки.

⁹ Это зрелище было дано в 52 г. по случаю осушки Фуцинского озера.

из золота без всякой примеси другой материи. Атталийские же материи уже давно ткуются с примесью золотых нитей, что является изобретением царей Азии¹.

С мрамором и материалами, которые не могут накаляться, золото соединяется с помощью яичного белка, с деревом—посредством склеивающей смеси, называемой «левкофорон». В своем месте мы укажем, что это за вещь и каким образом она изготавливается². Золотить бронзу считалось правильным посредством ртути или по крайней мере гидраргира, о которых мы скажем при описании их природы³. Придуман способ подделки⁴, который заключается в том, что бронзу хорошенько обрабатывают и в раскаленном виде охлаждают солью, уксусом, квасцами, затем очищают от соринки, причем блеск ее показывает, достаточно ли она проплавлена, затем ее вторично подвергают действию огня, чтобы после такой обработки она посредством смеси из пемзы, квасцов и ртути могла принять накладываемые на нее пластинки. Также и квасцы имеют для очистки ту же силу, какую, как мы сказали, обладает свинец⁵.

4. (21) Золото—если оставить в стороне выкапывание его муравьями в Индии или грифами у скифов—добывается в известных нам странах тремя способами⁶: в виде мельчайших частиц в реках, как, например, Тахо в Испании, По в Италии, Гебр во Фракии, Пактол в Азии, Ганг и Индия; причем не существует более совершенного золота, поскольку оно вполне очищается самим движением и трением⁷. Другим способом оно извлекается из шахт или из горных обвалов. Опишем тот и другой способ.

Искатели золота прежде всего берут «сегутил»⁸; так называется показатель золотоношения. Он представляет корыто с песком, который промывается, и из свойств осадка делается соответствующее заключение. Иногда, в редких счастливых случаях, золото находят на поверхности земли, как недавно в Далмации в правление Нерона, причем в некоторые дни его получали по пятидесяти фунтов. Когда золото найдено таким образом в верхнем слое, его называют «талютием»⁹, если и ниже находится золотоносная земля. Впрочем, горы Испании, скудные и бесплодные, в которых не родится ничего другого, вынуждены в изобилии давать эту ценную вещь.

Золото¹⁰, которое выкапывается из шахт, одни называют *canalicium*, другие *canaliense*¹¹; оно соединено с песчинками мрамора, однако не так, как оно на востоке соединено с сафиром фиванским и прочими драгоценными камнями, на которых оно блестит: оно вкраплено в крупцы мрамора. Эти каналы золотоносных жил расходятся туда и сюда через стенки шахт, откуда им и дано имя, а земля подпирается деревянными столбами. Выко-

¹ Какого-либо из Атталов Пергамских.

² Об этом Плиний говорит в кн. 35, 36. Об упоминаемых здесь технических процессах, см. Н. В л ъ м п е р, *op. cit.*, IV, стр. 315 и прим. 1.

³ Об этом см. ниже, отр. «Ртуть натуральная и искусственная».

⁴ О нижеследующем описании технического процесса см. Н. В л ъ м п е р, IV, стр. 313, 314 и прим. 1 со ссылками на специальную литературу.

⁵ Об этом Плиний говорил в этой же книге, в § 60.

⁶ О том, как надо понимать нижеследующую классификацию способов добывания золота, см. Н. В л ъ м п е р, *op. cit.*, IV, стр. 111 прим. 9.

⁷ *Cp. ibid.*, стр. 111, 112, прим. 1.

⁸ *Segutilum*—испанское слово, сохранившееся в нынешнем термине *segullo*. *Cp.* Н. В л ъ м п е р, IV, стр. 113.

⁹ Об этом кельтском, может быть, искаженном в рукописях термине см. Н. В л ъ м п е р, *ibid.*, прим. 6.

¹⁰ О нижеследующем описании см. *ibid.*, стр. 120 сл.

¹¹ Оба термина произведены от слова *canalis*—«канал, жолоб».

панное вещество¹ толчется, промывается, прожигается и размалывается. Муку из ступы называют «scudis», серебро, выходящее из печи, «пбтом». Выбрасываемая из плавильной печи грязь называется у всякого металла шлаком. Последний у золота толчется и плавится вторично; тигли делаются из таскония; тасконий—это белая земля, похожая на глину; дело в том, что никакая другая земля не может выдержать тягу воздуха, огонь и пылающую массу.

Третий способ, можно сказать, превосходит труды гигантов². Посредством штолен, которые ведутся на большом протяжении, горы прокапываются при свете лампочек; этот же свет определяет рабочие смены³, и в течение многих месяцев люди не видят дня. Этот род штолен называется арругиями⁴; случается, что складки горы внезапно оседают и заваливают рабочих; выходит, таким образом, что, пожалуй, менее рискованно добывать жемчуг и багрянку со дна морей—насколько опаснее сделали мы сушу! Поэтому во многих местах еще во множестве остаются столбы, предназначенные для подпирания гор. При обоих видах добычи золота встречаются пласты камня. Их раздробляют огнем и уксусом⁵; однако ввиду того, что при этом вследствие пара и дыма невозможно бывает дышать, их чаще дробят специальными железными 150-фунтовыми молотами и выносят на плечах непрерывно днем и ночью, причем каждый рабочий в потемках передает ношу ближайшему, только крайние видят дневной свет. Если пласт камня кажется слишком мощным, то шахтер ведет штольню вдоль его края и огибает его; тем не менее работа в каменном пласте считается более легкой, ибо существует грунт, состоящий из некоей глины с примесью хряща, называемый «гангадия», почти непробиваемый. С ним борются посредством железных клиньев и вышеупомянутых молотов. Считается, что не существует ничего более твердого—разве только в мире нет ничего столь неодолимого, как жажда золота! По окончании работ подпоры штолен валият, начиная с последней. Появляются признаки обвала, и их замечает только находящийся на вершине горы сторож. Он голосом и знаками приказывает вызвать наружу рабочих, убегает также сам. Давшая расселину гора падает на далекое расстояние с неистовым для воображения человека грохотом и с невероятным вихрем. Победители созерцают эту катастрофу природы. А между тем золота ведь еще нет, да и когда копали, то не знали, имеется ли оно, и только надежда на получение желаемого явилась достаточной побудительной причиной для столь великих опасностей и затрат⁶. Производится и другая столь же крупная работа, требующая еще больших расходов: для промывания этих обвалов по хребтам гор отводят реки большею частью с расстояния в сотню миль; они называются «корруги», как я думаю, от слияния воедино вод⁷. Также и здесь выполняется несчетное количество работ: русло должно быть крутое, чтобы вода скорее падала, чем стекала; поэтому ее ведут с самых высоких мест. Впадины и промежутки соединяются надстроенными над ними трубами. В других местах пробиваются непроходимые скалы, которые, таким образом, выдолбленные внутри, заставляют давать основу для балок. Выскакающий скалу человек висит на канатах, так что находящемуся вдали

¹ Об обработке золотоносной руды см. *ibid.*, стр. 126 сл.; T a s k h o l m, *op. cit.*, IV, стр. 23 сл.

² Ср. Н. B l ü m n e r, IV, стр. 114 сл.

³ Смена определялась временем, в течение которого выгорало налитое в лампочку масло.

⁴ Тоже испанское слово.

⁵ Ср. Н. B l ü m n e r, IV, стр. 115.

⁶ Блюмнер высказывает справедливые сомнения относительно реальности этого описания Плиния. Ср. стр. 116 сл.

⁷ Попытки разъяснения этого термина см. *ibid.*, стр. 117, прим. 2.

зрителю он представляется даже не животным, но птицей. Находясь большею частью висячем положении, они производят нивелировку и проводят черту, указывающую направление, и туда, где человеку нет места стать ногой, он направляет течение реки. Промывание совершается неправильно, когда текущая вода несет с собою ил; этот род земли называют «урий». Поэтому воду ведут по каменистому грунту и избегают урия. У начального пункта падения воды на краю горы выкапываются бассейны размером в двести футов с каждой стороны и глубиной в десять футов. В них имеется пять выпускных отверстий приблизительно в четыре фута в квадрате, дабы, когда по наполнению бассейна вынут заслон, поток воды хлынул с силой, достаточной для того, чтобы катить вперед вместе с собою камни. Еще другого рода работа производится на равнине¹. Выкапываются ямы, через которые должна протекать вода, под названием «агоги»; они ряд за рядом устилаются «уликом» (ulix). Это—кустарник, похожий на розмарин, колючий и задерживающий золото. По бокам водосток загорожен досками, а над обрывами он висит в воздухе. Увлекаемая таким образом водой земля сносится в море, обрушенная гора размывается, и по этой причине Испания уже значительно продвигает свой материк в море. Вычерпываемая при первом способе² добытия с величайшим трудом вода отводится в такой водосток³, дабы она не заполняла шахт. Золото, добытое посредством арругии⁴, не плавится, но сразу уже представляет готовое золото. В таком виде находят самородки; притом, конечно, также в шахтах находят самородки свыше десяти фунтов весом; их называют «палагами», некоторые же—«палакурнами», а мелкие самородки—«балуками»⁵. Улик высушивается, сжигается, а пепел его промывается над подостланным густым дерном, чтобы золото осаживалось на нем. Некоторые авторы сообщают, что таким способом Астурия, Галлеция и Лузитания в отдельные годы дают двадцать тысяч фунтов золота, причем наибольшая часть приходится на долю Астурии. Нет другой страны, где подобная продуктивность длилась бы столько веков. Мы уже говорили, что в силу древнего запрещения сената Италия в этом отношении была пощажена⁶, вообще же не было страны, которая была бы богаче ее также и металлами. Существует цензорский закон для золотых приисков Виктумул в округе Верцелл, в котором предусматривалось, чтобы публиканы применяли на работах не более пяти тысяч человек⁷.

(22) Еще и теперь существует один способ изготовления золота из аурипигмента⁸, который в Сирии выкапывается живописцами из верхнего слоя почвы, имеет цвет золота, но хрупок, подобно слюде. Этой надеждой был обольщен принцепс Гай⁹, чрезвычайно жадный до золота; поэтому он приказал расплавить большое количество аурипигмента и получил

¹ Ср. *ibid.*, стр. 118 сл.

² Т. е. при способе добытия золота посредством шахт, о чем Плиний говорил в § 66 и 68 сл.

³ Это трудное для понимания место разъяснено Блюмнером, стр. 122, прим. 27.

⁴ См. выше, § 70.

⁵ По предположению Блюмнера, эти термины—кельтского или испанского происхождения. Ср. стр. 119, прим. 4.

⁶ О сенатусконсульте, запретившем разработку металлов в Италии. Плиний говорит в кн. 3, 138. Запрет относится к эпохе Гракхов. См. об этом U. T ä s k h o l m, *op. cit.*, стр. 17.

⁷ Этот закон был издан, по всей вероятности, в конце II в. до н. э. в связи с участвовавшими восстаниями рабов. Ср. U. T ä s k h o l m, *op. cit.*, стр. 123.

⁸ Auripigmentum, по предположению Блюмнера, стр. 477.—трехсернистый мышьяк.

⁹ Калигула. О его болезненной страсти к золоту см. Светоний, Гай Калигула, 42.

отличное золото, однако в таком ничтожном количестве, что для него, проделавшего этот опыт вследствие своей алчности, убыток оказался чувствителен, хотя фунт аурипигмента стоил только четыре денария. С тех пор этой попытки не повторял никто.

(23) Во всяком золоте имеется серебро в различном количестве—где десятая часть, где восьмая¹. Только в одном прииске Галлеции, носящем название «Альбукрарский», золото содержит в себе тридцать шестую часть серебра, вследствие чего оно превосходит все остальные сорта. Золото, содержащее пятую часть серебра, называется электр². Его частицы находят в золоте, называемом *canaliense*³. Электр производится также искусственным образом посредством прибавления серебра. Если же количество серебра превысит пятую часть, то электр не выдерживает наковальни. Также и электр ценился с древних времен, как о том свидетельствует Гомер, который рассказывает, что дворец Менелая сверкал золотом, электром, серебром и слоновой костью⁴. Линд на острове родян обладает храмом Минервы, в котором Елена посвятила кубок из электра, как при-совокупляет рассказ, сделанный по размеру ее собственной груди. Электру свойственно давать при свете ламп более яркий блеск, чем у серебра. Натуральный электр обнаруживает также яды. Действительно, в кубках⁵ разбегаются дуги, похожие на радугу, издающие треск, подобно пламени, и предупреждают о яде двояким способом⁶.

(24) Первая из всех золотая статуя без всякой пустоты внутри и ранее изготовления какой-либо статуи из бронзы, называемой голосфиратом⁷, была, как говорят, поставлена в храме Анаэтиды, в каковой местности⁸ мы указали это имя, причем божество это было самым священным у тамошних племен.

8. СЕРЕБРО⁹

(Из кн. 33)

6. (34) Теперь перейдем к серебряным рудникам. Серебро представляет второй вид нашего безумия. Его находят только в шахтах, и невозможно заранее надеяться найти его, ибо оно не сверкает искрами, как золото. Земля в одних местах бывает красная, в других—пепельного цвета. Выплавлять его можно только со свинцом или свинцовой рудой—ее называют свинцовым блеском (*galena*),—которую находят по большей части рядом с жилами серебра. Под тем же действием огня часть его переходит в свинец, а серебро плавает сверху, как масло на воде. Серебро находят почти во всех провинциях, но в Испании оно лучше всего; притом там его

¹ Ср. Н. В л ü m n e r, *op. cit.*, IV, 30, прим. 6, и об электре там же, стр. 160 сл. и его же статью «Elektron», *RE*, T. V.

² Согласно новейшему объяснению, свое название электр (*electrum*) смешанное с серебром золото получило от сходства с янтарем (ἤλεκτρον). Ср. А. Н e u b u r g e r, *Die Technik des Altertums*, стр. 13, прим. I.

³ См. выше, § 68.

⁴ «Одиссея», IV, 73.

⁵ Очевидно, сделанных из электра.

⁶ Т. е. собственным своим появлением и звуком.

⁷ *Holosphyratos*, т. е. массивная, целиком выкованная молотом. Ср. Н. В л ü m n e r, IV, стр. 241 сл.

⁸ Местность эта именована в кн. 5, 83 Анаэтикой. Это—область Армении. Анаэтида—персидская богиня плодородия, которую отождествляли с Афродитой.

⁹ Пособия: Н. В л ü m n e r, *op. cit.*, IV, стр. 14 сл.; А. Н e u b u r g e r, *op. cit.* стр. 13 сл.

находят в бесплодной почве, а также в горах, и где найдут одну жилу, там неподалеку оказывается другая. Впрочем, так бывает почти со всеми рудами, почему греки, как кажется, и называли их металлами¹. Удивительно, что шахты, впервые заложенные в Испании Ганнибалом, продолжают разрабатываться доныне. Шахты носят название по имени лиц, их открывших. Среди них и теперь носит название Бебело шахта, которая ежедневно приносила Ганнибалу 300 фунтов серебра; гора прорыта уже на протяжении 1 500 шагов, и на этом пространстве аквитанцы, стоя на ногах, днем и ночь выкачивают воду, определяя смены горением ламп, причем образуется настоящая река². Серебряная жила, найденная в верхнем слое почвы, называется *crudaria*³. Древние обычно переставали копать, коль скоро находили квасцы, и ничего не искали дальше. Но недавно найденная ниже квасцов медная жила делает надежду беспредельной. Запах, издаваемый серебряными рудниками, вреден для всех животных, но в особенности для собак. Золото и серебро бывают тем красивее, чем они мягче. У многих вызывает удивление, что линии, проводимые серебром, черны.

(44) Серебро бывает двух видов⁴. Если кусочек его, положенный на раскаленный железный совок, останется белым, то металл считается высшего сорта. Если он покраснеет, он считается вторым по качеству, если же почернеет, то не ценится ни во что. Но и это испытание бывает сопряжено с обманом. После того как совок продержат в моче мужчины, кусочек серебра, пока раскаляется, получает поверхностный налет и дает обманчивый белый цвет. Полированное серебро испытывают также посредством человеческого дыхания, серебро немедленно запотеваает, и влага затем испаряется.

9. ПРОБИРНЫЙ КАМЕНЬ⁵

(Из кн. 33)

(43) В связи с золотом и серебром надлежит сказать о камне, который называют пробирным камнем; как свидетельствует Теофраст, некогда его находили обычно только в реке Тмоле, ныне же находят в разных местах. Одни называют его гераклием, другие—лидием. Камни эти невелики: не более четырех дюймов в длину и двух в ширину. Сторона, обращенная к солнцу, у них лучше, нежели сторона, обращенная к земле. С помощью этих пробирных камней эксперты, отколов, как бы напильником, от руды пробу, немедленно объявляют, сколько в ней содержится золота, серебра или меди, с точностью до скрупула—удивительный, безошибочный способ.

10. МЕДЬ⁶

(Из кн. 34)

1. (1) Переходим теперь к описанию медных рудников, поскольку и в быту медь занимает следующее место по цене—правда, коринфская медь⁷ ценится дороже серебра и чуть ли не дороже золота и, как мы

¹ По-гречески *μετ' ἄλλα* значит «после других», *μετ' ἄλλων*—«вместе с другими». (подразумевается «найденное»).

² Ср. Н. Blü m n e r, IV, стр. 112 и прим. 2.

³ Этот латинский термин, встречающийся только здесь, можно перевести словом «свежий».

⁴ Ср. Н. Blü m n e r, IV, стр. 153.

⁵ См. Н. Blü m n e r, IV, стр. 136 сл.

⁶ Н. Blü m n e r, *op. cit.*, IV, стр. 162 сл.; А. Ne u b u r g e r, *op. cit.*, стр. 15 сл.

⁷ См. ниже, § 6.

сказали¹, имеет значение в качестве денежного знака. От нее идут выражения *aera militum* (солдатское жалованье), *tribuni aerarii* (эварные трибуны), *aerarium* (казна), *obaerati* (задолжавшие), *aeradiruti* (општрафованные). Мы уже говорили, как долго римский народ пользовался только клейменными кусками меди; кроме того, один древний факт показывает, что ее значение так же древне, как самый Рим: царь Нума в качестве третьей корпорации ремесленников учредил коллегия медников².

(2) Руда выкапывается уже описанным выше способом³ и обрабатывается огнем. Она добывается также из рудоносного камня, который называют кадмией, причем славится привозный из-за моря; некогда он добывался и в Кампании, а теперь также в округе Бергама, на окраине Италии; говорят, он недавно найден и в провинции Германии. 2. Медь добывают еще из другого камня, который называется халкитом на Кипре, где медь была найдена впервые; она вскоре совсем упала в цене, так как в других землях нашли медь лучшего качества, в особенности орихалк⁴, долгое время считавшийся наилучшим и возбуждавший удивление, но уже давно не встречающийся вследствие истощения земли. Следующей по качеству была саллюстиева медь в округе центронов в Альпах⁵, причем и эта медь существовала недолго и ее сменила ливиевская в Галлии. И та и другая медь получили название по имени владельцев рудников; первая—по имени друга божественного Августа, вторая—по имени супруги последнего. Также и ливиевская медь быстро истощилась; во всяком случае она добывается теперь в весьма небольшом количестве. Наибольшей славой теперь пользуется мариева медь⁶, которая называется также кордубской. После ливиевской меди эта медь всего лучше соединяется с кадмией и в сестерциях и дупондиях приближается по качеству к орихалку, между тем как монеты в асс довольствуются своей кипрской медью⁷. Вот, что можно сказать о естественных качествах меди.

(3) Прочие виды меди создаются трудом человека, о них мы скажем в надлежащих местах, отметив, однако, прежде всего вид, пользующийся наибольшей славой. Некогда медь при плавлении смешивалась с золотом и серебром, и тем не менее искусство ценилось еще выше; теперь же неизвестно, что хуже: искусство или материал, и кажется удивительным, что, хотя цены на труд возросли непомерно, значение искусства пало. Ибо искусством стали заниматься, как и всем вообще, ради корысти, тогда как раньше им занимались обычно ради славы; поэтому его считали даже занятием богов, и для великих мира сего оно тоже являлось путем к славе; теперь же умение лить драгоценную медь до того упало, что уж давно не удавалось даже благодаря счастливому случаю достичь того, чего раньше достигали благодаря искусству⁸.

Среди знаменитых старинных видов бронзы высшая слава принадле-

¹ Об этом Плиний говорил в кн. 33, 43 и 138.

² Какие из девяти корпораций Нумы предшествовали корпорации медников, об этом сведений не имеется.

³ Плиний имеет, вероятно, в виду, что он упоминал о меди при описании добычи серебра.

⁴ Об орихалке см. Н. В l u m n e r, стр. 193 сл., 197; см. также D a r e m b e r g e t S a g l i o, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, t. IV, 1, стр. 235 сл.

⁵ См. Н. В l u m n e r, стр. 66.

⁶ В горах Сьерры-Морены; это название происходит от владельца тамошних рудников, носившего имя Марий.

⁷ Дупондий—двойной асс. Согласно M a r q u a r d t' y, Römische Staatsverwaltung, II, стр. 29, прим. 6, эти сведения о составе римских медных монет эпохи ранней империи подтверждаются существующими экземплярами.

⁸ Плиний, повидимому, хочет сказать, что в его время шедевры не создавались даже случайно, тогда как прежде они являлись результатом таланта и сознательной воли художника.

жит коринфской, оставляющую ее смесь создал случай в Коринфе во время его штурма и погрома, и удивительно, до какой степени многие безумствовали в своем пристрастии к этой бронзе. Действительно, как говорят, исключительно из этой причине Веррес, когда-то осужденный М. Цицероном, был вместе с этим последним подвергнут проскрипции Антонием за то, что отказался уступить ему свои коринфские вазы. Мне кажется, что большинство из любителей скорее напускает на себя вид знатоков с целью выделения из остальной массы смертных, нежели действительно сколько-нибудь чинко разбираются в таких вещах; это я объясню в немногих словах. Коринф был взят в третьем году 158-й олимпиады или в 608 г. от основания нашего города¹, когда уже до того времени сошли со сцены знаменитые ваятели, все произведения которых наши любители называют коринфскими изделиями. Поэтому для изобличения этих последних я укажу время жизни этих художников; годы от основания нашего города будет легко определить из вышеприведенного сопоставления с олимпиадами. Таким образом, коринфскими изделиями являются только те, которые наши эгоисты переделывают то в столовую посуду, то в лампы или ночную посуду нисколько не заботясь о соблюдении их в чистоте и неприкосновенности. Существует три рода коринфской бронзы: белая бронза, своим блеском всего более приближающаяся к серебру, которое и преобладает в ее составе; второй род, обладающий желтизной золота; третий род, в котором смесь всех трех металлов равномерна. Кроме этих родов, есть еще один; состав которого не может быть выражен определенно, хотя он и создан рукой человека; однако состав этой бронзы определяется и случаем. В портретных и иных скульптурных произведениях этот род бронзы ценится за свой цвет, напоминающий цвет печени, откуда и происходит название «гепатэон»²; эта бронза значительно уступает коринфской, но далеко превосходит эгинскую и делосскую, которые давно завоевали себе первенство.

(4) Наиболее древней репутацией пользовалась делосская бронза, так как рынок на Делосе посещался всем миром, что поощряло работу мастерских. Бронзовые изделия прославились там сначала в виде ножек и рам для триклиний, а затем также в виде статуй богов и изображений людей и прочих животных.

(5) Следующей по известности была эгинская медь, причем и самый остров Эгина прославилась ею, не потому чтобы она там добывалась, но благодаря составу бронзы, изготовлявшейся в тамошних мастерских. Взятый оттуда бронзовый бык находится в Риме, на Скотном рынке. Его можно считать образцом эгинской бронзы, образцом же делосской бронзы является статуя Юпитера Промовержца в храме последнего на Капитолии. Эгинскую бронзу употреблял Мирон, делосскую — Поликлет, бывшие современниками и учениками одного и того же мастера³. Таким образом, их взаимное соперничество выражалось также и в выборе материала.

3. (6) В частности, Эгина производила только верхние подставки канделябров⁴, подобно тому как Тарент производил стержни. Таким образом, в них соединялась рекомендация мастерских⁵. Люди не стыдятся

¹ Т. е. в 146 г. до н. э.

² Ср. Н. Влэмпнер, IV, стр. 329, 330 и прим. 1.

³ Оба были учениками Агелата и жили в V в. до н. э. Знамениты произведения первого — дискобол, и второго — дрифор.

⁴ Так переводит мы термин *candelabrorum superficies*, согласно объяснению Dargemberg et Saglio, *Dictionnaire des antiquités*, I, стр. 874.

⁵ Эти краткие данные о специализации производства внушили очень важные выводы немецким историкам модернизаторского направления. Ср. замечания к этому месту у К. Бюхера, *Очерки экономической истории Греции*, русск. пер., Л., 1924, стр. 95 сл.

покупать их за цену, равную жалованью военного трибуна, хотя самое имя этого предмета¹, очевидно, происходит от свечи. Проложением к такому канделябру, по распоряжению заведующего аукционы Феона, оказался валиящик Клезипп, к тому же горбун, да и в других отношениях существо гнусного вида, а купила канделябр Гегания за 50 тысяч сестерциев. Когда она на пире, хвастаясь, показывала свои покупки, Клезипп на потеху гостям раздели; охваченная постыдной похотью Гегания разделила с ним свое ложе, а затем сделала его также своим наследником. Чрезвычайно разбогатев, Клезипп стал чтить вышеупомянутый канделябр, как божество, и прибавил эту свою историю к анекдотам, связанным с коринфскими бронзами; впрочем, он отдал дань также и морали соорудив Гегании великолепную гробницу, благодаря которой на земле олигна была навеки сохраниться память о ее позоре. Но хотя, как известно, коринфских канделябров не существует, они славятся, главным образом, под этим именем потому, что победа Муммия привела к разрушению Бринфа; однако в то же время бронзовые изделия были вывезены из множества городов Ахайи².

(7) Древние делали из бронзы пороги и дверные сворки в храмах.

(20) Обратимся теперь к различным видам меди и ее сплавам. Кипрская коронная медь³ расплющивается в тонкие пластины; будучи окрашена бычьей желчью, она на коронах актеров имеет вид золота; эта же медь, если к ней прибавить шесть скрупулов золота на унцию, горит в качестве тонких листов пиропа⁴. Брусковая медь⁵ добывается также в других рудниках, равно как и плавильная. Различие заключается в том, что плавильная медь только плавится, а под молотом крошится, тогда как брусковая медь поддается действию молота, и некоторые называют ее «тягучей»; к этому роду относится вся кипрская медь. Однако и медь, добываемая во всех прочих рудниках, благодаря обработке становится иной, нежели плавильная медь; ибо всякая медь, после того как из нее огнем будет удалено и выплавлено все негодное, является брусковою медью. Среди прочих видов меди первенство отдается кампанской, представляющей весьма ценный материал для хозяйственной утвари. Она обрабатывается различными способами. Так, в Капуе ее плавят не на угольном жару, но на дровяном огне и очищают с помощью дубового сита, предварительно облив холодной водой; она плавится таким образом несколько раз, причем в последний раз к ней прибавляют испанского серебристого свинца⁶ в пропорции десяти фунтов на сто фунтов меди. Таким образом она становится ковкой и получает приятный цвет которого на других видах меди искусственно добываются посредством масла и соли. Медь, похожую на кампанскую, изготовляют во многих местах Италии, а также в провинциях, однако свинец прибавляют в пропорции восьми фунтов и вторично плавят ее на углях за недостатком дров. Какая разница получается от способа плавки, всего более заметно в Галлии, где медь плавится между раскаленными камнями, ибо на слишком жарком огне медь делается черной и ломкой; кроме того, здесь плавят только один раз, тогда как

¹ Т. е. канделябра; свеча по-латыни—*candala*.

² Коринф был взят и разрушен римским консулом Муммием, и, очевидно, масса бронзовых изделий, вывезенных тогда из всей Греции в Рим, получила название коринфских. Здесь под Ахайей надо понимать не старинную область на севере Пелопоннеса, но всю Грецию, носившую в качестве римской провинции это название.

³ Медь, из которой делались короны для театра.

⁴ Греческое слово, буквально: «огненноцветный», ср. Н. В l ü m п е r, IV, стр. 185.

⁵ О нижеследующем описании технических процессов и вызываемых им недоумениях см. *ibid.*, стр. 166 сл.

⁶ Смесь свинца и цинка в равных долях.

многократная переплавка всего более повышает ее качество. 9. Не будет лишним заметить также, что всякую медь лучше плавить при сильном холоде. Для статуй, а также для плит под надписи смесь производится следующим образом: сначала расплавляется основная масса металла, затем в нее прибавляется третья часть меди «сборной», т. е. такой, которую скупают, после того как она уже была в употреблении. Эта медь имеет ту специальную особенность, что вследствие трения она как бы укрощена и от привычки к блеску как бы сделалась ручной. Кроме того, на сто фунтов расплавленной меди примешивают $12\frac{1}{2}$ фунтов серебристого свинца¹. Кроме того, название «формовой» дают смеси весьма тонкой меди, так как в нее прибавляется десятая часть свинца и двадцатая часть серебристого свинца, и таким образом она чрезвычайно пропитывается цветом, который называют «греческим». Наконец, есть еще смесь, так называемая «горшечная», получившая название от рода посуды: к ста фунтам меди прибавляют три или четыре фунта серебристого свинца. Если прибавить свинца к кипрской меди, то получается пурпуровый цвет для пурпуровой каймы на претекстах статуй².

(21) Медные изделия скорее подвергаются ржавчине, когда их вытирают, чем когда их оставляют в пренебрежении, если только они не смазываются маслом. Говорят, что они всего лучше сохраняются в жидкой смоле. Медь уже давно служит увековечению памятников, поскольку на медные доски наносятся постановления государственного значения.

11. ЖЕЛЕЗО³

(Из кн. 34)

14. (39) Перейдем теперь к описанию железных рудников. Железо является превосходнейшим и одновременно ужаснейшим орудием для жизни, поскольку с его помощью мы копаем землю, сажаем деревья, подстригаем садовые насаждения, ежегодно омолаживаем лозы, обрезывая сухие ветви на них, с его помощью мы строим дома, рассекаем скалы и пользуемся им для всех прочих надобностей; однако его же мы употребляем для войн, разбоев, убийств, причем они совершаются не только врукопашную, но и с помощью метательного оружия и летающего, которое то выбрасывается машиной или рукой, то движется с помощью оперения, что в моих глазах является самой преступной хитростью человеческого ума, поскольку, дабы смерть быстрее достигла человека, мы превратили ее в птицу и дали крылья железу. А потому его преступление не следует вменять в вину природе. Несколько раз на опыте было доказано, что железо может быть безвредным. В договоре, который по изгнании царей, Порсена дал римскому народу, находилась специальная статья, запрещавшая пользоваться железом, кроме как для возделывания полей⁴. Тогда же, по словам древнейших авторов, было постановлено писать костяными

¹ О вышеописанной процедуре см. Н. Blü m n e r, IV, стр. 181 сл.

² Ср. Н. Blü m n e r, IV, стр. 182.

³ Н. Blü m n e r, op. cit., IV, стр. 205 сл., 340 сл.; А. Ne u b u r g e r, op. cit., стр. 22 сл.; Н. Blü m n e r, статья «Eisen» в RE, T. V, стр. 2142—2149; U. T ä s k h o l m, op. cit., стр. 62 сл.; статья L. de L a u n a y, «Ferrum» у D a r e m b e r g—S a g l i o Dictionnaire etc., t. II, стр. 1074—1094.

⁴ Порсина, или Порсена, царь этрусского города Клузиума, вел войну с Римом, по преданию, в 507 г. до н. э. Данное место Плиния весьма важно: оно говорит о поражении и унижении Рима и опровергает представленную Ливием и господствовавшую в Риме традицию о якобы славном исходе войны с Порсеной.

стилями¹. Существует эдикт Помпея Великого, изданный в его третье консульство в связи с беспорядками, вызванными убийством Клодия²; этим эдиктом запрещалось держать в городе какое-либо оружие (40). Также и само древнее искусство не преминуло оказать почет железу более кроткими способами. Художник Аристонид³, желая передать, как ярость Афаманта⁴, после того как он свергнул со скалы своего сына Леарха, уступала раскаянию, смешал медь с железом, дабы ржавчина последнего, просвечивая сквозь блеск меди, выразила краску стыда. Эта статуя существует и ныне в Родосе. В том же городе существует железная статуя Геркулеса, которую сделал Алькон, побужденный терпением, проявленным богом в его трудах⁵. Также и в Риме мы видим железные чаши, посвященные в храме Марса Мстителя. Препятствием действию железа стало то же самое благожелательство природы, наложившей на него наказание в виде ржавчины, и та же самая ее предусмотрительность, поскольку она из всех вещей сделала самой проходящей ту, которая является наиболее враждебной человечеству.

(41) Железные руды находят почти повсюду; их имеет даже соседний с Италией остров Ильва⁶, причем нахождение их сопряжено с совершенно незначительными трудностями, так как их приметами является самый цвет земли. Способ выплавления такой же, как для медных жил. Только в Каппадокии возникает вопрос, является ли железо даром воды или земли, поскольку земля дает из печей железо не иначе, как будучи смочена водой из реки Кераса⁷. Различия железа весьма многочисленны. Первое различие определяется свойствами земли и климата: одни земли дают только мягкое железо, приближающееся к свинцу, другие—ломкое и с примесью меди, которого всячески следует избегать для поделки колес и гвоздей, для чего пригоден первый вид железа; третье железо является подходящим лишь для коротких предметов и употребляется для сапожных гвоздей; четвертое быстрее других покрывается ржавчиной. Все эти виды железа называются *stricturae*, чего не встречается среди других металлов, это название происходит от выражения *stringere aëiem*⁸. Велико также различие печей, причем в них выплавляется некое ядро железа для закаливания стали и, другим способом, для получения твердых наковален и головок молотов. Наибольшее же различие заключается в воде, в которую немедленно погружается раскаленное железо. Поскольку она оказывалась более пригодной то здесь, то там, она прославила различные места знаменитостью их железа, как, например, Бильбилис и Туриассон в Испании, а также Ком⁹ в Италии, хотя в этих местах железных рудников

¹ Стиль, острая палочка для писания на навоощенных дощечках, обычно делался из железа.

² Бывший народный трибун Клодий был убит Милоном в 52 г. до н. э., когда Помпей был консулом в третий раз.

³ Аристонид—родосский скульптор II в. до н. э.

⁴ Согласно легенде, фиванский царь Афамант, приведенный в состояние иступления Герой, сбросил своего сына со скалы.

⁵ Это терпение должно было быть выражено выбором железа в качестве материала для статуи. Время жизни Алькона неизвестно.

⁶ Эльба.

⁷ Ceraso, согласно эмендации Улрихса, принятой в текст Mauehoff'ом. Другие издания дают *certo*, т. е. «из некоей», другими словами, нам неизвестной реки.

⁸ Ввиду неустойчивости значения терминов мы предпочли дать их в тексте по-латыни, сопроводив их некоторыми объяснениями: *strictura* древними авторами понимается и как искра от раскаленного железа (Ноний) и—что более похоже на правду—как масса застывшего железа (Сервий), т. е. как «свинка» или «болванка». *Stringere aëiem* может значить и «ковать» и «сжимать сталь». Ср. H. B l ü t n e r, IV, стр. 218 и прим. 5, где даны ссылки на объяснения специалистов.

⁹ Напомним, что Плиний был сам уроженец колонии Кома (ныне Комо, на озере того же имени), где вырос и жил до своего переезда в Рим для получения образования.

не имеется. Из всех же видов железа пальма первенства принадлежит железу серов¹, которые присылают его вместе с одеждами и мехами; второе место занимает парфянское железо. Только эти виды железа изготавливаются из чистой стали², к прочим же примешивается более мягкое соединение. В нашей части света эта высокосортность получается в одних местах от качества железной жилы, как в Норике, в других—от выделки, как в Сульмоне³, в названных же выше местах—от воды; при оттачивании различаются оселки под масло и оселки под воду⁴, от масла сталь делается острее. И удивительно, что при плавлении жилы железо становится жидким, как вода, а затем делается пористым, как губка. Более тонкие железные изделия охлаждают деревянным маслом, дабы, затвердевая от воды, они не становились ломкими. Человеческая кровь мстит за себя железу, так как от соприкосновения с нею оно быстро покрывается ржавчиной.

(42) В надлежащем месте мы скажем о магните и о том согласии, в каком он живет с железом⁵. Только это вещество заимствует от этого камня его свойство и долгое время сохраняет его, притягивая к себе другое железо, так что иногда можно видеть целую цепь колец. Несведущая толпа называет это живым железом: нанесенные им раны бывают более жестокими. Этот камень имеется также в Кантабрии, но не в виде сплошного массива, как известный подлинный магнит, а вразброс, в виде так называемых «пузырей»; не знаю, так же ли он полезен для литья стекла, поскольку никто еще не проделывал такого опыта; железу же он во всяком случае сообщает ту же силу. Архитектор Тимохар начал строить в Александрии своды из магнитного камня для храма Арсинои, чтобы ее находящаяся в нем железная статуя казалась парящей в воздухе. Тем временем смерть постигла как самого архитектора, так и царя Птолемея, который приказал соорудить это в честь своей сестры⁶.

(43) Из всех железных рудников богатейшие находятся в Кантабрии. Удивительное дело—в приморской части, омываемой океаном, высочайшая гора целиком состоит из железа, как мы уже указывали в описании океана⁷.

15. Железо, раскаляемое на огне, портится, если его не обрабатывать ударами молота. Пока оно красно, оно нелегко поддается ковке, необходимо, чтобы оно начало белеть. Будучи смазано уксусом или квасцами, оно становится похоже на медь. Железо предохраняется от ржавчины свинцовыми белилами, гипсом и жидкой смолой. Это для железа представляет нечто, что греки называют антипатией⁸. По словам некоторых, это бывает также в силу какого-то религиозного освящения, и на реке Евфрате, в городе под названием Зевгма, существует железная цепь, посредством которой Александр Великий соединил там мост; обновленные звенья этой цепи покрылись ржавчиной, тогда как первые остались ею нетронутыми⁹.

То, что выросший в одном из центров техники автор описывает ее на основании книг, является столь же характерным, как и то, что он, бывший кавалерийский офицер, в своем рассказе о лошадях (кн. 8, 154—166) не сообщил нам ни одного собственного наблюдения.

¹ Китайцев; о них Плиний говорит в своем географическом обзоре в кн. 6, 42.

² Это замечание заставляет заключить, что из Китая и Парфии ввозились изделия из стали, а не железо как материал.

³ Сульмон—город в Апеннинах, в Средней Италии.

⁴ См. ниже, отрывок «Точильный камень».

⁵ Об этом говорится в кн. 36, стр. 126 сл.

⁶ Речь идет об египетском царе Птолемеи Филадельфе, умершем в 247 г. до н. э., и его сестре и супруге Арсиное, умершей раньше его.

⁷ Кн. 4, 112.

⁸ Как указывает Плиний в кн. 20, 1, антипатия представляет природную противоположность и вражду между вещами, как, например, между водой и огнем.

⁹ Именно в силу их первоначального освящения религиозным обрядом.

12. СВИНЕЦ И ОЛОВО¹

(Из кн. 34)

47. (46) Переходим к описанию свойств свинца, который бывает двух сортов—черный и белый². Из них ценнейшим является белый, который греки называют касситерон; о нем рассказывали нечто баснословное; будто бы за ним плавают на острова Атлантического океана и привозят его на плетеных из прутьев судах, обшитых кожей. Ныне же достоверно известно, что его находят в Лузитании и Галлеции на поверхности земли, песчанистой и имеющей черный цвет. Ее можно узнать только по ее весу; встречаются в ней также и мелкие камешки, в особенности в руслах пересохших ручьев. Рудокопы промывают этот песок и плавят получившийся осадок в печах. Его находят также в золотых приисках, так называемых алутиях³, когда впущенная туда вода вымывает черные с белыми крапинками камешки такого же веса, как золото; вследствие этого они остаются вместе с ним в корзинках, в которые собирают золото; затем в печах они отделяются от золота и превращаются в белый свинец. В Галлеции черный свинец не добывается, тогда как соседняя Кантабрия изобилует только им; равным образом из белого свинца не получают серебра, между тем как он добывается из черного. Спаять черный свинец с черным невозможно без белого, а равно невозможно спаять этот последний с черным без оливкового масла; невозможно также спаять белый свинец с белым без черного. Белый свинец был в славе также и в эпоху Троянской войны, как о том свидетельствует Гомер, который называет его касситерон. Происхождение черного свинца двоякое: он либо получается из собственной жилы и не содержит ничего другого, либо родится вместе с серебром и выплавляется из жил смешанного состава. При плавлении этих жил жидкость, стекающая в печах в первую очередь, называется стагном⁴, во вторую очередь стекает серебро; то, что остается в печах, называется галена⁵, которая составляет третью часть вложенной в печь жилы; будучи вновь переплавлена, она дает черное серебро в количестве семи девятых частей всей своей массы⁶.

17. (48) Стагн⁶, если им покрыть медные сосуды, отнимает вкус меди и уничтожает яд медянки; удивительно также, что весь сосуд при этом не увеличивается. Как мы уже говорили⁷, из него изготовляли в Брундизии зеркала, пользовавшиеся большим спросом, пока даже служанки не начали пользоваться серебряными. Ныне стагн подделывается посредст-

¹ Н. В l ü m n e r, *op. cit.*, IV, стр. 81 сл., 142 сл., 374 сл.; А. Н e u b u r g e r, *op. cit.*, стр. 17 и 21 сл.; U. T ä s k h o l m, *op. cit.*, стр. 33 сл., 59 сл.

² Под белым свинцом Плиний всегда подразумевает олово. Ввиду того, что олово он иногда обозначает также термином *stagnum*, который, с другой стороны, имеет у него же еще значение «серебристый свинец, веркблей», то во избежание смешения понятий мы в переводе сохраняем терминологию Плиния, давая всякий раз возможные разъяснения. См. Н. В l ü m n e r, IV, стр. 81, прим. 6. Ср. также U. T ä s k h o l m, стр. 42 и прим. 44.

³ *Alutia*—столь же непонятное, вероятно, испанское слово, как и уже встретившееся нам в кн. 33, 67 слово *talutium*.

⁴ Галена (*galena*), являющаяся здесь продуктом выплавки, представляет, по объяснению Н. В l ü m n e r (IV, стр. 150 и 159), так наз. «глёт» или «свинцовую слюду» (*Bleiglätte*). Находимая в чистом виде галена есть «свинцовый блеск» (*Bleiglanz*).

⁵ О странности такой пропорции свинца в галене см. Н. В l ü m n e r, IV, стр. 150, прим. 2.

⁶ Здесь «стагн», очевидно, означает олово.

⁷ В кн. 33, 130, где термин *stagnum* мы перевели словом «олово», чтобы не осложнять чтение объяснениями.

вом примеси белой меди к белому свинцу в количестве одной трети¹. Это делается и другим способом—фунт белого свинца смешивается с фунтом черного; эту смесь некоторые называют «аргентарием». Они же называют «терциарием»² смесь из двух частей черного свинца с одной частью белого. Стоимость его—20 денариев за фунт. С его помощью соединяют между собой трубы. Фальсификаторы прибавляют к терциарию равное количество белого свинца, называют эту смесь аргентарием и лудят ею все, что угодно. Цену ему ставят 70 денариев за фунт. Цена чистого белого свинца—80 денариев, черного—7 денариев.

По своей природе белый свинец более сух, напротив, черный представляет сплошную влагу. Поэтому белый свинец ни для чего не может быть употреблен без примеси. Также и серебро паять им невозможно, так как оно расплавляется быстрее; уверяют также, что если к белому свинцу примешать черного свинца в количестве меньшем, чем полагается, то он съедает серебро. Белым свинцом медные изделия покрываются по изобретенному в Галлии способу так, что свинец невозможно отличить от серебра; такие изделия называются «инкоктили»³. Затем в городе Алезии⁴ начали подобным же образом покрывать серебром в особенности украшения конской сбруи, выючных животных и ярем; в остальных изделиях слава принадлежала битуригам⁵. Затем галлы начали таким же образом украшать свои экипажи, так наз. «эсседы», «колизаты» и «петориты»⁶; эта роскошь вызвала уже появление не только серебряных, но и золотых статуэток, и если раньше считалось расточительностью любоваться драгоценным веществом на кубках, то теперь допускать его изнашивание на повозках называется «уметь жить». Белый свинец испытывается на бумаге, причем должно казаться, что он в расплавленном виде прорывает ее своей тяжестью, а не жаром. Индия не имеет ни меди, ни свинца и получает их в обмен на драгоценные камни и жемчуг.

(49) Черный свинец мы употребляем для труб и плит; его с трудом выкапывают в Испании и во всех Галлиях⁷, но в Британии он добывается из верхнего слоя земли в таком изобилии, что издан закон, ограничивающий добычу известной мерой⁸. Виды черного свинца носят следующие названия: иоветинский, капрарский, олеатрский⁹; различий между ними нет, если только плак выплавлен тщательно. Только у этих рудников наблюдается удивительное явление: будучи брошены, они оживают в еще большем изобилии. Повидимому, такой результат производит воздух, доотказа проникающий через расширенные отдушины; подобно этому, выкидыши делают некоторых женщин более плодовитыми. Недавно это было показано на опыте Салеарского рудника в Бетике¹⁰, который обычно сдавался в аренду за 200 тыс. денариев в год, а после значительного перерыва эксплуатации он был сдан за 255 тыс. денариев. Подобным же образом арендная плата с Антониева рудника в той же провинции при

¹ См. Н. В l ü m n e r, IV, стр. 81, прим. 6

² Tertiarium от tertia—третья часть.

³ Incostilia—буквально: «покрытые свинцом»;

⁴ Ныне Ализ Сент-Рени в департаменте Кот-д'Ор во Франции; город, прославленный последней борьбой галлов с Цезарем под предводительством Верцингеторига.

⁵ Битуриги—галльское племя с главным городом Аварикум, ныне Бурж, в центре Франции.

⁶ Точнее различия между этими видами галльских экипажей нам неизвестны.

⁷ Административно Галлия делилась на три провинции с общим центром в Лионе.

⁸ Об этих ограничениях вообще см. у T ä c k h o l m'a, стр. 178 сл. и passim, в частности касательно данного запрета—стр. 143, прим. 9.

⁹ Местные испанские названия, ср. Н. В l ü m n e r, IV, стр. 90.

¹⁰ Бетика соответствует нынешней Андалузии в Испании.

такой же повторной аренде достигла 400 тыс. сестерциев. Удивительно, что, если в свинцовый сосуд налить воды, он не расплавится, но если в эту воду бросить камешек или медную монету в четверть асса, то сосуд поддается огню.

13. РТУТЬ НАТУРАЛЬНАЯ И ИСКУССТВЕННАЯ

(Из кн. 33)

(32) В этих жилах² имеется также камень, истекающая из которого вечно жидкость называется ртутью. Она представляет яд для всех вещей и проедает сосуды, просачиваясь насквозь в виде отвратительной жижи. Все плавает поверх ртути, кроме золота; только его она притягивает к себе. Поэтому она также отлично очищает золото, удаляя всяческие грязные примеси; для этого его часто встряхивают в глиняных сосудах. Когда, таким образом, нечистота будет удалена, то с целью отделить ртуть от золота все выливают на дубленую кожу, через которую она просачивается, подобно поту, оставляя чистое золото³. Поэтому при золочении медных предметов ртуть, будучи намазана на золотые листочки, очень прочно их прикрепляет, а благодаря своему бледному цвету она позволяет обнаружить простые или слишком тонкие листочки. По этой причине люди, занимающиеся таким обманом, подменивали ртуть белком яйца, а затем также и гидраргием⁴, о котором мы скажем в своем месте. Вообще же ртуть находят не в большом количестве.

8. (41) Из второсортного миния⁵ житейская практика научила извлекать заменяющий ртуть гидраргий, о котором было упомянуто немного выше⁶. Он изготавливается двояким способом: миний растирают в уксусе в медных ступках пестиком, либо, положив в железный сосуд, ставят в глиняную миску, покрывают кубкообразной крышкой и замазывают глиной, затем под миской зажигают огонь, непрерывно поддерживая его мехами, и собирают с крышки испарение, которое имеет цвет серебра и жидко, как вода. Также и гидраргий легко разделяется на капли и соединяется вместе, как быстро бегущая жидкость.

(42) С помощью гидраргия в настоящее время золотят только серебро, между тем как таким же способом следовало бы золотить также и медь. Однако тот же обман, столь изобретательный во всех областях жизни, как мы уже объясняли⁷, придумал для этого другое вещество.

14. ЗЕРКАЛО ИЗ СЕРЕБРА И ЕГО РАСКРАСКА⁸

(Из кн. 33)

9. (45) Растягивать пластины наподобие стекла⁹, как думали, возможно только из наилучшего серебра. Раньше это так и было, но уже и это подделывается обманым образом.

¹ Н. В l ü m n e r, op. cit., IV, стр. 98 сл.; А. N e u b u r g e r, op. cit., стр. 29; статья «Hydrargyrum» в R.E., IX, стр. 55—60.

² Т. е. в серебряных жилах.

³ Нечто подобное сообщает В и т р у в и й, VII, 8, 4. О неточности описания Плиния см. Н. В l ü m n e r, IV, стр. 133.

⁴ См. ниже, § 125.

⁵ См. следующий отрывок.

⁶ В отрывке «Золото», § 64.

⁷ См. выше, § 100. Об этой технике см. Н. В l ü m n e r, IV, стр. 314, прим. 2.

⁸ Н. В l ü m n e r, op. cit., IV, стр. 265 сл.; статья von N a t o l i c z k a, «Kátoptros» в R.E., т. XI, стр. 29—45.

⁹ Переведено согласно эмендации Mayhoff'a: in speciem vitri. Прежние издания дают чтение: et specula fieri, т. е. «и изготавливать зеркала».

Удивительным является свойство серебра передавать изображения¹, что, по общему мнению, происходит в силу отражения воздуха в обратном направлении к глазам. В силу этого же свойства когда толщина зеркала от употребления уменьшается и его поверхность становится несколько выпуклой, размер изображений увеличивается до бесконечности. До такой степени важно, принимает ли оно вышеупомянутое отражение, или отбрасывает его. Более того, кубки выделяются со множеством как бы зеркал внутри, так что, когда в них смотрит хотя бы один человек, получается масса изображений соответственно количеству зеркал. Придумывают также зеркала с чудовищным эффектом, как, например, зеркала, посвященные в храме в Смирне. Это зависит от формы материала. Наибольшее значение имеет, будут ли зеркала вогнуты и в виде кубка или в виде фракийского щита² с вдавленной или с выпуклой серединой, поставлены ли они поперек или косо, наклонены назад или вперед, поскольку свойство воспринимающей образ формы изменяет падающие на зеркало тени; ибо изображение, о котором идет речь, есть не что иное, как распределенная ясностью воспринимающего материала тень. И чтобы уж покончить здесь с вопросом о зеркалах, я скажу, что наилучшими у наших предков были брундизинские, сделанные из смешения серебристого свинца и меди³. Затем предпочтение было отдано серебряным. Первым сделал серебряное зеркало Пазител в эпоху Помпея Великого. Недавно возникло мнение, что зеркало дает более верное изображение, если обратная его сторона обложена золотом.

(46) В Египте серебро раскрашивают и лицезрят своего Анубиса на сосудах; его покрывают росписью, но не чеканят. Отсюда это вещество перешло и на триумфальные статуи, причем удивительно, что серебро ценят тем дороже, чем больше оно потускнело. Это достигается так: с серебром смешиваются тончайшая кипрская медь, так наз. венковая, в количестве одной трети, и чистая сера в количестве равном серебру; все это плавится вместе в глиняном сосуде, обмазанном глиной; подогревать продолжают до тех пор, пока крышка сама не откроется. Серебро темнеет также и от крутого яичного желтка, однако в этом случае его можно оттереть с помощью уксуса и мела.

15. МЕДЯНКА⁴

(Из кн. 34)

(26) Также и медянка находит себе широкое применение. Она получается многими способами. Именно, ее то соскребают с камня, из которого выплавляется медь, то получают ее, просверлив белую медь и повесив ее над острым укусом в бочках, укуренных крышкой. Она бывает гораздо лучше, если добывается таким же образом из медной окалины. Некоторые кладут даже сосуды из белой меди в глиняные бочки с укусом и соскребают их на десятый день. Другие покрывают их виноградными выжимками и соскребают спустя столько же дней, третьи поливают укусом медные опилки и часто перемешивают их шпателью, пока они не разложатся полностью. Иные предпочитают растирать эти же опилки вместе с уксу-

¹ Нижеследующее описание весьма характерно, как показатель полной неспособности Плиния разбираться в вопросах физики, в частности, оптики.

² Фракийский щит был выпукл посередине.

³ Ср. Н. В l i m n e r, IV, стр. 266, прим. 1.

⁴ Н. В l i m n e r, op. cit., IV, стр. 177, 512 сл., статья N i e s, ⁵ «Aerugo», RE., I, стр. 679 сл.

сом в медных ступах. Всего же быстрее это происходит, если в этот укус прибавить обрезки, остающиеся у изготовителей корон. Посредством растертого мрамора поддельвают в особенности родосскую медянку, другие же делают это посредством пемзы или гумми. Но совершенно замечательно достигается обман при подделке посредством медного купороса; прочие же подделки обнаруживаются пробой на зуб, поскольку они скрипят, когда их раскусывают. Медянка испытывается в железном совке: чистая медянка сохраняет цвет, а подмешанная купоросом краснеет. Подделка обнаруживается также посредством папируса, предварительно смоченного дубильником, ибо он тотчас же чернеет, будучи смазан медянкой. Она обнаруживается и глазом, так как дает плохой зеленый цвет. Однако, будь она настоящая или поддельная, всего лучше ее промыть и, высушив, прокалывать на новом блюде и затем вращать, пока она не превратится в пепел; после этого ее растирают и складывают в запас. Некоторые жгут ее в сосудах из сырой глины, пока сосуд не подвергнется обжигу. Некоторые примешивают также мужской ладан. Промывается же медянка так же, как кадмия.

12. (28) Есть и другой род медянки, называемый «scolex», который получают, растирая в ступке из кипрской меди квасцы и соль или соду в одинаковых количествах с возможно более острым белым уксусом. Эта медянка получается только в самые жаркие дни ко времени восхода Пса. Растирается же она до тех пор, пока не сделается зеленой и не стусится в нечто похожее на червей, откуда происходит и самое имя¹. Для исправления того, что окажется испорченным, к данному количеству уксуса примешиваются две части мочи не достигшего возмужалости мальчика. Такое же действие среди лечебных средств имеет и сантерна, которой, как мы сказали², паяют золото. Оба вещества применяются так же, как и медянка. Scolex получается и природный, когда его соскребавают с меднорудного камня, о котором мы теперь поведем речь.

16 ПРОЧИЕ МЕТАЛЛЫ³

(Из кн. 34)

(29) Его называют «Халкит», также из него выплавляют медь. Он отличается от кадмии тем, что его откалывают на поверхности земли от камней, лежащих под открытым небом, тогда как кадмия добывается из камней, закрытых землей, а также тем, что халкит быстро крошится, мягок по природе, так что он кажется затвердевшим пухом. Существует еще и другое различие, а именно: халкит содержит три рода веществ: медь, мизи и сори⁴, о каждом из которых мы скажем особо в своем месте⁵. Он имеет продолговатые жилы меди. Наилучшим считается имеющий цвет меди, с тонкой прожилкой, рыхлый и не каменистый. Считается также, что он более пригоден в свежем виде, ибо от времени он превращается в сори⁶...

(30) Наилучшим считается египетский сори, который далеко превосходит кипрский, испанский и африканский, хотя для лечения глаз некото-

¹ Σχόλης, — по-гречески «червь».

² Кн. 33, 93.

³ Н. В l u m n e r, op. cit., IV, стр. 94 сл., 163; его же статья «Chalkitis» в RE, III, стр. 2093 сл.

⁴ Суждения специалистов о том, что такое представляют собою мизи (misy) и сори (sori), см. у Н. В l u m n e r, стр. 95 и прим. 7, а также в RE, III, стр. 2093.

⁵ См. ниже, §§ 120 и 121.

⁶ Далее речь идет о его применении в медицине в качестве лекарства.

рые считают более полезным кипрский серри. Однако из какой бы страны он ни был, наилучшим является тот, который имеет самый противный запах, а при растирании становится жирночерным и губчатым¹...

(31) Как сообщают некоторые, мизи образуется от сжигания камня в ямах, причем его желтый цвет смешивается с золой сосновых дров. На самом же деле он добывается из вышеупомянутого камня, с которым он соединен по природе и от которого его отделяют силой; наилучший добывается в кипрских мастерских; его отличительный признак—золотые искорки, появляющиеся при его размельчении, а при растирании—песчаный состав без примеси земли, подобный халкиту. Его подмешивают, когда очищают золото²...

(32) Также и для медного купороса греки наименованием установили родство с медью, ибо они называют его халканфом³. Не существует вещества, которое имело бы столь же удивительную природу. Халканф образуется в Испании, в колодцах и прудах, имеющих соответствующую по качеству воду. Эту воду, смешав с одинаковым количеством пресной воды, кипятят и выливают в деревянные резервуары. Над этими резервуарами с неподвижных планок свисают веревочки, растянутые камешками; пристающая к ним слезь своими стеклянными ягодами образует нечто похожее на виноградные грозди. Будучи вынуты в таком виде, они просушиваются в течение 30 дней. Цвет их бывает лазоревый с весьма приятным блеском, и халканф можно принять за стекло; посредством раствора получают чернила для окраски кожи. Он образуется и несколькими другими способами: в почве этого рода выкапывают ямы, из стенок которых просачиваются капли, застывающие от зимнего холода; их называют сталагмией⁴; более чистого купороса не бывает. Но когда его фиолетовый цвет принимает белесоватый оттенок, его называют лонхотон. Он образуется также в углублениях скал, когда в них смерзается нанесенный речной водой ил; он образуется также подобно соли, причем напущенная в ямы пресная вода подвергается действию самого горячего солнца. Поэтому некоторые различают два вида халканфа и называют их ископаемым и искусственным; этот последний бывает бледнее и уступает первому столько же цветом, как и качеством. Для медицинских надобностей высшим одобрением пользуется кипрский халканф⁵...

13. (33) В плавильнях находят также так называемый помфалиг и спод⁶. Различие между ними заключается в том, что помфалиг отделяется промыванием, тогда как спод не промывается. Некоторые называли помфалигом белое и легчайшее вещество, причем считают его пеплом меди и кадмии, тогда как спод представляет собою нечто более черное и тяжелое, соскребающееся со стенок печей и имеет примесь из искр и даже из углей. При поджигании в него уксуса он издает запах меди, и вкус его на язык ужасающий⁷...

(34) Наилучший спод—кипрский. Он получается при расплавлении кадмии и медноносного камня. Он представляет самую легкую часть того, что образуется при плавлении, вылетает из печей и осаживается на крышах, причем отличается от сажи белизною. Менее белые его части указывают

¹ Следует применение в медицине.

² Следует применение в медицине.

³ *Χαλκανθος*—буквально: «цвет меди». См. Н. В l ü m m e r, IV, стр. 176, 513 и прим. 1; статья N i e s s a «Atramentum sutorium» в RE, I, стр. 2135 сл.

⁴ Греческое слово, буквально: «капающее».

⁵ Следует применение в медицине.

⁶ См. Н. В l ü m m e r, стр. 160 и 173 сл. Согласно его объяснению, помфалиг представляет белую цинковую окись (*Zinkblume*), а спод—цинковую окись (*Zinkoxyd*).

⁷ Следует применение в медицине.

на то, что процесс плавления не закончен; некоторые называют их помфолгом. Имеющаяся же в нем более красноватая часть обладает большою остротой и действует до такой степени разъедающе, что, если при промывании попадет в глаза, ослепит их. Бывает также спод медового цвета, что означает его сильную насыщенность медью. Однако какого бы рода он ни был, его пригодность повышается от промывания¹; предварительно он очищается пером, затем при повторных промываниях твердые частицы удаляются пальцами²....Спод образуется также в печах для плавления серебра; его называют лавриотским³. Однако, как утверждают, самым полезным для глаз является спод, образующийся в золотых плавильнях. Ни в чем другом жизнь не проявляет столь изумительной изобретательности. Чтобы избежать необходимости отыскивать залежи металла, она нашла способ извлекать ту же пользу из самых малоценных вещей⁴.

(35) Антисподом⁵ называется зола ст фигового либо от дикого фигового дерева, либо от листьев мирта с самыми нежными частями ветвей, либо от дикой оливы или садовой оливы, либо от квитового яблока, либо от мастикового дерева, а также от незрелых, т. е. белых, тутовых ягод, высушенных на солнце, либо от листы буксового дерева, или от ложной сыти (*pseudocypripus*), или от ежевики (*rubus*), или от терпентинового дерева, или от энанта⁶. Обнаружено, что такое же действие оказывает пепел бычьего клея или холста. Все эти вещества сжигаются в сосуде из сырой глины, пока сосуд не подвергнется обжигу.

(36) В медноплавильных мастерских образуется также смегма⁷; после того как медь будет уже расплавлена и прокалена, подбавляются угли, которые постепенно сгораются; тогда внезапно сильной вспышкой выбрасывается как бы медная мякина. Пол, на который она должна осаживаться, надлежит устилать (*marilla*?).

(37) Нечто отличное от нее представляет вещество, получающееся в этих же мастерских, которое греки называют дифригом⁸ вследствие того, что он дважды подвергается действию огня. Его происхождение троякое. Как сообщают, он образуется из камня лирита, сжигаемого в печи до тех пор, пока он не раскалится докрасна. Он образуется также на Кипре из ила некоей пещеры; этот ил сначала высушивают, а затем постепенно обкладывают хворостом⁹. Третьим способом он образуется в медноплавильных печах из остающегося на дне осадка. Различие заключается в том, что сама медь стекает в чаны, шлак выбрасывается из печи, цет плавает на поверхности, а дифриг остается. Некоторые сообщают, что в печах свариваются в одну массу куски пережигаемого камня, что вокруг него медь кипит, но что сам он не пережигается до конца, если его не перенести в другие печи, и что он представляет как бы узел в веществе¹⁰; то, что остается от обжигания, называется дифригом¹¹...

¹ В противоречии с этим немного выше, в § 128, Плиний говорил, что спод промыванию не подвергается.

² Следует применение в медицине.

³ По имени знаменитых серебряных рудников в Лаврионе, в Аттике.

⁴ Плиний имеет в виду замену добываемого из металлов спода антисподом, добываемым из древесной золы и оказывающим то же целебное действие; о нем идет речь непосредственно дальше.

⁵ Антиспод—суррогат или заменитель спода.

⁶ *Oenanthe*: это название Плиний даст цветку винограда (12, 132) и особому виду травы (21, 167). Какой энант он разумеет здесь—неизвестно.

⁷ Греческое слово *σάγμα* означает «обтирание».

⁸ *Διφρυγίς*—по-гречески: «дважды высушенное». Ср. Н. В л и т н е р, стр. 166, 175 сл.

⁹ Который, очевидно, затем сжигают.

¹⁰ Т. е. более твердую часть вещества, по объяснению французского комментатора Ардуэна.

¹¹ Следует применение в медицине.

17. ПАЯНИЕ И ПЛАВЛЕНИЕ МЕТАЛЛОВ¹

(Из кн. 33)

(30) Уместно в этой связи сказать и о прочих, относящихся сюда вещах, чтобы показать, сколь удивительна природа в целом. Золото паяется вышеописанным средством, железо—глиной, медная масса—гальмеем, медные пластины—квасцами, свинец и мрамор—смолой; напротив, свинец со свинцом спаивается оловом, а олово с оловом—оливковым маслом, или же серебристый свинец с бронзой и серебро с серебристым свинцом. Медь и железо всего лучше плавятся на огне из сосновых дров, но также и из египетского папируса, золото—на огне из мякины. Известь от воды горит, а равно и фракийский камень²; его гасят оливковым маслом, огонь же, главным образом, уксусом, птичьим клесм и яйцом. Земля гореть не способна, уголь бывает сильнее, когда прогорит и затем снова воспламенится.

IV. КРАСЯЩИЕ ВЕЩЕСТВА, ИХ ДОБЫВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ

18. КРАСКИ³

(Из кн. 35)

6. (12) Краски бывают темные и яркие. Те и другие получаютс я естественным путем или смешением. Яркие краски, которые заказчик доставляет живописцу⁴, это—миний (minium), армянская лазурь (Armenium), драконова кровь (sinneburis), хризоколла, индиго (Indicum), пурпурисс (purpurissum)⁵; остальные краски—темные. Из всей совокупности красок одни—естественные, другие—искусственные. Естественными красками являются синопись, красный глинистый железняк (rubrica)⁶, паретоний, мелин, эретрия⁷, аурипигмент⁸. Прочие краски являются продуктом изготовления; это, во-первых, названные нами в отделе о металлах⁹ и, кроме того, среди более дешевых: охра, свинцовые белила¹⁰, сандарак, сандик¹¹, сирийская красная¹², черная краска¹³.

(13) Синопись была найдена сначала в Понте¹⁴; отсюда и ее название

¹ Ср. Н. В l ü m n e r, op. cit., IV, стр. 196 сл., 109, прим. 9; о паянии см. также А. Ne u b u r g e r, op. cit., стр. 48 сл.

² Очевидно, известковый камень; более подробных сведений мы о нем не имеем.

³ Н. В l ü m n e r, op. cit., IV, стр. 164 сл.; А. Ne u b u r g e r, op. cit., стр. 194 сл.; ст. Fol'я «Color» у D a r e m b e r g e t S a g t i o, Dictionnaire etc., I, стр. 1325 сл.

⁴ Яркие краски были особенно дороги, вследствие чего они доставлялись живописцу заказчиком; таким образом, яркость и богатство красок картин и, следовательно, ее ценность как художественного произведения часто должны были обуславливаться богатством или щедростью заказчика.

⁵ Н. В l ü m n e r, стр. 467. Номенклатуру красок мы переводим, руководствуясь указаниями Блюмнера и Фоля, причем в скобках даем термины подлинника. За детальными объяснениями частных отсылаем к этим авторам.

⁶ Об этих красных красках см. Н. В l ü m n e r, стр. 479 сл.

⁷ Белые краски, названные по месту нахождения; см. там же, стр. 469 сл.

⁸ Auripigmentum—«желтая краска»; см. там же, стр. 477.

⁹ В кн. 33, 11 и 158 сл.

¹⁰ Ochra и cerussa usta, см. Н. В l ü m n e r, стр. 485.

¹¹ Sandaraca, sandyx, о них см. там же, стр. 486 сл.

¹² Syricum, см. там же, стр. 488.

¹³ Atramentum, см. там же, стр. 514 сл. Об этих красках вообще ср. В и т р у в и й, VII, 5, 8; 7.

¹⁴ Ср. В и т р у в и й, VII, 7, 2. Провинция Понт, бывшее Понтийское царство,—по южному берегу Черного моря в Малой Азии.

по городу Синопу. Она добывается также в Египте, на Балеарских островах, в Африке, но лучше всего она на Лемносе и в Каппадокии, где ее выкапывают из пещер. Часть ее, прилипшая к камням, особенно хороша. Комья внутри имеют свой особый цвет, снаружи они покрыты пятнами. Этой краской древние пользовались для передачи блеска¹. Синопись бывает трех видов: красная, менее красная и средняя между ними. Цена наилучшей—два денария²; ее употребляют для кистей или для окраски дерева; краска, получаемая из Африки, стоит восемь ассов³, ее называют *цицеркулом*⁴; она краснее других сортов и более пригодна для окраски стен⁵. Такова же цена краски, которая называется «сжатая» и является в особенности темной. Ее употребляют для закраски подножия стен⁶.

(14) В этой краске некоторые хотели видеть красный глинистый железняк второго сорта, первосортной же они считали лемноскую. Она всего более приближается к минию⁷ и у древних была в большой славе, как и остров⁸, где она добывается. Она шла в продажу только в запечатанном виде, откуда и происходит ее название «сфрагис»⁹. Ею наводят грунт под дальнейшую окраску минием и употребляют ее для фальсификации последнего. Она считается великолепным средством в медицине...¹⁰.

(15) Из прочих видов красного железняка наиболее пригодными для ремесленников являются египетский и африканский, так как они сильнее всего впитываются при облицовке стен¹¹. Красный железняк добывается также в железных рудниках (16). Он превращается также в охру, будучи подвергнут действию огня в новых горшках, обмазанных глиной. Чем больше он жарится в печи, тем становится лучше...¹²

(17) Смешав полфунта понтийского синописа с десятью фунтами светлой охры и двумя фунтами греческого мелина и подвергнув эту смесь растиранию в течение двенадцати дней, получают левкофор, который служит клеем для золота при позолоте дерева¹³.

(18) Краска паретоний носит название места в Египте¹⁴. Говорят, что она представляет собою морскую пену, затвердевшую вместе с илом, вследствие чего в ней находят мелкие ракушки. Она добывается также на острове Крите и в Кирене. Ее подделывают в Риме с применением кимоль-

¹ В § 29 этой же книги Плиний, говоря о различии тонов на картине, помимо света и тени называет еще блеск (*splendor*), под которым, по предположению Блюмнера (там же, стр. 428), надо понимать так наз. «блики», рефлексы и т. п.

² Подразумевается «за фунт».

³ Подразумевается «за фунт».

⁴ *Cicerulum*—«стручечник», вид гороха. Краска называлась так, очевидно, не по цвету, но по форме частиц минерала.

⁵ Имется в виду роспись так наз. *abaci*, т. е. внутренних стен домов, игравшая большую роль в украшении жилищ, как это видно на примере помпейских домов. Ср. Н. В л ъ м н е р, *op. cit.*, III, стр. 185 и IV, стр. 476.

⁶ Ср. предыдущее примечание. Далее следует употребление этой краски в качестве лекарства.

⁷ Киноварь, ср. прим. 1 к отрывку «Миний».

⁸ Т. е. остров Лемнос.

⁹ *Sφραγίς*—по-гречески «печать». На печати было изображение козы, посвященной Артемиде. См. об этом Н. В л ъ м н е р, IV стр. 481 и 482, прим. 6.

¹⁰ Странно, что примечание в качестве лекарства.

¹¹ Переиздано согласно эмендации Mayhoff'a—*tectoriis*, поскольку вообще перевод выполняется по тексту его издания. Другие издания дают чтение «*picturis*», т. е. «живописью». О *tectoria* см. Н. В л ъ м н е р, *op. cit.*, III, стр. 178 сл. Блюмнер понимает данное место иначе, принимая чтение *picturis* и делая иную расстановку знаков препинания. См. IV, стр. 483; там же см. о превращении красного железняка в охру.

¹² Следует применение в медицине.

¹³ Левкофор уже упоминался в связи с золотом в кн. 33, 64. См. о нем Н. В л ъ м н е р, *op. cit.*, IV, стр. 315.

¹⁴ Паретоний, иначе Аммоний, находился собственно не в Египте, а в Ливии, к западу от устьев Нила, на берегу Средиземного моря. Ср. В и т р у в и й, VII, 7, 3.

ского мела¹, который кипятят и прессуют. Цена первосортного паретония 50 денариев за 6 фунтов. Из белых красок он наиболее жирный и по причине гладкости является наиболее прочным для окраски стен.

(19) Мелин тоже представляет белую краску; лучше всего она бывает на острове Мелосе². Ту, которая добывается на острове Самосе, живописцы не употребляют по причине ее жирного состава; ее выкапывают там в лежащем положении, отыскивая жилу среди камней³... Цена ее—1 сестерций за фунт.

Третья среди белых красок—свинцовые белила, о добывании которой мы говорили в связи со свинцовой рудой⁴. Она была найдена также в виде земли в имении Теодота в Смирне⁵, древние употребляли ее для росписи кораблей. Теперь вся она, как мы сказали, изготавливается из свинца и укуса (20). Жженые белила были открыты благодаря случаю при пожаре Пирея, когда они горели в бочках. Первым их употреблял Никий, о котором мы говорили выше⁶. Наилучшей в настоящее время считается азийская, которая называется также пурпуровой. Цена ее 6 денариев за фунт. Она изготавливается также в Риме посредством пережигания мрамористой охры, которую гасят укусом⁷. Без жженных белил передать тени невозможно.

(21) Эретрия носит название своего местонахождения⁸. Ее употребляли Никомах и Пиррасий⁹...

(22) По словам Юбы¹⁰, сандарак и охру добывают на Топазе, острове Красного моря, однако оттуда их к нам не доставляют. Мы уже говорили¹¹, каким образом добывается сандарак. Изготавливается и поддельный сандарак из белил, прожженных в печи¹². Цвет его должен быть огненный. Цена—5 ассов за фунт (23). Если его сжечь, примешав равную часть красного железа, то получается сандик, хотя Вергилий считал этот последний трагой, как я вижу из следующего стиха:

И добровольно ягнят сандик в лугах одевает¹³.

Цена его вполтину меньше сандарака. Не существует красок более тяжелого веса.

(24) Среди искусственных красок находится и сирийская красная, которую, как мы сказали выше¹⁴, предварительно накладывают перед окраской минием. Она делается из смешения синопса и сандика.

(25) Черная краска тоже должна быть причислена к искусственным, хотя она происходит также из земли, притом двояким образом. Ибо она либо выделяется, подобно соляному раствору, либо для ее добывания считается пригодной земля, имеющая сернистый цвет. Нашлись живописцы, которые, нарушая покой могил, выкапывали из них угли. Все

¹ О нем см. ниже, кн. 35, 194.

² Один из Кикладских островов в Архипелаге.

³ Следует ее применение в медицине.

⁴ Кн. 34, 175.

⁵ В и т р у в и й, VII, 7, 4, сообщает этот факт о другой краске; *creta viridis*—«зеленый мел».

⁶ Кн. 35, 27. Никий из Афин—знаменитый живописец первой половины IV в. до н. э.

⁷ Ср. В и т р у в и й, VII, 11, 2.

⁸ Город Эретрия на острове Евбее в Греции.

⁹ Знаменитые греческие живописцы: первый работал в IV в., второй—в конце V в. до н. э.

¹⁰ Юба—вассальный царь Мавретании, современник Августа, автор многочисленных до нас не дошедших сочинений разнообразного содержания на греческом языке.

¹¹ Кн. 33, 177.

¹² Ср. В и т р у в и й, VII, 12, 2.

¹³ В е р г и л и й, Буколики, IV, 45.

¹⁴ Кн. 33, 120.

это представляет нечто недопустимое и невиданное. Ибо черная краска несколькими способами добывается из сажы, когда жгут смолу или вар, ради чего были даже выстроены мастерские, которые задерживали этот дым. Превосходнейшая черная краска получается таким же способом из смолистого соснового дерева. С помощью сажы от печей и бань подделывается черная краска, которую употребляют для писания книг¹. Некоторые вываривают также вымокший осадок винных бочек и утверждают, что если взять этот осадок от хорошего вина, то получается черная краска, имеющая вид индийской туши². Знаменитейшие живописцы, Полигнот и Микон³, в Афинах изготовляли черную краску из виноградных выжимок и называли ее «тригинос»⁴. Апеллес⁵ придумал делать ее из жженой слоновой кости; такая краска называется «элефантин». Привозится также и индийская тушь, о составе которой я не имею еще никаких сведений. Красильщики делают краску и из черной копоти, осаживающейся на медных котлах. Черная краска изготавливается также из древесины особой смолистой сосны, которую сжигают, а угли толкут в ступе⁶. В этом отношении каракатица имеет удивительные природные свойства, однако из нее черной краски не делают. Всякая черная краска изготавливается на солнце, причем к чернилам примешивается гумми, а к краске для облицовки—клей; черная краска, разбавленная уксусом, отмывается с трудом.

(26) Из прочих красок, которые, как мы сказали⁷, вследствие их высокой цены поставляются заказчиком, первое место принадлежит пурпурусу. Серебряный мел⁸ окрашивается пурпуром одновременно с материями, причем он пропитывается этой краской быстрее, чем шерсть⁹. Наилучшую краску дает первая партия мела, пропитанная в кипящем котле свежими соками, следующая по качеству получается от мела, который, по извлечении первой партии, прибавляется в то же варево, и, сколько раз ни проделывается то же самое, качество с каждым разом ухудшается, так как сок становится все более жидким. Поэтому путеоланский пурпурис считается лучшим, нежели тирский, гетульский или лаконский, откуда получают самые дорогие пурпуровые материи¹⁰: причина заключается в том, что он в особенности напитывается гисгином¹¹ и мафёной, в которой его вымачивают. Худший сорт пурпуруса получается из Канузия¹². Цена пурпуруса—от 1 до 30 денариев за фунт. Производя окраску, накладывают сначала сандик, а поверх него пурпурис, смешанный с яйцом, чем дости-

¹ Ср. В и т р у в и й, VII, 10, 2.

² Так переводим мы термин *atramentum Indicum*, на основании объяснений В и т р у в и я, стр. 517, сл. Ср. В и т р у в и й, VII, 10, 4.

³ Оба жили и работали в Африке в первой половине V в.

⁴ Τρίγινος; по-гречески буквально значит «осадочный».

⁵ Апеллес, из Колофона, современник Александра Великого, считается величайшим живописцем древности.

⁶ Ср. В и т р у в и й, VII, 10, 3.

⁷ Вышз, § 30.

⁸ Мел назван так потому, что он употреблялся для чистки серебра. См. ниже, кн. 35, 199.

⁹ Ср. В и т р у в и й, VII, 14, 1.

¹⁰ Правдоподобное объяснение этому факту дает Блюмнер, IV, стр. 498; так как в больших пурпуровых красильнях Тира, Лаконики и Гетулии (в Африке) главное внимание уделялось материям, а производство краски играло побочную роль, то и естественно, что лучшая краска для живописи получалась не оттуда.

¹¹ *Hysginum*; как говорит Блюмнер (там же), это растение не поддается сколько-нибудь точному определению. Связь, в которую Плиний ставит это напитывание краски растительными соками с превосходством путеоланского пурпуруса над прочими, остается непонятной. Блюмнер этот факт обходит молчанием, указывая лишь (на основании Витрувия, VII, 14, 1), что таким способом получался поддельный пурпур.

¹² Канузий, ныне Каноза,—город Апулии, в южной Италии.

гают блеска миния. Если предпочитают достигнуть блеска пурпура, то накладывают сначала лазурь, а на нее наводят пурпурис с яйцом.

(27) После этой краски наиболее ценится индийская¹. Ее доставляют из Индии, где она получается вследствие того, что на тростнике образуется накипь ила². Когда ее просеивают, она выглядит черной, но при разжижении дает удивительную смесь пурпура и лазури. Другой род этой краски получается в красильных мастерских, где она плавает в котлах и представляет пену багрянки. При подделке настоящей индийской краской окрашивают голубиный помет, либо пропитывают вайдой селинунтский или «кольцовый» мел³. Испытывается индийская краска на углях, а именно, настоящая краска дает пламя превосходного пурпурного цвета⁴ и, пока дымится, пахнет морем. По этой причине некоторые полагают, что она собирается с прибрежных камней. Цена индийской краски 20 денариев за фунт⁵.....

(28) Армения посылает краску, называемую ее именем. Это—камень, тоже окрашенный, наподобие хризоколлы, причем наилучший всего более приближается к этой последней и своим цветом переходит в лазурь. Фунт ее обычно оценивался в 30 сестерциев. В Испании найден песок, получающий такую же обработку, и потому цена понизилась до 6 денариев. От лазури она отличается несколько беловатым оттенком, который делает эту краску более нежной⁶...

(29) Существуют еще две новые краски из числа самых дешевых: это—зеленая краска, называемая аппиановой, являющаяся подделкой хризоколлы, словно еще мало уже существующих подделок этой последней; изготавливается она из зеленого мела⁷, ее стоимость — 1 сестерций за фунт (30). Так наз. «кольцовая» представляет белую краску, служащую для придания светлого тона женским фигурам; она тоже изготавливается из мела с примесью стеклянных камешков от колец, носимых простым народом, откуда и ее название «кольцовая»⁸.

7. (31) Среди всех красок любят сухой грунт и не пристают к сырому грунту: пурпурис, индийская краска, лазурь, мелин, аурипигмент, аппианова, свинцовые белила. Этими же самыми красками пропитывается воск для живописи, которая производится вжиганием⁹. Такой вид живописи не годится для стен, но является обычным для окраски военных кораблей и даже для транспортных судов. Действительно, мы покрываем росписью предметы, связанные с опасностями¹⁰, почему и не следует удивляться тому, что расписывают даже погребальные костры, а тем, которым предстоит сражаться, бывает приятно с помпой ехать на смерть или, по меньшей мере, на кровопролитие¹¹.

Рассмотрение такого разнообразия стольких красок вызывает изумление перед древностью.

¹ Согласно В l ū m n e r'у (op. cit., I, 1875, стр. 248; 2-е изд., 1912, IV, стр. 507), это, вероятно, индиго (*Indigofera tinctoria*, L.).

² Согласно Бекманн'у (у Блюмнера, там же, стр. 249), в этом странном описании накопление ила на тростнике обозначает высокую степень брожения, начало разложения, без которого пигмент не может выделиться.

³ О селинунтском и «кольцовом» меле см. В l ū m n e r, стр. 469 сл.; см. также ниже, § 48. Ср. В и т р у в и й, VII, 14, 2.

⁴ По словам Блюмнера (там же, стр. 248, прим. 4), это явление действительно наблюдается и теперь на настоящем индиго.

⁵ Следует ее применение в медицине.

⁶ Следует ее применение в медицине.

⁷ Об аппиановой краске и зеленом меле ср. В l ū m n e r, *ibid.*, стр. 511 и 514.

⁸ Ср. Н. В l ū m n e r, стр. 470. См. также выше, § 46 и прим. 2.

⁹ Так наз. энкаустика. О ней см. у В l ū m n e r'а, стр. 443 сл., а также следующий отрывок.

¹⁰ Т. е. корабли.

¹¹ Плиний имеет в виду, очевидно, процессии гладиаторов, отправляющихся на бой в амфитеатре.

19. ХРИЗОКОЛЛА¹

(Из кн. 33)

5. (26) Хризоколла² представляет влагу, стекающую в описанных нами выше шахтах, по жилам золота; при зимних морозах она превращается в массу такой же плотности, как пемза. По опыту известно, что она получается лучшего качества в медных рудниках, а следующего по степени качества—в серебряных. Ее находят также в свинцовых рудниках, где она бывает еще хуже, чем в золотых. Во всех этих рудниках хризоколла получается также искусственным способом, причем она бывает значительно худшего качества, нежели натуральная; для этого в жилу понемногу льют воду в течение всей зимы до июня месяца, а затем вода в июне и июле высыхает; таким образом, ясно, что хризоколла представляет не что иное, как разлагающуюся жилу. Натуральная хризоколла в особенности отличается твердостью и носит название «гроздь»; тем не менее она тоже окрашивается травой, которую называют красильной резедой (*lutum*). Она обладает свойством, подобно льну или шерсти, впитывать в себя сок. Ее толкут в ступе, затем просеивают сквозь густое сито, затем перемалывают и опять просеивают сквозь еще более густое сито. Что не пройдет сквозь сито, то снова толчется в ступе, затем размалывается. Першок каждый раз раскладывается по мискам и вымачивается в уксусе, чтобы исчезла всякая твердость; он снова толчется, затем промывается, высушивается в раковиннообразных сосудах, затем окрашивается сланцевыми квасцами и вышеупомянутой травой, т. е. подвергается окраске, раньше чем сам будет красить. При этом важно, несколько хризоколла способна пропитываться и подвергаться обработке. Ибо если она не окрашивается, то прибавляются сцитан (*scitanum*) и турбист (*turbistum*); так называются снадобья, способствующие впитыванию³.

(27) Когда живописцы произведут окраску хризоколлы, они называют ее «орбитеской» и различают два ее сорта: промытую, которая предназначается для шмальты (*lomentum*), и жидкую, когда мелкие катюшки растворены влагой. Оба эти сорта изготовляются на Кипре⁴. Наилучшая хризоколла находится в Армении, вторая по качеству—в Македонии⁵, в наибольшем же изобилии она имеется в Испании; для этой краски считается вышей рекомендацией, если она с наибольшим сходством передает цвет ярко зеленеющей нивы. На зрелищах, которые устраивал Нерон, можно было видеть цирковую арену, усыпанную хризоколлой, когда он сам должен был править колесницей в одежде такого же цвета. Несведущая толпа ремесленников различает три рода хризоколлы: грубую, которая оценивается в 7 денариев за фунт, среднюю—в 5 денариев и третью, называемую также травяной (*herbacea*)—в 3 денария за фунт. Прежде чем накладывать первую, песчанистую, они наводят грунт атраментом и паре-

¹ Пособия: Н. B l ü m n e r, *Technologie etc.*, IV, стр. 296 сл., 508 сл.; его же статья «Хризоколла» в RE, III, 1893, стр. 2513—2515.

² Согласно Блюмнеру (стр. 297), хризоколла (*chrysocola*) представляет собой минерал—малахит.

³ Упоминаемые здесь вещества—сцитан и турбист—нам вообще неизвестны. Об этом мало понятном и трудно объяснимом техническом процессе см. B l ü m n e r, стр. 509 сл.

⁴ Ср. B l ü m n e r, стр. 510, прим. 1.

⁵ Ее упоминает также В и т р у в и й, VII, 9, 6.

тонию¹, которые делают краску прочнее и приятнее. Так как паретоний по природе своей весьма густ и, благодаря гладкости, держит краску очень хорошо, он слегка намазывается сверху атраментом, чтобы его белизна не сообщила бледного оттенка хризоколлы. Краска *lutea*, как полагают, называется так по имени травы *lutum*²; эту траву, натертую вместе с лазоревой краской, накладывают взамен хризоколлы; она является наихудшим и самым фальшивым ее сортом³.

(29) Также и золотых дел мастера употребляют хризоколлу для паяния золота, и, как говорят, все такие же зеленые вещества получили от нее свое название. Она смешивается с медянкой и содой с прибавлением мочи мальчика-подростка и растирается в медных ступах медными пестами; у нас ее называют сантерной. Так паяют золото носящее название серебряносного. Его признаком служит сохранение блеска при нанесении на него сантерны. Напротив, медноносное золото сжимается, тускнеет и с трудом подвергается паянию. Для этого последнего скрепляющее вещество изготавливается посредством прибавления золота и седьмой части серебра к вышеуказанной смеси, причем все растирается вместе⁴.

20. МИНИЙ⁵

(Из кн. 33)

7. (36) В серебряных рудниках находят также миний, который и теперь весьма ценится в качестве красящего вещества и в старину имел у римлян не только величайшее, но и священное значение. Веррий⁶ перечисляет достойных веры авторов, сообщающих, что в праздничные дни накрашивалось минием лицо статуи самого Юпитера, накрашивались также тела триумфаторов: так справлял свой триумф Камилл. В силу этого же религиозного обычая еще и ныне миний прибавляют в благовонные мази, употребляемые при триумфальном пире, и цензоры в первую очередь сдают подряд на окраску минием Юпитера. Удивительно, что могло бы вызвать такой обычай, хотя, как известно, и в наши дни миний находится в большом спросе у народов Эфиопии, их вельможи красят им все тело, и он употребляется там для окраски изображений богов. Поэтому мы расскажем о нем все подробнее.

Теофраст говорит, что за 90 лет до архонтства Праксипула в Афинах—это время соответствует 348 г. нашего города⁷—миний был открыт афинянином Каллием, который сначала надеялся, что ему удастся выплавить золото

¹ Атрамент—черная краска, изготавливаемая из сажи; паретоний—естественная белая краска, названная так по городу Паретонию в Египте, но встречавшаяся и в других местах; употреблялась для наведения грунта; ср. В л и м п е р, стр. 470.

² *Lutum*—красильная резеда, о которой говорилось выше, в § 87.

³ Сопоставление этого места с Витрувием (VII, 14, 2) приводит к заключению, что только эта краска, *lutea*, является фальсификацией хризоколлы, тогда как примесь красильной резеды в процедуре, описанной в § 87, служила не окраске хризоколлы, в которой последняя не нуждалась, а каким-то другим целям. Об этом см. В л и м п е р, стр. 510.

⁴ Объяснение вышеописанного технического процесса на основании этих данных Плиния см. у Блюмнера, IV, стр. 297 сл.

⁵ Н. В л и м п е р, op. cit., IV, стр. 98 сл.; статья W. K o l l'я «Minium» в RE, XV, стр. 1848—1854. Латинский термин *minium* обозначает минерал, известный у нас под названием киноварь (*Zinnober*); но, так как в дальнейшем (см. § 115 сл.) Плиний термином киноварь обозначает совсем другие вещества, то мы и не нашли иного выхода, как употреблять латинское слово в русской транскрипции.

⁶ О Веррии см. «Золото», прим. 9 к статье.

⁷ 406 г. до н. э.

из красноватого песка, содержащегося в серебряных рудниках. Таково, по словам Теофраста, было его происхождение. Но уже в то время миний находили в Испании, однако в состоянии твердом и засоренном песком, а также у колхов в некоей неприступной скале, от которой они отбивали его посредством метательных снарядов. Этот миний, говорит Теофраст, не настоящий, наилучший же добывается в Кильбианских полях выше Эфеса¹, причем песок имеет алый цвет; его растирают, затем промывают полученную муку и осадок снова промывают. Различие в способе изготовления заключается в том, что одни считают миний готовым уже после первого промывания, у других же он считается слишком бледным, а наилучшим является промытый вторично.

(38) Что эта краска весьма ценилась, меня не удивляет, ибо уже в эпоху Троянской войны красный цвет был в почете, как свидетельствует Гомер, который ради него хвалит корабли, хотя вообще он редко говорит о красках и живописи. Красной краске греки дают название *miltos*, минию же—название киноварь. Отсюда произошла ошибка вследствие путаницы наименований². Ибо так они называют сукровицу змеи, раздавленной тяжестью издыхающего слона, причем, как мы уже говорили³, кровь обоих животных смешивается, и не существует другой краски, которая лучше передавала бы цвет крови в живописи⁴. Эта киноварь весьма пригодна для противоядий и лекарств. Врачи—боги, тому свидетели!—поскольку миний они называют киноварью, применяют его как лекарство, а между тем, как мы скоро это покажем, он представляет собою яд.

(39) Киноварью древние писали картины, которые еще и теперь называются монохромами. Писали также и эффесским минием, от которого пришлось отказаться, так как обращение с ним весьма затруднительно. Кроме того, обе краски считались слишком резкими. Поэтому перешли к вапу (*rudrica*) и к синопису, о которых я скажу в своем месте⁵. Для подделки киновари употребляют козлиная кровь или растертая рябина. Цена чистой киновари 50 сестерциев.

(40) Как сообщает Юба, миний добывается также в Кармакии, по сообщению же Тимагена⁶,—в Эфиопии, однако к нам и он не ввозится ни из той, ни из другой области, а доставляется почти исключительно из Испании, из находящихся в Сизапонской области в Бетике залежей миния, знаменитых доставляемым ими римской казне доходом, причем никакая статья не охраняется более тщательно. Вырабатывать его на месте полностью не разрешается, но выплавленная руда под печатями привозится в Рим в количестве почти 2000 фунтов ежегодно, промывается же она в Риме, причем при продаже законом установлено, чтобы цена не превышала 70 сестерциев за фунт. Однако миний подделывается различными способами, откуда получается прибыль откупной компании⁷. Ибо во всех почти серебряных, а также свинцовых рудниках существует другой род миния, который получается от сжигания камня, смешанного с рудой,—не того камня, выделение которого мы называли ртутью, ибо и из самого этого камня выплавляется серебро, но других камней, которые находятся

¹ Ср. В и т р у в и й, VII, 8, 1.

² О смешениях терминов у древних см. В л ū т н е г, стр. 479 и прим. 3.

³ Об этом Плиний говорит в кн. 8, 34.

⁴ Это так наз. драконова кровь, представлявшая растительную краску; римляне называли ее *cinnabari* или *cinnabaris*. См. В л ū т н е г, стр. 496 сл.

⁵ В кн. 35, 31 сл. Об этих красках см. В л ū т н е г, стр. 480 сл.

⁶ Тимаген из Александрии—греческий ритор 1 в. до н. э., живший в Риме; от его суждений исторического содержания сохранились лишь незначительные отрывки.

⁷ Ср. В и т р у в и й, VII, 9, 4. Откупная компания брала на откуп у государства продажу миния.

вместе с ним. Эти мелкие камешки не содержат даже сфинца. Их распознают единственно по цвету, они краснеют только в печах, сжигаются, а затем толкутся в муку. Это—второсортный миний, известный весьма немногим, значительно уступающий вышеупомянутым натуральным пескам. Итак, вот какой миний подделывается в мастерских откупной компании, и он дешевле сирика¹. А о том, как изготавливается сирик, мы сообщим в своем месте²; накладывать под миний слой сирика рекомендуется из соображений экономии. Миний предоставляет живописцам возможность сбавлять также другим способом, когда они время от времени моют кисти, полные краски. Он осаживается в воде и достается в пользу верующих. Чистый миний должен иметь ярко алый цвет, тогда как яркость второсортного миния отливает в свинцовый блеск, хотя миний представляет некую ржавчину металла. В сицилийских приисках миний песчаная жила лишена серебра. Она выплавляется наподобие золота; миний испытывается на расплавленном золоте: если он подкрашен, то он темнеет, в чистом же виде сохраняет свой цвет. Мне известно, что его подделывают также с помощью извести и что подобным же образом, за неимением золота, подделку обнаруживают посредством раскаленной железной пластинки³. На окраску минием оказывает вредное действие солнечный и лунный свет. Средство против этого заключается в том, чтобы, высушив стену, щетками нанести на нее слой пунийского воска, растопленного вместе с оливковым маслом, в горячем виде, и затем снова нагреть ее углями чернильного ореха, пока он не вспотеет, и затем растереть восковыми свечами и чистыми льняными тряпками по тому же способу, каким сообщают глянecь мрамору⁴. Люди, которые в мастерских растирают миний, не туго повязывают лицо пузырем, чтобы не вдыхать в себя вредную пыль и в то же время смотреть поверх⁵ повязки. Миний употребляют также для переписки книг; он придает яркость буквам как на стенах, так и на мраморе и даже на надгробных памятниках.

21. ОХРА И ЛАЗУРЬ⁶

(Из кн. 33)

(56) В серебряных и золотых рудниках добываются, кроме того, еще красящие вещества, охра и лазурь. Охра представляет собой собственно ил. Наилучшей является так наз. аттическая охра⁷, ценою 2 денария за фунт; следующей по качеству—мрамористая, вдвое дешевле аттической. Третий сорт—темноватый, который некоторые называют скирским, с острова Скира, а также из Ахайи, его употребляют в живописи для передачи теней; цена этой охры 2 сестерция за фунт; двумя асами меньше стоит так наз. светлая охра, привозимая из Галлии. Ее и аттическую охру употребляют для передачи света, а для окраски стен пользуются исключительно мрамористой, так как содержащийся в ней мрамор не поддается едкому действию извести. Она выкапывается также под Римом у двадцатого милевого камня в горах; затем она пережигается, причем, под-

¹ Syricum. Об этой красной краске см. В л и м н е г, стр. 488.

² Кн. 35, 40.

³ Ср. В и т р у в и й, VII, 9, 5.

⁴ Ср. В и т р у в и й, VII, 9, 2, 3.

⁵ Мы переводим «поверх повязки», согласно эмендации текста Mayhoff'ом.

⁶ Н. В л и м н е г, op. cit., IV, стр. 474 сл., 499 сл.

⁷ О ней см. В и т р у в и й, VII, 7, 1.

делывающие ее таким образом выдают ее за темноватую. Однако то, что она поддельная и получилась от пережигания, обнаруживается ее едкостью и порошкообразным состоянием. Писать охрой, и именно аттический, первыми начали Полигност и Микон. Их греки пользовались ею для передачи света, для теней же употребляли скирскую и лидийскую. Лидийскую охру покупали в Сардах, что теперь уже не делается.

13. (57) Лазурь представляет собою песок. Издавна существовало три ее разновидности: египетская, пользующаяся наилучшей репутацией; скифская, которая быстро и без труда растворяется и, когда ее растирают, переходит в четыре цвета, светлее или темнее, гуще или жиже; этой краске до сих пор предпочитают кипрскую лазурь. Кроме этих видов, существуют еще путеоланская и испанская лазурь, с тех пор как там начали разрабатывать песок. Всякая же лазурь подвергается окраске и варится в соответствующей траве, сок которой она впитывает. В остальном она обрабатывается так же, как хризокелла.

Из лазури делают так наз. ломент, который изготавливается промыванием и растиранием¹. Эта краска светлее лазури. Ее цена—10 денариев за фунт, цена лазури—8 денариев. Ее накладывают на мел, извести она не переносит². Недавно появилась еще и весториева лазурь, названная по имени изготовителя. Она делается из тончайшей части египетской лазури; стоимость ее—1 денарий за фунт. Так же употребляется путеоланская лазурь и, кроме того, еще для окон; ее называют «килон». Недавно начали привозить также индийскую лазурь, цена которой 7 денариев. В живописи она употребляется для передачи разрезов, т. е. для отделения теней от света. Существует также самый низкий сорт ломента, называемый «третьим», стоящий 5 ассов за фунт.

Настоящая лазурь при испытании на углях дает пламя; подделка производится с помощью сухой фиалки, которая варится в воде, причем сок ее выжимается через холст на эретрийский мел³...

Мы не находимся в неведении относительно того, что указанные нами выше цены в разных местах бывают разные и меняются почти ежегодно в связи с тем, как их устанавливает морской транспорт, или как кто производит закупки, либо в связи с тем, что какой-либо мощный купщик непомерно вздувает рыночные цены; мы еще не забыли как в правление Нерона вся Сеплазия⁴ привлекала Деметрия к суду консулов. Тем не менее было необходимо сообщить цены, обычно существовавшие в Риме, чтобы дать представление о стоимости вещей.

22. ЭНКАУСТИКА⁵

(Из кн. 35)

(39) Неизвестно, кто первый придумал писать воском и производить вжигание красок. Некоторые считают это изобретением Аристиды⁶, кото-

¹ Ср. Витрувий, VII, II, 1.

² Ср. Blümpner, стр. 501.

³ Подобный способ подделки Витрувий сообщает для охры, см. VII, 14, 1. Далее в тексте следует приращение лазури в медицине.

⁴ Сеплазия—улица в Капуе, главное место производства благовоний. Речь идет, очевидно, о нашумевшем и памятном для всех случае спекуляции.

⁵ Н. Blümpner, op. cit., IV, стр. 442 сл.; P. Gauthier, статья «Pictura» у Daremberg et Saglio, Dictionnaire etc., IV, стр. 455 сл.; O. Rasmussen, статья «Enkaustik» в RE, V, стр. 2570 сл. и особенно Ганс Шмид, Техника античной фрески и энкаустики, перев. А. Н. Тихомирова, М., 1934.

⁶ Аристид из Фив—живописец, живший в конце V в. до н. э.

рое впоследствии было усовершенствовано Праксителем¹; однако существовала и значительно более древняя живопись энкаустикой, как, например, живопись Полигнота, а также паросцев Никанора и Мнесиплая². Также и Эласипп³ в Эгине снабжал свою живопись надписью ἐνέχων⁴, чего он, конечно, не делал бы, если бы энкаустика не была уже изобретена.

(40) Также и Памфил⁵, учитель Апеллеса, не только писал энкаустикой, но, как сообщают, еще и обучал ей сиконца Павсия, который первый отличался в этом роде живописи. Этот последний был сыном Бриета и первоначально его же учеником. Он также и кистью расписывал в Феспиях⁶ стены, реставрируя на них живопись, некогда выполненную Полигнотом, причем сравнение, как признавали, оказалось далеко не в его пользу, поскольку он состязался не в свойственном ему роде искусства. Он же первый начал расписывать касеты потолков⁷, а до него такой способ украшения комнат был не в обычае...

(41) Два рода живописи энкаустикой существовали издревле, а именно воском и на слоновой кости кестром, т. е. гравчиком⁸, пока не возникло обыкновение расписывать корабли. Благодаря этому сюда присоединился еще третий прием, при котором, растопив воск на огне, пользовались кистью, и такая роспись кораблей не уничтожается ни солнцем, ни солью, ни ветром⁹.

23. БАГРЯНКА И ОКРАСКА ПУРПУРОМ ШЕРСТИ¹⁰

(Из кн. 9)

(60) Багрянки (purpura) живут более семи лет. Подобно мурексам (murex), они при восходе созвездия Пса прячутся в течение тридцати дней. В весеннее время они собираются и взаимным трением выпускают некую жидкость, вязкую, как воск. То же самое происходит и с мурексами, но багрянки в середине своей глотки содержат знаменитый сок, служащий для окраски одежды, которого так добиваются люди. Этот сок представляет несколько капель жидкости, содержащейся в белой жиле, откуда и извлекается это драгоценное вещество цвета темнокрасной розы. Остальное тело раковины ни к чему не служит. Багрянок стараются брать живьем, ибо вместе с жизнью они отдают также и этот сок. У более крупных багрянок сок берут, содрав с них раковину, более же мелкие раздавливают живыми вместе с раковиной и только этим заставляют их выпустить сок. Наилучшая багрянка в Азии находится в Тире, в Африке—в Менинге

¹ Пракситель, знаменитый скульптор, работал в первой половине IV в. до н. э.

² Наши сведения об этих греческих художниках исчерпываются тем, что о них сообщает здесь Плиний.

³ Эласипп—художник, сведения о котором ограничиваются данным местом Плиния.

⁴ Буквально: «выжог».

⁵ Памфил из Амфиполя—живописец IV в. до н. э., прославившийся более, как преподаватель и теоретик, нежели как художник.

⁶ Феспии—город в Беотии, в Средней Греции.

⁷ Lacunaria, т. е. квадратные углубления, образованные скрещиваниями продольных и поперечных балок потолка, нередко снабженные инкрустацией или лепными украшениями.

⁸ Инструмент для гравирования.

⁹ Толкование этого «основоположного» места Плиния об энкаустике, породившего целую литературу, см. у Ганса Шмида, цит. соч., стр. 75 сл.

¹⁰ Важнейшие пособия: Н. В l ü m m e r, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. I. B., 2. Aufl., Leipzig, 1912, стр. 233—248 с указанием литературы; О. К e l l e r, Antike Tierwelt, т. II, 1913, стр. 524—539; А. N e u b u r g e r, Die Technik des Altertums, 2. Aufl., Leipzig, 1921, стр. 191—193.

и у Гетульского берега океана, в Европе—у берегов Лаконии. Прутья и топоры римских ликтсров расчищают ей дорогу, она сообщает достоинство отроческому возрасту, полагает различие между сословием сенаторов и всадниками, ее привлекают на помощь при умилощении богов, она сообщает блеск всякой одежде, а в триумфальном одеянии сочетается с золотом¹. А потому следует снисходительно относиться к этому безумному увлечению багрянкой. Но откуда высокие цены конхилий² с их тяжелым запахом от окраски, с их мрачным зеленоватым цветом, похожим на цвет моря перед бурей?

38. (62) Ловить багрянок всего лучше после восхода Пса или до наступления весенней поры, ибо, когда они выпускают свой воск, сок их бывает слишком жидок. Однако об этом ничего не знают красильные мастерские, хотя все дело именно в этом. Затем из раковины вынимается жила, о которой мы говорили, к которой необходимо подсыпать соли в пропорции один секстарий³ на сто фунтов⁴, ее надлежит вымачивать не более трех дней, ибо ее сила бывает тем больше, чем она свежее. Затем ее кипятят в свинцовом сосуде и каждую амфру⁵ воды с пятьюстами фунтов красящего вещества выпаривают на равномерном и умеренном жару, идущем по каналу от находящейся на известном расстоянии печи. Время от времени вместе с пеной удаляют частицы мяса, пристающие, естественно, к жилам; приблизительно на десятый день жидкость в котле становится чистой, и тогда для прсы в нее погружают всплывшую шерсть и продолжают варить жидкость, пока она не удовлетворит требованиям. Светлоокрасный цвет хуже переходящего в темный. Шерсть напитывается в течение пяти часов, затем в расчесанном виде снова погружается, пока не впитает в себя весь сок. Букцин (buccinum) сам по себе признается непригодным, ибо его краска держится недолго; она пристаёт с надлежащей прочностью в соединении с соком пелагии (pelagia), чрезмерную черноту которой она превращает в тот темный цвет с отливом, который требуется от пурпуровой краски. Так, от смешения их качеств они усиливают или ослабляют друг друга. Количество красящего вещества на⁶...фунтов шерсти—200 фунтов краски букцина и 110 фунтов краски пелагии. Так получается замечательный аметистовый цвет. Тирский же цвет достигается (начала прсытыванием в соке пелагии, пока варево еще не поспело, с последующей заменой его соком букцина. Наибольшей славой пользуется пурпуровая краска, когда она бывает цвета свернувшейся крови, причем выглядит темной, если на нее смотреть сверху, и дает отблеск, если на нее смотреть сбоку⁷. Поэтому и у Гомера кровь названа пурпурной⁸.

39. (63) Для меня ясно, что пурпур всегда был в употреблении в Риме, впрочем, при Ромуле только на трабее⁹. Ибо достаточно известно, что обрамленную пурпуром тогу и широкую пурпурную кайму первый из

¹ Характерная для Плиния риторическая метафора, которая выражает тот общеизвестный факт, что пурпур в одежде римлян был не просто украшением, доступным для каждого, как в наше время, но имел символическое значение и представлял отличие должностных лиц, высших сословий и свободных мальчиков до 16-летнего возраста.

² Конхилия—одежда из темнопурпурной материи второго сорта.

³ Секстарий—мера емкости, равная почти 0,55 литра.

⁴ Римский фунт был равен 327, 45 г.

⁵ Амфора была равна 48 секстариам, или 26,2 литра.

⁶ В тексте Майгофом указан пропуск; недостает цифры фунтов.

⁷ Содержащееся в последних двух параграфах описание процесса добывания пурпуровой краски является нашим главным источником. Более подробного описания у древних авторов не имеется.

⁸ См. «Илиада», XVII, 360.

⁹ Трабея—плащ с пурпурной каймой, который носили некоторые жрецы и всадники.

царей завел Тулл Гостилий после победы над этрусками. Корнелий Непот, умерший в правление божественного Августа, говорит: «В годы моей юности, в большой моде была фиалково-пурпурная краска, фунт которой стоил 100 денариев, а несколько позже—тарентинская красная. Ей на смену пришла тирийская дибафа¹, превосходившая цену в 1000 денариев за фунт. Курульного эдила П. Лентула Спинтра осуждали за то, что он первый надел тогу с каймой этого цвета. Кто,—продолжает выше-названный автор,—не употребляет ныне этой пурпурной краски для ковров в столовой?» Спинтра был курульным эдилом в 691 г. от основания Рима, в консульство Цицерона. В то время дибафой назывался пурпур, который подвергали двойному окрашиванию, как бы для того, чтобы огромной затратой придать себе важности; в настоящее время таким способом окрашиваются почти все пурпурные материи более высоких сортов.

(64) Для конхильной материи употребляется то же самое, за исключением букцина; кроме того, сок разбавляется водой и человеческой мочой в равных частях. Прибавляется также половинное количество красящего вещества. Так, благодаря разжижению краски, получается тот пресловутый бледный оттенок, который бывает тем светлее, чем менее шерсть пропитывается краской.

40. Цены этому красящему веществу бывают тем дешевле, чем обильнее оно добывается у данного берега, однако нигде 100 фунтов пелагии не превзошли стоимости в 50 сестерциев, а 100 фунтов букцина—стоимости в 100 сестерциев. Это надлежит знать лицам, платившим за них непомерную цену.

(65) Но едва кончится одно, начинается другое. Мы любим тешить себя, швыряясь деньгами, удваивать свою забаву различными комбинациями и подделывать то, что уже в самой природе является подделкой, как то: окрашивать черепаху², смешивать серебро с золотом, чтобы получить электр³, а к нему прибавлять медь, чтобы получить коринфскую бронзу⁴.

41. Недостаточно было похитить у драгоценного камня его имя аметист; называемую так готовую краску пропитывают тирской краской, чтобы в результате их обеих получилось неподобающее имя⁵, а роскошь повысилась в два раза; изготовив же конхильную краску, считают, что она лучше переходит в тирскую. Своим изобретением она обязана, повидимому, досаде мастера, который решил переделывать то, чем сам остался недоволен. Отсюда возник особый способ изготовления, и люди, склонные к чудачествам, из бракованного продукта сделали предмет спроса, а для роскоши был открыт двойной путь, тем, что одна краска покрывалась другой, под предлогом сделать ее приятнее и мягче; мало того, примешивают также продукты почвы и окрашенное тирским цветом красят еще кермесом⁶, чтобы получить кармазинный цвет. Более всего славится галантский кермес, представляющий собою зерно красного цвета, о чем мы будем говорить среди прочих произведений почвы⁷, или кермес, находящийся в окрестностях Эмериты в Лузитании. Однако, чтобы уж сразу покончить с ценными красящими веществами, замечу, что одногодичное зерно дает бледную окраску, а зерно старше четырехлетнего возраста—

¹ Дибафа от греческого слова διβαρος—«дважды окрашенный».

² Посредством окрашивания черепахе придавали вид дерева, о чем Плиний говорит в кн. 16, 233.

³ Электр—металлическая смесь, употреблявшаяся у древних, состоявшая приблизительно из четырех частей золота и одной части серебра. См. выше, стр. 292.

⁴ О так называемой коринфской бронзе подробно говорится в кн. 34, 7 и 8. См. выше, стр. 295.

⁵ Тираметист.

⁶ Плод особой породы дуба, из которого получают алую краску.

⁷ Об этом Плиний говорит в кн. 16, 32 и 22, 3.

выцветающую. Таким образом, у кермеса не бывает силы ни в юном возрасте, ни в старости. Мы достаточно сказали о приемах, которые одинаково как мужчины, так и женщины признают служащими украшению их наружности.

24. ДРУГИЕ КРАСЯЩИЕ ВЕЩЕСТВА¹

(Из кн. 22)

2. (3) Далее, как мы знаем, материи окрашиваются изумительным растительным соком, и, не говоря уже о пурпуровой краске (*соссум*), извлекаемой из некоторых ягод² Галатии, Африки, Лузитании, предназначенной для военных плащей полководцев, Трансальпийская Галлия дает из своих трав тирийский и конхилийский пурпур³, а также все другие краски. Там не ищут пурпуровых раковин (*мурисес*) в морских глубинах и не обследуют не тронутые даже якорями бездны, предлагая себя на съедение морским чудовищам, тут же лишаемым их собственной пищи⁴, и все это для того, чтобы найти предмет, благодаря которому женщине было бы легче понравиться прелюбодею, а соблазнителью—расставить сети чужой жене. Эти травы собирают в стоячем положении, и оставаясь на суше, таким же способом, как плоды. Однако им вменяют в недостаток, что от употребления они линяют; не будь этого, роскошь могла бы снабжать себя с более блестящим результатом и уж, конечно, более безобидным способом.

Мы не предполагаем обсуждать дальше эту тему и не возьмем на себя инициативу ограничить роскошь пользой, предлагая более дешевые предметы; впрочем, как мы скажем ниже, стены обычно окрашиваются травами, а не украшаются росписью из камней⁵. Однако мы не преминули бы поговорить о красильном деле, если бы оно когда-либо принадлежало к числу «свободных искусств»⁶.

25. ОКРАСКА ОДЕЖДЫ В ЕГИПТЕ⁷

(Из кн. 35)

(42) В Египте расписывают также одежды способом как нельзя более удивительным, причем белую материю, после того как она изнашивается⁸,

¹ Пособие: Н. В l ū m n e r, op. cit., стр. 248 сл.

² Кермес или дубовую кошениль (*соссус илицис*), которая, как теперь установлено, представляет собою насекомое, древние считали ягодой или зерном, почему Плиний и говорит здесь *granі соссум*, а в 9, 141—*соссум Galatiae rubens granum*.

³ Специальные сорта пурпура: первый назван по финикийскому городу Тиру, месту его добычи и изготовления, второй—по имени пурпуровой раковины.

⁴ Водолазы лишают морские чудовища их пищи тем, что похищают из морской глубины раковины.

⁵ В переводе нами передан тот смысл, какой имеет это место в редакции Mayhoff'a. Под росписью из камней (*pingi lapide*), на основании кн. 35, 3, надо подразумевать инкрустирование стен дорогими самоцветами.

⁶ Круг «свободных искусств» впервые был установлен Варроном в его сочинении «*Disciplinarum libri IX*», в числе девяти: грамматика, диалектика, риторика, геометрия, арифметика, астрономия, музыка, медицина, архитектура.

⁷ Н. В l ū m n e r, op. cit., I, стр. 219 сл.; 2-е изд., стр. 229 сл.

⁸ Плиний говорит: «*postquam attrivere*», что никак не может значить: «после того как их (материи) свалют», как переводят немецкий и французский переводчики—Kölб и Littré. Глагол *attrere* значит «стирать, портить», и данное место Плиния при-

не просто подвергают окраске, но протравливают снадобьями, впитывающими краски. Когда это сделают, протрава не бывает заметна на материалах, но эти последние погружаются в котел с кипящей краской и моментально извлекаются оттуда в окрашенном виде. И удивительно, что, между тем как краска в котле одна, на материях от нее получают различные цвета, поскольку она изменяется в зависимости от свойств принимающего ее снадобья. Эту краску затем смыть невозможно. Таким образом, котел, который, без сомнения, смешал бы цвета, если бы в него погружали окрашенные материи, распределяет цвета с помощью одной краски и, проваривая материи, окрашивает их. Такие прокипяченные материи становятся более прочными для носки, чем если их не подвергают кипячению.

V. ОБРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ КАМНЯ

26. КАМЕНЬ НА СЛУЖБЕ У ЧЕЛОВЕКА¹

(Из кн. 36)

1. (1) Остается сказать о природе камней, т. е. о главном безумии наших нравов, если даже мы должны обойти молчанием драгоценные камни, а также янтарные, хрустальные и мурриновые² сосуды. Действительно, можно подумать, что все, о чем мы говорили до настоящей книги, создано ради человека; горы же природа создала для себя, в качестве как бы связей земли в целях сжатия ее нутра, а также в целях укрощения напора рек, дробления волн прибою и сдерживания самых беспокойных стихий с помощью ее собственного твердейшего вещества. Эти горы, которые даже перейти казалось удивительным, мы рассекаем и перевозим исключительно ради нашего удовольствия. Наши предки считали почти чудом то, что Ганнибалу, а позже комврам удалось перейти через Альпы; а вот теперь сами горы рассекаются на тысячи сортов мрамора. Мысы открываются для моря, и все вещи в природе равняются под-одно; мы увозим то, что было установлено вместо границ для разделения народов, строятся суда специально для мраморных глыб, и горные хребты развозятся в разные стороны по волнам этой самой яростной природной стихии. Все же это простительнее, чем когда сосуд для прохладного питья добывается под облаками и упирающиеся в небо скалы раскапываются, чтобы можно было пить из льда³. Пусть каждый поразмыслит про себя и о том, какие ему называют цены тех громад, которые везут и влекут на его глазах, и о том, насколько счастливее была бы без всего этого жизнь многих людей. Для какой иной пользы или для каких иных наслаждений делают, вернее, терпят все это люди, если не для того, чтобы покоиться среди испещренных жилами камней, как будто ночной мрак, составляющий половину жизни каждого, не лишает их этой радости!

ведено как пример именно этого значения глагола в «Thesaurus linguae latinae». Таким образом, здесь перед нами странный факт, что окраске по своеобразному способу подвергаются уже бывшие в употреблении материи или даже одежды; на это, повидимому, указывают также последние строки данного описания. Поэтому Блюмнер, loc. cit., указывая на некоторое сходство этого способа окраски с ситценабивной техникой, в то же время допускает, что в данном случае Плиний сам неясно представляет себе то, что описывает.

¹ Мысли, высказываемые Плинием в этом отрывке, подобны его общим рассуждениям о металлах, даже если многие из них относить за счет условной риторики, все же чрезвычайно показательны для общего подхода нашего автора к вопросам техники и материальной культуры вообще.

² См. прим. 2 к отрывку «Гончарные изделия».

³ Плиний имеет здесь в виду хрусталь, который древние считали закаменевшим от времени льдом.

27. РАСПИЛОВКА МРАМОРА¹

(Из кн. 36)

(6) Не знаю, не в Карию ли была изобретена распиловка мрамора на плиты. Насколько я вижу, дом Мавзола в Галикарнасе, кирпичные стены которого облицованы проконнесским² мрамором, является в этом роде древнейшим. Умер же он во втором году 107-й олимпиады, или в 403 г. от основания Рима³.

(9) Кто бы ни придумал первый резать мрамор и распределять этот предмет роскоши, не к добру оказалась его изобретательность. Делается это песком, а кажется, будто железом, причем пила по тончайшей линии нажимает на песок и вращает его, а само движение взад и вперед режет мрамор. Наилучшим считается эфиопский песок; и вот вдобавок из самой Эфиопии доставляют предмет, который режет мрамор; более того, за ним ездят даже в Индию, откуда и жемчуг привозить считалось недостойным строгих нравов. Индийский песок признается вторым по качеству; но эфиопский—мягче. Он режет, не оставляя никакой шероховатости, индийский же песок не дает равномерной гладкости; но полировщикам мрамора рекомендуется тереть его этим песком в пережженном виде. Тот же недостаток присущ и наксосскому⁴ песку и коптосскому⁵, который называется египетским. Таковы были древние виды песка для резки мрамора. Затем был найден не менее достойный похвалы песок с какой-то мели в Адриатическом море, которая обнажается только во время отлива и нелегко может быть замечена. Впрочем, недобросовестность ремесленников дерзает распиливать мрамор с помощью любого песка из всех рек; получающийся от этого ущерб понимают весьма немногие. Действительно, более грубый песок трет мрамор более широкими срезами, искрашивает большее его количество и, вследствие шероховатости⁶, оставляет больше работы для полировки; таким образом⁷ сглаживаются срезанные плиты. Затем для полирования употребляется фиванский песок, а также песок, изготавливаемый из туфа или из пемзы.

7. (10) Для полировки мраморных изваяний, а также для гравировки и обработки драгоценных камней долгое время прочим камням предпочитали наксосский. Так называются точильные камни, добываемые на острове Кипре⁸. Позже первенство завоевали точильные камни, привозимые из Армении.

28. ВИДЫ МРАМОРА И ДРУГИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ КАМНЕЙ⁹

(Из кн. 36)

(11) Не имеет смысла описывать породы мрамора и их цвета—настолько они известны, да и невозможно их перечислить—настолько велико их количество. Действительно, в каком только месте ни добывается свой особый

¹ В l ū m n e r, op. cit., III, стр. 76 сл.; A. N e u b u r g e r, op. cit., стр. 401 сл.

² Название дано по городу Проконнесу в Пропонтиде (Мраморное море) на острове того же имени.

³ 351 г. до н. э.

⁴ С острова Наксоса, одного из Кикладских островов в Эгейском море.

⁵ Из города Коптоса в Верхнем Египте.

⁶ Срезанных плоскостей.

⁷ Т. е. полировкой.

⁸ Вероятно, более раннее название «наксосского» камня перешло впоследствии также на сходный камень, добывающийся на Кипре. Ср. В l ū m n e r, III, стр. 198 сл.

⁹ Н. В l ū m n e r, op. cit., III, стр. 27 сл.

мрамор? И тем не менее мы уже упоминали о наиболее знаменитых породах при обзоре стран и населяющих их племен¹. Однако не все они добываются в каменоломнях, но многие рассеяны также под землей, притом принадлежащие к самым ценным породам, как, например, зеленый лакедемонский мрамор, который более радует глаз, чем все остальные, а также мраморы августов и затем тибериев, впервые найденные в Египте в правление Августа и Тиберия. Они отличаются от офита тем, что в то время как этот последний походит на пятна змеи, откуда он и получил свое название², те³ виды мрамора по-иному распределяют пятна, причем на августовом они идут волнообразно, закручиваясь в спирали, а на тибериевом беловатые прожилки расположены вразброс, а не в сплетениях. Из офита⁴ бывают колонны лишь весьма небольшого размера. Он существует в двух видах: мягкий, белого цвета, и твердый, черноватого...⁵. Существует также камень мемфит, названный по месту происхождения⁶, имеющий природные свойства, сходные с драгоценными камнями...⁷. Порфирит в том же Египте бывает красного цвета; этот же камень, испещренный белыми точками, называется лептосеф⁸. Каменоломни дают возможность откалывать куски его любой величины. Прокуратор Клавдия Цезаря, Витразий Поллион, привез из Египта в Рим статуи из порфирита; однако эта новинка не встретила большого одобрения; во всяком случае она не нашла подражателей⁹. Тот же Египет открыл в Эфиопии камень, так наз. базанит, обладающий цветом и твердостью железа, вследствие чего ему и было дано название¹⁰. Никогда не видели более крупного камня, нежели тот, который был посвящен в храме Мира императором Веспасианом Августом и который представляет Нил с его играющими вокруг семнадцатью детьми, олицетворяющими собою столько же локтей, высшую меру подъема этой реки. Рассказывают, что похожий на этот камень находится в Фивах, в храме Сераписа; полагают, что он посвящен статуе Мемнона, который ежедневно при соприкосновении с ним лучей восходящего солнца издает звук¹¹.

(12) Наши древние авторы полагали, что оникс¹² добывается только в горах Аравии и нигде больше, Судин¹³ же указывает его также в Кармании¹⁴. Сначала из него делали сосуды для питья, затем ножки кроватей и кресла; Корнелий Непот рассказывает, что амфоры из оникса величиною с хиосские бочки, выставленные напоказ П. Лентулом Спинтром¹⁵, вызвали большое удивление и что спустя пять лет он видел колонны в 32 фута длиной. Впоследствии в применении этого камня наступила перемена,

¹ Географический обзор занимают книги от конца второй по шестую.

² Офит от греческого *οφίς* — змея.

³ Т. е. августов и тибериев.

⁴ Об офите см. Влѣтнер, III, стр. 25 сл.

⁵ Следует применение офита в медицине.

⁶ По городу Мемфису в Египте.

⁷ Следует применение в медицине.

⁸ Греческое название, буквально: «мелкий камень».

⁹ О порфирите, соответствующем современному порфиру, и о статуях из него см. Влѣтнер, III, стр. 15 сл.

¹⁰ *Βασάνιτος* по-гречески значит «пробирный камень». Согласно Влѣтнеру III, 24, базанит тождествен с базальтом.

¹¹ Это — ошибка Плиния. Знаменитые статуи Мемнона были высечены из кварцевого песчаника. См. Влѣтнер, *ibid.*, прим. 4.

¹² Ониксом греки и римляне называли также алебастр, о котором здесь собственно и идет речь; ср. Влѣтнер III, стр., 60 сл.

¹³ Судин — автор, упоминаемый только Плинием; время жизни его неизвестно.

¹⁴ Кармания — область на юге Иранского плоскогорья, ныне Кирман.

¹⁵ П. Лентул Спинтр был эдилом в 63 г. до н. э.

ибо тот факт, что Корнелий Бальб¹ поставил в своем театре четыре небольшие колонны из оникса, считался чем-то весьма замечательным; мы же видели тридцать довольно крупных колонн в столовой, которую выстроил для себя один из вольноотпущенников Цезаря Клавдия, известный своим могуществом Каллист². Некоторые называют этот камень также алебастритом; его ломают для сосудов под благовония, так как в нем они, как говорят, наилучшим образом предохраняются от порчи. Жженый алебастрит пригоден для пластырей. Он добывается в окрестностях египетских Фив и Дамаска в Сирии. Этот последний превосходит прочие белизной, однако наиболее ценится алебастрит, добываемый в Кармании, затем в Индии, но также и в Сирии и Азии; худший же и лишенный всякого блеска алебастрит добывается в Каппадокии. Наибольшим одобрением пользуется оникс медового цвета, покрытый спиралевидными пятнами и непрозрачный. Пороком в нем считается роговой цвет или белый и все, что напоминает стекло.

(13) Многие считают, что для сохранения благовоний незначительно отличается от этого камня лигдин³, открытый на острове Паросе и размером не превосходящий блюда и чаши; прежде его привозили, обычно только из Аравии; белизна его поразительна. Большим почетом пользуются два камня, обладающие противоположными естественными свойствами: во-первых, кораллитик, найденный в Азии, размером не превышающий два локтя, белизной всего более приближающийся к слоновой кости и имеющий с нею некоторое сходство. Напротив, черного цвета бывает алабандик⁴, носящий название своей родины⁵, хотя он добывается также и в Милете, где, впрочем, его темный цвет переходит в пурпуровый. Этот же камень плавится на огне и употребляется для изготовления стекла. Фиванский камень, покрытый брызгами золотых капель, добывается в приписанной к Египту части Африки; в силу своих природных свойств он весьма пригоден для небольших ступок, в которых растирают глазные мази, в окрестностях же Сиены в Фиваиде⁶ добывается сиенит, который раньше называли «пирропекиль»⁷.

29. МЕЛЬНИЧНЫЙ КАМЕНЬ И КРЕМЕНЬ⁸

(Из кн. 36)

18. (29) Тот же автор⁹ говорит, что мельничные камни были найдены в Вольсиниях¹⁰; в сообщениях о чудесах мы находим, будто некоторые камни приходили в движение самопроизвольно. (30) Нигде, кроме Италии, этот камень не добывается в столь пригодном виде, притом он представляет именно камень, а не скалу¹¹. В некоторых же провинциях он

¹ Л. Корнелий Бальб—римский всадник, родом испанец, сторонник и доверенный Цезаря.

² Каллист, один из трех могущественных вольноотпущенных императора Клавдия, управлявший его личным имуществом.

³ См. Blü m n e r, III, стр. 33 сл.

⁴ См. *ibid.*, стр. 46.

⁵ Алабанда в Карию.

⁶ В Египте.

⁷ Греческое слово, буквально: «пестроогненный».

⁸ Ср. Н. В l ü m n e r, *op. cit.*, I, 1-е изд., стр. 28 сл.; 2-е изд., стр. 29 сл.; A. N e u b u r g e r, *op. cit.*, стр. 95 сл.

⁹ Варрон, о котором шла речь в отрывке «Изготовление бумаги».

¹⁰ Это надо понимать так, что камни были найдены в готовом виде, не требующем обработки для технического их применения. Вольсинии, город Этрурии, находился в вулканической местности, что и объясняет наличие пригодных для мельниц камней.

¹¹ Т. е. он встречается отдельными кусками, и нет надобности откалывать его от скалы.

не встречается вовсе. В этой породе некоторые камни бывают более мягки; их делают гладкими также с помощью точильного камня, так что издали их можно принять за офит¹. Вообще же не существует более твердого камня, между тем как и природа камня в тех или других его породах, подобно дереву, не выдерживает дождей, солнца или зимы. Есть и такие камни, которые не выносят лунного света и от старости получают ржавчину или свой белый цвет изменяют в оливковый.

19. Некоторые называют мельничный камень пиритом², так как он содержит в себе весьма много огня, но есть и другой³, лишь более губчатый и, кроме того, еще один камень, называемый пиритом вследствие сходства с медью. На Кипре его, как говорят, находят в рудниках вокруг Акаманта⁴, причем один его сорт имеет цвет серебра, другой золота...⁵. Некоторые рассматривают как еще особый род пирита камни, содержащие всего более огня. Камни, которые мы называем «живыми», отличающиеся чрезвычайной тяжестью, в особенности необходимы для военных разведчиков. При ударе гвоздем или другим камнем они высекают искру, котс-рая, попав на серу, трут или сухие листья во мгновение ока дает огонь.

30. ТОЧИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ⁶

(Из кн. 36)

(47) Теперь переходим к камням, служащим для работы, и прежде всего к точильным, предназначенным для навастривания железа. Существует много родов этого камня: долгое время наилучшей репутацией пользовались критские точильные камни, второе место занимали лаконские с горы Тайгета, причем те и другие нуждаются в деревянном масле. Среди точильных камней, требующих воды⁷, высшей славой пользовались наксосские камни, затем армянские, о которых мы говорили⁸. Одинаково пригодны с маслом и водой киликийские камни, с водой — арсиноийские⁹. Также и в Италии найдены камни, которые с помощью воды доводят лезвие до чрезвычайной остроты, а равно и по ту сторону Альп, так наз. «пассерники»¹⁰. Четвертый вид камней употребляется в цирюльнях с помощью человеческой слюны. Наилучшими в этом роде являются ламинитанские¹¹ камни из Испании.

31. КАМЕНЬ КАК СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ¹²

(Из кн. 36)

(48) Из большого количества прочих камней туф непригоден для зданий вследствие своей недолговечности и мягкости. Однако некоторые местности не имеют иного камня, как, например, Карфаген в Африке. Его

¹ См. отрывок «Виды мрамора и т. д.».

² Греческое название *πύριτος* значит «огненный»; при этом имеется в виду свойство камней давать искру при высекании.

³ Подразумевается мельничный камень.

⁴ Мыс, представляющий западную оконечность острова. Об этом пирите см. В l ü m п е г, IV, стр. 94.

⁵ Следует применение в медицине.

⁶ Н. В l ü m п е г, op. cit., IV, стр. 353 сл.

⁷ При натачивании эти камни поливались водою, как предыдущие — маслом.

⁸ В этой же книге, в § 54.

⁹ Названы так по имени города Арсиноэ в Киликии.

¹⁰ Passerines; значение этого, повидимому, галльского слова неизвестно.

¹¹ От гор. Ламиния в области оретанов Тарраконской Испании.

¹² См. Н. В l ü m п е г, op. cit., III, стр. 57 сл.

разъедает дыхание моря, искрошивает ветер, выхлестывает дождь. Стены старательно предохраняют, покрывая их смолою, так как и известковая штукатурка их разъедает, откуда и идет остроумная поговорка, что карфагеняне для домов употребляют смолу, а для вин известь, ибо они и в самом деле именно так приправляют вино¹. Другого рода мягкий камень имеется в окрестностях Рима, в округах Фиден и Альбы². Также в Умбрии и Венетской области белый камень режут зубчатой пилой. Эти камни, легко поддающиеся обработке, выдерживают также напряжение, конечно, под крышей; от сырости, мороза и инея они крошатся на куски, не переносят также морского воздуха. Тибуртинские³ виды камня, вообще прочные, лопаются от зноя⁴.

(49) Черные кремни⁵ являются наилучшими, в некоторых местностях они бывают также красноватыми. Кое-где они бывают и белые, как, например, в округе Тарквиний в Анициевых каменоломнях, возле Вольсинского озера, а также в округе Статоний⁶, этим кремнями не мог бы повредить даже огонь. Эти же камни в качестве материала скульптурных памятников остаются нетронутыми также временем; из них изготавливаются формы, в которые выливается медь. Существует также зеленый камень весьма огнестойкий, но нигде он не добывается в изобилии, притом, где его находят, он представляет камень, а не скалу. Из прочих кремней бледный редко бывает пригоден для кладки стен, кругловатый же не поддается повреждениям, за то он плохо держится в стройке, если только его не подвергнут сугубому креплению. Не более надежен речной камень, который всегда кажется покрытым сыростью. (50) Предохранительное средство в случае сомнительности качеств камня состоит в том, что его извлекают летом и пускают в стройку не ранее двухлетнего срока, после того как он подвергнется испытывающему действию погоды. Камень, получивший повреждения, с большей пользой будет применен для подземных сооружений; камни же, которые устоят, можно спокойно употреблять даже для открытой стройки⁷.

(51) Греки из твердого камня или кремней равной величины строят нечто похожее на кирпичные стены. Такой род стройки они называют «исодомос»⁸; напротив, когда слои бывают неодинаковой толщины, — «псевдисодомос». Третий род стройки — «эмплект»: при нем только лицевая сторона бывает отделана, прочие же стороны выкладываются, как попола⁹. Соединения камней должны делаться попеременно, так чтобы связи предшествующего ряда приходились посередине камня последующего; это надо делать, по возможности, также внутри стены; если же это невозможно, то по бокам ее; способ наполнять середину стен битым камнем называют «диатоник»¹⁰. Сетчатая кладка¹¹, которую особенно часто применяют

¹ Как Плиний говорит в кн. 14, 120, древние для смягчения терпкости вина употребляли различные приправы, например в Италии — смолу, в Африке, между прочим, также известь.

² Фиден — маленький городок к северо-востоку от Рима; Альба Лонга — разрушенная еще в царскую эпоху метрополия Рима в 30 км к югу от него.

³ Тибур — в Лациуме, ныне Тиволи.

⁴ О том, что сообщается в последних двух параграфах ср. В и т р у в и й, II, 7, 1, 2.

⁵ Под термином *silex* Плиний разумеет не всегда носящий это название определенный минерал, но всякую более твердую породу камня. См. В л ü м п е р, III, стр. 62, прим. 4.

⁶ Все указанные здесь местности находятся в южной Этрурии.

⁷ О сказанном в этом и предыдущем параграфах ср. В и т р у в и й, II, 7, 3, 4, 5.

⁸ Греческое слово *ισοδομος*, буквально: «равномерно построенный». Ср. В и т р у в и й, II, 8, 5, 6; В л ü м п е р, III, стр. 138 сл.

⁹ См. В и т р у в и й, II, 8, 7; В л ü м п е р, III, стр. 144.

¹⁰ Описание Плиния не совсем точно; см. В л ü м п е р, III, стр. 144, 145 и прим. 1.

¹¹ О сетчатой кладке (*opus reticulatum*) см. В л ü м п е р, III, стр. 146 сл. Ср. В и т р у в и й, II, 8, 1.

в Риме, легко дает трещины. Кладку надо производить по наугольнику и уровню, в соответствии с отвесом. 23. (52) Для постройки цистерн требуется пять частей чистого, грубого песка и две части как можно более вяжущей извести, причем осколки кремня должны быть не тяжелее фунта; затем пол и стены одинаково надлежит трамбовать окованными железом трамбовками. Удобнее делать двойные цистерны, чтобы нечистота осаживалась в первой, а в следующую через фильтр проходила чистая вода¹.

(53) Цензор Катон неодобрительно отзывался об извести из разноцветного камня; из белого камня она бывает лучше. Известь из твердого камня более пригодна для кладки; из пористого—для штукатурки; известь из кремня признается негодной для той и для другой. Известь из камней, извлекаемых из земли, лучше, нежели известь из камней, собираемых по берегам рек; она лучше из мельничного камня, так как природа этого камня тучнее. Удивительно видеть, как нечто, подвергшееся горению, зажигается затем водою. (54) Существуют три рода песка: горный, к которому надлежит прибавлять четвертую часть извести, к речному же и морскому—третью часть. Если же прибавить еще третью часть толченых черепков, то материал будет лучше. Между Апенниннами и По ископаемый песок не встречается, равно как и за морем². (55) Обвалы домов в Риме вызываются, главным образом, тем, что, вследствие утайки извести, бут изготовляется без достаточного скрепления. Кроме того, гашеная известь бывает тем лучше, чем она старше. В старинных контрактах на постройку зданий мы находим предписание, чтобы подрядчик не употреблял известь менее, чем трехлетней давности; поэтому их штукатурка не портилась никакими трещинами. Штукатурка никогда не будет достаточно блестяща, если она не наложена на стену, предварительно покрытую трижды песчаным и дважды мраморным раствором³. Там, где штукатурка будет подвергаться действию сырости и соленой воды, рекомендуется покрывать стену предпочтительно цементом из толченых черепков. В Греции при оштукатуривании также и песчаный цемент, которым предстоит покрывать стену, предварительно обрабатывается в ступе деревянными трамбовками⁴. При обработке мраморного цемента показателем его годности служит то, что он не пристаёт к лопатке⁵; напротив, при побелке необходимо, чтобы вымоченная известь приставала, как клей; вымачивать известь надлежит только в комьях. В Элиде есть храм Минервы, в котором брат Фидия Панен, как говорят, наложил штукатурку, изготовленную из молока и шафрана; поэтому даже теперь, если ее потереть пальцем, смоченным слюной, она дает запах и вкус шафрана.

32. ОБЕЛИСКИ⁶

(Из кн. 36)

(14) Из этого камня цари⁷ в силу какого-то соревнования изготовляли балки, под названием обелиски, посвященные божеству Солнца. Они представляют изображение его лучей, что и обозначается их египетским на-

¹ О сказанном в этом параграфе ср. В и т р у в и й, VIII, 7, 14, 15.

² Ср. В и т р у в и й, II, 5, 1; В л ü м п е r, III, стр. 106 сл.

³ Ср. В и т р у в и й, VII, 3, 6.

⁴ Ср. В и т р у в и й, VII, 3, 10.

⁵ Ср. В и т р у в и й, VII, 3, 6.

⁶ Об обелисках см. C h r. B u n s e n, Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte, Gotha, 5 томов, 1845—1856, т. IV, стр. 262 сл.

⁷ Т. е. египетские фараоны.

званием¹. Первый из всех придумал это Месфер², царствовавший в городе Солнца³, после того как он получил повеление во сне; это самое написано на обелиске, ибо известные выгравированные изображения, которые мы видим на обелисках, представляют египетские буквы. Впоследствии их высекали и другие цари. В вышеназванном городе Сесоф⁴ поставил их в числе четырех длиною в 48 локтей, а Рамзесис⁵, в царствование которого был взят Илион, дал им длину в 140 локтей. Он же, отступив...⁶ оттуда, где находился дворец Мневиса⁷, поставил другой обелиск, длиною, правда, лишь в 120 футов, зато необычайно массивный, в 11 локтей с каждой стороны. 9. Говорят, что эту работу выполняло 120 тыс. человек. Когда предстояло поднятие обелиска, сам царь, боясь, что машины окажутся недостаточными для его тяжести, с целью усилить усердие техников очевидностью опасности, привязал к верхней оконечности обелиска собственного сына, дабы забота рабочих о его сохранении оказалась на пользу также камню. Восхищение перед этим произведением имело своим последствием то, что во время взятия этого города царем Камбизом, когда пожар уже достиг подножия обелиска, он приказал потушить его из уважения к этой громаде, тогда как городу он такого уважения не оказал. Существуют и два других обелиска: один, поставленный Эмаррой⁸, другой—Фием⁹, без надписи, длиною в 48 локтей. В Александрии Птолемей Филадельф поставил обелиск в 80 локтей длины. Царь Нектабис¹⁰ высек его без изображений, причем его перевозка и установка оказались гораздо более значительным техническим достижением, нежели изготовление. Некоторые сообщают, что он был перевезен на плоту архитектором Сатиром, Калликсен¹¹ же говорит, что это было выполнено Феником, причем Нил посредством канала был подведен к самому обелиску и два широких корабля были нагружены футовыми кусками такого же камня¹² в двойном количестве по объему и, следовательно, двойного веса; с таким грузом они подплыли под обелиск, упиравшийся своими концами в оба берега канала; затем как рассказывают, когда куски камня были выброшены, поднявшиеся корабли приняли на себя груз¹³; обелиск же был поставлен на шести кубах из камня, взятых из той же горы, а техник получил вознаграждение в 50 талантов. Этот обелиск был водружен вышеназванным царем в Арсинеуме, как дань любви к супруге и сестре Арсиное. Так как этот обелиск мешал портовым сооружениям, то некий Максим, префект Египта, перевез его отсюда на форум¹⁴, срезав его верхушку, которую он намеревался заменить золоченым верхом, чего, однако, впоследствии не выполнил. В Александрии у порта в храме Цезаря существуют также два других обелиска, высеченные царем Месфром, длиною в 42 локтя.

¹ Греческое название *obeliskos* означает «вертел». Значение египетского названия *tehen*—неизвестно.

² Согласно B u n s e n'у, op. cit., IV, стр. 129, Месфер—прозвище Тутмоса III, фараона 18-й династии.

³ Гелиополь.

⁴ Сесоф, по Бунзену (III, стр. 109),—второй фараон 19-й династии.

⁵ По Бунзену, Рамзес III (IV)—фараон 20-й династии.

⁶ В тексте пропуск, согласно Mauhoff'у, содержащий меру длины.

⁷ Мневис—священный бык бога солнца, однако Бунзен, II, 49, считает, что здесь речь идет о четвертом царе 1-й династии.

⁸ По Бунзену, значитс я у Манефона как фараон 6-й династии.

⁹ По Бунзену, у Манефона как фараон 6-й династии.

¹⁰ Иначе Нектанеб I, восставший против господства персов и правивший в 378—360 гг. до н. э.

¹¹ Калликсен из Родоса, писатель III в. до н. э., автор описания Александрии.

¹² Т. е. из той же породы камня, что и обелиск.

¹³ Т. е. обелиск.

¹⁴ В Рим.

Сверх всего прочего сюда присоединилась трудность перевозки обелисков морем в Рим на кораблях, возбудивших чрезвычайное удивление. Корабль, который привез первый обелиск, божественный Август посвятил в качестве достопримечательности на постоянных верфях; этот корабль уничтожен пожаром. Тот корабль, на котором Гай Цезарь¹ привез другой обелиск и который возбуждал наибольшее удивление из всех кораблей, когда-либо виденных в море, сохранялся несколько лет; затем божественный Клавдий, отстроив на нем в ПUTEОЛАХ башни из пыли², перевез его в Остию и потопил в связи с постройкой порта. Отсюда новая забота о кораблях для перевозки по Тибру; этот опыт показал, что в этой реке не меньше воды, чем в Ниле. Тот же обелиск, который божественный Август поставил в Большом цирке, был высечен царем Псаметнеперфресом³, в царствование которого Пифагор побывал в Египте, вышиною в 135 и три четверти фута, не считая базиса из того же камня; тот же обелиск, который он поставил на Марсовом поле, девятью футами меньше, был высечен Сесотидом. Оба имеют на себе надписи, содержащие объяснение явлений природы согласно философии египтян.

VI. ЗЕМЛЯ, ЕЕ ОБРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ

33. РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ЗЕМЛИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ СТРОИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА И ДЛЯ ИНЫХ ЦЕЛЕЙ⁴

(Из кн. 35)

13. (47) Однако сама земля открывает еще и другие возможности ее использования. Действительно, кто мог бы достаточно надивиться тому, что самая негодная ее часть, потому и называемая пылью, находящаяся на ПUTEОЛАНСКИХ холмах⁵, противопоставляется морскому прибою, и, будучи погружена в воду, немедленно превращается в единственный не поддающийся волнам камень, который с каждым днем становится все прочнее, в особенности, если его смешать с куманским цементом? Таково же природное свойство земли в области Кизика, однако там уже не пыль, а сама земля вырезывается в любом количестве и после погружения ее в море извлекается оттуда уже в виде камня. Как сообщают, то же самое происходит в окрестностях Кассандрии⁶, и в пресноводном источнике на Книде⁷ земля окаменевают в течение восьми месяцев. От Оропа вплоть до Авлиды⁸ всякая земля, к которой прикасается море, превращается в камень. От путеоланской пыли немногим отличается нильский песок в тончайших своих частицах, однако он применяется не для того, чтобы сдерживать моря и раздроблять прибой, но для укрощения тел упражне-

¹ Калигула.

² См. кн. 35, 47.

³ Он же Псамметих I, царствовавший в 664—610 гг. до н. э.

⁴ Н. В l u m n e r, op. cit., III, стр. 84 сл.

⁵ По Блюмнеру, III, стр. 107 сл., название этой вулканической земли, пуццолан, происходит не столько от места ее нахождения, ибо она встречается и в других местах, сколько от грандиозных портовых сооружений ПUTEОЛ (ныне Поццуоли), в которых она была, главным образом, применена. Ср. В и т р у в и й, II, 6, 1.

⁶ Бывшая Потидея, греческая колония во Фракии; после ее разрушения Филиппом Македонским была возобновлена полководцем Александра Великого, Кассандром, который назвал ее своим именем.

⁷ Полуостров, представляющий юго-западную оконечность Малой Азии.

⁸ Ороп и Авлида—портовые города на берегу Эвбейского пролива, первый в Бiotии, второй на севере Аттики.

ниями палестры. Во всяком случае для Неронова вольноотпущенника Патробия¹ он подвозился оттуда. Да и полководцам Александра Великого—Кратеру, Леоннату и Мелеагру,—как я читал, его обычно привозили вместе с остальными военными материалами. Впрочем, боги свидетели, говорить на эту тему я больше не буду, как умолчу и о применении земли для восковых мазей, которыми наша молодежь, упражняя свои физические силы, губит силы духовные. 14. (48) Что же? Разве земляные стены в Африке и Испании, которые называют «формованными», так как они не столько выстраиваются, сколько набиваются в форму из двух досок, приложенных с обеих сторон,—разве эти стены не существуют веками, будучи не поколеблены дождями, ветрами, огнем и прочностью превосходя любой цемент? Испания до сих пор видит сторожевые вышки Ганнибала и земляные башни, построенные на хребтах гор. Отсюда происходит и то, что дерн в силу своих свойств пригоден для лагерных валов и для плотин, противостоящих напору волн. И кому неизвестно, что плетеные стены намазываются глиной и что стены выстраиваются из необожженного кирпича?²

(49) Кирпичи следует делать не из песчаной почвы или смешанной с гравием, тем более не из каменистой, но из меловой и беловатой или из красного глинистого железняка или даже из крупнозернистого песка³. Лучше всего их делать весной, так как во время летнего солнцестояния они трескаются. Для зданий рекомендуется брать только кирпичи, имеющие двухлетнюю давность, так как⁴ и самую массу, из которой они делаются, надлежит вымачивать до их изготовления. Кирпичи выделяются трех родов: лидийский, который употребляем мы, длиной в полтора фута, шириной в фут, другой род—тетрадорон, третий—пентадорон. Дело в том, что древние греки словом *δωρον* обозначали ладонь, а подарки называли *δώρα*, так как они делались рукою, следовательно кирпичи называются по размеру в четыре и пять ладоней, смотря по тому, какой размер они имеют⁵. Такова же их ширина. Кирпичи меньшего размера употребляют в Греции для частных построек, кирпичи большего размера—для общественных. В Питане, в Азии, и в общинах Дальней Испании—Максилве и Каллете⁶—изготавливаются кирпичи, которые, будучи высушены, не тонут в воде. Ибо они сделаны из пемзовой земли, которая бывает весьма пригодна при условии, если ее можно месить. За исключением тех случаев, когда стройку можно производить из кремня, греки предпочитали делать кирпичные стены. Действительно, эти последние бывают вечны, если строятся по отвесу⁷. Поэтому греки сооружали таким способом и общественные здания и царские дворцы: в Афинах—стену, обращенную к горе Гиметту, в Патрах—храмы Зевса и Геракла, хотя они окружали их каменными колоннами с архитравами, в Траллах—дворец Аттала, равным образом в Сардах—дворец Креза, который они превратили в приют для стариков, в

¹ Об этом вольноотпущеннике Нерона известно только, что ему поручалось устройство игр и зрелищ.

² О видах стен, описанных в этом параграфе, см. Blümner op., cit., III, стр. 150 сл.

³ См. Blümner, III, стр. 16 сл. Ср. также Витрувий, II, 3, 1.

⁴ У Mayhoff'a в тексте стоит quia вместо quin прежних изданий; благодаря этой эмендации следующее предложение получает смысл и связывается с предыдущим: так как материал, из которого изготавливаются кирпичи, предварительно вымачивается, то нужен двухлетний срок до полной их просушки также и внутри. О самом предмете подробнее говорит Витрувий, II, 3, 2.

⁵ Ср. Витрувий, II, 3, 3 и Blümner, II, стр. 21.

⁶ Питана—приморский город провинции Азии к западу от Пергама. Местонахождение Максилвы и Каллета неизвестно.

⁷ Т. е., если их перпендикулярность строго соблюдена и они не дают наклона.

Галикарнасе—дворец Мавзола¹,—эти здания существуют до сих пор. А находившуюся в Лакедемонне штукатурку кирпичных стен, по причине ее великолепной росписи, вырезали, вставили в деревянные рамы и перевезли в Рим во время своего эдилства Мурена и Варрон с целью украсить ею комичий². Хотя это произведение и само по себе возбуждало восхищение, но еще более удивлялись его перевозке. Также и в Италии существует кирпичная стена в Арреции и Мевании³. В Риме таких зданий не строят, так как стена в полтора фута толщиной выдерживает не более одного этажа, а также существует предписание, чтобы общая стена не делалась более толстой, чего не позволяет и расчет промежуточных стен⁴.

15. (50) О кирпичах нами сказано достаточно; среди прочих родов земли, пожалуй, наиболее замечательной является по своим естественным качествам сера, действию которой подчиняется множество вещей. Она добывается на Эолийских островах, между Сицилией и Италией, которые, как мы сказали⁵, бываю охвачены огнем, однако наилучшая находится на острове Мелосе⁶. Она встречается также в Италии в округах Неаполя и Капуи, на холмах, носящих название Левкогеи. Там она выкапывается в шахтах и обрабатывается огнем. Существуют четыре ее рода: живая сера, которую греки называют апирос⁷, единственная добываемая в твердом виде, ибо прочие роды серы представляют жидкость и обрабатываются посредством кипячения их вместе с маслами; живая сера выкапывается, она прозрачна и имеет зеленый цвет. Из всех родов серы врачи пользуются только ею. Второй род серы называют «ком»; ее применяют только в валяльных мастерских. Третий род серы имеет тоже только одно применение, а именно для обкуривания шерсти, так как она сообщает последнему белизну и мягкость. Этот род называется «эгула»⁸; четвертый применяется с осторожностью⁹, главным образом для изготовления фитилей...¹⁰.

(51) Также и асфальт имеет сходную природу¹¹. В некоторых местах он представляет гущу, в других же—землю; в виде гущи он находится, как мы сказали, в озере Иудеи¹², где он выходит на поверхность; в виде земли он находится в Сирии, в окрестностях приморского города Сидона. Оба эти вида уплотняются и приобретают твердость. Существует, однако, также жидкий асфальт, как, например, закинфский¹³, а также привозимый из Вавилона; впрочем, там добывается также белый асфальт. Жидким является и аполлонийский; все эти виды греки называют смолоасфальтом

¹ Мавзол—номинально зависевший от Персии властитель Карики в середине III в. до н. э.

² Мурена и Варрон были эдлами в 65 г. до н. э. Комиций—площадка для народных собраний в северной части римского форума.

³ Арреций,—город в Этрурии, ныне Арреццо; Мевания—город в Умбрии, ныне Беваньо. Все данные о кирпичных зданиях в этом и предыдущем параграфе взяты Плинием у Витрувия (II, 8, 9, 10).

⁴ Последнее тоже взято Плинием у Витрувия (II, 8, 17), который дает более подробное объяснение.

⁵ Кн. 3, 91. Эолийские, иначе Липарские, острова, изобилующие вулканами,—между Сицилией и Италией.

⁶ Один из Кикладских островов в Эгейском море.

⁷ ἄπρος—не подвергнутый действию огня.

⁸ Происхождение этого названия трудно установить; быть может, от греческого αἴγλη—«блеск».

⁹ Переведено согласно тексту Mauehoff'a: caute; этому же чтению следует В l i m n e r, II, стр. 160, прим. 5; прежние издания дают чтение: autem. Текст, повидимому, ненадежен, и Mauehoff высказывает предположение, не является ли слово caute испорченной латинской транскрипцией греческого слова καυστήρ—«сжигатель».

¹⁰ Следует о применении серы в медицине.

¹¹ Ср. В и т р у в и я, VIII, 3, 8.

¹² Имеется в виду Мертвое море.

¹³ С острова Закинфа, у западного берега Пелопоннеса, ныне Занте.

на основании сходства со смолой и асфальтом. Образуется также жирный и жидкий, наподобие оливкового масла, асфальт в Сицилии в одном источнике близ Агригента, в котором он портит воду. Жители собирают его с помощью венчиков тростника, к которым он пристаёт особенно быстро, и пользуются им вместо масла для лампы, а также как средством против шелудивости выючных животных. Некоторые относят к видам асфальта также и нефть, о которой мы говорили во второй книге¹, однако ее пламенная и родственная огню природа препятствует какому бы то ни было ее применению. Признак хорошего качества асфальта—чтобы он обладал как можно большим блеском, был тяжел, имел неприятный запах и был не слишком черным, поскольку он фальсифицируется смолой². Свойства его таковы же, как у серы; он оказывает останавливающее, разгоняющее, стягивающее, склеивающее действие...³. Что касается других способов применения асфальта, то им смазывают медные предметы и таким образом предохраняют их от действия огня. Мы уже говорили об обыкновении окрашивать им бронзу и покрывать статуи⁴. Он употребляется и в качестве извести, и стены Вавилона цементированы на нем⁵. Его охотно применяют также в железодельных мастерских для окраски железных шляпок гвоздей и для многих других надобностей.

(52) Не менее важным и не очень отличным (от асфальта) является действие квасцов, в которых видят как бы рассол земли. Также и квасцы существуют во многих видах. На Кипре имеются белые и более темные, причем в цвете различие незначительно, зато в употреблении оно велико, поскольку для окрашивания шерсти светлой краской самыми пригодными являются белые и жидкие квасцы; напротив, для окрашивания ее в серую и темную краску—черные. Также и золото очищается черными квасцами. Все квасцы образуются из воды и ила, т. е. представляют естественный выпот земли. То, что стекается зимою, созревает под лучами летнего солнца. То, что в них созреет особенно рано, делается более белым. Добываются же квасцы в Испании, Египте, Армении, Македонии, Понте, Африке, на островах Сардинии, Мелосе, Липаре, Стронгиле⁶, притом наилучшие—в Египте, следующие после них—на Мелосе. Эти последние тоже бывают двух видов: жидкие и густые. Высококачественные жидкие квасцы должны быть прозрачны и походить на молоко, растираться без затруднения, иметь в себе искорку тепла. Их называют «форимос»⁷. Подделка обнаруживается посредством сока граната, а именно настоящие квасцы от этого смешения (окрашиваются)⁸. Другой род квасцов—бледные и грубые, они окрашиваются дубильным орехом и называются «парафорос»⁹. Жидкие квасцы оказывают стягивающее, уплотняющее, разъедающее действие...¹⁰.

Один род затвердевших квасцов называется у греков *σχις*¹¹; они расщепляются как бы на волоски, покрытые сединой, вследствие чего

¹ Кн. 2, 235.

² Мы следуем тексту Mayhoff'a, при котором только и становится понятна причинная зависимость последнего предложения. Очевидно, фальсификация смолой дает густочерный цвет, тогда как настоящий асфальт не слишком черен.

³ Следует применение асфальта в медицине.

⁴ Металлические предметы покрываются асфальтом также и в наше время.

⁵ Ср. В и т р у в и й, VIII, 3, 8; I, 5, 8.

⁶ Стронгиле—один из Липарских островов между Сицилией и Италией, ныне Стромболи.

⁷ *Φόρμις* по-гречески—«полезный».

⁸ В тексте пропуск; переведено согласно дополнению Mayhoff'a.

⁹ *Παράφορος*, буквально: «заблудившийся».

¹⁰ Следует применение в медицине.

¹¹ Т. е. расколотый, расщепленный.

некоторые предпочтительно называют их «трихитис»¹. Они образуются из камня, из которого получают также медь—его называют халкитис—как бы некий пот этого камня, сгустившийся в пену....². Квасцы варят в тиглях, пока они не сгустятся. Более слабым действием обладают квасцы другого рода, которые называют «стронгиллом»³. Также и стронгил бывает двух видов; пористый и растворяющийся во всякой жидкости целиком отвергается; лучшим является пемзоподобный, трубками своих отверстий похожий на губку, по природе круглый и более приближающийся к белым квасцам, несколько жирноватый, без примеси песка, рассыпчатый и не чернящий. Его жгут самого себе на чистых углях, пока он не превратится в пепел. Наилучшими из тех квасцов являются, как мы уже сказали, так наз. мелосские. Никакие другие не имеют столь сильного действия, стягивающего, производящего черноту и затверждение, никакие не бывают гуще...⁴. Для всего, о чем мы сказали в связи с прочими видами квасцов, наиболее действительными считаются квасцы, привозимые из Мелоса; мы уже указывали⁵, какое значение имеют квасцы для прочих потребностей жизни при обработке кож и шерсти.

17. (57) Существует несколько родов мела. Из них два рода кимольского⁶ мела имеют отношение к врачам—белый и приближающийся по цвету к темной пурпуровой краске...⁷.

Кимольский мел имеет еще и другое применение, а именно для материй⁸. Дело в том, что сардинский мел, привозимый из Сардинии, применяется только для белых материй, для пестрых же он непригоден, и из всех родов кимольского мела он наиболее дешевый; дороже ценится умбрийский мел и так наз. «камень». Камень имеет свойство увеличиваться при вымачивании; поэтому его покупают на вес, а тот⁹—на меру. Умбрийский мел употребляется только для придания материям блеска. Будет не лишним коснуться и этого вопроса, поскольку существует предназначенный для валяльщиков Метилиев закон, который цензорами Г. Фламинием и Л. Эмилием¹⁰ был предложен на утверждение народного собрания. До такой степени наши предки на все распространяли свои заботы. Таким образом, порядок следующий¹¹: сначала материя моется сардинским мелом, затем окуривается серой, далее кимольским мелом оттирается материя хорошего цвета; другая же краска обнаруживается серой, от которой она чернеет и расплывается, тогда как подлинные и дорогие краски кимольский мел смягчает и оживляет их некоторым блеском, после того как они потускнели от серы. Для белых материй после серы полезнее применять камень, который вреден для цветных материй. В Греции вместо кимольского мела употребляют тимфейский гипс¹².

(58) Другой вид мела называется «серебряный», так как он возвращает блеск серебру, но самый дешевый тот, которым наши предки имели обыкновение проводить в цирке линию победы и окрашивать ноги рабов, привозимых из-за моря для продажи.

¹ Т. е. волосаной.

² Следует применение в медицине.

³ Στρογγύλος, по-гречески—«круглый».

⁴ Следует применение в медицине.

⁵ См. выше, § 183; об обработке кож там, однако, не говорилось.

⁶ С Кимолы, одного из Кикладских островов.

⁷ Следует применение в медицине.

⁸ Хотя Плиний употребляет слово «мел», однако при валянии материй употреблялись различные виды глины; ср. В l u m n e r, op. cit., I, стр. 164.

⁹ Т. е. сардинский мел.

¹⁰ Фламиний и Эмилий были цензорами в 220 г. до н. э.

¹¹ Ср. В l u m n e r, I, 4-е изд., стр. 169 сл.

¹² Тимфея—местность в Эпире.

34. ГИПС¹

(Из кн. 36)

(59) Сродный с известью материал представляет гипс. Существует несколько его родов. Действительно, его и выжигают из камня, как, например, в Сирии и Фуриях², и выкапывают из земли, как, например, на Кипре и в Перребии³, также и на поверхности земли добывается гипс в Тимфее⁴. Камень, который пережигают, должен походить на алебастроподобный или мрамороподобный камень. В Сирии для этой цели выбирают самые твердые камни и пережигают их с бычьим навозом, чтобы они сгорели быстрее. Опыт показал, что наилучший гипс делается из слюды или камня, дающего такие же чешуи. Гипс надлежит употреблять немедленно после его смачивания, так как он застывает чрезвычайно быстро; однако его можно снова истолочь и превратить в муку. Гипс представляет наилучший материал для побелки, для небольших рельефных изображений на зданиях и для увенчивающих их карнизов. С гипсом связано одно нашумевшее происшествие: Гай Прокулей, человек сильный своей дружбой с Августом Цезарем, страдал болями в желудке, принял гипс и умер.

35. ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЯНИЯ⁵

(Из кн. 35)

(43)... Лепить из глины похожие изображения первым придумал сикионец Бутад⁶, горшечник, правда, благодаря своей дочери; будучи влюбленной в одного молодого человека, она, когда тот уезжал на чужбину, обвела отброшенную на стену светом лампы тень его лица линиями, на которые ее отец вдавил⁷ глину и сделал оттиск юноши, а затем вместе с прочими глиняными изделиями подверг его действию огня для затвердения; как говорят, это изображение хранилось в Нимфее⁸ до тех пор, пока Муммий не разрушил Коринф. Некоторые сообщают, что ваяние прежде всех изобрели на Самосе Рек и Феодор⁹ задолго до изгнания Бакхиадов из Коринфа. Бежавшего из этого же города Дамарата, который в Эгрурии произвел на свет будущего царя римского народа Тарквиния¹⁰, сопровож-

¹ H. Blüthner, op. cit., II, стр. 140 сл.; стр. 101 сл.

² Греческая колония в Южной Италии.

³ Северная часть Фессалии в Греции.

⁴ Тимфея—область в Эпире.

⁵ H. Blüthner, op. cit., II, стр. 1 сл., 113 сл.; A. Neuburger, op. cit., стр. 144.

⁶ Разумеется, легендарная личность.

⁷ Мы умышленно дали буквальный перевод текста (*impressa argilla*), дабы читателю было видно, что Плиний сам неясно представляет себе описываемый им процесс и что употребляемое им выражение «*impressa argilla*» заставляет предполагать здесь не наложение глины на гладкую поверхность, но заполнение ею формы. См. об этом Blüthner, II стр. 129 и прим. 2.

⁸ Нимфей—святилище нимф у прохладного источника Пирены.

⁹ Время жизни Феодора Плиний сообщает неверно, так как исторически засвидетельствованный Феодор из Самоса и его товарищ Рек жили в VI в., тогда как изгнание знатного рода Бакхиадов относится к 657 г. до н. э. Феодору же Плиний приписывает изобретение гончарного круга, см. отрывок «Изобретения и изобретатели», § 198.

¹⁰ Тарквиний Древний, согласно римской традиции,—пятый царь Рима, правление которого эта же традиция относит к 616—578 гг. до н. э.

дали ваятели Эвхира, Диоп и Эвграмм¹; они передали искусство ваяния Италии. Бутаду же принадлежит изобретение прибавлять красный глинистый железняк² или лепить из красной глины³; он также первый приделал к крайним желобчатым кровельным черепицам изображения масок, которые вначале назвал «простипами»; затем он же сделал «эктипы»⁴; отсюда и произошли фронтоны храмов. От Бутада пошло наименование «ваятель»⁵.

(44) Впервые снял с помощью гипса изображение с человеческого лица и придумал изготовить это изображение из воска, налив последний в эту гипсовую форму, сикионец Лизистрат, брат упомянутого выше Лизиппа⁶. Он поставил себе целью также передавать сходство, тогда как раньше стремились к достижению высшей степени красоты. Он же придумал снимать изображения с изваяний, и это дело получило такое распространение, что никакие произведения пластики или статуи⁷ не делались без помощи глины. Отсюда следует, что это знание более древне, нежели умение отливать из бронзы⁸.

36. ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ⁹

(Из кн. 35)

46. Даже среди нынешнего материального благосостояния при совершении религиозных обрядов для возлияний пользуются не мурриновыми¹⁰ и хрустальными сосудами, но глиняными симпулами¹¹, в чем проявляется несказанная благожелательность земли, очевидная для всякого, кто взвесит отдельные моменты: не говоря уже об ее благодеяниях в виде разнообразия полевых плодов, вина, садовых плодов, трав, кустарников, лекарств, металлов, о чем речь была раньше¹², также и изобилие гончарных изделий является неисчерпаемым, поскольку для вин придуманы

¹ Эти три имени представляют собственные прозвища, данные каждому за его особое искусство: Эвхир (ἐὺχρη)—искусный рукодел, Эвграмм (ἐὺγραμμα)—искусный рисовальщик; диоп (διόπτρς)—инструмент для нивелировки; изобретение этого последнего Плиний, впрочем, приписывает также Феодору (см. отрывок «Изобретения и изобретатели».

² Rubrica, ср. Blümner, II, стр. 36 и IV, стр. 179 и прим. 3.

³ Seta rubra, ср. там же, II, стр. 8, прим. 6 и стр. 130.

⁴ Обычно первое из этих греческих названий понимают как «барельеф», второе — как «горельеф». Однако, согласно Blümner'у, II, стр. 130 сл., под «простипом» понималась еще и форма, а под «эктипом» — получавшийся из нее оттиск; оба термина иногда означали также попросту рельеф.

⁵ Взятый из греческого языка термин *plasta* первоначально означал просто «лепщик». Постепенно этот термин получил свое широкое значение, которое он имеет и в наше время. Ср. Blümner, II, стр. 61.

⁶ О нем Плиний говорил в кн. 34, 61. Он был современник Александра Великого и знаменитейший скульптор той эпохи.

⁷ В подлиннике *signa statuave*. Первое понятие шире второго и означает всякое художественное произведение, хотя здесь оно, конечно, ограничивается пластическими произведениями. См. Blümner, II, стр. 184 сл.

⁸ О том, что в настоящем отрывке относится к изобретению Лизистрата, см. Blümner, II, стр. 144, 146 и прим. 6.

⁹ См. Н. Blümner, op. cit., II, стр. 29 сл.

¹⁰ Из какого именно материала изготовлялись знаменитые мурриновые сосуды, в точности не установлено. См. об этом статью E. Babelon, *Murrhina vasa y Dargemberg et Saglio*, Dictionnaire etc., III, 2, стр. 2046 сл.; Blümner, III, стр. 276; Neuburger, стр. 164.

¹¹ *Simpulum* — нечто вроде уполовника для наливания вина из кратера в жертвенные сосуды.

¹² Обо всем этом Плиний говорил в предшествовавших книгах, начиная с 12-й.

бочки, для воды—трубы, для бань—кирпичи с соска́ми¹, для домов—сточные трубы, обожженный кирпич и фундаменты²—все, что изготавливается на гончарном круге; по этой причине царь Нума и учредил седьмую корпорацию гончаров³. Более того: многие предпочитали быть после смерти похороненными в глиняных гробах, как, например, М. Варрон, по обычаю пифагорейцев, в листьях мирта, оливы и черного тополя. Большая часть людей употребляет глиняную посуду. Еще и теперь славится самосская столовая посуда. Свою высокую репутацию сохраняют также Арреций в Италии и Суррент, —однако только по части кубков, —Гаста, Полленция, в Испании Сагунт, в Азии Пергам. Своими произведениями отличаются там, кроме того, Траллы, а в Испании Мутина. Действительно, также и этим способом народы снискивают себе славу, а такого рода продукты развозятся в разные стороны морем и сушей, поскольку производящие их гончарные мастерские пользуются известностью. В Эрифрах, в храме, еще и теперь показывают две амфоры, посвященные там по причине их тонкостенности, —результат соревнования учителя и ученика, споривших, кто из них сделает более тонкую глину. В этом отношении⁴ наибольшей славой пользуются косские изделия, а изготовленные в Адрии известны своей прочностью...⁵. Чего только не изобретает жизнь! Используются даже битые черепки, причем их толкут с прибавлением извести так, чтобы они держались прочнее; они называются сигнийскими⁶. В таком роде придуманы даже полы.

37. ТЕРРАСОВИДНЫЕ КРЫШИ⁷

(Из кн. 36)

(62) Греки изобрели террасовидные крыши, покрывая ими дома; этот род крыши весьма пригоден для теплого климата, но сомнителен всюду, где за дождем следует мороз. Необходимо сделать подстилку из двух перекрещивающихся рядов досок, причем прибить оконечности досок, дабы их не покорило, а к свежизготовленной бутовой массе прибавить третью часть толченых черепков, затем бут с примесью двух пятых частей извести утрамбовать до толщины в один фут и тогда покрыть «ядром»⁸ толщиной в 6 пальцев и поверх выложить его крупным кубическим камнем вышиной не менее двух пальцев; скат надо соблюсти в полтора дюйма на десять футов и тщательно выгладить пол точильным камнем. Делать деревянный помост из дубовых досок считается нецелесообразным, так как они коробятся; более того, рекомендуется устилать помост папоротником или мякиной, чтобы ослабить действие извести. Необходимо также

¹ Mammata или tegulae mammatae—особые кирпичи с отростками, создававшие полое пространство в стене. См. В л ъ м н е р, II, стр. 29.

² Состоявшие, очевидно, тоже из кирпича.

³ О ремесленных корпорациях Нумы см. выше, отрывок «Медь», прим. 4.

⁴ Переведено согласно эмэндации Mayhoff'a, который дает чтение «Cois ea laus maxima». Без этой эмэндации смысл был бы тот, что косская посуда имела безотносительное первенство. Этого последнего смысла общий контекст, однако, не дает.

⁵ Следующие данные не относятся к технике.

⁶ Так наз. opus Signinum, по имени города Сигнии в Лации, где этот способ был, повидимому, изобретен. См. В л ъ м н е р, III, стр. 164.

⁷ Н. В л ъ м н е р, op. cit., III, стр. 160 сл. и особенно стр. 165 сл. Описание бетонированного пола взято Плинием с сокращениями, но местами почти дословно у В и т р у в и я, VII, гл. I, 2—6.

⁸ Nucleus—специальный термин, означающий основной слой бетонированной настилки. Ср. В л ъ м н е р, III, стр. 163.

делать подстилку из крупного камня. Подобным же образом делаются полы, устланные черепками узором в виде колосьев. (63) Не должно оставить без внимания еще один вид настилки пола по греческому способу: на утрамбованную почву набрасывают бутовую массу (rubus) или слой черепков, затем накладывают слой толщиной в полфута из мелко толченого угля, песка, извести и золы, смешанных вместе, его выравнивают линейкой и уровнем, и он принимает вид деревянного пола. Если же он выглаживается точильным камнем, то заменяет собою черный пол.

38. СТЕКЛО ¹

(Из кн. 36)

26. (65) Часть Сирии, которая называется Финикией и находится по соседству с Иудеей, имеет между предгорьями горы Кармел болото, носящее название Кандабия. В нем, как полагают, берет начало река Бел, которая на расстоянии 5 миль впадает в море поблизости от колонии Птолемаиды. Ее течение медленно, нездоровая вода непригодна для питья, но освящена религиозными церемониями; ее илистое русло глубоко, и только при морском отливе обнаруживается песок, ибо, увлекаемый волнами, он блестит, очищенный от грязи. Как полагают, тут он подвергается едкому действию моря, тогда как до этого он был ни для чего непригоден. Весь берег не превышает длиной 500 шагов, и такое-то пространство в течение многих веков было достаточно для производства стекла. Существует предание, будто бы сюда пристал корабль торговцев селитрой, и когда они, рассеявшись по берегу, готовили обед, причем не оказалось камней, чтобы поставить на них котелки, они подложили куски селитры; когда эти последние загорелись и смешались с береговым песком, тогда потекли прозрачные ручьи новой жидкости, что и явилось началом стекла².

(66) Вскоре затем, поскольку изобретательность хитра на выдумки, она не удовольствовалась примешиванием селитры; начали прибавлять также магнитный камень, ибо считается, что он притягивает к себе как железо, так и жидкость стекла. Подобным же образом в различных местах начали жечь также блестящие камешки, затем раковины и горный песок. Некоторые авторы сообщают, что в Индии стекло изготавливается также из битого хрусталя, и что по этой причине никакое стекло не сравнится с индийским. Стекло плавится на легких и сухих дровах с прибавкой кипрской меди и селитры, в особенности египетской. Оно очищается, как медь, в сообщающихся печах, и его образовавшаяся масса имеет черноватый жирный цвет. Ее острота повсюду столь велика, что, где бы она ни коснулась тела, она проникает в него до костей, раньше чем успеет дать себя почувствовать. Из этих масс стекло снова плавится в мастерских и окрашивается, причем оформляется частью выдуванием, частью обтачиванием, частью чеканится, наподобие серебра, причем некогда этими мастерскими славился Сидон, который даже изобрел зеркала.

Таков был древний способ изготовления стекла. В настоящее же время также и песок, приносимый рекой Италии Вольтурном³, собирается между Кумами и Литерном⁴, где он всего мягче, и растирается в ступах или на мельницах. Затем он смешивается с тремя частями селитры по весу

¹ Н. В l'û t n e г, op. cit., IV, стр. 379 сл., 393 сл.

² Об этом предании см. В l'û t n e г, стр. 380, прим. 1.

³ Главная река Кампании, ныне Вольтурно.

⁴ Города Кампанского побережья.

или по мере емкости и в расплавленном виде переливается в другие печи. Там образуется масса, которая называется «гаммонитр»¹; она плавится вновь и превращается в чистое стекло и в белую стеклянную массу. В настоящее время также и в Галлии, и Испании песок смешивается по такому же способу. Говорят, что в правление Тиберия был придуман такой состав стекла, при котором оно становилось ковким; тогда мастерская этого ремесленника была полностью уничтожена во избежание обесценивания меди, серебра и золота; впрочем, молва об этом была скорее упорна и продолжительна, нежели соответствовала действительности². Это, однако, не имеет значения, поскольку в правление Нерона изобретен способ изготовления стекла, при котором два небольших бокала, так наз. птерота, продавались за 6 000 сестерциев.

(67) К видам стекла причисляются также обсианские сосуды по их сходству с камнем, открытым в Эфиопии неким Обсием³; этот камень бывает весьма черного цвета, иногда и прозрачного цвета, выглядит матовым и на стенных зеркалах вместо изображения дает тень. Многие делают из него драгоценные безделушки; мы видели также цельные изображения божественного Августа, так как этот материал бывает достаточно массивен, а сам Август в качестве достопримечательности посвятил в храме Согласия⁴ четыре изображения слонов из обсиана. Также и Тиберий Цезарь вернул жителям Гелиополя для их религиозных обрядов оказавшееся в наследстве Сея, бывшего префектом Египта, изображение Менелая из обсиана, из чего обнаруживается более глубокая древность этого материала, ныне подделываемого благодаря его сходству со стеклом. Ксенократ⁵ сообщает, что камень обсиан добывается в Индии, в Самниуме в Италии и у берегов океана в Испании. С помощью особого рода окраски изготавливают обсиан для столовой посуды, а также сплэш красное и непрозрачное стекло, называемое гематин⁶. Выделяют и белое стекло, а также имитацию мурриновых сосудов, гиацинтов⁷ и сафиров, также стекло всех других цветов, и не существует другого, более поддающегося обработке вещества и даже более удобного для раскрашивания. Однако всего более ценится более прозрачное стекло, благодаря его ближайшему сходству с кристаллом. Его применение для питья вытеснило серебро и золото. Оно не выносит высокой температуры, если предварительно в него не налить холодной влаги, хотя наполненные водой стеклянные шары, будучи поставлены против солнца, нагреваются до такой степени, что сжигают материи⁸. Осколки стекла, разогревая их, можно только склеивать, снова плавиться полностью они не могут, разве только в отдельные капли. Стекло искусно окрашивают, когда, например, выделяются камешки, которые некоторыми называются «игральные», причем они бывают и разноцветные. Стекло, расплавленное с серой, затвердевает в камень.

¹ Греческое слово *ἀμμόνιτρον* означает смесь песка с селитрой.

² Об этом рассказе см. *Blüthner*, IV, стр. 147.

³ Согласно *Blüthner*, III, стр. 274, то, что Плиний называет обсианом по имени какого-то вообще неизвестного Обсиана, есть в действительности столь распространенный в эпоху неолита обсидиан.

⁴ Храм Согласия—на римском форуме.

⁵ Ксенократ—греческий врач, современник Плиния, автор сочинений естественно-научного содержания.

⁶ Греческое слово *αἱματικός*—«кровавый».

⁷ Гиацинт—драгоценный камень, разновидность аметиста. Ср. *Blüthner*, III, стр. 252.

⁸ Плиний упускает из вида, что при этом стекло шара только собирает лучи солнца, само же не нагревается.

39. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СИЛЕ ОГНЯ

(Из кн. 36)

(68) Подвергнут рассмотрению все, что возникает благодаря изобретательности, заменяющей искусством природу, мы приходим в изумление при мысли, что почти все совершается с помощью огня. 27. Он принимает песок, из которого выплавляет то стекло, то серебро, то миний, то разные виды свинца, то краски, то лекарства. Силой огня камни превращаются в медь, силой огня родится и укрощается железо; силой огня обрабатывается золото, силой огня сжигается камень, который связывает стенную кладку домов. Иные вещества бывает полезно жечь много раз, и та же самая материя после первой обработки огнем дает одно, после второй—другое, после третьей—еще новое, а самый уголь получает силу, уже погаснув, и как раз тогда, когда его уже почитают выдохшимся, проявляет наибольшую мощь. Необъятна лукавая стихия природы, о которой трудно сказать, больше ли она разрушает или творит.

ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

<i>I. Из истории техники и науки.</i>	275
1. Изобретения и изобретатели	275
2. История ботаники	277
<i>II. Обработка и применение растений.</i>	281
3. Изготовление бумаги	281
4. Изготовление льняной пряжи	285
5. Обработка спарта	285
<i>III. Металлы, их добывание и обработка.</i>	286
6. О металлах вообще	286
7. Золото	287
8. Серебро	292
9. Пробирный камень	293
10. Медь	293
11. Железо	297
12. Свинец и олово	300
13. Ртуть натуральная и искусственная	302
14. Зеркало из серебра и его раскраска	302
15. Медянка	303
16. Прочие металлы	304
17. Паяние и плавление металлов	307
<i>IV. Красящие вещества, их добывание и применение.</i>	307
18. Краски	307
19. Хризоколла	312
20. Миний	313
21. Охра и лазурь	315
22. Энкаустика	316
23. Багрянка и окраска пурпуром шерсти	317
24. Другие красящие вещества	320
25. Окраска одежды в Египте	320
<i>V. Обработка и применение камня.</i>	321
26. Камень на службе у человека	321
27. Распиловка мрамора	322
28. Виды мрамора и других строительных камней	322
29. Мельничный камень и кремь	324
30. Точильный камень	325
31. Камень как строительный материал	325
32. Обелиски	327
<i>VI. Земля, ее обработка и применение.</i>	329
33. Различные виды земли и их применение в качестве строительного материала и для иных целей	329
34. Гипс	334
35. Изобретение ваяния	334
36. Гончарные изделия	335
37. Террасовидные крыши	336
38. Стекло	337
39. Заключение о силе огня	339

**УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.
(РИМСКИЕ ЦИФРЫ ОЗНАЧАЮТ КНИГУ, АРАБСКИЕ—ГЛАВУ)**

- А вгуст. IX, 39 (63); XIII, 26; XXV, 2(2); XXXIV, 2; XXXVI, 11.
 Авлида XXXV, 13 (47).
 Агршгент. XXXV, 51.
 Агриопа. VII, 56 (57).
 Агриппина. XXXIII, 3(19).
 Адриатическое море. XXXVI, 9.
 Адрия. XXXV, 46.
 Азия. IX, 60; XXXIII, 3 (19); XXXIII, 4 (21); XXXV, 46; XXXV, 49; XXXVI, 12; XXXVI, 13.
 Акамант. XXXVI, 19.
 Акрий. VII, 56 (57).
 Алесия. XXXIV, 17 (48).
 Александр Великий. VII, 56 (57); XIII, 21; XXXIV, 15.
 Александрия. XIII, 21; XXXIV, 42; XXXVI, 14.
 Альба. XXXVI, 48.
 Алькон. XXXIV, 40.
 Альпы. XXXIV, 2; XXXVI, 1 (1); XXXVI, 47.
 Аминокл. VII, 56 (57).
 Анахарсис. VII, 56 (57).
 Анаэтида. XXXIII, 24.
 Антигон. VII, 56 (57); XIII, 22.
 Антониев Рудник. XXXIV, 49.
 Антоний. XXXIV, 3.
 Антоний Кастор. XXV, 2 (2); XXV, 5.
 Анубис. XXXIII, 9 (45).
 Анунциевы каменоломни. XXXVI, 49.
 Аппелес. XXXV, 25; XXXV, 40.
 Аппенины. XXXVI, 54.
 Аполлон. VII, 56 (57).
 Араб. VII, 56 (57).
 Аравия. XXV, 5; XXXVI, 12; XXXVI, 13.
 Арахна. VII, 56 (57).
 Аргос. VII, 56 (57).
 Аргос Дипсий. VII, 56 (57).
 Аристей. VII, 56 (57).
 Аристонид. XXXIV, 40.
 Аристотель. VII, 56 (57).
 Армения. XXXIII, 27; XXXV, 28; XXXV, 52; XXXVI, 7 (10).
 Арреций. XXXV, 46; XXXV, 49.
 Арсинеум. XXXVI, 14.
 Арсиноя. XXXIV, 42.
 Артемах. VII, 56 (57).
 Артемон. VII, 56 (57).
 Асклепиад. XXV, 3.
 Астурия. XXXIII, 4 (21).
 Атаман. VII, 56 (57).
 Атлантический океан. XXXIV, 47 (46).
 Аттал. XXXV, 49.
 Афаманта. XXXIV, 40.
 Афины. VII, 56 (57); XIX, 2 (7); XXXIII, 7 (36); XXXV, 25.
 Африка. IX, 60; XXII, 2 (3); XXXV, 13; XXXV, 52; XXXVI, 48.
 Ахайя. XXXIII, 56; XXXIV, 3 (6).
 Вавилона. VII, 56 (57).
 Бакхиады. XXXV, 43.
 Балеарские о-ва. XXXV, 13.
 Бел. XXXVI, 26 (65).
 Беллерофонты VII, 56 (57).
 Бергам. XXXIV, 2.
 Бетика. XXXIII, 40; XXXIV, 49.
 Бильбилис. XXXIV, 41.
 Ближняя Испания. XIX, 2 (7); XXV, 6..
 Большой цирк. XXXVI, 14.
 Бриет. XXXV, 40.
 Британия. XXXIV, 49.
 Британский океан. VII, 56 (57).
 Брундизий. XXXIV, 17 (48).
 Бузиг. VII, 56 (57).
 Бутад XXXV, 43.
 Вавилон. XIII, 22; XXXV, 51.
 Варрон. XIII, 21; XXXV, 46; XXXV, 49.
 Венетская область. XXXVI, 48.
 Вергилий. XIII, 26; XXXV, 22.
 Веррес. XXXIV, 3.
 Веррий. XXXIII, 3 (19); XXXIII, 7 (36).
 Верцелл. XXXIII, 4 (21).
 Веспасиан. XXXVI, 11.
 Виктумул. XXXIII, 4 (21).
 Витразий Поллион. XXXVI, 11.
 Вольсиния. XXXVI, 18 (29).
 Вольсинское озеро. XXXVI, 49.
 Гай. XXXIII, 22.
 Гай Вальгий. XXV, 2 (2).
 Гай Гракх. XIII, 26.
 Гай Прокулей. XXXVI, 59.
 Гай Цезарь. XXXVI, 14.
 Галатия. XXII, 2 (3).
 Галикарнас. XXXV, 49; XXXVI, 6.
 Галлеция. XXXIII, 4 (21); XXXIII, 23; XXXIV, 47 (46).
 Галлия. XXXIII, 56; XXXIV, 2; XXXIV, 17 (48); XXXIV, 20; XXXIV, 49; XXXVI, 66.
 Ганг. XXXIII, 4 (21).
 Гаста. XXXV, 46.
 Гебр. XXXIII, 4 (21).

- Гегания. XXXIV, 3 (6).
 Гегесий. VII, 56 (57).
 Гелиополь. XXXVI, 67.
 Геллеспонт. VII, 56 (57).
 Геллий. VII, 56 (57).
 Геракл. XXXV, 49.
 Геркулес. XXXIV, 40.
 Германия. XXXIV, 1 (1); XXXIV, 2.
 Герофил. XXV, 5.
 Гесиод. VII, 56 (57); XXV, 5.
 Гиметт XXXV, 49.
 Гепербий. VII, 56 (57).
 Гипп VII, 56 (57).
 Гомер. XXV, 5; XXXIII, 23; XXXIII, 38.
 Город Солнца. XXXVI, 14.
 Греция. VII, 56 (57); XXXV, 17 (57); XXXV, 49; XXXVI, 55.
 Далмация. XXXIII, 4 (21).
 Дальняя Испания. XXXV, 49.
 Дамарат XXXV, 43.
 Дамаск. XXXVI, 12.
 Дамаст. VII, 56 (57).
 Данай. VII, 56 (57).
 Дедал. VII, 56 (57).
 Дела. VII, 56 (57).
 Делос. XXXIV, 3.
 Деметрий. XXXIII, 13 (57); VII, 56 (57).
 Демокрит. XXV, 5.
 Дион. XXXV, 43.
 Диониссий Кассий. XXV, 4.
 Диосполис. VII, 56 (57).
 Европа. IX, 60.
 Ефрат. XIII, 22; XXXIV, 15.
 Египет. VII, 56 (57); XIII 21; XIII, 22; XXV, 5; XXXIII, 46; XXXV, 13; XXXV, 42; XXXV, 52; XXXVI, 11; XXXVI, 14; XXXVI, 67.
 Елена. XXXIII, 23.
 Евмен. XIII, 21.
 Зевгма. XXXIV, 15.
 Зевс. XXXV, 49.
 Икар. VII, 56 (57).
 Илион. XXXVI, 14.
 Илья. XXXIV, 41.
 Индия. XXXIII, 2; XXXIII, 4 (21); XXXIV, 17 (48); XXXV, 27; XXXVI, 9; XXXVI, 12; XXXVI, 67.
 Испания. XIX, 2 (7); XXXIII, 3 (19); XXXIII, 4 (21); XXXIII 6 (31); XXXIII, 7 (36); XXXIII, 27; XXXIII, 32; XXXIII, 40; XXXIV, 41; XXXIV, 49; XXXV, 28; XXXV, 46; XXXV, 52; XXXVI 47; XXXVI, 66; XXXVI, 67.
 Италия. XXV, 2 (2); XXXIII, 4 (21); XXXIV, 1 (1); XXXIV, 2; XXXIV, 20; XXXIV, 41; XXXV, 15(50); XXXV, 46; XXXVI, 30; XXXVI, 47; XXXVI, 66; XXXVI, 67.
 Иудея. XXXV, 51.
 Кадм. VII, 56 (57).
 Каллета. XXXVI, 49.
 Каллий. XXXIII, 7 (36).
 Калликсен. XXXVI, 14.
 Каллист. XXXVI, 12.
 Камбиз. XXXVI, 14.
 Камилл. XXXIII, 7 (36).
 Кампания. XXXIV, 2.
 Кандабия. XXXVI, 26 (65).
 Кантабрия. XXXIV, 42; XXXIV, 43.
 Канузий. XXXV, 26.
 Капитолий. XXXIV, 5.
 Каппадокия. XXXIV, 41; XXXV, 13; XXXVI, 12.
 Капуя. XXXV, 15 (50).
 Кария. XXXVI, 6.
 Кармания. XXXIII, 40; XXXVI, 12.
 Кармел. XXXVI, 26 (65).
 Карфаген. XXXVI, 48.
 Карфаген Новый. XIX, 2 (7); XIX, 8.
 Кассандрия. XXXV, 13 (47).
 Катон. XXV, 2 (2); XXXVI, 53.
 Кекропия. VII, 56 (57).
 Кекропс. VII, 56 (57).
 Кизик. XXXV, 13 (47).
 Кильбианские поля. XXXIII, 7 (36).
 Кипр. VII, 56 (57); XXXIII, 27; XXXIV, 1 (1); XXXIV, 2; XXXIV, 37; XXXV, 18; XXXV, 52; XXXVI, 7(10); XXXVI 19.
 Кирена. XXXV, 18.
 Клавдий. XXXIII, 3 (19).
 Клавдий Цезарь. XIII, 24; XXXVI, 11.
 Клезипп. XXXIV, 3 (6).
 Клодий. XXXIV, 14 (39).
 Клостер. VII, 56 (57).
 Книд. XXXV, 13 (47).
 Ком. XXXIV, 41.
 Короб. VII, 56 (57).
 Коринф. XXXIV, 3; XXXIV, 3 (6); XXXV, 43.
 Корнелий Бальб. XXXVI, 12.
 Корнелий Непот. IX, 39 (63); XXXVI, 12.
 Красное море. VII, 56 (57); XXXV, 22.
 Кратева. XXV, 4.
 Кратер. XXXV, 13 (47).
 Крез. XXXV, 49.
 Крит. VII, 56 (57); XXXV, 18.
 Ксанф. XXV, 5.
 Ксенагор. VII, 56 (57).
 Ксенократ. XXXVI, 67.
 Ктесий. VII, 56 (57).
 Кумы. XXXVI, 66.
 Лакедемон. XXXV, 49.
 Лакония. IX, 60.
 Лацетания. XXV, 6.
 Леарх. XXXIV, 40.
 Левкогея. XXXV, 15 (50).
 Лемнос. XXXV, 13.
 Лентул Спинтр IX, 39 (63); XXXVI, 12.
 Леоннат. XXXV, 13 (47).
 Лизипп. XXXV, 44.
 Ликаон. VII, 56 (57).

- Линд. XXXIII, 23.
 Липарх. XXXV, 52.
 Литерн. XXXVI, 66.
 Лонт. XXXV, 52.
 Лузитания. IX, 41; XXXIII, 4 (21); XXXIV, 47(46).
 Мавзол. XXXV, 49; XXXVI, 6.
 Македония. XXXV, 52.
 Максилва. XXXVI, 49.
 Максим. XXXVI, 14.
 Марс. VII, 56 (57).
 Марс Мститель. XXXIV, 40.
 Марсово поле XXXVI, 14.
 Марсы. XXV, 5.
 Мегара VII, 56 (57).
 Мевания. XXXV, 49.
 Медея. XXV, 5.
 Мелеагр. XXXV, 13 (47).
 Мелос. XXXV, 52.
 Мемнон. XXXVI, 11.
 Менелай. XXXIII, 23.
 Менинг. IX, 60.
 Месфер. XXXVI, 14.
 Метродор. XXV, 4.
 Мидакрит. VII, 56 (57).
 Мидия. VII, 56 (57).
 Микон. XXXIII, 56; XXXV, 25.
 Минерва. XXXIII, 23; XXXVI, 55.
 Минос. VII, 56 (57).
 Мирон. XXXIV, 5.
 Митридат. XXV, 3.
 Мневис. XXXVI, 14.
 Мнесилай. XXXV, 39.
 Мнеситон. VII, 56 (57).
 Муммий. XXXIV, 3 (6); XXXV, 43.
 Мурена. XXXV, 49.
 Мусей. XXV, 5.
 Мутина. XXXV, 46.
 Неаполь. XXXV, 15 (50).
 Нектабис. XXXVI, 14.
 Нерон. XXXIII, 4 (21); XXXIII, 13 (57); XXXIII, 27; XXXVI, 66.
 Никанор. XXXV, 39.
 Никий. VII, 56 (57); XXXV, 20.
 Никомач. XXXV, 21.
 Нил. VII, 56 (57); XIII, 12 (23); XIII, 21; XIII, 22; XXXVI, 11; XXXVI, 14.
 Нимфей. XXXV, 43.
 Новый Карфаген. XIX, 2 (7); XIX, 8.
 Норик. XXXIV, 41.
 Нума. XXXIV, 1 (1); XXXV, 46.
 Обсий. XXXVI, 67.
 Океан. VII, 56 (57).
 Ороп. XXXV, 13 (47).
 Орфей. XXV, 5.
 Остия. XXXVI, 14.
 Павсий. XXXV, 40.
 Пазитель. XXXIII, 9 (45).
 Пактол. XXXIII, 4 (21).
 Паламед. VII, 56 (57).
 Памфил. XXXV, 39.
 Пангея. VII, 56 (57).
 Панен. XXXVI, 55.
 Парал. VII, 56 (57).
 Парос. XXXVI, 12.
 Патробий. XXXV, 13 (47).
 Пелион. VII, 56 (57).
 Пергам. XIII, 21; XXXV, 46.
 Перикл. VII, 56 (57).
 Пентесилея. VII, 56 (57).
 Перребия. XXXVI, 59.
 Перс. VII, 56 (57).
 Персей. VII, 56 (57).
 Персия. XXV, 5.
 Пизей. VII, 56 (57).
 Пирей. XXXV, 20.
 Пирод. VII, 56 (57).
 Питана. XXXVI, 49.
 Пифагор. XXV, 5; XXXVI, 14.
 По. XXXIII, 4 (21); XXXVI, 54.
 Полигнот. XXXIII, 56; XXXV, 25; XXXV, 39.
 Поликлет. XXXIV, 5.
 Полленция. XXXV, 46.
 Помпей Великий. XXXIII, 9 (45); XXXIV, 14 (39); XXXV, 2 (2).
 Помпей Линей. XXV, 3.
 Помпоний Секунд. XIII, 26.
 Порсена. XXXIV, 14 (39).
 Праксибул. XXXIII, 7 (36).
 Пракситель. XXXV, 39.
 Прет. VII, 56 (57).
 Пристил. XXXV, 39.
 Прометей. VII, 56 (57).
 Псметнепсерфрей. XXXVI, 14.
 Птолемаида. XXXVI, 26 (65).
 Птолемей. XIII, 21; XXXIV, 42.
 Птолемей Сотер. VII, 56 (57).
 Птолемей Филадельф. VII, 56 (57); XXXVI, 14.
 Птолемей Филопатор. VII, 56 (57).
 Путоланские холмы. XXXV, 13 (47).
 Путолы. XXXVI, 14.
 Рамзесис (Рамзес). XXXVI, 14.
 Рек. XXXV, 43.
 Рим. IX, 39 (63); XIII, 12 (23); XXX, 2 (2); XXXIII, 13 (57); XXXIII, 40; XXXIII, 56; XXXIV, 1 (1); XXXIV, 5; XXXIV, 40; XXXV, 18; XXXV, 20; XXXV, 49; XXXVI, 6; XXXVI, 11; XXXVI, 14; XXXVI, 48; XXXVI, 51; XXXVI, 55.
 Родос. XXXIV, 40.
 Ромул. IX, 39 (63).
 Сагунт. XXXV, 46.
 Салеарский рудник. XXXIV, 49.
 Самитский ном. XIII, 21.
 Самниум. XXXVI, 67.
 Самос. VII, 56 (57); XXXV, 19.
 Сардиния. XXXV, 17(57); XXXV, 52.
 Сарды. VII, 56 (57); XXXIII, 56; XXXV, 49.
 Сатир. XXXVI, 14.
 Сатурн. VII, 56 (57).
 Себеннитский ном. XIII, 21.
 Сей. XXXVI, 67.
 Семирамида. VII, 56 (57).
 Сеплазия. XXXIII, 13 (57).
 Серапис. XXXVI, 11.
 Сесотид. XXXVI, 14.

- Сесоф. XXXVI, 14. —
 Сидон. XXXV, 51; XXXVI, 66.
 Сиена. XXXVI, 13.
 Сизапонская область. XXXIII, 40.
 Сикион. VII, 56 (57).
 Силен. VII, 56 (57).
 Синон. VII, 56 (57).
 Сирия. XIII, 22; XXXIII, 22; XXXV, 51; XXXVI, 12; XXXVI, 26(65); XXXVI, 59.
 Сицилия. XXXV, 15 (50).
 Скира. XXXIII, 56.
 Скиф. VII, 56 (57).
 Скотный рынок. XXXIV, 5.
 Смирна. XXXIII, 9 (45); XXXV, 19.
 Сол. VII, 56 (57).
 Статония. XXXVI, 49.
 Стафил. VII, 56 (57).
 Стронгил. XXXV, 52.
 Судин. XXXVI, 12.
 Сильмон. XXXIV, 41.
 Суррент. XXXV, 46.

 Тайгет. XXXVI, 47.
 Тарент. XXXIV, 3 (6).
 Тарквиний. XXXV, 43; XXXVI, 49.
 Тарквиний Древний. XXXIII, 3 (19).
 Тасконий. XXXIII, 4 (21).
 Тахо. XXXIII, 4 (21).
 Тезей. VII, 56 (57).
 Теодот. XXXV, 19.
 Теофраст. VII, 56 (57); XXXIII, 7 (36); XXXIII, 43.
 Тиберий. XXXVI, 11; XXXVI, 66.
 Тиберий Гранх. XIII, 26.
 Тибр. XXXVI, 14.
 Тилон. XXV, 5.
 Тимаген. XXXIII, 40.
 Тимохар. XXXIV, 42.
 Тимфея. XXXVI, 59.
 Тир. IX, 60.
 Тиринф. VII, 56 (57).
 Тиррен. VII, 56 (57).
 Тихий. VII, 56 (57).
 Тмола. XXXIII, 43.
 Токсий. VII, 56 (57).
 Топаз. XXXV, 22.
 Траллы. XXXV, 46; XXXV, 49.
 Трансальпийская Галлия. XXII, 2 (3).
 Транспаданская Италия. XIX, 3.
 Триптолем. VII, 56 (57).
 Трифис. VII, 56 (57).
 Трифон. VII, 56 (57).
 Троя. VII, 56 (57).
 Тулл Гостилий. IX, 39 (63).
 Туриассон. XXXIV, 41.

 Умбрия. XXXVI, 48.

 Фанний. XIII, 12 (23).
 Фара. XIII, 21.
 Феникс. XXXVI, 14.
 Феодор. VII, 56 (57); XXXV, 43.
 Феон. XXXIV, 3 (6).
 Феспии. XXXV, 40.
 Фиваида. XXXVI, 13.
 Фивы. VII, 56 (57); XXXVI, 11; XXXVI, 12.
 Фидены. XXXVI, 48.
 Фидий. XXXVI, 55.
 Фидон. VII, 56 (57).
 Фий. XXXVI, 14.
 Филира. VII, 56 (57).
 Филостефан. VII, 56 (57).
 Финикия. VII, 56 (57); XXXVI, 26 (65).
 Фламиний (Г). XXXV, 17 (57).
 Фоант. VII, 56 (57).
 Фороней. VII, 56 (57).
 Фортуна. XXXIII, 3 (19).
 Фракия. XXXIII, 4 (21).
 Фрасон. VII, 56 (57).
 Фукидид. VII, 56 (57).
 Фурии. XXXVI, 59.
 Хирон. VII, 56 (57).
 Храм Мира. XXXVI, 11.

 Цезарь. XXXVI, 14.
 Цирцея. XXV, 5.
 Цицерон. IX, 39 (63); XIII, 26.
 Цицерон (М). XXXIV, 3.

 Эак. VII, 56 (57).
 Эвмолп. VII, 56 (57).
 Эвпалам. VII, 56 (57).
 Эвриал. VII, 56 (57).
 Эвхир. XXXV, 43.
 Эгеон. VII, 56 (57).
 Эгина. XXXIV, 3 (6); XXXIV, 5; XXXV, 39.
 Эласипп. XXXV, 39.
 Элида. XXXVI, 55.
 Эмарра. XXXVI, 14.
 Эмиллий (Л). XXXV, 17 (57).
 Эмирита. IX, 41.
 Энграмм. XXXV, 43.
 Эпид. VII, 56 (57).
 Эретрея. XXXV, 21.
 Эриффра. VII, 56 (57).
 Эрифры. XXXV, 46.
 Эрихтоний. VII, 56 (57).
 Эскулап. XXV, 5.
 Эсхил. XXV, 5.
 Этол. VII, 56 (57).
 Эфес. XXXIII, 7 (36).
 Эфиопия. XXV, 5; XXXIII, 2 (36); XXXIII, 40; XXXVI, 9; XXXVI, 11; XXXVI, 67.

 Юба. XXV, 5; XXXIII, 40.
 Юпитер. VII, 56 (57); XXXIII, 2 (36); XXXIV, 5.
 Язон. VII, 56 (57).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В № 3 (1/7) «ВДИ»

- АЕр* — Année épigraphique
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
AJSLL — American Journal of the Semitic Language and Literature
AM — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts
 Athenische Abteilung (Athenische Mitteilungen).
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research.
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BZ — Byzantinische Zeitschrift
САН — Cambridge Ancient History
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
CJ — Classical Journal
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
GGM — Geographi graeci minores, ed. Müller
ID — Inscriptions de Délos
IG — Inscriptiones Graecae
ILS — Dessau, Inscriptiones Latinae Selectae
IOSPE — B. Latyshev, Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JAOS — Journal of the American Oriental Society
JDAI — Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JOAI — Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts
JRS — Journal of Roman Studies
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАК — Известия археологической комиссии
ИКОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОРЯСАН — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАЙМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
RA — Revue Archéologique
RE — Pauly—Wissowa—Kroll, Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaften
SBWA — Sitzungsberichte der Wiener Akademie
SC — B. Latyshev, Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, тт. I, II
SEHWW — M. Rostovtzeff, Social and Economic History of the Hellenistic World
SIG — Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum
СА — Советская археология
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских
ZDMG — Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZSST — Zeitschrift der Savigny-Stiftung.

СОДЕРЖАНИЕ

О некоторых проблемах истории античности	3
Чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман—Древнеперсидский календарь	15
Проф. И. М. Лурье.—К истории древнеегипетского законодательства вре- мени Нового царства	27
Проф. С. И. Ковалев. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция	46
М. И. Гендерсон—Юлий Цезарь и латинское право в Испании	57
М. Е. Сергеевко—Сазерна и его фрагменты	70
Проф. М. Н. Тихомиров—Именник болгарских князей	81

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Материалы и исследования по археологии СССР» № 1, 2, 4, 5	91
А. В. Збруева—№ 1 «Древности Урала и Прикамья»	91
М. Е. Фосс—№ 2—П. П. Ефименко, «Палеолит и неолит»	94
И. Б. Зеест—№ 4—Акад. С. А. Жебелев и В. Ф. Гайдукевич, «Археоло- гические памятники Боспора»	98
С. А. Тараканова—№ 5—П. Н. Третьяков, «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.»	101
Н. В. Трубникова—Труды Гос. ист. музея, вып. XVI	105
А. А. Сиверс—Труды нумизматического отдела Эрмитажа, том I	108
<u>Проф. С. И. Протасова</u> —А. Г. Бокшанин, «Атлас по древней истории»	110
М. Е. Сергеевко—И. М. Гревс, «Тацит»	115
А. Рансвич и А. В. Мишулин—Кечекьян, Перетерский, «Всеобщая история государства и права», ч. I, II	117
Проф. И. М. Лурье—J. Vandier, La famine dans l'Egypte ancienne, Le Caire 1940	126
Он же—A. Gardiner, Ramesside administrative documents, L. 1940	127
Н. М. Постовская—H. E. Winlock, Excavations at Deir-el-Bahri, N. Y. 1942	129
Н. Н. Залесский—Делосские надписи	133
Ф. А. Петровский—«Остров» Теос	141
Л. А. Ельницкий—Обзор иностранных журналов	143
Список иностранных книг по древней истории, полученных библиотека- ми г. Москвы в 1944—45 гг.	153

ХРОНИКА

Н. В. Пятыхева — Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья	175
А. В. Збруева—Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья	182
Ю. С. Кружкел—Легенды родосских амфор	190
Т. В. Бороздина—К истории западнопонтийских городов в 80—40 гг. I в. до н. э.	197
В. И. Мошинская—О государстве сандов	203
Л. А. Ельницкий—Результаты американских раскопок Трои	209
С. П. Капошина — Пленум ЛОИИМК, посвященный Северному Причерноморью	220
И. Т. Круликова—Пленум МОИИМК памяти Б. Я. Фармаковского	233
Е. И. Крупнов—Памяти В. А. Городцова	236
<u>Профессор Софья Ивановна Протасова</u>	239

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. С. Шофман—Древняя Македония в археологических работах	240
П. Н. Тарков—О взглядах М. Олло на международные отношения в Среди- земноморье на рубеже III и II вв. до н. э.	252
Е. М. Штаерман—Этнический и социальный состав римского войска на Дунае	256

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы техники в «Naturalis Historia» Плиния Старшего	269
--	-----

SOMMAIRE

Quelques problèmes de l'histoire de l'antiquité	3
<i>A. A. Freiman</i> , membre corresp. de l'Académie des Sciences, Le Calendrier persan ancien	15
<i>J. M. Lurié</i> , Histoire de la législation en Egypte ancienne de l'époque du Nouvel Empire	27
<i>S. J. Kovalev</i> , Prof., Négociations entre Darius et Alexandre et l'opposition macédonienne	46
<i>M. J. Henderson</i> , Jules César et le droit latin en Espagne	57
<i>M. E. Sergueyenko</i> , Saserna et ses fragments	70
<i>M. N. Tichomirov</i> , Prof., La liste nominative des princes bulgars	81

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

«Matériaux et Recherches d'Archéologie de l'URSS», № 1, 2, 4, 5.	91
<i>A. V. Sbrouyeva</i> , N 1: Les Antiquités de Kama et de l'Oural	91
<i>M. E. Foss</i> , N 2: Le paléolithique et le néolithique	94
<i>J. B. Séest</i> , N 4: Monuments archéologiques du Bospore Cimmérien et de Chersonèse Taurique	98
<i>S. A. Tarakanova</i> , N 5: P. N. Tretyakov, Sur l'histoire des tribus de la haute Volga dans le I millénaire de notre ère	101
<i>N. V. Troubnikova</i> , Travaux du Musée Historique de Moscou, vol. XVI	105
<i>A. A. Sivers</i> , Travaux du département numismatique du Musée de l'Ermitage	108
<i>S. J. Prtasseva</i> , Prof. A. G. Bokchanine, Atlas de l'histoire ancienne	110
<i>M. E. Sergueyenko</i> , J. M. Greaves, «Tacite»	115
<i>A. Ranovitch</i> et <i>A. V. Michouline</i> , Ketchekian et Pérétersky, «Histoire générale de l'état et du droit. Le Monde ancien»	117
<i>J. M. Lurié</i> Prof., J. Vandier, «La famine dans l'Égypte ancienne», le Caire 1940	126
<i>Du même auteur</i> , A. Gardiner, «Ramesside administrative documents», L. 1940	127
<i>N. M. Postovskaya</i> , H. E. Winlock, «Excavations at Deir-el-Bahri», N.Y., 1942	129
<i>N. N. Salessky</i> , Inscriptions de Délos	133
<i>Th. A. Petrovsky</i> , «L'île» de Téos	141
<i>L. A. Jelnitzky</i> , Revue des périodiques étrangers	143
Liste de livres étrangers sur l'histoire ancienne reçus par les bibliothèques de Moscou en 1941—46	145

CHRONIQUE

<i>N. V. Piatycheva</i> , Influence antique sur la sculpture rituelle à la rive septentrionale de la mer Noire	175
<i>A. V. Sbrouyeva</i> , Liaisons culturelles anciennes entre l'Asie centrale et le pays d' Oural	182
<i>J. S. Krouchkol</i> , Légendes de timbres amphoriques de Rhôde	190
<i>T. V. Borosdina</i> , Sur l'histoire des villes du Pont occidental en 80—40 avant notre ère	197
<i>V. J. Mcchinskaya</i> , Sur l'état de Sindes	203
<i>L. A. Jelnitzky</i> , Résultats des fouilles américaines à Troie	209
<i>S. P. Kapetchina</i> , Congrès de la section d'Institution de l'histoire de la Culture matérielle à Léninegrad, consacré à l'histoire ancienne de la rive septentrionale de la mer Noire	220
<i>I. T. Krouglikova</i> , Séssion de l'Institut d'Histoire de la Culture matérielle à Moscou, consacré à la cinquantenaire des fouilles opérées par B. V. Pharmakovsky	233
<i>E. I. Kroupnov</i> , À la mémoire de V. A. Gorodov	236
<i>Prof. S. J. Prtassova</i>	239

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

<i>A. S. Schofman</i> , Macédoine ancienne dans les ouvrages archéologiques	240
<i>P. N. Tarkov</i> , Points de vue de M. Holleaux sur les relations internationales en Méditerranée au seuil du II-ème siècle av. n. ère	252
<i>H. M. Stayerman</i> , La composition ethnique et sociale de l'armée Danubienne romaine	256

SUPPLÉMENT

Questions de la technique dans la «Naturalis Historia» de Pline	369
---	-----

Подписано в печать 16.XI.46 г.
А11219. Заказ № 906. Печатных
лист. 21³/₄. Уч.-издат. листов 32,5
Тираж 10 000. Цена 30 руб.

16-я типография треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете Ми-
нистров СССР.

Москва, Трехпрудный, 9.

Редакционная коллегия:

{ Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (отв. редактор)
Акад. *В. И. Пичета*
Проф. *А. Б. Ранович* (зам. отв. редактора)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР.
Телефон К-3-75-69.

Цена 30 руб.